

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2014 году

Выпуск

6

Минск
«Беларуская навука»
2019

В шестой выпуск сборника научных трудов включены работы, которые охватили основные разделы современной философской науки – социальную динамику, философию истории, философско-методологические проблемы науки и техники, историю философии. В философско-теоретическом осмыслении представлены социальность и социогуманитарные технологии, сепаративные процессы, автотрофная цивилизация, глобальный эволюционизм, цифровые протоконструкты, нравственность, правовые ценности и др.

Сборник научных трудов «Философские исследования» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки (Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 156 от 19.06.2015 г.).

Рекомендовано:

Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
протокол № 7 от 14 мая 2019 г.

Редакционная коллегия:

Т. И. Адуло (главный редактор), доктор философских наук, профессор;
А. Ю. Дудчик (зам. главного редактора), кандидат философских наук, доцент;
А. О. Карасевич (ответственный секретарь), магистр психологических наук;
П. Ганчев, доктор философских наук, профессор (Болгария);
Л. Ф. Евменов, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук;
А. Л. Куши, кандидат философских наук, доцент;
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент;
В. К. Лукашевич, доктор философских наук, профессор;
В. А. Максимович, доктор филологических наук, профессор;
О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор (Украина);
С. И. Санько, кандидат философских наук;
Э. М. Сороко, доктор философских наук, доцент;
А. И. Субетто, доктор философских наук, профессор (Россия);
Д. И. Широканов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук

Рецензенты:

С. П. Винокурова, доктор философских наук, профессор;
А. И. Осипов, доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Бабосов Е. М., Спасков А. Н. Антропный принцип в контексте глобального эволюционизма	7
Лазаревич А. А. Информационная безопасность как проблема национальной безопасности	21
Карасевич А. О. Моделирование теорий социальной коммуникации	33
Ермаков Е. С. Философско-методологический инструментальный анализа и моделирования сепаративных процессов.	45
Сивицкий А. В. Сетевая теория международных отношений 3. Маоза: методологические предпосылки и основные положения	58
Белокрылова В. А. Социогуманитарные технологии и тенденции системной коммодификации человеческого капитала	69

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Адуло Т. И. Трансформация социальности в Западной Европе в эпоху Нового времени и ее философская рефлексия	78
Игнатов В. К. Зарождение идей западнорусизма в белорусской культуре XVII–XIX вв. . .	95
Мацевич-Духан И. Я. Концепция «великого сообщества» в философии начала XX века	107
Петровский П. С. Мировоззренческие и философские основания современной евразийской интеграции	119
Карако П. С. Автотрофная цивилизация: реальность или форма социального мифотворчества?	134

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Лукашевич В. К., Зубко М. В., Киселев И. Е. Когнитивные механизмы праксеологизации научного знания в социогуманитарных технологиях	152
Кикель П. В., Сороко Э. М. Узловая линия мер, становление качества сложных систем и особенности управления этим процессом	169
Куиш А. Л. Связи теорий механики в контексте принципа соответствия.	181
Колесников А. В. Цифровые протоконструкты в познании природы хаоса и темпорологической эмерджентности	198
Прись И. Е. Пространство и время в контексте физической теории.	213
Павлюкевич В. И. Эпистемологическая ценность логического знания в трансконцептуальном измерении	226

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Старжинский В. П., Мушинский Н. И. Можно ли преодолеть техногенный и цивилизационный кризис: истоки когнитивно-лингвистического оптимизма.	238
Пунченко О. П., Пунченко Н. О. Уникальность как базовое измерение образовательной парадигмы информационной цивилизации	250

Павловская О. А. Нравственность как сфера человеческой духовности: философско-методологический синтез.	260
Щукин А. В. Формирование правовых ценностей в современной Беларуси.	276
Максимович В. А. Экзистенциальный модус раннего творчества Кузьмы Чорного.	288

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Санько С. І. Гісторыя канцэптуалізацыі ўяўленняў пра паходжанне свету ў сачыненнях старажытнагрэчаскіх філосафаў. І. <i>КОСМОПОІА</i>	306
Chandrakunnel M. The science and philosophy of holism.	318
Павловец А. Д. Антропологические измерения ценностных универсалий и образов культуры в философии Освальда Шпенглера.	336
Хомченко А. А. Семиотика цвета в работах М. Пастуро.	344

РАБОТЫ ДИПЛОМАНТОВ КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И АСПИРАНТОВ, ПРИУРОЧЕННОГО К 90-ЛЕТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

Кудако А. А. Методологический анализ математизации химии.	357
Колядко И. Н. Кризис идентичности в условиях культурно-цивилизационной дивергенции.	371
Скиба И. Р. Переосмысление сущности человека в контексте «цифровой психики» и разумных машин.	381

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Адуло Т. И. Утверждая академическую философию (К 90-летию академика Д. И. Широканова).	390
Куиш А. Л., Никонович Н. А. Философия и эстетика как пути постижения бытия (К 80-летию В. А. Салеева).	394
Сведения об авторах	398
Информация для авторов	400

CONTENTS

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SOCIAL DYNAMICS

Babosov E., Spaskov A. Anthropic principle in the context of global evolutionism	7
Lazarevich A. Information security as a problem of national security	21
Karasevich A. Modeling social communication theories	33
Ermakov E. Philosophical and methodological tools of the analysis and modeling of separative processes	45
Sivitski A. Network theory of international relations of Z. Maoz: methodological background and basic provisions.	58
Belokrylova V. Social-humanitarian technologies and trends of systemic commodification of human capital	69

PHILOSOPHY OF HISTORY

Adoulo T. Transformation of sociality in Western Europe in the era of the New Age and its philosophical reflection	78
Ignatov V. The origin of the ideas of zapadnorusizm in the culture of Belarus of the 17 th –19 th centuries	95
Matsevich-Dukhan I. The “great community” conception in early twentieth-century philosophy	107
Piatrouski P. Worldview and philosophical foundations of modern Eurasian integration	119
Karako P. Autotrophic civilization: reality or a form of social myth?	134

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Lukashevich V., Zubko M., Kiselev I. Cognitive mechanisms of praxeologization of scientific knowledge in social-humanitarian technologies	152
Kikel P., Soroko E. Node line of measures, formation of quality of complex systems and features of management of this process	169
Kuish A. Relations between theories of mechanics in the context of the correspondence principle	181
Kolesnikov A. Digital protoconstructs in cognition of the nature of chaos and temporological emergence	198
Pris I. Space and time in the context of physical theory	213
Pavlyukevich V. Epistemological value of logical knowledge in the transconceptual dimension	226

PHILOSOPHY OF CULTURE AND EDUCATION

Starzhinskij V., Mushinskij N. Is it possible to overcome the technogenic and civilizational crisis: the origins of cognitive-linguistic optimism	238
Punchenko O., Punchenko N. Uniqueness as a basic dimension of the educational paradigm of information civilization	250
Pavlovskaya O. Morality as a sphere of the human spirituality: philosophical and methodological synthesis.	260
Shchukin A. Formation of legal values in modern Belarus	276
Maximovich V. Existential modus of early works by Kuzma Chorny	288

HISTORICAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH

Sanko S. The history of conceptualization of ideas about the origin of the world in the works of the ancient Greek philosophers. I. <i>ΚΟΣΜΟΓΟΝΙΑ</i>	306
Chandrakunnel M. The science and philosophy of holism	318
Pavlovets A. Anthropological dimensions of value universals and images of culture in Oswald Spengler's philosophy	336
Homchenko A. Semiotics of color in M. Pasturo's works.	344

WORKS OF THE WINNERS OF THE COMPETITION OF YOUNG SCIENTISTS AND POSTGRADUATES TIMED TO THE 90th ANNIVERSARY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

Kudaka A. Methodological analysis of chemistry mathematization	357
Kolyadko I. Identity crisis in conditions of cultural and civilizational divergence	371
Skiba I. Rethinking the essence of human in the context of the “digital psyche” and intelligent machines	381

SCIENTIFIC LIFE

Adoulo T. Claiming academic philosophy (To the 90 th Anniversary of the Academician D. Shirokanov).	390
Kuish A., Nikonovich N. Philosophy and aesthetics as a way of comprehending of being (To the 80 th Anniversary of V. Saleyev)	394
Information about the authors.	398
Information for authors	400

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 115+530.1:115

Поступила в редакцию 27.02.2019
Received 27.02.2019

Е. М. Бабосов¹, А. Н. Спаськов²

¹Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

В работе проанализированы сущность и особенности антропного космологического принципа в двух версиях (сильный и слабый) в контексте его эволюционной интерпретации. Раскрыта неразрывная взаимосвязь теории Большого взрыва и модели нелинейного времени. Сформулированы основные гипотезы современной трактовки темпоральных параметров коэволюционного развития Вселенной и человека.

Ключевые слова: антропный принцип, космологическое время, коэволюция, субстанция, информация, психофизическое единство, квантовая природа сознания

E. Babosov¹, A. Spaskov²

¹Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ANTHROPIC PRINCIPLE IN THE CONTEXT OF GLOBAL EVOLUTIONISM

The essence and features of the anthropic cosmological principle in its two versions (strong and weak) are analyzed in the context of its evolutionary interpretation. Inseparable relationship between the Big Bang theory and the non-linear time model is revealed. The main hypotheses of modern interpretation of temporal parameters of co-evolutionary development of the Universe and Human are formulated.

Keywords: anthropic principle, cosmological time, co-evolution, substance, information, psychophysical unity, quantum nature of consciousness

Введение

По нынешним естественнонаучным представлениям наша Вселенная образовалась около 14,5 миллиардов лет назад из первичной сингулярности в качестве абсолютного источника всего сущего. Собственно тогда и началось само время, которое, согласно Платону, было создано вместе с миром как «подвиж-

ный образ вечности». Современное христианское богословие эту точку зрения поддерживает, но стремится согласовать ее с «Книгой всех книг» Библией.

Всё творение, согласно книге Бытия, заняло у Бога шесть дней и закончилось человеком как венцом всего Универсума. Это библейское представление, данное в Откровении, получило многостороннее, по существу новаторское истолкование в эволюционной антропокосмической доктрине П. Тейяра де Шардена [6].

Согласно Тейяру, принцип эволюционного развития мира, корнящийся в свойствах материальной действительности, присущ всем явлениям и процессам, включая постоянно усложняющиеся структуры и формы живого, вершиной развития которых является возникновение человека. В ходе эволюционного развития Универсума ученый выделяет три главных этапа: неживое, живое и человеческий мир. Последняя и высшая ступень этой эволюционной линии, а вернее сказать, спирали усложняющегося развития связана прочнейшими нитями с предшествующими ступенями, неотрывна от них и не может быть правильно понята вне учета их развития и влияния на нее. Даже высший и наиболее специфический для человека признак, выделяющий его из остального мира живых существ, – сознание, считает П. Тейяр де Шарден, возникло в рамках естественного эволюционного развития и является его естественным продуктом.

Эволюционная интерпретация антропного принципа

Этот всеохватывающий принцип эволюционизма и составляет основной методологический стержень тейяровского миропонимания. Отбрасывая всякий отход от последовательного и неуклонного проведения принципа эволюционизма как противоречащий естественнонаучному рассмотрению явлений живой природы, включая и человека в качестве венца ее развития, Тейяр полагал, что эволюционное понимание явлений человеческой жизни является синонимом ее научного понимания. Ученый утверждал, что «основным стремлением его научных исканий было найти и аргументированно обосновать “феноменологическое” описание человека как явления в таком объеме, в каком мы имеем право рассуждать научным образом о человеческом существе на основании земных наблюдений в связи с развитием иных живых существ и как наивысшей – по крайней мере до сих пор – фазы их эволюции» [12, с. 9].

Основываясь на эволюционном понимании развития Универсума как космогенеза, феноменология Тейяра в итоге изображает этот космогенез через ноогенез, через развитие мысли, духа, лежащего в основе всякого движения действительности к более совершенному состоянию. Последнее же представляется в его концепции мира как некий изначально предустановленный план, к реализации которого и направлено развитие Универсума. Таким образом, саморазвивающийся, самоэволюционирующий Универсум приобретает внешнюю по отношению к нему конечную цель. В качестве этой конечной цели выступает вершина эволюции ноогенеза – точка Омега. Она, одновременно имма-

нентная эволюции и трансцендентная ей, изображается Тейяром как центр всего космогенеза.

Сохраняя верность идее панпсихизма на всех уровнях рассмотрения возрастающей сложности эволюционирующей материи, ученый утверждает, что с самого начала в земной материи была замкнута некоторая масса элементарного сознания.

Здесь-то как раз тейярдистская феноменология природы сопрягается с антропным космологическим принципом и утверждает, что наряду с обычной, свойственной человеку духовной энергией должна существовать надчеловеческая, а стало быть, и надмировая особая духовная энергия, которая заставляет развиваться Универсум «по своей главной оси в менее вероятном направлении всё более высоких форм сложности и внутренней сосредоточенности» [10, с. 66]. Антропный принцип фиксирует связь между крупномасштабными, метагалактическими свойствами Вселенной и существованием в ней человека.

Именно человек, беспрестанно развивающийся и как индивидуальная личность, и как род людской – человечество, во всем своем многообразии формирует способы качественно определенного актуального существования во Вселенной из бесконечности ее потенциального существования, что и отражено в концепции космологического антропного принципа. Современные исследователи конструктивной модели данного принципа подчеркивают, что в контексте антропного принципа концепт сознания выстраивается как конструктор реальности, сознание конструирует действительность из бесконечности альтернатив квантовой реальности, а свойства сознания формируются эволюционным потоком.

Если принять во внимание все изложенное, то станет вполне объяснимым вывод, сделанный Дж. Сёрлом: «Одной из труднейших и наиболее важных задач философии является прояснение различия между теми свойствами мира, которые внутренне присущи ему... и теми, что зависят от наблюдателя» [8, с. 21]. Конструктивным компонентом поиска и нахождения убедительного ответа на решение данной задачи является антропный космологический принцип.

Впервые сформулировавший данный принцип в 1973 г. английский математик Б. Картер утверждал: «То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей» [2, с. 369].

Дальнейшая разработка с физико-космологических позиций данного принципа осуществлена знаменитым британским физиком и космологом С. Хокингом в опубликованной им в 1988 г. книге «Краткая история времени». Предложенный вариант толкования антропного принципа в его формулировке гласит: «Мы видим Вселенную такой, как она есть потому, что, будь она другой, нас бы здесь не было и мы бы не могли ее наблюдать» [11, с. 67]. Развивая и конкретизируя данную позицию, космолог приводит два наиболее вероятных варианта толкования названного принципа – слабый и сильный. Слабый

вариант антропного принципа утверждает, что во Вселенной, которая велика либо бесконечна в пространстве или во времени, условия, необходимые для развития разумных существ, будут выполняться только в некоторых областях, ограниченных в пространстве и времени. Поэтому разумные существа в этих областях не должны удивляться, обнаружив, что та область, в которой они живут, удовлетворяет условиям, необходимым для их существования. Один из примеров применения слабого антропного принципа заключается в объяснении, согласно которому Большой взрыв произошел около 13,8 миллиарда лет назад: примерно столько времени требуется разумным существам для их развития. Прежде всего, должно было образоваться раннее поколение звезд. Они превращали часть первоначального водорода и гелия в элементы типа углерода и кислорода, из которых мы состоим. Затем звезды взрывались как сверхновые, а из их осколков образовывались другие звезды и планеты, в том числе и входящие в нашу Солнечную систему, возраст которой около пяти миллиардов лет. На некоторых из этих планет в течение последних примерно трех миллиардов лет происходит медленный процесс биологического развития, в результате которого простейшие организмы прошли длительный путь до разумных существ, умеющих измерять время, прошедшее с момента Большого взрыва.

В отличие от этого утверждения сильный вариант антропного принципа исходит из того, что существует много разных вселенных либо много разных областей одной Вселенной, каждая из которых имеет собственную конфигурацию и, возможно, свой уникальный набор научных законов. В большей части этих вселенных условия непригодны для развития сложных организмов, лишь в нескольких из них, похожих на нашу, смогли развиваться разумные существа, а у этих разумных существ вполне вероятно мог возникнуть вопрос «Почему наша Вселенная такая, какой мы ее видим?». Тогда, утверждает С. Хокинг, ответ прост: «Если бы Вселенная была другой, здесь не было бы нас!» [11, с. 42]. Следовательно, согласно сильному антропному принципу, человек смог появиться только во Вселенной, обладающей вполне определенными свойствами, то есть наша Вселенная каким-то образом выделена из всех других именно фактом нашего существования.

Закljučая приведенную цепь рассуждений, С. Хокинг пишет, что научные теории «ничего не говорят нам о том, как выглядела Вселенная, когда она только возникла, — завести часы и выбрать все-таки могло быть делом Бога. Пока мы считаем, что у Вселенной было начало, мы можем думать, что у нее был Создатель. Если же Вселенная действительно полностью замкнута и не имеет ни границ, ни краев, то тогда у нее не должно быть ни начала, ни конца: она просто есть и все! Остается ли тогда место для Создателя?» [11, с. 65].

В спектре различных интерпретаций антропного принципа следует выделить еще одну, достаточно распространенную его трактовку — теологическую. Ее исходным принципом стало высказывание известного американского космо-

лога Дж. Уиллера, который заявил, что в некотором странном смысле антропный принцип является участием Бога в создании Вселенной.

Более широкую и последовательную богословскую трактовку антропного принципа предлагает сотрудник Института космоса и гравитации при Университете в Портсмуте и одновременно ассистент профессора в Институте православных христианских исследований в Кембридже А. В. Нестерук: «В соответствии с так называемым антропным принципом можно утверждать, что необратимость процессов во Вселенной и стрела времени составляют необходимые условия для того, чтобы могло возникнуть человечество» [6, с. 258]. Такая интерпретация, пишет он, ссылаясь на синергетическую концепцию И. Пригожина, подтверждает догадку, согласно которой «то, что ищется как источник времени, находится вне физического мира и... удивительно напоминает известное из философии бесконечное удаление от физического мира вдоль причинно-следственного ряда» [6, с. 263]. Автор делает вывод, что такое истолкование «тесно связано с проблемой фундаментальной зависимости мироздания от Бога» [6, с. 265], а это дает основание утверждать, что «Вселенная была антропной с самого начала, т. е. ее начальные условия позднее проэволюционировали и привели к возникновению среды с необходимыми для жизни условиями» [6, с. 275].

Отсюда следует, что «истинный антропный принцип должен включать в себя как научные, так и богословские идеи» [6, с. 280–281]. И как вывод из всего изложенного звучит заключительная сентенция, высказанная А. В. Нестеруком: «Феномен человека во Вселенной, изученный в контексте антропных аргументов, в космологии по существу своему конечен и зависим от внеприродных факторов, на которые может пролить свет только обращение к богословию творения» [6, с. 290].

В опубликованной в 2017 г. книге «Смысл вселенной» А. В. Нестерук рассматривает и истолковывает современную космологию, в том числе и антропный космологический принцип, с акцентом на центральной роли человеческой личности в формировании смысла Вселенной. Никакие ссылки на антропный принцип, который ограничивает возраст Вселенной для того, чтобы она была наблюдаемой, не достигают, по мнению ученого, цели, ибо происхождение начальных условий мира «дается специальным образом, и в этом состоит промысел Божий, но человек не может контролировать начальные условия мира» [7, с. 427].

Философский и богословский смысл этой позиции, по словам А. В. Нестерука, «может быть прояснен, если придать модели Хокинга смысл, уточняющий составную структуру тварного мира, основанную на введенном выше *различении* (*diaphora*) между реальностью эмпирической и реальностью умопостигаемой, как оно было разработано в разных формах платонизма и позднее использовалось христианскими богословами... В области умопостигаемого нет времени – то есть, оно вневременно, вечно» [7, с. 348]. Важно предположить, утверждает богослов, в соответствии с антропными аргументами, что

не-человеческое прошлое Вселенной было необходимым условием для того, чтобы впоследствии появилась жизнь. Но трудность состоит в том, что, даже если космология и биология описывают появление необходимых условий для возникновения жизни, достаточные условия оказываются недостижимыми для описания естественными науками. Эти условия не могут стать предметом физики и составляют тайну предназначения человека. Эта тайна, по убеждению А. В. Нестерука, остается «невыразимым содержанием акта веры и опыта богообщения, который сам по себе не рационализуем...». Христианство предлагает такое понимание диалога между наукой и богословием, «в котором религиозная герменевтика творения и сам научный дискурс получают свое основание в вере» [7, с. 419].

В таком понимании космология имитирует в математических формах процесс раскрытия «события сотворения» как принципиально нефеноменализируемого. Развивая эту сентенцию, А. В. Нестерук утверждает, что космология движима антропологическими мотивами, исходящими из опыта жизни как Божественного дара. Она эксплицирует необходимые физические и биологические условия существования человеческих личностей, так что любое богословское положение неявно содержит в себе истину о самом мире как практически бесконечной и вечной Вселенной. Но прояснение возможности осознания Вселенной осуществляется обращением к богословию сотворения человека в Божественном образе: «Космологические изыскания об основании вселенной имеют в своей основе тот же Божественный образ, выражая тем самым скрытое присутствие богословской преданности в космологии» [7, с. 472].

Козволюционный антропогенез в субстанциально-информационной модели космологического времени

Согласно антропному принципу, появление *Homo sapiens* было запрограммировано в начальных условиях, а их необычайно точная настройка и сбалансированность дает уверенность в телеологической причине эволюции Вселенной в виде первичной информационной программы. Но если была начальная программа, то должен был быть и безначальный программист.

Вопрос о природе космологического времени – это предельный вопрос современной фундаментальной науки, решение которого, по мнению многих авторитетных ученых, станет началом и ключом к построению окончательной физической теории, или «теории всего».

Для решения этого вопроса мы должны построить модель возникновения времени как особого качества, а вернее фундаментального атрибута материального мира. Но само возникновение материального мира, или Вселенной, и есть возникновение времени. Это значит, что Вселенная могла появиться только вместе с временем, а без материальной Вселенной и происходящих в ней процессов движения и становления понятие времени не имеет смысла.

Наша гипотеза заключается в том, что физическое время возникает вместе с физической Вселенной. Это предположение соответствует как креационистским представлениям о творении мира, так и физической теории Большого взрыва. Понятие физического времени, которое сводится к равномерно изменяющемуся или текущему физическому параметру, совсем не отрицает возможности реализации других моделей времени, которые отличаются от модели однопараметрического физического времени. Ведь эта модель не дает объяснения таким фундаментальным свойствам времени, как его порядок, течение, одномерность, однонаправленность, необратимость. Она сводит время к числовому параметру, измеряемому лабораторными макроскопическими часами.

Но даже в этой модели времени как свойства часов предполагается неявное присутствие наблюдателя с его психологическим восприятием течения времени, так как часы никакого течения не измеряют, а фиксируют лишь момент настоящего времени. А этот текущий момент и является единственным наблюдаемым моментом времени. Его можно назвать актуальным временем, что означает акт взаимодействия субъекта и наблюдаемого объекта.

Отсюда следует, что логическим основанием, началом и причиной времени может быть только первичный акт возникновения субъекта и объекта. То есть актуальное взаимодействие субъекта и объекта, понимаемое как универсальное свойство физического мира, должно присутствовать в самом начале Вселенной. Таким образом, начало космологического времени – это, согласно нашей схеме, акт происхождения Вселенной в единстве взаимодействия субъекта и объекта.

Сам по себе акт происхождения Вселенной можно объяснить либо как свободный акт творения объективной Вселенной абсолютным Субъектом, либо как случайность, которая на самом деле ничего не объясняет, а лишь заменяет трансцендентную и свободно действующую (а значит – и непредсказуемую) причину случаем. Но при такой постановке вопроса понятие случайно действующей причины как раз и будет эквивалентно понятию спонтанно действующей причины, что соответствует, в свою очередь, понятию субстанции как ни от чего не зависящей абсолютной причины всякого движения и изменения. Поэтому случайная причина совсем не отрицает необходимой причины происхождения и эволюции Вселенной, а обе они дополняют друг друга и проявляются как действие субстанции.

Таким образом, мы исходим из того, что субстанция проявляется либо как случайная, либо как необходимая причина всего. Это две взаимодополняющие причины существования и становления, устойчивости и изменчивости.

После того как Б. Спиноза и Р. Декарт выяснили фундаментальную несводимость материальной и духовной субстанции, удвоение реальности нашло свое научное объяснение в принципе психофизического параллелизма. Сегодня одним из основных подходов к решению психофизической проблемы является принцип психофизического единства.

Но и этот подход, с нашей точки зрения, не преодолевает фундаментального разрыва между физическими и психическими феноменами, и подлинное единство нужно искать на более глубоком субстанциальном уровне. Этот уровень, согласно разрабатываемой нами субстанциально-информационной онтологии квантового мира, мы связываем с деятельностью субстанции, активность которой проявляется в генерировании действия в нераздельном единстве физической и информационной составляющих [9]. В этом случае преодолевается классический субъект-объектный дуализм, а внутренние квантовые состояния любого квантового субъекта-объекта можно описать как суперпозицию информационных состояний во внутреннем расслоенном времени и интерпретировать как элементарные ментальные состояния.

Наша гипотеза заключается в том, что идеи и мысли имеют субстанциальную природу. Материальный носитель человеческого разума – мозг, способен воспринимать и обрабатывать информацию, поступающую из субстанциального и трансцендентного по отношению к вещественному уровню организации мира. Носителями этой информации на квантовом уровне становятся спонтанные флуктуации вакуума и возникающие из него виртуальные частицы. Мозг же, представляющий собой сетевую структуру нейронов, является резонансной системой, способной усиливать квантовые сигналы и переводить их в нервные импульсы, которые формируют процесс мышления.

Бессознательное состояние нашей психики можно сравнить с неопределенным квантовым состоянием любой квантовой системы до измерения. В данном случае любое измерение мы можем интерпретировать как активное сознательное наблюдение, в результате которого проявляется или актуализируется лишь один из всевозможных фрагментов потенциальной реальности. А отсюда следует, что сознательное существование нашего собственного *Я* в качестве активного наблюдателя обуславливает существование именно той Вселенной, которая проявляется как объект в нашем сознании. То есть «проявленная» Вселенная не может существовать независимо от какого-либо сознания, что соответствует сильному антропному принципу.

Исходя из введенных представлений, мы можем описать глобальную эволюцию во Вселенной как обоюдный процесс усложнения внутренней структуры квантового субъекта и внешней структуры физического тела, окружающего квантовую монаду, что означает их коэволюцию. А такая коэволюция больше напоминает собой управляемый процесс, чем слепой и стихийный процесс естественного отбора в концепции Дарвина. И это управление исходит из квантового субъекта, являющегося центром субъективности любого организма.

Таким образом, причину необратимости космологического времени можно объяснить как проявление активности всех объектов во Вселенной, множество которых находится во внутреннем синхронистическом единстве, и внешней диахронной рядоположенности блока растущего Универсума. При этом под синхронизмом мы, в соответствии с гипотезой К. Юнга, понимаем связь

элементов, объединенных общим смыслом, а в качестве параметра роста сложности предполагаем увеличение количества полезной информации, накопленной в результате жизнедеятельности в хрональной памяти Универсума.

Перейдем к непосредственному построению такой модели обоюдного и самосогласованного усложнения внутреннего субъективного и внешнего объективного мира. Началом такого построения должен быть простейший субъект-объект, мыслеобраз которого и заключается в понятии сингулярности. При этом мы понимаем под сингулярностью некоторый субстанциальный центр всякой вещи во Вселенной, в том числе и самой Вселенной в целом. Это значит, что сингулярность является центром и источником проявления субъективной активности каждого проявленного субъекта.

Таким образом, мы начинаем с простейшего мыслеобраза, который только может возникнуть в нашем уме, — образа особой точки-момента, или сингулярности, которую мы отождествляем с центром собственного бытия и мышления. Эта особая точка-момент в непрерывном и неопределенном континууме нашего бессознательного и самотождественного Я, в котором субъект и объект мышления и бытия еще не различимы и не разделены, представляет собой субстанциальное начало рождения или первичного пробуждения нашего индивидуального сознания. В этом смысле пребывание нашего субъективного Я до рождения и после смерти подобно пребыванию его в некотором неопределенном и бессознательном состоянии во время сна.

То, что мы называем индивидуальным бессознательным, может быть индивидуальным опытом личного поведения, восприятия и осмысления внешней информации, полученной в течение настоящей жизни в состоянии активной бодрствующей фазы сознания. Кроме того, это может быть родовой опыт предыдущих индивидуальных воплощений, который находится на более глубоком уровне бессознательного. Можно, пожалуй, выделить еще более глубокий уровень коллективного бессознательного. В нем хранится коллективный опыт всех индивидуумов — представителей человеческого рода, к которому каждый индивидуум может иметь какой-то ограниченный доступ. И далее, в соответствии с логикой глобальной коэволюции, должны быть еще более глубокие уровни бессознательного, соответствующие более низким уровням организации материи, где хранится коллективный опыт всех субъектов, жизнедеятельность которых ограничена этим уровнем.

Согласно данному представлению, можно считать разные уровни бессознательного определенными вехами, или стадиями, пробуждения сознания, которые в процессе эволюции проходит каждое индивидуальное сознание. Мы придерживаемся, таким образом, гипотезы реинкарнации индивидуальных сознаний (монад), впервые выдвинутой Г.-В. Лейбницем в своем учении о метаморфозисе, и считаем, что такое представление процесса эволюции наиболее последовательно, правдоподобно и вполне удовлетворяет научным критериям верификации и фальсификации.

Лейбниц считал монады истинными атомами природы или элементами вещей. Так как эти элементы имеют субстанциальную природу, то «естественные изменения монад исходят из *внутреннего принципа*, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады» [3, с. 414].

В метафизике русского религиозного философа Н. О. Лосского такая субстанциальная связь «субстанциальных деятелей» была названа вслед за П. А. Флоренским «консубстанциальностью» [4, с. 326]. Мы также будем использовать этот термин, считая его удачным выражением идеи всеобщей субстанциальной связи, лежащей в основе мирового единства и многообразия. Понятию консубстанциальной связи между «субстанциальными деятелями» в метафизике Лосского будет соответствовать в нашей физической интерпретации понятие нелокальной связи между квантовыми субъектами.

Ценность идей Н. О. Лосского заключается, на наш взгляд, прежде всего в том, что он преодолевает дуализм Р. Декарта и вместо независимых субстанций мышления и материи опирается на понятие единой субстанции. «Субстанциальный деятель» Лосского – это идеальная сущность, находящаяся вне времени и пространства, но своим действием он творит как психические, так и материальные события. Первым таким событием в истории нашего мира, безусловно, является возникновение Вселенной, которое в соответствии с метафизикой русского философа было актом творения верховного субстанциального деятеля, или Бога.

Согласно метафизической системе Н. О. Лосского, которую он назвал *идеализмом*, «сверхвременные и сверхпространственные деятели творят свои проявления, придавая им логическое (согласно логически-онтологическим законам мышления), временное и пространственное оформление» [5, с. 161]. В соответствии с этой онтологией мы также формулируем предположение о том, что истинная реальность – это результат мыследеятельности активных субъектов. Это не значит, конечно, что внешний объективный мир является иллюзией нашего мышления и продуктом мыследеятельности отдельного человека. Такое представление о реальности не отрицает существования объективного и независимого от нашего сознания мира. Но мы предполагаем, что этот объективный мир является продуктом всеобщей мыследеятельности всех активных субъектов во Вселенной.

В общих чертах эта метафизическая картина мира будет выглядеть следующим образом. Физическая Вселенная является единой системой взаимосвязанных между собой элементарных и неделимых квантовых объектов. При этом каждый такой элемент связан со всеми остальными элементами Вселенной, что соответствует принципу Маха [1]. Простейшей связью объектов, или простейшим отношением между объектами, является пространственно-временная протяженность. А вся совокупность таких пространственно-временных протяженностей образует реляционное пространство-время как некоторую вторичную структуру отношений субстанциальных элементов.

Квантовый объект является также и квантовым субъектом. Это означает, что он обладает внутренней субъективной активностью. Такая активность выступает проявлением субстанциального начала, благодаря которому квантовый объект обладает свойством самодостаточности и самовоспроизводства, что эквивалентно его сохранению и неуничтожимости. Другим проявлением активности является способность квантовых субъектов-объектов к взаимодействию. Взаимодействие означает материальный и информационный обмен, что эквивалентно циркуляции вещества, энергии и информации в системе взаимосвязанных элементов, составляющих ее.

Таким образом, весь объективный физический мир, или вся Вселенная, воздействующая на наши органы чувств, представляет собой объективную реальность, существующую независимо от нашего сознания. Но онтологическим основанием и субстанциальной причиной существования феноменального мира является интеллектуальная деятельность активных субъектов. Мы понимаем под интеллектуальной деятельностью способность генерировать, передавать, воспринимать и перерабатывать информацию и считаем, что такой способностью обладают в разной степени все без исключения элементы Вселенной, которые мы будем называть психофизическими субъектами-объектами.

Н. О. Лосский считал, что движущей силой эволюции является стремление субстанциальных деятелей реализовать «свою индивидуальность как абсолютно ценный элемент мира» [4, с. 337]. Он называл эту линию развития *нормальной эволюцией*. В результате объединения нескольких деятелей достигаются более сложные стадии существования и возникает «такая иерархия единств, как атом, молекула, кристалл, одноклеточный организм, многоклеточный организм, общность организмов» [4, с. 327].

С этой точки зрения мы можем рассматривать и возникновение Вселенной из первичной сингулярности: как некоторое начало с чистого листа или с новой страницы Книги Бытия, в котором все индивидуальные монады одного рода имеют одинаковые стартовые позиции, но в процессе развития, взаимодействия и коммуникации, благодаря различным внешним обстоятельствам, внутренней свободе воли и индивидуальным способностям, приобретают различный индивидуальный опыт, который накапливается в коллективном бессознательном, что способствует расширению сознания всей Вселенной в целом и согласуется с концепцией блока расширяющейся Вселенной.

В соответствии с данным представлением эволюцию Вселенной можно рассматривать, во-первых, как развертывание некоторой базовой генетической программы, закодированной в начальных условиях возникновения Вселенной. Во-вторых, эволюция происходит как творческий процесс созидания и коллективного действия всех индивидуумов. В-третьих, эволюция связана также с процессами разрушения, когда завершается действие определенных программ и реализация творческих идей и начинаний субъектов и материя, воплощавшая

эти идеальные программы и модели вещей, вновь разрушается в силу своей инертности и согласно второму началу термодинамики переходит в неопределенное состояние хаоса.

Таким образом, и антропный принцип можно представить, как некоторую исходную генетическую программу и одновременно принцип творческой реализации индивидуальной внутренней свободы простейших монад. Коэволюция в данном случае будет означать усложнение на пути последовательных перевоплощений. Простейшая монада с самыми элементарными зачатками протосознания первоначально воплощается в простейшем физическом теле, представляющем собой простейший организм с самыми элементарными зачатками протожизни. И так – до стадии развитого человеческого духа, воплощенного в развитом в процессе биологической эволюции совершенном человеческом теле.

Мы начинаем свое построение с простейшего мыслеобраза – сингулярности. Из сингулярности как из некоторого особого центра и источника бытия возникают все вещи и вся Вселенная в целом. Их возникновение начинается с простейшего субъекта-объекта и разворачивается далее в процессе обоюдного усложнения внешнего объективного и внутреннего субъективного миров.

Мы проводим определенную аналогию между возникновением Вселенной из первоначального сингулярного состояния и пробуждением нашего сознания из индивидуального сингулярного состояния. В таком случае рождение Вселенной представляет собой выход из беспредельного континуума бессознательного состояния и ее пробуждение к стадии активной сознательной жизни. Подобно этому и все индивидуумы во Вселенной, которые существуют в психофизическом единстве и состоят из духовной психической монады и материального физического тела, подвержены закону циклической смены состояний, представленных в последовательном чередовании пассивной бессознательной фазы и активной фазы сознательных действий.

Сознание можно определить как психическую способность к физическим действиям со знанием дела, которое должно иметь некоторый нулевой уровень. Данный уровень соответствует протосознанию, свойственному самым элементарным индивидуумам, которые возникли в момент рождения Вселенной.

Мы не имеем возможности воспроизвести в физическом эксперименте начальный уровень состояния Вселенной в момент возникновения, который соответствует научному понятию космологической сингулярности. Мы не имеем также возможности воспроизвести в психологическом эксперименте начальный уровень состояния нашего индивидуального сознания в моменты зачатия и рождения. Хотя и есть возможность в какой-то степени приближения воспроизвести эти начальные состояния в лабораторных условиях.

Например, на адронном коллайдере или при регистрации космического излучения высоких энергий мы имеем возможность экспериментально при-

близиться к этому начальному состоянию сингулярности. То же самое и в психических экспериментах: так, при анализе снов, состояний гипноза и каких-то других необычных феноменов психики, погружающих нас в глубины подсознания, мы можем в какой-то степени приблизиться к собственному начальному психологическому состоянию, память о котором хранится на самом фундаментальном, изначальном уровне нашего индивидуального подсознания.

Но у нас есть еще один чрезвычайно мощный метод мысленного эксперимента, в котором мы можем проявить свои творческие силы, воспроизведя в своем уме этот процесс возникновения сознания и тела в их психофизическом единстве сообразно и подобно тому, как они, согласно религиозным представлениям, предвечно существуют в уме Бога, или, иначе говоря, проникая, в силу своих способностей, в разумный замысел Творца всей Вселенной. Этот эксперимент будет соответствовать построению нового варианта космогонии, или современной научной мифологии происхождения и эволюции Вселенной. Мы называем ее научной мифологией, потому что любая научная гипотеза – это прежде всего миф, который восполняет неполноту знаний правдоподобным объяснением, создающим целостный образ исследуемого объекта, и намечает в общих чертах программу более точных исследований. Научная теория – это более развитая стадия первоначального мифа. Например, на современную теорию Большого взрыва можно смотреть как на научную интерпретацию и развитие религиозного мифа о сотворении мира. А дни творения, изложенные в Шестодневе, во многом подобны современным научным представлениям об этапах глобальной эволюции Вселенной.

Заключение

Следует отметить многогранность и дихотомичность возможных истолкований антропного принципа в современной науке и христианской антропологии. Именно в такой дихотомности и кроется суть заключенного в нем вызова перед современной естественнонаучной, философской и богословской мыслью. Одни авторы утверждают, что этот принцип содержит в себе современное объяснение структуры нашей Вселенной, и подчеркивают лишь его физическое содержание вне каких-либо мировоззренческих осмыслений. Другая точка зрения, разделяемая многими естествоиспытателями, философами и богословами, заключается в том, что мировоззренческие, человекомерные представления постнеклассической науки открывают возможности для вероятностного истолкования антропного принципа. Поэтому и необходимо учитывать многообразие подходов к его осмыслению, превращая антропный космологический принцип в предмет заинтересованного, доброжелательного и взаимоуважительного диалога физиков, космологов, богословов и философов.

Список использованных источников

1. Владимиров, Ю. С. Принцип Маха и космология / Ю. С. Владимиров // *Метафизика*. – 2016. – № 1 (19). – С. 80–96.
2. Картер, Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии / Б. Картер // *Космология: теории и наблюдения : сборник*. – М. : Мир, 1978. – С. 369–370.
3. Лейбниц, Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц // *Сочинения : в 4 т.* – М. : Мысль, 1982. – Т. 1. – 636 с.
4. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высш. шк., 1991. – 559 с.
5. Лосский, Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь / Н. О. Лосский ; Ин-т философии НАН Беларуси ; предисл.: Б. Н. Лосский ; вступ. ст.: А. А. Лазаревич. – Минск : Право и экономика, 2012. – 278 с.
6. Нестерук, А. Логос и космос: Богословие, наука и православное предание : пер. с англ. / А. Нестерук. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 443 с. – (Серия «Богословие и наука»).
7. Нестерук, А. В. Смысл вселенной. О скрытой богословской преданности в современном космологическом нарративе: экзистенциально-феноменологическая экспликация / А. В. Нестерук. – СПб. : Алетейя, 2017. – 504 с.
8. Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл ; пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
9. Спасков, А. Н. Модель квантового субъекта в субстанциально-информационной онтологии / А. Н. Спасков, А. О. Карасевич // *Когнитивные штудии: когнитивная парадигма в междисциплинарных исследованиях : материалы VII междунар. междисциплин. конф.* / под ред. А. П. Лобанова, Н. П. Радчиковой. – Минск : БГПУ, 2017. – Вып. 7. – С. 287–295.
10. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Прогресс, 1965. – 296 с.
11. Хокинг, С. Краткая история времени. От Большого взрыва до черных дыр / С. Хокинг. – СПб. : Амфора, 2001. – 268 с.
12. Teilhard de Chardin, P. Człowiek. Struktura i kierunki ewolucji grupy zoologicznej ludzkiej / Pierre Teilhard de Chardin. – Warszawa : Instytut Wydawniczy PAX, 1967.

А. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
КАК ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В статье рассматриваются актуальные тенденции развития современного общества, обусловленные процессами цифровой трансформации и активного использования информационно-коммуникационных технологий. Выделена и исследована проблема адаптации человека к новым условиям социальной модернизации и мобильной динамики информационной картины мира. В данном контексте рассмотрены такие феномены информационно-гуманитарной безопасности, как виртуализация бытия и сознания человека, деперсонализация знаний субъекта, проблема цифрового неравенства и др. В решении и упреждении данных проблем важное значение имеет недавно принятая Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Информационная безопасность рассмотрена в статье как часть более общей проблемы обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: информация, информационное общество, информационная безопасность, национальная безопасность, цифровая трансформация, виртуализация сознания, деперсонализация знаний, цифровое неравенство

A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

INFORMATION SECURITY AS A PROBLEM OF NATIONAL SECURITY

In the article, there are considered the current trends of development of modern society caused by the processes of digital transformation and active use of information and communication technologies. In this regard, there was studied the problem of human adaptation to new conditions of social modernization and mobile dynamics of information picture of the world. In this context, there were considered such phenomena of information-humanitarian security as virtualization of being and consciousness of human, depersonalization of knowledge of the subject, the problem of digital inequality and so on. The concept of information security of the Republic of Belarus, which was recently adopted, is very important for solution and prevention of these problems. Information safety is considered in the article as a part of more general problem of ensuring the national security of the country.

Keywords: information, information society, information safety, national security, digital transformation, virtualization of consciousness, depersonalization of knowledge, digital inequality

19 марта 2019 года утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция). Документ своевременный и актуальный, обусловленный новой эпохой научно-технического и социального развития, которая получила название «эпоха информационного общества». Он состоит

из семи разделов и двадцати семи глав и базируется на ряде других нормативно-правовых актов, прежде всего Конституции и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Главная причина принятия Концепции информационной безопасности – риски и угрозы, которые несет высокотехнологизированная информационная среда. К основным рискам и угрозам, как следует из анализа Концепции, относят деятельность, направленную на получение неправомерного доступа к информационным ресурсам, кибертеррористические атаки, нанесение вреда информационной инфраструктуре, формирование информационных поводов для дискредитации внешней и внутренней политики государства в информационном пространстве и пр.

В Концепции говорится, что цель государственной политики в информационной сфере – достижение и поддержание ее на таком уровне, который позволит, с одной стороны, реализовывать национальные интересы, а с другой – способствовать прогрессивному развитию страны. На государственном уровне такие меры предусматривают мониторинг, анализ и оценку состояния информационной безопасности, минимизацию деструктивного воздействия кибертеррористических атак, разработку стандартов информационной безопасности, формирование правовых, технологических и организационных условий для реализации конституционных прав граждан и т. д. При этом вопросы информационной безопасности являются актуальными не только для органов государственной власти, но и для бизнес-сообщества, общественности. В главе 27 документа, к примеру, определены основные механизмы государственно-частного партнерства в сфере обеспечения информационной безопасности.

В Концепции появились новые для белорусской законодательной практики понятия: «информационный суверенитет» и «информационный нейтралитет». Под *информационным суверенитетом* понимается неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику [1]. Он достигается путем формирования системы правового регулирования отношений в информационной сфере, создания условий для защиты национальных рынков информационных и телекоммуникационных услуг, развития информационной инфраструктуры. При этом обеспечение информационного суверенитета не должно расходиться с международно-правовыми принципами обеспечения прав и свобод, гарантирующими конкурентное и свободное развитие в условиях мировой цифровой трансформации [1].

Информационная политика государства, как указано в главе 8 Концепции, осуществляется на основе *принципа нейтралитета*, который подразумевает проведение миролюбивой внешней информационной политики, невмешательство в информационную сферу других стран. Вместе с тем здесь же отмечается, что, несмотря на сохранение нейтралитета, Республика Беларусь

во внешней информационной политике ориентируется на отстаивание и реализацию собственных интересов.

В разделе IV документа подчеркивается, что безопасность информационного пространства – важнейшее условие развития суверенного демократического социального государства. В современных информационных реалиях информационная политика должна быть направлена в том числе и на продвижение традиционных устоев и ценностей белорусов: гуманизма, миролюбия, взаимопомощи, добрососедства, справедливости и пр. Белорусский язык рассматривается как основа развития национального самосознания.

В разделе V Концепции рассматриваются основные направления обеспечения информационной инфраструктуры – совокупности технических средств, систем и технологий создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации. Отмечается, что «национальная система обеспечения кибербезопасности должна реализовывать весь возможный комплекс правовых, организационных и технических мер по обеспечению безопасности национальной информационной инфраструктуры, в том числе информационных систем, обеспечивать конфиденциальность, доступность и целостность информации, а также легко трансформироваться и адаптироваться в изменяющейся обстановке за счет постоянного анализа на предмет соответствия актуальным рискам кибербезопасности» [1].

Примечательно, что среди информационных объектов выделяются так называемые КВОИ – критически важные объекты информатизации, отказ функционирования или нарушение работы которых может повлечь значительные негативные последствия для национальной безопасности. Для КВОИ, как указано в Концепции, необходима разработка индивидуальных моделей безопасности.

В этом же разделе документа актуализируются вопросы обеспечения безопасности национального сегмента сети Интернет. В главе 17 отмечается, что наиболее перспективной задачей является создание единой государственной системы мониторинга национального сегмента сети Интернет с одновременным формированием облачной платформы предоставления комплексных сервисов информационной безопасности государственному сектору и бизнес-сообществу [1].

Несмотря на определенную детализацию нормативно-правовых отношений человека в информационной среде, Концепция все же ориентирована на создание эффективных условий работы с информацией. В ней, в частности, говорится, что «необходимо обеспечить баланс между надежной идентификацией пользователей, регистрацией их действий и созданием условий для безопасного сбора, обработки, предоставления, хранения и распространения персональных данных в национальном сегменте сети Интернет» [1]. Главный посыл документа – обеспечить безопасность информационной сферы белорусского общества. Реализация этой политики должна находиться в конституционных рамках, не ущемлять интересы граждан и не противоречить международным нормативно-правовым актам.

Как уже было подчеркнуто, разработка и утверждение Концепции сопряжены с оценкой и упреждением новых вызовов и угроз, которые возникают в условиях становления информационного общества – нового технологического этапа развития человечества. Информационное общество – это реальность, в которую вступил современный мир, включая и Республику Беларусь. Между тем путь к этой реальности для многих стран и народов не был простым и по-прежнему остается достаточно тернистым. Еще в середине XX в. ряд ученых, среди которых можно отметить таких футурологов, как Д. Белл, Д. Рисман, Э. Тоффлер, А. Турен и др., говорили о трансформации и усложнении экономических, политических, социальных связей и отношений между различными регионами мира. По их мнению, процессы, характеризующиеся не столько количественным увеличением контактов между обществами, сколько качественной перестройкой всех сфер общественной жизни, должны были привести к возникновению нового типа общества, функционирующего по иным законам и имеющего иную структуру и принципы организации. Тогда же было осознано колоссальное значение, которое играют информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в развитии цивилизации, что позволило многим исследователям заявить о вступлении человечества в новую информационную эру. Сегодня стало очевидно, что многое из предсказанного не только воплотилось в реальность, но и превзошло сделанные ранее достаточно смелые прогнозы.

Согласно исследованию взаимосвязи между уровнем ИКТ-инфраструктуры и ростом ВВП, с учетом оценки по шкале GCI 2018 было установлено, что в странах, активно развивающих и внедряющих ИКТ-технологии, наблюдается четко выраженный прирост ВВП [2].

Индекс развития ИКТ (IDI) ежегодно составляется Международным союзом электросвязи (МСЭ), который включает в себя 155 стран. Этот же индекс отражает уровень доступа к ИКТ, применение новых технологий и навыки населения в соответствующей области. Первые 30 строчек рейтинга занимают страны с высоким уровнем дохода, что является подтверждением взаимосвязи между доходами населения и прогрессом ИКТ.

Исследовательской компанией International Data Corporation (IDC) прогнозируется удвоение объема мирового рынка интернета вещей (Internet of Things, IoT). Так, расходы на оборудование и инфраструктуру в 2020 г. вырастут до 1,29 трлн долл. США при среднегодовых темпах роста в 15,6 %. Через 3 года технологии интернета вещей проникнут в 95 % электронных устройств. Количество активных IoT-устройств к 2020 г. превысит 30 млрд штук против 12,1 млрд по итогам 2015 г. «Руководители и главы IT-департаментов стремятся преобразовать свои компании и расширить цифровую инфраструктуру, поэтому IoT будет играть ключевую роль в вопросах устранения сбоев и развития трансформации. IoT позволяет улучшить эффективность, продуктивность труда и взаимодействие с клиентами», – говорит Арджун Вишванатан, заместитель директора по новым технологиям в индийском представительстве IDC [3].

Большая часть IoT-инвестиций в 2017 г. приходилась на производственный сектор (около 183 млрд долл. США). Расходы в сегментах транспортных перевозок и коммунальных услуг составляли 85 млрд и 66 млрд долл. США соответственно. Четвертым по величине IoT-сектором стал потребительский, затраты в котором превысили 60 млрд долл. США [4].

К концу 2020 г. банковская отрасль увеличит стоимость бизнеса на 1 млрд долл. США благодаря внедрению криптовалют на базе блокчейна. Согласно информации Всемирного экономического форума, 10 % мирового ВВП уже в 2027 г. будет сосредоточено в блокчейне. Так, по данным американского исследовательского центра Juniper Research (на август 2017 г.) 57 % компаний с числом сотрудников более 20 тыс. уже внедряют блокчейн или планируют это сделать [5].

Объем рынка голосовых помощников к 2021 г. составит порядка 3,5 млрд долл. США. Основной объем придется на рынок B2B, где преимущества голосовых роботов и результат полностью оправдывает затраты.

По данным исследовательской компании Zenith глобальный рынок рекламы способен демонстрировать рост на 4,5 % в год, драйверами роста станут поисковые сервисы и социальные сети. По итогам 2018 г. расходы на рекламу во всем мире превысили 500 млрд долл. США. Тенденция по переходу рекламы в онлайн позитивно сказывается на доходах таких компаний, как Facebook Inc. (FB, NASDAQ) и Alphabet Inc. (GOOGL, NASDAQ), которые сегодня являются лидерами этого рынка. При этом компании, несмотря на свои устойчивые позиции, сохраняют потенциал для роста. В частности, Facebook может улучшить монетизацию за счет продажи большего количества рекламы в приложении Instagram и WhatsApp. По данным eMarketer выручка Instagram может достичь 10,9 млрд долл. США к концу 2019 г. по сравнению с примерно 4,1 млрд долл. США в 2018 г. [6].

Все это говорит о том, что сфера жизни как отдельного человека, так и общества в целом становится все более и более информационно насыщенной и информационно зависимой, следовательно, нуждается в эффективном нормативно правовом регулировании, что и должна обеспечить принятая Концепция информационной безопасности. Грядущее информационное общество базируется на принципиально ином фундаменте по сравнению с предыдущими цивилизационными эпохами. Его базой выступает так называемый четвертичный сектор развития экономики и социально-культурной сферы – знания, информация, профессионально-образовательные и культурные компетенции, информационные технологии и соответствующие программные продукты, то есть все то, что составляет содержание интеллектуального капитала и инновационно определяется им. Четвертичный сектор экономики является по сути информационным.

Вместе с тем сугубо экономический подход не может раскрыть сущность информационного общества, поскольку в современном контексте оно определяется целой системой мер, например политикой информатизации, которая связывается с комплексом организационно-технических и технологических мероприятий по созданию условий производства интеллектуально-информационного ресурса

и обеспечению заинтересованных субъектов достоверными и своевременными сведениями во всех видах человеческой деятельности на основе новейших ИКТ.

Информатизация в современном ее прочтении имеет две взаимосвязанные тенденции: экспоненциальный рост информации и революционный сдвиг в сфере производства новейших средств и технологий социализации информации (ее обнаружения, преобразования, хранения и использования различными социальными субъектами). Благодаря этим процессам информация обрела статус приоритетного ресурса экономического и социально-культурного развития. Информатизация общества направлена на создание оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, общественных организаций на основе интенсивного развития и использования информационно-технологических ресурсов.

Среди ключевых особенностей становления и развития информационного общества, напрямую связанных с необходимостью обеспечения информационной безопасности, обращают на себя внимание следующие:

1) комплексная и планомерная политика информатизации, опирающаяся на соответствующую нормативно-законодательную базу, учитывающая как внутренние информационные потребности общества и государства, так и возможности их эффективной интеграции в систему международных связей и отношений;

2) высокий уровень развития информационно-технической (компьютерной) базы и технико-коммуникационных сетей;

3) информация и информационные технологии в новом типе социума выступают главным экономическим, научно-техническим, социально-культурным ресурсом, приоритетно обеспечивающим рост ВВП;

4) мобильный доступ к информационным ресурсам;

5) работа с информацией, выступающая основой творческих инициатив и принятия решений, в связи с этим знания и квалификация субъекта становятся важнейшим атрибутом социальной активности, в том числе власти и управления;

6) кардинальное изменение структуры социальной стратификации и коммуникации: от исчезновения ряда традиционных и появления совершенно новых профессий и сфер занятости, минимизации массовых производственных отношений, активизации культурно-образовательных взаимодействий до индивидуализации и персонификации социальной коммуникации, в том числе и в виртуально-опосредованном пространстве других возможных ее участников;

7) трансформация ценностной структуры социума. Массовый доступ к информации, интенсификация межкультурных взаимодействий стали причиной разрушения традиционных и унифицированных систем культурных норм, что привело к осознанию вариативности ценностного кодекса (ценностному плюрализму) и признанию равенства различных нравственных ориентиров. Общим вектором ценностных изменений в мире выступили гуманизация, индивидуализация и автономизация, свобода доступа к информации. Ключевыми ценностями информационного общества стали свобода доступа к информации, комму-

никация, социальная мобильность, интеллектуальный капитал, профессиональная самореализация.

Основой информационного общества выступает не просто информация, а процесс интенсивной ее переработки в знания и компетенции, которые являются условием и инструментом инновационного развития. При этом в информационном обществе знания вырабатываются и транслируются посредством новейших информационных технологий и электронных сетевых коммуникаций, которые в своей совокупности представляют пространство электронных сетевых коммуникаций, куда входят Интернет, технологии мобильной электросвязи, технологии социальных сетей, интерактивные технологии телевидения и др.

Таким образом, информационное общество – это совершенно новый тип социальной организации, основанный на нетрадиционных (с точки зрения технологии и возможностей социального регулирования) формах производства и использования информации. Информация становится стратегическим ресурсом общества. В своем материальном проявлении (информация как товар) она обеспечивает новые возможности социально-экономического развития современных государств. На уровне когнитивных практик информация выступает важнейшим фактором интеллектуальной активности и мобилизации субъекта.

Наряду с несомненными позитивными сторонами нового информационного уклада жизни важно обратить внимание на проблемы безопасного развития человека и общества в условиях глобального информационного пространства. Среди них на первое место выступают проблемы качества производимой информации, обоснование ее достоверности и необходимости использования, проблемы социально-психологической и мировоззренческой устойчивости человека в условиях новых компьютерных технологий и способов коммуникаций, наконец, проблемы культурно-нравственного и законодательного обеспечения механизмов безопасного функционирования информационной среды.

В свете сказанного информационная безопасность выступает составной частью более общей проблемы обеспечения национальной безопасности в целом, пути решения которой сегодня претерпевают существенные изменения. Если раньше национальная безопасность обеспечивалась деятельностью преимущественно специальных институтов государства, то сегодня – в условиях тесного политического, экономического и социокультурного взаимодействия стран и народов, доминирования процессов глобализации, имеющих наднациональный, надгосударственный характер, в условиях интенсивного развития информационных технологий и коммуникаций – она становится комплексной проблемой государства и общества и по ряду своих задач и особенностей во многом сопряжена с проблемой обеспечения информационной безопасности.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г., закрепляет совокупность официальных взглядов на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества,

государства и их защите от внутренних и внешних угроз. В качестве основных в документе выделены такие виды безопасности, как политическая, экономическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная и экологическая. Можно сказать, что ни в какую предыдущую эпоху национальная безопасность не осознавалась так комплексно, разносторонне, как сейчас, когда она подразумевает единство военной, правоохранительной, информационной, экономической и культурной политики, раскрытие теснейшей взаимосвязи между этими аспектами жизни общества.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в числе конкретных потенциальных угроз перечислены и угрозы социально-гуманитарного характера, такие как «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций» [7]. Поэтому одним из ключевых компонентов национальной безопасности, наряду с информационным, следует считать духовно-нравственную безопасность, понимаемую как защищенность духовно-нравственных, культурно-исторических и религиозных основ жизни общества.

Таким образом, национальная безопасность предстает в качестве системы принципов и норм поведения и деятельности – общественно-политической, производственно-экономической, информационной, социально-культурной. Она детерминирована сохранением базовых ценностей общества, в соответствии с которыми осуществляется социальное развитие, в том числе образовательный и воспитательный процесс, информационно-идеологическая работа. Из сказанного следует, что никогда ранее обеспечение национальной безопасности не требовало столь глубокого стратегического подхода, основанного на понимании системной организации мира в целом, взаимозависимости политических институтов, экономик и культур.

События последних лет актуализируют вопрос о механизмах информационной защиты от манипуляций общественным сознанием людей, и прежде всего молодежи, которая находится в стадии формирования собственных смыслов жизни, устойчивых структур сознания, системы ценностей. Это особенно актуально в условиях современной цифровой трансформации, на стадии которой традиционная инфраструктура социума заметно изменяется под воздействием мобильных потоков информации и технологий их трансляции. Но в контексте таких объективных обстоятельств возникает одна весьма острая проблема – простого замещения потребительских идеалов индустриальной эпохи такими же по сути идеалами информационного потребления. Вместе с этим кардинально трансформируются принципы и критерии социализации информации, что таит в себе угрозу человеку, обществу и национальной безопасности в целом. В данном контексте ключевое значение играют следующие три группы факторов, которые влияют на степень информационной безопасности современного общества:

1) безопасность содержания самой информации (социально-культурные «фильтры» производства и функционирования информации);

2) наличие социально-нормативного, в том числе законодательного, регулирования процессов информатизации и информационных потоков в обществе;

3) ответственность (информационная культура) человека, объективно включенного в глобализирующееся информационное пространство, а также роль и значение в этом процессе воспитательных, образовательных и культурных институтов современного общества.

Имея в целом комплексный характер, проблема информационной безопасности структурируется в соответствии с наиболее значимыми областями социальной жизни. Большинство исследователей выделяют приоритетные с точки зрения обеспечения информационной безопасности сферы, которые выступают как наиболее критичные в условиях информационной «борьбы»: экономическая сфера, включающая в себя соответствующие структуры управления, системы общеэкономического анализа и прогнозирования хозяйственного развития и т. д.; финансовая, которая обеспечивает функционирование информационных сетей и баз данных банков, систем финансового обмена и расчетов; сфера общественного сознания (СМИ, политические партии, общественные объединения и организации, так или иначе формирующие общественное мнение); политическая сфера, которая объединяет в себе различные структуры управления государством, включая органы управления местного и регионального значения; оборонная сфера, включающая в себя информационные ресурсы вооруженных сил; научно-техническая сфера, которая обеспечивает проведение прикладных и фундаментальных научных исследований и располагает системой сбора информации о новейших научных разработках; правоохранительная, объединяющая в себе информационные ресурсы правоохранительных органов, структуры следствия, дознания, прокуратуры, судопроизводства. Сюда следовало бы добавить образовательную сферу, включающую систему образовательных и воспитательных институтов общества, а также сферу культуры как самостоятельный сектор жизнедеятельности общества и государства, который обеспечивает сохранение национально-культурной идентичности в условиях глобального информационного пространства.

В ходе интенсивной экспансии процессов информатизации и, как следствие, глобализации наблюдается вынужденное сокращение эволюционных стадий социализации личности. «Вторжение» цифровых новаций и коммуникационных технологий не оставляет времени на необходимую адаптацию человека к условиям новой реальности, на осознанное формирование информационной культуры и устойчивых структур мировоззрения, делают сознание человека беззащитным перед лицом различных технических новшеств и информационных угроз. Важно обратить внимание на то, что подобные тенденции цифрового мира затрагивают не столько реальный экономический базис, но и надстроечные сферы общества – культуру, сознание, коммуникационное поведение, ментальную сферу, моральные ценности и т. п. Такая диспропорция обуславливает ряд негативных феноменов, напрямую связанных с проблемой обеспечения

информационно-гуманитарной безопасности в объективно грядущей цифровой эпохе. Обратим внимание только на четыре аспекта этой проблемы:

- 1) символизация и виртуализация жизненного пространства человека;
- 2) когнитивная пассивность личности как нарушение механизма продуцирования индивидуальных смыслов;
- 3) десубъективизация (деперсонализация) знаний;
- 4) цифровое неравенство.

В отношении *первого аспекта* следует сказать, что в информационно насыщенном пространстве сознание человека все больше «работает» не с объектами и образами объективного мира, а с образами образов, вторичными представлениями, стихийно либо целесообразно формируемыми различными информационными источниками – СМИ, коммуникационными сетями Интернет, стереотипами массовой культуры, нередко собственными заблуждениями по причине разрушения традиционных систем ценностей и социальных норм.

Проблемы своего рода виртуализации жизненного пространства людей существовали и в прежние эпохи. Но, к примеру, индустриальное общество с его явно выраженным прагматизмом и рационализмом выстраивало определенные фильтры на этом пути. В основе индустриальной стратегии лежат главным образом отношения реальных (материальных) вещей и их идеальных образов, верифицированных эмпирическим и когнитивным опытом человека. Отличительной сущностью информационного общества выступает качественно иная его ресурсная основа в форме интеллектуальных технологий, информации и знаний как важнейших факторов уже нематериального характера. К этому следует добавить невообразимые возможности интерактивных коммуникаций, технологий дополненной и мнимой реальности. Изменение базовых структур общественного бытия в сторону их «нематериальных» проявлений само по себе выступает актом виртуализации социальных отношений и предпосылкой нарушения органичной связи сознания с окружающим человека миром. Сознание становится «беззащитным» в пространстве символов и возможных иллюзий, поскольку теряются объективные основания верификации когнитивно-мыслительных функций человека. Сознание само определяет границы допустимого «творчества», его рационально-критическая функция в условиях объективной реальности подменяется различными формами рефлексии уже в условиях другой – виртуальной – реальности.

Второй аспект названной проблемы связан с тем, что в цифровую эпоху меняются прежние схемы взаимодействия человека и окружающей его действительности, ибо фактически перманентные процессы технологических ноу-хау влияют на модели реальности, лежащие в основе мировоззренческих, поведенческих, коммуникативных и иных программ человека. Если воспользоваться терминологией Э. Тоффлера [8, с. 137–138], эти модели реальности можно было бы назвать *ментальными моделями*, в структуру которых входят социально и культурно значимые смыслы и ценности как императивы жизни и поведения.

Характер и темп трансформации образов реальности имеют сугубо индивидуальный характер. Каждый человек со свойственной ему спецификой создает определенную базовую структуру образов-ценностей, по-особому на нее опирается, дополняет или изменяет, создавая при этом новые образы и отвергая старые. Это все то, что может быть названо ментальной активностью человека. К сожалению, в условиях экспоненциального роста информации, технологизации когнитивных функций человека наблюдается нечто обратное, а именно – проявление ментальной пассивности как отсутствие своего рода установки на творческий поиск, как следование готовым рецептам и смыслам жизни.

Эта тенденция, в свою очередь, обуславливает *третий аспект* проблемы информационно-гуманитарной безопасности: вопрос десубъективизации (деперсонализации) знаний, но не в смысле приобретения ими дополнительных черт объективности, а в смысле исчезновения личностной ментальной содержательности. То есть быстро увеличивающийся объем информации и знаний превращается в самостоятельный, автономный процесс, который приобретает характер социальной неуправляемости и все большего подчинения себе содержания (индивидуальных смыслов) личностного знания. Это обуславливает мировоззренческую неустойчивость сознания, ощущение непостоянства знания, временности и краткосрочности наших внутренних образов реальности.

Это одна из серьезных проблем современного общества, характеризующегося интенсивными темпами роста информации, в создании и образно-знаковом объективировании (социально-культурном кодировании) которой принимает участие несоизмеримо меньшее количество людей в сравнении с тем, на кого она ориентирована и кто не создает, а усваивает готовые смыслы. Данная тема имеет самый широкий контекст анализа: от моральной и профессиональной ответственности «производителей» информации до проблемы свободы, связанной с возможностями выбора в информационном мире.

Технологии производства, использования и передачи информации становятся главным объектом внимания человека, общества и государства. Различия в возможностях владения подобными технологиями обуславливают *четвертый аспект* названной проблемы, который определяется понятием информационного, или цифрового, неравенства, понимаемого как новый вид социальной дифференциации. В глобальном контексте данная дифференциация способна вызвать неравенство между людьми, странами и регионами мира в сфере новейших технологических достижений, что в свою очередь приведет к дальнейшему углублению экономического и социального неравенства.

Для преодоления названных проблем необходимо создавать политические, правовые, социально-экономические предпосылки информатизации общества и развития его информационной культуры. Принятая Концепция информационной безопасности Республики Беларусь является необходимым инструментом в достижении данных целей.

Список использованных источников

1. Концепция информационной безопасности : постановление Совета безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019, № 1 [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь : Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf> – Дата доступа : 12.06.2019.
2. Результаты исследования GCI 2018. Глобальный индекс сетевого взаимодействия Huawei – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.huawei.com/minisite/russia/gci2018rus/> – Дата доступа : 28.05.2019.
3. Объем рынка интернета вещей удвоится [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.vestifinance.ru/articles/92629>. – Дата доступа : 05.06.2019.
4. Объем рынка интернета вещей удвоится [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://finance.rambler.ru/business/38180525-obem-rynka-interneta-veschey-udvoitsya/> – Дата доступа : 15.06.2019.
5. Итоги года: какие технологии вписали 2018-й в историю [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.forbes.ru/tehnologii/368653-itogi-goda-kakie-tehnologii-vpisali-2018-y-v-istoriyu> – Дата доступа : 18.06.2019.
6. Глобальный рынок рекламы вырастет за счет поисковиков и соцсетей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elitetrader.ru/index.php?newsid=417225>. – Режим доступа : 12.06.2019.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> – Дата доступа : 06.08.2019.
8. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 464 с.

А. О. КарасевичИнститут философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь**МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕОРИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹**

В статье рассмотрена социальная коммуникация в контексте динамической модели психики. Данная визуальная модель предназначена для интеграции и систематизации знания о психике и включает в себя совместное динамичное описание психики, деятельности субъекта, предметного и социального внешнего мира. На основании данной модели продемонстрированы теории коммуникации Г. Лассуэлла, М. Де Флера и Шрамма – Осгуда. Также через призму модели рассмотрены трехличностная коммуникативная сеть и коммуникативное действие по Ю. Хабермасу.

Ключевые слова: модель психики, психика, коммуникация, модели коммуникации, коммуникативная сеть, моделирование

A. Karasevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MODELING SOCIAL COMMUNICATION THEORIES

The article deals with social communication in the context of the dynamic model of psyche. This visual model is designed to integrate and systematize knowledge about the psyche and includes a joint dynamic description of the psyche, the activities of the subject, objective and social external world. Based on this model, the theories of communication by H. Lasswell, M. De Fleur, and Schramm – Osgood are demonstrated. Also through the prism of the model the three-person communicative network and the communicative action according to J. Habermas are considered.

Keywords: model of psyche, psyche, communication, model of communication, communication network, modeling

Социальная коммуникация всегда представляла собой актуальное поле для научных исследований: человек с рождения погружен в процесс коммуникации, и социализация невозможна без этого фундаментального процесса деятельности субъекта. В XX в. понятие коммуникации оказалось в центре философской дискуссии, что обусловлено и новизной интерпретации, и новой сферой применения этого понятия [8, с. 28]. Философия же изначально – это коммуникация, диалог, а любой диалог – это столкновение мнений, представлений, пониманий, и неслучайно, что в рамках философии зарождаются рито-

¹ Статья написана при поддержке грантов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований Г18Р-267 и Г18МС-042.

рика, этика, логика, имеющие самое прямое отношение к проблемам коммуникации [13, с. 75].

Философия долгое время воспринимала коммуникацию как практическую проблему. Так, Э. Гуссерль в рамках гносеологического вопроса интерсубъективности рассматривал ее как процесс взаимовосприятия Alter и Ego; Э. Кассирер исследовал символические формы коммуникации; Л. Витгенштейн говорил о «языковых играх», описывая их в лингвосемантическом ключе; Ч. Пирс в контексте лингвофилософского анализа языка и речи рассматривал вопросы интерпретации и взаимопонимания; М. Вебер, разрабатывая подходы к анализу социального действия, сместил акцент с вопроса о языковой, коммуникативной интеракции на проблемы социокультурных интеракций; Ю. Хабермас дополнил теорию социального действия концепцией коммуникативного действия [8, с. 51]. В XX в. возникают такие понятия, как «речевая коммуникация», «коммуникативное действие», «коммуникативное поведение», «коммуникативная революция», «коммуникативистика», «коммуникативные дисциплины», «теория коммуникации» и т. п. Однако и сегодня эти понятия остаются относительно новыми, недостаточно артикулированными в философском, научном и общесемантическом измерениях [8, с. 49]. Математическая модель коммуникации Шеннона – Уивера стала революционной и получила широкое распространение как модель передачи информации (*information transmission model*), задав математический и кибернетический уклон в исследовании коммуникации, и, несмотря на критику линейного, однонаправленного характера коммуникации, до сегодняшнего дня широко используется в коммуникативной теории и практике [8, с. 49]. Преодоление же безликости коммуникации в свете ее излишней математизации возможно в сфере философской антропологии, которая описывает структуру коммуникации с позиции субъекта и представляет ее как форму взаимодействия, вбирающего в себя социальный, индивидуально-личностный и экзистенциальный виды межличностного общения [1, с. 62].

«Коммуникация – явление универсальное, ее содержание и формы попадают в поле зрения многих наук социально-гуманитарного, естественнонаучного и технического циклов. Это вызывает необходимость создания теории, интегрирующей и обобщающей достигнутые результаты научных исследований в данной области» [9, с. 7]. Под коммуникацией мы будем понимать «опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» [14, с. 21]. Данное определение позволяет понимать под коммуникацией различные виды информационного взаимодействия, а также не исключает невербальную коммуникацию, являющуюся важным средством общения [13, с. 96]. Также это определение не исключает чувственное и интуитивное восприятие субъекта субъектом. В данной статье мы проведем анализ некоторых теорий коммуникации в контексте авторской модели психики.

Рассмотрим метод моделирования, который является основным методом, который мы будем использовать в нашем исследовании. Обратимся к понятию

«модель». Термин «модель» в контексте проблематики научных исследований используется для обозначения аналога какого-либо объекта, явления или системы, являющихся оригиналом при использовании метода моделирования; под моделью понимается мысленно представленная или материально реализованная система, отображающая или воспроизводящая комплекс существенных свойств и способная замещать объект в процессе познания [3, с. 18]. В нашем случае оригиналами будут выступать сознание и психика (вместе с нервной системой как их субстратом), а также поведение в контексте внешнего окружения.

В. А. Штофф в своей работе «Моделирование и философия» дал следующее определение модели: «...такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [17, с. 19]. Согласно классификации В. А. Штоффа, модель, которой посвящена данная статья, является мысленной и образной. К этому типу относятся гипотетические модели, модели-аналоги, модели-идеализации и прочие модельные представления.

Говоря о положении метода моделирования среди методов изучения психики, следует отметить, что моделирование отнюдь не занимает периферийного места среди них, а некоторые исследователи относят моделирование к основным методам: к примеру, Г. Д. Пирьев относит моделирование к собственно методам исследования психики (наряду с экспериментом и наблюдением), а Б. Г. Ананьев – к эмпирическим методам (наряду с обсервационными методами, экспериментом, психодиагностическим, праксиометрическим и биографическим методами) [4, с. 8, 10].

Компьютерное моделирование является методом решения задачи анализа или синтеза сложной системы на основе использования ее компьютерной модели [12, с. 23]. Компьютерное моделирование имеет следующие преимущества по сравнению с другими подходами: оно дает возможность учитывать большое количество переменных, предсказывать развитие нелинейных процессов, возникновение синергетических эффектов, позволяет не только получить прогноз, но и определить, какие управляющие воздействия приведут к наиболее благоприятному развитию событий [12, с. 24].

Таким образом, «метод моделирования является одним из наиболее приемлемых, адекватных, объективных и надежных методов научных исследований, позволяющих максимально объективно и всесторонне анализировать многие явления или процессы в большинстве наук при минимальных потерях и риске» [7, с. 58].

Перейдем непосредственно к описанию авторской модели, позволяющей интегрировать и систематизировать знание о психике, и рассмотрению в ее контексте теорий коммуникации.

Основой предлагаемой нами модели является понятие *потребностно-целевой матрицы* – структуры динамической модели психики, которая вклю-

чает в себя временной промежуток психической деятельности между любым психическим содержимым (потребностью), инициирующим данную деятельность, и содержимым (целью), ее приостанавливающим или прекращающим. Потребность в контексте модели подразумевает многие понятия различных парадигм, служащие для обозначения активизирующей деятельности психической силы, имеющей физиологическое основание. Потребностно-целевая матрица является каркасом, обозначением рамок, с помощью которых можно выделить тот или иной отрезок психической деятельности, включающей психические процессы, и подробно исследовать.

Всю деятельность можно разделить на *внешнюю* (организменную) и *внутреннюю* (психическую). К организменной деятельности относятся движения, работа органов и вся активность и поведение в целом. Психическая деятельность включает в себя процессы ощущения, восприятия, внутренней речи, мышления, воображения, памяти и эмоций и соответствует динамическому блоку психики. Кроме динамического блока психики можно выделить стационарный блок, который является вместилищем всего накопленного и врожденного психического материала индивида. В психических процессах находится в любой момент времени малая часть всего психического материала, основная часть не активна. Индивид не может в каждый момент времени актуализировать все свои знания, опыт, воспоминания, паттерны поведения и т. д., ибо все это находится в неактивном состоянии, но присутствует всегда как потенциальная стационарная психика. В стационарном блоке психики можно выделить множество компонентов: знания, убеждения, ценности, опыт, потребности, цели, мотивы, темперамент, характер, самооценка, способы реагирования и многие другие. Причем некоторые из них не сводимы к памяти (к примеру, темперамент).

Таким образом, модель состоит из трех элементов: динамического и стационарного блоков психики, а также обозначения организма и организменной деятельности (рис. 1, *a*). Модель основана на теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна [10, с. 33]. Ее рост демонстрирует разворачивание психического как процесса во временном векторе. Модель трехмерна, динамична, полный ее вариант выполнен в программе 3ds Max. Психофизическая проблема решается в пользу психофизического единства, однако с помощью модели возможна демонстрация любого решения психофизической проблемы. Полный вариант модели включает в себя: окно с динамической моделью психики (рис. 1, *a*); окно, отображающее поведение индивида и окружающий его мир (предметный и социальный) в определенный момент времени (рис. 1, *b*); окно со сферой, составляющие части которой обозначают поведение индивида, стационарную и динамическую психику в определенный момент времени (рис. 1, *c*), данное окно помогает упрощенно моделировать психическое наполнение индивида в определенном положении в пространстве-времени; окно с моделью головного мозга (может включать всю нервную систему), в котором отображается динамика физиологических процессов, являющихся субстратом психического (рис. 1, *d*).

С понятием потребностно-целевой матрицы тесно связано понятие *карты сознания* – схема стационарного и динамического блоков психики, с помощью которых можно обозначить осознанную и неосознанную части психики [5, с. 243–244].

Рассмотрение моделей социальной коммуникации мы начнем с модели Г. Лассуэлла, которая в равной мере может быть использована для анализа как массовой коммуникации, так и любого коммуникативного действия, раскрывающегося по мере ответа на последовательно возникающие вопросы: «Кто?»; «Что?» (передается); «Как?» («По какому каналу?»); «Кому?»; «С каким эффектом?» [6, с. 184]. Подробная версия этой модели коммуникации предполагает изучение процесса коммуникации с помощью ответов на следующие вопросы: «Кто?», «С каким намерением?», «В какой ситуации?», «С какими ресурсами?», «Используя какую стратегию?», «На какую аудиторию оказывает влияние?», «С каким результатом?» [13, с. 54]. При этом важное значение имеет контекст коммуникации [13, с. 56]. На рис. 2 мы представили данную модель коммуникации в ее расширенном виде. Концепция Г. Лассуэлла обладает существенным недостатком – она монологична, в ее конфигурацию не входит обратная связь [13, с. 57]. Эта модель трактует коммуникацию преимущественно как побудительный процесс, в котором отправитель стремится оказать влияние на адресата [6, с. 184].

Согласно коммуникативной модели М. Де Флера, в коммуникативном процессе первоначальная идея (значение) трансформируется в сообщение, которое отправитель затем переводит в информацию, посылаемую по каналу получателю; получатель декодирует информацию в сообщение, которое в свою очередь трансформируется в месте назначения в идею (значение) [13, с. 60]. М. Де Флер ввел в математическую модель коммуникации Шеннона – Уивера обратную связь [15, с. 50]. Таким образом, М. Де Флер замыкает цепочку следования информации от источника к получателю обратной связью, повторяющей весь путь в обратном направлении, включая трансформацию значения сообщения под воздействием шума. Обратная связь позволяет повысить эффективность

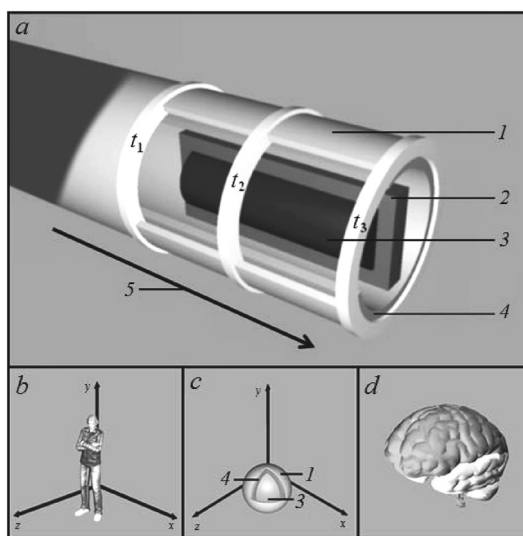

Рис. 1. Динамическая модель психики: 1 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 2 – потребностно-целевая матрица; 3 – динамический блок психики; 4 – стационарный блок психики; 5 – направление роста модели

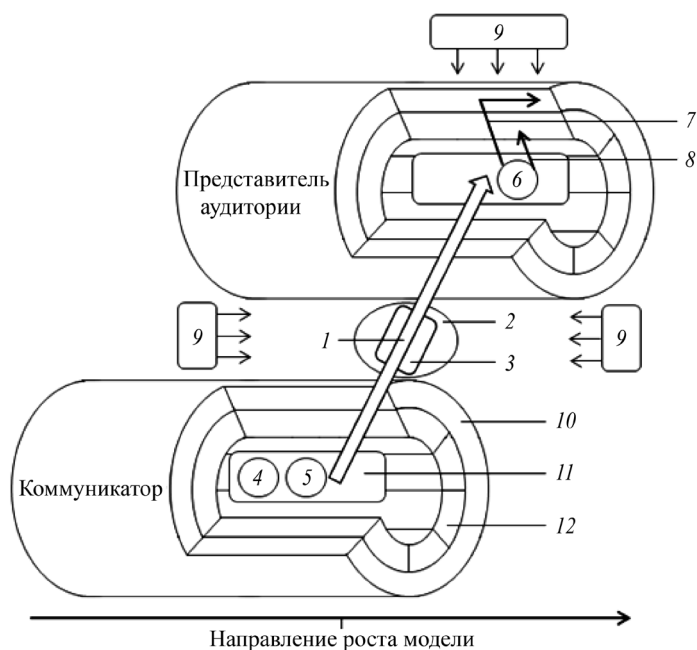

Рис. 2. Моделирование теории Г. Лассуэлла: 1 – содержание передаваемого сообщения; 2 – ресурсы коммуникации (специалисты-коммуникаторы, финансовые и информационные средства, которыми они располагают, а также эффективные коммуникативные технологии, приемы, методы и т. д.); 3 – канал передачи сообщения; 4 – намерение коммуникатора; 5 – выработка стратегии коммуникации; 6 – «эффект» коммуникативного воздействия (возникновение интереса к содержанию сообщения); 7 – изменение поведения получателя сообщения; 8 – изменения в знаниях и установках получателя; 9 – влияние контекста и ситуации на коммуникацию; 10 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 11 – динамический блок психики; 12 – стационарный блок психики

передачи информации и увеличить вероятность соответствия между отправленным и принятым значениями [13, с. 60]. На рис. 3 показана модель М. Де Флера, что по сравнению с теорией Г. Лассуэлла имеет обратную связь, а также учитывает фактор шума, который может искажать смысловое наполнение сообщения. Используя данную модель при исследовании массовой коммуникации, мы можем рассмотреть влияние социально обусловленных психических структур (к примеру, стереотипов) на ход коммуникации.

Циклическая (замкнутая, циркулярная) модель коммуникации была предложена в работах У. Шрамма и Ч. Осгуда [15, с. 50]. Исследователи полагали, что рассматривать коммуникацию как линейный процесс является заблуждением и что необходимо подчеркнуть циклический характер коммуникации, в ходе которой участники (источник и получатель) периодически меняются ролями [13, с. 60]. Таким образом, коммуникация трактуется как двусторонний процесс, когда и отправитель, и получатель информации в равной степени взаимодействуют друг с другом, обмениваясь сообщениями, они меняются

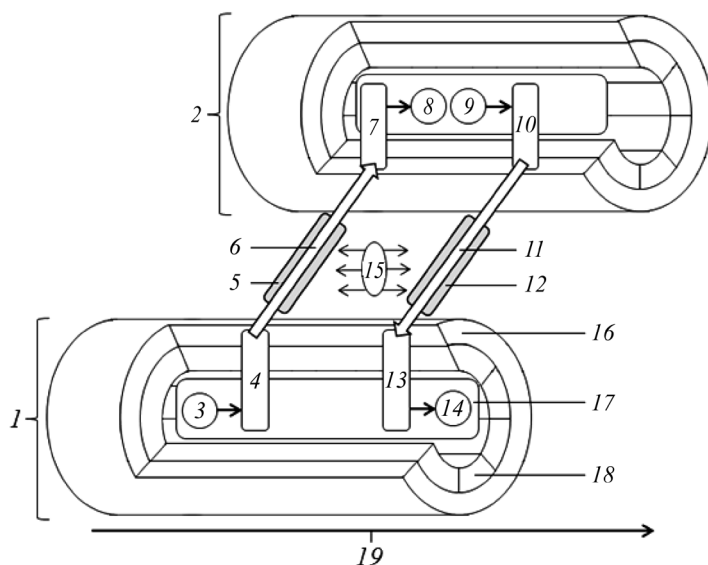

Рис. 3. Моделирование теории М. Де Флера: 1 – отправитель сообщения; 2 – получатель сообщения; 3 – идея (значение) I; 4 – сообщение I; 5 – канал I; 6 – информация I; 7 – сообщение II; 8 – идея (значение) II, при соответствии которой идее (значению) I коммуникация состоялась в эффективном ключе; 9 – идея (значение) III; 10 – сообщение III; 11 – информация II; 12 – канал II; 13 – сообщение IV; 14 – идея (значение) IV; 15 – воздействие шума; 16 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 17 – динамический блок психики; 18 – стационарный блок психики; 19 – направление роста модели

ролями, в результате чего коммуникация превращается в диалог [13, с. 61]. В данной модели основной акцент делается на интерпретации сообщения [13, с. 61]. На рис. 4 смоделирована теория У. Шрамма и Ч. Осгуда как поток чередующихся сообщений между участниками коммуникации, а также кодирования и декодирования данных сообщений, то есть обратная связь в данной модели выражена наиболее сильно. Если внимательно рассмотреть длительную коммуникацию между двумя субъектами (к примеру, беседу), то можно выявить большое количество сообщений, отправленных каждым участником коммуникации, при этом в ходе беседы динамично трансформируется актуальное психическое наполнение субъектов (активизация различных знаний, опыта, установок, ценностей, эмоций), а вид ведущего психического процесса может изменяться (к примеру, мышление может уступить место процессу памяти).

Также большой интерес для нас представляет моделирование психики репрезентативных представителей коммуникативной аудитории, поскольку они отображают наиболее ярко выраженные тенденции данной коммуникации (эмоциональные, когнитивные реакции на воздействие коммуникатора и т. д.).

Теперь смоделируем коммуникативное действие по Ю. Хабермасу в контексте описанных в настоящей статье теорий коммуникации. Под жизненным миром Ю. Хабермас понимал «обобществленные субъекты, которые, участвуя

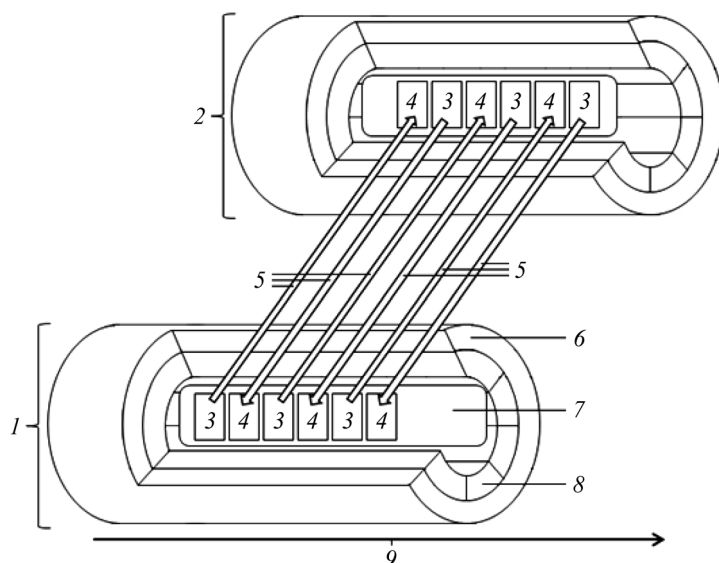

Рис. 4. Моделирование теории У. Шрамма и Ч. Осгуда: 1 – коммуникатор А; 2 – коммуникатор Б; 3 – кодирование сообщений; 4 – декодирование (интерпретация) сообщений; 5 – сообщения; 6 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 7 – динамический блок психики; 8 – стационарный блок психики; 9 – направление роста модели

в совместных процессах истолкования, имплицитно используют концепт мира» [16, с. 8]. Жизненный мир является «полотном» коммуникативного действия, в котором действующие субъекты ориентируются на три мира: объективный (вся полнота сущего, суждения о котором могут принимать значение формальной истины либо лжи); социальный (всеобщность легитимно регулируемых межличностных отношений, о которых можно говорить, что они «правильны» либо «ошибочны»); субъективный (всеобщность субъективного опыта, которая может быть измерена в диапазоне «искренность – неискренность» и к которой действующий субъект имеет привилегированный доступ) [2, с. 41]. В коммуникативном действии объективный, социальный и субъективный миры (внешняя природа, общество, внутренняя природа соответственно) посредством языка связываются в одну систему, выступающую в качестве интерпретационной рамки, в пределах которой возможно достижение взаимопонимания [2, с. 41]. Согласно Ю. Хабермасу, коммуникация по ориентации бывает двух типов – ориентация на взаимопонимание и ориентация на успех [1, с. 65]. По мнению ученого, «действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий. Центральное понятие интерпретации связано в первую очередь с выработкой способных привести к согласию определений ситуации» [16, с. 11]. Действующий субъект для решения конкретной ситуации определяет цель, соотношенную с темой данной ситуации,

план реализации цели с выработкой нормативной рамки, которая подчинена нормативным правилам прошлого опыта, и утверждает новые, при этом любая ситуация имеет временную и пространственную ограниченность [2, с. 42]. При рассмотрении природы взаимопонимания как направленной на согласие коммуникации Ю. Хабермас отмечает в качестве доминирующей духовно-нравственную направленность коммуникативного действия, считая, что коммуникация между людьми должна быть ориентирована на достижение консенсуса [11, с. 365].

Смоделируем структуру коммуникативного действия по Ю. Хабермасу в контексте описанных нами моделей коммуникации. На рис. 5 продемонстрирована

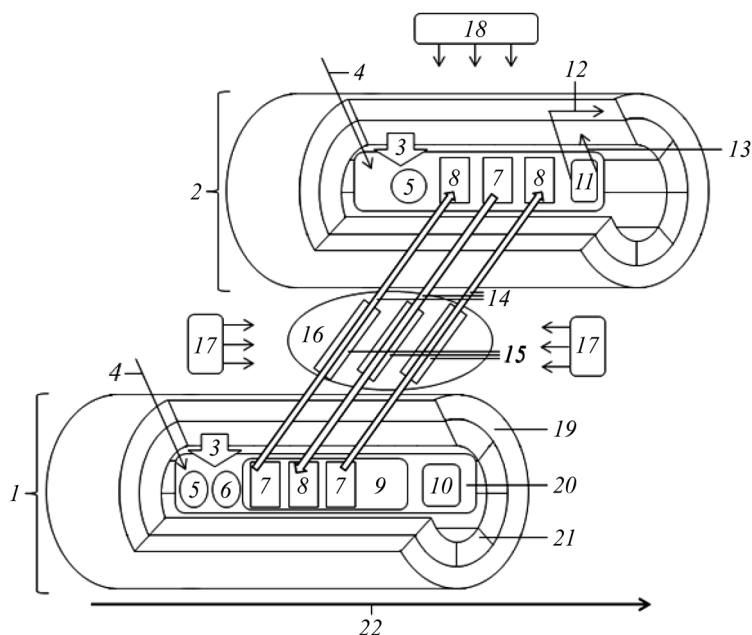

Рис. 5. Структура коммуникативного действия по Ю. Хабермасу в контексте моделей коммуникации: 1 – субъект коммуникации А; 2 – субъект коммуникации Б; 3 – актуализация норм, определяющих процесс коммуникации; 4 – переход внешней ситуации в психический план, ее восприятие; 5 – намерения коммуникаторов; 6 – выработка субъектом А стратегии коммуникации с учетом ориентации на взаимопонимание и на успех, определение плана реализации цели с выработкой нормативной рамки; 7 – кодирование сообщений; 8 – декодирование (интерпретация) сообщений; 9 – интерпретация ситуации субъектом А; 10 – осознание достижения цели коммуникации субъектом А (к примеру, достижение взаимопонимания с субъектом Б); 11 – «эффект» (результат) коммуникативного воздействия на субъекта Б; 12 – изменение поведения получателя сообщения; 13 – изменения в знаниях и установках получателя; 14 – сообщения; 15 – каналы передачи сообщений; 16 – ресурсы коммуникации (информационные средства, коммуникативные технологии); 17 – влияние ситуации на коммуникацию и воздействие шума; 18 – влияние культурного контекста на коммуникацию; 19 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 20 – динамический блок психики; 21 – стационарный блок психики; 22 – направление роста модели

коммуникация субъектов с учетом объективного, социального и субъективного миров. После формирования намерения вступить в коммуникацию, создания стратегии коммуникации, определения плана реализации цели с выработкой нормативной рамки, которая подчинена нормативным правилам прошлого опыта (данные этапы осуществляются преимущественно мгновенно за счет перехода на уровень автоматизмов), реализуется непосредственно коммуникация, состоящая из сообщений, последовательно кодируемых и декодируемых, при этом происходит постоянная интерпретация ситуации субъектами коммуникации. Ход коммуникации напрямую зависит от ресурсов коммуникации (информационные средства, коммуникативные технологии), культурного контекста, внешней ситуации и воздействия шума. Коммуникация может влиять на поведение, знание и установки субъектов, при этом ориентация на достижение

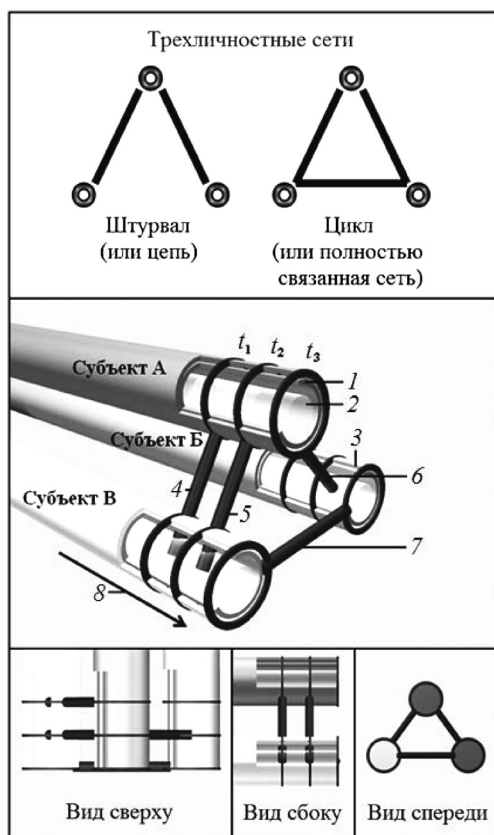

Рис. 6. Трехличностная коммуникативная сеть в контексте модели: 1 – стационарный блок психики; 2 – динамический блок психики; 3 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 4 – коммуникация между субъектом А и субъектом В в момент времени t_1 ; 5 – коммуникация между субъектом А и субъектом В в момент времени t_2 ; 6 – коммуникация между субъектом А и субъектом Б в момент времени t_2 ; 7 – коммуникация между субъектом Б и субъектом В в момент времени t_3 ; 8 – направление роста модели

взаимопонимания является преобладающей. Применяя те или иные методологические фильтры, мы можем взглянуть на коммуникативные процессы через призму различных парадигм – бихевиоризма, когнитивистики, экзистенциализма, деятельностного подхода и т. д. Любой методологический фильтр может помочь понять причины и динамику коммуникации, ее результат, но настоящее знание о ней появляется тогда, когда парадигмальные знания накладываются, наслаиваются друг на друга – так мы видим ситуацию в транспарадигмальном контексте.

С помощью представленной модели мы можем описывать не только коммуникацию между двумя субъектами, но коммуникативные сети. При этом существует возможность обозначить задействованные в коммуникации психические процессы каждого участника коммуникации и их наполнение. Смоделируем для примера трехличностную коммуникативную сеть (рис. 6, см.: [18, с. 607]). С помощью интеграционной модели мы можем моделировать коммуникацию любого количества индивидов, ее динамику в контексте их психической активности и поведения, кроме того допускается моделирование не только прямой коммуникации, но и коммуникации посредством, к примеру, телефона или Интернета. Также мы можем добавить в модель новые элементы, например временную шкалу, что позволит более подробно изучать динамику коммуникации. Таким образом, с помощью подобного моделирования возможно продемонстрировать различные виды коммуникационных сетей с подробным описанием психики индивидов, включенных в данные сети.

Таким образом, с помощью рассмотренной модели можно не только показать динамику коммуникации, но и подробно ее описать в контексте психической и организменной деятельности, внешнего предметного и социального мира, продемонстрировать мотивы, потребности, цели, ценности, мировоззрение, интересы и другие психические характеристики субъектов и влияние данных характеристик на ход процесса коммуникации, а также задействованные в ней психические процессы. Описанная модель – это своего рода полотно, на котором отображается тот или иной подход к пониманию социальной коммуникации и демонстрируется его связь с другими научными теориями.

Список использованных источников

1. Горелова, Т. А. Бинарный код межсубъектной коммуникации / Т. А. Горелова, И. В. Деклерк // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 61–71.
2. Дивисенко, К. С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира / К. С. Дивисенко // Социол. журн. – 2011. – № 1. – С. 36–52.
3. Дмитриева, Ю. А. Метод моделирования в социальной психологии / Ю. А. Дмитриева, В. Г. Грязева-Добшинская // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 18–26.
4. Дружинин, В. Н. Структура и логика психологического исследования / В. Н. Дружинин. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994. – 161 с.
5. Карасевич, А. О. Антропный принцип в контексте деятельностного подхода / А. О. Карасевич // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 237–249.

6. Колесникова, С. В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии / С. В. Колесникова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 352. – С. 183–186.
7. Мампе, И. Метод моделирования как один из наиболее адекватных, объективных и надежных фундаментов научных исследования / И. Мампе // Язык и культура. – 2009. – № 4. – С. 55–59.
8. Назарчук, А. В. Эволюция понятия коммуникации в социальной мысли XX в. / А. В. Назарчук // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. – 2012. – № 1. – С. 48–54.
9. Основы теории коммуникации / М. А. Василик [и др.]. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 713 с.
11. Савруцкая, Е. П. Проблема коммуникации в немецкой философии XX века (Ю. Хабермас, Н. Луман, К. Апель) / Е. П. Савруцкая // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 3. – С. 364–368.
12. Свеженцева, И. А. Компьютерной моделирование как метод исследования социально-психологических процессов / И. А. Свеженцева, Е. П. Грибова // Современные гуманитарные и социально-экономические исследования : материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 17 марта 2014 г. : в 2 т. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т ; редкол.: К. В. Патырбаева [и др.]. – Пермь, 2014. – Т. 2. – С. 23–25.
13. Сидорская, И. В. Теория коммуникации / И. В. Сидорская. – Минск. : БГУ, 2008. – 160 с.
14. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 461 с.
15. Тухватулина, Л. Р. Принципы классификации моделей коммуникации / Л. Р. Тухватулина // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2006. – № 7. – С. 49–53.
16. Хабермас, Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас // Социол. обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 3–24.
17. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 304 с.
18. Янчук, В. А. Введение в современную социальную психологию / В. А. Янчук. – Минск : АСАР, 2005. – 768 с.

Е. С. Ермаков

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Гомель, Беларусь

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ АНАЛИЗА И МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕПАРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена анализу феномена сепаратизма в системно-синергетической и личностно-ориентированной перспективах. Выдвигается тезис, что успешный ответ на сепаративный вызов всегда связан с асимметричными характеристиками всеобщего ответа, которые формируются определенными качествами и параметрами социального целого. Предлагается модель порядка формирования системного асимметричного ответа на вызов сепаратизма.

Ключевые слова: сепаратизм, социальное целое, системный подход, асимметричный ответ, социальная синергетика, субъект истории

E. Ermakov

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLS OF THE ANALYSIS AND MODELING OF SEPARATIVE PROCESSES

The phenomenon of separatism is analyzed in the synergetic and personality-oriented perspectives. There is offered the thesis that successful response to the separative challenge will be associated with the asymmetrical characteristics of the universal response, formed by certain qualities and parameters of the social whole. There is offered the model of the order of formation of asymmetric system response.

Keywords: separatism, social whole, system approach, asymmetric response, social synergetics, subject of history

По своей природе сепаративные процессы являются сложными и глобальными. Вовлекая социально-политические общности и системы в пространство существующего мироустройства, они могут быть оценены как негативно, так и позитивно. С одной стороны, сепаратизм оказывает *деструктивное* воздействие на социально-политические общности и системы, принося огромные бедствия и страдания. С другой же – данные процессы *инициируют* встраивание бывших частей социального целого в глобальный миропорядок, а его оставшуюся часть приводят к реформированию или окончательному распаду.

Механизм принудительного встраивания в глобальный мир через разрушение социально-политических общностей и систем зачастую осуществляется через *обострение* и «разрешение» присущих им латентных или явных противоречий и антагонизмов. Данные противоречия и антагонизмы охватывают

различные сферы бытия человека и общества и образуют основу для восприятия и реализации частью общества (в дальнейшем – определенных «социальных акторов») сепаративных идей.

Таким образом, в теоретико-методологическом плане целесообразно решить две задачи. Во-первых, это выявление форм, в соответствии с которыми внутренние противоречия и антагонизмы выступают источником распада социально-политической целостности. Во-вторых, это нахождение *возможных форм* предупреждения, купирования или принудительной стагнации данного распада.

Первая задача разрешалась нами через концептуализацию порядков протекания данных процессов в ««фазовой» модели сепаративных процессов», где был обоснован общий подход к их изучению [1]. Остановимся на содержательной интерпретации модели.

«Фазовая» модель построена на основе синтеза концептов «социальной синергетики» В. П. Бранского [2] и «универсальной исторической динамики» Н. С. Розова [3]. В целом же модель основывается на идее развития цивилизаций А. Тойнби, известной как система «вызовов-и-ответов» [4]. Под «фазой» Н. С. Розов понимает определенный период процесса с «единой логикой изменений» [3, с. 44]. В представленной модели любая из фаз включает определенное количество исторических событий, ведущих к одному результату – кульминации фазы, после чего через фазовый переход процесс как бы «перескакивает» в следующую фазу в результате изменений так называемых *управляющих параметров*.

Согласно синергетической составляющей модели, сепаративные процессы инициируются *определенными* факторами – «факторами сепаратизма». Их сходжение со скрытыми и явными противоречиями социального целого организует бифуркационное состояние системы и в единстве с ним определяется как «вызов, заключающий в себе “веер возможностей”» [5, с. 76]. В модели выделяется общая типология ответов, эффективность которых напрямую связывается с синхронизацией и качеством ответных действий социальных акторов. Если успешного ответа найти не удастся, то происходит *распад* социального целого и сепаративные процессы переходят в свою конечную фазу, включающую институционализацию целей тех социальных акторов, которые выступали за отделение [1, с. 165–168].

Решению второй задачи и посвящена данная работа. Целью статьи, таким образом, является конкретизация методов формирования эффективных ответов на вызов сепаратизма, что подразумевает выявление порядка, форм и способов предупреждения или нейтрализации деструктивного воздействия сепаратизма.

В соответствии с требованиями синергетической парадигмы считаем, что эффективность ответа социального целого на вызов следует рассматривать в двух аспектах, связанных с наращиванием сложности его системной иерархии. Во-первых, это *имплицитный* аспект, связанный с усложнением и каче-

ственным преобразованием институциональных форм внутри иерархии социального целого. Во-вторых, это *эксплицитный* аспект, выражающий порядок образования новых форм согласованности и взаимосвязи социальной целостности с системной иерархией миропорядка в целом.

Методологическая эвристика исследования связывается нами с такой системно-процессуальной характеристикой, как фундаментальная *асимметричность*, которая присуща пространственно-временному и историко-культурному протеканию процесса формирования ответа на вызов. Асимметричность вызова и ответа, не будучи тождественной такой характеристике социальных процессов, как *неравновесность*, выступает *онтологическим принципом*, организующим неравновесные состояния системы, а следовательно, началом, предопределяющим порождение новых форм упорядочивания и наращивания сложности иерархии и динамики социального целого.

С методологической точки зрения выделение различных типов асимметрии системы «вызов-ответ» позволяет рассмотреть процессы сепаратизма *комплексно*: определить их темпоральные, ценностно-рефлексивные, структурно-функциональные и деятельностные компоненты, а также формы их объективации в ходе ответа социального целого на вызов.

Под асимметричностью системы «вызов-ответ» понимается как *естественное* темпоральное запаздывание, которое подразумевает необходимость временных затрат на частичное или полное системное «перенастраивание», так и *рациональный процесс* накопления определенного количества энергии преобразования качественных характеристик социального целого (к примеру, наращивание интеллектуального или социально-политического потенциала), приходящих в состояние готовности ответить на вызов. В то же время, с одной стороны, асимметричность системы «вызова-и-ответа» может выступать как часть социальной онтологии, работающая с основополагающими параметрами социальной системы. С другой же – как часть социальной методологии, которая связана с теми социальными параметрами, что целенаправленно создаются или конструируются, она может быть скоррелирована с такой онтологической характеристикой системного целого, как «когерентность». Под данным понятием понимается определенная «согласованность взаимодействия элементов, которая проявляется в масштабе всей системы» [6, с. 92].

Оговорим подходы, на основе которых будем строить дальнейшие рассуждения. По верному замечанию П. Н. Шихирева, системный подход, на основании которого и была разработана «фазовая» модель, представляется «способом преодоления недостатков индивидуализма и холизма» [7, с. 32]. Однако в случае своего применения к процессам разрушения социального целого системный подход имеет ряд недостатков. На наш взгляд, он оказывается не в состоянии в полной мере обеспечить исследование ценностных контекстов бытия личности как *формообразующей* части социального целого, дающей ответ

на сепаративный вызов. По мнению А. Тойнби, эффективный ответ цивилизации на вызов истории формируется творческим меньшинством – *личностями*, которые воплощают в себе ценностные установки и фундаментальные смыслы исторического пути данной цивилизации [4, р. 263]. Вследствие этого системный подход будет дополнен «лично-ориентированным», предусматривающим рассмотрение личности как субъекта истории, выступающего *системообразующим* фактором ответа социального целого на вызов сепаратизма.

Предлагаем выделять темпоральную, ценностно-рефлексивную и структурно-функциональную типы асимметрии, которые не только являются выразителями определенных качеств и характеристик социального целого, но и позволяют определить сложность действий социальных акторов в период формирования ответа социального целого на сепаративный вызов.

Темпоральная асимметрия указывает на тот факт, что социальная система затрачивает на ответ определенное время, которое мы определяем как «социальное». По мысли П. Штомпки, под социальным временем следует понимать «сеть взаимно отраженных отношений, формирующих особенные, временные... взаимозависимости между явлениями, событиями и действиями» [8, с. 494]. Данное определение дает возможность увидеть в социальном времени *регулятор*, организующий, координирующий и упорядочивающий социальное целое и его компоненты. Такое понимание может быть дополнено синергетическим пониманием социального времени, согласно которому данное понятие характеризуется нелинейностью и является одним из способов самоорганизации систем, обуславливающим возможность выбора альтернативных путей развития [9, с. 14].

С момента формирования вызова до первых ответных действий проходит определенное время, необходимое для того, чтобы институциональные структуры социального целого продемонстрировали альтернативу – *сделали явным* возможный «отклик» на вызов для того, чтобы социальные акторы не только восприняли его на чувственно-эмоциональном уровне, но и смогли определить и концептуализировать «версии» будущей социальной системы.

Кроме этого, с момента первых действий социальных акторов и до ответа социального целого требуется дополнительное время по той причине, что ответ социального целого является тем непосредственным итогом *взаимодействия* (борьбы и кооперации) отдельных ответных действий социальных акторов различного типа (к примеру, политического истеблишмента, лидеров различных партий и социальных движений, народных масс).

Иными словами, для того, чтобы социальное целое и его компоненты в полной мере «прочувствовали» природу и специфику сепаративного вызова, необходимо на время *приостановить* естественную саморегуляцию системы – замедлить течение социального времени и дать возможность акторам *конкретизировать* качество ответа, используя при этом все доступные ресурсы. В последующем же саморегуляция системы должна быть, наоборот, *ускорена*

с тем, чтобы координация ответных действий акторов с прочими элементами социального целого (например, его структурно-функциональных форм) обеспечила оперативность достижения результата, то есть *всеобщего* (целостного) ответа на вызов. В контексте сепаративного процесса подобный «маятник» означает ускорение и замедление взаимодействия частей и целого посредством *налаживания* различного типа социальных связей – консультаций, переговоров и плебисцитов, для достижения консенсуса, паритета или скрытого преимущества.

Ценностно-рефлексивная асимметрия связана с историко-культурными и ценностными характеристиками бытия личности и социального целого – *историческим пространством* и *историческим временем*, которые осмысливаются социальными акторами посредством рефлексии. Согласно М. А. Розову, рефлексии необходимо определять как «такое описание, которое становится или в принципе может стать элементом той системы, которая это поведение осуществляет» [10, с. 389]. Принято выделять практический, научно-методологический и философско-мировоззренческий уровни рефлексии, отличающиеся не столько акцентами, сколько степенью *сложности* рефлектируемого содержания.

В данной статье мы задействуем философско-мировоззренческий уровень рефлексии, позволяющий раскрыть ту сложность действий социальных акторов, которая возникает в процессе формирования их ответных действий. Социальные акторы не просто действуют, но и в призма собственной истории и прошлого социального целого как во временном, так и в географическом аспектах *осмысливают* свои действия, соотнося их со своими ценностными, мировоззренческими и иными установками и императивами и направляя их на изменение всего социального целого.

Всякая социально-политическая система развивается в привязке к определенному географическому пространству. В процессе развития социума и государства данное пространство становится *историческим*, впитывая в себя особенности данного развития. Но существует и обратная связь: историческое пространство также влияет на эволюцию общественного и государственного устройства, представляя его историческим *образом*.

Если социальное время является сугубо внутренним временем социального целого, то историческое время – *внутренне-внешним*. Являясь не только в собственном смысле хронологией событий, оно включает в себя определенные смыслообразующие параметры развития и функционирования социального целого, привнося в социальное время то, что принято называть смыслом истории. Историческое же пространство закрепляет смысловое измерение времени в определенных территориальных границах, становясь при этом предметом рефлексии (Земля, Родина, Дом). В нашем понимании данные категории сводятся в единую форму – историческое *пространство-время*, которое через рефлексии утверждается в сознании индивидов и общества как фундаментальный ценностный образ реальности социального целого.

По мысли Р. Арона, «индивиды и общество несут в себе прошлое, которого они не ведают, но воздействию которого пассивно подвергаются... Пока они не осознают того, кто они есть и кем были, они не достигают подлинного измерения истории» [11, с. 8]. Считаем, что обладать историческим сознанием естественным образом и в то же время волевым образом располагать им в периоды кризисов – не одно и то же. Во втором случае историческое пространство-время присваивается социальной целостностью на ценностном уровне – рефлектируется как *смысл* собственной истории.

Для определения эффективных форм ответа на деструктивные воздействия вызовов в отношении социального целого обратимся к *ценностной* рефлексии как части ее философско-мировоззренческого уровня и выделим несколько компонентов ее асимметричной составляющей.

1) **Асимметрия источников действий.** Ценностная рефлексия обеспечивает требуемое усложнение социального актора до активного субъекта – *личности*, имеющей историческое мышление. Воплощая в себе один из многочисленных социальных типов акторов – участников сепаративного процесса, она в то же время выступает своеобразным *движителем* созидательной и активной деятельности других социальных типов. Именно об этом и говорил А. Тойнби, когда писал о феномене «трансференции» – переносе результатов духовной работы личности в сферу внешних социокультурных отношений [12, с. 261, 702].

2) **Асимметрия формы и содержания.** Акт рефлексии над формами сложившегося или складывающегося исторического мышления предполагает *использование* его содержательных, смысловых и структурных компонентов для формирования тех идеалов, которые в дальнейшем станут *основанием* для действий социальных акторов. Это происходит за счет заимствования из истории опыта, ценностей, идей не только социальных слоев или отдельных личностей, но и всего социального целого, в том числе форм общественного сознания. Субъект истории выявляет и рефлектирует не столько формы или образцы историко-культурного поведения, сколько определенные *ценностные установки*, которые могут быть реализованы в социальных действиях, направленных на формирование облика как настоящего, так и будущего. В данном аспекте ценностной рефлексии субъект истории как бы «преобразовывается» в философа, размышляющего о ценностях прошлого «и как о фактах, и как о личностно избранных на определенных основаниях» [13].

Таким образом, только идеал, сформированный на основе исторического прошлого и ставший базой субъекту истории в качестве императивного ценностного содержания, сможет успешно воплотиться в «ответе» социального актора и социального целого.

3) **Асимметрия формирования и усиления действий.** Дальнейший процесс рефлексии охватывает ценностный *образ действий*, то есть представления о том, в каких социальных формах действия личности будут кооперироваться

с действиями иных социальных акторов. Как известно, ожидания и прогнозы редко соответствуют социальным реалиям, а процессу формирования ценностного образа действий в той или иной мере присущ непредсказуемый и вероятностный результат. Приблизиться же к идеальному образу социального действия, на наш взгляд, возможно в том случае, если интенсивность и глубина ценностной рефлексии личности будет *инициирована* и *поддержана* другими социальными акторами. Это означает переход отношений между ними на новый – рефлексивный – уровень и становление социального целого как рефлектирующей системы, в которой рефлексия (в нашем случае – ценностную) «вовсе необязательно должен осуществлять тот, кто действует» [10, с. 389].

Таким образом, в этом и заключается смысл ценностной рефлексии в целом – ее успешная объективация в «ответе» напрямую зависит от изначальной *неоднородности* социума в интеллектуальном и духовном плане, которая задает возможность и перспективу зарождения, передачи и восприятия ценностных образцов социального действия.

4) **Концептуальная асимметрия** основывается на положении о том, что социальные акторы через ценностную рефлексия формируют не что иное, как ценностный *концепт* ответных действий. В контексте сепаратизма это означает, что акторы, которые формируют ценностный концепт ответа на вызов, рефлектируют себя в историческом пространстве-времени как *во всей его целостности*, так и *в его определенной части*, имеющей конкретные территориальные границы. В последнем случае конфликт между сторонниками («поддерживающими вызов») и противниками («дающими на вызов ответ») сепаратизма лишь нарастает, формируя *асимметричность смысла* самого исторического пространства-времени. Данная асимметричность воплощается или становится частью уже состоявшихся их политико-идеологических установок, главная черта которых – четкое противопоставление и наличие взаимоисключающих начал.

Конкретным примером ценностного основания ответа на вызов может служить идеологическое основание программы реформ Мустафы Кемалья, ставшей ответом на вызов, инициированным внешними силами и воплощенным в Севрский мирный договор от 1920 года, который оформил раздел страны между членами Антанты и их союзниками [14, с. 132].

Не обращая внимания на содержательный аспект программы реформ, хотелось бы подчеркнуть их сложный ценностный характер. М. Кемаль сумел стать той личностью, которая *подтолкнула* к деятельности других социальных акторов, объединившихся в Республиканскую народную партию. Переосмысливая место Турции как в истории, так и в современном мире, М. Кемаль не просто объединил, но и дал *общий идеал*, ставший в дальнейшем основанием для действий других социальных акторов. Данный идеал воплотился в идеологию кемализма с ее центральной частью – доктриной «шести стрел», где общей идеей стало укрепление турецкого независимого государства на основе

современных западных достижений [15, с. 219]. На наш взгляд, формированию кемализма как идеала предшествовала рефлексия над историческим прошлым Турции, а именно над такой сложной и противоречивой его частью, как взаимоотношение с европейскими странами. По мысли С. Хантингтона, турецкий лидер «при помощи тщательно рассчитанной серии реформ в 1920-е и 30-е годы... попытался заставить свой народ оторваться от оттоманского и мусульманского прошлого» [15, с. 219]. Как личность М. Кемаль определил те ценностные установки, которые, благодаря их компромиссному началу для большинства турецкого общества, были поддержаны другими социальными акторами и впоследствии стали основой для проведения реформ.

Таким образом, ценностно-рефлексивная асимметрия выражает определенную сложность действий личности на ценностном уровне его бытия и бытия социального целого. Актуализируя личностные ценностно-смысловые параметры развития и функционирования, субъекты истории, одновременно поддерживаемые другими социальными акторами и дающие им корректирующие сигналы для *согласования действий*, задают мощный ответ на вызов, поднимая необходимый «заслон» из ценностных компонентов своей истории. Подобный ответ, имеющий в своем основании по сути иррациональные структуры бытия личности и социума, в ситуации неопределенности выбора, когда «рациональных аргументов недостаточно», помогает сделать этот выбор [6, с. 95].

Структурно-функциональная асимметрия указывает на место структур социального целого в процессе формирования ответа на вызов, выражающееся через их способность к *переконfigurированию*, которое порождается вызовом.

В качестве ключевых структур социального целого выделим *социальные институты*, имеющие различные качества, характеристики и уровни связи и находящиеся в разных динамических отношениях между собой. Социальные институты и социальные акторы, которые не могут существовать отдельно, встречаются на среднем уровне социального целого, где деятельность социальных акторов и функционирование структур вместе порождают действия, «толкающие» социальное целое на определенный путь своего развития [8, с. 274]. Стоит выделять иерархию уровней организации элементов и определенные подсистемы социального целого, где определенные социальные акторы «включены» в информационно-управляющий блок социального целого, передающий информацию и энергию через различные типы системных связей к различным подсистемам и структурам [16, с. 6]. В период влияния вызова на социальное целое связи между элементами системной иерархии подвергаются его деструктивному воздействию, что означает возможность упрощения или усложнения системной иерархии и, соответственно, – всего социального целого.

Согласно требованиям синергетической парадигмы, усложнение всего социального целого должно устранять не только воздействие сепаративного вызова, но и саму *вероятность* его возникновения. Считаем, что для того чтобы

данное усложнение могло воплотиться на имплицитном и эксплицитном уровнях системной иерархии социального целого, социальным акторам необходимо задействовать в процессе ответных действий функции тех социальных структур, которые *напрямую* не были подвержены вызову. Данный подход даст возможность как опосредованно воздействовать на те социальные структуры, которые были подвержены вызову, так и уменьшить деструктивное влияние вызова на формирование ответных действий социальных акторов и ответа всего социального целого. Такое воздействие, согласно синергетическому принципу неустойчивости, будет более плодотворным, поскольку «сколь угодно малыми воздействиями» можно «повлиять на выбор поведения системы, на ее судьбу» [17, с. 90].

Определенные моменты подобного подхода были продемонстрированы центральными властями Испании в процессе ответа на вызов каталонского сепаратизма, когда, используя 155-ю статью Конституции страны, они приостановили действие каталонской автономии и ввели прямое правление из Мадрида [18, с. 48]. Однако необходимого усложнения в структуре социальной иерархии Испании не произошло, поскольку сепаративный вызов, как сейчас можно заметить, был устранен только на время.

Данный пример показывает, что использование функций структур, напрямую не подверженных вызову, недостаточно для усложнения системной иерархии в целом. Опираясь на синергетическую парадигму, считаем, что данное усложнение также должно достигаться через рост *системной неоднородности* и переход к более *высокому уровню упорядоченности* для социального целого. Под последним понимается установление и укрепление системных связей и способности к взаимодействию структур социального целого, не имевших данных характеристик до этого. И рост неоднородности, и более высокий уровень упорядоченности связаны с *уменьшением энтропии* в социальном целом, а если точнее – того разнообразия структур, которые не только выступают производителями излишков энтропии, но и не вписаны в целостность, являются ее внесистемными элементами.

Установление новых связей, как и укрепление старых за счет новых структур порождает *качественное* преобразование и усложнение всей структурной иерархии социального целого. К примеру, данное усложнение произошло в период введения в действие Белфастского соглашения от 1998 года, официально окончившего противостояние в Северной Ирландии между центральной британской и местной ирландской властями. В структурно-функциональном плане было введено несколько новых структур – Совет Британских островов и министерство межирландского совета, которые не только укрепили связь между Северной Ирландией и остальной Великобританией, но и способствовали установлению новых, главным образом внутри самой Северной Ирландии [19]. Однако, на наш взгляд, угроза сепаратизма в Северной Ирландии так и не была

устранена, о чем свидетельствует, к примеру, усугубление отношений между Северной Ирландией и Великобританией после проведения референдума о выходе Великобритании из Европейского союза [20, с. 100].

Таким образом, усложнение структурной иерархии еще не означает усложнение всего социального целого. Считаем, что данного усложнения можно достичь только в том случае, если ответ социального целого будет нести в себе и *остальные* типы асимметрии, что подразумевает наличие асимметричного согласования взаимодействия элементов системы как целого, или, иными словами, – «асимметричной когеренции». Подобный ответ в дальнейшем будем именовать «системным асимметричным ответом», посредством которого ценностная рефлексия социальных акторов и структурная модификация социального целого в совокупности с ускорением и замедлением его саморегуляции порождают усложнение социального целого, или всеобщее усложнение. Согласно «фазовой» модели сепаративных процессов, подобный тип ответа следует называть «перспективным», открывающим путь для социального реформирования [1, с. 167].

Концептуализируем порядок формирования перспективного ответа в модели асимметричной корреляции ответа системного целого на сепаративный вызов. Остановимся на раскрытии характеристик данного типа ответа по трем направлениям: характера, направленности и содержания.

1) **Асимметричность характера ответа.** Данная характеристика перспективного ответа включает в себя два аспекта: темпоральный и прогностический. Первый связан с тем, что системному асимметричному ответу следует *запаздывать* по времени. Социальные акторы как ключевой элемент социального целого не должны спешить с формированием своих ответных действий на сепаративный вызов, что *уменьшит* риск усиления вызова по принципу действия положительной обратной связи, а также будет способствовать налаживанию различных типов системных связей с теми социальными акторами, которые выступают за сепаратизм.

Второй аспект данной характеристики необходим для учета возможных его деструктивных последствий на социальное целое, или, иными словами, он связан с *предвидением* вызовов, которые могут возникнуть в будущем. Для этого, на наш взгляд, ответ должен быть *рассеян* по времени, то есть его компоненты, не утрачивая смысловую связь, должны действовать с определенным промежутком между собой, давая возможность изменять и корректировать содержание, акценты и иные характеристики всеобщего ответа.

2) **Асимметричность направленности ответа** связана с наличием у перспективного ответа двух направлений: имплицитного и эксплицитного. Имплицитное, или внутреннее, направление выражает необходимость усложнения структурной иерархии социального целого или тех структур, в которых и действуют социальные акторы. Чтобы достичь этого, необходимо задействовать функциональность социальных структур, *напрямую* не затронутых воздей-

ствием вызова, и убрать из социального целого внесистемные его элементы, мешающие, к примеру, налаживанию социальных связей с теми социальными акторами, которые имеют интенцию на поддержание сепаративного вызова. Только при выполнении этого условия сможет реализоваться взаимодействие между этими элементами, иными словами, возникнет некая упорядоченность между ними, которая после действия всеобщего ответа должна распространиться на все социальное целое.

Эксплицитное, или направление вовне, связано с тем обстоятельством, что любое социальное целое так или иначе вписано в существующую системную иерархию миропорядка, влияющую, в свою очередь, на него. Связь социального целого и остальных субъектов миропорядка обеспечивается через различные социальные институты, в том числе и неформальные, что предполагает тот же порядок действий, как и в случае имплицитного направления.

3) *Асимметричность содержания* выражает и указывает на факт акторского (в том числе и *личностного*) начала ответа социального целого. Данное начало связано с тем обстоятельством, что именно социальные акторы *определяют* концептуальные характеристики всеобщего ответа через ценностную рефлексию личности и ее поддержку другими типами социальных акторов. Ценностный концепт, лежащий в основании перспективного ответа, формирует лишь первую часть необходимой асимметрии его содержания, связанной с использованием ценностного опыта прошлого в процессе ответных действий социальных акторов и фактическим переносом их деятельности на ценностный уровень бытия социального целого.

Вторую часть необходимой асимметрии ответа социального целого социальные акторы формируют вместе с социальными структурами ввиду их связности и взаимозависимости. Используя функции различных структур, социальные акторы в совокупности со своей деятельностью *определяют* и *расставляют* акценты действия всеобщего ответа. В данном случае должны максимально учитываться как возможности всей социальной целостности, так и ее характеристики для того, чтобы не произошло усиления деструктивного воздействия вызова.

Таким образом, для того чтобы социальное целое смогло устоять перед деструктивным воздействием вызова, перспективному ответу необходимо иметь асимметричную *корреляцию* с вызовом как по своему характеру и направленности, так и по содержанию. В противном случае при механистическом, или зеркальном, ответе произойдет усиление отрицательного воздействия вызова, что негативно скажется на дальнейшем развитии социального целого. Считаем, что можно задать то направление, в котором социальное целое будет двигаться к формированию данного типа ответа, раскрывающееся в *системно-динамическом подходе*, который напрямую связан с акцентированными видами асимметрии.

В заключение еще раз укажем на те существенные моменты статьи, связанные с порядком формирования перспективного ответа в предложенной нами модели асимметричной корреляции системы «вызов-ответ».

Во-первых, модель *конкретизирует* подход, эксплицированный в «фазовой» модели сепаративных процессов. Данная конкретизация предполагает расширение тех предсказательных свойств модели, которые позволяют не только заранее выявить факторы инициирования сепаратизма, но и *идентифицировать* пути развития всего сепаративного процесса, связанные с типом ответа социального целого на вызов.

Во-вторых, при применении данной модели к анализу конкретных примеров сепаратизма она позволяет как *выявить* латентные формы зарождения и развития сепаративных процессов, так и *определить* специфику самого сепаративного вызова и *конкретизировать* формы его объективации в процессе в целом. В последнем случае речь идет о *распознавании* присущих и типичных только для сепаратизма форм вызовов.

В-третьих, модель эксплицирует необходимую структурную форму конструирования эффективного ответа на вызов сепаратизма. Иными словами, конкретное содержание каждого ответа будет зависеть от наличного содержания каждого вызова. Предложенная модель задает лишь *принцип*, необходимый для достижения социальным целым действенного ответа.

Список использованных источников

1. Ермаков, Е. С. «Фазовая» модель сепаративных процессов: от стабильности к распаду социально-политических общностей и систем / Е. С. Ермаков // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 163–169.
2. Бранский, В. П. Теоретические основания социальной синергетики / В. П. Бранский // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 112–129.
3. Розов, Н. С. Универсальная модель исторической динамики / Н. С. Розов // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 41–63.
4. Toynbee, A. A Study of History : in 12 vol. / A. Toynbee. – London : Oxford Univ. Press, 1934. – Vol. 3 : The Growths of Civilizations. – 484 p.
5. Левяш, И. Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение : в 2 кн. / И. Я. Левяш. – Минск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 1. – 485 с.
6. Баранцев, Р. В. Имманентные проблемы синергетики / Р. В. Баранцев // Вопр. философии. – 2002. – № 9. – С. 91–101.
7. Шихирев, П. Н. Современная социальная психология в Западной Европе / П. Н. Шихирев. – М. : Наука, 1985. – 176 с.
8. Штомпка, П. Социология социальных изменений : пер. с англ. / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
9. Амбарова, П. А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений / П. А. Амбарова // Социол. журн. – 2014. – № 2. – С. 6–24.
10. Розов, М. А. Рефлексия и деятельность / М. А. Розов // Наука глазами гуманитария : [сборник] / отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – Гл. 14. – С. 384–409.
11. Арон, Р. Избранное: Измерения исторического сознания / Р. Арон. – М. : РОССПЭН, 2004. – 528 с.
12. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
13. Бажов, С. И. О природе философии [Электронный ресурс] / С. И. Бажов // Гуманитар. науч. исслед. – 2013. – № 11. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2013/11/4061> – Дата доступа : 01.01.2019.

14. Киреев, Н. Г. История Турции, XX век / Н. Г. Киреев. – М. : ИВ РАН : Крафт+, 2007. – 608 с.
15. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
16. Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого» стола) // Вопр. философии. – 2006. – № 9. – С. 3–33.
17. Буданов, В. Г. О методологии синергетики / В. Г. Буданов // Вопр. философии. – 2006. – № 5. – С. 79–94.
18. Яковлев, П. «Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса [Электронный ресурс] / П. Яковлев // Перспективы : электрон. журн. – 2017. – № 11. – С. 36–51. – Режим доступа : http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/brexit_po-ispanski_prichiny_i_posledstvija_katalonskogo_krizisa_2017-10-18.htm – Дата доступа : 01.01.2019.
19. The Agreement. Agreement reached in the multi-party negotiations (10 April 1998) [Electronic resource] // CAIN Web Service. – Mode of access : <http://human.snauka.ru/2013/11/4061> – Date of access : 01.01.2019.
20. Еремина, Н. В. Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве / Н. В. Еремина // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 87–105.

А. В. СивицкийИнститут философии Национальной академии наук Беларуси;
Центр стратегических и внешнеполитических исследований, Минск, Беларусь**СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
3. МАОЗА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

В статье рассматривается формирование сетевой теории международных отношений американско-израильского исследователя З. Маоза в контексте влияния четвертой глобальной научной революции и становления постнеклассической науки, объектами которой являются уникальные открытые и саморазвивающиеся системы, описываемые с помощью концепта сети. Методологическими предпосылками данной теории выступают разработка и развитие концепта сети социальной философией, социологической и политологической науками, а также применение метода анализа социальных сетей в мир-системном подходе. Указанный междисциплинарный синтез позволил преодолеть методологическую ограниченность каждой из предпосылок в отдельности и конституировать и самостоятельную теорию. Ее основным концептуальным положением является восприятие международных процессов как совокупности взаимосвязанных кооперационных и конфликтных сетей.

Ключевые слова: сеть, мир-системный подход, социальная философия, анализ социальных сетей, глобальная научная революция, постиндустриальное общество, информационное общество, акторно-сетевая теория, сетевая теория международных отношений

A. SivitskiInstitute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus;
Center of Strategic and Foreign Policy Studies, Minsk, Belarus**NETWORK THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS OF Z. MAOZ:
METHODOLOGICAL BACKGROUND AND BASIC PROVISIONS**

In the article, there is discussed the formation of the network theory of international relations (Networked International Politics) of the American-Israeli researcher Z. Maoz in the context of the fourth global scientific revolution and the development of post-non-classical science, the objects of which are unique complex and self-developing systems described with the help of the concept of network. The methodological background of this theory includes development of the network concept by social philosophy, sociological and political sciences, as well as the application of the method of social network analysis in the world-system approach. Such interdisciplinary synthesis lets to overcome the methodological limitations of each of the elements and to constitute a new authentic and self-sufficient theory. Its main conceptual provision is the consideration of international processes as a set of interrelated cooperation and conflict networks.

Keywords: network, world-systems approach, social philosophy, analysis of social networks, global scientific revolution, post-industrial society, information society, actor-network theory, network theory of international relations

Под влиянием четвертой глобальной научной революции происходит кардинальная трансформация научного знания и становление постнеклассической науки, характеризующейся стремлением к трансдисциплинарности и парадигмальному синтезу различных ее сфер как фундаментальному идеалу и нормативу исследовательской деятельности. По мере того как объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся неповторимые открытые и саморазвивающиеся системы [1, с. 626–633], социальная философия под воздействием «парадигмальных прививок» из синергетики начинает активно оперировать концептом сети для обозначения уникальных полицентрических сложноорганизованных и саморазвивающихся социальных объектов. Таким образом, в социальной философии складывается своего рода сетевая парадигма. Однако отсутствие строгих методологических критериев применения концепта сети, его понятийно-аппаратная неопределенность и размытость приводят к чрезмерной метафоричности, что ограничивает эвристический потенциал данного концепта. Ключ к преодолению данных ограничений лежит в проработке и развитии концепта сети в соответствии с нормативами и идеалами постнеклассической науки. Представители различных социально-философских направлений попытались решить эту задачу:

1) с помощью междисциплинарного анализа влияния научно-технологической и информационной революции на различные сферы жизни общества и государства, воплотившегося в концепциях постиндустриального и информационного общества [2–4; 7], сетевого общества [5; 6], программированного общества [8], акторно-сетевой теории (концепции социотехнической сети) [9–12];

2) через применение социологического метода анализа социальных сетей в мир-системном подходе и интеграцию в него наработок теории политических сетей. Результаты позволили не только преодолеть метафоричность концепта сети, но и приблизиться к разработке самостоятельных аутентичных теорий, в частности сетевой теории международных отношений.

В конце 1970-х годов весьма популярным становится представление о мир-системах как совокупности сетей различных взаимодействий (торговля, война, информационный обмен, заключение браков) [13, р. 41–56], а также наметилась методологическая тенденция, направленная на синтез реляционно-структурного подхода, мир-системного анализа и метода анализа социальных сетей (АСС) при описании мир-системы по модели «ядро – периферия». П. Ллойд, М. Махутга и Дж. Леу систематизировали результаты этих дискуссий и выделили два общих подхода [14, р. 49]: *первый подход* соединяет в себе экономические (торговый оборот) и неэкономические (совместное участие в договорах, военная интервенция, обмен дипломатическими нотами) данные; *второй подход* основывается на анализе различных видов торговли товарами.

Применение концепта сети и метода анализа социальных сетей для описания структуры мир-системы как сложноорганизованной и саморазвивающейся системы позволило выйти за пределы традиционной для мир-системного подхода

дифференциации на ядро – полупериферию – периферию. Были введены дополнительно новые категории сильной полупериферии, слабой полупериферии, сильной периферии и слабой периферии [15]. Также были выявлены феномен континуальности структуры мир-системы, то есть не резко разграниченной, или дискретной, а имеющей плавные переходы между позициями ядра и периферии, исследован феномен нисходящей и восходящей мобильности, то есть переход из одной позиции в другую [16].

Американо-израильский исследователь Зеев Маоз проанализировал и обобщил результаты применения АСС в политологии, социологии и мир-системном подходе, выделив как преимущества, так и ограничения этого метода. По его мнению, многие исследователи определяют сетевые характеристики и сами сети как независимые переменные, хотя до сих пор многое неизвестно о формировании и развитии самих сетей; влияние каждой сети на внешнее поведение субъекта рассматривается обособленно, следовательно, необходимо построить модели взаимодействия различных сетей; большинство исследований сосредоточено на национальном уровне (монада) или уровне двухсторонних отношений (диада), поэтому следует раскрыть влияние сетей на поведение субъектов на других уровнях анализа, и в первую очередь на групповом уровне (клики и блоки) международных отношений (системный, или сетевой).

Чтобы преодолеть эти ограничения, З. Маоз предлагает перейти от простого использования метода АСС в мир-системном подходе к разработке новой методологии – сетевой теории международных отношений (*Networked International Politics*) [17]. Она должна выйти за пределы данных методологических ограничений и рассмотреть следующие проблемы: формирование международных сетей; эволюция международных сетей, факторы изменений; взаимовлияние международных сетей; влияние международных сетей на исторические процессы (стабильность, неравенство, структурные изменения); взаимосвязь между обусловленными (*non discretionary*, географические и культурные) и свободными (*discretionary*, военно-политические союзы, торговля и международные организации) международными сетями [17, р. 21–31].

Центральным элементом этой теории является само понятие сети и его ключевые характеристики. Понятие заимствуется из политических наук как наиболее разработанное с методологической точки зрения («политическая сеть»). Сеть – это набор относительно стабильных неиерархичных отношений разнообразных взаимозависимых акторов, разделяющих общий интерес относительно вырабатываемой политики и обменивающихся доступными ресурсами для достижения поставленных целей, исходя из того, что сотрудничество является наиболее подходящим для этого методом [18]. Четкое понимание внутренней структуры сети, то есть конфигурации входящих в нее акторов и характер взаимоотношений между ними, является базовой методологической предпосылкой [19]. Всех акторов сети можно разделить на так называемые центры (образуют «полюса» сетей) и коммуникационные образования, которые

характеризуются наибольшей интенсивностью внутренних взаимодействий, – «клики». Отношения между акторами заданы самой сетью и обладают определенными свойствами, такими как интенсивность (частота и объемы распределения или передачи различных ресурсов) и направленность (направления перемещения ресурсов внутри сетевой структуры) [20]. Эти отношения могут базироваться как на обмене различными ресурсами, так и на идеологических и даже эмоциональных связях [21].

Сетевой анализ, или АСС, является аналитически формальным методом и основан на применении систематических и воспроизводимых процедур, требующих строгих правил кодировки, характеризуется внутренней логикой, что позволяет достигать дескриптивных и дедуктивных результатов [22–24]. Традиционно выделяются два основных метода анализа данных, используемых при исследовании сетевых структур: 1) графический (визуальный) метод; 2) модели теории графов [25].

Вершины (узлы) сети представляют собой отдельные акторы – государства или международные организации. Связи между вершинами (ребра) могут служить для передачи от одного актора к другому осязаемых объектов – оружия, денег, продовольствия, либо неосязаемых – информации, убеждений, ценностных норм. Сеть представляет собой совокупность связей (ребер) между вершинами. Роль вершины в сети характеризуется с помощью понятия центральности. Существует несколько видов центральности: 1) центральность по степени (*degree centrality*), демонстрирующая наиболее активную вершину в сети, измеряется количеством связей актора с другими вершинами в сети с учетом значимости данных связей; 2) промежуточность, или центральность по посредничеству (*betweenness centrality*), – показатель центральности, равный присутствию вершины в кратчайших путях между любыми другими вершинами; 3) центральность по собственному значению, или вектору (*eigenvector centrality*), – рекурсивная характеристика важности вершины, получаемая из суммы важности связанных вершин (то есть зависит также от центральности соседних вершин, вычисляется с помощью специализированных компьютерных программ); 4) центральность по близости (*closeness centrality*) – показатель, который позволяет понять, насколько близок данный участник ко всем остальным участникам сети, при этом в качестве меры расстояния используется кратчайший путь по графу [26, с. 121–123].

Описанные понятия центральности сети можно определить как разновидность показателей социальной, или сетевой, мощи [27]. Сетевую мощь (*network power*) необходимо интерпретировать не в традиционном, материалистическом понимании, характерном для парадигмы реализма, а скорее ближе к либеральной парадигме сотрудничества через участие в международных институтах.

Сетевая мощь может быть связана с центральным положением в мир-системе и позволяет актору извлекать ряд социальных преимуществ с помощью использования информационных связей и потоков, циркулирующих через него. В этом

случае актер начинает играть центральную роль в формировании международной повестки дня, урегулировании межгосударственных противоречий. При оценке социальной мощи другие показатели центральности (например, центральность по собственному значению) используют существенно реже. Высокий показатель центральности по посредничеству также свидетельствует о значительной сетевой мощи актора. Посредник (*broker*) становится влиятельным, осуществляя монопольное взаимодействие между рядом акторов, недоступное для других. Концепция социальной мощи исходит из того, что членство в международных организациях и присоединение к различным двусторонним и многосторонним инициативам прагматично в силу не только ряда положительных факторов, прописанных в уставных документах и международных соглашениях, но и возрастания роли государства в системе международного взаимодействия [26, с. 126].

3. Мао активно использует наработки социологии и политологии в области сетевого анализа. Он описывает сеть как совокупность элементов и правило, которое определяет, связаны ли два элемента между собой, как и в какой степени. Поэтому сети характеризуются правилом, фиксирующим существование, величину и/или направление связей между узлами. Во многих случаях одни и те же узлы могут одновременно участвовать во многих сетях, регулируемых различными правилами. 3. Мао выделяет следующие типы сетей: 1) *реляционные* (однорежимные) – для них характерно наличие неких правил, детерминирующих наличие, направленность и интенсивность отношений между любыми двумя элементами (например, соседство, дружба, союзничество, торговля); реляционные сети могут быть симметричными (например, оборонительный альянс) и асимметричными (например, торговля – обычно экспорт не равен импорту); 2) *аффилиативные* (двухрежимные) – для них характерно наличие правила, определяющего членство элемента в какой-либо группе, его причастность к событию (например, членство в международных организациях, религиозная принадлежность).

Согласно 3. Маоу, основное положение (гипотеза) сетевой теории международных отношений (СТМО) заключается в том, что международные процессы развивались как совокупность взаимосвязанных кооперационных и конфликтных сетей. К кооперационным сетям (*cooperative*) относятся: оборонительные союзы; общие торговые сети; специальные торговые сети (например, торговля оружием); прямые иностранные инвестиции; международные организации; дипломатические отношения; культурные связи и т. д. Конфликтные сети (*conflict*) включают в себя: военно-политических союзников; союзников военно-политических противников. Исследователь видит главными целями СТМО понимание механизма формирования современного иерархического миропорядка в свете коэволюционного взаимодействия международных сетей и прогнозирование направления будущего развития мир-системы [17, р. 5–40].

На основе анализа различных сетей и их взаимодействий, используя различные базы данных торговли, конфликтов, дипломатических отношений за пе-

риод 1816–2001 гг., З. Маоз вывел некоторые закономерности, которые могут быть включены в теоретико-методологический инструментарий сетевой теории международных отношений. СТМО стремится объединить идеи трех основных подходов к исследованию международных отношений: реалистического, либерального и конструктивистского/культурного. Основная предпосылка СТМО заключается в том, что сети представляют собой производную структуру. Для того чтобы понять, как образуются сети, изменяются и влияют друг на друга, а также на стабильность и изменения в глобальной системе, необходимо начать с микрооснований подобных сетей.

З. Маоз полагает, что большинство международных сетей возникают благодаря решениям международных акторов образовать ту или иную кооперационную или конфликтную связь с другими акторами. Таким образом, свободные сети отражают избранные государствами альтернативы. Структура союзнической сети зависит от решения тех или иных акторов образовывать ли им союз для обеспечения безопасности с другими акторами или нет. Выбор союзников отдельными государствами детерминирует общие характеристики союзнических сетей: плотность, поляризацию, взаимозависимость и т. д. Некоторые государства делают выбор в пользу взаимной торговли или отказываются от нее. Выбор той или иной альтернативы обуславливает структуру торговых сетей. Подобные размышления применимы не только в отношении кооперационных сетей, но и конфликтных. Государства избирают своих противников, определяя для себя: с кем бороться, когда бороться и как бороться. Выбор между подобными вариантами влечет за собой структурные последствия.

Чтобы объяснить, как возникают кооперационные международные сети, необходимо прежде всего построить модели, которые показывают, что происходит при отсутствии подобных кооперационных связей. Это исходный уровень для образования сетей, аналог всемирного «естественного состояния», то есть системы, в которой отсутствуют какие-либо сотрудничество или механизмы, устанавливающие правила, порядок и ограничения и определяющие поведение индивидуумов.

Таким образом, СТМО предлагает интегральный подход к процессам формирования сетей безопасности. Кроме того, она объясняет, как сети безопасности, экономические и институциональные сети взаимодействуют и совместно развиваются, а также изучает структурные последствия, связанные с образованием сетей и их взаимодействием. Ключевая идея СТМО заключается в том, что поведение государств управляется двумя противоположными факторами: 1) анархичная структура международной системы (фактор напряжения, вызовы безопасности, поиск союзников); 2) социальная природа государств, которая побуждает их налаживать отношения за пределами своих границ (фактор сходства, определяемый структурой культур, политической системой, историей сотрудничества).

Решение государств об установлении взаимных связей в сфере безопасности основывается на комбинации стратегических соображений и схожести друг с другом. В частности, на данное решение влияют размер и характеристики стратегической референтной группы (СРГ) каждого государства. Каждое государство идентифицирует вызовы в сфере безопасности на основании размера и состава своей СРГ, которая складывается из множества акторов, воспринимаемых в качестве угрозы безопасности конкретного государства. Это множество акторов обычно состоит из бывших противников конкретного государства, стратегических соперников и союзников его противников. Данная концепция оказывает сильное влияние на политику безопасности и стратегию государств следующим образом:

1. Размер и стратегическая структура (возможности) СРГ создают сильную мотивацию для образования союзов в сфере безопасности. Государства, противостоящие большому и враждебному внешнему окружению, состоящему из многих и/или могущественных государств, испытывают необходимость сотрудничать друг с другом и объединять свои ресурсы для достижения баланса с возможностями соответствующих СРГ.

2. Демократические государства, противостоящие СРГ с большой долей демократических же государств, в меньшей степени склонны искать союзников, чем: а) недемократические государства, противостоящие как демократическим, так и недемократическим СРГ, или б) демократические государства, противостоящие недемократическим СРГ.

3. Государства чувствуют меньшую угрозу со стороны своей СРГ и, следовательно, менее склонны искать союзников, если у них исторически имеются обширные торговые связи с членами своей СРГ.

4. Государства ощущают меньшую угрозу со стороны культурно сходных членов своей СРГ, чем со стороны культурно отличных членов их СРГ.

Возможность образования двумя государствами союза в сфере безопасности зависит как от стратегических факторов, так и от сходства государств, включая следующее: 1) государства имеют общих врагов; 2) оба государства имеют высокие вмененные издержки отказа от союза (так как они оба противостоят большим и могущественным СРГ); 3) оба государства являются демократическими; 4) оба государства имеют давние торговые и институциональные связи; 5) оба государства сходны в культурном отношении [17, р. 115–140].

Государства, поддерживающие связи в сфере безопасности (союзники), с гораздо большей вероятностью торгуют оружием и стратегическими товарами друг с другом, чем с государствами, не являющимися их союзниками. Союзнические клики в сфере безопасности обычно пересекаются с кликами торговли стратегическими товарами. На степень пересечения союзнических кликов и кликов торговли стратегическими товарами влияют те же факторы, которые определяют возможность установления прямых связей между государствами: общие враги, общность демократического устройства и культурное сходство.

По мнению З. Маоза, данные результаты влекут за собой важные теоретические следствия, наиболее значительным из которых является то, что государства побуждаются к сотрудничеству наличными или ожидаемыми конфликтами. В противном же случае государства неохотно сотрудничают друг с другом. Однако ощущение угрозы со стороны международного окружения подталкивает их к сотрудничеству в сфере безопасности. Все это подтверждает реалистическую парадигму. СТМО утверждает, что сотрудничество может возникать из общих связей или сходства. Сочетание стратегической мотивации и основанной на сходстве мотивации как основания для сотрудничества влечет за собой два важных следствия: 1) это приводит к возникновению эффекта перекрестного влияния (растекания); 2) по мере того как подобное влияние становится все более явным и интенсивным, предрасположенность к конфликту снижается.

Эффект взаимовлияния может быть рассмотрен с точки зрения престижа государств, определяемого через различные показатели входящей центральности в различных сетях: 1) показатели центральности государств в торговых и институциональных сетях вполне очевидно обуславливают аналогичный показатель государства в союзнической сети; 2) подобным же образом центральность в союзе оказывает значительное влияние на центральность государства в торговой сети; 3) центральность в сети не является надежным средством для предсказания того, будет ли данное государство обозначено как великая, региональная или малая держава согласно традиционным обозначениям, принятым среди исследователей международных отношений.

Престиж государства, понимаемый как его сетевая центральность, не имеет устойчивого воздействия на его способность оказывать влияние в международных организациях. Примечательно, но несоответствие статуса может быть причиной как мира, так и войны. Это заключение сохраняет силу на различных уровнях анализа:

1. Государства, у которых определяемый их силой статус превосходит показатель их престижа, обычно гораздо более агрессивные, чем государства со сбалансированным показателем престижа. Подобным же образом государства, у которых показатель престижа превосходит определяемый их силой статус, обычно более миролюбивы, чем «среднее» государство.

2. Уровень несоответствия статуса, то есть противоречия между рангом государства по силе и его сетевой центральностью, влияет на напряженность международных конфликтов на уровне системы.

Анализ значительных различий в показателях экономического роста и уровне экономического развития, вызывающих глобальное разделение труда в рамках мир-системы, позволили З. Маозу вывести важные предпосылки моделей внутренних и международных конфликтов:

1. Существует вполне определенная зависимость между рангом государств – их положением в блоке, выведенном на основании структуры их отношений

зависимости в различных сетях, и их репутационным статусом. Великие и региональные державы обычно находятся в блоках ядра, в то время как малые державы – в блоках полупериферии и периферии.

2. В полном соответствии с предсказаниями мир-системного подхода государства периферии с большей вероятностью сохраняют свой ранг с течением времени, чем государства полупериферии и ядра. Одновременно стабильность блоков во всех отношениях возрастает в период после Второй мировой войны по сравнению с предыдущими периодами. Это связано с большей стабильностью основного способа производства мир-системы в послевоенную эпоху по сравнению с предыдущими эпохами.

3. Разделение труда в мир-системе обнаруживает устойчивое и существенное влияние на абсолютные показатели экономического роста. Государства ядра и полупериферии имеют гораздо большие показатели роста по сравнению с государствами периферии. Однако более высокие показатели экономического роста государств ядра в сопоставлении с государствами более низких рангов наблюдаются только в послевоенную эпоху.

4. Глобальное разделение труда влечет за собой интересные, хотя и не слишком устойчивые последствия для политической стабильности государств. Вероятность возникновения гражданской войны (на основании баз данных о гражданских войнах) значительно ниже для государств ядра, чем для государств периферии. В то же время стабильность статуса государства в значительной степени снижает вероятность гражданской войны. В государствах, недавно изменивших свой статус, вероятность возникновения гражданской войны в сравнении с государствами со стабильным статусом выше.

5. Государства ядра чаще выступают на стороне правительств государств в состоянии гражданской войны, в то время как государства периферии – на стороне повстанцев.

6. Исследование связи между статусом государств и вероятностью возникновения международного конфликта не привело к выявлению явных и надежных закономерностей. Имеются некоторые свидетельства того, что государства ядра более конфликтогенны, чем государства периферии, и что вероятность возникновения конфликта в диаде, состоящей из государств ядра, выше, чем в диаде периферийных государств [17, р. 363–373].

Хотя З. Маоз сформулировал первичные теоретико-методологические положения СТМО, он отмечает необходимость дальнейшей проработки теории и приглашает к активному сотрудничеству. По его мнению, для дальнейшего продвижения исследований международных сетей необходимо изучить следующие фундаментальные вопросы, что станут основными вызовами, с которыми столкнутся исследователи при использовании СТМО в дальнейшем:

1. Раскрытие сетевой природы государств и построение моделей на основе представлений о гнездовых сетевых структурах, в которых узел внешней сети, сам является сетью внутренней сети.

2. Изучение сетей государств и негосударственных акторов (например, повстанческие/партизанские/террористические группы, ТНК, НГО).

3. Дальнейший сбор сведений о международных и внутригосударственных сетях, формирование соответствующих баз данных и создание всеобъемлющего хранилища реляционных и аффилиативных сведений, представленных в форматах, пригодных для проведения сетевого анализа (например, матричное представление, представление в виде диад).

4. Дальнейшая интеграция сетевого анализа и других форм анализа (например, объединение сетевых данных и данных географических геоинформационных систем для понимания взаимосвязи между географическими условиями и политикой).

5. Сочетание сетевых и формальных политических моделей, в том числе через использование методов многоагентного моделирования для изучения сложных процессов [17, р. 374–376].

Таким образом, дальнейшая проработка концепта сети в социальной философии, социологии и политологии, применение метода анализа социальных сетей в мир-системном подходе привело к приращению новых знаний, что позволило З. Маозу конституировать самостоятельную и аутентичную сетевую теорию международных процессов. Исследовательский фокус на сложноорганизованных и саморазвивающихся объектах-сетях, междисциплинарный синтез, использование строгого понятийного и методологического инструментария, применение специализированных компьютерных программно-аппаратных комплексов для анализа большого объема данных (*big data*) и моделирования сетевых структур являются характерными особенностями этой теории, соответствующей основным нормативам и идеалам постнеклассической науки в эпоху четвертой глобальной научной революции. В совокупности эти характеристики наделяют сетевую теорию международных отношений существенным эвристическим потенциалом при анализе международных процессов. Перспективными направлениями дальнейшего развития этой теории являются усиление внимания к методам динамического анализа и моделирования функционирования сетей международных отношений, интеграция теоретико-понятийного аппарата теории сетевых игр, а также использование специализированных аппаратно-программных комплексов для работы с большими объемами данных и прогнозирование на их основе динамики сетей с применением алгоритмов искусственного интеллекта.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
2. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество : пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 602 с.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество : пер. с англ. / ред., вступ. ст. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 956 с.

4. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 1999. – 261 с.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – Maiden (Ma.) ; Oxford : Blackwell Publishers, 1996. – 556 p.
7. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. – М. : ООО «Изд-во АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
8. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Науч. мир, 1998. – 204 с.
9. Латур, Б. Об интеробъективности / Б. Латур // Социол. обозрение. – 2007. – Т. 6, № 2. – С. 79–96.
10. Латур, Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Б. Латур // Социология вещей. – М. : Территория будущего, 2006. – С. 342–365.
11. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // Логос. – 2002. – № 5. – С. 1–32.
12. Callon, M. Actor Network Theory / M. Callon // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – Elsevier Ltd, 2001. – P. 62–66.
13. Chase-Dunn, Ch. Rise and Demise: Comparing World-Systems / C. Chase-Dunn, T. D. Hall. – Boulder : Westview Press, 1997. – 336 p.
14. Lloyd, P. Looking back and forging ahead: thirty years of social network research on the world-system / P. Lloyd, M. C. Mahutga, J. De. Leeuw // J. World-System Res. – 2009. – Vol. 15, № 1. – P. 48–85.
15. Smith D. A. Structure and Dynamics of the Global Economy: Network Analysis of International Trade, 1965–1980 / D. A. Smith, D. R. White // Social Forces. – 1992. – № 70 (4). – P. 857–893.
16. Snyder, D. Kick, E. L. Structural Position in the World System and Economic Growth, 1955–1970: A Multiple-Network Analysis of Transnational Interactions / D. Snyder, E. L. Kick // Amer. J. Sociol. – 1979. – № 84 (5). – P. 1096–1126.
17. Maoz, Z. Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816–2001 / Z. Maoz. – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2010. – 433 p.
18. Borzel, T. A. Organizing Babylon – On the different conceptions of policy networks / T. A. Borzel // Public Administration. – Vol. 76, № 2. – P. 253–273.
19. Knoke, D. Network analysis / D. Knoke, J. Kuklinski. – Beverly Hills ; L. : Sage, 1982. – 96 p.
20. Comparing policy networks: Labour politics in the US, Germany and Japan / D. Knoke [et al.]. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1996. – 308 p.
21. Wasserman, S. Social Network Analysis / S. Wasserman, K. Faust. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 857 p.
22. Kenis, P. Policy networks and policy analysis: Scrutinizing a new analytical toolbox / P. Kenis, V. Schneider // Policy networks. Empirical evidence and theoretical considerations. – Boulder : Wesview Press, 1991. – P. 25–62.
23. Klijn, E. H. Analyzing and managing policy processes in complex networks: A theoretical examination of the concept policy network and its problems / E. H. Klijn // Administration and Society. – 1996. – Vol. 28 (1). – P. 90–119.
24. Explorations in to the visualization of policy networks / U. Brandes [et al.] // J. Theor. Politics. – 1999. – Vol. 11. – P. 75–106.
25. Сетевой подход в изучении международных конфликтов / Ф. Т. Алескеров [и др.] // Полит. наука. – 2016. – № 4. – С. 111–137.
26. Дегтярев, Д. А. Сетевой анализ международных отношений / Д. А. Дегтярев // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 6. – 2015. – Вып. 4. – С. 119–128.
27. Hafner-Burton, E. Power Positions: International Organizations, Social Networks, and Conflict / E. Hafner-Burton, A. Montgomery // J. Conflict Resolution. – 2006. – Vol. 50, № 1. – P. 3–27.

В. А. Белокрылова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ТЕНДЕНЦИИ СИСТЕМНОЙ КОММОДИФИКАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

В статье обосновано, что социогуманитарные технологии как инструменты целенаправленного алгоритмизированного моделирования поведенческих практик содержат в себе потенциал как гуманизации общественного пространства, так и его коммодификации (товароризации). Показана возрастающая роль эмоционального труда в функционировании экономических и культурных институтов эпохи когнитивного капитализма.

Ключевые слова: социогуманитарные технологии, коммодификация, человеческий капитал, когнитивный капитализм, эмоциональный труд

V. Belokrylova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**SOCIAL-HUMANITARIAN TECHNOLOGIES
AND TRENDS OF SYSTEMIC COMMODIFICATION OF HUMAN CAPITAL**

In the article, there is justified that social-humanitarian technologies as instruments of the targeted algorithmic modeling of behavioral practices contain the potential of both humanization of public space and its commodification. There was showed the increasing role of emotional work in the functioning of economic and cultural institutions of the era of cognitive capitalism.

Keywords: social-humanitarian technologies, commodification, human capital, cognitive capitalism, emotional work

Установка на тотальную прагматизацию и коммерциализацию знания – одна из характерных черт и важнейших гуманитарных проблем современного социума. Специфика общества знания, в числе прочего, может быть конкретизирована через товарно-рыночные формы его функционирования. В свою очередь аксиология знания определяется экономической эффективностью его внедрения в практику, то есть в первую очередь технологизацией. «Были времена, когда науку называли служанкой теологии; не так давно в ней видели служанку идеологии; сегодня же впору говорить о том, что наука начинает восприниматься как служанка технологии», – отмечает Б. Г. Юдин [1].

Товарное измерение деятельности и коммуникации выступает одной из ведущих целевых причин и экстенсивного, и интенсивного развития человеко-ориентированных технологий в эпоху когнитивного капитализма. Социальные

технологии, реализующие управление коммуникацией с целью получения конкурентных преимуществ на рынке, обращаются к эмоционально-ценностным и поведенческим установкам, складывающимся и воспроизводимым в ходе межличностных взаимодействий. Это позволяет говорить о единстве непосредственного (естественного) и опосредованного (искусственного) в реализации современных социогуманитарных технологий.

Понятие когнитивного капитализма – одно из средств концептуализации экспоненциального роста товарных отношений практически во всех сферах жизни современного социума. По мнению Б. Польре, когнитивный капитализм «следует понимать как общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам» [2, с. 66]. Характеризуя данное понятие, Э. Рулани акцентирует внимание на специфике процесса превращения знания в стоимость. «Когнитивный капитализм функционирует иначе, чем просто капитализм. Их различие легко заметить по тому факту, что знание и его материальный носитель разделены процессами виртуализации, и что знание стало (вос)производимым, подлежащим использованию и обмену в отрыве от капитала и труда, которые его произвели» [3, с. 64]. Сходную мысль высказывает А. Корсани: «Товарность знания обуславливает его эмансипацию, знания начинают циркулировать отдельно как от машины, так и от работника» [4, с. 75]. При этом технология оказывается в условиях когнитивного капитализма оптимальной товарной формой, поскольку обеспечивается легкость в обращении при минимуме издержек. «Информатика все больше стремится избавиться от машин и торговать непосредственно software. Сходным образом фармоиндустрия ищет возможность больше не производить лекарства, а продавать “принцип действия”» [4, с. 75].

Феномен труда в обществе позднего капитализма становится все более экстенсивным и децентрализованным. И причина здесь лежит не только в плоскости всеобщей информатизации и цифровизации. Симптоматично, что именно при когнитивном капитализме центральное значение приобрело понятие человеческого капитала. Последний выступает, с одной стороны, как экономический ресурс, способный приносить прибыль и при правильном использовании самовозрастать. «Умственный потенциал и реактивная способность служащих приносит прямую выгоду предприятию, имеющему тенденцию рассматривать служащих как “основной капитал”» [2, с. 67], – отмечает Б. Польре. С другой стороны, человеческий капитал трактуется как наращиваемое в ходе индивидуальных усилий достояние личности, которое измеряется опять-таки посредством преимущественно экономических критериев. «Капитализация» осуществляется посредством отнесения личностных навыков к их рыночной стоимости. Современной экономикой востребован уже не просто абстрагированный от индивида труд, а весь личностный потенциал целиком: «Человек, рассматриваемый как капитал, полностью подчиняется логике предприятия и конкуренции» [4, с. 77].

А. Горц в своей книге приводит характерное высказывание топ-менеджера транснациональной корпорации: «Сотрудники составляют часть капитала пред-

приятия... Их мотивация и ноу-хау, гибкость, способность к новаторству и ориентация на клиентов – это сырье, из которого создаются новые продукты в виде услуг... А поскольку при оказании услуг значительную роль играет компонент поведения, мы все больше учитываем в наших оценках также социальную и эмоциональную компетентность сотрудника» [5, с. 23–24].

Про инвестиции в человеческий капитал сегодня говорится повсеместно. С эффективностью его наращивания и использования напрямую связывается благополучие национальных экономик. Однако эффективность как таковая, а тем более эффективность как воспроизводимый на регулярной основе процесс предполагает пошаговую детализацию и технологизацию. Управление промышленным трудом с целью максимизации его эффективности было ядром социальных технологий фордизма, которым присущи централизация, унификация, специализация и т. п. Очевидно, что целерациональность когнитивного капитализма (постиндустриального, сетевого общества) отлична от классических образцов управления эффективностью. Дух времени диктует подчинение экономической логике все новых регионов общественного бытия, что вновь и вновь актуализирует потребность в их организованности, программируемости и рефлексивно выверенной обратной связи.

Социально-гуманитарные технологии позднего капитализма, имея в целом аналогичную духу фордизма цель – интенсифицировать эффективность человеческого капитала, вынуждены действовать абсолютно в других условиях: утраты разграничения рабочего и приватного пространства, нелинейном характере труда и коммуникации, роста удельного веса эмоционального труда и обобществленных коммуникативных ресурсов. Очевидно, что в данных условиях искомый технологический регулятив должен действовать изнутри через мотивацию, ценности, поведенческие установки и т. п.

Товарно-рыночный обмен так или иначе означает опосредование и отчуждение участвующих в рыночном обороте ресурсов. На современном этапе помимо когнитивных ресурсов в рыночный оборот активно вовлекаются новые регионы общественных взаимодействий, и количество их неуклонно растет. Это становится поводом для оценки происходящего как биополитического процесса. М. Хард и А. Негри отмечают: «Труд – будь то материальный или аматериальный, умственный или физический – производит и воспроизводит общественную жизнь, и одновременно эксплуатируется капиталом» [6, с. 371]. Коммуникация, производство и жизнь в таком обществе составляют одно сложноорганизованное целое, при этом роль коммуникации, в глобальном масштабе подрывающей саму возможность связи порядка и пространства, постоянно возрастает. Именно коммуникация является «центральной элементом, обеспечивающим производственные отношения, направляющим капиталистическое развитие, а также изменяющим производительные силы» [6, с. 323]. При этом все заметнее ощущается тенденция «колонизации коммуникативной общности капиталом» [6, с. 372].

А. Корсани в свою очередь отмечает экспоненциальное расширение объекта эксплуатации: включение в товарный оборот знания, досуга и культуры, межличностных связей на различных уровнях, здоровья и образования. «Теоретическое разделение между производством (товаров) воспроизводством (биологической и социальной жизни) становится несущественным, а то и несостоятельным» [4, с. 74]. Характеризующий постиндустриальное общество рост сферы услуг имеет прямое отношение к открытию новых товарных регионов. По мере становления когнитивного капитализма сами условия жизненного мира, экстерналии, формально внешние процессу производства, активно осваиваются как экономический ресурс.

Технологии, направленные на извлечение прибыли, активно встраиваются не только в науку, культуру, здравоохранение, но и в межличностные отношения, повседневную коммуникацию. Это может происходить как открыто, так и имплицитно. «К проблеме частной собственности на средства производства добавляется вопрос о частной собственности на “средства жизни”. Все эти новые “индустрии” здоровья, персональных услуг, так называемые телесные индустрии, индустрии коммуникаций и развлечений – все они определяют лицо когнитивного капитализма» [4, с. 76]. Сама жизнь оказывается вовлеченной в производственный цикл [4, с. 77]. Управление сотрудничеством, мотивацией, креативностью и тому подобным становится первостепенной задачей. Значимость коммуникативных компетенций возрастает с обобществлением и процесса, и результата труда, конечный продукт которого является, как правило, прямым следствием сотрудничества и кооперации.

Товарное измерение деятельности и коммуникации выступает одной из ведущих целевых причин и экстенсивного, и интенсивного развития человекомерных технологий в эпоху когнитивного капитализма. Социально-экономический запрос актуализирует процессы инженеризации гуманитарного знания. Моделирование и конструирование средств и условий, отвечающих потребностям и целям управления на различных уровнях, лежат в основе социально-технологической реальности, искусственной и естественной одновременно.

Феномен коммодификации межличностных взаимодействий в рамках информационного общества может быть охарактеризован через следующие факторы и процессы: 1) экспансия рыночных отношений не только в область производства знания, но и в иные сферы жизненного мира – образование, здравоохранение и уход за телом, социальное обслуживание, общение и развлечения и т. п.; 2) требование эффективности как *Zeitgeist* (дух времени), объемлющий целерациональные и ценностно-рациональные ориентиры социальных практик, вписанных в рыночный процесс; 3) востребованность социальных технологий нового типа, способствующих росту рентабельности воспроизводства и обращения человеческого капитала; 4) превращение функциональных принципов и приемов технологий нового типа («мягких», средовых, человекоориентированных и т. п.) в базисные принципы организации социальной жизни – конвер-

генция технологического и социального. Для пояснения последнего тезиса проведем аналогию с распространением принципов фордизма и тейлоризма в различных структурах и технологиях массового общества (образовании, медицине, госуправлении). Комплекс социогуманитарных технологий, собирательно именуемый «мягкой силой», демонстрирует тенденцию универсализации своего воздействия на целевую аудиторию не только на международной арене, но и сходным образом во внутрисполитической сфере. Проблема, по словам Т. Е. Касавина, состоит лишь в том, как технологизировать всевозможные мягкие социальные технологии, поскольку жесткие и так достаточно технологичны [7, с. 30].

Росту индустриальных технологий, массовизации производства, которая актуализировала потребность в научной организации труда в промышленную эпоху, в эпоху когнитивного капитализма соответствует запрос на реализацию социально-гуманитарных технологий приумножения товарной стоимости человеческого капитала. Социально-инженерные усилия здесь направлены на формирование и воспроизводство человеческого капитала как основного ресурса и производства, и потребления. При этом гуманитарность (направленность на человека как целевого реципиента) и гуманизм (как этическая максима) далеко не всегда совпадают. В социальных технологиях как во всяком техническом, инженерном продукте целесообразно различать содержание и способ конкретного практического использования. Можно предположить, что одни и те же научные принципы и практические разработки могут быть использованы инженерами-проектировщиками социальных технологий в различных контекстах и с различными социальными целями.

Коммодификацию межличностных взаимодействий можно рассматривать в ракурсе социально-критического подхода (критика эксплуатации, отчуждения, неравенства, манипуляций с целью максимизации прибыли и роста рыночных «котировок» человеческого капитала и т. п.). Однако, акцентируясь на данном аспекте социогуманитарных технологий, следует также учитывать их объективную обусловленность и необходимость в рамках когнитивного поворота системы общественного производства. В той же мере, как классический индустриальный капитализм сформировал системно-социальный запрос на массовый научно-технический прогресс, технологизированные инструменты повышения личностной и социальной эффективности, оптимизации и гармонизации управленческой и воспитательной практики формируются в контексте системных потребностей когнитивной версии капитализма, по совместительству именуемого обществом услуг и обществом переживаний.

Наряду с этим рассмотрение социально-гуманитарных технологий не должно ограничиваться их утилитарным товарным измерением. Социальные технологии могут быть интерпретированы также в контексте антирыночных тенденций современности. По мнению Я. Бражниковой, «метафизика Рынка как от века сущего пространства реализации базовых человеческих потребностей – одно из наиболее успешных и быстро вставших на ноги мифологических построений

современного человека» [8, с. 71]. Как полагал К. Маркс, каждая общественная формация порождает в своих недрах силы, ведущие к ее гибели [9, с. 6–7]. В этом смысле социальным технологиям, направленным на коммодификацию жизненного мира человека, манипуляцию сознанием и атомизацию управляемых «капитализированных» индивидов, противостоят технологии, альтернативные магистральной логике рыночного обмена и отчуждения: технологии общественной самоорганизации, солидарности и взаимопомощи, технологии сетевых некоммерческих инициатив и проектов и, наконец, технологии протестных движений. Таким образом, системно генерируемым социальным технологиям коммодификации человеческого капитала противостоят социальные технологии, предлагающие антирыночные и антииерархические альтернативы социального развития.

Естественное и искусственное (спроектированное) в содержании современных человекомерных технологий связано диалектически. Подобные технологии, как правило, отличает мягкое сфокусированное воздействие на антропологически утвердившиеся паттерны жизнедеятельности и общения. В качестве предметной области технологии все шире обращаются к эмоционально-ценностным и поведенческим установкам. Этому способствует возрастающая роль эмоционального труда в функционировании экономических и культурных институтов современного общества.

Почему именно на этапе когнитивного капитализма возрастает значимость технологического культивирования востребованных эмоционально-поведенческих компетенций? Эволюция технологической составляющей способствовала сначала делегированию трудовых функций, связанных с мускульной силой, машинам и механизмам, потом значительная часть умственного труда перешла к компьютерной технике. Эмоциональный труд на этом фоне продолжает оставаться прерогативой человека. Специфику постиндустриального общества часто конкретизируют как общество услуг. Услуга, оказываемая «лицом к лицу», предполагает личное, эмоционально окрашенное общение. Под эмоциональным трудом понимается совокупность специальных усилий по демонстрации и(или) предписанному переживанию определенных эмоций, соответствующих коммуникативной ситуации, при этом эмоции являются неотъемлемой частью услуги, а не просто ее оболочкой. «Территория» эмоционального труда соразмерна повсеместному распространению коммуникативной составляющей в современном «обществе впечатлений» (термин Г. Шульце [10]). «Полезное» содержание услуги неразрывно связано с его эмоционально-коммуникативным обеспечением. При этом эмоции и стиль коммуникации представляют собой такой же предписанный стандарт обслуживания, как и материальное качество услуги.

А. Хохшильд в своей книге «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих эмоций» указывает на «правила чувствования», которые определяют, какие эмоции надлежит испытывать в той или иной ситуации и какими должны быть «правила выражения» чувств, публичная демонстрация эмоций [11]. Следование «правилам выражения» без «правил чувствования», то есть де-

монстрируя эмоции лишь на уровне поведения, соответствующего нормативным ожиданиям, индивид вынужденно пребывает в диссонансе, который возникает как следствие отчуждения, дуализма «сущего» и «должного». В свою очередь следуя «правилам чувствования», индивид также выполняет эмоциональную работу: прилагает постоянные усилия, чтобы действительно испытывать эти эмоции. Управление собственными и чужими эмоциями в процессе коммуникации А. Хохшильд называет эмоциональной работой. Эмоциональную работу, которая осуществляется в процессе выполнения профессиональных ролей и обязанностей, автор определяет как эмоциональный труд.

В современном мире эмоциональная сфера перестает быть частным делом личности. Эмоции становятся феноменом публичного пространства, предметом нормирования и конструирования. Эмоции, переживания, впечатления – это и экономический ресурс, и объект долгосрочных инвестиций, и средство повышения эффективности коммерческих проектов. В условиях «экономики впечатлений» продажа и покупка товаров и услуг – это еще и эмоциональный обмен: покупатель приобретает не только потребительский продукт (услугу), но и сопровождающую фрейм покупки позитивную эмоцию. В формировании доверия и лояльности к бренду значимую роль также играют эмоции.

Обилие социальных ролей, с которыми сталкивается современный человек, влечет обилие эмоциональных контекстов и соответствующих им «правил». Тенденция нормирования эмоций извне, со стороны ролевых поведенческих матриц и технологий, становится источником постоянной эмоциональной работы. Неслучайно именно на современном этапе экспоненциально возрастает значимость эмоционального интеллекта как залога эффективного встраивания личности в коммуникативные процессы. Эмоциональный интеллект – важная часть современного менеджмента и маркетинга. «Экономика впечатлений» предполагает важность понимания внутреннего мира потребителя и покупателя, при этом его эмоции – это не данность, а в значительной степени социокультурно воспроизводимая конструкция. Эмоциональная компетентность необходима и для формирования креативного класса.

Требование эффективности становится движущей силой коммодификации эмоциональной составляющей коммуникации. Очевидно, что в случае эмоционального труда гуманитарно-технологический регулятив должен действовать прежде всего изнутри личности, через мотивацию, ценности, поведенческие ритуалы и т. п. Данная «интровертная» направленность справедлива для всей совокупности так называемых мягких социальных технологий.

Политэкономический и системно-социальный смысл «эмоционального поворота» в культуре позднего капитализма конкретизирован в работах М. Хард и А. Негри «Империя», «Множество: война и демократия в эпоху империи». Авторы интерпретируют содержание понятий нематериального и аффективного труда, биополитики и биопроизводства исходя из тенденции коммодификации эмоциональных, коммуникативных, сетевых общественных взаи-

модействий. В современном мире на смену индустриальному труду пришел «неовещественный труд», «обеспечивающий либо создание нематериальных благ – знаний, информации, связей и отношений – либо эмоциональной реакции» [12, с. 139]. Авторы лишь условно разделяют интеллектуальную и эмоциональную разновидности нематериального труда. Первая связана с «производством идей, символов, кодов, текстов, языковых образов, изображений». Аффективный труд «создает такие состояния, как непринужденность, благополучие, удовлетворение, беспокойство и страсть, или манипулирует ими» [12, с. 139]. Подчеркивая универсальное значение подобной аффективной компоненты в современном обществе, М. Хард и А. Негри указывают, что «эмоциональное восприятие в равной мере относится и к телу, и к уму... такого рода чувства, как радость и печаль, обнаруживают текущее жизненное состояние всего организма, выражая определенный настрой наряду с неким образом мыслей» [12, с. 139].

Аффективный труд так или иначе направлен на культивирование определенных способов взаимодействия между людьми, что свидетельствует о его социально-технологической обусловленности. В качестве эталонных примеров аффективного труда авторы приводят здравоохранение и заботу о больных, индустрию развлечений, которые обращены на эмоциональный отклик и манипуляции с эмоциями. При этом, предвидя возможные возражения, цитируемые исследователи специально уточняют, что «даже если труд воздействует на тело и эмоции, он аматериален в том смысле, что его продукт неосязаем: чувство облегчения, здоровья, удовлетворения, волнения или страсть» [6, с. 274]. Отметим, что потребность в технологизации подобного вида труда прямо пропорциональна степени его востребованности, распространения и влияния. «Аффективный труд создает социальные связи, формы сообщества, биовласть. В данном случае вновь становится очевидным, что инструментальное действие экономического производства связано с коммуникативным действием человеческих взаимоотношений» [6, с. 274].

Таким образом, не только знания и информация, но и чувства становятся важным элементом товарного обмена. Эмоциональные компетенции делают обладателя более привлекательным не только в межличностном общении, но и в рыночном отношении. Зачастую для этого требуется не изображать определенные чувства, а действительно испытывать их. Очевидно, что жесткие директивные управленческие средства здесь неуместны. Дело за «мягким» средовым глубоко и детально просчитанным и алгоритмизированным воздействием.

Переход общества на путь инновационного развития предполагает социально-инженерные меры по соответствующей трансформации поведения и мировоззрения людей. Вместе с тем инженерия в области, где действуют наделенные сознанием и волей индивиды, сопряжена с рядом проблем, в том числе этического характера. Если, по мнению современных белорусских исследователей, «переход к новым формам и принципам организации производственной деятельности предполагает качественные перемены в использовании человека» [13, с. 135], то обще-

ние людей, их стремления, убеждения, надежды и даже эмоции оказываются в статусе одного из ресурсов модернизации, становятся ее разменной монетой.

Принципиальным для этико-мировоззренческой оценки феномена социогуманитарных технологий представляется определение их позиции по отношению к человеку: человек – это конечная цель модернизации либо лишь средство инновационных трансформаций? Человек для экономики либо экономика для человека? Очевидно, что подлинным ответом здесь будет не декларация о благих намерениях (вспомним широко известное в недавнем прошлом «все для человека, все во имя человека»), а гуманитарно соразмерные сценарии достижения целей инновационного развития, корректная постановка этих целей, учет ближайших и отдаленных последствий для «человеческого капитала», рассматриваемого не только через призму экономической эффективности. В рефлексивном продуцировании и ценностном лоббировании гуманных параметров общественных взаимодействий состоит прямая миссия гуманитарных наук в эпоху системной коммодификации, сопровождающей становление когнитивного капитализма.

Список используемых источников

1. Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям [Электронный ресурс] / Б. Г. Юдин // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке: в честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского. – Режим доступа : http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/2/ – Дата доступа : 07.02.2019.
2. Польре, Б. Когнитивный капитализм на марше / Б. Польре // Полит. журн. – 2008. – № 2 (179). – С. 70–73.
3. Руллани, Э. Когнитивный капитализм: déjàvu? / Э. Руллани // Логос. – 2007. – № 4. – С. 65–69.
4. Корсани, А. Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнология и неолиберализм / А. Корсани // Полит. журн. – 2008. – № 2 (179) – С. 74–77.
5. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 208 с.
6. Хард, М. Империя / М. Хард, А. Негри. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
7. Социальная философия науки: как возможна теория социальных технологий? / И. Т. Касавин [и др.] // The Digital Scholar: лаборатория философа. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 23–49.
8. Бражникова, Я. Зеркало спекуляций. Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнология и неолиберализм / Я. Бражникова // Полит. журн. – 2008. – № 2 (179) – С. 70–73.
9. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1959. – Т. 13. – С. 489–499.
10. Сувалко, А. С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств [Электронный ресурс] / А. С. Сувалко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высш. школы экономики, 2013. – (Препринт WP20/2013/05). – Режим доступа : [https://wp.hse.ru/data/2013/09/26/1277602830/WP20_2013_05%20\(1\).pdf](https://wp.hse.ru/data/2013/09/26/1277602830/WP20_2013_05%20(1).pdf) – Дата доступа : 07.02.2019.
11. Симонова, О. А. Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд / О. А. Симонова // Журн. исслед. социал. политики. – 2013. – № 3. – С. 339–354.
12. Хард, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хард, А. Негри. – М. : Культур. революция, 2006. – 559 с.
13. Алексеев Т. С. Гуманитарные аспекты модернизации / Т. С. Алексеев, Л. М. Злотникова // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сб. тр. VI междунар. науч.-практ. конф., г. Пинск, 26–27 апр. 2012 г. : в 2 ч. / Нац. банк Респ. Беларусь [и др.] ; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2012. – Ч. 2. – С. 134–136.

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕЕ ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

В статье феномен социальности представлен как объективное явление – в виде системы исторически складывающихся и воспроизводящих себя взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, которая определяет типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса. Отправная точка анализа социальности – эпоха Нового времени как чрезвычайно важный, насыщенный противоречиями и коллизиями исторический этап, характеризующийся мощной динамикой, охватившей экономическую, политическую и духовную сферы западноевропейского общества. Наряду с этим в указанный исторический период формировались мораль и правовая база нового общества, которые определяли поведение различных социальных общностей и каждого индивидуума. Трансформация социальности нашла отражение в философской мысли той эпохи. Философы не только теоретически осмысливали социальные процессы, но и предлагали идеи, направленные на гармонизацию общественных устоев, проецировали перспективы европейских государств и тем самым предвосхитили в своих исследованиях дальнейшую поступь человеческой истории. Показано, что отдельные идеи, выдвинутые английскими философами, созвучны нашей эпохе и их гуманистический потенциал целесообразно было бы использовать в процессе трансформации общественных устоев мирового сообщества.

Ключевые слова: человеческая история, общественный процесс, социальность, субъекты социальности, эпоха Нового времени, этап первоначального накопления капитала, Томас Гоббс, Джон Локк, Джозеф Пристли

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TRANSFORMATION OF SOCIALITY IN WESTERN EUROPE IN THE ERA OF THE NEW AGE AND ITS PHILOSOPHICAL REFLECTION

In the article, the sociality is presented as objective phenomenon – the system of historically evolving self-replicating relationships between people in the process of their life, which determines the types and forms of organization of society, and the nature and direction of historical process.

A starting point of the analysis of sociality is the era of Enlightenment as very important controversial historical stage, which is characterized by powerful dynamics covering economic, political, and spiritual spheres of Western European society. Along with it, at that historical period, the moral and legal base of the new society was forming, which determined the behavior of different social communities and each individual. Transformation of sociality found reflection in the philosophical thought of that era. Philosophers not only theoretically considered social processes, but also offered the ideas directed to harmonization of social foundations, projected the prospects of European states, and thereby anticipated their further march in their research. It was showed that some ideas put forward by the English philosophers are consonant with our era. Their humanistic potential would be advisable to use in the process of transformation of public foundations of the world community.

Keywords: human history, social process, sociality, subjects of sociality, the era of the New Age, the stage of initial formation of capital, Thomas Hobbes, John Locke, Joseph Priestley

В процессе анализа человеческой истории исследователи, как правило, выделяют в ней отдельные эпохи. При этом под эпохой понимается какой-то исторический отрезок с его определенным качеством, то есть сущностью. В марксистской философии всю человеческую историю разбивают на пять больших эпох, соотнесенных с конкретными общественно-экономическими формациями, начиная с первобытнообщинного строя и заканчивая коммунистической формацией. Это общая схема человеческой истории, разработанная К. Марксом, которой до сих пор руководствуются многие социальные философы. Скажем, современные «постиндустриалисты» выстраивают свои концепции на базе формационного учения К. Маркса, хотя об этом обычно не говорят.

Жестко привязывая эпохи к общественно-экономическим формациям, мы, очевидно, тем самым обедняем в какой-то степени человеческую историю, поскольку в рамках одной и той же общественно-экономической формации можно выделить ряд ее качественно отличающихся друг от друга отрезков (этапов). Например, в капиталистическую эпоху своеобразными выступают такие ее этапы, как этап первоначального накопления капитала, этап революционных потрясений капитализма середины XIX в., этап домонополистического, а вслед за ним – этап монополистического капитализма и т. д. К тому же было бы ошибочным в эпоху капитализма приписывать именно ему безраздельное господство и исключать из мировых общественных процессов те государства, которые шли иным путем. Ведь в эпоху капитализма наряду с государствами капиталистической формы общественного устройства существовали феодальные государства, а также колонии, пытавшиеся освободиться от господства метрополий и обрести собственную государственность.

В научном плане не приемлемы и те концепции, которые, делят всю человеческую историю на две эпохи – присваивающую и производящую, или же три эпохи – доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Ведь производящая эпоха, впрочем, как и присваивающая, – такая разная, начиная с первобытнообщинного строя и заканчивая современным технологически развитым обществом. Не отвечает критериям научности и «информационная» трактовка истории. Создается впечатление, будто бы человечество могло существовать

вне поля информации, то есть быть неинформационным. На самом деле человеческое общество, именно *человеческое общество*, потому-то и является человеческим, поскольку уже обладает информацией о себе и окружающем мире.

Отсюда вывод: столь масштабное фрагментирование человеческой истории, то есть ее деление на крупные, длительные по времени отрезки, не позволяет исследователям углубиться в самую логику исторического процесса. Чтобы постичь логику и сущность человеческой истории, необходимо ее расчленить, конечно же, мысленно, на более мелкие периоды.

Капиталистическая эпоха – важнейший отрезок человеческой истории. Если за отправную точку принять этап первоначального накопления капитала (конец XV–XVIII в.), то она уже на протяжении пяти веков определяет облик нашей планеты. После поражения СССР в холодной войне капитализм стал доминирующей общественной системой в мире. И те страны, которые во второй половине XX в. входили в социалистический лагерь, сейчас активно вписываются, правда, каждая по-своему, в глобальную капиталистическую систему. Даже Китай, экономическую политику которого определяет коммунистическая партия, на самом деле уже отошел от реализации коммунистического проекта и тоже вписался в систему глобального капитализма на выгодных для себя условиях, в отличие от России, до сих пор так и не воспринятой лидерами глобальной капиталистической системы в качестве ее равноправного члена.

Глобальный капитализм, определяющий современный мировой процесс, не обойден вниманием исследователей. Тем не менее, на наш взгляд, в работах современных философов незаслуженно мало внимания уделяется историческому этапу формирования и утверждения капитализма, вернее, этапу формирования нового типа социальности, под которой мы понимаем систему исторически сложившихся и воспроизводящих себя взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности и которая определяет типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса [1]. Названный исторический этап интересен в наше время в том плане, что его спустя много веков фактически воспроизводят постсоветские государства, правда, на новой технологической основе и в совершенно иных исторических условиях.

Одной из первых преодолела этот непростой этап общественного развития Англия. Наиболее значимые события, связанные с утверждением капитализма в данной стране, припали на XVII в.

Что представляла собой социальность в Англии в первой половине XVII в., то есть система общественных отношений той исторической эпохи, каковы были ее субъекты? Можно ответить на этот вопрос следующим образом. В качестве главного субъекта социальности выступали дворяне, интересы которых отстаивал король. Новым, формирующимся субъектом социальности предстала буржуазия. Не видя защиты своих интересов со стороны короля, она вынуждена была энергично их лоббировать через парламент. Парламент в конечном счете

встал на защиту формирующегося нового, более прогрессивного социального класса и оказался в оппозиции по отношению к дворянам и королю. Таким образом, верхний пласт социальности в Англии первой половины XVII в. представлен специфическим феноменом, вернее, специфическим продуктом в виде результирующей противостояния дворянства и формирующейся буржуазии.

Верхний пласт социальности не был устойчивым – противостояние между отживающим дворянством и формирующейся буржуазией то усиливалось, то ослабевало. Победителя в этом ставшем уже хроническим сражении двух противоборствующих политических субъектов могло и не быть, если бы к нему не подключились низы, то есть массы. Именно они определили исход борьбы между парламентом и королем. Пойдя за парламентом, в угоду, а не вопреки логике человеческой истории, они обеспечили буржуазии победу. Король Карл I был отстранен от власти, и в 1649 г. казнен по приговору Верховного трибунала.

Но общество не стало стабильным (по современной терминологии, устойчивым). Оно и не могло быть таковым, поскольку каждый из союзников по борьбе с королем – верхи и низы – руководствовался собственными интересами, стремился реализовать собственную цель. Буржуазия свергала короля и завоевывала власть для своего господства над низами. Низы же свергали короля для ликвидации чьего бы то ни было господства над собою. Они не желали подчиняться не только диктату короля, но и схожему с ним диктату дворян и церкви. Крестьяне боролись за землю, ремесленники – за свободный труд, исключаящий эксплуатацию человека человеком. И если буржуазия ориентировалась на утверждение рыночных отношений, то есть капитализма, то низы интуитивно ориентировались отнюдь не на капитализм с его системой эксплуатации наемного труда, как оказалось в дальнейшем, не менее жестокой, чем в эпоху феодального общества, а на иной общественный строй, обеспечивающий им благополучие.

Республика, просуществовавшая с 1649 по 1653 г., отразила политическую ситуацию в стране – относительное согласие, не исключавшее, безусловно, внутренних противоречий между двумя обретшими силу и уверенность победителей субъектами – новыми верхами и низами. Согласие оказалось временным и непродолжительным. Буржуазия не желала делиться властью с низами – одержанную победу над королем она решила использовать сугубо в интересах своего класса, а не низов. Более того, напуганная мощным протестным движением низов, для обеспечения своего господства она вознамерилась опереться на имевший глубокую традицию институт королевской власти. В результате буржуазия восстанавливает только что свергнутую монархию Стюартов: королевский трон занимает Карл II – сын Карла I, который правит страной с 1660 по 1685 г. Но власть Карла II была ограничена парламентом – властным институтом победившей буржуазии, в еще большей степени, нежели власть Карла I.

Могла ли Англия пойти другим путем? Несомненно, могла. Определенные изменения в ее историческом развитии могли иметь место, если бы не была

восстановлена династия Стюартов, то есть не совершена своего рода контрреволюция. Но, так или иначе, Англия неизбежно вынуждена была бы пройти путь капитализма. В XVII в., особенно если брать его первую половину, когда, собственно, и свершилась революция, даже в случае победы низов страна не могла вступить на путь коммунистического развития, базирующегося на общественной собственности на средства производства. Во-первых, не было для этого социально-экономической базы, и, во-вторых, отсутствовал сформированный, обладающий самосознанием и социальной теорией класс, способный реализовать коммунистический проект. Радикальные движения – активные субъекты революции и гражданской войны – в лице «уравнителей», и в особенности «копателей», руководствовались идеями *утопического* коммунизма, не более того. Даже если бы не буржуазия, а низы в результате революции получили в свою собственность землю, в итоге они сформировали бы схожую общественно-политическую систему, фактически тот же капитализм. Безусловно, в таком случае путь капиталистического развития страны оказался бы не столь болезненным для граждан, но в то же время и не столь стремительным.

В данном случае весьма схематично представлена картина общественных процессов в Англии в XVII в., которые совершались объективно, хотя в них принимало участие огромное количество людей. Лишь очень немногие из них поступали осознанно, большинство же руководствовались интуицией, действовали стихийно. Уровень самосознания был довольно низким. Отчасти это и послужило одной из причин реставрации династии Стюартов.

Как же философы воспринимали происходящие общественные процессы, то есть формирующуюся новую социальность, насколько адекватно они ее теоретически осмысливали и как они представляли будущее Англии и ее граждан?

Крупнейший английский мыслитель XVII в. Томас Гоббс (1588–1679) не был лишь созерцателем происходящего. Как философ он, во-первых, предвосхитил события, во-вторых, дал им свою оценку и, кроме того, наметил перспективы общественного развития. Зададимся, однако, вопросом относительно того, чьи интересы мог отстаивать Т. Гоббс в ту бурную эпоху, какому социальному классу мог он отдать предпочтение?

С одной стороны, могло бы сложиться мнение о том, что Т. Гоббс пойдет за низами, поскольку он сам вышел из их среды – являлся сыном сельского священника. Но философ был простолюдином лишь по рождению. По уровню теоретического мышления, образу жизни, по своему социальному статусу и самосознанию он уже явно не вписывался в это сословие. Он идентифицировал себя с высшим сословием – с верхами. Жизнь и судьба Т. Гоббса на протяжении многих лет были связаны с семьей барона Кавендиша, и это не могло не сказаться на мировоззрении философа. С другой стороны, стал бы Т. Гоббс столь крупным мыслителем, если бы не принял предложения барона Кавендиша быть воспитателем его сына? Думается, нет. Ведь благодаря Кавендишу, его материальной помощи и связям философ смог развить свой интеллект – проживать

во Франции и Италии, встречаться с Г. Галилеем, Р. Декартом и другими выдающимися мыслителями. Отметим и то, что даже в XIX в. низы не в состоянии были на философско-теоретическом уровне осмысливать социальные процессы. Об этом писал Ф. Энгельс, досконально изучивший положение рабочего класса в Англии. По его заключению, в ту историческую эпоху даже рабочие «в моральном и интеллектуальном отношении стояли на уровне крестьян» [2, с. 244].

Т. Гоббс прежде всего признает значимость философии как надежного инструмента познания сущности социальных процессов. Правда, он отмечает ограниченность имеющихся философских учений, считает, что «все написанное до сих пор философами, трактующими вопросы морали, не принесло ни малейшей пользы для познания истины; они предпочитали не просвещать умы, а подтверждать изящной и приятной для слуха речью ни на чем не основанные предположения» [3, с. 273].

Главный труд мыслителя «Основ философии» состоял из трех частей: «О теле» (1655 г.), «О человеке» (1658 г.) и «О гражданине» (1642 г.). Социальная проблематика исследуется в третьей части книги. Известный историк философии В. В. Соколов считает, что «социальная концепция Гоббса стала эпохальной концепцией» в силу того, что в ее «основу положено взаимодействие начал коллективного, общественно-государственного и индивидуально-личностного» [4, с. 44]. В самом деле, в своем фундаментальном исследовании философ выступает против религиозно-теоцентрического мировоззрения, характерного для эпохи Средневековья, и действительно отдает дань уважения общественно-государственному основанию социальности. И все же, согласно Т. Гоббсу, «в человеческом общежитии индивидуальное и частное – это нечто первичное, а общественно-государственное – вторичное и производное» [4, с. 46]. Английский мыслитель пришел к следующему заключению: «...прежде всего следует понять, почему каждый стремится скорее назвать какую-то вещь своей, чем отдать ее другому... И я увидел, что за общей собственностью на вещи неизбежно последует война, а за ней и всевозможные несчастья, потому что люди начнут силою бороться между собой за возможность пользоваться ими» [3, с. 273–274]. В целом, защищая частную собственность, английский философ в своих исследованиях шел не вопреки логике, а в русле логики исторического процесса, то есть в русле утверждения более прогрессивного общественного строя – капитализма.

Однако Т. Гоббс все же был тесно связан с классом дворянства, что не могло не отразиться на его мировоззрении. Он был решительным противником гражданских войн, а тем более революции, считал, что в прошлые эпохи «граждане искали меру справедливости не в разглагольствованиях частных лиц, а в законах государства: мир среди них поддерживался не спорами, а силою власти. Более того, верховную власть, представленную ли одним человеком или неким советом, они почитали как некое зримое божество. Поэтому они никогда не шли, как теперь, за бессовестными честолюбцами, стремящимися ниспро-

вергнуть государственный строй. Ибо им не могло прийти в голову желание уничтожить то, что спасало их от уничтожения» [3, с. 277].

Философ был сторонником сильного государства. Б. Э. Быховский считал, что «возвеличение им (Т. Гоббсом. – Т. А.) мощного государства было одной из первых теорий буржуазной диктатуры, основную задачу которой Гоббс усматривал в прекращении гражданской войны» [5, с. 119]. Т. Гоббс рассматривал государство как орудие для обеспечения всеобщего мира и ограждения безопасности граждан. Несомненно, английский мыслитель был сторонником сильного государства в виде монархии, но государства во имя *блага народа*, поскольку естественное состояние общества, то есть догосударственная его форма, – есть не что иное как «война всех против всех».

В дальнейшем защитниками буржуазного государства – важнейшего социального института – являлись Д. Локк, Г.-В.-Ф. Гегель и другие европейские философы. Правда, природу государства они понимали по-разному. Если Гоббс одним из первых попытался обосновать *естественное* происхождение государства, выстраивал его на фундаменте объективно складывающихся социальных взаимосвязей и взаимоотношений, то Гегель, напротив, исходил в этом вопросе из *онтологизированного человеческого духа*.

Социально-философскую проблематику применительно к буржуазному обществу весьма активно развивал известный английский мыслитель XVII в. Джон Локк (1632–1704), хотя главной темой его изысканий все же была гносеология. В отличие от Т. Гоббса, органично привязанного к классу старого, отживающего дворянства, Д. Локк более последовательно выражал интересы нового класса – буржуазии, считавшей нужным ограничить власть государства, передать ему лишь некоторую часть «естественных прав» народа, скажем, функции правосудия, внешних связей и др. При этом государство должно быть поставлено на службу буржуазии – обязано защищать собственность, свободу слова и т. д.

Собственность – основа и необходимое условие существования общества. Ее наличие обосновывается Д. Локком не «захватом» кем-то общего, а деятельностью, *личным трудом* человека. И это принципиальное отличие его позиции от своего предшественника, который не преодолел еще мировидения дворянина и выступал в этом вопросе как представитель дворянского *праздного* класса. Английский философ отмечал: «Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что *труд* его тела и *работа* его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает его своей *собственностью*» [6, с. 277]. Заметим, что этот *базовый принцип собственности*

был проигнорирован фактически всеми реформаторами советской системы в 1990-е годы, что и привело в конечном счете к ускоренному формированию олигархического капитализма.

Д. Локк решительно настаивал на необходимости разделения законодательной, исполнительной и федеративной (внешних сношений) властей. И еще один важный момент. Если Т. Гоббс ратовал за неприкасаемость верховной власти, решительно осуждал имевшую место практику подстрекательства «граждан на восстание или вступление в любой заговор против государства» [3, с. 282], то Д. Локк, наоборот, допускал возможность ниспровержения народом правительства в случае невыполнения им своих обязательств по условиям договора, то есть фактически разработал философские основы буржуазного права. «Где кончается закон, начинается тирания, если закон преступается во вред другому. И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть и использует находящуюся в его распоряжении силу для таких действий по отношению к подданному, какие не разрешаются законом, то он при этом перестает быть должностным лицом, и поскольку он действует подобным образом без надлежащих полномочий, то ему можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который силой посягает на права другого» [6, с. 379], – к такому заключению пришел философ. Но при этом он считал, что «силу следует *противопоставлять* лишь несправедливой и незаконной силе» [6, с. 380], то есть не допускал вседозволенности и анархии.

Джон Локк был приверженцем свободы человека. При этом различал естественную свободу человека и свободу человека в обществе. «Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, – отмечал он, – чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как *естественная свобода* заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы» [6, с. 274–275]. Английский философ критически относился к тем, кто трактовал свободу как вседозволенность, как право каждого «делать то, что он пожелает, жить, как ему угодно, и не быть связанным никаким законом» [6, с. 274]. Почему же человек отказался от естественной свободы, от тех условий существования, когда он был «абсолютный господин своей собственной личности и владений... и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы?» [6, с. 334]. Мыслитель на заданный самому себе вопрос дает такой ответ: «...хотя в естественном состоянии он (человек. – Т. А.) обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других... Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений» [6, с. 334].

Социальность той динамичной исторической эпохи и проблемы построения гуманного общества стали объектом теоретического анализа и других английских мыслителей – Джона Толанда (1670–1722), Бернарда де Мандевилля (1670–1733), Джона Энтони Коллинза (1676–1729), Дэвида Гартли (1705–1757), Джозефа Пристли (1733–1804) и др. Укажем на то, что философы ратовали за свободумыслие, выдвигали идеи демократического характера и выражали надежду на то, что английское общество будет развиваться именно таким путем. Д.-Э. Коллинз отмечал: «Если самый верный и самый лучший путь нахождения истины заключается в *свободомыслии*, то долг человека в отношении суждений целиком состоит только в *свободомыслии*» [7, с. 94].

Наиболее радикальную позицию занял известный английский философ Д. Пристли. В частности, он отмечал: «Если государственная власть есть великое орудие прогресса человеческого рода в направлении к этому славному состоянию, то лишь та форма правления может рассчитывать на наше одобрение, которая благоприятствует этому прогрессу, и, напротив, всякая другая форма, вследствие которой этот прогресс замедляется, должна подвергнуться нашему осуждению» [8, с. 9].

Какую же форму правления (государственного устройства) предпочел английский философ? Д. Пристли считал, что только прямым голосованием всех граждан по вопросам, затрагивающим интересы всего общества, можно было бы обеспечить свободу каждому. В то же время он понимал, что прямого голосования граждан по всем вопросам общественной жизни быть не может. Сложившаяся практика показала, что высшая общественная власть передается, как правило, в руки представителям (депутатам), которые действуют от имени граждан. Это, безусловно, не может не ограничить свободу граждан: «Эти депутаты, или народные представители, будут высказывать ошибочные суждения, принимать неправильные решения...» [8, с. 11]. Чтобы не допустить этого, Д. Пристли предъявляет к депутатам важнейшее требование – «считаться с благом всего общества, представителями которого они являются» [8, с. 11]. Депутаты не должны преследовать собственные цели и тем самым игнорировать интересы своих избирателей. Единственными руководителями в их практической деятельности должны являться разум и совесть.

Но можно ли полагаться только на разум и совесть депутатов? Достаточно ли нравственного фактора, чтобы избежать узурпации власти, отчуждения властных структур от общества? Своеобразным ответом на заданный непростой вопрос является трактовка английским философом проблемы свободы. Д. Пристли выделял политическую и гражданскую свободы. Политическая свобода «состоит в праве членов государства занимать и сохранять за собой общественные должности или по крайней мере голосовать за тех, кто должен исполнять эти должности» [8, с. 11]. Гражданская свобода – «это право на собственные действия, которое члены государства сохраняют за собой и которое не должны нарушать уполномоченные должностные лица» [8, с. 11].

Идея обеспечения права любому гражданину государства быть избранным в его властные институты, как и самому непосредственно участвовать в выборах делегатов в эти институты, получила дальнейшее развитие и закрепление в практической деятельности многих государств. Юридически закрепились и идея права гражданина на собственные действия, обеспеченные Конституцией.

Д. Пристли весьма сочувственно отнесся к Великой французской революции, считал, что ее можно оправдать, и поэтому подверг резкой критике позицию Эдмонда Бэрка, который дал ей негативную оценку. «Никакое частное лицо, – отмечал Д. Пристли, – не может быть осуждено за то, что оно улучшает свое положение, а может даже получить одобрение за это, то и народ не должен подлежать осуждению за то, что он старается улучшить свое положение» [9, с. 448]. В отличие от Э. Бэрка, Пристли не стал критиком Национального собрания Франции на основании того, что этот законодательный орган одобрен народом. При этом «мало значения имеет то обстоятельство, из какого класса людей избраны члены Национального собрания, поскольку они являются лицами, которым их избиратели оказывают наибольшее доверие» [9, с. 457].

Английский философ уделил внимание и проблеме будущего нашей цивилизации. Прогнозы Д. Пристли в наши дни, то есть спустя более чем 220 лет после их опубликования, выглядят как социальная утопия. Тем не менее это гуманная социальная утопия – надежда ее автора на торжество Разума человечества. Английский философ, как и И. Кант, был противником любых войн. Но прочный мир на Земле «может быть установлен только после уничтожения причин войны, которые кроются во всех нынешних формах правления и их политических принципах, которые постоянно поощряются этими формами» [9, с. 501]. В политическом плане в будущем могут сохраниться даже ныне существующие формы правления, но только формально. Именно формально смогут существовать короли, поскольку они не будут являться верховными владыками. Будут и должностные лица, но только в виде «первых слуг народа». Не станет армии, «ибо никакая другая группа людей не будет прибегать к войне и думать о нарушении покоя других» [9, с. 501–502]. Сохранится религия, но она «больше не будет предметом заботы государства, не будет больше *епископов* или *архиепископов* с титулами и властью светских государей. Каждый человек будет заботиться о религии сам, и поэтому он сможет выбрать религию только после должного исследования и проверки, так чтобы она считалась им основанной на истине и имела целью создание из людей хороших граждан, хороших друзей и хороших соседей в этой жизни, приготовляя их и для жизни иной» [9, с. 502]. Сохранятся правительства, но они станут «так просты в своих основных целях, будут стоять несравненно *дешевле*, чем мы это видим в настоящее время, и будут гораздо более *эффективно* выполнять свою основную задачу. Они не будут заботиться о чем-либо другом, кроме соблюдения справедливости или сохранения мира, и каждый человек будет заинтересован в том, чтобы в этом случае помогать правительству» [9, с. 502].

А в целом Д. Пристли догадывался о назревающем социальном кризисе и поэтому считал своей миссией предупредить общество об этом и тем самым содействовать общественному благу.

Философское наследие английских философов XVIII в. позволяет заключить, что большинство из них понимали социальность как сложную и противоречивую реальность – такую реальность, где живут, взаимодействуют и борются друг с другом различные субъекты и социальные общности, где идет постоянная борьба между истиной и предрассудками. Они осознавали усиливающуюся дифференциацию общества, где, по оценке Д. Толанда, «каждый слой общества имеет свой особый язык, который остальным людям представляется исполненным самых необычайных вещей, далеко превосходящих обыкновенное понимание» [10, с. 81]. Философы поэтому выдвигали в качестве важнейших задач по оздоровлению общества не только борьбу за свободу-мыслие, но и борьбу за истину, борьбу с предрассудками, из которых «сильнее всего внедряются в нас и труднее всего искоренимы предрассудки того общества, в котором мы живем и воспитываемся» [10, с. 81].

Важно отметить то, что отдельные философы весьма критично подошли к происходящему, то есть к этапу первоначального накопления капитала, расценив его как негуманное социальное явление. В этом плане нельзя не сказать об английском мыслителе Бернарде де Мандевиле и его сочинении «Басня о пчелах», вызвавшем в Англии дискуссию и негодование как буржуазии, так и служителей англиканской церкви. Названное сочинение было осуждено большим жюри графства Мидлсекс: Мандевиль представлен как апологет пороков, хотя на самом деле он в этом и других своих сочинениях отразил ту шаткую, неустоявшуюся социальность, характерную для переходного периода от феодализма к капитализму. Английский мыслитель воочию убедился в пороках формирующегося капиталистического общества и показал всю их неприглядность, как и неприглядную мораль, лицемерие формирующихся господствующих классов. Он считал главной целью «Басни», с одной стороны, «показать невозможность наслаждаться всеми самыми изысканными жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать всеми благословенными добродетелями и невинностью, которых можно пожелать разве что в золотом веке; и далее разоблачить неразумность и безрассудство тех людей, которые стремятся быть богатыми и процветающими и на удивление жадны до всех благ, которые в качестве таковых они могут получить, и в то же время всегда ворчат и громкогласно порицают те пороки и неудобства, которые с начала мира и по сей день неотделимы от королевств и государств, когда-либо прославившихся своей силой, богатствами и цивилизованностью (politeness)» [11, с. 6].

Правда, с другой стороны, философ абсолютизировал эгоизм человека, возвел его в ранг атрибутивного свойства человека и пришел к выводу о том, что «если бы людей можно было вылечить от тех слабостей, в которых они

от природы виновны, то они были бы лишены сил и возможности возвыситься и образовать такие обширные, могучие и цивилизованные общества, которые были ими созданы в различных республиках и монархиях, процветавших со времени сотворения мира» [11, с. 6–7]. И все же, обосновывая атрибутивность пороков формирующегося нового общества, Мандевиль считал возможной и даже нужной их критику. «Когда я утверждаю, что пороки неотделимы от великих и могущественных обществ и что богатство и величие последних не могут существовать без них, – отмечал мыслитель, – я не говорю, что те отдельные члены обществ, которые виновны в каких-либо пороках, не должны постоянно подвергаться порицанию или нести наказание за них, когда они перерастают в преступления» [10, с. 8].

Как противоречивую, обладающую серьезными изъянами, характеризовал социальность Д. Толанд. *«Обман и суеверия, – утверждал он, – являются необходимыми средствами для того, чтобы удержать простой народ в повиновении и спокойствии»* [12, с. 331]. При этом, по его убеждению, в качестве важнейших инструментов обмана народа выступают экзотерическая философия, то есть философия, ориентированная на сокрытие истины, или даже идущая против нее, и предназначенная для несведущих лиц, а также церковь.

Анализ работ английских мыслителей той исторической эпохи позволяет сделать заключение о том, что хотя они и обнаружили и описали изъяны формирующейся социальности в эпоху первоначального накопления капитала, тем не менее не смогли дойти до уяснения глубинных противоречий социума, до понимания того, что именно эти противоречия и являются онтологическим основанием наличных изъянов. В целом же наблюдалась резкая поляризация как самого общества, так и философской мысли. С одной стороны, материалисты и атеисты – Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Толанд, Д.-Э. Коллинз, Д. Гартли, Д. Пристли и др. – являлись субъектами нового мышления, теоретически оправдывали движение общества от феодализма к новому капиталистическому строю как более прогрессивному. С другой стороны, представители духовенства, и в первую очередь их теоретик епископ Клонийский в Ирландии Джорж Беркли, выступили как ретрограды, желая повернуть общество вспять. Такую ситуацию можно объяснить неоднородностью английского общества. Это было классовое общество, и вполне естественно то, что философы в своих трудах выражали интересы или, во всяком случае, воспроизводили точку зрения на окружающий мир того или иного субъекта – конкретного социального слоя общества. Логично заключить, что Д. Беркли смотрел на окружающий мир не глазами буржуазии, более прогрессивного социального класса той исторической эпохи, а глазами дворянства – отжившего класса. Неудивительно поэтому его активная борьба против материализма, защита им религии и церкви. Причем Д. Беркли сознательно ставил перед собой эти задачи. Он отмечал: «Нет необходимости рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все времена была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно,

до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, – и все здание неминуемо развалится» [13, с. 213].

Не отвечали устремлениям прогрессивных социальных сил той динамичной исторической эпохи и теоретические размышления Дэвида Юма (1711–1776). Философ не отрицал общественной природы человека и признавал тот факт, что вне общества тот не может жить. Он не был противником идеи справедливости, считал, что «чувство справедливости и несправедливости не проистекает из природы, но возникает искусственно, хотя и с необходимостью, из воспитания и человеческих соглашений» [14, с. 524]. Более того, полагал, что богатые люди обязаны помогать нуждающимся. Однако относительно путей достижения справедливости в обществе придерживался консервативной позиции. Д. Юм требовал неукоснительного повиновения гражданским властям. «Наши интересы, – отмечал он, – всегда на стороне повиновения властям... Мы порицаем всякую нелояльность по отношению к властям, потому что видим, что осуществление справедливости, сказывающееся в стабильности собственности, в передаче ее посредством согласия и в соблюдении обещаний, невозможно без подчинения правительству» [14, с. 584]. Особенно негативно Д. Юм относился к идее социальной революции, видя в ней источник пагубных для общества потрясений. И «хотя в некоторых случаях сопротивление верховной власти может быть оправдываемо как здоровой политикой, так и моралью», революция «порождает всеобщую анархию, всеобщую смуту среди человечества» [14, с. 592].

Как видим, английские философы XVII–XVIII вв. не оставались сторонними наблюдателями социальности, активно ее осмысливали, вырабатывали теоретические концепции, направленные на благо людей. Своими теоретическими разработками они способствовали движению общества вперед. Многие гуманистические идеи Т. Гоббса и Д. Локка, а также английских просветителей не потеряли своей актуальности и в наши дни. Во всяком случае, они давали дорогу новому пониманию социальности, а не консервативному. Однако на основании анализа их трудов мы вынуждены констатировать тот бесспорный факт, что философско-теоретическое обоснование развития нового (буржуазного) общества на демократической платформе не стало убедительным. Философы в своих теоретических построениях не исходили из реально складывающейся после буржуазной революции социальной структуры английского общества. И главное, они не видели того факта, что бывшие когда-то союзниками по борьбе с абсолютизмом ниспровергатели монарха и дворянства все больше и больше превращаются в антагонистов. Буржуазия перерождается в беспощадного эксплуататора низов, а низы в свою очередь все более обособляются и стремятся отстаивать свои собственные интересы. Надежда на построение гуманного, справедливого общества была иллюзией, всего лишь мечтой, не подкрепленной реальной социальной практикой. Философские теоретические конструкции оказались лишь должным, сущее было иным.

Примерно такая же картина развития социально-философской мысли была характерна и для других государств. Если говорить о Франции XVIII в. и французских просветителях, то там, как и в Англии, наряду с прогрессивными мыслителями – Ж.-Ж. Руссо, Ш. де Монтескьё, Д. Дидро и другими, теоретически подготовившими Великую французскую революцию, были и консерваторы, представленные группой «идеологов» во главе с А. Дестютом де Траси.

Подводя итог, выскажем следующее. В данной статье рассмотрены лишь отдельные стороны проблемы социальности применительно к переходной эпохе от феодализма к капитализму. Показано, что этот переход осуществлялся революционным путем. Его осмысливали и на теоретическом уровне. Ведущие английские философы Томас Гоббс, Джон Локк, Джон Толанд, Джозеф Пристли и другие в своих трудах обосновывали право нового класса в лице буржуазии на власть и на собственность. Не со всеми их аргументами можно согласиться, особенно по проблеме собственности.

И Т. Гоббс, и Д. Локк трактуют собственность как владение, обладание вещью. С философской точки зрения трактовка собственности лишь как владение (присвоение) людьми предметов производительного и непроизводительного потребления является упрощенной. В свое время известный советский философ, специалист в области философии истории Ю. К. Плетников, ссылаясь на труды К. Маркса, отмечал, что «собственность всегда связана с вещью (объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи» [15, с. 619].

Как известно, К. Маркс считал необходимым рассматривать собственность конкретно-исторически и диалектически. Не соглашаясь с П.-Ж. Прудоном, рассуждавшим о «собственности вообще», а на самом деле лишь о земельной собственности, земельной ренте, К. Маркс указывал: «В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность – это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию» [16, с. 168].

Рассматриваемая эпоха интересна не только тем, что дает нам представление о механизме смены общественно-экономических формаций, но и позволяет оценить нашу действительность. Ведь в 1990-е годы на территории бывшего СССР происходили те же процессы – формирование капитализма. Правда, этот процесс осуществлялся в совершенно новых исторических условиях – условиях реального глобального капитализма и на совершенно иной экономической базе. Но сам механизм перехода оказался схожим. Решались прежде всего задачи первоначального накопления капитала, деления общества на собственников (владельцев капитала) и несобственников (наемных работников), создания

правовой базы нового общественного строя, институтов власти и т. п. В целом в теоретическом обеспечении так называемой перестройки и «реформирования» общественных устоев в рыночном направлении философами, политологами, экономистами, юристами, социологами нередко использовались идеи Д. Локка о разделении ветвей власти, правовом обеспечении собственности, политической свободы, ограничении полномочий государственных институтов и т. д. Правда, важная идея английского мыслителя, связывавшего право конкретного человека на обладание собственностью с его *личным* трудом, оказалась невостребованной. В XVII в. в Англии и в других европейских странах было не так много общественной собственности, которую можно было поделить и присвоить, и поэтому формирующемуся классу буржуазии приходилось накапливать капитал собственными усилиями и длительное время. В отличие от той исторической эпохи в СССР и в союзных республиках в конце XX в. уже имелась огромнейшая коллективная (общенародная) собственность. Ее-то чиновники под контролем и с непосредственным участием крупных транснациональных корпораций поделили и приватизировали в сжатые сроки, в результате чего период первоначального накопления капитала длился не несколько столетий, как это имело место в Западной Европе, а всего лишь какое-то десятилетие. Причем новых собственников фактически не особо интересовала проблема сбережения своего капитала, поскольку он достался им без особых усилий, и, кроме того, растратив его, они могли на «законных» основаниях получить новый кусок общенародной собственности, соответствующий их социальному статусу, или, опять же, на «законных» основаниях завладеть собственностью другого лица.

Опыт перехода от социалистической, хоть и не совсем достроенной системы к капиталистической оказался печальным. Речь идет не только об отказе от идеи социальной справедливости, вопиющем социальном расслоении общества. Во многих бывших союзных республиках были основательно разрушены промышленное производство, наука и культура. Более того, на постсоветском пространстве произошли и до сих пор ведутся военные конфликты, в результате которых гибнут люди, материальные и культурные ценности. В основе подавляющего большинства современных военных конфликтов – бескомпромиссная борьба за собственность. Такого рода губительные для общества процессы – атрибутивное свойство эпохи первоначального накопления капитала. Главное же состоит в том, что пока ни одна из бывших союзных республик не вписалась в современную глобальную капиталистическую систему как *равноправный* ее член. Поэтому им предстоит еще долгий и мучительный путь вхождения в нее.

В начале XXI в. ООН была сформулирована идея устойчивого развития и в дальнейшем представлена в качестве программы практических действий на первую четверть XXI в. Но эта программа предназначена прежде всего для высокоразвитых стран. Постсоветские страны находились в переходном

состоянии, то есть на этапе радикальной трансформации социальных устоев, фактически совершали социальную революцию, поэтому об их устойчивом развитии могли утверждать лишь метафизики. Социальная практика опровергла оптимизм политиков: не только на постсоветском пространстве, но и в мире в целом не удалось реализовать программу устойчивого развития. Даже в США, самой мощной стране, общественные процессы далеки от устойчивости. Социальная устойчивость с точки зрения диалектики проблематична, о ней можно говорить лишь как о должном, но не как о сущем.

Республика Беларусь за четверть века своего существования в качестве самостоятельного субъекта мирового сообщества проделала большой путь в утверждении своего статуса на мировой арене. Главное ее отличие от соседей заключается в том, что она отказалась от идеи ускоренного, а фактически революционного пути переустройства своей общественной системы, а избрала эволюционный путь. В последние годы сделана ставка на интеллектуальное развитие страны [17]. Это выверенная стратегия. В динамичном, противоречивом мире в XXI веке можно утвердиться, только опираясь на высокоразвитый национальный интеллект и самоотверженный, честный каждодневный труд всех граждан нашего государства.

В заключение отметим следующее. Печально то, что постсоветские философы и политики в 1990-е годы обратили свои взоры преимущественно на представителей неolibеральной идеологии и остались совершенно равнодушными к трудам английских мыслителей XVII–XVIII вв., в которых содержится немало глубоких идей, руководствуясь которыми можно было избежать многих серьезных проблем, возникших в так называемый переходный период и приведших основную массу граждан к социальному потрясению и обнищанию.

Считаем, что схожесть социальных процессов XVII и конца XX в. требует дальнейшего серьезного их осмысления. Сравнительный анализ позволит, во-первых, углубить наши представления об общих закономерностях человеческой истории и специфических особенностях их функционирования в различные исторические эпохи. Во-вторых, даст возможность ответить на вопрос: была ли историческая неизбежность перевода советской плановой экономики на рыночные рельсы? В-третьих, позволит спрогнозировать перспективу развития государств, отказавшихся от советской социальности и выстраивающих ее новые формы.

Список использованных источников

1. Адуло, Т. И. Социальность как объект философского осмысления / Т. И. Адуло // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 29–49.
2. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 2. – 651 с.
3. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 624 с.
4. Соколов, В. В. Бытие, познание, человек и общество в философской доктрине Томаса Гоббса / В. В. Соколов // Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 3–65.

5. Быховский, Б. Э. Гоббс / Б. Э. Быховский // *Философский энциклопедический словарь*. – М. : Совет. Энцикл., 1983. – С. 119–120.
6. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.
7. Коллинз, А. Рассуждение о свободомыслии, вызванное возникновением и развитием секты, называемой свободомыслящие / А. Коллинз // *Английские материалисты XVIII в. : собр. произведений* : в 3 т. : пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М. : Мысль, 1967. – Т. 2. – С. 71–192.
8. Пристли, Д. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы / Д. Пристли // *Английские материалисты XVIII в. : собр. произведений* : в 3 т. : пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М. : Мысль, 1968. – Т. 3. – С. 5–45.
9. Пристли, Д. Письма к достопочтенному Эдмунду Бэрку, вызванные его «Размышлениями о французской революции» / Д. Пристли // *Английские материалисты XVIII в. : собр. произведений* : в 3 т. : пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М. : Мысль, 1968. – Т. 3. – С. 445–504.
10. Толанд, Д. Письма к Серене / Д. Толанд // *Английские материалисты XVIII в. : собр. произведений* : в 3 т. : пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М. : Мысль, 1967. – Т. 1. – С. 51–197.
11. Мандевиль, Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Бернард Мандевиль. – М. : Наука, 2000. – 291 с.
12. Толанд, Д. Клидофорус, или об экзотерической и эзотерической философии / Д. Толанд // *Английские материалисты XVIII в. : собр. произведений* : в 3 т. : пер. с англ. / под общ. ред. и с примеч. Б. В. Мееровского. – М. : Мысль, 1967. – Т. 1. – С. 313–349.
13. Беркли. Сочинения / Беркли ; сост., общ. ред. и вступ. статья И. С. Нарского. – М. : Мысль, 1978. – 556 с.
14. Юм, Д. Сочинения : в 2 т. / Д. Юм. ; пер. с англ. С. И. Церетели [и др.] ; вступ. ст. А. Ф. Грязнова ; примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М. : Мысль, 1996. – Т. 1. – 733, [2] с.
15. Плетников, Ю. К. Собственность / Ю. К. Плетников // *Философский энциклопедический словарь*. – М. : Совет. энцикл., 1983. – С. 619–620.
16. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 4. – 615 с.
17. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». – Минск, 2017. – 41 с.

В. К. Игнатов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕЙ ЗАПАДНОРУСИЗМА
В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII–XIX вв.**

Статья посвящена проблеме эволюции идей западнорусизма в белорусской культуре в период после заключения Брестской церковной унии и до полоцких событий 1839 г., которые привели к соединению униатской церкви с православной. Показано, что сочинение «Палинодия» Захарии (Копыстенского), деятельность Петра (Могилы), «Киевский синопсис», приписываемый Иннокентию (Гизелю), культурно-просветительское движение в Полоцке, вдохновляемое творчеством Игнатия (Певлевича) и Симеона Полоцкого, стали важными духовными вехами в истории становления воззрений западнорусизма. Установлено, что в дальнейшем идеи, составившие мировоззренческий фундамент концепции западнорусизма, развивались в произведениях Феофана (Прокоповича), Георгия (Конисского) и Иосифа (Семашко).

Ключевые слова: западнорусизм, православная полемическая литература, униатство, Феофан (Прокопович), Георгий (Конисский), Иосиф (Семашко)

V. Ignatov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THE ORIGIN OF THE IDEAS OF ZAPADNORUSIZM
IN THE CULTURE OF BELARUS OF THE 17th–19th CENTURIES**

The article is devoted to the problem of evolution of ideas of zapadnorusizm in the Belarusian culture in the period after the conclusion of the Brest Church Union and before the Polotsk events of 1839, which led to unification of the Uniate church with the Orthodox one. It was showed that the essay “Palinode” by Zacharias (Kopystensky), the activities of Peter (Mogila), “Kiev Synopsis” attributed to Innokentiy (Gisel), the cultural and educational movement in Polotsk, inspired by the works of Ignatius (Ievlevich) and Simeon Polotsky became important spiritual milestones in the history of formation of the views of zapadnorusizm. It was revealed that in the future, the ideas that formed the ideological foundation of the concept of zapadnorusizm developed in the works of Feofan (Prokopovich), George (Konissky) and Joseph (Semashko).

Keywords: zapadnorusizm, Orthodox polemical literature, profession and practice of Uniat Church, Feofan (Prokopovich), George (Konissky), Joseph (Semashko)

Западнорусизм является одним из важнейших культурных феноменов интеллектуальной истории Беларуси. Неизменный интерес ученых вызывает проблема изучения процесса становления идей западнорусизма, воссоздания духовных основ творчества вдохновителей влиятельной национальной мировоззренческой концепции XIX в.

В книге «“Западно-руссизм”: нарысы з гісторыі грамадзкай мысли на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.» А. И. Цвикеви́ч относил возникновение «западно-русских» идей к весьма далеким временам, а первым наиболее выразительным проявлением умонастроений западнорусизма в Речи Посполитой считал раскол, возникший в униатском духовенстве после Замойского собора 1720 г. [1, с. 8].

Согласно Я. И. Трещенку, западнорусизм стал порождением «диссидентского вопроса» в Речи Посполитой [2, с. 125]. Как полагал белорусский историк, идейный фундамент западнорусизма был заложен во второй половине XVIII в. Георгием (Конисским) [2, с. 125]. В следующем столетии комплекс представлений «западнорусского» движения развивался в окружении Иосифа (Семашко) [2, с. 125]. Свое завершение концепция западнорусизма получила в трудах М. О. Кояловича и его сподвижников [2, с. 126].

Другие современные авторы начало «западнорусского» сознания усматривают уже в эпохе Киевской Руси, а ярким интеллектуальным выражением идеи восточнославянского единства считают православную полемическую литературу XVI–XVII вв. (см., напр.: [3, с. 60, 63]).

В ряду произведений полемической литературы особое место принадлежит сочинению архимандрита Захарии (Копыстенского) «Палинодия, или Книга обороны кафолической святой апостолской Всходней Церкви». Трактат православного писателя был направлен против произведения виленского униатского архимандрита Льва Кревзы «*Obrona iedności cerkiewney*» («Оборона церковного единства», или «Оборона унии»), которое увидело свет в 1617 г. Текст «Палинодии» в XVII в. издан не был, но существовал в списках и получил широкую известность среди современников автора книги.

Повествуя о древней истории «народа Росского», Захария (Копыстенский) говорит о его происхождении из «колена Яфетова». Со временем единый «яфето-росский» народ, исповедующий с эпохи правления князя Владимира православную веру, оказался разделенным на «Великую Россию» и «Малую Россию». Была разделена и некогда единая православная митрополия на Руси: «В тех летах сталося... розделене митрополии Роской на-двое. Царь Московский на Москве з освяченным собором митрополита себе обирают... Россия Малая теж, то ест Киев и Литва, также себе иного обирали и поставляли...» [4, с. 1032]. Но для православного автора Россия, даже будучи разделенной на «Великую» и «Малую», является единым целым, что проявляется в употреблении этого наименования только в единственном числе (напр., «нашу Р о с с и ю В е л и к у ю и М а л у ю» [4, с. 847]).

Как и в прошлые времена, потомки древнерусского народа, с отвагой и мужеством, прославившие его «еще за часу войны Троянской» [4, с. 1103], защищают православную веру: «Припомяну еще вкратце о делности Россов Великой России, як народ той Яфето-Росский и доселе квитнет и прославляет его Бог.

Іоан, цар Московский, две орды Татарский, Казань и Астрахань, взял и под свою моц подбил. А другая часть Яфето-Роского поколенья, з Малой

России выходячи, а на за-порогах живучии козаки – Татары и места Турецкии на мори чолном воюют, а на всех выправах военных кролей Полских делне, мужне и преважне ся ставят, ач незычливыи вере нашой козаком того не признавают. Леч нехай ся встидают посторонних! Все бовем постороннии и сам той неприятель христианского имени, Татарове и Туркове, признавают Россом мужество» [4, с. 1110].

Духовное единство «народу Российского» не прерывалось с того самого времени, когда «Бог в Троицы единый на благословенное Яфето-Российское племя призрел... иж на месце отпадших Латинныков народы Росскии призвал и вщепил в святую свою церковь» [4, с. 1107]. Об этом свидетельствует постоянное религиозное общение выходцев из «Великой» и «Малой» России: «...так сама Москва з Росью нашею, на Москву приезжающею, як и послове Московскии, в Литве и в Короне бываючи, сполечность церковную з собою мевали» [4, с. 1032].

О славянском единстве повествует и неизвестный автор Густынской летописи, созданной в Густынском Троицком монастыре (с. Густыня, Черниговская область) в последней трети XVII в. В ней говорится, что «народ Словенский или Руский, от своего начала даже доселе не единого нарицашеся, но различными имени по временех» [5, с. 27]. Разные названия народа, отмечает летописец, происходили и от наименований мест расселения славян, и возникали в процессе общения с другими народами, и становились иными в связи с именами русских вождей. «Но обаче аще и различие ест во именовании волостям, но вестно ест всем, яко сии все единокровни и единокровны, се бе суть и ныне все обще-единым именем Русь нарицаются» [5, с. 27]. Историческое повествование завершается описанием событий, связанных с заключением Брестской церковной унии. Летописец с осуждением говорит о действиях православных иерархов, присягнувших на верность папе римскому, после чего началось «на православных великое гонение» [5, с. 152]. В последних строках своего труда автор выступает с обличением тех, кто разорвал церковное единство восточнохристианской конфессии: «Сии же апостаты, рымские унеты, даже и доньне, отторгшися от Востока, в том разделении пребывают, непрестанно гоняще церковь Божию» [5, с. 152].

В XVII в. в православных кругах Речи Посполитой возникает стремление к усилению контактов с представителями государственной и церковной власти Русского царства [6, с. 29–94]. В своих посланиях, направлявшихся в Москву, православные деятели польско-литовского государства свои просьбы о помощи храмам и монастырям обосновывали тем, что московские цари являются прямыми потомками древнерусских князей и их духовными наследниками, а московского патриарха рассматривали как главного духовного пастыря Русской православной церкви.

В «Палинодии» перечень православных патриархов завершает «Филарет, милостию Божиею святейший патриарх Великой и Малой России, и до последних

Великого Окиану» [4, с. 1158]. В грамоте от 4 декабря 1622 г. епископ Перемышльский Исаия (Копинский) обращался к Филарету (Романову) как к «преосвященному патриарху Великой и Малой Росии и до последних Великого океяну» [7, с. 27]. Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Иов (Борецкий) в письме от 1 сентября 1624 г. к московскому патриарху взывал к нему как к «господину отцу и пастыру своему» [8, с. 48].

По мере нарастания кризиса в Речи Посполитой в 20-е годы XVII в. в православной среде стали появляться произведения, где мысль о духовной и этнической общности восточных славян, живущих в «Великой Росии» и на территории Речи Посполитой, находит свое развитие в призыве к московским властям оказать помощь православным жителям «Малой Росии» в восстановлении утраченных ими религиозных и политических прав и свобод, вернуть времена «святого Владимира», когда существовала «одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели едину власть» [9, с. 152].

Тема Росии как наследницы Древней Руси становится ведущей в предисловии к «Беседам» Ионна Златоуста, принадлежащем перу Захарии (Копыстенского). Оно содержит похвалу Владимиру Мономаху за то, что он «Речь Посполитую Российскую незгодами и внутренними войнами сынов и потомков одного великого Володимера... утрапленную успокоил... князства Роскии разорваны знову делностью своею в едно споил и злучил и до единовладства по-старому привел» (цит. по: [10, с. 206]). Преемниками «единовластца» «Речи Посполитой Российской» Владимира Мономаха являются «все цареви Московские» (цит. по: [10, с. 206]).

Идея восстановления восточнославянского единства ярко проступает в «Протестации» 1621 г., где киевский митрополит Иов (Борецкий) от имени всех «людей духовного и светского, шляхетского и мещанского сословий народа Русского обряда церкви восточной» [11, с. 4] утверждал, что «естественно было бы и патриарху, и нам, и казакам действовать на стороне Москвы, с которой у нас одна вера и обряд, один род, один язык и обычаи» [11, с. 9]. Эта же тема выражена Иовом (Борецким) и в челобитной царю Михаилу Федоровичу, где митрополит просит российского монарха, «отрасль и племя великих всея Россия самодержцов» позаботиться «о нас, росийскаго ти племени единоутробным людем державы ти и твоему самому царскому величеству родом плоти и родом духа единая, святая соборная апостольская церкве людем же и градем, от них же банею паки бытия в прародителех ти языческую оттряс слепоту, светом благоразумия пресветися и в порождении от воды и духа сыноположения дар прият, глаголю: последи же о святей родительнице церкви, в нас обретающейся, и о нас, юнейших ти братиях» [12, с. 47].

Среди ревнителей православной веры обращает на себя внимание фигура брестского игумена Афанасия (Филипповича), «стоящего как бы особняком в ряду других борцов за оную и, в большинстве случаев, значительно отличавшегося от последних по приемам и характеру своих действий» [13, с. 183].

В «Диариуше» Афанасий (Филиппович) писал о своих неоднократных обращениях к польскому королю и сейму с призывом упразднить унию. Эта тема становится центральной и в его мемориале, известном под названием «Новины», и в жалобе, озаглавленной им «Суплика третья», и в «Пораде побожной».

В минуты, когда угасала надежда брестского игумена на то, что верховная власть Речи Посполитой сможет положить конец унии, он обращал свои взоры на Восток, призывая московского царя освободить угнетенных единоверцев: «...Афанасий, иди до Царя Михаила и рци ему: звияжай неприатели наши; бо юж час пришил, мей образ Пречистое в крест Купятицкий на хоругвах военных для милосердя; а в битви той каждого человека, мянующогося православным, здорово заховай» [14, с. 59].

В период наивысшего обострения противостояния сторонников западной цивилизации и приверженцев византийско-старославянской традиции в православном сообществе зарождается движение обновления, возглавляемое Петром (Могилой). Преобразовательная деятельность киевского митрополита, его сподвижников и учеников призвана была внести умиротворяющее начало в общеевропейскую картину мировоззренческого разлада.

Смерть Петра (Могилы), последовавшая 1 января 1647 г., стала символическим концом эпохи духовных поисков межцерковного согласия в Речи Посполитой. Едва миновал год, как «могила скрыла... Могилу» [15, с. 617], в польско-литовском государстве разразилась гражданская война. В 1654 г. состоялась Переяславская рада, ставшая прологом к вооруженному конфликту между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг.

После завоевания Полоцка русскими войсками в городе в 1656 г. ненадолго останавливался московский государь Алексей Михайлович. При въезде восточного монарха в Полоцк с приветственной речью к нему обратился игумен Богоявленского монастыря Игнатий (Иевлевич) с братиею.

Искусно облекая идеи Ренессанса и барокко в традиционную для московского царя и его знати духовную оболочку «третьеромизма», книжники Богоявленского монастыря вырабатывали новую концепцию Российской державы. Знаменательной вехой в формировании доктрины русского просвещенного абсолютизма стало творчество Симеона Полоцкого, заложившего идейные основы реформ первого российского императора.

Исторические итоги развития теории общности восточных славян в XVII в. подвел «Киевский синопсис», приписываемый архимандриту Киево-Печерского монастыря Иннокентию (Гизелю) [16, с. 7–8].

«Синопсис» пронизан идеей единства истории «славенороссийского» народа, его государственности и религиозной веры. По мнению автора «Синопсиса», «русский», «российский», «славенороссийский» народы различаются только названием, но по сути они представляют единый народ, поскольку «единого бо естества, отца своего Афета, и тогожде языка» [17, с. 55]. «Преславный град

Киев» был основан по благословению апостола Андрея Первозванного [17, с. 63]. С эпохи крещения Руси столица древнерусского государства становится духовным центром «славеноросского» народа. Москва – законная политическая и религиозная наследница Киева и Владимира [17, с. 60]. Разделенный в течение нескольких столетий политическими границами, испытывавший многочисленные беды – потерю территорий, иноземное владычество, религиозные притеснения, «славенороссийский» народ возвращается к своему государственно-му и церковному единству [17, с. 214].

«Киевский синопсис» впервые был опубликован в 1674 г. и в течение XVII и двух последующих столетий выдержал несколько десятков изданий [16, с. 3], сохраняя и во второй половине XIX в. свое значение как ценный источник сведений о прошлом восточных славян [16, с. 38].

В XVIII в. идеи белорусско-украинских мыслителей эпохи барокко были развиты уроженцем Киева архиепископом Феофаном (Прокоповичем), о котором Ю. Ф. Самарин написал, что «он посвятил свое слово Петру Великому и стал посредником между ним и народом» [18, с. 365].

В 1706 г. Феофан (Прокопович) в присутствии российского монарха в Софийском соборе произнес «Слово приветственное на пришествие в Киев его царского пресветлаго величества». В торжественной речи церковный деятель объявил Петра I наследником всех предшествующих правителей: «В тебе отцы и праотцы твоя» (цит. по: [19, с. 163]), продолжателем славных деяний своих предков: «Но не память только и самую кровь видит в тебе Киев, упомянутых отец твоих; видит и познавает в тебе добродетели их, и нравы, и обычаи» (цит. по: [19, с. 164]).

Через три года в том же Софийском соборе Феофан (Прокопович) обратился к российскому монарху с новым панегириком, названным им «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему Государю Царю и Великому князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной». В нем уже ощутим пафос зарождающейся империи. Победа, добытая в сражении со шведскими войсками под Полтавой «премудрым промыслом» царя и «мужественного воинства», открывает перед страной новые перспективы усиления ее влияния и могущества: «...отсюду да познают народы многомогущую силу державы Российския...» [20, с. 87].

В своей речи Феофан (Прокопович) рисует образ «просвещенного» государя, воплощенный в личности Петра I: «Вся твоя и дела и деяния, пресветлейший монархо, дивная воистинну суть. Дивне презираеши светлость и велепие царское, дивне толикие подъемлещи труды, дивне в различныя себе вовергаеши беды и дивне от них смотрением Божиим спасаеши, дивне и гражданския, и воинския законы, и суды уставил еси, дивне весь российский род тако во всем изрядно обновил еси» [20, с. 95]. Преобразования, осуществленные русским царем, сделали его государство столь сильным, что оно обрело возможность

окончательно повергнуть не только своих политических врагов, но и духовных: «Мнит ми ся, яко светает уже день той, вон же проклятая унея, имевшая в отечество наше вторгнутися, и от своих гнездилищ изверженна будет, святая же православно-кафолическая вера, юже от Малой России служители диавольскийи изгнати хотяху, и во иныя страны благополучне прострется. Будет то, укрепляюще Богу десницу твою, пресветлейший монархо, будет, не усумневаемся; будет, надеемся тако, аки и получихом» [20, с. 96].

В другой торжественной речи «Слово похвальное о баталии Полтавской» 1717 г. церковный деятель вновь затронул тему восстановления восточнославянского единства и мирового возвышения православной власти: «...Малая Россия, исторгнувшись от ига польского, под крепкую десницу монархов своих наследных возвратися... славу и утварь царскую, угасшую на константинопольских, на наших самодержцах блистающуюся, увиде мир...» [20, с. 110–111].

Но упоминание Малой и Белой России в панегириках становится все более редким: теперь все православные жители огромной державы обрели новое «отечество» – «Россию», все «русские» люди стали «россиянами», а Россия и ее монарх признаны тождественными друг другу: «Больше нечто реку: приблизилася бяше... смерть явная ко боговенчанной главе твоей, егда железный желюд пройде сквозе шлем твой. Но яко не вреди главы, ея же вредом вся бы повредилася Россия...» [20, с. 90].

Абсолютная наследственная монархия, о которой архиепископ говорил в своей первой речи в новой столице Русского государства «Слово похвальное в день рождества благороднейшаго государя царевича и Великаго князя Петра Петровича» в 1716 г., является источником благоденствия всех подданных самодержца: «А кто же не видит, о россияне, нас ныне так щастливых, так блаженных, так благополучных быти, сподобляемых всещедрыми к нам милостынями вышняго! Коих бо благ надежду нам подает ныне в наследие кровь монарха нашего прорастшая? Подает надежду продолжения нашего блаженства. Но коего блаженства? Того, которое получи от Бога Россия тако премудрым, тако щастливым, храбрым, победительным, тако, словом рещи, благословенным царем своим, его царским величеством пресветлейшим и державнейшим всероссийским самодержцем Петром Первым» [20, с. 102].

Идея неограниченного самодержавия развита Феофаном (Прокоповичем) в торжественной проповеди «Слово о власти и чести царской», произнесенной им в Санкт-Петербурге в 1718 г. [20, с. 148]. По мнению оратора, монарх является не только полновластным государем в своей державе – его власть простирается и на церковную сферу [20, с. 148].

Трактат «Правда воли монаршей» и «Духовный регламент» завершают процесс создания архиепископом Феофаном основных положений концепции российской абсолютной монархии. За свои земные деяния государь несет ответственность только перед судом небесным [20, с. 350]. Регламент Духовной коллегии зафиксировал переход в руки царя религиозной власти [20, с. 264–266].

В то время как в России роль первой скрипки в «симфонии властей» стал исполнять православный самодержец, в Речи Посполитой в церковном «оркестре» усиливалось латинское звучание.

Постановления Замойского собора 1720 г. призваны были стать прологом к завершению истории идеи унии как «моста», «переходной меры», «временного чистилища» на пути к полному слиянию бывшего православия с католицизмом [21, с. 193–267]. Собор принял католический символ веры, ввел обязательное поминание папы римского во время богослужения, запретил использовать православную богословскую и богослужебную литературу. За более чем столетие существования униатства греческие духовные опоры «временного золотого моста» между Востоком и Западом претерпели столь глубокие разрушения, что решения Замойского собора грозили превратить их в груды культурно-исторических обломков. Дальнейшая латинизация униатства вызвала недовольство в кругах «старых» греко-католиков и их стремление искать поддержки в России.

«Вечный мир» – договор, заключенный в 1686 г. между Русским царством и Речью Посполитой, содержал статью, предоставлявшую право вмешательства России в отношения между верховной властью польско-литовского государства и ее православными подданными [22, с. 1–2]. Идея обеспечения свободы вероисповедания и уравнивания в правах «диссидентов» (православных и протестантов) в Речи Посполитой легла в основание международной политики Екатерины II [23, с. 66].

В 1762 г. на церемонии коронации новой русской императрицы в Москве присутствовал епископ Могилевский Георгий (Конисский), с 1755 г. возглавлявший единственную сохранившуюся к началу XVIII в. православную епархию в Речи Посполитой. Во время аудиенции он обратился к Екатерине II с торжественной речью, в которой заявил, что поздравления императрице по случаю ее коронации в его лице приносит весь «Белорусский народ» [24, с. 283], пребывающий ныне в состоянии людей, «хотя единоверных, но в Польской области заключенных» [24, с. 284]. Рисуя картины крайнего упадка православия в польско-литовском государстве на фоне процветания восточнохристианской церкви в России, где «светильник Веры, от дней Владимировых зажженный, блистает доселе», оратор выражал надежду на скорое избавление пребывающих «в последнем утеснении» [24, с. 284]. Георгий (Конисский) высказал убежденность в том, что недалек тот час, когда плоды деятельности императрицы, чьими великими трудами «светильник Веры в России... утвержден», а «благочестивые и верные подданные... в честь и достоинство приведены» [24, с. 285], станут достоянием и «единородных» белорусов. Завершил свою речь епископ Могилевский призывом к Екатерине II оказать свое покровительство и мольбой о спасении: «Не посрами нас, Надежда наша, в чаянии нашем! Спаси нас десницею Твоею, и мышцею Твоею покрый нас!» [24, с. 286].

Прошло немногим более десяти лет, и вот уже в Санкт-Петербурге Георгий (Конисский) обратился к императрице с новой торжественной речью «по случаю присоединения Белоруссии к Российской Державе» [24, с. 287]. От лица «единоверных» оратор благодарил Екатерину II за избавление от уз, «которыми душа, свобода ея, самое существо ея были связаны» [24, с. 289]. «Сей народ в тесноте и озлоблении сто семьдесят семь лет жил» [24, с. 288], а ныне произошло «событие, веками желанное» [24, с. 290], и теперь бывшие «пленники... к матери своей Церкви, веселы текут» [24, с. 289–290].

Тема неограниченности самодержавной власти развита епископом Могилевским в речи, произнесенной им в 1787 г. во время пребывания Екатерины II в Мстиславле [25, с. 242].

Одна из основных идей в творчестве Георгия (Конисского) – возвращение униатов в православие. Краткое изложение основных воззрений церковного деятеля на эту проблему содержит его «Слово при освящении церкви, возвращенной из унии в православие» [25, с. 463–466]. В начале своей проповеди епископ вспомнил о тех древних временах, когда восточное и западное христианство было единым целым. Но затем западная церковь отделилась от восточной, и вину за произошедший раскол проповедник полностью возлагал на римских католиков. В числе их прегрешений он упоминал и добавление к символу веры об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына, и почитание апостола Петра как главы христианской церкви. Западная церковь обращает в свою веру, используя «насилия, притеснения, обиды, гонения, раны, узилища», в то время как восточная церковь действует с помощью убеждения и терпения [25, с. 465]. Но сегодня те, кто пребывал в отторжении от православия, возвращаются в объятия матери-церкви [25, с. 466].

Кончина Георгия (Конисского) пришлось на 1795 г., когда состоялся третий раздел Речи Посполитой.

В XIX в. идея возвращения униатов в православие обрела новое дыхание в деятельности митрополита Иосифа (Семашко). Его взгляды на униатскую церковь сложились еще в молодости и в течение всей его жизни не претерпели сколько-нибудь существенных изменений [26, с. 229]. Мысль об этническом и религиозно-культурном единстве восточных славян можно встретить во многих произведениях Иосифа (Семашко): и в неоконченном труде «Сочинение о Православии Восточной Церкви», и в проповедях, и в его многочисленных записках (см., напр.: [27, с. 393; 28, с. 9]).

Унию Иосиф (Семашко) не только не считал духовным «мостом» между Западом и Востоком, но и вообще не оставлял за ней права на своеобразие и оригинальность. В унии он видел лишь одно из наиболее ярких проявлений драматического противоборства двух европейских цивилизаций, стремление латинского мира подчинить своему влиянию «отжившую свой век» православную общность. Высказывая свое отношение ко взглядам автора «Философиче-

ских писем», Иосиф (Семашко) утверждал, что П. Я. Чаадаев «описал... нас, Русских, самым удивительным образом. Они де, варвары, не имеют ни просвещения, ни религии, ни правительства; они не имеют народного характера, собственных обычаев, даже семейственной жизни; они даже не способны к образованию – чудо, да и только! Чего этот г. философ о нас не написал! А мы, бедные Православные, в простоте своего сердца думали до сих пор, что сделали удивительные успехи по всем частям образованности; мы гордились своею твердою народностью, своим правительством; мы убеждены были, что Православная вера горит в сердце всякого Русского и более всего поддерживает наше мощное политическое тело; мы считали себя великаном, на которого все народы глядят с удивлением и завистью, с упованием или со страхом. А добрые наши цари, положившие столько трудов, столько попечений, чтобы нас просветить, возвеличить, и не знали, что, после вековых усилий, мы будем на низшей степени, нежели наши лопари, наши самоеды!» [27, с. 681].

Прокламируя самобытность российской цивилизации, митрополит Литовский и Виленский часто в своих произведениях высказывал суждение, что уния в глазах католиков выступает как переходная мера, а конечной целью является полное приобщение православного мира к ценностям западной культуры (см., напр.: [27, с. 331]). Подобный взгляд на унию служил побудительным мотивом для многолетней деятельности Иосифа (Семашко) по возвращению униатов в православие, ознаменованной отменой Полоцким собором 1839 г. постановлений Брестской унии. Это событие в трудах церковного деятеля предстает как восстановление древнерусского единения: «Гонимая за веру Русь Литовская обратила взор и упование свое к Руси Восточной, где Церковь Православная благоденствовала под скипетром русских самодержцев. Многия области русския, Литвою захваченныя, давно уже возвратились к России, с верою еще чистою: остальные же возвращены ей в наши времена, хотя измененными по наружности, но все же русскими по языку и сердечным чувствам здешних жителей» [28, с. 10].

В 1845 г. Иосиф (Семашко) переместил Литовскую духовную семинарию из Жировичей в Вильно. В этом же году в нее поступает М. О. Коялович. Лучшему выпускнику семинарии 1851 г. суждено было посвятить свою жизнь созданию теории западнорусизма в Российской империи.

Список использованных источников

1. Цьвікевіч, А. І. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. І. Цьвікевіч. – 2-е выд. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 349, [1] с.
2. Трещенок, Я. И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея). Заметки историка / Я. И. Трещенок // VII Междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящ. Дням славянской письменности и культуры (Минск, 22–24 мая 2001 г.) : материалы чтений : в 2 ч. / редкол.: А. Ю. Бендин (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2002. – Ч. 1, кн. 2. – С. 115–159.

3. Теплова, В. Православие в период разъединения Руси / В. Теплова // Брест. епарх. ведомости. – 2009. – № 3. – С. 60–63.
4. Копыстенский, З. Палинодия / З. Копыстенский // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Комиссиею. – СПб. : Тип. и Хромолитогр. А. Траншеля, 1878. – Т. 4, кн. 1. – С. 313–1199.
5. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 40. – С. 7–152.
6. Харлампович, К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К. В. Харлампович. – Казань : кн. маг. М. А. Голубева, 1914. – Т. I. – XXIV, 878, [1], LXVI с.
7. 1622 г. декабря 4. Письмо перемышльского епископа И. Копинского патриарху Филарету о преследовании православной религии на Украине и о посылке им в Москву монаха Лубенского Мгарского монастыря Гедеоны // Воссоединение Украины с Россией : док. и материалы. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – Т. 1. – С. 27–28.
8. 1624 г. сентября 1. Письмо киевского митрополита И. Борецкого к царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету об отправлении в Россию иеромонаха Памвы Бевынды для исправления церковных книг // Воссоединение Украины с Россией : док. и материалы. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – Т. 1. – С. 48–49.
9. 1649 г. марта 13 – мая 22. Статейный список посла русского правительства Г. Унковского к Богдану Хмельницкому // Воссоединение Украины с Россией : док. и материалы. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 2. – С. 145–162.
10. Пашуто, В. Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1982. – 263 с.
11. Жукович, П. Н. Протестация Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, сост. 28 апреля 1621 г. / П. Н. Жукович. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1909. – [2], 19 с.
12. 1624 г. августа 24. Челобитная киевского митрополита И. Борецкого царю Михаилу Федоровичу об оказании поддержки православному населению на Украине в его борьбе с унией и католицизмом и о воссоединении Украины с Россией // Воссоединение Украины с Россией : док. и материалы. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – Т. 1. – С. 46–48.
13. Голубев, С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (опыт исторического исследования) / С. Т. Голубев. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1898. – Т. 2. – VI, 498 с.
14. Филиппович, А. Диариуш / А. Филиппович // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Комиссиею. – СПб. : Тип. и Хромолитогр. А. Траншеля, 1878. – Т. 4, кн. 1. – С. 49–155.
15. Макарий. История русской церкви / Макарий. – СПб. : Тип. С. Добродеева, 1882. – Т. 11. – [4], XV, [1], 628, [1] с.
16. Сапожников, О. Я. Предисловие / О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова // Сапожников, О. Я. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / подгот. текста: О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова. – М. : Европа, 2010. – С. 3–40.
17. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста: О. Я. Сапожников, И. Ю. Сапожникова. – М. : Европа, 2010. – 239, [1] с.
18. Самарин, Ю. Ф. Избранные произведения / Ю. Ф. Самарин. – М. : РОССПЭН, 1996. – 606 с., [1] л. портр.
19. Буранок, О. М. Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века / О. М. Буранок. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 444, [1] с.
20. Прокопович, Ф. Избранные труды / Ф. Прокопович ; сост. автор вступ. ст. и коммент. И. В. Курукин. – М. : РОССПЭН, 2010. – 623 с.
21. Хрущевич, Г. История Замойского собора (1720 года) / Г. Хрущевич. – Вильна : Тип. Губерн. правления, 1880. – 305, [2] с.
22. Чистович, И. А. Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII столетия / И. А. Чистович. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1880. – [2], 82 с.

23. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.]. – М. : Новое лит. обозрение, 2007. – 605 с., [2] л. карт.
24. Конисский, Г. Собрание сочинений / Г. Конисский. – СПб. : Тип. Э. Веймара, 1861. – Ч. I. – [2], LXVII, 291 с., [1] л. портр.
25. Конисский, Г. Слова и речи / Г. Конисский. – Могилев и/Днепр : Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземского, 1892. – 466, II с.
26. Романчук, А. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / А. Романчук. – М. ; Минск : Об-во любителей церков. истории, 2015. – 443 с.
27. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1883. – Т. I. – VIII, 745 с., [1] л. ил.
28. Семь проповедей синодального члена митрополита Литовского и Виленского Иосифа, говоренные при важнейших случаях служения, и О греко-унитской церкви в Западном крае России. – СПб. : Синод. тип., 1889. – 88 с.

И. Я. Мацевич-Духан

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**КОНЦЕПЦИЯ «ВЕЛИКОГО СООБЩЕСТВА»
В ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

В статье выявлены социально-философские основания формирования концепта «великое сообщество» (great community) в американской философии начала XX в. Прослеживается эволюция его значения в философии абсолютного идеализма Дж. Ройса и прагматизма Дж. Дьюи. Демонстрируется переход от концепции «великого сообщества» к теориям «великого общества» (great society) Г. Уоллеса и «хорошего общества» (good society) У. Липпмана. Обозначены перспективы развития этих теорий в социальной философии и политической практике.

Ключевые слова: великое сообщество, возлюбленное сообщество, великое общество, хорошее общество, абсолютный идеализм, неокантианство, публика, диспозиция, прагматизм, неолиберализм

I. Matsevich-Dukhan

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THE “GREAT COMMUNITY” CONCEPTION
IN EARLY TWENTIETH-CENTURY PHILOSOPHY**

The article reveals the socio-philosophical foundations of the concept “great community” in early twentieth-century American philosophy. The evolution of its meaning in J. Royce’s philosophy of absolute idealism and J. Dewey’s pragmatism is analysed. The turn from the conception of great community to the theories of great society (G. Wallas) and good society (W. Lippman) is demonstrated. The prospects for their development in social philosophy and political practice are outlined.

Keywords: great community, beloved community, great society, good society, absolute idealism, neo-Kantianism, the public, disposition, pragmatism, neoliberalism.

Современная социальная теория достаточно редко проявляет интерес к концепциям «великого сообщества» Дж. Ройса и Дж. Дьюи. Однако сегодняшняя социально-политическая реальность способствует возрождению исследовательского интереса к идейным истокам концепции идеального общества под названием «великое». Противоречивый характер последствий ее применения в политической действительности способствовал развитию бурной дискуссии вокруг введенного в широкий научный оборот концепта. Среди участников данной дискуссии, задающих вектор ее развития в Европе и Америке, выделяют английского социалиста Грэма Уоллеса и «отца» современной американской журналистики Уолтера Липпмана. Их работы способствовали формированию

теории «великого общества» в рамках социальной психологии, экономики и политологии. Кульминационной точкой ее возможной верификации на практике оказалась политическая программа президента Линдона Б. Джонсона [11]. Мы возвращаемся к философским истокам концепции, чтобы разобраться, каков был изначальный посыл социального проекта Дж. Ройса в начале XX в.

Понятие «возлюбленное сообщество» Дж. Ройса

Гарвардский философ Дж. Ройс попытался примирить зарождавшуюся философию прагматизма с традицией абсолютного идеализма. Будучи другом У. Джеймса и Ч.-С. Пирса и в то же время учеником Р.-Г. Лотце и В. Виндельбанда, он демонстрирует в разные периоды своего творчества колебания в предпочтениях, оставаясь верным лишь паулианской доктрине, а также наследию неокантианства и неогегельянства. Концепция «великого сообщества» вобрала в себя идеи различных периодов творчества Ройса, подводя итог его оригинальному исследованию духовных оснований современных социальных взаимоотношений, которое растянулось на несколько десятилетий на рубеже XIX–XX вв.

В работе «Проблема христианства» (1913) [8] Ройс формулирует вопрос о том, что значит быть последовательным христианином в современном обществе. Он исследует опыт ранних христианских общин и находит суть живой Церкви в сохранении и поддержании общины согласно учению апостола Павла. Но при этом возникает проблема интерпретации учения, не ограничиваясь постулированием некоей абстрактной доктрины. Если апостол обращался к живой общине, то нам предстоит выяснить, что представляет собой сегодняшний социальный порядок, который мог бы соответствовать «духовному сообществу».

Американский философ рассматривает эволюцию ранней христианской общины с точки зрения естественной истории и теории ценностей. Первый подход предполагает описание перехода от простых к сложным сообществам, вплоть до появления мировой цивилизации корпоративных сообществ. Но Дж. Ройса больше интересует ценностная сторона этой эволюции, в которой раскрывается его философия лояльности (*loyalty*), «практически преданной любви индивида к сообществу» [8, p. xvii].

Идеал общества, который демонстрирует американский мыслитель современному человеку, – это «возлюбленное сообщество» (*beloved community*), где во взаимной верности друг другу достигается живое присутствие сообщества, прославляющего «любовь к индивидуальному человеческому бытию; лояльность к божественному сообществу всех верующих; тонкость чувств и упорядоченность, даруемая дисциплиной» [8, p. 101]. Личная приверженность, сказывающаяся в верности и преданности идеалу «возлюбленного сообщества», в рационально осмысленном выборе собственной цели в бытии с другими, становится основанием для его построения.

Концепт «великое сообщество» Дж. Ройса

Концепция «великого сообщества» (*great community*) отталкивается от принципа взаимной духовной интерпретации. Каждый член сообщества интерпретирует смысл действия другого с учетом возможности передать его третьему. Великое сообщество – это сообщество интерпретаторов. Дж. Ройс опирается на семиотику Ч.-С. Пирса, при этом не отказывается от своего посткантианского прочтения Г.-В.-Ф. Гегеля (предпочитает, чтобы его не называли «гегельянцем», так как его отношения с философией Гегеля слишком сложные и неоднозначные [8, р. xi]).

Дж. Ройс попытался развить теорию знаков Ч.-С. Пирса на языке герменевтики и социальной философии. Ее влияние прослеживается в интерпретации триадического характера природы взаимоотношений в сообществе. Ройс полагал, что Пирс был первым, кто обратил внимание на природу интерпретации в научном сообществе исследователей (*community of investigators*). Семиотическая теория раскрывает триадный характер дискурса интерпретации в сообществе исследователей, разворачивающегося между интерпретатором, интерпретируемым и тем, кому адресована интерпретация. Подобно Пирсу, Ройс утверждает, что процесс интерпретации никогда не является лишь двусторонним, проходя сквозь призму другого или других, участвующих в коммуникации. Этим третьим всегда оказывается сообщество, которому мы пытаемся донести смысл сказываемого, даже тогда, когда индивид беседует с самим собой.

В монографии «Надежда великого сообщества» (1916) [7] оформляется идеал общества, который зарождается в сознании Ройса в период Первой мировой войны. Работа начинается с осмысления происходящего во время «великой войны». Данное понятие наводит с первых строк на мысль, что образ «великого сообщества» является продуктом «великой войны», подобно тому как образ «великого общества» А. Смита был порожден «великой революцией». Однако если вспомнить более ранние работы Дж. Ройса «Дух современной философии» (1892), «Мир и индивидуум» (1899–1901), «Философия лояльности» (1908), «Проблема христианства» (1913), то становится очевидным, что его социально-философская концепция кристаллизовалась на протяжении многих лет, но оказалась приоритетной темой исследования с начала XX в.

Важным фактором для поворота американского философа к новому обозначению своей социальной доктрины послужил выход в свет в 1914 г. книги английского социалиста-фабианца, социального психолога, соучредителя Лондонской школы экономики и политической науки Грэма Уоллеса «Великое общество: психологический анализ» [10]. Происхождение данного понятия Г. Уоллес объясняет введением в оборот экономистами XIX в. понятия «великая индустрия» (*great industry* (англ.) / *große Industrie* (нем.)). Продуктом ее бурного развития оказывается новый тип социальной реальности – «великое общество» (*great society*).

Теория «великого общества» Г. Уоллеса

Книга 1914 г. стала квинтэссенцией идей Г. Уоллеса, развиваемых с 1890 г., когда он окончательно порвал со своим «оксфордским идеализмом» [9]. Все его обобщения – результат кропотливой работы самоучки в кругу товарищей Фабианского общества. Главная задача исследования английского ученого – обосновать роль социальной психологии в формировании социальной действительности. Однако он не отказывался от помощи всего комплекса наук в обеспечении этого процесса, подчеркивал роль философии в направлении деятельности социальных психологов. Без уяснения возможностей новой научной дисциплины, без освоения ее методов мы утратим видение и понимание того, во что превратилось общество с бурным развитием индустриальных технологий.

В работе «Великое общество...» Г. Уоллес исследует «состояния сознания», которые могут рассматриваться как типичные для «великого общества». Исследователь сравнивает их с теми состояниями, что характерны для более примитивных социальных организаций, и демонстрирует принципиальные различия. Неспособность осознать эти различия приводит к появлению множества проблем в повседневной, политической, социально-экономической и культурной жизни людей. Эти проблемы накапливаются и проявляются как в индивидуальном, так и в общественном сознании, отражаясь во множестве международных конфликтных ситуаций.

Г. Уоллес утверждает, что во многом именно социальная психология способна помочь в разрешении назревших и обострившихся противоречий «великого общества», так как она способна связать события, которые мы наблюдаем, с причинами, их вызывающими. Когда эти причины превращаются в факты человеческой природы, тогда проявляются «диспозиции» [10, р. 22]. Ученый перечисляет многообразие их классификаций, фокусируясь на ряде ключевых: инстинкт, разум, любопытство, привычка, язык, страх, удовольствие, боль, счастье, имитация, симпатия, любовь, ненависть, воля. Совокупность всех диспозиций составляют суть человеческой природы. Особое внимание он уделяет «искусству мыслить» [10, р. 185–304], условиям и методам его развития. Г. Уоллес верит в возможность воспитания мысли с помощью тренингов и создания соответствующей стимулирующей и гармоничной среды.

Для английского исследователя «великое общество» – это отнюдь не идеальное общество. Это понятие обозначает совокупность негативных последствий бурного развития научно-технического прогресса, сказывающихся на жизни индивида и его окружения. Современная цивилизация не смогла создать благоприятной среды для развития диспозиций человеческой природы, содействуя эксплуатации лишь наиболее примитивных из них. В результате индивид становился все менее человеческим и все более нервным. Г. Уоллес возлагает надежду на ученых, экспертов и педагогов, способных воспитать здоровую

и мыслящую личность, просветить конкретных политиков, содействовать развитию «публичного духа» [10, р. 163] в государстве и поддержанию мира на земле. Таковы задачи «великого общества», прислушивающегося к рекомендациям философов и социальных психологов, с которыми мы до сих пор не в силах справиться.

«Надежда великого сообщества»

Через два года после выхода в свет книги английского социального психолога американский философ Дж. Ройс переосмысляет суть происходящего в мировой политике того времени. Несмотря на все ужасы Первой мировой войны, Ройс видит проблески света в этой безнадежности и отчаянии, образно сравнивает свою обращенную к миру речь с «песней перед рассветом». Он вспоминает высказывание И. Канта: «Когда справедливость терпит окончательное крушение, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей» [7, р. 27]. Ройс полагал, что человек мог бы избежать окончательного крушения, и в этой попытке его преодоления он обретает новый смысл собственной человечности в единении индивидов в универсальном «сообществе человечества» [7, р. 32], о котором дальше пойдет речь. Внутренняя жизнь человека такова, что она обладает характером «милосердия» (философ ссылается на послания апостола Павла к Коринфянам). Милосердие (*charity*) раскрывается лишь в сообществе, в жизни с другими в божественном духе, где индивидуальности не утрачиваются, а обретаются в той мере, в какой сказывается милосердие каждого как знак идеального сообщества всех верующих.

Идея «сообщества человечества» (*community of mankind*) конкретизируется Дж. Ройсом в делах повседневной жизни. Бурное развитие искусств, индустрий, наук и международной кооперации на протяжении XIX–XX вв. создает предпосылки для появления условий для нового социального порядка, в котором человечество станет единым духовным союзом. В качестве религии нового общества рассматривается философия лояльности. Отказываясь от этики индивидуализма и утилитаризма, американский мыслитель предлагает альтернативную этику верности своему делу в этом мире. Эта верность дарует индивиду спасение. Человек не способен осознать и реализовать свою верность вне социальной действительности и ее повседневной жизни. В этом обществе государство должно «обрести форму объединенного сообщества через объединенное сообщество и для объединенного сообщества» [7, р. 50].

В международном сообществе будущего различные национальности и расы не лишатся своей индивидуальности и принадлежности к конкретному отечеству. «Граждане мира» в будущем не утратят своих стран. Исчезнет только обособленный индивид, который не принадлежит ни к какому сообществу. «Одна лишь свобода никогда не спасет нас. Одна лишь демократия никогда не спасет нас. Наша политическая свобода – лишь тщетная трата, если она

не является средством для реализации на практике милосердия в паулианском смысле этого слова» [7, р. 52].

Проект такого рода сообщества уже начинает проявляться во плоти, с точки зрения Дж. Ройса, в модели социального страхования в конкретном государстве (на примере политики Отто фон Бисмарка) и на международном уровне через триаду «бенефициар – делец – страховщик». Последний в данной триаде выполняет духовную функцию репрезентации планов и интересов другого, то есть функцию медиации и примирения бенефициара и дельца. Эта схема воспроизводит модель коммуникации между тремя субъектами. Любой из них рассматривается как «сообщество интерпретации», воспроизводящее триадную структуру. В социальном страховании проявляется практическая «верность верности» (*loyalty to loyalty*) друг друга членов сообщества.

Ожиданиям Дж. Ройса не суждено было сбыться при его жизни. Его работа «Надежда великого сообщества» (1916, год смерти философа) заканчивается «автобиографическим наброском» [7, р. 132–133], в котором он находит себя перед лицом того самого кризиса, который он не может и «не хочет пережить». Дж. Ройс полагал, что если человек чувствует нехватку единения в духе с другими, то следует позволить «поэту и пророку говорить» [7, р. 133]. Он обращается к строкам английского поэта А.-Ч. Суинберна из поэтического сборника «Предрассветные песни» (1871): «Сторож, сколько ночи? Шторм, молния и дождь...» [7, р. 133].

Спустя двадцать лет после выхода в свет «Надежды великого сообщества» Дж. Ройса неолиберальный манифест У. Липпмана «Хорошее общество» (1936) [5] оборвется тем же вопросом, но отсылающим уже не к строкам поэта-декадента, а к словам пророка Исаии: «Пророчество о Думе. – Кричат мне с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи?» (Исаия 21 : 11). Дословно цитируя данный фрагмент, У. Липпман отдаст дань великому американскому философу и пророку. Не называя имен, он засвидетельствует преемственность поколений в исследовании феномена великого сообщества и построении различных моделей «хорошего общества».

Неокантианские предпосылки разработки концепции «великого сообщества»

Во многом дискурс «великого сообщества» сформировался на рубеже XIX–XX вв. под влиянием философии неокантианства. Дж. Ройс был учеником и последователем идей В. Виндельбанда и Р.-Г. Лотце. Прослушанные в 1874–1876 гг. курсы лекций Р.-Г. Лотце (по метафизике и практической философии) в университете Геттингена произвели на Дж. Ройса неизгладимое впечатление: он впервые столкнулся с мыслителем, доносящим до слушателя дух собственной философии. Сравнивая с другими курсами по истории философии и психологии (в том числе прослушанные им лекции В. Вундта в Лейпциге),

Ройс осознал: «Лотце преподавал Лотце» [2, р. 64]. Поэтому неудивительно, что свою самостоятельную педагогическую деятельность в университете Хопкинса молодой американский мыслитель начинает с построения курса лекций под названием «Возвращение к И. Канту» [2, р. 64]. Ройс попытался донести до своих студентов прежде всего освоенное им в Геттингене наследие неокантианского идеализма. Но эти идеи были подвергнуты своеобразной интерпретации в атмосфере зарождающегося духа американской философии прагматизма, в диалоге с Ч.-С. Пирсом и У. Джеймсом. После выхода в свет монографии «Религиозный аспект философии» (1885) Дж. Ройс получил должность профессора Гарвардского университета, где преподавал до конца своих дней, окруженный уважением, почтением и славой харизматичного мыслителя.

Уже спустя несколько лет после возвращения Дж. Ройса в Америку его прилежным учеником и внимательным слушателем окажется Дж. Дьюи, посещавший в 1883 г. в университете Хопкинса лекции приглашенного профессора Гарвардского университета [6, р. 76]. Пиетет в отношении философа Ройса был в 1880–1890-е годы непререкаемым, он рассматривался в качестве главной фигуры на авансцене американской академической философии вплоть до своей смерти в 1916 г.

Влияние Дж. Ройса на Г. Уоллеса можно проследивать через диалог последнего с У. Липпманом, который во многом сформировался как мыслитель под влиянием прослушанных им лекций в рамках курсов У. Джеймса и Дж. Сантаяна в Гарвардском университете (1906–1910 гг.). Философский кругозор У. Липпмана расширился в диалоге с учениками и коллегами Ройса. Г. Уоллес несколько раз читал лекции в Гарвардском университете как приглашенный профессор, на которых присутствовал У. Липпман. Надо отметить, что последний настолько внимательно проработал исследовательский материал английского психолога, что Г. Уоллес посвятил монографию «Великое общество» своему ученику. В предисловии к книге приводится письмо, обращенное к У. Липпману в надежде, что она поможет тому развить и обосновать свои идеи. Диалог был взаимоплодотворным, и американский исследователь никогда не отрицал, в какой мере идеи британского мыслителя и его книга «Великое общество» повлияли на формирование его мировоззрения.

Удивительно, насколько взаимосвязанным и даже тесным был интеллектуальный мир начала XX в., в какой мере американская философская школа чувствовала и осознавала себя преемницей немецкой классической философии. Дж. Дьюи защитил в 1884 г. диссертацию по теме «Психология И. Канта» (текст утрачен). Его последовательная увлеченность кантианством проявляется в монографии «Немецкая философия и политика» (1916) [3], где американский философ продемонстрировал свое очарование идеалистическим духом великой немецкой мысли, ее способностью к невиданному прежде самосознанию и самоорганизации. И в то же время он обозначил критическое предостережение, обусловленное событиями Первой мировой войны, относительно возможностей

ее объективации на практике в политике определенного государства. Отталкиваясь от данного опыта, Дж. Дьюи попытался пересмотреть свое отношение к немецкому идеализму и найти истоки процессов, приведших к губительным для человечества последствиям. Его социально-философский проект к середине XX в. приобретает мессианский размах в американской инструментальной политике просвещения других наций.

Концепция «великого сообщества» Дж. Дьюи

Особую роль в истории оформления проекта «великого сообщества» сыграла работа Дж. Дьюи «The Public and Its Problems» (1926) [4]. Хотя на русский язык ее чаще всего переводят как «Общество и его проблемы» [1], в данной статье нами используются следующие термины для обозначения ее ключевых понятий во избежание двусмысленности: публика (*a public / the public*), публичный (*public*), публичное (*the public*), публичность (*publicity*).

Чтобы ответить на вопрос, что такое «великое сообщество» для Дж. Дьюи, необходимо прояснить смысл понятия «сообщество» (*community*). Американский мыслитель констатирует факт современного существования в некотором организованном обществе под названием «великое» (распространенное на тот момент обозначение, введенное в публичный оборот Г. Уоллесом). Оно вызывает скорее скепсис Дж. Дьюи, нежели веру в его светлое будущее. Цитируя фрагменты из книги Г. Уоллеса, американский философ критикует его подход за утрату прежде всего понимания того, что есть *живое сообщество*, его подлинная социальная действительность, его публичный дух и соответствующая ему форма государства. В концепции английского психолога философия сообщества, обоснованная Дж. Ройсом, утрачивается. Дж. Дьюи не видит смысла в дальнейшем разворачивании концепта «великое общество», так как он не может обозначать будущее, а лишь индустриальное прошлое в его наихудшем воплощении: «“Великое общество”, произведенное на свет в результате изобретения парового двигателя и электричества, еще можно было именовать обществом – но уж никак не сообществом. Выдающимся фактом современности является вторжение в сообщество новых, относительно обезличенных и механических типов согласованного поведения людей. В отношении к данному типу коллективной деятельности сообщество (в истинном понимании этого слова) не является сознательным участником, прямым контролем над этим типом деятельности оно не обладает» [1, с. 72–73]. В этом контексте понятие великого общества приобретает коннотации косного, механического, стационарного, пассивного и подавленного.

Как следствие, общество (*society*) оказывается абстракцией, отражающей негативные последствия бурного индустриального развития, а сообщество (*community*) становится живой и осязаемой формой совместного действия («ассоциация в смысле соединяющей связи» [4, р. 22]) в мировоззрении лич-

ности. В широком смысле сообщество проявляется в любой форме взаимодействия индивидов, но Дж. Дьюи предпочитает более узкий ракурс его рассмотрения, где природа подлинного сообщества сказывается в публичке. Если *общество* является продуктом социализации, то *публика* – результат рефлексии над последствиями социальных действий субъектов транзакций, которые требуют контроля со стороны государства. В публичных отношениях всегда присутствует дистанция по отношению к последствиям собственных действий, выражающаяся в форме интерпретации.

Любая транзакция по природе своей носит социальный характер: «В широком смысле слова любая транзакция, которую сознательно осуществляют двое или более лиц, социальна по своей сути» [1, с. 14]. Но в то же время американский философ приводит аргумент о неэквивалентности публичного (*the public*) и социального (*the social*), подтверждая его примером вредоносной и недальновидной политики. Другими словами, есть род публичной деятельности, которая не является социальной. Кроме того, Дж. Дьюи утверждает, что не все частные транзакции носят социальный характер. О характере частного действия, насколько оно обладает социальной ценностью, судят по последствиям и намерениям действия [1, с. 14]. Исходя из этих положений, мы можем вывести две основные трактовки *социального* (*the social*): в широком смысле любой тип человеческого взаимодействия является социальным; в узком смысле социальное – действия, последствия которых способствуют росту благосостояния общества, выступая в качестве полезных и ценных для большинства. В работе «Публика и ее проблемы» философ склоняется в сторону более узкой трактовки социального, так как допускает выделение «не- и антисоциального» и «социально полезного» [1, с. 14–15; 4, р. 14–15].

Теперь остается прояснить, что такое «публика» (*the public*) [4, р. 38]. Дж. Дьюи воспроизводит наиболее распространенные ответы на данный вопрос – «сообщество как единое целое» и «нечто самоочевидное», но тут же дополняет: «...сообщество как целое предполагает не просто существование множества связей, разными способами соединяющих людей между собой, но и организацию всех элементов на основе того или иного объединяющего принципа» [1, с. 31].

Здесь мы переходим к вопросам: что нас объединяет в сообщество и чем эта связь отличается от других связей в природе. Ответив на них, мы сможем прояснить современный тип необходимых социальных связей, который подпадает под категорию сообщества. Таким образом, мы должны прояснить, что нас объединяет (если объединяет), как и во что. И если сообщество все-таки терпит крушение в результате индустриального прогресса, то что приходит ему на смену?

Дж. Дьюи полагает, что великое общество – это безличное сообщество, в котором наблюдается «упадок публики» (*eclipse of the public*). Задача философа – продемонстрировать возможность возрождения утраченного сообщества через

«оживление» публики. Оно не будет прежним, но оно будет живым воплощением публичного духа на пути к демократическому государству, которое еще не построено ввиду «забвения публичности».

Прояснив значения понятий публичного, социального и государственного, возможно приблизиться к подлинному замыслу проекта «великого сообщества» Дж. Дьюи. Ничто в этой связке не является даром и требует постоянной сознательной и личной работы над удержанием в себе и в бытии с другими понимания того, чем является наше государство в многообразии его воплощений, в чем заключается ценность нашей собственной социальной и публичной жизни, за которую мы несем ответственность.

Теория «хорошего общества» У. Липпмана

Книга американского политического эксперта и журналиста Уолтера Липпмана «Исследование принципов хорошего общества» (1937) [5] рассматривается сегодня как символ реформирования либеральной программы по пути ее обновления и оживления с помощью критического разбора ошибок псевдолибералов XIX – начала XX в.

В своем исследовании У. Липпман развивает концепцию «великого общества» Г. Уоллеса, при этом существенно трансформируя смысл центрального понятия. Теперь оно обозначает общество «потерянного поколения» в ситуации кризиса демократического государства и его либеральной программы развития. У. Липпман демонстрирует эволюцию индустриальной революции на протяжении пяти поколений и допускает, что для ее завершения понадобится еще как минимум пять поколений.

Подлинным условием перехода от великого к хорошему обществу является наличие индивидуальности как носителя фундаментальных ценностей цивилизованного человека, демонстрирующего добродетели, которые формируют лик действительности. У. Липпман не отрицает неизбежность присутствия в любом обществе определенного количества порочных людей, но он искренне верит, что достаточное количество людей, обладающих обыкновенной человеческой добродетелью и моральными стандартами поведения, способно обеспечить формирование хорошего общества. Может ли такое общество приобрести всемирный масштаб? Липпман сомневается, так как в этом случае, для управления цивилизацией должен появиться добродетельный «суперчеловек» [5, р. 363]. Такого рода проект не подвластен смертным.

Американский исследователь отвергает возможность существования какого-либо плана или проекта будущего для общества, не являющегося системным: «Свидетельство свободы не содержит проект нового социального порядка» [5, р. 366]. Он превращает социально-политический проект либерального государства в теорию ценностей, призванную объяснить, в каких усло-

виях реализуется переход от великого к хорошему обществу: «Должна присутствовать все возрастающая способность быть справедливым» [5, р. 363]. В ряду основных добродетелей перечисляются проникательность, сочувствие, сопереживание, терпение, решимость, мужество, толерантность и доброта, – «это все – человеческие добродетели, и хотя они высокие, но они достижимы в рамках человеческой природы, какой мы ее знаем» [5, р. 363]. Он описывает «стиль жизни, который примиряет интересы с помощью все более совершенных правил справедливости» [5, р. 366]. Если этот идеал недостаточен для человека, который стремится обрести надежную власть и практический идеал правительства, тогда речь идет о великом обществе, которое воплотилось в действительности. Оно не поддается управлению даже с помощью представителей публичной сферы. Если великое общество только адаптируется к рынку, то хорошее общество способствует ориентации либеральной экономики в сторону социально приемлемых ценностей и благ.

Сегодня часто вспоминают У. Липпмана как изобретателя концепта «холодная война» и теоретика неолиберальной международной дипломатии, подвергающейся всё чаще обоснованной критике из-за отсутствия плана, стратегии, какого-либо четкого ценностного ориентира, приемлемого для будущего человечества. Все эти колебания проявились и в его биографии: в молодости У. Липпман увлекался идеями фабианского общества, был социалистом и прогрессивистом, позже перешел в лагерь консерваторов и в конце жизни превратился в безнадёжного политического скептика. Его последовательность проявлялась лишь в одном – в подходе к принципам и задачам работы СМИ. Он критиковал представителей прессы за непонимание того, как нужно конструировать публичное мнение на основе экспертных исследований; полагал, что журналистам необходимо оставаться безразличными ко всему происходящему. Согласно У. Липпману, специальные экспертные организации призваны конструировать факты и делать их доступными для понимания большинства; формировать публичное видение и, как следствие, саму публичность в этом видении. Таким образом конфигурируется устройство хорошего общества с помощью оптики Липпмана.

Условно обозначенные основные этапы в развитии исследований феномена великого сообщества от возлюбленного сообщества Дж. Ройса до фантомной публики У. Липпмана демонстрируют вектор эволюции социально-философских концепций сообщества в начале XX в. Сообщество становится настолько иллюзорным, что даже Чикагская школа не смогла удержать интерес социально-гуманитарных наук к этому конструкту. К середине XX в. концепт сообщества окажется маргинальным пережитком прошлого и начнет возрождаться в новом облике лишь с конца XX в. благодаря урбанистическим концепциям оживления окраин городов и населенных пунктов. Но теоретическим основанием и моделью для их построения послужит уже выработанная прежде праг-

матистская концепция «великого сообщества» Дж. Дьюи, аккумулировавшая в себе все последующие критические комментарии и корректировки, в том числе Г. Уоллеса и У. Липпмана. Ее попробуют применить на практике в 1960-е годы в политической программе президента Линдона Б. Джонсона. Однако более масштабное, основательное и последовательное воплощение она получит в 1980–1990-е годы первоначально в Европе, а затем и в других частях света.

Список использованных источников

1. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи ; пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
2. Clendenning, J. The Life and Thought of Josiah Royce: Revised and expanded edition / J. Clendenning. – Nashville : Vanderbilt Univ. Press, 1999. – 446 p.
3. Dewey, J. German Philosophy and Politics / J. Dewey. – N. Y. : Henry Holt and Company, 1915. – 134 p.
4. Dewey, J. The Public and Its Problems. An Essay in Political Inquiry / John Dewey. – Chicago : Gateway Books, 1946. – 224 p.
5. Lippman, W. An Inquiry into the Principles of the Good Society / W. Lippman. – Boston : Little, Brown and Company, 1938. – 402 p.
6. Martin, J. The Education of John Dewey / J. Martin. – N. Y. : Columbia Univ. Press, 2003. – 592 p.
7. Royce, J. The Hope of the Great Community / J. Royce. – N. Y. : The Macmillan Company, 1916. – 136 p.
8. Royce, J. The Problem of Christianity / J. Royce. – N. Y. : The Macmillan Company, 1913. – 425 p.
9. Qualter, T. Graham Wallas and the Great Society / T. Qualter. – London : Palgrave Macmillan, 1980. – Vol. 1 : The Christian Doctrine of Life. – 220 p.
10. Wallas, G. The Great Society: a psychological analysis / G. Wallas. – London : Macmillan and Co, 1914. – 406 p.
11. Zeitz, J. Building the Great Society. Inside Lyndon Johnson's White House / J. Zeitz. – N. Y. : Viking, 2018. – 400 p.

П. С. Петровский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Раскрывается вопрос осмысления интеграционных процессов на Евразийском континенте в первые два десятилетия XXI в. Выявляются новейшие направления по осознанию Евразии в философском, политологическом, культурологическом и политэкономическом знаниях. Очерчиваются сходные и отличительные черты в видении евразийской интеграции в Беларуси, Казахстане, Китае, России и Турции. Выявляется общая для всех тенденция к прагматизации концепций. При этом иллюстрируется отсутствие понимания потребности в конвергенции интересов основных участников интеграции, так как продолжает господствовать эгоистический принцип определения интересов и стратегий.

Ключевые слова: Евразия, интеграция, месторазвитие, неоосманизм, географический детерминизм, шелковый путь, сообщество единой судьбы, историко-географический материализм, марксистская геочивилизационная методология, международная демократия, евразийский способ производства, неомарксистский синтез

P. Piatrowski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

WORLDVIEW AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF MODERN EURASIAN INTEGRATION

The question of understanding the integration processes on the Eurasian continent in the first two decades of the XXI century is revealed. The newest directions on understanding of Eurasia in philosophical, political, cultural and political-economic knowledge are revealed. There are outlined the similar and distinctive features in the vision of Eurasian integration in Belarus, Kazakhstan, China, Russia and Turkey. The general tendency to pragmatism of concepts is revealed. This illustrates the lack of understanding the need for convergence of interests of the main participants of integration. The egoistic principle of defining interests and strategies continues to dominate.

Keywords: Eurasia, integration, development, neo-Ottomanism, Afrasia, the Silk Road, community of a single destiny, historical and geographical materialism, geocivilization, Marxist geocivilizational methodology, international democracy, Eurasian mode of production, neo-Marxist synthesis

В 2019 г. исполняется пять лет со дня подписания Договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и 25 лет с того момента как Н. А. Назарбаев в своей программной лекции предложил проект евразийской интеграции. Этому предшествовали еще с конца XIX в. многочисленные попытки осмысления целостности, единства и в то же время многообразия евразийского

континента: от географических и культурологических исследований до полноценных философских штудий и экономических расчетов. Особый импульс изучение Евразии получило после распада СССР, с осознанием потребности организации новой интеграции, формированием интеграционных проектов на постсоветском пространстве и выдвижением Китайской Народной Республикой (КНР) инициативы «Один пояс и один путь». Рассмотрим трансформации исследовательских подходов.

Евразия и евразийство: проблемы определения

Евразия и евразийство как целостно осмысленные категории появляются в научной литературе только в конце XIX – начале XX в. До этого не было представлений и осознания даже географического единства самого огромного континента мира. Более того, появившаяся в Индии в начале XIX в. идентификация «евразиец» имела негативную коннотацию и применялась к детям от смешанных браков между европейцами и азиатами, прежде всего индийцами и китайцами. Это иллюстрирует имевшийся глубокий мировоззренческий разрыв между Европейской и Азиатской частями континента, коренившийся в расистских и ксенофобских взглядах представителей «белой» Европы. Только в начале XX в. изначально негативный оттенок этого слова постепенно стал исчезать [3, с. 197].

Сам термин «Евразия» был введен в 1880-е годы, на полвека позже идентичности «евразиец», геологом Э. Зюссом. До этого континент именовался «Азия». Понятия же самих составляющих – Европа и Азия – сформировались еще в античном мировоззрении. Древние греки называли Европой легендарную финикийскую царевну, а Асией – царя города Арисбы, союзника Трои. Позже в эпоху Античности имена мифических правителей древних царств были перенесены на части суши. Европой стала именоваться часть континента, отделенная Эгейским, Средиземным и Черным морями, а также рекой Дон (подобное видение имеется уже у Страбона и Полибия). Эта традиция господствовала в течение почти двух тысячелетий. В частности, у Меркатора граница Европы идет по Дону, а от его истока – строго на север до Белого моря. За Азией закрепилось наименование всего пространства восточнее Европы. Подобные взгляды были зафиксированы уже во времена Геродота и являлись общепринятыми.

Фактически обозначение Э. Зюссом географической целостности между Европой и Азией стало революцией в осмыслении пространства, закрепившись еще в Античности. Поэтому введение категорий «Евразия», «евразиец» не могло не повлиять на трансформации политического, культурного, идеологического осознания данного пространства.

Параллельно, в конце XIX в. появляются идеи соединить политическую науку и географический детерминизм, выявить корреляции между политическими процессами и пространственными координатами. Так формируется наука

геополитика с ее различными школами и подходами, в рамках которой производятся попытки политического осознания целостности евразийского пространства. Однако подобные рефлексии еще не означают приверженности развитию той или иной части света. В частности, британская и американская геополитические школы (Х. Маккиндер, А. Мэхэн, Н. Спикмен) видели своей задачей выработку механизмов сдерживания развития евразийского пространства и установления над ним своего политического контроля [4, с. 211].

Из иной позиции исходили другие направления, которые позже было принято называть континентальными. Они рассматривали выработку механизмов и подходов обеспечения максимальной субъектности евразийского пространства и недопущения его подчинения внешним акторам.

В связи с этим возникает конкретный вопрос: какое мировоззрение, концепцию, направление можно считать евразийским? Можно выявить две крайние точки зрения на данную проблему. Первая из них ограничивает евразийство конкретной идеологией русской эмиграции, сформулированной как альтернатива белогвардейскому и советскому путям развития России. В данном случае сужается само понимание евразийства в рамках одного направления мысли и невозможно классифицировать и рассматривать иные направления, также исходящие из целостности евразийского пространства.

Согласно второй точке зрения можно пойти путем обозначения «евразийскими» всех школ и направлений, которые признают единство евразийского пространства. Однако в данной ситуации признание пространства не означает приверженности его интеграции и единству. Поэтому автором этих строк под евразийством будут пониматься направления, которые, во-первых, исходят из единства евразийского пространства, во-вторых, ставят задачу выработки форм и методов дальнейшего углубления процессов евразийской интеграции в нем.

Эволюция евразийства в конце XX – начале XXI в.

После распада СССР встал вопрос о дальнейшей судьбе евразийского пространства. Снятие железного занавеса, объявление идеологического и политического плюрализма, с одной стороны, вернуло интерес к классическому евразийству внутри самой России. С другой же – среди интеллектуальных сообществ других игроков континента, прежде всего Турции и Китая, начались рефлексии по возможному реформатированию и интегрированию Евразии, исходя из интересов Анкары и Пекина. В новых же сформировавшихся государствах постсоветского пространства происходили процессы осознания своего независимого и суверенного статуса, а также места этих стран в системе международных отношений.

Однако старые наработки классического евразийства вряд ли могли удовлетворить наметившиеся процессы реинтеграции постсоветского пространства.

Классическое евразийство формировалось в конкретную историческую эпоху в среде белой русской эмиграции, оторванной от родного края. Даже в условиях 1920–1930-х годов интеллектуальные наработки по преобразованию Евразии имели мало общего с реальностью [15; 16]. Более того, исследователи и общественные деятели того периода, затронутые евразийским движением, имели множество расхождений во взглядах. Поэтому говорить про целостную и логичную доктрину классического евразийства навряд ли можно.

Вызывает сомнение и уровень общей квалифицированности исследователей в конкретных областях знания. В частности, евразийцы-правоведы (Н. Алексеев, В. Ильин, Н. Дунаев и др.) так и не смогли создать единую политико-правовую концепцию. *Во-первых*, несмотря на всю декларативность собственного неприятия романо-германской традиции права, евразийские правоведы базировали свои исследования исходя из достижений австрийских, немецких и французских правоведов и философов, прежде всего на концепциях Л. Дюги, О. Шпанна, Э. Гуссерля, М. Шеллера и др. [12, с. 58–59]. Поставленная же задача формирования целостной евразийской теории государства и права была провалена. И не только в силу разнородности и эклектичности подходов самих евразийцев, но и в связи с отсутствием исследований в направлении компоративистики русской правовой традиции и традиций стран и народов Востока. Ведь как можно сформировать евразийскую политико-правовую теорию при декларировании единства славянского и туранского начал, но при отсутствии элементов туранской либо иных восточных политико-правовых теорий и доктрин?

Во-вторых, это замкнутость классического евразийства в рамках эмигрантских дискуссий и тем. Фактически представители классического евразийства не смогли наладить контакты с представителями иных национальных кругов и диаспор, несмотря на декларируемый наднациональный характер своего направления. Более того, в евразийские исследования перекочевали многие дореволюционные положения, которые напрямую ставили под вопрос право на существование, к примеру, белорусского и украинского народов как самостоятельных субъектов истории [18, с. 274–289]. Тем самым евразийцы повторяли тезисы официальной имперской доктрины про «триединый русский народ», что даже в условиях 1920-х годов уже не соответствовало реалиям существования БССР и УССР. И это несмотря на благожелательное отношение к евразийству со стороны ряда деятелей белорусского движения, в частности А. Цвикевича [21].

Конечно, нельзя отрицать наличия представителей других национальностей в евразийстве. Однако они были скорее дополнением, нежели магистральной линией в движении, и не оказывали значительного влияния на него.

Третьим и, наверное, центральным фактором, мешавшим в полной мере взять на вооружение классическое евразийство в конце XX в., является его доктринальный, а не инструментальный характер. Фактически интерес к классическому евразийству как политической парадигме проявился среди определенного круга

идеологов (А. Дугин, А. Панарин и др.) [4]. Однако недостающий инструментарий классических евразийцев их новым последователям пришлось компенсировать отсылками к наработкам иных западных школ, прежде всего геополитики и некоторым направлениям философии, что делало неоевразийство эклектичным и еще более разнородным, нежели его классического предшественника.

Прагматизация подходов

Процессы реинтеграции постсоветского пространства, вовлечение Китая и Турции в евразийские интеграционные процессы в начале XXI в. поставили среди различных академических направлений задачу исследовать возможности и перспективы евразийской интеграции, а также стратегии ее осуществления [4, с. 14]. Подобный запрос со стороны лидеров части стран Евразии сам уже диктовал условия прагматизации угла зрения на проблему и его максимальную инструментализацию [7; 11; 13; 20].

В России данные процессы шли по пути постепенного выявления полезных идей и смыслов классических евразийцев и их максимально прикладного применения в современных условиях. Первые попытки применить инструментальный подход к системному изучению интеграции евразийского пространства были предприняты в рамках созданного при Евразийском банке развития трансдисциплинарном Центре интеграционных исследований. В частности, экономисты Е. Винокуров и А. Либман предложили целостную концепцию евразийской континентальной интеграции, основанную на осмыслении четырех волн евразийского обмена [1, с. 31]. Авторы рекомендуют рассматривать Евразию как целостное пространство, связанное логистическими путями-сообщениями уже на протяжении более чем двух тысяч лет. При этом обмен не сводится только лишь к товарным или финансовым отношениям. Евразийский обмен рассматривается как комплексное и целостное явление, включающее в себя не только экономический, но и социальный и культурный компоненты. Фактически евразийский обмен выступает инфраструктурной основой для диалога культур.

Однако обмен товарами, финансами, идеями и смыслами – это интеграция снизу. Она эффективна до определенного предела, после которого ее нарастание становится практически невозможным. Е. Винокуров и А. Либман, изучая исторические особенности четырех волн евразийского обмена, выявляют одну закономерность: политическая стабильность и интегрированность пространства выступают факторами интенсификации евразийского обмена [1, с. 38]. К примеру, периоды Персидской и Римской империй, Арабского халифата, Монгольской империи приводили к росту евразийского обмена. В то время как политическая раздробленность и конфликты уменьшали либо прекращали обмен.

На сегодняшний день авторы видят задачу в институционализации интеграционных процессов в Евразии, потенциально способствующих интенсификации

евразийского обмена. Однако данная задача является сложной из-за неоднородности континента и наличия нескольких сил притяжения. Е. Винокуров и А. Либман выделяют несколько регионов континента: Северная Евразия (постсоветское пространство без Прибалтики), Европа, Юго-Восточная Азия. На этой основе определяются и три основных интеграционных процесса: постсоветский (ЕАЭС, ОДКБ, СГ, СНГ), китайская инициатива «Один пояс и один путь» и Европейский союз. Главной же задачей видится формирование трансконтинентального экономического пространства свободного обмена, основанного на сети локализованных и пересекающихся проектов и сообществ, которые направлены на решение отдельных вопросов и основаны на субнациональном взаимодействии. При этом Е. Винокуровым и А. Либманом видится главным источником интеграции не государственная инициатива, а предпринимательский компонент и рыночные механизмы. Это связывается с огромными расстояниями, множеством политических акторов, разногласия между которыми более мобильно преодолеваются/обходятся рыночными механизмами снизу.

При этом авторы указывают на разноруровневость интеграции. В частности, в отличие от евразийской континентальной интеграции «от Лиссабона до Шанхая», евразийская постсоветская интеграция имеет иные особенности. В данном пространстве имеются единая инфраструктура, экономическое, политическое и культурное наследие, наличие опыта существования в одном государстве, то есть констатируется более высокий уровень региональной целостности. Авторы предлагают использовать теорию скрепляющей интеграции – проект региональной интеграции, инициированный странами, ранее входившими в состав единого политического и экономического объединения [3, с. 203]. Данная модель делает ставку не только на будущие проекты, но и прошлый опыт вместе со стартовыми предпосылками.

Е. Винокуров и А. Либман идентифицируют свое направление как «прагматичное евразийство» [3, с. 205]. Однако сама тенденция прагматизации подходов к евразийской интеграции не дает права приватизировать прагматичность группой авторов. К их концепции более подходит определение «либеральное евразийство», так как сами авторы делают упор на рыночные механизмы и первичность предпринимательской инициативы. Географические же факторы, кроме разве что расстояний, мало ими учитываются, что указывает на отсутствие строгого географического детерминизма, свойственного классическому евразийству.

Еще одно направление, сформированное экономистом Я. Лисоволиком и политологом В. Сутыриным, сделало ставку именно на географический детерминизм как на центральный элемент анализа возможностей и перспектив евразийской интеграции [6]. За основу авторы взяли концепцию месторазвития П. Савицкого [14; 17]. Географические и территориальные особенности евразийского континента создают как издержки развития, так и преимущества. Так, большие расстояния, аномальная удаленность от береговой линии, дефицит

выходов к незамерзающим портам и большая амплитуда перепадов температур, свойственная континентальному климату, делают социально-экономическое развитие Евразии более затратным и менее конкурентноспособным, нежели для более компактных, имеющих хорошие выходы к морям частях света. Сюда же включается фактор низкой плотности населения и неравномерности его распределения по континенту, что приводит к бóльшим тратам при создании и использовании инфраструктуры. Данные негативные факторы Евразии авторы охарактеризовали как «континентальную замкнутость» [6, с. 4].

Авторы видят и ряд преимуществ, которые вытекают из подобной географической аномалии. Континентальное положение может создавать не только препятствия для развития, но и преимущества. В частности, указывается на большую стабильность и долгосрочность континентальных связей. Суровость и континентальные издержки диктуют консервативный характер связей, их меньшую мобильность, но стабильность, позволяющую компенсировать огромные транспортные расстояния.

Суровость условий и сложность логистики увеличивает значимость взаимозависимости основных игроков континента, что повышает заинтересованность в устойчивой интеграции и увеличивает дивиденды от кооперации. К расширению взаимодействия также прибавляется эффект преодоления колоссальных пространственных ограничений.

Объем континента формирует микрорегионы, способные организовать агломерации и автономные технологические цепочки на основе региональной кооперации. Все это формирует условия для автономного конструирования взаимодополняющих хозяйственных кластеров и использования эффекта масштаба в ходе организации региональных агломераций и объединения региональных рынков [6, с. 7].

От пространственных характеристик Я. Лисоволик и В. Сутырин переходят к ресурсным факторам влияния на жизнедеятельность континента. В недрах Евразии имеется все разнообразие сырья планеты Земля – от энергетических ресурсов до редкоземельных элементов. Авторы предлагают устанавливать выгодные тарифы для внутриевразийского потребления, что потенциально будет компенсировать фактор транспортных издержек и сложных климатических условий. Определенный переток капитала из сырьевого сектора в социальный и инновационный формирует евразийскую модель экономического роста [6, с. 17].

Только строгое следование факторам географического детерминизма в построении интеграционного пространства Евразии может компенсировать имеющиеся недостатки при актуализации возможных преимуществ.

Одним из наиболее интересных современных направлений, предлагающих собственное осмысление евразийской интеграции, является школа неомарксистского синтеза, сосредоточенная в стенах Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Авторы школы И. Максимцев, Д. Ми-

ропольский, Л. Тарасевич и другие взяли за основу методы диалектического материализма, которые усложнили географическими и культурными детерминантами в виде концепции месторазвития и культуры хозяйственных и социальных отношений, а также некоторыми достижениями школы маржинализма. Под месторазвитием при этом понимается «единство природных и жизнедеятельностных процессов в рамках определенной территории» [2, с. 30].

Неомарксистский синтез исходит из того, что цена логистики, климатические условия создают либо конкуретные преимущества, либо потери. В частности, из-за дороговизны континентальной логистики при вступлении в мировое хозяйство континентальные страны всегда несут бóльшие издержки, нежели морские. Усиливается и эксплуатация труда капиталом, так как на труд перекладываются издержки, связанные более суровыми географическими условиями. Поэтому континентальным странам и их регионам целесообразнее выстраивать отношения не столько с мировым рынком, сколько организовывать автономное и дополняющее друг друга целостное континентальное хозяйство, где роль океанической логистики второстепенна [2, с. 31].

Географический фактор фундаментально влияет на способ производства. В частности, авторы ссылаются на К. Маркса и выделение им азиатского способа производства. Продолжая идеи К.-А. Виттфогеля («ирригационная империя»), Ю. Семенова (политарный, или азиатский, способ производства), Б. Рицци (бюрократический коллективизм) и некоторых других, авторы утверждают, что социализм в СССР был ничем иным как индустриальной формой азиатского способа производства, где вместо капитала утвердился план. Социализм в СССР сохранял в себе диалектические противоречия и не являлся этапом, предшествующим коммунизму. Однако в отличие от западной формы капитализма диалектические противоречия в СССР имели иную природу – плана. Подобная форма производства для Евразии является объективной в связи с географическими издержками, исходящими от потребностей централизованной организации дорогостоящей континентальной инфраструктуры.

Для выявления инновационного потенциала евразийской интеграции авторы разделяют продукты производства на два вида: базовые и пионерные. Если первый вид не является инновационным, а воспроизводит уже имеющиеся образцы, то второй создает новый продукт [2, с. 176–179]. Отличие пионерного продукта от инновационного заключается в его новизне не столько в глобальных масштабах, сколько в рамках регионального хозяйственного кластера. Поэтому импортозамещение также включается в пионерную часть экономики как инновация для конкретной геоэкономической зоны. Подобное решение является итогом признания отстающего характера экономик большинства евразийских стран.

Особое внимание представители неомарксистского синтеза уделяют вопросу экономической культуры, которую видят как противоречивое явление. Экономическая культура, включающая в себя объективные производительные и по-

требительские силы, субъективные психологические реакции и институты, с одной стороны, позволяет воспроизводить имеющиеся знания, умения и навыки хозяйствования, но с другой – является довольно инерционной и не позволяет мобильно перестроиться либо внедрить инновации [2, с. 191]. Выделяются планомерные и товарные экономические культуры. Во-первых, господствует внеэкономическое принуждение и централизация. Во-вторых, акцентируется внимание на товарно-денежных отношениях и распыленности субъектов управления [2, с. 196].

Исходя из уровня социально-экономического развития Евразии сторонники неомарксистского синтеза констатируют углубляющийся периферийный характер евразийского способа хозяйствования, в котором увеличивается доля базового продукта и уменьшается доля пионерного. Рассматривая перспективы евразийской интеграции, представители неомарксистского синтеза выделяют три сценария развития.

Первый предусматривает развитие евразийской интеграции в рамках господствующего однополярного мира. В данной ситуации полюс, представленный коллективным Западом, сосредотачивает в себе производство подавляющего количества пионерного продукта. Евразийский интеграционный проект же будет терпеть на себе максимальную капиталистическую нагрузку за счет невыгодных для внутриконтинентальной экономической системы условий. Пионерный и инновационный секторы экономики прекратят свое существование. Евразия станет специализироваться на добыче и поставках технологическому центру ресурсов, а также их первичной переработке. Данный сценарий приводит к глубокой эрозии социальных и хозяйственных отношений на евразийском пространстве.

Второй сценарий предусматривает накопление первоначального капитала странами евразийской интеграции за счет увеличения цен на ресурсы и его дальнейшее инвестирование в пионерный сектор экономики. Сектор базового продукта оказывается донором для развития сектора пионерного продукта [2, с. 731]. Данная модель возможна в условиях роста цен на сырье и в особенности на энергоресурсы. Однако авторы видят и вызовы. Во-первых, страны – технологические лидеры будут пытаться диверсифицировать свои сырьевые источники. Во-вторых, подобная модернизация имеет прямую зависимость от колебаний цен на энергоресурсы и сырье. И в-третьих, при условии все же роста пионерного сектора в евразийском пространстве и нехватки ресурсов для стран – технологических лидеров у последних может произойти усиление финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также пионерного сектора в целом для поиска и создания новых, более энергосберегающих технологий. В данном случае попытка евразийского пространства модернизироваться выступит катализатором развития технологического рынка.

Третий сценарий предусматривает развитие евразийской интеграции в условиях многополярного мира, то есть формирование нескольких технологических

ядер в мире. При этом основным условием развития здесь становится введение плана. Сторонники неомарксистского синтеза объясняют это потребностью в огромных затратах, которые не может стимулировать рынок в условиях континентальных издержек, и незаинтересованностью сырьевого и обрабатывающего секторов экономики вкладывать в инновационные секторы. В условиях же плана «государство будет в плановом порядке изымать прибыли у частных компаний и перераспределять в пользу нового пионерного сектора экономики» [2, с. 736].

Китайская специфика

Политика открытости и реформ вынуждает обращаться к вопросам будущего Евразии также интеллектуальные умы Китая. Объявленная председателем КНР Си Цзиньпином стратегия строительства «сообщества единой судьбы», а также инициатива «Один пояс и один путь» поставили задачу выработки китайских подходов к глобализации и интеграции на евразийском континенте.

Китайский лидер в своей программной статье определил аксиологию «сообщества единой судьбы» вокруг переосмысления многотысячелетней традиции «духа Шелкового пути», основанной на «мире, сотрудничестве, открытости, взаимном обучении и выгоде, всеобщем выигрыше» [20]. Однако этому предшествовали десятилетия переосмысления роли и места Китая в мире. Один из ведущих китайских философов современности Чжан Вэньму (张文本) констатирует, что мире существует фундаментальное противоречие между абсолютной ограниченностью ресурсов и абсолютной неограниченностью развития [10, с. 308]. Любой экономический рост всегда зависит от наличия ресурсов и рынков сбыта, которые чаще всего находятся за рубежом. Ресурсы и товары требуют обеспечения логистикой и безопасностью. Именно борьба за ресурсы и рынки сбыта выступает движущей силой в прогрессе человечества и имеет абсолютное значение [10, с. 311]. Поэтому право на развитие должно выступать одновременно и гарантией доступа к ресурсам и рынкам сбыта в условиях безопасности транспортных коридоров.

Однако колониальная эпоха несправедливо распределила доступ к ресурсам. Страны Запада первыми получили доступ к ним, в то время как Китай был лишен такой возможности. Исходя из этой логики, Чжан Вэньму видит цель Китая в «необходимости передела доступа к мировым сырьевым ресурсам» [цит. по: 10, с. 310]. Более того, китайский философ считает принцип равного доступа к ресурсам главным принципом международной демократии, «которая выше прав человека, свобод и т. д., ибо касается права на жизнь» [10, с. 311].

В связи с этим Чжан Вэньму ставит конкретные цели:

- 1) законсервировать внутренние китайские ресурсы в качестве стратегического резерва;
- 2) переориентироваться на «поедание мира» и ресурсы «всего мира».

Главным же механизмом достижения цели выступает развитие производительных сил по восходящей прямой, а внутренних ресурсов – по нисходящей. Исходя из цели и задач Китай должен формировать свою международную политику, моделировать в нужном для себя ключе и определять правила игры, ибо глобализация «выгодна только при условии, что рычаги... власти будут находиться в твоих руках» [цит. по: 8]. Для этого и нужна мягкая сила (жэнь, гуманность), которая должна быть «укрыта» за твердой силой (ли). Именно в этом контексте культура как инструмент государственной политики КНР становится контекстом стратегической силы.

Другой китайский философ Жуань Вэй (阮炜) конкретизирует взаимодействие китайской политики, экономики и культуры сквозь призму концепции гецивилизации и марксистской методологии историко-географического материализма.

Главной проблемой в эпоху открытости выступает наличие инерционной дихотомии «цивилизация – варварство» в китайской культуре. Древний китайский цивилизационный монизм мешает интеграции Поднебесной в современный глобальный мир. Поэтому дихотомия «цивилизация – варварство» должна быть преодолена дихотомией «культура – культура» [9].

Однако в эпоху глобализации фактически объявлена гонка между различными цивилизациями за статус глобальной мировой цивилизации. Жуань Вэй исходит из принципа георасширения цивилизаций, то есть стремления различных цивилизаций занять доминирующее положение на определенном геокультурном пространстве. Этот процесс сопровождается скреплением цивилизационных общностей в гецивилизацию. Предпосылками к подобному процессу являются: а) соседство, б) диюань (地缘, географическая судьба), то есть географическая объективная предопределенность обстоятельствами сопредельного существования.

Соседство в представлении Жуань Вэя является объективной упорядочивающей данностью, которая эмоционально снижает формальное и отчуждаемое значение пределов своего мира как границ. Таким образом, Китай как претендующая на лидерство страна видит себя гецивилизацией и желает сформировать вокруг себя геоисторическое сообщество различных цивилизаций, но одной географической судьбы, с близкой культурно-исторической памятью, экономически и политически целостной геосубстанцией. Так должна завершиться региональная глобализация вокруг Китая для того, чтобы в будущем Поднебесная смогла претендовать на роль мировой глобальной цивилизации, так как гецивилизация – это цивилизация, готовящаяся стать глобальной [9].

Как видно, китайские рефлексии на счет роли и места в Евразии далеко не ограничиваются географией одного континента. Китайские мыслители и исследователи видят Поднебесную как претендента на роль мирового лидера (Великий Китай) и предлагают альтернативный западному сценарий. Евразийское пространство в этом процессе должно являться лишь одной ступенью интеграции вокруг Китая.

От пантюркизма к Аффо-Евразии

Турецкое видение евразийской интеграции и пространства в целом исходит из турецкой интеллектуальной традиции османизма, включающей в себя три элемента: а) пантюркизм, б) турецкую традицию ислама, в) влияние Турции в странах бывшей Османской империи. Оно начало формироваться после распада СССР, когда у турецкого руководства появилась возможность установить связи и контакты с тюркскими народами бывшего союза. Первоначальный пантюркистский романтизм в конце 1990-х годов сменяется прагматизмом подходов к концепту Евразии, который начал постепенно усиливаться пропорционально повышению геэкономических интересов Турции в регионе. Создание многочисленных проектов энергетических коридоров по транспортировке ресурсов из тюркских республик на внешние рынки через территорию Турции создало условия для пересмотра или коррекции евразийской политики. Постепенно Евразия становилась самостоятельной геэкономической ценностью для Турции, что заставляло менять и характер прагматических отношений Анкары с евразийским пространством.

Другим толчком стал приход к власти в Турции Р.-Т. Эрдогана в 2002 г., что изменило баланс сил в стране и впервые закрепило исламистскую Партию справедливости и развития у руля страны после более чем 70 лет господства идеологии Ататюрка. К чисто экономическим интересам на евразийском пространстве добавились ценностные и идеологические смыслы. Причем это был не возврат к пантюркистским идеям начала XX в., а конструирование новой модели и провозглашение новых ценностей.

На протяжении 2000-х годов в Турции закрепляется прагматичный подход цивилизационной геополитики к евразийской интеграции. В 2005 г. Р.-Т. Эрдоган вместе с премьер-министром Испании Р. Сапатеро выступает инициатором «Альянса цивилизаций» как возможного средства борьбы с экстремизмом посредством налаживания межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога (причем магистральное направление деятельности альянса – уменьшение трений между Западом и миром ислама).

Основу турецкого видения Евразии составляет теоретическая работа профессора университета Бейкент, бывшего премьер-министра Турции А. Давутоглу «Стратегическая глубина» [23]. В ней автор формирует главные принципы, на которых Турция может увеличить свое влияние в евразийском пространстве.

Согласно Давутоглу, главной задачей Евразии является реинтеграция западной и восточной ее частей для создания нового «канала взаимодействия между странами-экспортерами и странами-импортерами энергоресурсов» [цит. по: 22, с. 67]. В этой конфигурации Турция, расположенная одновременно в Европе и Азии, имеющая восточную традицию ислама и западную тягу к модернизации, могла бы стать центральным звеном, как и зона восточного Средиземноморья – центральным логистическим узлом в случае интеграции Евразии и Северной Африки. А. Давутоглу специально вводит для этого термин «Аффо-Евразия» [22, с. 70].

Таким образом, идея Евразии становится универсальным инструментом для доказательства исключительного геополитического значения Турции.

Однако для увеличения мировой роли Турции следует также восстановить ее влияние на постосманское культурно-политическое пространство. Для этого А. Довутоглу предлагает следующие принципы.

Во-первых, в Турции и регионе следует соблюсти баланс между свободой и безопасностью. Во-вторых, для улучшения отношений со странами на территории бывшей Османской империи следует «обнулить проблемы», что будет способствовать усилению вовлечения всех региональных сил в конструктивное взаимодействие. В-третьих, необходимо усилить интенсификацию взаимовыгодного сотрудничества в сфере безопасности, политики, экономики и культуры. На этой основе следует создать новый образ Турции через общественную дипломатию [22, с. 66].

Было бы неполным описание геополитических рефлексий в Турции без указания на идеологическое направление евразийства, распространенное в среде турецких националистов. Идеологическое евразийство в Турции выступает противовесом западному влиянию. Оно основано на идее о тлетворном влиянии Запада и его культуры на Турцию, которая должна идти своим путем. Следует признать, что идеологическое евразийство также нецелостно. Если левые националисты во главе с Д. Перинчеком стоят на позициях антизападного геополитического блока, куда должна войти и Россия, то правые националисты во главе с Д. Бахчели резко критикуют саму Россию, рассматривая ее политическую стратегию через концепцию евразийской интеграции А. Дугина, которую именуют еврососийством (*Avrusyacılık*) [22, с. 68].

Таким образом, сегодняшнее турецкое евразийство фактически вышло за пределы классических пантюркизма и османизма, поставило задачу интеграции и диалога различных культур, традиций и становится все более инструментальным.

Диалог «евразийств»

За последние 30 лет произошла фундаментальная трансформация представлений, взглядов и видения евразийского пространства и интеграции. Если в начале 1990-х годов Евразия воспринималась как просто географическое пространство, то глобализация, переформатирование постсоветского пространства, а также изменение международной конфигурации сил вынуждают исследователей и политиков рассматривать евразийскую интеграцию также с точки зрения геоэкономики и даже геополитики.

Изменилось и качественное содержание евразийства. Формировавшееся как идеологическая доктрина, евразийство постепенно становилось все более прагматичным, инструментальным. Евразийская интеграция переставала рассматриваться как какая-то онтологическая миссия, а, скорее, становилась инструментом сохранения субъектности странами евразийского континента в процессе глобализации. Существует и преемственность в методологическом подходе.

Географический детерминизм, заложенный П. Савицким, был инструментализирован и приспособлен к прикладным исследованиям. К его принципам пришли практически все подходы и школы, изучающие евразийскую интеграцию.

Однако имеются и фундаментальные различия. Во-первых, существуют противоречия в стратегиях интеграции, отмечаемые не только между школами различных стран, но и внутри самих стран. Во-вторых, наблюдается дефицит диалога между концепциями и их представителями. Приверженцы евразийской интеграции в России мало знают о концепциях интеграции в Китае или в Турции и наоборот. Практически отсутствует научный диалог. Не введены в оборот основные доктрины и подходы. Все это ведет к изолированности видений и школ, а также к параллельному формированию подходов, что впоследствии может выкристаллизоваться в конфликт интересов между странами.

Беглый же компаративный анализ концепций уже сейчас выявляет различия в подходах между странами к интеграции. Китай формирует фактическую модель альтернативной глобализации, где евразийское пространство является только одной из ступеней. Для России евразийская интеграция – это попытка преодолеть накапливающееся технологическое отставание и компенсировать дисбаланс между военным лидерством и экономической отсталостью. Турция же имеет кризис роста, когда узость регионального лидерства не соответствует силе турецкой экономики и тенденциям глобализации. Все это формирует разницу задач. Каждая из рассматриваемых стран определяет себя как лидера интеграции, где другие государства континента играют второстепенную роль. В связи с этим отмечается кризис роста идей евразийской интеграции. Чувствуется дефицит диалога и понимания, а также нехватка исследований по разработке возможных моделей коллективного принятия решений на евразийском континенте.

Слабой стороной видится и геокультурный компонент. Российский прагматизм свел культурную составляющую к сохранению и распространению русского языка в Евразии и культурному обмену. Китайский подход опасен формированием мировой культурной иерархии между цивилизациями, геоцивилизациями и мировой глобальной цивилизацией. Турецкая модель апеллирует к наследию Османской империи, что также методологически и доктринально выглядит слабо. Как ни парадоксально, наибольший прогресс здесь был сделан английскими гуманитариями, увидевшими в логистике Евразии путь к конвергенции различных культурно-философских, цивилизационных и религиозных традиций, сам процесс которой выступает фабрикой создания качественно нового культурного продукта [19].

Список использованных источников

1. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2012. – 224 с.
2. Евразийская политическая экономия : учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.

3. Евразийский экономический союз / под общ. ред. Е. Ю. Винокурова. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. – 286 с.
4. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея-центр, 2000. – 928 с.
5. Лапенко, М. В. ЕАЭС: пространство экономической интеграции / М. В. Лапенко. – М. : РСМД, 2018. – 124 с.
6. Лисоволик Я. География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям [Электронный ресурс] / Я. Лисоволик, В. Сутырин // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – Режим доступа : https://eabr.org/upload/iblock/5d8/2017_10-Geografiya-stran-Evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza.pdf – Дата доступа : 02.02.2019.
7. Лукашенко, А. Г. О судьбах нашей интеграции [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко. – Режим доступа : <https://iz.ru/news/504081> – Дата доступа : 02.02.2019.
8. Мигунов, Н. И. О геочивилизационных характеристиках величия Китая [Электронный ресурс] / Н. И. Мигунов // Геополитика и безопасность. – 2011. – № 1. – Режим доступа : http://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2011_213.pdf – Дата доступа : 02.02.2019.
9. Мигунов, Н. О теоретических основаниях китайской концепции «геочивилизационного континуума» [Электронный ресурс] / Н. Мигунов, О. Мигунова // Век глобализации. – 2017. – № 2. – Режим доступа : <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek2-2017/33276-o-teoreticheskikh-osnovaniyah-kitayskoy-koncepcii-geocivilizacionnogo-kontinuuma.html> – Дата доступа : 02.02.2019.
10. Мигунова, О. Чжан Вэньму: философия на острие шпаги [Электронный ресурс] / О. Мигунова ; Бюро переводов при ЦК КПК. – Режим доступа : <https://docplayer.ru/67102930-O-v-migunova-chzhan-venmu-filosofiya-na-ostrie-nozha.html> – Дата доступа : 02.02.2019.
11. Назарбаев, Н. А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего [Электронный ресурс] / Н. А. Назарбаев. – Режим доступа : <https://iz.ru/news/504908> – Дата доступа : 02.02.2019.
12. Назмутдинов, Б. В. Законы из-за границы. Политико-правовые аспекты классического евразийства / Б. В. Назмутдинов. – М. : Норма, 2017. – 272 с.
13. Путин, В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа : <https://iz.ru/news/502761> – Дата доступа : 02.02.2019.
14. Савицкий, П. Н. Географические и геополитические основы евразийства / П. Н. Савицкий // Основы евразийства : хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 297–304.
15. Савицкий, П. Н. Евразийство / П. Н. Савицкий // Основы евразийства : хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 266–280.
16. Савицкий, П. Н. Евразийство как исторический замысел / П. Н. Савицкий // Основы евразийства : хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 281–294.
17. Савицкий, П. Н. Континент-океан. Россия и мировой рынок / П. Н. Савицкий // Основы евразийства : хрестоматия / сост.: Н. Огамян [и др.]. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 305–323.
18. Трубецкой, Н. С. Евразийство : избранное / Н. С. Трубецкой. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 358 с.
19. Франкопан, П. Шелковый путь / П. Франкопан ; пер. на рус. В. Шаршукова. – М. : Эксмо, 2017. – 688 с.
20. Си Цзиньпин. «Один пояс, один путь» : полн. текст речи [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. – Режим доступа : <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html> – Дата доступа : 02.02.2019.
21. Цьвікевіч, А. «Эўразійцы» (новыя шуканні расійскай думкі) / А. Цьвікевіч // Беларус. сьцяг. – 1922. – № 4. Жнівень-верасень. – С. 38–43.
22. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции [Электронный ресурс] / П. В. Шлыков // Сравнительная политика и геополитика / П. В. Шлыков. – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76> – Дата доступа : 02.02.2019.
23. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik / Ahmet Davutoğlu. – İstanbul : Küre Yayınları, 2001. – 584 s.

П. С. Карако

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

АВТОТРОФНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА?

В статье раскрываются особенности обоснования стратегий автотрофности человечества рядом авторов (Э. В. Гирусов, В. П. Казначеев, Н. М. Мамедов, А. Д. Московченко и др.). Несостоятельность этих стратегий выявляется в процессе постижения идей В. И. Вернадского о взаимоотношении человека и биосферы, его сомнений относительно возможности утверждения автотрофной цивилизации не только в настоящее время, но и в отдаленном будущем. Особое внимание уделяется оценке современных научных концепций социоприродного развития, их оптимистического содержания. Подчеркивается реальная возможность обеспечения всего существующего человечества продуктами питания при сохранении стабильного бытия нынешней биосферы.

Ключевые слова: автотрофность, гетеротрофность, человек, человечество, биосфера, ноосфера, коэволюция, наука, технологии, цивилизация

P. Karako

Belarusian State University, Minsk, Belarus

AUTOTROPHIC CIVILIZATION: REALITY OR A FORM OF SOCIAL MYTH?

In the article, there are revealed the peculiarities of justification of the strategies of autotrophy of humanity by several authors (E. V. Girusov, V. P. Kaznacheev, N. M. Mamedov, A. D. Moskovchenko et al.). The failure of these strategies is detected in the process of comprehension of Vernadsky's ideas about the relationship between human and the biosphere, his doubts about the possibility of the autotrophic civilization, not only now, but also in the future. Particular attention is paid to the assessment of modern scientific concepts of socio-natural development, their optimistic content. There is emphasized a real opportunity to ensure all existing humans with food while maintaining stable existence in the present biosphere.

Keywords: autotrophy, heterotrophy, human, humanity, biosphere, noosphere, co-evolution, science, technology, civilization

В размышлениях о стратегиях развития современной цивилизации определенное место занимает идея автотрофности человечества. Она находит свое освещение в научных работах и учебных пособиях по курсам социальной экологии, экологии и другим дисциплинам высшей школы. Причем авторы таких идей ссылаются на русского ученого и мыслителя В. И. Вернадского (1863–1945), который еще в 1925 г. на французском языке опубликовал статью под названием

«Автотрофность человечества» (в 1940, 1980 и 1994 гг. статья издавалась и на русском языке).

Анализ современных трактовок автотрофности человечества еще не стал предметом специального исследования, выявления их соответствия идеям В. И. Вернадского. Причем многие авторы работ, касающихся автотрофности человечества, высказывают весьма спорные положения. Так, Г. С. Смирнов пишет, что указанная статья Вернадского «появилась поистине спонтанно», но изложенная в ней «философия автотрофности может рассматриваться как самое фундаментальное философское открытие, которое следовало бы назвать откровением для человечества III тысячелетия», так как в ней представлен «совершенно иной – вселенский – уровень понимания развития человеческой цивилизации» [1, с. 86, 87]. Другие авторы такой «уровень» называют автотрофной цивилизацией. Какие аргументы приводятся ими при обосновании становления такой цивилизации? Какие суждения по поводу возможности утверждения автотрофности человечества высказывал сам В. И. Вернадский? Эти и другие вопросы стали предметом обсуждения в настоящей работе.

Особенности обоснования стратегий автотрофности человечества в современной научной и учебной литературе

Обращение отечественных исследователей к идее автотрофности человечества Вернадского началось в 80-е годы XX в., когда стали заметно проявляться экологические проблемы. Их обсуждение и решение связывалось рядом авторов с достижениями научно-технической революции второй половины XX в. Так, Ю. В. Олейников считал, что на основе этих достижений человечество может быть «поистине автотрофным – удовлетворить свои потребности за счет косного, а не живого вещества» [2, с. 137]. Данный автор выражал свою уверенность и в том, что автотрофное производство позволит сформировать и качественно новую среду обитания человека. Осуществляя такое производство, он сможет преобразовывать и природную среду своей жизни, которая будет «изменяться в широких пределах вплоть до полного преобразования географической оболочки Земли и биосферы в целом» [2, с. 137]. В этой «преобразованной» биосфере будут и другие физические и химические константы. А сможет ли человек адаптироваться к ним и существовать в такой биосфере? Ответ в рассматриваемой работе не содержится.

Решение экологических проблем, дефицита продуктов питания известный химик А. П. Руденко связывал с формированием глобальной автотрофной цивилизации. Им предлагались и конкретные направления деятельности ученых для становления такой цивилизации. Особое внимание ученый обращал на формирование программы научно-исследовательских и прикладных работ по созданию и внедрению химико-биологических технологий производства искусственных продуктов питания и других органических веществ пищевого назначения

на основе искусственных живых систем как средств производства. Создание последних А. П. Руденко считал возможным при использовании достижений эволюционной химии, в становлении которой им был сделан значимый вклад.

По убеждению ученого, внедрение химико-биологических технологий в производство позволит производить столько продуктов питания, сколько нужно для всего населения нашей планеты. Более того, будет исключаться загрязнение биосферы существующими сельскохозяйственными технологиями производства продуктов питания, а биосфера превратится в оптимальную среду обитания человека и т. д. А. П. Руденко выражал уверенность и в том, что «принципиальное изменение источника обеспечения человечества продуктами питания, делающее его автотрофным, в естественноисторическом плане означает становление более высокой формы существования материи, чем живые организмы, которой и явится глобальная автотрофная цивилизация, формирующаяся в результате ноосферного развития биосферы» [3, с. 100]. Живым организмом является и человек. А что может быть «выше» его? Кто будет являться носителями и элементами постулируемой Руденко цивилизации? Вопросы такого рода можно продолжать формулировать и далее. Но ответов на них в рассуждениях этого ученого нами не найдено.

Последовательно идею становления автотрофной цивилизации обосновывает и проводит В. П. Казначеев. Он, как и А. П. Руденко, считает автотрофность одной из стадий на пути перехода биосферы в ноосферу. Но в отличие от Руденко, который, видимо, не знаком с трудами В. И. Вернадского о биосфере и ее эволюции в ноосферу, В. П. Казначеев демонстрирует их знание. На своем понимании их содержание он излагает собственную версию сущности автотрофной цивилизации. Прежде всего проблему автотрофности ученый включает в «перечень наиболее фундаментальных, опережающих идей». Он сравнивает ее с идеями освоения космоса К. Э. Циолковского (1857–1935) и расщепления атомного ядра в современной физике. Но если отмеченные идеи получили свое научное и практическое решение, то в «области проблемы автотрофности человечества, намеченной В. И. Вернадским, – пишет В. П. Казначеев, – к сожалению, серьезных работ недостаточно» [4, с. 200]. Этот «недостаток» он и пытается ликвидировать.

Для В. П. Казначеева автотрофность есть, во-первых, планетарно-космическое выражение законов развития материального мира. Во-вторых, она – «научно-практический принцип современного управления важнейшими аспектами этого мира, способами преобразования биосферы, например, при получении энергоресурсов, дифференцировке биосферы в различных производственно-хозяйственных целях» [4, с. 220]. В подтверждение сказанному ученый называет факты широкого внедрения синтетических материалов в строительство, промышленность и быт, в производство лекарственных препаратов и пищевых добавок и т. д. Все это есть, по его заключению, свидетельство «освобождения человечества от источников биосферной природы» [4, с. 201]. А как отнесутся

люди к пищевым добавкам искусственного происхождения? Ответа в работе В. П. Казначеева мы не нашли. В настоящее время это отношение крайне негативное, а врачи-онкологи одну из причин роста онкологических заболеваний связывают с употреблением пищи с такого рода добавками.

В совместной работе В. П. Казначеева и Е. А. Спирина идея об «освобождении» человечества от ресурсов биосферы получает дополнительное обоснование: «Автотрофность находит свое выражение во многих явлениях, порожденных научными, техническими и культурными революциями. Отдельные стороны автотрофности проявляются и в том, что обозначается учеными как телематика, информатизация, компьютеризация, а также в многочисленных современных научно-технических достижениях» [5, с. 264]. Но почему-то конкретных примеров таких «достижений» авторы не приводят. А их вывод, что осуществление автотрофности позволит «решать конкретные научно-практические проблемы управления ноосферогенезом – преобразование биосферы Земли, живого вещества, целостного социоприродного мира» [5 с. 265], следует считать очередным социальным мифом.

Со второй половины 90-х годов XX в. идея автотрофности человечества стала активно пропагандироваться и в учебной литературе. Так, известный российский специалист в области социальной экологии Э. В. Гирусов в учебном пособии по курсу «Социальная экология» пишет, что человечеству рано или поздно придется преодолеть свою зависимость от других живых существ. По его убеждению, только переход к автотрофности есть «единственная возможность преодоления этой зависимости» [6, с. 105]. Еще большее удивление вызывает трактовка этим автором понятия «автотрофности человечества». Для него **«автотрофность человечества»** – понятие, означающее возможность получения людьми пищи и энергии за счет энергии солнца и ее производных веществ (ветра, воды, биомассы и т. д.) аналогично тому, как происходит утилизация рассеянной энергии растениями (автотрофами). Вводя этот термин в научный обиход (1937), В. И. Вернадский имел в виду одно из основных условий формирования людьми **ноосферы**» [6, с. 144]. Можно только сожалеть, что подобные суждения включены в учебный «обиход». Их комментировать нет смысла.

С автотрофностью связывает становление ноосферы и Г. В. Стадницкий. В учебном пособии по курсу «Экология» он пишет, что «человек как живой организм в силу своих биологических особенностей не может перейти к автотрофной ассимиляции, но общество в целом способно перейти к так называемому автотрофному способу производственной деятельности» [7, с. 46]. Осуществляя такую деятельность, человечество, по убеждению автора, сможет заменить высокомолекулярные природные соединения (белки, жиры, углеводы) низкомолекулярными – вплоть до химических элементов, а из последних производить искусственные высокомолекулярные соединения, пригодные для употребления человеком. Подобное производство пищи Г. В. Стадницкий считает

даже одним из важнейших условий становления ноосферы. «Автотрофный характер производства, — отмечает он, — одно из условий гармонизации отношений в системе “природа — человек” при переходе биосферы в ноосферу» [7, с. 47].

Н. М. Мамедов в учебном пособии «Основы социальной экологии» пишет о «неизбежности» перехода человечества к искусственному промышленному производству продуктов питания. Он, как и А. П. Руденко, считает, что этот переход будет обеспечиваться достижениями эволюционной химии и созданием искусственных живых систем. По убеждению автора пособия, химическая промышленность уже в настоящее время может производить продукты питания в больших объемах. Тем самым для человечества открываются качественно новые условия бытия: «Время, когда человеческая цивилизация станет способной полностью обеспечить себя искусственными продуктами, будет принципиально важным поворотным моментом в истории развития общества и его взаимоотношений с природой. Заменяя в основном сельскохозяйственное производство продуктов питания промышленными, человечество уменьшит негативные явления в биосфере. При этом человечество, изменив источник питания, перестанет быть исключительно гетеротрофным, поддерживающим свое биологическое существование за счет продукции естественной биосферы, и сделается автотрофным, независимым от биосферы» [8, с. 203–204].

Идея автотрофности преподносится Н. М. Мамедовым в качестве единственной стратегии развития человечества и условием его перехода в «глобальную автотрофную цивилизацию». При этом он утверждает, что становление данной цивилизации предсказал еще В. И. Вернадский, который был «убежден, что со временем человечество разработает способы производства искусственных пищевых продуктов» [8, с. 204]. Конкретных подтверждений сказанному и сноска на труды В. И. Вернадского цитируемым автором не делается. В силу этого все сказанное Н. М. Мамедовым о великом русском ученом носит голословный характер.

Апофеозом концепции автотрофной цивилизации является учебное пособие А. Д. Московченко «Философия автотрофной цивилизации» для магистрантов и аспирантов технических вузов России. В нем идея автотрофности В. И. Вернадского называется «реальным **фундаментально-стратегическим проектом** будущего человечества» [9, с. 86]. Реализация этого проекта приведет к коренным изменениям человека, его физической и духовной сторон. Фактором такого изменения станет, по убеждению данного автора, пища, произведенная химическими предприятиями. Именно «изменение структуры питания приведет к изменению структуры человеческого мозга, а значит, и мыслительного аппарата человека» [9, с. 87]. В подтверждение сказанному А. Д. Московченко цитирует известное положение В. И. Вернадского, что «рост научного знания в XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по *проблемам...*» [10, с. 369]. Но данное суждение не имеет отношения к выводу автора пособия.

Еще одной существенной чертой автотрофной цивилизации, по мнению А. Д. Московченко, станет то, что человек и человечество станут независимыми от окружающей среды. Автор уверяет нас в том, что, когда человечество «научится искусственно, сперва в лабораторных, а затем и в промышленных условиях воспроизводить природно-автотрофные процессы», тогда оно «освободится от биосферной зависимости... даже от самого Солнца» [9, с. 96]. А биосфера «лишится» самого значимого своего элемента – человека. Да и человеку она станет «не нужной». Вот так видит А. Д. Московченко будущее природы и человека. Он выражает уверенность и в том, что для нынешнего человечества нет другого выбора, кроме как автотрофность: «Человечеству предложен реальный путь спасения и выживания: фундаментально-стратегический проект обновленного человечества на путях автотрофности» [9, с. 91]. Для А. Д. Московченко автотрофность есть путь достижения ноосферы.

Что можно сказать по поводу процитированных заключений данного автора? Во-первых, он демонстрирует свою приверженность давно отвергнутой концепции географического детерминизма, причем его самой несостоятельной формы. Ведь приверженцы географического детерминизма не делали выводов, что употребляемая человеком пища может изменить организацию его мозга. Более того, А. Д. Московченко выражает недоверие разуму современного человека и его способности постижения природного мира и утверждению разумных форм отношений с ним. Во-вторых, по мнению автора пособия, изменению мозга должно предшествовать изменение генетических основ человека, что совершенно недопустимо. Как писал выдающийся советский генетик академик Н. П. Дубинин, «кардинальная перестройка генетических основ человека, даже с самыми благородными целями, чревата нарушениям важнейших законов биологической формы движения материи и может вопреки ожиданиям привести к необратимым отрицательным последствиям для человечества» [11, с. 187]. Процитированная книга как раз и посвящена вопросам сохранения человека и человечества. В-третьих, «подтверждать» свои антинаучные выводы суждениями В. И. Вернадского есть нарушение основ научной этики.

Иногда пропагандисты концепции автотрофной цивилизации присваивают В. И. Вернадскому выводы, которые им не высказывались. Так, Е. П. Маркина пишет, что, «по мнению В. И. Вернадского, человечество должно стать автотрофным существом: вместо употребления в пищу других организмов начать использовать энергию солнечных лучей. Таким образом, автотрофность должна привести к бессмертию человека» [12, с. 52].

Автору процитированного «мнения» можно поставить вопрос: когда и в каком труде ученый выражал это «мнение»? Этот же вопрос относится и к следующему утверждению Е. П. Маркиной: «Идея автотрофности предполагает творчески-трудовое обретение такого нового способа обмена веществ с окружающей средой, который не будет иметь конца» [12, с. 52]. Подобные следствия

реализации идей автотрофности можно приводить и дальше, но мы не видим в этом необходимости.

Анализ содержания воззрений лишь некоторых авторов по проблеме автотрофности человечества и становлении автотрофной цивилизации свидетельствует, что они имеют, во-первых, антинаучную выраженность. В них преобладают голословные заявления о перспективности использования продуктов питания, произведенных химическими предприятиями, освобождение зависимости человека от природы и т. д. Во-вторых, авторы отмеченных концепций не увязывают свои рассуждения об автотрофности человечества с положениями других работ В. И. Вернадского. В-третьих, ими игнорируются принятые современным мировым сообществом стратегии социоприродного развития (устойчивое развитие, охрана окружающей среды и т. д.), которые являются конкретным выражением идей русского ученого о будущем нашей цивилизации. Все сказанное позволяет сделать вывод, что концепции автотрофности человечества и автотрофной цивилизации есть современная форма социального мифотворчества. Они несовместимы с научными и гуманистическими представлениями В. И. Вернадского о будущем природы и человечества. В связи с этим есть необходимость выявить содержание суждений самого ученого по обсуждаемым вопросам.

В. И. Вернадский о возможности и «утопичности» реализации идеи автотрофности человечества

Прежде всего следует отметить, что появление статьи В. И. Вернадского «Автотрофность человечества» не было «спонтанным». О возможности перехода человечества к автотрофному бытию он говорил еще до ее публикации. Так, в письме к русскому социал-демократу и литератору И. И. Петрункевичу от 2 ноября 1923 г. В. И. Вернадский писал о возможности нынешней цивилизации перейти к осуществлению автотрофного способа существования. Ученый выражал уверенность, что «автотрофное человечество увеличит до чрезмерности с нашей обыденной точки зрения свою силу и с точки зрения геологической силы достигнет большего равновесия» [13, с. 211]. В самой статье Владимир Иванович раскрывал более подробно возможность осуществления автотрофного бытия человечества и его особенности.

Письмо и статья были написаны В. И. Вернадским в период его пребывания в Париже (1922–1926), где он читал лекции в Сорбонне и активно занимался научной работой. А высказанная ученым в эти годы идея автотрофности была связана с волновавшими его вопросами нехватки продуктов питания для населения многих стран мира, усилением воздействия человека на биосферу и угрозами истощения потребляемых энергоресурсов в недалеком будущем.

Именно эти вопросы стали предметом обсуждения в его статье. Причем самой злободневной для автора была продовольственная проблема, которую

он считал первоочередной для всей цивилизации и особенно России. По заключению В. И. Вернадского, «неумолимый голод», который охватывает население мира, свидетельствует, что «наша цивилизация находится на краю пропасти. В настоящее время сотни тысяч людей умирают или прозябают в России вследствие недостатка питания, а миллионы других – больше 10–15 млн – стали жертвами совершенных социальных ошибок» [14, с. 299]. Последние он связывал с утверждением «коммунистической идеологии» в России и последующими «трагическими событиями» в ней. А следствием «этих событий были смерть и голод множества людей, экономический провал коммунистической системы», который ему представлялся неоспоримым фактом [14, с. 304–305].

О голоде в Советской России начала 20-х годов XX в. свидетельствовал и В. И. Ленин. В речи на I Московском губернском сельскохозяйственном съезде 29 ноября 1921 г. он говорил: «Самое большое бедствие, которое на нас в этом году обрушилось, – это голод в целом ряде губерний, это засуха, которая, по-видимому, может угрожать нам если не в ближайший год, то в ближайшие годы» [15, с. 257]. Руководителем государства ставилась задача во что бы то ни стало немедленно осуществить улучшение и подъем сельскохозяйственного производства и обеспечить население страны продуктами питания. В 1921 г. от голода в России погибли порядка 5 млн человек.

В. И. Вернадский был свидетелем не только голода в России начала 1920-х годов. Весьма губительным для страны был голод 1891–1892 гг., когда из-за засухи в 20 губерниях был полный неурожай. Конкретные формы его проявления и последствия ученый видел в Тамбовской губернии и своем имении Вернадовка. В письме к жене Н. Е. Вернадской от 27 декабря 1891 г. он писал о начавшейся гибели крестьян от голода, их «страшном разорении», отсутствии корма для скота и т. д. [16, с. 188]. Им отмечалась и неспособность государства предотвратить голод и уменьшить его негативные проявления. Вот почему В. И. Вернадский принимал реальные меры по оказанию помощи нуждающимся: сбор средств для организации питания голодающих людей, открытие для них специальных столовых, закупка корма для лошадей и т. д.

Проблема голода была предметом содержания и статьи «Новое бедствие», написанной В. И. Вернадским для газеты «Русские ведомости» (4 августа 1905 г., № 209). В ней он писал: «Надвигается новая гроза на Русскую землю. Неурожай хлебов, озимых и яровых, охватил огромный район Европейской части и отчасти Азиатской России, захватил более или менее сильно 20–25 губерний. Это бедствие, которое чувствительно и серьезно для культурных стран Запада, принимает у нас еще более острую и ужасную форму – форму *голода*» [17, с. 50]. Далее голод назывался им «явлением *общественным*», которое должно быть «заранее предвидено и не допущено». Эта задача считалась учебным не только задачей существующей власти, но и всего общества в целом. Именно они должны были принять все меры к тому, чтобы не проявился голод 1891–1892 гг.

Власть в 1905 г. занималась вопросами войны с Японией, поэтому основные средства направлялись на военные нужды. В. И. Вернадский с возмущением писал, что «голод не менее, если не более, пагубен для страны, чем война... Неурожай и голод – та же война, и средства для них так же неотложно должны найтись. Это обычно забывается бюрократией...» [17, с. 54]. Она продемонстрировала свою неспособность предотвратить голод населения России как в конце XIX в., так и в начале XX-го.

Столь же бездушной к нуждам жителей России оказалась и новая «советская бюрократия». Она, как и предыдущая «бюрократия», не смогла предотвратить голод 1921 г. и ослабить его разрушительное проявление. Именно его пагубные последствия явились одним из мотивов написания В. И. Вернадским статьи «Автотрофность человечества». Голод повторился в СССР и в начале 1930-х годов. Особенно губительным он был для населения Украины. Здесь «голодомор» унес миллионы человеческих жизней. Губительным он был и для Беларуси. Да и в последующие годы население страны не было в должной мере обеспечено продуктами питания. Видимо, все это и побудило ученого переиздать данную статью на русском языке в 1940 г.

Центральными понятиями статьи являются термины «автотрофность» и «гетеротрофность». Их обоснование и включение в систему научного знания, по свидетельству В. И. Вернадского, осуществил немецкий ботаник и физиолог В. Пфедфер (1845–1910). Первым понятием тот называл организмы, обладающие способностью синтезировать органическое вещество, необходимое для их жизни, используя косное вещество земной коры и энергию Солнца. Гетеротрофы – те организмы, которые живут за счет потребления автотрофов и накопленных ими веществ. Приоритет В. Пфедфера в обосновании данных понятий русский ученый подчеркивает и в труде «Биосфера» (1926), где отмечает, что «указанное В. Пфедфером деление есть коренная черта всей живой природы» [14, с. 366]. Здесь же В. И. Вернадский приводит и более четкое определение автотрофности: «Мы будем называть автотрофными все организмы, которые берут все нужные им для жизни химические элементы в современной биосфере из окружающей их косной материи и не требуют для построения своего тела готовых органических соединений другого организма» [14, с. 367]. Автотрофными организмами являются все виды зеленых растений и некоторые виды бактерий. Все остальные виды живого являются гетеротрофными организмами.

Гетеротрофным является и человек. Он может существовать только при наличии окружающих его зеленых растений, которые снабжают его пищей и свободным кислородом для дыхания. В рассматриваемой статье В. И. Вернадский сходство человека с другими гетеротрофными организмами выражает следующими словами: «Человек, несомненно, проявляется в биосфере своим питанием и своим размножением так же, как и все другие организмы» [14, с. 303].

Но здесь же им фиксируется и «глубокое отличие» человека от других форм живого по «действию на окружающую среду». Это «отличие» ученый

связывал с наличием разума у человека. «Разум все изменяет, – писал он, – руководствуясь им, человек употребляет все вещество, окружающее его, – косное и живое – не только на построение своего тела, но также и на нужды своей общественной жизни. И это использование является уже большой геологической силой» [14, с. 303]. Причем эта «сила» становится все более мощной. С ней В. И. Вернадский связывал и все возрастающее воздействие человека на окружающую его природу. Человек, по его заключению, уничтожил «девственную природу», внес в нее массу новых химических соединений и новые формы жизни – культурные породы животных и сорта растений. «Он изменил течение всех геохимических реакций. Лик планеты стал новым и пришел в состояние непрерывных изменений». Принципиальным ученый считал и то, что человек начал перепотреблять энергетические ресурсы биосферы (каменный уголь, нефть). Их запасы оказались ограниченными. И человеку следует задуматься о новых источниках энергии.

Возрастание воздействия человека на биосферу не приводит к ликвидации такой социальной проблемы, как голод. Ее решение В. И. Вернадский связывал с изменением формы питания человека и использованием новых источников энергии. Реализация отмеченных проблем будет иметь, по его утверждению, существенное значение для человека и будущего биосферы: «Непосредственный синтез пищи, без посредства органических существ, как только он будет открыт, коренным образом изменит будущее человека» [14, с. 305].

Что же конкретно произойдет с человеком и биосферой при осуществлении синтеза пищи искусственным путем? Ответ В. И. Вернадского: «Его создание освободило бы человека от его зависимости от другого живого вещества. Из существа социально гетеротрофного он сделался бы существом социально *автотрофным*» [14, с. 306].

Последствия от такого явления в биосфере были бы, по убеждению русского мыслителя, «огромны». Это значило бы, во-первых, что «единое целое – жизнь – вновь разделилась бы, появилось бы третье, независимое ответвление». Во-вторых, «на земной коре появилось бы в первый раз в геологической истории земного шара *автотрофное животное*» [14, с. 306]. Его включение в структуру биосферы В. И. Вернадский считал даже невозможным представить.

Вот так понимал и представил для читателей статьи проблему автотрофности человечества ученый в 1925 г. В дополнении к ее тексту, сделанному в 1940 г., он писал, что все его рассуждения о возможности достижения автотрофного бытия человечества могут оказаться и «утопическими», так как химический состав пищи из живых организмов и синтезированный искусственным путем будет качественно различным, и человек не сможет питаться последней. А потому В. И. Вернадский считал правильным свой вывод, что «зависимость человека от живого целого благодаря его питанию определяет все его существование» [14, с. 298]. Изменение сложившейся формы питания человека неизбежно приведет к непредсказуемым последствиям. А проблему

голода людей надо решать, по его убеждению, «путем социальных мероприятий, научных открытий нового порядка». Только с ними он связывал возможность «отразить неминуемую опасность» [14, с. 304], с которой может столкнуться человечество.

В отношении будущего России В. И. Вернадский выражал оптимистическую уверенность в способности ее производительных сил обеспечить население продуктами питания. Еще в своих дореволюционных работах, касающихся аграрной политики, русский мыслитель отмечал те «исключительные условия», в которых находится Россия, но «которыми она настоящим образом не пользуется» [17, с. 209]. К таким «условиям» он относил огромные массивы плодородных черноземных почв, осуществление «рыбного производства» во многих тысячах озер, превращение в «культурные области» огромных пространств северо-восточной России и т. д. В статье «Об основаниях аграрной политики в России» (1917) В. И. Вернадский сформулировал конкретные вопросы государственной аграрной политики. Они должны быть направлены на осуществление идеи социальной справедливости, государственной устойчивости, государственной экономии, разумного и максимального использования естественных производительных сил государства, связи государственного хозяйства с мировым и равнение этого хозяйства по уровню данного времени [17, с. 240]. Можно только сожалеть, что Россия того времени не смогла решить отмеченные задачи.

Не видел В. И. Вернадский опасности для человечества и в связи с исчерпанием ныне используемых энергоресурсов. Он выражал уверенность, что со временем исчерпаемые энергоресурсы будут заменены другими видами энергии: «Запасы энергии, находящиеся в распоряжении разума, неистощимы. Сила приливов и морских волн, радиоактивная, атомная энергия, теплота Солнца могут дать нужную силу в любом количестве». А «введение этих форм энергии в жизнь есть вопрос времени. Он зависит от проблем, постановка и разрешение которых не являются неисполнимыми. Так добытая энергия будет практически безгранична» [14, с. 305].

В настоящее время отмеченные В. И. Вернадским формы энергии стали предметом практической реализации. Как альтернативные традиционным энергоресурсам (уголь, нефть), они находят свое воплощение в ядерной энергии, геотермальной энергии, гидроэнергетике, ветроэнергетике, прямом использовании энергии света, водородной энергетике [18, с. 91–105]. К перечисленным формам следует добавить и получение биогаза при биотехнологической переработке коммунальных отходов, отходов сельскохозяйственного производства и т. д. А реализованная в Бразилии «спиртовая программа» свидетельствует о широких возможностях получения энергии с возобновляемых источников при помощи биотехнологий.

Все отмеченное не позволяет утверждать о необходимости становления автотрофного бытия человека. В. И. Вернадский писал, что «человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих

или когда-либо существовавших» [14, с. 298]. Эту неразрывную связь человека со своим окружением, биосферой он подчеркивал и в последующих работах. Конкретно свою позицию относительно зависимости человека от всех других живых существ ученый выразил и в последней прижизненной публикации «Несколько слов о ноосфере» (1944). В ней он писал: «Человечество, как *живое вещество*, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее *биосферой*. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [19, с. 339].

В. И. Вернадский упрекал представителей научного знания, не обращавших внимания на зависимость бытия человека от биосферы. Для современных пропагандистов автотрофной цивилизации принципиальную значимость будет иметь и следующее его суждение: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологии, сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочкой, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами выясняться» [19, с. 339]. Кто же конкретно способствует «выяснению» реальных связей человека с биосферой и вносит вклад в обоснование научных стратегий социокультурного бытия человечества в настоящее время? Это прежде всего ученики и последователи великого ученого и мыслителя.

Современные научные стратегии социоприродного развития

Одним из них является выдающийся русский ученый XX в. Н. В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981). О своей приверженности биосферным и ноосферным идеям В. И. Вернадского он писал во многих работах. Но особенно убедительно это было отражено в его именной работе «Биосфера и человечество» (1968). В ней биосфера называется «гигантской живой фабрикой», которая преобразует вещество и энергию на поверхности Земли и определяет ее энергетику, формирует равновесный состав вод и атмосферы нашей планеты, а также ее климат. Оболочка Земли, заселенная живыми организмами и преобразованная ими, является и источником пищевой продукции для нынешнего человечества. Такой она останется и для будущих поколений людей. Н. В. Тимофеев-Ресовский был оптимистом в отношении возможностей биосферы обеспечивать людей продуктами питания. Он предлагал и конкретные направления включения ее ресурсов в пищу человека. В этом отношении заслуживает понимания данным ученым биосферы. Для него «биосфера – существеннейшая составная часть общей жизни Земли как планеты, энергетический экран между Землей и Космосом, та пленка, которая превращает определенную часть космической, в основном солнечной энергии, поступающей на Землю, в ценное высокомолекулярное органическое вещество» [20, с. 380], являющееся пищей для человека. От «правильной работы этой пленки» зависит его жизнь.

Сохранение «правильной работы» биосферы Земли Н. В. Тимофеев-Ресовский называл проблемой «номер один», причем весьма «срочной». В его работе она формулировалась как проблема коэволюции человека, общества и биосферы. При этом ученый выражал уверенность и в том, что «людям ее решать придется, хотя бы они этого или нет» [20, с. 388]. Решение указанной проблемы связывалось им с использованием научных знаний. В связи с этим ставились и конкретные задачи отдельным областям биологии, физики, химии и математики по осуществлению коэволюции человечества и биосферы. В настоящее время данная проблема стала осознаваться в качестве коэволюционной установки современной науки и культуры, ее истоки и смысл послужили предметом специального исследования автора настоящей работы [21, с. 107–138].

Н. В. Тимофеев-Ресовский исключал всякие идеи преобразования биосферы, разрыва человеком связей с ней. Подобные идеи ученый считал антинаучными и не заслуживающими внимания. Им же было сформулировано основополагающее положение, касающееся взаимоотношений человека и биосферы: «Биосфера Земли формирует все окружение человека. И небрежное отношение к ней, подрыв ее правильной работы будет означать не только подрыв пищевых ресурсов и целого ряда нужного людям промышленного сырья, но подрыв газового и водного окружения. В конечном счете люди без биосферы или с плохо работающей биосферой не смогут вообще существовать на Земле» [20, с. 387]. Тем самым Н. В. Тимофеев-Ресовский продемонстрировал подлинное развитие учения В. И. Вернадского о биосфере и характере взаимоотношений человека с ней в новых условиях познания и развития биосферных процессов. А идею автотрофности человечества он вообще не рассматривал. Для него она, видимо, была ненаучной.

Вопросы стратегии развития человечества в нынешнее и будущее время были предметом внимания и академика Н. Н. Моисеева (1917–2000). В своих многочисленных научных и популярных работах он подчеркивал важность осуществления адаптации человека к существующей биосфере и обеспечения их совместной эволюции. Только с такой формой их бытия и развития этим ученым связывалась возможность преодоления современного экологического кризиса и будущее человека: «Сегодня единый путь сохранения человека в составе биосферы – это путь коэволюции, то есть такого изменения образа жизни людей, который согласовывал бы их потребности с возможностями сохранения биосферы в том канале эволюции, который породил человека и не вел бы ее к дальнейшей деградации» [22, с. 28].

Решение отмеченных проблем Н. Н. Моисеев не связывал с переходом человечества к автотрофному бытию. В его трудах нами не было замечено даже наличия такого понятия. А вот важность изменения самого общества, утверждения в нем иного миропорядка, где достойное место займут экологические императивы и у каждого жителя нашей планеты будет формироваться экологическое сознание, – проходит красной нитью в трудах этого последователя В. И. Вернадского.

Заслуживают внимания и суждения зарубежных исследователей относительно характера взаимоотношений человека и биосферы. Содержательные мысли по этому взаимоотношению высказывает член Римского клуба и создатель Будапештского клуба ученых Э. Ласло: «Биосфера рождается в лоне Вселенной, а разум и сознание – в лоне биосферы. Все взаимосвязано. Нет ничего, что бы было независимо от любого другого элемента. Наше тело – часть биосферы, и оно резонирует с планетарной сетью жизни. Наш разум – часть нашего тела и находится в контакте с другими разумами, а также с биосферой» [23, с. 140–141]. Вопросы сохранения существующей биосферы, обоснование разумных форм отношения к ней человека, формирование у него экологического сознания и экологической этики составили содержание процитированной работы этого философа науки и общественного деятеля.

Отмеченные вопросы находятся в центре внимания и видного французского философа и социолога Э. Морена. Нами уже отмечался его вклад в разработку сущности экологического сознания людей и осуществление экологического образования [24, с. 22–23, 193]. При этом подчеркивалось и то, что его суждения по этим проблемам явились примером конкретного развития положений В. И. Вернадского о необходимости человеку «мыслить и действовать не только в аспекте отдельной личности... но и в планетном аспекте» [10 с. 322]. Данное положение Э. Морен использует в качестве эпиграфа к разделу своей работы, касающейся экологического сознания.

В новой работе французского ученого «Земля – Отчизна» идеи В. И. Вернадского о взаимосвязи человека и природы получают свою дальнейшую конкретизацию и развитие. Э. Морен резко выступает против тех авторов, которые пытаются «оторвать» человека от природы. Он заявляет: «Отношения между человеком и природой не могут строиться по принципу редуccionизма и изоляционизма. Человечество представляет собой планетарное и биосферное единство. Человек, будучи существом одновременно природным и надприродным, должен питаться из источников живой физической природы, из которой он, однако, выделился благодаря культуре, мышлению и сознанию» [25, с. 161]. Осознание единства человека со всей природой определяет формулу действий человека. Этот философ выражает ее следующим образом: «*Мыслить глобально, действовать локально; мыслить локально, действовать глобально*» [25, с. 163].

Предложенная Э. Мореном стратегия мышления и действий человека есть не только выражение взаимосвязи человека и природы, их общей судьбы, но и ответственности человека за дальнейшее бытие природы. «Открытие человеком общей с природой судьбы, – писал ученый, – накладывает на него теллургическую ответственность перед природой. Это значит, что человечество должно радикально отказаться от проекта завоевания природы, сформулированного Декартом, Бюффоном и Марксом. Не господствовать над Землей, но ухаживать за ней, как за больной, обживать ее и культивировать» [25, с. 180]. На утверждение такого отношения человека к природе не сориентирована стратегия автотрофной

цивилизации. В силу этого она и не поддерживается последователями В. И. Вернадского, в том числе и Э. Мореном. С ним только нельзя согласиться относительно «зачисления» К. Маркса к числу сторонников «завоевателей природы», так как им обосновывались разумные формы отношения человека к природе.

Э. Морен демонстрирует свое негативное отношение и к тем исследователям, которые обосновывают идеи о преобразовании всего земного и торжества техники над природой. Со всей определенностью французский ученый заявляет, что современный человек «должен заново научиться пониманию конечности всего земного и отказаться от ложного представления о бесконечном всемогуществе техники, о бесконечном всеисии разума, от желания собственного всемогущества для того, чтобы открыть для себя истинную бесконечность, которую невозможно ни описать, ни осмыслить. Все технические возможности человека, его мысли, его совесть отныне должны быть направлены не на то, чтобы осваивать, а на то, чтобы развивать, совершенствовать, осознавать» свою принадлежность к «гражданам планеты Земля» и развивать «культуру планеты Земля» [25, с. 179].

В центре внимания ряда западных исследователей находятся и те вопросы, которые поднимались В. И. Вернадским, но не получили должного освещения в его работах. Одним из таких вопросов является формирование этического отношения человека к природе.

Данный вопрос обстоятельно обсуждается в трудах выдающегося чилийского философа и мыслителя, лауреата премии имени В. И. Вернадского Дарио Саласа. Им обоснованы направления развития морали XXI в. как стратегического курса современной цивилизации. В ряду таких направлений особое внимание он отводит утверждению моральных принципов всего человечества по отношению к природе. С ними связывается и уровень жизни людей, их благополучие в настоящее и будущее время: «Если мы действительно хотим, чтобы наша жизнь была богатой и благополучной, мы должны уважать законы Природы. В этом и есть глубокий смысл морали» [26, с. 389].

Но человек сможет «уважать законы Природы» только тогда, когда он будет знать строение и организацию биосферы, тенденции ее эволюции, формы разумного отношения к ней человека. Для этого нужно усилить работу по формированию и соответствующего духовного мира человека, в котором существенное место должны занять естественнонаучные знания, моральное и экологическое сознание. От их уровня зависит и утверждение благоговейного отношения человека к природе, а оно в свою очередь будет способствовать и повышению морального сознания человека. Д. Салас глубоко прав, когда он рекомендует человеку: «Живи в гармонии с Природой – и достигнешь высшего добра» [26, с. 395]. А те формы отношений человека к природе, которые сопровождаются «разрушением моральных законов Природы», мыслитель называет «грехом». Именно с ним этот ученый связывает и нынешние беды человечества, в том числе и экологический кризис.

Преодоление «греховного» отношения людей к природе Д. Салас видит на пути их духовного развития. Причем это развитие он соотносит с тенденциями эволюции самой природы. «Путь духовного развития, – пишет чилийский философ, – является самым важным и значимым в жизни человека, потому что ведет к выполнению эволюционной задачи Природы» [26, с. 97]. Д. Салас с сожалением говорит и о том, что отмеченное им понимание эволюции духовного мира человека и природы в наше время «не находит должного места в культуре». Все это, по его убеждению, только способствует сохранению «греховного» отношения людей к природе. Его преодоление и осознание людьми важности соблюдения «моральных законов природы» этот ученый считал основной стратегией развития морали XXI в. и человечества в целом.

Положения и выводы, которые обосновывали и продолжают разрабатывать отмеченные и многие другие исследователи современных стратегий социоприродного развития, следует считать конкретным вкладом в разработку научных идей В. И. Вернадского в новое историческое время. В их трудах центральное место занимает человек и природная среда его обитания. Определены и вполне выполнимые направления действий людей по сохранению этой среды для будущих поколений людей.

Современным научным знанием подтверждаются и опасения В. И. Вернадского относительно возможности перехода человечества к автотрофному существованию. Исследователями установлено, что аминокислоты (компоненты молекул белков органического происхождения) способны поляризовать проходящий через них свет только в одном направлении. Они являются левовращающими, а аминокислоты, произведенные в химических лабораториях, содержат в равной пропорции левовращающие и правовращающие молекулы. Последние не должны попадать в пищевую продукцию, так как они опасны для человека. Примеры их разрушительного действия на развивающиеся эмбрионы человека при использовании беременными женщинами лекарственных препаратов, содержащих такие молекулы, уже давно выявлены [27, с. 53, 54]. Только они неизвестны идеологам автотрофности человечества. Так как все белки биологического происхождения являются левовращающими, химическое производство не в состоянии их выпускать. А всякого рода попытки обосновать полезность для человека пищи, произведенной в промышленных условиях, – антигуманны в своей основе.

Столь же антигуманными являются и положения о будущей независимости человека от биосферы и даже от Солнца. Данные утверждения означают исключение информационных связей человека со своим природным окружением. Каким при этом будет бытие человека? Сможет ли он существовать в изоляции от природного мира? Сторонники автотрофной цивилизации ответа на поставленные вопросы не дают. Наш ответ: подобное бытие просто невозможно. Убедительно о зависимости бытия человечества от его связей со своим окружением пишет известный английский генетик А. Резерфорд: «Важно помнить,

что мы ведь, собственно, находимся в Космосе, сформированы Космосом, являемся частью Солнечной системы, которая нас, по сути, и породила. Игнорировать это означало бы отрицать тот факт, что наше существование определяется тем космическим пространством, где находится Земля» [27, с. 131]. Можно только сожалеть, что процитированное положение как раз и «игнорируется» сторонниками автотрофности.

Что можно сказать в отношении голода людей в наше время? Нынешнее сельскохозяйственное производство в состоянии обеспечить всех жителей нашей планеты в достаточном количестве продовольствием. Но из-за бедности многие сотни тысяч людей не в состоянии его приобрести, так как оно для них слишком дорогое. А существующие в развитых странах квоты на производство ряда сельскохозяйственной продукции направлены на сохранение ее высокой цены. Вот почему вывод В. И. Вернадского, что голод есть социальная проблема, остается верным и для современности. Можно быть уверенным, что и в будущем благодаря ликвидации бедности людей во многих регионах мира, утверждению разумных форм природопользования и достижениям науки биосфера будет в состоянии обеспечивать всех жителей Земли продуктами питания.

Здесь будут уместными и суждения выдающегося представителя русского космизма К. Э. Циолковского по обсуждаемым в данной работе вопросам. Он еще в начале 1920-х годов в беседе с входящим в науку А. Л. Чижевским (1897–1964) говорил о недопустимости замены естественной пищи (хлеб, мясо, масло, овощи и фрукты) разного рода «химическими эрзацами». Их производство К. Э. Циолковский считал несовместимым с естественными процессами природы: «А всякое противоестественное явление обречено в конце концов на гибель. Неестественная цивилизация, конечно, выродится и погибнет. И вместо нее придет цивилизация, основанная на тысячелетнем опыте человека» [28, с. 218]. Им выражалась уверенность и в том, что существующие пахотные земли «могут производить в таком несметном количестве» продукты питания, что их «хватит на все человечество». Но все это будет возможным только при утверждении «личной собственности» земледельцев на обрабатываемую ими землю. Вот так виделось этим мыслителем решение продовольственной проблемы.

На фоне всего сказанного меркнут идеи автотрофности бытия человечества и становления автотрофной цивилизации. Их мифологическая выраженность вполне очевидна. Научнообразная форма обоснования, использование авторитетного имени В. И. Вернадского для подтверждения данных концепций не убеждают нас в их разумности и необходимости реализации. Очевидна и антигуманная выраженность этих идей. Они не вселяют уверенности в сохранении человека и биосферы в будущем. Включение таких концепций в учебную литературу способствует только дезориентации сознания студентов, потере ими гуманистических идеалов своего будущего бытия и лишению ориентиров на сознательное творчество. В учебном процессе следует использовать научные концепции настоящего и будущего бытия человека и природы.

Список использованных источников

1. Смирнов, Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия / Г. С. Смирнов // Ноосфер. исслед. – 2013. – Вып. 1 (3). – С. 78–93.
2. Олейников, Ю. В. Экологические альтернативы НТР / Ю. В. Олейников. – М. : Наука, 1987. – 161 с.
3. Руденко, А. П. Ноосферная стадия развития биосферы и формирование глобальной автотрофной цивилизации / А. П. Руденко // За гармонию взаимоотношений человека с природой : сб. ст. – М., 1989. – С. 99–100.
4. Казначеев, В. П. Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере / В. П. Казначеев. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 248 с.
5. Казначеев, В. П. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения / В. П. Казначеев, Е. А. Спирин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 304 с.
6. Гирусов, Э. В. Основы социальной экологии / Э. В. Гирусов. – М. : Изд-во РУДН, 1998. – 172 с.
7. Стадницкий, Г. В. Экология / Г. В. Стадницкий. – СПб. : Химиздат, 1999. – 280 с.
8. Мамедов, Н. М. Основы социальной экологии / Н. М. Мамедов. – М. : Ступени, 2003. – 256 с.
9. Московченко, А. Д. Философия автотрофной цивилизации. Проблемы интеграции естественных, гуманитарных и технических наук / А. Д. Московченко. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та сист. управ. и радиоэлектроники, 2010. – 263 с.
10. Вернадский, В. И. О науке / В. И. Вернадский. – Дубна : Изд. центр «Феникс», 1997. – Т. 1. – 576 с.
11. Дубинин, Н. П. Что такое человек / Н. П. Дубинин. – М. : Мысль, 1983. – 334 с.
12. Маркина, Е. П. Интерпретация человека в философском наследии В. И. Вернадского / Е. П. Маркина // Вестн. МГОУ. Сер. Филос. науки. – 2012. – № 2. – С. 51–55.
13. Вернадский, В. И. «Я верю в силу свободной мысли» : письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу / В. И. Вернадский // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 204–221.
14. Вернадский, В. И. Живое вещество и биосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1994. – 672 с.
15. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1964. – Т. 44. – 725 с.
16. Вернадский, В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1889–1892) / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 320 с.
17. Вернадский, В. И. Публицистические статьи / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1995. – 313 с.
18. Ягодин, Г. А. Устойчивое развитие: человек и биосфера / Г. А. Ягодин, Е. Е. Пуртова. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. – 109 с.
19. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.
20. Тимофеев-Ресовский, Н. В. Воспоминания / Н. В. Тимофеев-Ресовский. – М. : Согласие, 2000. – 878 с.
21. Карако, П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский: учение о биосфере и ноосфере / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2008. – 262 с.
22. Моисеев, Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 1998. – № 2. – С. 24–28.
23. Ласло, Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло. – М. : Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.
24. Карако, П. С. Социальная экология: экологическое сознание / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 216 с.
25. Морен, Э. Земля – Отчизна / Э. Морен. – СПб. : НП «Русская культура», 2013. – 192 с.
26. Салас, Д. Мораль XXI века / Д. Салас. – М. : Науч. книга, 2007. – 446 с.
27. Резерфорд, А. Биография Жизни. От первой клетки до геной инженерии / А. Резерфорд. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2016. – 312 с.
28. Чижевский, А. Л. На берегу Вселенной: годы дружбы с Циолковским : воспоминания / А. Л. Чижевский. – М. : Мысль, 1995. – 715 с.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 130.2

Поступила в редакцию 28.02.2019

Received 28.02.2019

В. К. Лукашевич¹, М. В. Зубко², И. Е. Киселев²

¹Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

²Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРАКСЕОЛОГИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Выявлены основные факторы, которые определяют специфику когнитивных механизмов праксеологизации научного знания в социогуманитарных технологиях, отмечено нарастание значимости когнитивных ресурсов, воспроизводящих характеристики конкретных ситуаций в условиях неопределенности направлений их эволюции и выбора прагматических ориентаций.

Ключевые слова: социальные технологии, социогуманитарные технологии, жесткие технологии, мягкие технологии, проектирование социогуманитарных технологий, когнитивные компоненты социогуманитарных технологий, фрагментирующая праксеологизация научного знания, континуализирующая праксеологизация научного знания

V. Lukashevich¹, M. Zubko², I. Kiselev²

¹Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

²Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

COGNITIVE MECHANISMS OF PRAXEOLOGIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN SOCIAL-HUMANITARIAN TECHNOLOGIES

The main factors that determine the specificity of the cognitive mechanisms of praxeologization of scientific knowledge in social-humanitarian technologies are identified, the increasing importance of cognitive resources that reproduce the characteristics of specific situations in the context of uncertainty of directions of their evolution and the choice of pragmatic orientations is noted.

Keywords: social technologies, social-humanitarian technologies, hard technologies, soft technologies, design of social-humanitarian technologies, cognitive components of social-humanitarian technologies, fragmenting praxeologization of scientific knowledge, continualizing praxeologization of scientific knowledge

Праксеологизация научного знания в русле социогуманитарных технологий – процесс, репрезентирующий науку в одном из ключевых, но на данное время еще не вполне адекватно осмысленных аспектов ее социального функционирования. Несмотря на как бы само собой разумеющуюся направленность социогуманитарных технологий на регулирование социальных отношений и взаимодействий с целью обеспечить принятие социальными группами и конкретными людьми определенного способа жизнедеятельности и порядка общественного устройства, механизмы использования научного знания в их проектировании остаются малоразработанными. Не всегда было понятно, зачем нужны социогуманитарные технологии, если достаточно более-менее эффективно работающих социальных технологий, которые базируются на схемах действий, основанных на принуждении и сравнительно несложных системах экономического, правового и социального знания. Убедительность социогуманитарным технологиям нередко придавали ссылки на авторитет высших внешних сил, прирожденную гениальность общественных деятелей, положительные моральные качества управляемых и т. п.

Решающие коррекции внесло усложнение социальной реальности, успешное поведение и деятельность в русле которой, а то и само существование (выживание) с опорой на грубые механизмы саморегуляции, базирующиеся в основном на прошлом опыте, стали затруднительными. Конкретно это усложнение проявилось в невиданном ранее культе жадности и наживы (это шире по масштабам и глубине воздействия на социум по сравнению к месту и не к месту акцентируемым потребительством); явной нехватке в отдельных регионах Земли жизненно необходимых ресурсов; рисках и угрозах, обусловленных существующим ныне вариантом глобализации; ускоряющимся усложнением общего уклада техногенной цивилизации, в русле которой осуществляется жизнедеятельность подавляющего большинства человеческого сообщества, и др.

Следует отметить, что на названные явления и процессы тем или иным образом социум реагирует посредством практически всех форм общественного сознания. Некоторые из них (религия, этика, право) претендуют на безусловное лидерство в этом деле. Однако ситуация не только не изменилась к лучшему, но явно обострилась за счет тревожных тенденций. Видимо, пришло время (как ранее в производственных технологиях) более основательно подключить ресурс науки. Начало этому было положено свыше 100 лет тому назад (на рубеже XIX–XX вв.).

Соответственно предстоит создать более развитую методологию анализа праксеологической компоненты социогуманитарных технологий в ее обусловленности влиянием научного знания, что составляет целевую интенцию данной работы.

В зависимости от средств, используемых для воздействия на людей, социальные и социогуманитарные технологии делят на жесткие и мягкие (их также часто называют гуманистическими). Жесткие технологии используют преиму-

щественно средства принуждения, мягкие – средства убеждения. Жесткие социальные технологии – это в основном институты общества, «такие как тюрьма, суд, полиция, армия, различные формы экономического принуждения, а мягкие социальные технологии – это средства массовой информации (СМИ), психотерапевтические практики, некоторые социологические методы типа фокус-групп, образовательные практики, социальные сети» [1, с. 6].

Жесткие и мягкие технологии для управления людьми использовались всегда. Но в обществах с авторитарным и тоталитарным политическими режимами, где государство контролирует все сферы общественной жизни, где действует принцип «запрещено все, что не разрешено», приоритетными являются технологии, основанные на принуждении и насилии. По мере демократизации общественной жизни возможности для управления силовыми методами сужаются: они или становятся неприемлемыми, или теряют свою эффективность. Предпочтительными становятся средства убеждения, то, что сегодня определяется термином «мягкая сила», под которой понимается способность убеждать других делать то, что вы хотите, без применения силы или принуждения. С. Г. Карамурза описывает мягкие технологии как технологии, предполагающие достижение целей путем рационального убеждения или психологических манипуляций, которые не просто побуждают человека делать то, чего желают другие, но и заставляют его хотеть это сделать [2, с. 73].

Технологии мягкой силы используются как по отношению к населению своей страны, так и к населению других стран. Сегодня они признаются наиболее эффективными при проведении геополитической борьбы на международной арене. В частности, эти технологии показали свою эффективность в ходе осуществления «цветных революций» на постсоветском пространстве, а также в Северной Африке. Смена типов социально-технологической деятельности с жестких, основанных на подавлении личности посредством авторитарных (тоталитарных) общественных механизмов, на мягкие становится необходимостью для стран, совершающих переход от командной экономики к рыночной.

Расширение масштабов внедрения в управленческие процессы мягких технологий приводит к тому, что все большее место в управлении социальными процессами на разных уровнях начинают занимать манипулятивные (манипуляторные) технологии. Манипулирование сознанием с самого начала создавалось как технология, разработкой и распространением которой занят большой отряд обученных, профессиональных интеллектуалов. После того как манипулирование сознанием превратилось в технологию господства, само понятие демократии начало терять свой первоначальный смысл, и многие сегодня его считают идеологическим штампом.

Известно, что наиболее часто в качестве инструмента манипуляторных технологий выступают СМИ. Способность органов публичной передачи информации с помощью технических средств оказывать огромное влияние на сознание и поведение людей была подмечена на ранних этапах их возникновения.

Еще в начале XIX в. Наполеон Бонапарт говорил, что четыре газеты могут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия. Радио в пропагандистских целях использовалось в период Первой мировой войны. Лидером по популярности и возможности воздействовать на массового зрителя затем стало телевидение. Благодаря телевидению люди получили возможность быть свидетелями и ощущать себя непосредственными участниками событий, происходящих на экране, а его приход в дом называют информационной революцией. Средством, чья сила воздействия на людей сравнима с телевидением, в настоящее время стал Интернет, который для многих является основным источником информации, используется для общения, совершения покупок, ведения бизнеса. Привлекательность Всемирной сети заключается еще и в том, что, в отличие от других СМИ, она предоставляет возможность пользователям не только знакомиться с чужой точкой зрения на те или иные события и вещи, но и высказывать свою, что создает у пользователей ощущение личной свободы.

Благодаря СМИ у отдельных людей и различных социальных общностей формируется отношение к актуальным общественным проблемам. Например, с помощью СМИ было сформировано общественное мнение относительно таких проблем, как предотвращение термоядерной войны, экологической катастрофы, отказ от применения биологического и химического оружия, установление общественного контроля за средой обитания.

Кроме этого, СМИ занимаются информированием различных общественных и государственных структур о наличии деструктивных проблем в обществе (рост преступности, наличие коррупции, социальное неравенство и т. п.), об их возможных последствиях, одновременно стимулируя дискуссии о способах решения этих проблем. Современные СМИ выступают также в роли транслятора культурных ценностей общества и действенным средством формирования в обществе желательных форм поведения и коммуникации через разработку и тиражирование эталонных образцов деятельности, поведения, общения.

Однако сама по себе способность СМИ внушать что-либо обществу считается негуманной, так как люди не могут контролировать направленное на них воздействие, что создает условия для манипуляции общественным мнением. В этом, как утверждал американский философ, политолог, политический экономист и писатель Ф. Фукуяма, заключается одно из важнейших отличий социогуманитарных технологий от естественнонаучных. Если естественнонаучные технологии расширяют свободу человека, утверждал философ, создают для него возможности выбора даже в таких ситуациях, в которых от самого человека прежде ничего не зависело, то социогуманитарные технологии выступают часто в прямо противоположной роли, поскольку предназначаются для того, чтобы навязывать индивиду тот или иной выбор [3]. Опасность манипулирования увеличивается в связи с тем, что сегодня практически нет независимых СМИ: они являются либо государственными, либо принадлежат

определенным политическим партиям, олигархам. Поэтому наибольшее распространение эти технологии получили в политике и бизнесе.

В сфере бизнеса СМИ через рекламу доводят до потенциального потребителя информацию о появлении на рынке новых продуктов и технологий, а также внедряют в сознание стереотипы потребительского поведения. Причем современные СМИ формируют у потребителя интерес к непрерывной замене уже имеющихся у него изделий на новые, «более эффективные», «более престижные», «более социально значимые». Приписывая товару воображаемые свойства, реклама придает ему дополнительную ценность в восприятии покупателя. Товар для потребителя приобретает не только утилитарную, но и социальную, психологическую значимость, он включается в систему ценностей человека, приобретает дополнительный смысл. Смыслы же не имеют материального воплощения, они создаются с помощью рекламных технологий и существуют только в сознании людей.

Современный рынок все меньше начинает зависеть от утилитарных потребностей человека, все больше превращаясь в систему, «производную от идей», в связи с чем смыслы играют нарастающую, зачастую решающую роль. В результате, как пишет А. П. Запесоцкий, кардинально меняется структура производства: смыслы производятся как продукты. Они (смыслы) генерируются в умах людей с помощью манипуляций и, будучи произведены, порождают новые потребности. Потребности также производятся как продукты. На смену производству материальных ценностей приходит производство смыслов [4, с. 24–30].

Аналогичное манипулирование общественным сознанием характерно и для социальной сферы, когда ценность человеческой личности определяется не ее реальными качествами или профессиональными успехами, а создается имиджмейкерами, и СМИ в этом принимают непосредственное участие. Сегодня популярность стала товаром, и она продается. Реклама, афиши, телевизионные программы, газетные статьи работают на имидж популярных людей. Трудно не согласиться с утверждением, что имидж популярных людей – «это стереотип, насильно внедренный в наше сознание, потому что это товар, приносящий деньги» [5].

Качество и эффективность социогуманитарных технологий зависит от подготовки тех, кто эти технологии разрабатывает и внедряет, – от их профессиональной квалификации, вытекающей из специфики социогуманитарных технологий, от общей эрудиции. Специалисты, занятые разработкой и реализацией социогуманитарных технологий, должны владеть не только отдельными технологическими операциями, что бывает достаточным для технологов, занятых в промышленном производстве, а понимать весь технологический процесс от начала до конца и уметь управлять этим процессом, что требует знаний в самых разных областях.

В настоящее время сами социогуманитарные технологии стали предметом изучения различных научных дисциплин, таких как социология, психология,

политология, праксеология и др. Более того, сегодня происходит формирование отдельных отраслей научного знания, предметом которых являются технологии: технонаука, теория социальных технологий и др. Однако, как отмечает И. Т. Касавин, «социальные технологии до сих пор не составляют систематического и целенаправленного предмета исследования какой-либо научной дисциплины, их вовлечение в образование, социальное строительство и управление носит случайный характер. Отсутствие должной институционализации процессов исследования и разработки социальных технологий приводит к разрыву, который существует между социальными науками и практикой принятия крупных социально-политических решений. Последние остаются плохо подготовленными, подверженными групповым интересам, непрозрачными, несут в себе риск неэффективности и коррупции» [6, с. 10]. Поэтому поиски продолжаются, в русле которых обнаруживаются как ожидаемые, так и неожиданные тенденции. В частности, оригинальные явления и процессы связаны с развитием социогуманитарных технологий за счет их ментальных составляющих, выраженных в формах праксеологизации научного знания.

Социогуманитарные технологии всегда конкретны. Сегодня не существует универсальных социально-гуманитарных технологий, которые (как, например, в промышленности) можно позаимствовать и успешно применить без учета специфики конкретной социальной ситуации. Соответственно в проектировании названных технологий, регулирующих взаимодействие и поведение отдельных людей и социальных групп, наиболее трудным из вопросов представляется отыскание в социальной системе явно не выраженных общезначимых параметров, способных трансформировать привычный стереотип поведения. Они и определяют степень вероятности перехода к новому стереотипу поведения людей и состояния социальной группы. По определению эти параметры составляют потенциал для ассимиляции планируемых (проектируемых) социогуманитарных технологий, если они, во-первых, общезначимы или обладают достаточно высокой степенью (масштабом) значимости; во-вторых, если представляют собой более-менее надежный инструмент осуществления выбора варианта поведения в условиях неопределенности.

К важнейшим философско-методологическим основаниям общей схемы поиска общезначимых параметров социальной реальности следует отнести положения о роли когнитивного фактора в целом и когнитивной конструктивности. «Социальная жизнь, – поясняет фундаментальную значимость отмеченного фактора Д. Г. Подвойский, – складывающаяся из индивидуальных поступков и действий, формируется под влиянием коллективно разделяемых запасов знания, используемых членами общества при решении их разнообразных жизненных задач» [7, с. 179]. В полемическом ключе эти положения излагает Р. Коллинз: «Социальная реальность сомнительна, но парадоксальным образом в этом и состоит источник ее силы. Люди фундаментально консервативны не в политическом, а в когнитивном смысле, так как они интуитивно

чувствуют, что социальный мир – это набор произвольных конструкций, построенный над бездной. Эти конструкции занимают свое место, так как мы не ставили их под сомнение, и мы противимся самой постановке этих вопросов...» [8, с. 284].

К числу наиболее фундаментальных философско-методологических предпосылок анализа социальной реальности и соответственно форм праксеологизации научного знания при разработке социогуманитарных технологий относится также положение о доминантной роли практико-ориентированных сведений в коллективно разделяемых запасах знания. Поэтому в сферу когнитивного анализа должны быть включены знания, воспроизводящие мир повседневности, так как «в функциональном смысле такие знания, независимо от их “объективной истинности”, адекватности, способности что-то отражать или чему-то соответствовать, конструируют человеческий мир, поскольку фактически выступают для людей средством жизненной ориентации и организации их индивидуального и социального опыта» [7, с. 180].

Встает вопрос о том, насколько были готовы классическая эпистемология и цикл формирующихся социальных наук рефлексивно ассимилировать качественно новый очень пестрый когнитивный материал. В русле ответа на него следует подчеркнуть, что путь становления новой ветви эпистемологии и одновременно дисциплинарной организации социального познания может быть отмечен несколькими определяющими обстоятельствами. Во-первых, это и поныне не утратившая привлекательность имиджа естественнонаучной методологии. «Особым фактором в развитии социогуманитарных наук, – отмечает А. А. Аргамакова, – было то, что можно описать как процесс “догоняющего развития”. Суть его заключалась в подражании естественным наукам и желании уподобиться им в точности, предсказательной и объяснительной силе, а также практическом эффекте, что зачастую давалось с трудом и вызывало различные “комплексы” и “неврозы”, особенно ярко прослеживаемые на примере философии и ее сложных путей самоопределения, приводивших за последние несколько веков к многообразным вариантам научной философии» [9, с. 71–72]. Во-вторых, это трудности и тупиковые направления эволюции самого объекта подражания, то есть философии и методологии науки. В-третьих, это давняя интеллектуальная традиция и сопряженный с ней особый дискурс размышлений на социальные, социально-психологические и антропологические темы, значение которой, в частности, акцентирует Т. Портер. «Хотя до XIX века, – пишет он, – социальные дисциплины не сформировались, в Европе существовала давняя традиция размышлений и практик, связанных с политикой, благосостоянием, познанием, далекими народами и т. д. Многое из того, что мы называем “антропологией”, можно было найти в заметках путешественников и медицинских трактатах» [10, с. 14]. В-четвертых, в последнее время исследователи стали отмечать значение коммуникативных процессов, которые обеспечивали контакты теоретиков науки и практиков, и, в частности, роль так на-

зываемых коммуникативных площадок. Для естествоиспытателей таковыми были палуба корабля, аптека, типография, для социогуманитариев – литературные и политические салоны, научные кружки при библиотеках и частных домах, городские кафе и масонские ложи [10, с. 16].

В итоге развития названной формы коммуникации социальная наука получает мощный импульс для своей дальнейшей практико-ориентированной эволюции. «С конца XIX века, – констатирует А. А. Аргамасова, – появляются специализированные социально-гуманитарные лаборатории – консалтинговые фирмы, фабрики мысли, аналитические центры, экспертные советы, консультирующие бизнесменов, управленцев, политиков и общественных деятелей. На этих площадках теоретическое знание тесно переплетается с практическим знанием и практическими интересами общества и/или его конкретных представителей» [9, с. 71].

Практические интересы представителей социума в различных сферах его жизнедеятельности должны были получить выражение, коррелирующее по методологическим критериям с интенсивно развивающейся социальной наукой. На эмпирическом уровне формирующихся социальной, социально-гуманитарной технологий и социальной инженерии этот аспект их методологии (назовем его телеологическим) фиксировался в понятиях «потребность», «интерес», «цель», во многом заимствованных из политической экономии и психологии. На рубеже XX–XXI вв. стали активно использоваться понятия «социальный запрос» и «социальный заказ», достаточно определенно выражающие теоретические интенции работы с понятийным аппаратом названных областей исследования.

Когнитивный фон, на котором происходили процессы формирования названных и других понятий социального познания, в соответствии с ранее отмеченной интенцией на использование методологического потенциала естествознания был окрашен его тонами. Прежде всего это касалось присутствия и гносеологического статуса понятия «опыт» – привычного, генетически и системно фундаментального в естественнонаучной методологии. В социальном познании и его методологическом осмыслении – это, видимо, содержательно более богатое понятие, включающее наряду с совокупностью сведений об окружающей реальности и других людях также личностные эмоции, предпочтения, интенции и др., то есть содержание опыта здесь представлено совокупностью данных внешнего и внутреннего опыта.

Привлекательно (по меньшей мере оригинально) выглядит схема, основанная на понятии конкретной ситуации, в которой воплощены (организованы) данные внешнего и внутреннего опыта. «Каждая такая ситуация, – поясняет суть данного подхода Д. Г. Подвойский, – в своем роде уникальна и неповторима, но в то же время относительно типична. Актор пытается разрешить ситуации или вписаться в них с “успехом” для себя. Он более или менее активен, т. е. приспосабливается к окружающим условиям и одновременно преобразует их, стремится к удовлетворению потребностей, реализации интересов,

достижению целей, благ и ценностей разного рода, потенциально ориентирован на максимализацию удовлетворения / удовольствия / выгоды и минимизацию издержек / страдания / затрат, хотя и не всегда достаточно мотивирован и энергичен, чтобы “сворачивать горы”, добиваться желаемого результата любой ценой или с перенапряжением сил. Он более или менее рационален, более или менее информирован и осведомлен о сути дел, в которых участвует и о которых судит (но никогда не идеально). В общем он решает “по жизни” те или иные задачи, используя при этом в качестве инструментария наличный багаж собственных знаний» [7, с. 182–183].

В контексте целей нашего исследования теоретически одинаковое значение имеют оба измерения конкретной ситуации: и ее уникальность, и ее типичность. Однако в практическом плане (доминирующем в социально-гуманитарных технологиях) приоритет, очевидно, останется за первым измерением, поскольку необходимо «уловить» своеобразие сложившейся ситуации и разработать проект социально-гуманитарной технологии, которая оказалась бы эффективной в ее (сложившейся ситуации) условиях. Для чего в таком случае необходимо упражняться в теоретизировании, рассматривая механизмы типизации? Ответ довольно тривиален: для расширения внешнего опыта за счет ассимиляции содержания других конкретных ситуаций, в которых можно найти в большей или меньшей степени что-то обладающее постоянством и схожее с содержанием сложившейся интересующей исследователя данной конкретной ситуации.

Возникает естественный вопрос о том, как далеко может зайти и реально заходит процесс освоения и актуализации прошлого опыта в контексте проектирования социально-гуманитарных технологий.

В такого рода ситуациях наука проявляет здоровый консерватизм, базирующийся на системе ее рациональных предпосылок и ориентаций, которые, будучи реализованы в научном поиске, направленном, в частности, на рационализацию целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий, создают определенный уровень их наукоемкости как критерий и условие их эффективности.

Под наукоемкостью прикладной сферы понимается объем и интенсивность использования научных знаний для ее организации в структурно-функциональном и праксеологическом аспектах: селекции объекта и предмета, постановки целей и задач, создания (выбора) средств и методов деятельности, а также установления критериев оценки полученных результатов. Всем известно, например, ставшее привычным представление о том, что идеалом наукоемкости являются высокие технологии и их результат – наукоемкая продукция, а его антиподом – так называемые грязные технологии в идеологии, управлении, финансовой сфере, СМИ, рекламе и др. Оно (представление) достаточно определенно свидетельствует о том, что степень наукоемкости разрабатываемых и практикуемых социогуманитарных технологий как критерий их различия и отправная позиция дальнейшего анализа их трансформаций с учетом отмеченного различия не является надуманной.

Мы ограничимся анализом путей и способов использования научных знаний в одном из аспектов – постановке целей и задач проектирования социогуманитарных технологий в условиях конкретной проблемы. В соответствии с общим методологическим представлением о структурно-функциональных особенностях проблемы как формы поискового знания следует применить это представление к анализу самой проблемы. Это означает, что на начальном этапе проблемогенеза (в данном случае трудностей, возникающих на этапе целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий) предстоит осмыслить простую альтернативу: быть или не быть, создавать или не создавать эти технологии, если не понятно сохранять или изменять существующее положение дел, а события складываются так, что оно в определенный период времени само по себе существенно не изменится, устраивая при этом большинство заинтересованных сторон конкретного социума. Например, в Республике Беларусь сложилась (выработана) и практикуется избирательная система, не предусматривающая определяющей роли в ее функционировании политических партий. Как быть далее? Вопрос реальный и непростой. В народе еще одинаково ощутимо бытуют представления о партии как необходимой направляющей и организующей силе (опыт КПСС при этом оценивается как позитивный), об опасности превращения правящей партии в условиях однопартийной системы в организацию в чем-то более близкую средневековому ордену, нежели современному политическому институту (негативный пример тот же, то есть КПСС), о малопонятной социальной ангажированности определенного количества партий, существующих, но не имеющих заметного влияния на политическую жизнь в стране, а также мечта о совершенной партийной системе. Более прозрачной может быть ситуация в других сферах жизнедеятельности социума, в их конкретных областях (отраслях), на конкретных предприятиях, фирмах, в конкретных учреждениях.

Степень наукоемкости сферы, относительно которой ставится цель изучить механизмы рационализации целеполагания в проектировании для нее социогуманитарных технологий, разумеется, должна быть представлена в градуированных единицах. Сделать это весьма затруднительно. Поэтому для начала есть смысл обойтись бинарной схемой оценки, а именно определять статус научного знания в названных процессах как доминантного или сопутствующего фактора. Это сугубо качественный критерий, но в этом нет ничего предосудительного. Вспомним, что в естественнонаучных исследованиях и даже при проектировании технических устройств для описания хода работы пользовались качественными понятиями: «сильный», «слабый» огонь; «большой», «малый» вес; «большая», «малая» сила; «быстрый», «медленный» процесс и др.

Разумеется, при использовании предложенного критерия общая картина получается очень пестрая, но достаточно близкая к тому, что ожидается и воспроизводится на уровне здравого смысла. Доминантным фактором научное знание окажется в процессах рационализации целеполагания в природоохране,

оборонной сфере, здравоохранении, производстве, сфере управления и обслуживания (транспорт, связь, энергетика). Достаточно отчетливо выраженный статус сопутствующего фактора оно имеет в искусстве и в художественной культуре в целом, а также в культовой деятельности. То же самое, видимо, следует сказать о сферах политических, правовых, идеологических и этических отношений, хотя начиная с эпохи Просвещения здесь постоянно прикладываются усилия, направленные на «онаучивание» названных сфер.

Более точные критерии связаны со способами сопряжения научного знания, используемого для рационализации целеполагания при разработке социогуманитарных технологий, во-первых, с практическими (прагматическими) ориентациями актора (заказчика, субъекта) и реципиента (потребителя, объекта); во-вторых, с их ценностными (аксиологическими) ориентациями.

Соответственно открывается возможность проводить дальнейший анализ роли научного знания как фактора рационализации целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий в контексте своего рода аспектной матрицы, включающей представления о субъекте (акторе) и объекте (реципиенте) анализируемых технологий, их практических (прагматических) и ценностных (аксиологических) ориентациях, когнитивных и внекогнитивных, научных и вненаучных ресурсах телеологического выбора в конкретной ситуации.

В рамках рефлексивного осмысления процесса проектирования социогуманитарных технологий следует провести уточняющие коррекции статусов социально взаимодействующих субъектов. Первая коррекция, связанная с осмыслением причин, вызывающих необходимость разработки (проектирования) данных технологий, означает квалификацию субъектов из окружения доминирующего носителя социальной активности (актора) как объекта направленной деятельности последнего. Вторая – с квалификациями участников социального взаимодействия соответственно как заказчика-разработчика и потребителя социально-гуманитарных технологий. Если квалификация актора (доминирующего носителя социальной активности) как заказчика-разработчика логически прозрачна, поскольку оба они могут совмещаться в одном лице, то объект воздействия как потребитель социогуманитарных технологий вряд ли может претендовать на исключительность в этом качестве. Потребителем социогуманитарных технологий практически в той же мере является и актор (доминирующий носитель социальной активности), особенно в тех случаях, когда он выступает в роли заказчика, не включающего себя в творческую и тем более рутинную работу.

Изложенные представления о метаморфозах в статусе доминирующего носителя социальной активности и партнеров из его социального окружения задают определенный контекст анализа целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий, а именно сеть взаимопересекающихся (в идеале взаимосогласованных) потребностей, интересов, желаний обеих сторон. Разумеется, сфера взаимосогласованных целевых интенций – это лишь определенная

часть каждой из них, за пределами которой лежит более широкая сфера конкретных жизненных ориентаций. Однако эта общая часть должна быть квалифицирована как необходимая, точнее, как фундаментальное основание целевых ориентаций проектируемых социально-гуманитарных технологий. Соответственно, дальнейшая аналитическая работа по изучению целеполагания в сфере социогуманитарных технологий и его рационализации сопряжена с изучением факторов, детерминирующих как процесс целеполагания в заданном контексте в целом, так и его рационализацию.

Целеполагание (телеологизация) социогуманитарных технологий на первый взгляд представляется самоочевидным процессом, общая картина которого достаточно четко определяется позицией актора (доминирующего носителя социальной активности). Он индуцирует (инициирует, затевает) сам процесс, которому предшествует вполне четкий замысел: решить проблемы, связанные с обеспечением текущих интересов по определенным параметрам, создать надежную основу для чего-то подобного и в целом для поддержания своего социального статуса на перспективу (ближайшую и в той или иной мере отдаленную), используя при этом данные прошлого успешного опыта в типичных социальных ситуациях.

Однако здесь же начинаются и существенные трудности, поскольку, с одной стороны, актуально сложившаяся конкретная ситуация может оказаться нетипичной, наполненной малопонятным содержательным своеобразием природного, социального, социально-психологического и сферного своеобразия (перечень можно продолжать). С другой стороны, ее содержательное своеобразие может проявиться и в новых возможностях (информационных, технических, управленческих и др.), то есть в ряде позитивных, благоприятствующих обстоятельств, также не ассимилированных прошлым опытом.

Видимо, первая сторона (измерение) конкретной ситуации в большей степени озадачивает актора (доминирующего носителя социальной активности), вторая – потребителя, вместе с тем оба они оказываются перед неопределенностью в выборе путей и средств реализации собственных целевых интенций. Для актора она снимается посредством выбора целей. Для реципиента (потребителя) одним из средств преодоления неопределенности являются предлагаемые социогуманитарные технологии, в которых содержится «настоятельная подсказка» относительно ориентации на их использование, то есть на определенный выбор путей достижения собственных целей и одновременно целей актора (доминирующего носителя социальной активности).

Такого рода сценарий событий будет возможным, разумеется, только в том случае, когда цели партнеров по социальному взаимодействию (актора и реципиента) окажутся не только сопоставимыми, но и в определенной степени совпадающими. Степень их совпадения является главным условием успешности (эффективности) проектируемых социогуманитарных технологий. Вывод – на первый взгляд, лежащий на поверхности. Но, заметим, относительно тех

целевых ориентаций (потребностей, интересов и желаний), которые естественным образом могут быть объединены общими ценностями и ценностными установками: на обеспечение безопасности, устойчивости, поддержание социальной ответственности, экономии и эффективного (рачительного) использования ресурсов и др., то есть в русле того фактора, который в когнитивной карте квалифицирован как ценностные ориентации. Вместе с тем не стоит ожидать, что общая картина при отмеченном совпадении будет окрашена в радужные тона. В конкретной ситуации всегда найдутся скептики, «негоцианты», оппозиционеры маловнятной ориентации, то есть носители несовпадающих и даже несовместимых ценностей. Это отдельная тема, указывающая на невозможность исчерпывающего решения проблемы рационализации целеполагания при разработке социогуманитарных технологий преимущественно за счет использования ценностного фактора.

Как ни прискорбно, но благоприятные возможности еще более ограничиваются в русле фактора, квалифицируемого в когнитивной карте как «практические ориентации». Несмотря на своего рода взаимодополнительность, в конкретном социуме актор и реципиент все же дифференцируются в нем не на основе специфических ориентаций, выделяемых исключительно в русле общесоциальных интересов. Каждый из них явно демонстрирует приверженность своим интересам, не всегда соответствующим их социальному положению и определенным функциям в конкретной социальной системе, более или менее внятно строит свои претенциозные представления относительно всего этого на перспективу, то есть механизм действия прагматических ориентаций во многом осложняется тем, что они нередко выходят по своему содержанию, явным интенциям и предполагаемым ресурсам реализации за пределы данного конкретного социума. Примеры что ни на есть житейские: производственные контакты и альянсы по поводу сырья для ремесел и далее промышленности, агропроизводства, сбыта продукции и оказания услуг на соответствующих рынках в «мирном секторе»; подготовка к войнам, ведение войн, послевоенное восстановление и далее по новому циклу в «оборонном секторе». Названные прагматические ориентации прошли долгую историю (в целом соизмеримую с историей человеческого сообщества). В ней имело место различное отношение к этим ориентациям: молчаливое понимание необходимости такого рода контактов, их настоятельное развитие, квалификация как компрадорской активности с малопонятными последствиями в «мирном секторе»; военные союзы, военные действия в составе союзов, послевоенные переделы территорий и хозяйственных ресурсов в «оборонном секторе». Все это, разумеется, не остается бесследным в собственном социуме и прагматических ориентациях его участников (членов).

В конкретной ситуации это означает необходимость для потребителя социогуманитарных технологий для начала просто знать об их существовании как особом типе организации поведения социальных групп, развивать в себе

способность видеть следы их использования, казалось бы, в неожиданных сферах и ситуациях и далее учиться прочитывать содержание их телеологической составляющей.

Не следует расценивать отмеченные установки как благостные пожелания кабинетного аналитика, поскольку процесс их реализации в настоящее время принял достаточно развитые формы. Более того, можно отметить ряд казусных случаев, когда потребитель намного компетентнее и в целом умнее разработчика социогуманитарных технологий, как и 100 лет тому назад рассчитывающего видеть в реципиенте мало осведомленного человека с общим уровнем развития ниже среднего. Похоже, устойчиво лидируют в этом плане разработчики рекламы и идеологи «здорового образа жизни».

В проектировании социогуманитарных технологий целеполагание оказывается наиболее интеллектоемкой составляющей работы. С одной стороны, здесь необходимо последовательно провести и далее реализовать интересы актора (доминирующего носителя социальной активности), с другой – достаточно полно выявить и взвешенно оценить интересы реципиента (потребителя), их градацию и возможную динамику в сложившейся конкретной ситуации. Очевидно, для этого необходим мощный когнитивный ресурс, часть которого содержится в индивидуальном сознании каждого человека и принятых в социуме представлениях о когнитивных основаниях телеологизации в любой из сфер его жизнедеятельности. Это прежде всего мировоззренческие представления о мироустройстве и возможностях его изменения, а также определенное содержание рационального базиса науки, которое проникает в общественное сознание в процессе взаимодействия науки с другими формами общественного сознания. Тем не менее этой части для рационализации целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий недостаточно. Необходимы более детальные представления о конкретной ситуации и самих носителях социальной активности, в данном случае об акторах и реципиентах социогуманитарных технологий.

Такого рода сведения в их основном объеме можно получить не иначе, как изучая конкретную сферу жизнедеятельности социума. Ее связи с другими сферами здесь подлежат исследованию в той мере, в какой это необходимо для работы в первом плане (иначе все это приведет к размыванию предмета исследования, «уведет в сторону», вызовет малооправданные затраты исследовательских ресурсов, хотя теоретически всегда будем оправданным) [11]. Центральным аспектом в любом случае остаются ситуации неопределенности, характерные в сложившихся обстоятельствах как для актора, так и реципиентов социогуманитарных технологий. Отмеченный аспект объединяет конкретные сферы, фиксируя общую характеристику исходных условий: недостаток знаний, во-первых, о конкретных параметрах ситуации в целом и, во-вторых, знаний, фундирующих параметры собственной активности актора (доминирующего носителя социальной активности) и его реципиентного окружения.

Успешный поиск практико-ориентированных знаний в столь широком предметном поле, на наш взгляд, может быть обеспечен на основе принципов ограничения и конкретизации знания, предложенных Б. Г. Юдиным [12] и другими исследователями. Во-первых, данные принципы регулируют способ представленности человека в технологической системе, а именно репрезентирование его посредством ограниченной совокупности качеств (связей, отношений), которыми никогда не исчерпывается конкретный человек.

Во-вторых, столь же определенно названными принципами регламентируется когнитивная репрезентация целостной конкретной ситуации и технологической системы, в которые включен человек. Общая картина при этом квалифицируется как напряженная и, казалось бы, малоперспективная в русле прогрессирующей динамики жизнедеятельности социума, но вполне реалистичная и мобилизирующая на дальнейшую творческую работу. Именно идея контроля и манипулирования, резюмирует онтологические аспекты действия названных принципов в проектировании социогуманитарных технологий А. С. Игнатенко, лежит в основе любой технологии, а социальная технология – это совокупность приемов контроля и манипулирования социальными процессами. Но для того чтобы такой контроль и управление были в принципе возможны, объект должен быть подобен механизму, т. е. его состояние в любой момент должно определяться начальными состояниями, что в свою очередь требует такой характеристики, как непрерывность; плюс нам должны быть известны принципы, по которым протекают изменения в системе, т. е. эти принципы должны быть неизменными. В противном случае, если законы функционирования системы меняются, как это происходит в эволюционирующей системе, мы всегда обречены на роль догоняющих, система всегда будет на шаг впереди.

Вывод, напрашивающийся из последней мысли, весьма тревожен: чтобы конструировать систему полностью, необходимо вызвать ее стагнацию, не допускать ее развития. Попытка повысить степень управляемости живой системы приводит к ее омертвлению; для этого необходимо предельно упростить отношения внутри социальной системы, свести их к нескольким, обязательным для всех членов общества [13].

Парадокс познавательной ситуации в том, что воспроизведенная схема ограничения и конкретизации знания в проектировании социогуманитарных технологий практикуется (а иного варианта не дано) и для развивающихся (эволюционирующих) объектов. Их конструктивно задаваемые параметры и представления о механизмах эволюции в большей или меньшей степени будут соответствовать характеристикам идеализированного, усредненного человека, включаемого в такого рода технологии, но никогда не представят о нем исчерпывающей информации как об «эмпирическом», то есть реально существующем человеке. Аналогично и относительно других (онтологических) компонентов проектируемой системы. Вопрос в том, насколько близко ее научное понимание создателями определенной социогуманитарной технологии корре-

лирует с компонентами конкретной ситуации, а также с динамикой ценностных ориентаций объектов воздействия, мотивов и целей социальных акторов. С учетом сведений, содержащихся в использованной нами литературе, общая картина, воспроизводящая когнитивные механизмы праксеологизации научного знания при разработке социогуманитарных технологий, выглядит следующим образом.

В предложенной когнитивной карте анализа научного знания как фактора рационализации целеполагания в проектировании социогуманитарных технологий оно – одна из детерминант этого процесса, причем согласно внешней последовательности их действия далеко не первая. Поэтому в конкретной ситуации, наполненной когнитивным содержанием научного и вненаучного характера, а также ценностными и прагматическими компонентами, предстоит, используя научный инструментарий, достаточно определенно фрагментировать ее ключевые компоненты (каждый из них в принципе доступен научному анализу). Это исходный процессуальный элемент механизма праксеологизации научного знания в проектировании социогуманитарных технологий. Назовем его фрагментирующей праксеологизацией научного знания.

Далее необходимо осуществить целенаправленную холизацию (объединение) таким способом «онаученных» компонентов. Это достигается в русле еще одного естественно оправданного канала праксеологизации научного знания в проектировании социогуманитарных технологий. Назовем его континуализирующей праксеологизацией научного знания, поскольку в итоге усилий в этом плане создается совокупность непрерывных связей между фрагментированными компонентами конкретной ситуации, неповторимая в условиях иной внешне сходной ситуации.

Названные процессуальные элементы механизма праксеологизации научного знания в социогуманитарных технологиях должны быть дополнены новыми элементами, функционирующими на стадиях разработки средств названных технологий и контроля их эффективности. На этих стадиях не менее напряженно проявится конкуренция научного и вненаучного знания, расширение сферы грязных технологий за счет их мимикрии под гуманные ценности, дальнейшие попытки вытеснения технологий, направленных на утилитарные потребности людей, технологиями по производству новых потребностей. Если не остановить, то, по меньшей мере, ограничить попытки реализовать намечающуюся дурную бесконечность, на наш взгляд, возможно, если последовательно наращивать при разработке социогуманитарных технологий усилия по праксеологизации научного знания.

Список использованных источников

1. Гуманитарное знание и социальные технологии (материалы «конференции – круглого стола») // *Вопр. философии.* – 2013. – № 9. – С. 3–30.
2. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.

3. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349, [3] с. – (Philosophy).
4. Запесоцкий, А. П. Философия образования и проблемы современных реформ / А. П. Запесоцкий // *Вопр. философии*. – 2013. – № 1. – С. 24–35.
5. Как создают имидж популярных «звезд»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.madamam.ru/blog/kak-sozdayut-imidzh-populyarnykh-zvezd> – Дата доступа : 06.12.2018.
6. Касавин, И. Т. Социальные технологии и научное знание / И. Т. Касавин // *Эпистемология и философия науки*. – 2010. – Т. 26, № 4. – С. 5–15.
7. Подвойский, Д. Г. Мир повседневности и «аксиомы» практического сознания: социально-теоретические пролегомены / Д. Г. Подвойский // *Эпистемология и философия науки*. – 2016. – Т. 49, № 3. – С. 178–197.
8. Коллинз, Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. – М. : Территория будущего, 2009. – 320 с.
9. Аргамасова, А. А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия / А. А. Аргамасова // *Философия и методология науки*. – 2015. – Т. 46, № 4. – С. 70–84.
10. Porter, T. M. Genres and Objects of Social Inquiry, From the Englightshtenment to 1890 / T. M. Porter // *The Cambridge History of Sciences*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. – P. 13–39.
11. Бузовский, И. И. Методологические основы социологического изучения ситуации в обществе / И. И. Бузовский // *Социология*. – 2016. – № 4. – С. 52–58.
12. Юдин, Б. Г. Социальные технологии, их производство и потребление / Б. Г. Юдин // *Эпистемология и философия науки*. – 2012. – Т. 31, № 1. – С. 55–63.
13. Игнатенко, А. С. Технологизм, технократизм, тоталитаризация. К критике механистической парадигмы / А. С. Игнатенко // *Эпистемология и философия науки*. – 2012. – Т. 31, № 1. – С. 73–79.

П. В. Кикель¹, Э. М. Сороко²

¹Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук, Минск, Беларусь

УЗЛОВАЯ ЛИНИЯ МЕР, СТАНОВЛЕНИЕ КАЧЕСТВА СЛОЖНЫХ СИСТЕМ И ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТИМ ПРОЦЕССОМ

Основной принцип диалектики суть раздвоение единого и познание его противоречивых сторон. И, напротив, познанию подлежат принципы и законы формирования интегральной меры, «предустановленной гармонии» (Г. Лейбниц). Управление такого рода процессом осуществляется на основе меры и закона ее развития, что в философской литературе не нашло пока достойного отображения. Данная статья ориентирована на частичное восполнение дефицита таких знаний, ибо в том заключен крупнейший изъян классической системы образования.

Ключевые слова: мера, закон развития меры, информация как ограниченное разнообразие, гармония, креативный потенциал человека

P. Kikel¹, E. Soroko²

¹Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, Minsk, Belarus

NODE LINE OF MEASURES, FORMATION OF QUALITY OF COMPLEX SYSTEMS AND FEATURES OF MANAGEMENT OF THIS PROCESS

The basic principle of dialectics is the split of the single and the knowledge of its contradictory sides. On the contrary, the principles and laws of formation of the integrated measure, "pre-established harmony" (G. Leibniz). The management of this kind of process is carried out on the base of the measure and the law of its development, which has not been adequately reflected in philosophical literature so far. This article is focused on partial replenishment of the deficit of such knowledge, because this is the biggest flaw of the classical education system.

Keywords: measure, law of development of measure, information as limited diversity, harmony, creative potential of a person

Сопоставимы ли анализ и синтез в процессах познания сущности вещей?

Классическая система образования развивалась на ценностях рационалистического толка и соответствующего им мировоззрения. Логический аналитизм был в нем собирающим, организующим, ведущим центром. Логикоцентризм, рационализм, детерминизм, как показала наука и культура прошлого столетия, исчерпали свой потенциал, породив кризисную ситуацию в познании и освоении

мира с активизацией вывода истин на основе детерминизма, цепи необходимости. Нобелевский лауреат Илья Пригожин уподобил детерминизм карикатуре на науку. Эту ситуацию задолго до него предвидели крупнейшие умы человечества. Еще В. Шекспир провозгласил: «Сведи к необходимым всю жизнь, и человек сравняется с животным» [1, с. 489], или, добавили бы мы сегодня «с машиной».

Что есть логика как не последовательность необходимостей? Основу логического анализа составляет картезианский метод разбиения сложного целого на части и исследования каждой из них по отдельности. Но уже Г.-В.-Ф. Гегель вынес ему приговор: сложные целостности, организмы этому пути познания недоступны, ибо «части лишь у трупов». А еще ранее И. Кант подчеркивал, что анализ не дает знания, знание дает синтез. «Наши представления должны быть уже даны раньше всякого анализа их, и ни одно понятие не может по содержанию возникнуть аналитически. Синтез многообразного (будь оно дано эмпирически или а priori) порождает прежде всего знание, которое первоначально может быть еще грубым и неясным и потому нуждается в анализе; тем не менее именно синтез есть то, что, собственно, составляет из элементов знание и объединяет их в определенное содержание. Поэтому синтез есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении наших знаний» [2, с. 85]. И потому в некоторых энциклопедиях ныне методы анализа называют не иначе, как методы разрушения, а само время его господства в науке называют по Екклесиасту «временем разбрасывания камней». Что же идет ему на смену, чтобы снять возникшую и прогрессирующую во многих сферах общества кризисную ситуацию, порожденную рационализмом, аналитикой и детерминизмом? На смену идут методы освоения сложности без разрушения ее. Пользуясь той же метафорой можно сказать, что наступает «время собирать камни», то есть организовывать и воспроизводить целостность, выражая ее состояния средствами синтеза и различных интегральных характеристик и мер. На смену односторонне подготовленному, одномерному человеку [3] грядет человек гармонично развитый, целостный, с многомерным внутренним миром, но главное – человек творческий [4].

Соответствующим образом трансформируется и мировоззрение человека: возрастает вес гуманистических и эколого-гармонистических идей и ценностей, где доминанты меры, синергии, целостности, единства обретают самодовлеющий характер. И поэтому постановка сегодняшнего образования должна быть ориентирована на его адекватность будущей мировой ситуации, на те плоды, которые оно будет приносить в ближайшей и среднесрочной перспективе. А именно: системность, самоорганизация, самосознание, синергизм и гармонизм, как представляется, образуют ценностное ядро, основу новой системы образования. Обращаясь к древнегреческому миру, где высочайших высот достигла культура, и задаваясь вопросом, на основе чего это произошло, многие исследователи находят однозначный ответ: на канонах меры во всех жизнепроявлениях

общества [5]. Выстраивая логику закона развития меры, Г.-В.-Ф. Гегель отмечает, что «развитие меры... есть один из самых трудных предметов рассмотрения» [6, с. 422].

«Ничего сверх меры», «Человек есть мера всех вещей...» – эти и другие подобные тезисы служили императивами общественного бытия тех времен. «*Est modus in rebus*» («Есть мера в вещах»), – вторили грекам латиняне. Человек в те времена обретал свою сущность в совокупности четырех узловых аспектов, или отношений, поскольку тетрада была универсальным конфигуратором во всем социальном пространстве, что прекрасно отражено в мировоззрении пифагорейцев, Аристотеля и других мыслителей. Разум, чувства, вера и воля – таковы были четыре координаты воспитания гармоничного человека, и возводились они в нем неотделимо друг от друга, синкретично, что вполне осознанно регулировалось и управлялось, достигая гармонического единства. Для правителей древних полисов стало обычным делом раздавать людям деньги для посещения театров, в школах значительное место отводилось «мусическим искусствам», ибо музыка и космос составляли в философии тех времен одно нераздельное целое. К примеру, греческая философия, греческая трагедия и комедия, греческая архитектура малых форм и греческая скульптура, греческая традиция проведения олимпиад, насчитывающая много столетий, в качестве образцов стали достоянием и системным корректором современного общества.

В современном обществе есть учреждения, в которых происходит становление и коррекция разума учащихся. Это – университеты и профильные институты. К сожалению, во многих случаях программы составлены так, что упор делается на производство знаний, а не умений. Между тем, как отметил еще Г.-В.-Ф. Гегель, всякая теория «резюмируется в методе», а метод и есть средство активного освоения и преобразования мира, тогда как знания представляют собой всего-навсего лишь пассивный багаж, или груз, складываемый в памяти учащегося, как в книжном шкафу. И потому этот багаж сам по себе лишен той активности, которая должна всегда сопровождать его, быть в сопряжении с ним, проявляться в качестве его существенного атрибута, присутствовать в нем имманентно и выказывать стремление к актуализации в практике, чего почти никогда не наблюдается в действительности.

Так, сегодня запущен в оборот тезис, суть которого в том, что выпускники вузов должны быть в первую очередь исполнителями, а не творцами. Это рудимент архаической линии, проводимой церковью, религиозными структурами, согласно которым человек – раб божий, тогда как в действительности, что также утверждается религией, будучи созданным по образу и подобию Божьему, человек должен быть в первую очередь творцом. Но реальность такова, что как творец он удушен, отлучен от Бога, каждодневно «варясь» в однообразии. Что же гармоничное и прекрасное он может создать там, где разнообразие отсутствует? «Мы соработник (*συνεργός*) Бога», – объявил апостол Павел в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор. 3 : 9). П. А. Флоренский, следуя апостолу Павлу,

трактовал термин синергей как со-работничество и отслеживал его, восходя к текстам Гомера [7, с. 401–402]. В природе человека заложено, как считают иерархи православия, что «он стремится к совершенству, к которому призывает его Бог», причем «богословие делает акцент на целостности человеческого существа, на единстве в нем психической и биологической жизни» [8, с. 9]. Как пишет Аристотель в «Большой Этике» о связи счастья и случайной удачи, последняя «должна быть сотрудницей (synergos) счастья» (1207 b18). Таким образом, синергия – это сотворчество не только человека и Бога, но и человека с человеком, человека с Природой [9; 10] при безусловной центрированности на обретении им гармонии и меры.

Одного восточного мудреца спросили, какое из своих достижений он считает самым выдающимся. И он ответил: «То, что я сохранил свою целостность». А сделать это можно лишь при сохранении определенного уровня внутриличностного разнообразия, достаточного множества степеней свободы. Фактор структурного разнообразия систем сегодня становится тем третьим, дополняющим материю и идею (сознание) началом, которое наряду с ними определяет все – весь мир в целом, всю его организацию в глобальном и локальных масштабах. Ограниченное разнообразие, как показали Н. Винер и У.-Р. Эшби, тождественно структурной информации систем, тогда как функциональная информация есть сведения, передаваемые по каналам связи и управления, то есть снятая неопределенность. Высочайшая значимость фактора ограниченного разнообразия в строении систем стала осознаваться в век информации, а до того ему не придавали столь фундаментального значения, как он проявляется в процессах самоорганизации и системогенеза.

«Сущее не делится на разум без остатка», – говорил Гете. И потому гармонизация, а не материализация (построение насквозь меркантильного, грубо-прагматичного, сугубо потребительского общества как «царства материального достатка») и не идеализация (построение общества мифов, фантомов, царства фанатиков ангажированной религией или «научными ортодоксами» *idée fixe*) есть сегодня безусловный социальный приоритет, основа процесса созидания культуры. И в том состоит третий, истинный путь человечества, ибо зиждется он на таких атрибутах человека, которые в единстве образуют фундамент его духовной гармонии – на разуме, чувстве, вере и воле, тем самым гарантируя и обеспечивая главный продукт социогенеза – целостность человека, а не его частичность, односторонность, одномерность, сопричастные перерождению его в простую автоматическую функцию обслуживания государственной машины. Сохраняя свою целостность и достигая полноты становления личностных атрибутов, человек может и должен быть движим к обретению гармонии, ибо всякая эволюция есть стремление к гармонии [11].

Философия синергетики в ее социальной трактовке есть философия общего дела. Законы гармонии, следовательно, выдвигаются на первый план и подле-

жат изучению, освоению в школах всех ступеней на том основании, что наука гармонии и гармонизации различного рода материала, систем, множеств, ансамблей должна войти в базис элементов современной культуры, став доступной операциональному оформлению. Последнее важно в том смысле, что знаниями о мере, гармонии, синергии сегодня нужно уметь пользоваться всякому грамотному человеку во всех родах и видах деятельности. Синергийность – это со-творчество, со-трудничество, со-участие, причем наиболее высокая эффективность этого со-действия получается при соблюдении определенных внутренних различий в ансамбле сообщающихся людей, образующих кооперативное целое, единство, при определенном разнообразии, в меру удаленном от состояния максимума (максимальное разнообразие) и от состояния минимума (однообразие). Проблема лишь в том, как найти этот обеспечивающий высокие функциональные возможности оптимум разнообразия, тождественный гармонии. И потому именно метод, развитие творческого начала должны стать главным ориентиром образовательных пространств, которые тоже надо учиться создавать целевым образом [12, с. 156–160], учитывая, что под пространством принято понимать «множество параллельных рядов событий» [13, с. 136].

Ответом на вызовы времени стал новый градиент устремленности современного общества на формирование нового экономического уклада, «креативной индустрии» [14], где первой созидательной силой становится новый, креативный класс [4], творцы-новаторы во всех сферах общественной жизни и общественного производства. Именно они, представители этого класса, и становятся двигателем научно-технического прогресса, творцами новой культуры во всех жизненно важных сферах социально-экономического созидания. Но для того чтобы этот класс поднялся и стал действенным, необходимо интенсивно возвращать в молодых людях целеустремленность и самосознание. Если оставить в стороне многочисленные и, даже можно сказать, системные, компилятивно предопределенные невежественные искажения марксистского учения, имевшие место быть в СССР, и углубиться в подлинные идеи творцов теории научного социализма и коммунизма, то обнаружим, что отнюдь не формы собственности, а именно позитивное самосознание человека К. Маркс отождествлял с подлинным социализмом. Устремленный человек – единственно возможный человек, ибо, говоря словами Г.-В.-Ф. Гегеля, «индивиды... значительны и выделяются, если они своей индивидуальностью выявляют всеобщие цели... они незначительны, если не доросли до осуществления этих целей; они дурны, если вместо того, чтобы служить делу эпохи, они отдаются власти своей индивидуальности, оторванной от этого дела и благодаря этому случайной» [15, с. 182]. «Отдаваться власти своей индивидуальности», не чувствуя вызовов времени, не «служа делу эпохи», – разве не актуально это высказывание великого немца и для наших дней?

Узловая линия меры – разновидность стоячей волны вероятности

Рассматривая действие закона развития меры в пространстве бинарной оппозиции (а исследование этого закона, согласно Гегелю, есть наиболее трудный предмет познания), на основе развертки гегелевской идеи «узловой линии мер» (ее можно трактовать в качестве стоячей волны вероятности) нами был открыт закон строения пространства бинарной оппозиции. В сущности это пространство есть стоячая волна, образованная нелинейно сгущающейся к флангам последовательностью «выпуклостей» и «впадин» – центров соединения (собираения, аттракции, стягивания, смыкания, притяжения) и разъединения (разбегания, дистракции, отталкивания, размыкания, отчуждения друг от друга) компаративных или находящихся в противоречии друг с другом компонентов, противоположных членов отношения, сторон бинарной оппозиции, противостоящих друг другу полярностей, способных быть в мере, которая по определению обладает качеством своего рода арбитра, то есть по природе своей наделена потенцией примирения, умирения, соизмерения, успокоения, уравнивания, согласования их в синергии. Но они, эти противоположности, могут также, и даже гораздо больше, выказывать тяготение к раздельному, автономному существованию, не обрета достаточных оснований для проявления сродства (со-родства), для уподобления друг другу, не находить в себе сил и возможностей для преодоления разделяющего их пространства, но, напротив, демонстрировать устремленность к сохранению своей индивидуальной самоценности и уединенности. Словом, предпочесть не преодолевать разделяющий их барьер, и не выказывать к этому должной устремленности, а напротив, обладая потребными свойствами индивидуальной энергетической насыщенности и имея силы для независимого существования, отличаясь самодостаточностью, пребывать в безмерии, в антагонизме, в несогласованности и несоизмеримости.

Стоячие волны, как известно, не являются переносчиками энергии, которая может лишь локально преобразовываться и циркулировать в замкнутом пространстве, стягиваясь к островкам («узлам»), где господствует мера. Ранее мы уже показали, как этого достичь [16–18]. Были разработаны и соответствующие методы, в частности метод интегральных характеристик структурированного целого как ансамбля, и открыты инварианты, узлы меры, составляющие опорные точки этих характеристик, – обобщенные золотые сечения: 0,5...; 0,618...; 0,682... Им соответствуют гармоничные состояния распределений и структурированных систем; метчиками и индикаторами дисгармонии служат расположенные между ними на узловой линии мер репеллеры (дистракторы): 0,570...; 0,654...; 0,705... Относительная энтропия, принимая такие значения, свидетельствует о воцарившемся в лоне системы хаосе, безмерии, несвязанности ее структурных составляющих, которые существуют сами по себе, не образуя целостности. Субстрат (материал) систем не играет при этом ни-

какой роли: поле действия этого закона организации системы предельно широко. Относительная энтропия, будучи исчисленной для структуры некой системы и обнаруживающая тяготение к одному из чисел первого ряда, говорит о том, что эта система приближается к состоянию структурной гармонии, а значит, и к наиболее высокому возможному качеству своего функционирования. И напротив: равная одному из антиузлов, она свидетельствует о структурной дисгармонии, а значит, и об отсутствии системного качества структурированного целого.

Сегодня уже можно сказать, что данный принцип в своем содержательно-семантическом статусе обладает гораздо более широким диапазоном действия, нежели доселе могло казаться, ибо ничем не выказывает своей сугубой специфичности в живописи и на ее разнородном материале, или где бы то ни было еще, так же и столь же в исключительно специфицирующем действии. Напротив, он может быть признан истинным также и во всех других видах искусства – от музыки и архитектуры до литературы и кино. И не только искусства, но и практики в целом как искусства: программирование, проектирование, структурирование деятельности. Ведь по большому счету стремление к созданию гармоничной целостности, когда разрозненные детали, профили, жесты, фигуры, взгляды, оттенки, линии, планы, гармонизуясь в своем «организмическом множестве», движимые всеобщими принципами подчиняются интегральному началу, поскольку лишь тогда можно достичь приводимости их к формированию системного качества, когда они, говоря словами Г.-В.-Ф. Гегеля, смыкаются в мере. Лишь таким путем, через выведение интегративных характеристик, через гармоничный синтез многообразного, возможно достичь достоверности образа, прийти к подлинному отображению реальности.

Когнитивный потенциал субъекта, ищущего истину, инноватора

Консервация образования сегодня становится тормозом прогресса. Его необходимо сделать максимально открытой системой, обогащать методами трансдисциплинарного синтеза, с одной стороны, а с другой – узко-предметным разнообразием на почве самоорганизационно, «вживую» прорастающих инновационных инициатив, новых идей, нетрадиционных проектов, методологии ТРИЗ, чтобы превратить в открытую динамическую систему, способную быть чувствительной к трансформации когнитивного фактора. Последний желательно поставить на такие основания, где учащимися была бы легко изъявлена и востребована готовность реализовывать свой креативный потенциал в условиях постоянных изменений («образование через действие», через конкуренцию идей, творческий поиск, диалог, в котором рождается истина, и через совместное, синергичное усилие – методом мозгового штурма).

Обучать учащихся быть творцами, а не пассивными потребителями информации, омертвевших знаний – в этом сегодня новая благородная миссия школы.

Учить молодого человека поддерживать прорастание в нем характера, самосознания, самодисциплины, самоконтроля, а порой и жесткого самотренажа (область, совершенно отсутствующая в нашей системе воспитания у учащихся воли), учить их выявлять в себе когнитивную доминанту, объемлемую средними классами, или группами интересов, и мельчайшими группами («хвост»), обладающими, несмотря на свой малый масштаб, ферментативным действием в интеллектогенезе. Учить каждого выделять и распознавать в себе спецификацию и направленность способностей, которые, будучи доминантными, должны сопрягаться с другими сторонами личности и ее дара прозревать сущность вещей. Тем самым определять типаж человека – рациональный тип, чувственный, волевой и пр., судя по преобладанию в человеке той или иной компоненты его интеллекта, которую и следует развивать концентрированным воздействием и созданием должных условий. Равенства способностей ко всему быть не может, и тот директор школы не на уровне, который ставит задачи каждому учиться так, чтобы по всем предметам получать высший балл: во всеобщем плане, в массовом порядке это противоестественно и потому без перегибов и извращений недостижимо. Сложное исследовать не разбиением на части, не разложением на более простые составляющие, а интегративно, через универсальные всеобщие меры или характеристики, связывающие все наличествующие в процессе элементы без исключения. Такую задачу, несмотря на достаточно развитый аппарат агрегированных показателей, на исходе XX в. в полной мере решать не удавалось. Это стало возможным благодаря созданной теории обобщенных золотых сечений как инвариантов структурной гармонии сложных систем, узлов и аттракторов интегральной меры фазовых состояний систем и системоподобных объектов, видя в узлах меры опорные пункты их квантовой динамики.

Но есть и иной подход, с использованием принципа самоподобия (фрактальности). Не жертвуя основными функциональными проявлениями, характеристиками, параметрами исследуемой системы, он позволяет, оперируя показателями более простой системы, если удастся найти таковую, гарантировать экономии времени, сил и средств, а значит, достичь результата путем меньших затрат и усилий. При этом могут быть использованы аналогии, аналого-цифровые модели. Чтобы разобраться в лабиринте фазовых изменений, то есть в поведении сложной системы, надо выбрать более простую систему. Тщательное изучение универсальных особенностей ее поведения во всех подробностях откроет пути решения многих проблем, связанных с поведением более сложных систем. Идя таким путем, можно использовать эти универсальные характеристики для более глубокого проникновения в суть общесистемной проблематики на различных уровнях сложности, что позволит развить методы синтеза и диагностики нормы-патологии самых различных типов реальных систем, в частности посредством оперирования интегральными мерами, образованными на основе сведения воедино множества релятивных (приведенных к макси-

муму, относительных) мер последних. Интегральной мерой сложной системы может служить, к примеру, информационная энтропия, приведенная к своему возможному максимуму. Таким образом, допустимо использовать, например, метод направленного поиска, позволяющий сузить границы метода проб и ошибок и тем самым как минимум на порядок ускорять повышение качества и функциональной состоятельности эксперимента в изготовлении новых сложных образцов материалов, композитов.

И в заключение важнейший вопрос: как перед глобалистскими вызовами времени строить гармонизованное государство, качественную, процветающую экономику, тем более что в последние годы она приняла образ экономики цифровой, в которой проблемы становления меры, особенности процессов ее развития, динамика формирования системного качества выходят на первый план? Если ставить целью решение задач, контурно обозначенных в предыдущих позициях, то первое, ключевое звено здесь, с чего следует начинать стратегическое направление в их освоении, – человек, и прежде всего молодой человек: от младенческого возраста до состояния взрослости. И дети, и те, кто их воспитывает и обучает, должны быть окружены максимальным вниманием, поскольку именно те, кого и как мы растим и воспитываем сегодня, будут демонстрировать адекватное отношение к судьбе своей родины завтра и в более далеком будущем.

Реализация принципов свободы слова, мировоззренческого выбора, совести, убеждений предполагает тотальную, круговую толерантность – уважительное, терпимое отношение к разным формам и способам поисков целей и смыслов жизни, формирование внутренней цельности и целостности личности в ее стремлении к высоким идеалам. Есть все основания полагать, что именно такая стратегия воспитания и образования, очеловечив человека, позволила бы кратчайшим образом научно обеспечить ускорение и устойчивость развития его и общества на магистральном пути в будущее, сохраняющем общечеловеческие, христианские и национальные ценности: милосердие, любовь, сострадание, покаяние, рефлекссию, взаимоуважение – как составляющие гуманистической морали и жизнеутверждающего мировоззрения. В синергичном их соединении это обеспечивало бы раскрытие созидательного потенциала и творческой энергии каждого, способствуя гармоничному развитию личности во всей совокупности ее позитивных ценностных, ориентаций и устремлений. А в конечном счете содействовало бы созиданию человека полномерно специфицированного, в зависимости от доминирования в нем одного из четырех его базовых субстанциальных качеств – *разума, чувств, веры, воли* [19, с. 69–84].

Преобладание в человеке одного из таких атрибутов как антропоцентрических измерений личности определяет тип его сущности: человек рациональный, человек волевой и т. д. Эти собственные атрибуты человека, наличествуя в различных удельно-весовых позициях в каждом конкретном человеке в качестве измерений его подлинного достоинства и специфики социоантропоморф-

ного его типажа, служат поприщем для развертки и углубления личностного «Я». Они определяют не только типаж культуры человека, но и специфику индивидуальной программы подготовки его к жизнедеятельности в обществе.

Важно иметь в виду всеобщий принцип бытия, когда пространство бинарной оппозиции в качестве раздвоенного единства образуют относительная, нормированная на единицу (т. е. приведенная к своему максимальному значению) энтропия как мера разнообразия и избыточность как мера организации, единообразия. В этом пространстве действуют два принципа: Пригожина и Циглера. Первый утверждает [20], что за пределами равновесия, то есть за пределами состояния равномерности компонентов, когда веса каждого из них равны, любой самоорганизующейся системы производство (в сущности – приращение) энтропии минимизируется. А согласно принципу Циглера, это производство там же достигает максимума [21]. Налицо парадокс, который разрешается на основе обобщенных золотых сечений, узлов меры и ее антиузлов (пучностей). Зоны действия тех и других расположены между собой в пространстве бинарной оппозиции «порядок – хаос», которое служит «пристанищем» узловой линии мер. На ней «зоны максимума прироста порядка», где царит принцип Пригожина, чередуются с «зонами максимума прироста беспорядка, хаоса», где проявляет себя принцип Циглера.

Оба ряда этих зон счетны, то есть соотносимы (изоморфны) с рядом натуральных чисел. В процессах гармонизации проектируемых сложных систем – композитов – надлежит связывать проектируемый состав последних условием равенства относительной энтропии $H = -\sum_i^n p_i \log p_i$ одному из узловых значений последней, в наилучшем варианте – классическому золотому сечению 0,618... Здесь используется закон сохранения ограниченного разнообразия как важнейший фактор структурной гармонизации целого, что обеспечивает высокое качество проектируемых систем независимо от их масштабов, предметной специфики, профиля материала, пространственно-временных характеристик. Энтропия дает пример известного из синергетики «параметра порядка», позволяющего «упростить сложную задачу: вместо большого числа 15 переменных... мы можем рассматривать лишь одно уравнение» [22, с. 62]. Критерий гармонизации состояния систем относится к разряду высших ценностей инновационных стратегий, практики проектирования объектов как микстов с обеспечением их системного качества. Это весьма актуально для объектов как структурно сложных систем и для систем объектов, так как минимизирует их функциональные издержки и возвышает качество.

Согласно выводам многих европейских экспертов по стратегическому проектированию социоэкономических и социоприродных систем и относящейся сюда же комплексной оценке будущих ценностей, создаваемых в ходе развертывания научно-технического прогресса, взятие на вооружение предлагаемого нами метода организационного строительства сложных систем, управления динамикой их фазовых превращений, их качественностью, главным приорите-

том становится качество как таковое в многопрофильном его осмыслении и развертке. Оно становится предметом заботы номер один – своего рода брендом XXI столетия. И потому основывающийся на трансдисциплинарных принципах и методах, на законе узловой линии мер, который суть зиждущийся на обобщенных золотых сечениях закон степеней – этот разработанный и предлагаемый нами путь методологического и операционального оснащения процессов обеспечения формирования качества сложных систем, безотносительно к предметной специфике, областей преосуществления и масштабов последних требует к себе максимального внимания как всеобщего орудия теории и инновационной технологической практики. В связи с этим сюда должны быть активно присоединены те области самореализации человеческого креативного потенциала, в которых возвышается значимость объективных феноменов, выражаемых понятиями «сложность», «интеграция», «разнообразие», «синтез», «гармония», «мера», подобно понятию качества играющих столь же важную, первостепенную роль в реорганизации и переоснащении образовательного пространства и оснований современной науки. Названные важнейшие опорные понятия чрезвычайно существенны для смены мировоззрения во взглядах на постижение «принципов организации и функционирования пространства» для устранения «глобальной причины планетарного кризиса» [23, с. 304]. Мировым политическим элитам и научным кругам необходимо глубоко осознать и вникнуть в то, что «переосмысление научных знаний и гармонизация всех сфер существования и развития на Земле могут быть плодотворными только с учетом ведущей роли пространства и при активной перестройке земного бытия в соответствии с законом Гармонии, в чем и состоит смысл существования человека на Земле» [24, с. 96–97].

Процесс такой трансформации, хотя и недостаточно активно и интенсивно, но уже осуществляется. Его признак – востребованность новым временем разрабатываемой ныне прогрессивной мыслью трансдисциплинарной парадигмы, ядром которой является познание на основе всеобщих диалектических принципов сущности мира, его освоение и преобразование в сопряжении с формированием нового мировоззрения [25].

Список использованных источников

1. Шекспир, В. Король Лир / В. Шекспир // Полн. собр. соч. : в 8 т. / В. Шекспир. – М. : Искусство, 1960. – Т. 6.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Люсского. – М. : Мысль, 1994. – 574 с. – (Философское наследие ; т. 118).
3. Маркузе, Г. Одномерный человек : пер. с англ. / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
4. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида ; пер. с англ. А. Константинова. – М. : Классика-XXI, 2005. – 419 с.
5. Laue, H. Maß und Mitte / H. Laue. – Münster, 1960.
6. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.

7. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины : сочинения : в 2 т. / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – Т. 1 (I). – 496 с.
8. Филарет. Проблемы богословской антропологии / Филарет // Тр. Мин. духов. акад. – 2005. – № 3.
9. Кропоткин, П. Взаимная помощь как фактор эволюции / П. Кропоткин. – М. : б. и., 1918. – II, 214 с. – (Научно-анархистская библиотека).
10. Кропоткин, П. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса / П. Кропоткин ; пер. с англ. В. П. Батурина. – Пб. ; М. : Голос Труда, 1922. – VIII, 342 с.
11. Янок, В. Ф. Философия гармонии / В. Ф. Янок. – СПб. : Изд-во Чернышева, 1993. – 96 с.
12. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с фр. С. А. Эфирова // Социологическая теория: история, современность, перспективы / Центр фундам. социологии ; редкол.: А. Ф. Филиппов (гл. ред.) [и др.]. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – С. 158–164.
13. Александров, А. Д. О философском содержании теории относительности / А. Д. Александров // Эйнштейн и философские проблемы физики XX века / сост. К. Х. Делокаров. – М. : Наука, 1979. – С. 117–137.
14. Йоас, Х. Креативность действия : пер. с нем. / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2005. – 320 с.
15. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике. Кн. 3 // Сочинения / Г. В. Ф. Гегель ; пер. П. С. Попова. – М. : Соцэкгиз, 1958. – Т. 14. – 440 с.
16. Сороко, Э. М. Структурная гармония систем / Э. М. Сороко. – Минск : Наука и техника, 1984. – 264 с.
17. Сороко, Э. М. Управление развитием социально-экономических структур / Э. М. Сороко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 144 с.
18. Сороко, Э. М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонизации систем / Э. М. Сороко. – Изд. 5-е. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 264 с.
19. Soroko, E. Человек: атрибутивная полнота и целостность (воспитательный процесс с позиций TETRAD-методологии) / Eduard Soroko // Wokół filozofii wychowania : materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Słupsk, 15–16 czerwca 2000 r. / Pomorska Akademia Pedagogiczna, Katedra Filozofii. – Słupsk, 2000.
20. Пригожин, И. Введение в термодинамику неравновесных процессов / И. Пригожин. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 128 с.
21. Циглер, Г. Экстремальные принципы термодинамики необратимых процессов и механика сплошной среды / Г. Циглер. – М. : Мир, 1966. – 134 с.
22. Хакен, Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М. : Мир, 1985. – 424 с.
23. Путинцев, А. И. Планетарный кризис как следствие незнания структуры и пространственной организации информации (точка зрения эколога-информолога) / А. И. Путинцев // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 т. – М., 1996. – Т. 2.
24. Путинцев, А. И. Организованное пространство и гармоничное развитие / А. И. Путинцев // Московский синергетический форум. Январская (1996) встреча: «Устойчивое развитие в изменяющемся мире», 27–31 янв. 1996 г., Москва : тезисы / Ин-т филос. РАН [и др.] ; под ред. В. И. Аршинова, Е. Н. Князевой. – М., 1996.
25. Сороко, Э. М. Сложность, интеграция, синтез, гармония, мера, качество – высшие мировоззренческие достояния и ценности современной цивилизации / Э. М. Сороко // Инновационная сложность / отв. ред. Е. Н. Князева. – СПб. : Алетейя, 2016. – С. 101–184.

А. Л. Куиш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**СВЯЗИ ТЕОРИЙ МЕХАНИКИ
В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СООТВЕТСТВИЯ**

В работе анализируются связи теорий механики (классическая механика, квантовая механика, специальная теория относительности, релятивистская квантовая механика, общая теория относительности) в контексте принципа соответствия с помощью разработанных ранее автором представлений о связи соответствия теорий и методологии ее исследования. На основе полученных результатов делаются выводы о структуре и особенностях теоретического знания в данной области физики.

Ключевые слова: научная теория, интертеоретические связи, принцип соответствия, отношение и связь соответствия теорий, корреспонденция понятий, классическая механика, квантовая механика, специальная теория относительности, квантовая теория поля, общая теория относительности

A. Kuish

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**RELATIONS BETWEEN THEORIES OF MECHANICS
IN THE CONTEXT OF THE CORRESPONDENCE PRINCIPLE**

In the paper, there are analyzed the relationships of the theories of mechanics (classical mechanics, quantum mechanics, special theory of relativity, relativistic quantum mechanics, general theory of relativity) in the context of the correspondence principle using the concepts developed by the author about correspondence relation between theories and the methodology of its research. On the base of the obtained results, the conclusions about the structure of theoretical knowledge of the given field of physics are made.

Keywords: scientific theory, inter-theoretical relations, correspondence principle, relation and connection of correspondence between theories, correspondence of theories' languages, classical mechanics, quantum mechanics, special theory of relativity, quantum field theory, general theory of relativity

Данная работа является продолжением серии статей, посвященных изучению отношения соответствия научных теорий. Все исследование состоит из следующих этапов:

- 1) изучение научной теории в плане ее связи с действительностью и иными теориями;
- 2) анализ понятия интертеоретической связи, типология таких связей и их общая характеристика;
- 3) исследование отношения соответствия между научными теориями с разработкой методологии и методики его выявления и анализа;

4) применение разработанной методики для исследования связей конкретных теорий физической науки;

5) философско-методологический анализ полученных результатов.

Первые три этапа реализованы и их результаты представлены в статьях [6–8]. В настоящей работе мы обратимся к четвертому этапу. Суть его заключается в том, чтобы с помощью разработанных в предыдущих статьях представлений о связи соответствия научных теорий и методологии ее исследования провести анализ связей теорий физики на предмет их соответствия. Спектр этих теорий довольно широк, поэтому автором было принято решение выделить среди теорий физики *теории движения* и *теории взаимодействий* и из-за большого объема исследуемого материала рассмотреть в данной работе лишь связи теорий, описывающих механическое движение.

Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи:

а) дать описание данной области физики и представляющих ее теорий;

б) кратко изложить суть связи соответствия и методологию ее исследования с адаптацией к исследуемому объекту;

в) наметить связи теорий, которые должны стать объектом нашего исследования;

г) провести анализ этих связей с помощью указанной методологии;

д) сделать выводы и представить картину данной области физики с позиций связей описывающих ее теорий.

Механика как область физики. Ее теории

Определимся с понятием механического движения и описывающих его теорий. Понятие движения имеет в физической науке широкий смысл: можно вести речь о механическом, тепловом, электромагнитном, ядерном и других его типах. Однако механическое движение так или иначе является атрибутом каждого из них (см.: [1, 2, 4, 9–11]). Например, из классической физики известно, что тепловое движение описывается посредством механического движения молекул, из которых состоит физический объект. Распространение электромагнитной волны может быть представлено как механическое движение потока фотонов, движущихся со скоростью света (хотя следует помнить, что наряду с этим описанием существует волновое, которое трактует распространение света как движение электромагнитной волны в вакууме). Также ядерное движение в настоящее время рассматривается как процесс движения и превращения квантов кварк-глюонного поля. Это дает основание определять механическое движение по отношению к остальным видам движения как *фундаментальное*.

Таким образом, сфера действия механического движения является чрезвычайно широкой. Оно осуществляется под влиянием всех известных нам сегодня сил природы – гравитационной, электромагнитной, слабой и сильной. Благодаря такой большой широте охвата физического мира механическое дви-

жение присутствует практически во всех областях физической действительности: мега-, макро-, микромире, областях высоких скоростей, энергий и больших масс. В каждой из этих областей механическое движение отличается своей спецификой и, соответственно, описывается разными теоретическими структурами и математическими формализмами. Вместе с тем сущность самого движения остается в целом неизменной.

Скажем несколько слов о том, что движется. В классической механике это *физическое тело*. Однако это понятие перестает быть корректным в иных областях физики, скажем, в микромире, где речь идет о движении микрочастицы или кванта энергии. Оно менее функционально и в общей теории относительности (ОТО), поскольку понятие тела и его движения в этой теории имеет более общий смысл, связано с геометрией пространства-времени. Кроме того, следует вести речь также о движении волны. В связи с этим мы будем употреблять более общее понятие – «*физический объект*», под которым будем понимать и физическое тело, и микрочастицу, и волну, и квант поля, в зависимости от контекста теории и описываемой ею области физической реальности.

Механическое движение является понятием интегрированным, подразумевающим наличие таких элементов, как пространство и время, включающим в себя понятия массы, перемещения, скорости, ускорения, энергии, импульса и др. Сущность его в классическом смысле заключается в перемещении физического тела на некоторое расстояние (s) за некоторое время (t). Говоря обобщенно, механическое движение – *это движение физического объекта в пространственно-временном континууме, или своего рода среде*. Эта среда обладает разными свойствами в различных областях физической реальности: в ОТО – это псевдориманово пространство-время; в специальной теории относительности (СТО) – пространство-время Минковского; в классической механике (КлМ) – евклидово пространство и время; в квантовой механике (КвМ) тоже считается, что это ньютоново пространство и время, однако некоторые факты (например, соотношение неопределенностей Гейзенберга, вероятностный характер движения частицы в пространстве и времени и др.) указывают на его возможный измененный характер; на уровне элементарных частиц, движущихся со скоростями, близкими к скорости света, – это физический вакуум с пространством-временем Минковского. Имеет смысл ставить вопрос о математическом представлении этого обобщенного понятия механического движения, на который мы попытаемся в той или иной мере ответить после проведенного в этой работе анализа связей теорий.

В структуре классического механического типа движения можно выделить несколько его видов, – это прямолинейное, ускоренное, вращательное, колебательное, волновое механическое движение, движение большого количества (ансамбля) частиц, из которых состоят физические объекты, находящиеся в различных агрегатных состояниях (газообразном, жидком, твердом). Указанные виды движения имеют место в макромире, то есть относятся к физическим

объектам, обладающим средними массами и размерами, движущимися с малыми скоростями в стационарном и однородном пространстве и времени.

Со временем были открыты иные типы механического движения физических объектов: малых размеров и масс (в микромире, на расстояниях менее 10^{-8} см); со скоростями, близкими к скорости (света в макро- и микромире); в гравитационных полях высокой интенсивности (когда начинает ощущаться действие этих полей на движение объектов). Специфика этих типов механического движения потребовала создания новых теорий – соответственно КвМ, СТО, квантовой теории поля (КТП), ОТО. Несмотря на то, что они существенно отличаются от КлМ, суть механического движения значительно не меняется. На основе общих представлений о нем оказались возможны многие конкретные философские, методологические, понятийные, логико-математические конструкции. Собственно говоря, этот факт является основой связей соответствия между указанными теориями.

Методика исследования связи соответствия между научными теориями

Первым на наличие этой связи указал Н. Бор при создании КвМ на основе КлМ в процессе применения методологии последней к движению объектов в микромире. Ученый назвал эту связь принципом соответствия [3]. При создании СТО и ОТО тоже неявно использовался этот принцип, на что в свое время указал А. В. Кузнецов [5]. Дальнейшие исследования связи соответствия теорий привели к новым представлениям о ней, которые были изложены в работе [8]. Используем их для анализа связей теорий механики. Для этого кратко представим их суть.

Характеризуя связь соответствия теорий, отметим, что она является одним из типов межтеоретических связей, к которым также относятся унификация, редукция, изоморфизм. В этой связи участвуют две теории, которые являются самостоятельными, отличными друг от друга структурами. Они обладают собственными языками, теоретическими схемами, логико-математическими аппаратами, моделями и механизмами описываемых явлений, доменами. Домены теорий имеют общую границу и включены в общую для обеих теорий предметную область. Общие понятия теорий, модели описываемых явлений и математический аппарат новой теории при наложении на них определенных граничных условий переходят к соответствующим элементам теории старой. Частные понятия теорий, их содержательные части, домены не корреспондируют.

Можно рассматривать три аспекта этой связи: *онтологический*, *методологический* и *корреспонденции*. Онтологический аспект отражает сущность и структуру данной связи, указывает на ее референты (физические объекты, явления,

процессы) в реальности. Методологический – указывает на возможность создания новых теорий, предлагает методики исследования связи соответствия и методологию разработки новой теории. Корреспонденция дает возможность предельного перехода от одной теории к другой посредством составных элементов теорий.

Методология исследования связи соответствия основана на идее, что теории не корреспондируют как целостности, но посредством составных элементов их структуры (см. [7]), поэтому в процессе данного исследования необходимо выявить и проанализировать связи между этими элементами. К корреспондирующим элементам теории относятся общие понятия, законы и закономерности, модели и механизмы описываемых объектов и явлений. Элементами, которые не корреспондируют, являются область описываемой теорией действительности (домен теории), ее содержательная часть (куда входят аксиомы, постулаты, принципы), эмпирические данные, результаты применения математического аппарата теории к исследованию действительности. Существуют элементы теории, которые в этом плане имеют дуальную природу: языки, логико-математические аппараты теорий, философско-методологические составляющие.

На основе этой методологии нами была предложена методика исследования связи соответствия. Она состоит из нескольких этапов:

- 1) определение места, роли и функций теорий в системе научного знания, их областей описания;
- 2) выявление структуры теорий в обозначенном нами контексте;
- 3) исследование связей элементов теорий;
- 4) анализ полученных результатов и выводы.

В процессе реализации данной методики последовательно предпринимаются следующие шаги.

1. Начинать следует с определения областей действия теорий, границ их предметной области.

2. Каждая теория анализируется на предмет развитости, что позволяет определить полноту и глубину проводимого анализа.

3. Далее выявляются структуры теорий и выделяются элементы, связь которых планируется изучить. В зависимости от свойств той или иной теории эти элементы могут быть в разной мере и на разном уровне представлены в их структуре, поэтому следует адаптивно применять методологический аппарат.

4. Следующим этапом идет рассмотрение соответствующих элементов теорий на предмет их корреспондирования.

5. После чего идет анализ и обобщение результатов исследования.

6. В итоге делаются выводы о наличии связи соответствия между данными теориями и ее свойствах.

Исследование связей теорий механики на предмет соответствия

Имея представленные выше методологические инструменты, можем обратиться к исследованию связей теорий механики на предмет наличия между ними соответствия.

Реализуя первый пункт предложенной методики, отметим, что все эти теории имеют общий предмет описания, – *механическое движение*, которое, как было указано, выступает в разных формах в различных областях физической действительности. Не представляет труда увидеть, что границы между некоторыми теориями являются общими. Такова ситуация с КлМ и КвМ, КлМ и СТО, КвМ и релятивистской квантовой механики (РКвМ), РКвМ и СТО.

Что касается второго шага, то все указанные теории обладают необходимым уровнем развитости, который определяется способностью адекватного и полного описания ими своих областей действительности, уровнем логико-математического, языкового аппаратов, их статусностью в предметной области физического знания – механике. То есть фактически мы имеем хороший стартовый потенциал для анализа связей соответствия данных теорий.

Двигаясь далее согласно плану нашего исследования, следует сказать о структуре этих теорий и выделить их предполагаемые корреспондирующие элементы, которые мы будем исследовать. Эти элементы теорий индивидуальны, поэтому мы будем рассматривать их относительно каждой из анализируемых пар теорий.

Начнем традиционно со случая *связи классической и квантовой механик* и проведем ее анализ в контексте предложенных нами представлений. Подробное исследование может быть предметом отдельной статьи, в рамках же этой работы ограничимся выявлением и общей характеристикой данной связи. КлМ является выражением наших представлений о наблюдаемом мире. Она описывает механическое движение физических тел (и волн), которое происходит на макромасштабах (от 10^{-8} см до размеров порядка Солнечной системы). Природа сил, как правило, не рассматривается. Диапазон скоростей физических тел находится в пределах от нуля до скорости, приближающейся к скорости света. В рамках теории действуют представления об абсолютности пространства и времени. Эти положения теории определяют ее область действия. Границы применимости теории определились после того, как СТО и КвМ наложили на нее соответствующие ограничения. Методологией КлМ является дифференциальное и интегральное исчисление, основанное на условии непрерывности (что, собственно, отражает характер движения физических объектов в данной области физической действительности). В основе ее математического аппарата лежит, в зависимости от той или иной версии теории (которые считаются эквивалентными): система законов Ньютона, уравнение Гамильтона или уравнение Лагранжа. Следствия в виде законов и новых утверждений теории

выводятся с помощью методологических аппаратов этих версий. С помощью КЛМ описываются такие свойства движения физических тел, как скорость, ускорение, перемещение и др. В структуру теории входят следующие понятия: масса, энергия, импульс физического тела, пространство и время и др. Результаты действия теории получаются путем применения математического аппарата к исследованию различных механических процессов.

Квантовая механика является теорией, описывающей движение физических объектов в микромире, то есть обладающих малыми размерами (менее 10^{-8} см), массами и скоростями. Она предполагает традиционные представления о пространстве и времени. Малые масштабы описываемой реальности вносят серьезные коррективы в свойства физических объектов и характер их движения. Так, основными принципами, определяющими эти свойства, являются принцип корпускулярно-волнового дуализма частиц де Бройля и принцип неопределенностей Гейзенберга. Движение микрообъектов существенно отличается от движения тел в макромире, оно не имеет строгого причинно-следственного описания. Считается, что и микрочастица, и ее движение распределены в пространстве, а их локализация имеет вероятностный характер. Соответственно различны и методологии их исследования и описания, которые основываются на эквивалентных версиях КвМ – уравнении Шрёдингера или матричной механике Гейзенберга. Движение описывается с помощью таких параметров, как положение частицы, ее масса, скорость, энергия, импульс и др. Эти параметры имеют несколько иной смысл, нежели в КЛМ.

Будем анализировать на предмет корреспонденции в этих теориях такие элементы их структур, как основные законы и представляющие их математические формализмы, модели и механизмы описываемых объектов и явлений, понятия теорий. Области действительности этих теорий отличаются пространственно-временными масштабами, а также массой и размерами физических объектов. Домены имеют общую границу и принадлежат к одной и той же общей для них предметной области действительности – механического движения.

В предыдущих версиях анализа связи этих теорий, проведенных Н. Бором и И. В. Кузнецовым, акцент делался на их асимптотическом соответствии в пограничной области действия (на границе 10^{-8} см) и на корреспонденцию их математических формализмов (см., например, [3, 5]). В этих версиях фактически только эти критерии выступали в качестве характеристик данной связи. Представим их кратко в контексте используемой нами методики анализа связи теорий. Как известно, Н. Бор, предположив модель строения атома водорода со стационарными орбитами электронов, попытался дать ее математическое описание. Поскольку классические методы расчетов в этом случае не работали (их результаты расходились с эмпирическими данными), ученый попробовал применить их в пограничной области действия теорий. Анализируя состояния атома, характеризующиеся большими квантовыми числами, Н. Бор заметил, что в этой области существует возможность использования способов

описания, применяемых в классической теории, поскольку разница между квантовыми значениями энергии и частоты уменьшается с возрастанием этих чисел, что приводит к непрерывному спектру, выступающему в классической теории. Такое совпадение результатов вычислений с помощью квантовой и классической теорий оказалось возможным, потому что эти теории имеют общую эмпирическую область применения – область длинных волн (малых частот), в которой их предсказания экспериментально подтверждаются с равной степенью точности. Идея соответствия, таким образом, в своей первоначальной форме выступала как асимптотическое соответствие классических и квантовых методов в области малых частот излучения.

Однако используя классические методы, с помощью модели Бора не удавалось рассчитывать средние и большие частоты излучения, как, впрочем, и решать другие проблемы, связанные с интенсивностью и поляризацией спектральных линий. Нельзя было также рассчитывать иные, нежели атом водорода, квантовые системы. Решить эти задачи удалось В. Гейзенбергу с применением созданной им матричной версии КвМ. Суть соответствия между классической и квантовой теориями заключалась в том, что каждой паре квантовых величин, характеризующих излучение (частота и интенсивность), были поставлены в соответствие определенные члены ряда Фурье с их частотой и амплитудой, в который может быть разложено классическое движение электрона в стационарном состоянии атома.

Как указывает И. В. Кузнецов, идея соответствия лежит и в основе создания волновой версии КвМ [5]. При ее создании использовалась оптико-механическая аналогия. Несмотря на то что уравнение Шрёдингера было практически постулировано, в своих рассуждениях он опирался на работы У. Гамильтона, установившего существование аналогии между уравнениями и основными понятиями геометрической оптики и КлМ, а также на работы Л. де Бройля, в которых была высказана идея корпускулярно-волнового дуализма элементарных частиц. Аналогия эта заключалась в том, что уравнения волновой оптики в пределе малых объектов, а значит, малых радиусов кривизны светового фронта, переходят в уравнения геометрической оптики и являются обобщениями последней. Подобная ситуация имеет место и в механике, где для описания малых частиц надо перейти от классической механики к какой-то новой – «волновой» механике. Э. Шрёдингеру удалось найти уравнение, описывающее движение микрочастиц и являющееся аналогом основного уравнения волновой оптики.

Для обеих версий КвМ имеет место корреспонденция математических формализмов к соответствующим формализмам КлМ. Суть этого явления заключается в том, что микромиру фундаментально присуще свойство дискретности, определяемое существованием кванта действия h , численное значение которого чрезвычайно мало (порядка 10^{-34} Дж·с). Именно потому, что в этой области явлений, невозможно пренебречь конечностью кванта действия, в ней отказывается служить КлМ, масштабы действия которой значительно больше.

Уравнения Гамильтона–Якоби, являющиеся наиболее общим выражением законов КлМ, при этом уступают место основному динамическому закону КвМ – уравнению Шрёдингера. При предельном переходе в область макроскопических явлений, в которой допустимо пренебречь дискретностью действия в силу малости h , а значит, можно считать его равным нулю, уравнение Шрёдингера переходит в уравнение Гамильтона–Якоби [5].

Признавая результаты исследования связи этих теорий Н. Бором и И. В. Кузнецовым, мы считаем, что они должны быть дополнены исследованием корреспонденции иных элементов структуры теорий, в частности языков, моделей и механизмов физических явлений и др.

Говоря о моделях объектов и явлений, описываемых данными теориями, следует отметить, что в классической механике моделью движущегося объекта является физическое тело, обладающее выраженными корпускулярными свойствами, а значит, определенной траекторией движения. Такие свойства объекта предполагают детерминистские методы описания его движения. В микромире, согласно принципу корпускулярно-волнового дуализма де Бройля, происходит существенное усиление волновых свойств физического объекта (который выступает в форме микрочастицы), в связи с чем он представляет собой частицу-волну, что и определяет характер его движения как корпускулярно-волновой. Таким образом, мы имеем дело с иной моделью движущегося объекта. Волновыми свойствами объекта, кстати, и объясняется описание его движения с помощью уравнения Шрёдингера. При переходе от микро- к макромиру волновые свойства физического объекта становятся менее выраженными, и на границе областей описания данных теорий они становятся пренебрежимо малы, что приводит к описанию данных свойств методами КлМ. В результате при увеличении пространственно-временных масштабов модель микрочастицы переходит в модель физического тела, а характер ее движения – в характер движения этого тела, то есть можно утверждать, что имеет место корреспонденция моделей физических объектов.

Языки обеих теорий содержат общие понятия, которые также обладают свойством корреспонденции. Это прежде всего уже представленное понятие механического движения, которое обладает в обеих теориях общим смыслом. Вместе с тем в каждой из них оно имеет свой характер. В КлМ этому движению присущи свойства детерминизма, в квантовой – он вероятностный. Указанные свойства данного понятия определяют его способность к корреспонденции от одной теории к другой. В то же время в КвМ имеются частные понятия, которые не корреспондируют. Это постоянная Планка, принцип корпускулярно-волнового дуализма де Бройля, принцип неопределенностей Гейзенберга, квантовый характер движения микрочастиц. Мы, конечно, можем утверждать, что они имеют смысл и для макромира, но их действие в отношении физических тел пренебрежимо мало и поэтому не учитывается при описании их движения.

Методологические аппараты теорий различны и свойством корреспонденции не обладают. В КлМ используются, как правило, методы дифференциального и интегрального исчисления, описывающие непрерывное движение физических тел, в то время как в КвМ – вероятностные методы описания движения микрочастицы. Не корреспондируют также и результаты применения методологических аппаратов теорий для обработки их теоретических и эмпирических данных. Эти результаты относятся к собственным логико-математическим структурам каждой из теорий и отражают специфические свойства описываемых ими областей действительности.

Обобщая результаты проведенного анализа, сопоставляя их с предложенными в статье представлениями о связи соответствия теорий и методикой ее исследования, можно сказать, что между классической и квантовой механиками имеет место связь соответствия.

Взяв в качестве примера анализ связи соответствия КлМ и КвМ, за неимением достаточного количества места в данной работе проведем анализ связей других теорий механики обзорно, но так, чтобы при этом отразить суть предмета исследования. Обратимся к связи *КлМ* и *СТО*. Как известно, *СТО* описывает механическое движение, специфика которого заключается в движении физических объектов с высокими скоростями, близкими к скорости света. То есть мы опять выходим в иную область физической действительности, где некоторые установки классической механистической теории перестают действовать. В связи с этим изменяются свойства движения, выходит на первый план его относительный характер, основанный на постулатах равноправия всех инерциальных систем отсчета и постоянстве скорости света. Изменяются пространственно-временные характеристики движения – имеют место изменения размеров движущихся тел и протекания для них временных процессов с точки зрения разных систем отсчета. Характеризуя области описываемой действительности обеих теорий, следует отметить, что они различны, стыкуются, граница этих областей находится вблизи скорости света, и при этом оба домена принадлежат к общей предметной области механического движения физических объектов. Рассмотрим ситуацию, когда в *СТО* мы имеем дело лишь с макрообъектами.

Связь КлМ и *СТО* анализировал и И. В. Кузнецов, и тоже прежде всего в аспекте связи их математических аппаратов и асимптотического соответствия [5]. Что касается законов теорий, выраженных в математической форме, то между уравнениями обеих теорий, как удалось показать ученому, имеет место, говоря современным языком, корреспонденция. Поскольку в классической механике скорости тел малы по сравнению со скоростью света, то можно принять, что $\beta = \frac{v}{c} \rightarrow 0$ (v – скорость тела, c – скорость света), в результате чего уравнения *СТО* асимптотически переходят в уравнения КлМ. Это имеет место

по отношению к преобразованиям Лоренца, которые в результате применения этого условия, асимптотически переходят в преобразования Галилея, а также в отношении выражений для массы, длины, импульса, энергии тел, которые от релятивистских переходят к классическим.

В соответствии с предложенной методикой мы не ограничиваемся анализом связи математических аппаратов и предельным переходом. Рассматривая связь моделей движения физических тел в этих теориях, отметим, что модель движения (в плане перемещения физического тела с некоторой скоростью имеющая место в КЛМ) в новой теории не меняется. Однако пространственно-временная составляющая этого движения претерпевает существенные изменения. При скоростях, близких к скорости света, мы имеем дело с движением тела в пространственно-временном континууме, где вступают в силу иные законы. Результатом их действия являются эффекты замедления времени и сокращения длин, имеющие место в инерциальных системах отсчета (ИСО), в которых находится наблюдатель, по отношению к движущимся с высокими скоростями ИСО.

Что касается связи моделей самих физических объектов, то в релятивистской области физической действительности начинает играть существенную роль та составляющая массы объекта, которая отвечает за его движение, то есть можно сказать, что при приближении к скорости света, движение начинает трансформироваться в свою энергетическую составляющую, поэтому разогнаться телу до бесконечной скорости невозможно.

При уменьшении скорости объекта энергетическая составляющая его массы стремится к нулю. Существующие в мире малых скоростей относительно самостоятельно понятия пространства и времени, массы и движения выступают в синтетической форме пространства-времени и масс-энергии в мире высоких скоростей. То есть можно сказать, что в СТО имеют место модели физического объекта и его движения с измененными пространственно-временными и масс-энергетическими характеристиками. Тем не менее эти модели при указанных налагаемых условиях корреспондируют к моделям движения классического типа.

Языки теорий в плане их общих понятий (движение, масса, скорость, энергия, длина и др.) корреспондируют. Вместе с тем частные (специальные или собственные) понятия теорий, такие как принцип релятивизма, скорость света и др., имеют смысл только для СТО и не корреспондируют.

Базовые положения теорий, относящиеся к их содержательным частям, отличаются представлениями о конечности скорости и принципом релятивизма. Это влечет за собой разность философско-методологических установок КЛМ и СТО, что указывает на то, что эти составляющие теорий не корреспондируют. Отметим, что философско-методологические принципы СТО и ОТО оказали влияние на формирование культуры релятивизма, что, в частности, привело к появлению постмодернизма как философского направления. Причем,

учитывая популярность научных идей, высказанных А. Эйнштейном в начале XX в., в среде европейской интеллигенции, можно сказать, что их влияние на современную философию и культуру оказалось значительным.

Каждый из методологических аппаратов КЛМ и СТО, применим в собственной области описания, и они не корреспондируют. Эмпирические данные теорий (например, для СТО – это так называемые релятивистские эффекты, полученные с помощью опытов и экспериментов), результаты расчетов параметров движения физических объектов также разные, принадлежат к каждой из областей описания и не корреспондируют.

Основываясь на высказанных нами представлениях о связи соответствия, можно утверждать, что КЛМ и СТО находятся в связи соответствия.

Рассмотрим *связь КвМ и РКвМ*. Основные положения КвМ в анализируемом нами контексте кратко представлены в настоящей статье. Главная особенность РКвМ заключается в том, что она описывает микрообъекты, движущиеся со скоростями, близкими к скорости света. Можно сказать, что в этой теории объединяются квантовые и релятивистские свойства физических объектов. Таким образом, мы имеем дело с общей для обеих теорий предметной областью механических явлений в микромире, в рамках которой существуют области действительности, описываемые КвМ и РКвМ и имеющие общую границу, проходящую по параметру скорости объектов.

Как известно, в релятивистской квантовой области физических явлений впервые результаты исследований представил П. Дирак, предложив квантоворелятивистскую теорию электрона. Эта теория, давшая новые, подтвержденные экспериментами результаты, тем не менее имеет ограниченный круг применения. Она, подобно теории Н. Бора, описывающей только атом водорода, рассматривает всего лишь поведение электрона при скоростях, близких к скорости света. И. В. Кузнецовым было показано, что уравнение теории Дирака корреспондирует к уравнениям КвМ при $\beta = \frac{v}{c} \rightarrow 0$ [5]. Некоторые идеи этой теории способствовали созданию квантовой теории поля (КТП), которая применима к описанию значительно более широкого спектра релятивистских квантовых явлений и которая фактически стала современной парадигмой (и методологией) в исследовании и описании квантовых процессов в высокоэнергетической физике. И хотя с помощью КТП можно эффективно описывать движение микрообъектов со скоростями, близкими к скорости света, как представляется, не следует заменять РКвМ этой теорией, если иметь дело только с описанием близкого к световому движению микрообъектов, поскольку в данном случае мы имеем дело с разными теориями, обладающими разным спектром действия и степенью общности. Возможно (это могут показать отдельные исследования), они находятся в отношении редукции. В настоящий момент можно предполагать, что отношение данных теорий подобно отношению СТО и ОТО. К сожа-

лению, РКвМ самостоятельного развития не получила, и описание движения элементарных частиц в области высоких энергий пошло по пути развития представлений в области КТП, поэтому с определенной долей допущения мы будем анализировать связь КвМ и РКвМ с учетом представлений в области квантовой теории поля о движении объектов с высокими скоростями.

КТП является результатом вторичного квантования общих уравнений механического движения Лагранжа и Гамильтона. С помощью этой теории были созданы квантовая электродинамика (КвЭД) и в общих чертах теории высокоэнергетических процессов с участием слабых и сильных взаимодействий. КТП дает нам представление о поле, которое квантовано (состоит из квантов). Фактически физическим объектом, который описывает теория, является квантованная волна. Сравнивая этот объект с объектом описания в КвМ, где речь идет об описании частицы-волны (то есть доминируют представления о корпускулярных свойствах частицы), в этой теории акцент падает на его волновую составляющую, то есть рассматривается волна-квант (или волна-частица). Тем не менее между этими моделями физических объектов устанавливается соответствие: при переходе в низкоэнергетическую область, образно говоря, «кванты энергии» при указанном условии ($\beta \rightarrow 0$) переходят в «кванты массы». Волновые частицы все в большей степени приобретают корпускулярные свойства, при этом их волновая составляющая уменьшает свое значение. Общие понятия теорий при наложении указанных условий также корреспондируют от понятия кванта поля к понятию микрочастицы.

Что касается корреспонденции математических формализмов данных теорий, можно показать, что при допущении $\beta = \frac{v}{c} \rightarrow 0$, то есть элиминировании из уравнений КТП релятивистской компоненты, и придании количеству описываемых теорией частиц фиксированного значения (что приводит к преобразованию операторных значений коэффициентов ряда Фурье в численные значения) эти уравнения корреспондируют к уравнениям КвМ.

Отметим также, что результаты применения теорий к описанию собственных областей действительности, их базовые положения, эмпирические данные, частные понятия (к примеру, операторы рождения и возникновения частиц) не корреспондируют.

На основании сказанного можно утверждать, что между КвМ и РКвМ имеет место связь соответствия.

Логика нашего исследования указывает на то, что следует еще рассмотреть связь РКвМ и СТО. Суть обеих теорий кратко уже представлена в настоящей статье. Изучая научный материал физики, можно сказать, что специального анализа, обсуждения и, соответственно, практического применения эта связь не получила, поэтому здесь мы ее будем рассматривать как вариант теоретический и попытаемся дать ее краткую характеристику.

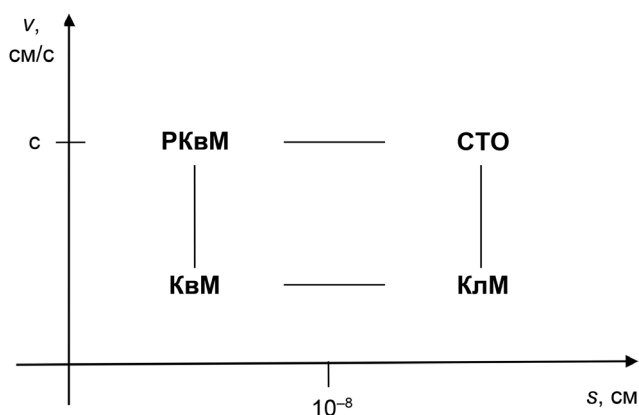
Анализируя расположение доменов этих теорий, отметим, что обе они принадлежат к релятивистской области физических явлений, то есть применимы к физическим объектам, движущимся со скоростями, близкими (или равными) скорости света. Отличия доменов теории находятся в области масштабов, это микро- и макромир. В случае микромира движущимися объектами являются микрочастицы, в макромире – это физические тела. Значит, граница между доменами теорий проходит по размерам движущихся объектов и составляет, как и в случае с границей между КлМ и КвМ, величину порядка 10^{-8} см. Таким образом, можно утверждать, что домены теорий имеют общую границу и принадлежат к общей для обеих теорий предметной области физических явлений – механическому движению физических объектов.

Обратимся к анализу корреспонденции входящих в РКвМ и СТО структурных элементов. Что касается математических формализмов теорий, то можно утверждать, что они связаны переходом при условии $\hbar \rightarrow 0$. Иными словами, при переходе размеров физических объектов в квантовом мире к размерам макроскопическим должен асимптотически осуществляться переход математических выражений РКвМ в соответствующие выражения СТО.

Говоря о корреспонденции моделей физических объектов и их движения в обеих теориях, отметим, что в РКвМ движение объектов в связи с малостью их размеров, корпускулярно-волновыми свойствами и высокими скоростями имеет вероятностный характер с превращением элементарных частиц. В СТО движение физического тела происходит с высокими скоростями, близкими к скорости света, и имеет характер причинно-следственный. Можно сказать, что данные модели корреспондируют, поскольку корпускулярно-волновые свойства объектов и вероятностный тип их движения асимптотически исчезают (перестают быть действенными) по мере продвижения в макромир. С определенной долей допущения отметим, что в отношении этих теорий корреспонденция осуществляется подобно той, которая имеет место в отношении классической и квантовой механик, с одним условием, что проходит она в области высоких скоростей. Можно также показать, что частные понятия, методы расчетов теорий и их результаты являются предметом рассмотрения каждой из теорий и не корреспондируют. Все это позволяет утверждать, что связь данных теорий также имеет свойства соответствия.

Философско-методологический анализ полученных результатов

Представим в системной форме результаты исследования связей теорий механики на предмет соответствия и проведем их анализ. Для наглядности и удобства используем схему, в которой обозначим связи теорий (КлМ, СТО, КвМ и РКвМ) и их основные параметры. Отношения соответствия на схеме обозначены в виде сплошных линий.

Из схемы видно, что переход от одной теории к другой осуществляется в зоне их асимптотического соответствия. Для классической и квантовой механик это рубеж около 10^{-8} см, для КлМ и СТО, а также КвМ и РКвМ – это скорости, близкие к скорости света. Во всех случаях для каждой из пар теорий существуют их общие предметные области, в рамках которых физические параметры (например, скорость – v , расстояние – s) корреспондируют. В определенном контексте можно утверждать, что на этой схеме отражена структура физического знания той области физической науки, которая описывает механическое движение физических объектов.

Что касается корреспонденции теорий в аспекте связи их доменов, то, как показывают результаты проведенных исследований, области физической действительности, описываемые физическими теориями, являются различными, не пересекающимися, но соединенными друг с другом, имеющими общую границу, переход через которую является непрерывным. Выражаясь математическим языком: $D_1 \neq D_2$, $D_1 \cap D_2 \neq \emptyset$, где D_1 и D_2 – соответственно домены теорий T_1 и T_2 . Коль скоро домены теорий разные, то возникает вопрос: как в таком случае возможна корреспонденция? Она возможна по двум причинам. Во-первых, соединенность двух областей определяет асимптотическое соответствие теорий в пограничных областях их действия. Во-вторых, описывая разные, но соседние области действительности, теории, связанные отношением соответствия, вместе с тем принадлежат к одной и той же, но более широкой области, составляющей общую для них предметную область действительности (или предмет).

В самом деле, взглянув на каждую из связей, можно увидеть, что все теории, связанные отношением соответствия, находятся в рамках некоторых более общих предметов, которыми для них являются тот или иной параметр механического движения, а все они находятся в рамках общей предметной области – механического движения физических объектов. В работе было показано, что каждая область действительности (тип механического движения) имеет соб-

ственное теоретическое описание. Будет ли иметь такое описание эта общая область? Как представляется, следует обратить особое внимание на общие уравнения механического движения – уравнения Гамильтона и Лагранжа. Именно они являются парадигмальными для описания данной общей предметной области физической действительности, задают общие принципы механического движения, отражают его сущность и представляют в математическом выражении основные его свойства. Благодаря таким свойствам указанные уравнения довольно легко трансформируются к уравнениям, описывающим различные конкретные области действительности. Таким может быть ответ на поставленный в начале статьи вопрос о математическом представлении обобщенного понятия механического движения.

Анализируя все рассмотренные случаи связей соответствия физических теорий, можно прийти к выводу о том, что в каждом конкретном отношении соответствия могут находиться только две теории. Кажущийся тривиальным, этот факт, тем не менее, играет важную роль при характеристике этой связи, определяет структуру физического знания и направление его развития, а также позволяет провести грань различия между корреспонденцией и унификацией теорий. В случае связи соответствия теории описывают разные области физической реальности, и входящие в них параметры, относящиеся к этим областям, могут принимать различные значения. В случае же унификации новая теория объединяет две (или более) предыдущих на каком-то одном уровне природы, которому отвечает определенное постоянное значение некоторого физического параметра, при этом несколько предыдущих теорий как бы сходятся к общей для них.

С помощью результатов проведенного анализа можно попытаться дать ответ и на такой вопрос: является ли связь соответствия лишь чисто теоретической конструкцией или она имеет референты в реальности?

Конечно, и сама связь теорий, как определяющая отношения между ними, и принцип соответствия относятся к области теоретической. Об этом говорят, например, корреспонденция понятий, математических аппаратов, моделей и механизмов теорий, их асимптотическое соответствие. Однако вместе с тем эта связь имеет под собой вполне реальные основания, которые относятся к исследуемой нами действительности. Связь соответствия твердо опирается на реальные связи описываемых теориями доменов. Иначе говоря, в исследуемом нами мире существуют качественно отличающиеся области действительности, связанные друг с другом непрерывным переходом. К реальным основам связи соответствия относится также общая для корреспондирующих теорий предметная область, включающая в себя описываемые ими области действительности. Все это указывает на то, что связь соответствия имеет объективный характер и референты в реальном мире.

Автор выражает надежду, что выявленные в данной работе связи теорий механики позволят по-иному взглянуть на теоретическое знание этой области

физики, полнее представить его структуру, отчетливее «увидеть» области действия теорий, определить характер их связей. Полученные результаты могут способствовать совершенствованию физического знания, определению путей его дальнейшего развития.

Список использованных источников

1. Боголюбов, Н. Н. Введение в теорию квантованных полей / Н. Н. Боголюбов, Д. В. Ширков. – М. : Наука, 1984. – 600 с.
2. Бом, Д. Специальная теория относительности / Д. Бом. – М. : Мир, 1967. – 286 с.
3. Бор, Н. О строении атомов и молекул // Н. Бор / Избранные научные труды : в 2 т. / Н. Бор ; под ред. И. А. Тамма. – М. : Наука, 1970. – Т. 1. – С. 84–105.
4. Вайнберг, С. Мечты об окончательной теории / С. Вайнберг. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Кузнецов, И. В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение / И. В. Кузнецов. – М. : Гостехиздат, 1948. – 116 с.
6. Куиш, А. Л. Интертеоретические связи в системе научного знания / А. Л. Куиш // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Вып. 3. – С. 215–225.
7. Куиш, А. Л. Научная теория в свете интертеоретических связей / А. Л. Куиш // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2015. – Вып. 2. – С. 260–273.
8. Куиш, А. Л. Отношение соответствия между научными теориями и методология его исследования / А. Л. Куиш // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 265–274.
9. Ландау, Л. Д. Механика / Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц. – Изд. 4-е, испр. – М. : Наука, 1988. – 215 с. – (Теоретическая физика ; т. 1).
10. Прись, Ф.-И. О смысле принципа соответствия и единства физики [Электронный ресурс] / Ф.-И. Прись // Analitica. – 2012. – № 6. – Режим доступа : <https://sites.google.com/a/analytica-journal.org/analytica/> – Дата доступа : 03.04.2019.
11. Фок, В. А. Начала квантовой механики / В. А. Фок. – М. : Наука, 1976. – 376 с.

Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Института философии НАН Беларуси Присю Игорю Евгеньевичу, а также заведующему Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси Спаскову Александру Николаевичу за оказанную помощь в изучении и понимании физического знания и связях его теорий.

А. В. Колесников

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ЦИФРОВЫЕ ПРОТОКОНСТРУКТЫ В ПОЗНАНИИ ПРИРОДЫ
ХАОСА И ТЕМПОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ**

В статье исследуется природа и философский смысл явления детерминированного нелинейного хаоса. Раскрывается и обосновывается взаимосвязь хаоса с необратимостью и эмерджентностью исторического времени. В качестве инструмента философского исследования в работе применяется инновационный метод когнитивных протоконструктов, которые выполнены в виде вычислительных процедур, имитирующих развитие специально разработанных игр клеточных автоматов. В качестве гипотезы сформулировано предложение о целесообразности введения в основания математики так называемых истинных, или темпоральных, чисел, а также динамических, или кипящих, множеств. Гипотеза подтверждается результатами вычислительных экспериментов. На примере самоупорядочивания случайных двоичных последовательностей раскрывается роль локальных взаимодействий в процессах взаимных трансформаций хаоса и порядка. В работе резюмируется и подчеркивается важное значение хаоса в структуре новой формируемой научной картины мира, включающей необратимое историческое время, обозначается взаимосвязь хаоса с природой индивидуальности, а в конечном счете с феноменами психики и сознания.

Ключевые слова: хаос, время, нелинейность, онтология, цифровая философия, клеточные автоматы, числа, множества, основания математики

A. Kolesnikov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**DIGITAL PROTOCONSTRUCTS IN COGNITION OF THE NATURE OF CHAOS
AND TEMPOROLOGICAL EMERGENCE**

In the article, there is studied the nature and philosophical meaning of the phenomenon of deterministic nonlinear chaos. The relationship of chaos with the irreversibility and emergence of historical time is revealed and justified. As a tool for philosophical research, the innovative method of cognitive protoconstructs, made in the form of computational procedures that mimic the development of specially designed cellular automata, is used in the work. As a hypothesis, there was formulated the proposal on the advisability of introducing the so-called true or temporal numbers as well as dynamic or boiling sets into the foundations of mathematics. The hypothesis is confirmed by the results of computational experiments. By the example of self-ordering of random binary sequences, the role of local interactions in the processes of mutual transformations of chaos and order is revealed. The article summarizes and emphasizes the importance of chaos in the structure of the newly formed scientific picture of the world, including irreversible historical time, denotes the relationship of chaos with the nature of individuality, and ultimately with the phenomena of the psyche and consciousness.

Keywords: chaos, time, nonlinearity, ontology, digital philosophy, cellular automata, numbers, sets, foundations of mathematics

Введение

Одним из наиболее фундаментальных открытий последней четверти прошедшего XX в., несомненно, следует признать динамический нелинейный хаос [1–5]. Детерминированный хаос возник в науке неожиданно и перевернул казавшиеся незыблемыми представления о многих фундаментальных общенаучных и философских понятиях. Потрясение от этого переживается научным сообществом до сих пор. До настоящего времени смысл и значение нового понимания хаоса для научной картины мира и философии не приняты и не осмыслены в полной мере.

Вместе с тем детерминированный хаос открывает пути к познанию и пониманию таких фундаментальных тайн мироздания, как природа времени, психики, сознания, субъективных ощущений, индивидуальности и свободы воли. Кроме того, использование явления динамического, нелинейного детерминированного хаоса в технике в перспективе позволит создавать машины, близкие по своим характеристикам к созданиям природы – живым организмам, обладающие зачатками субъективных ощущений, потенциалом адаптации к существованию и функционированию в неизвестных средах, элементами психики, сознания и тем, что принято называть сильным искусственным интеллектом. К тому же использование вычислительной непредсказуемости и детерминированного хаоса позволяет строить адекватные математические и компьютерные модели человекомерных социальных систем, отображающих их главную сущностную особенность – темпорологическую эмерджентность.

Динамический хаос тесно связан со временем. Именно он создает ту онтологическую основу, на которой возникает феномен истинного, необратимого или исторического времени. Вместе с тем в основаниях современной математики отсутствуют средства описания бергсоновского эмерджентного времени. Числа и множества статичны. Поэтому исследование этой проблемы представляется актуальной задачей ближайшего будущего. В данной работе для раскрытия смыслов парадигмы хаоса и темпорологической эмерджентности используются когнитивные протоконструкты [6], реализованные в форме компьютерных вычислительных процедур. Данная методология характерна для инновационного направления в философских исследованиях – цифровой философии [7–10].

Становление и хаос. Возвращение к первоэлементам на новом витке научного познания мира

Все, что так или иначе окружает нас, образует окружающий мир и нас самих, может быть обозначено двумя весьма широкими и емкими понятиями – «становление» и «хаос». На интуитивно психологическом уровне мы ощущаем это вечное движение физически, так как мы сами, наша психика и сознание есть не что иное, как становление и хаос. Становление рождает информацию из хаоса, который бесконечно сложен и неисчерпаемо информативен. Структуры,

извлекаемые в ходе становления из хаоса, эволюционируют, усложняются и в конечном счете вновь погружаются в хаос, из которого некогда возникли...

В той или иной форме понятие становления возникло вместе с философским познанием. Одной из форм выражения сущности идеи становления является понятие Дао, возникшее в древней китайской философии. Многомерное понятие Дао является центральным в даосизме, берущим свое начало от полулегендарного мыслителя Лао-Дзы. В даосизме становление – Дао – базируется на неразрывном единстве двух противоположностей – мужского и женского (Инь и Ян), что нашло свое отражение в знаменитом графическом символе Дао. Таким образом, в даосизме имеет место и идея диалектики, раздвоения единого и перехода противоположностей друг в друга, их вечная противоположность и при этом слияние в нерасторжимом единстве целого, образующего путь, или Дао, наполняющий, пропитывающий все бытие.

В европейской традиции идея вечного диалектического становления обретает явные формы в учении Гераклита. Бытие, окружающий мир предстает в его текстах как процесс, источником и движущей силой которого опять выступает диалектическое раздвоение единого. В учении древнегреческого философа фиксируется вечная изменчивость и подвижность ткани бытия: «Все возникает в силу противоположности, все течет подобно реке» [11, с. 177]. Первоосновой всего сущего Гераклит мыслит огонь. Огонь, по мнению философа, – первоэлемент, и все вещи – обменный эквивалент огня.

На самом деле распространенные среди ранних греческих философов идеи первоэлементов, коими становились, как правило, огонь, вода, воздух, земля, имеют под собой определенную когнитивную образную основу. В частности, обращение мысли Гераклита к огню объясняется когнитивными механизмами познающего мышления, которое опирается на наиболее емкие и репрезентативные аналогии.

Суть процесса познания в значительной мере сводится к поиску или конструированию ментального объекта, назовем его когнитивным протоконструктом, обладающим набором свойств, которые могут быть перенесены на исследуемый объект. При этом когнитивный протоконструкт, на который опирается исследователь и его познающий разум, должен быть понятен и хорошо знаком мыслящему субъекту. Протоконструкт извлекается им из своей памяти, интеллектуального, чувственного или наблюдательного опыта.

В данном случае в учении Гераклита таким когнитивным протоконструктом, первоэлементом выступает огонь. Объект или, скорее, базовый класс объектов, которые представляются и наполняют смыслом понятие «огонь», с точки зрения Гераклита обладают набором наиболее фундаментальных базовых свойств, присущих реальности. Следует признать, что данное положение имеет под собой определенные основания. Огонь изменчив и вместе с тем закономерен, причинно обусловлен, но при этом вечно разный и непредсказуемый.

Пламя в своем танце напоминает внутреннюю динамику души или психических процессов, которые в свою очередь есть форма и проявление общей единой диалектики бытия. Впрочем, в качестве первоэлемента с той же обособенностью могут быть признаны и вода, и воздух. Эволюции облачных масс либо волнение водной поверхности моря также могут быть аллегорически соотнесены с универсальными представлениями о природе бытия и лежащих в его основе динамических процессах.

Данный феномен легко объясним с позиции современных представлений о фрактальной сущности природных структур и о детерминированно-хаотическом характере всех естественных динамических процессов, в которые эти фрактальные структуры вовлечены. Просто огонь, вода, воздух, земля – все это обладает общими фрактальными свойствами, природа или сущность которых была вскрыта и понята совсем недавно. Решающий вклад в это внес известный математик Бенуа Мандельброт, который сформулировал сущность парадигмы фрактальной геометрии природы [12]. Если можно так выразиться, то своеобразным первоэлементом концепции ученого выступает множество, названное в его честь – множество Мандельброта.

Множество Мандельброта обладает тем же набором фундаментальных свойств, что и огонь, вода, земля либо воздух. Структуры множества Мандельброта самоподобны и бесконечно детализируемы. Этими же фундаментальными свойствами обладают и огонь, и водная поверхность, и структуры ландшафтов (земли), и структуры облачных масс (воздуха). Поэтому теории первоэлементов, выдвигавшиеся греческими философами-досократиками, не столь наивны и произвольны. Они имеют под собой определенную и достаточно глубокую наблюдательную и когнитивную основу.

Большое значение в развитие философского видения мира имеет категория хаоса. Хаос, как сам термин, так и понятие, появляется также в текстах ранних греческих философов. По всей вероятности, понятие наследуется из космогонической мифологии и дополняется обыденным опытом античных авторов. Хаос как часть мироздания, разверзлая бездна встречается в текстах Гесиода.

Однако наиболее интересна трактовка стоиков, рассматривавших хаос как первоматерию, исходное состояние протовещества, первооснову и начало Вселенной. Наглядные парадигмальные образы, или протоконструкты, понятия хаоса черпаются из ранней космогонической мифологии и религиозных текстов. Хаос связывается с водной стихией, что также имеет под собой очевидные образные и когнитивные основания.

В различных древних космогониях мир возникает из первичного океана. В книге Бытия присутствует и образ хаоса, и образ протоокеана: «...и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1 : 2). В начале мира в качестве исходных начальных условий его существования и последующего развертывания присутствуют и разверзшаяся бездна, и протоокеан (по некото-

рым свидетельствам, в древнееврейском варианте *тоху ва-боху* – первичная жидкая протосубстанция, океан, водный хаос). На том витке диалектической спирали познания на уровне интуиции мир осознавался именно возникшим из некоего первородного хаоса. Причем мыслителями древности выдвигались и идея самоорганизации материи, и идея вечного становления на основе диалектического принципа раздвоения единого и перехода противоположностей друг в друга.

Важнейшее значение для данного исследования, а также для всего нового направления философской мысли, которое получило наименование *цифровая философия*, имеет идея пифагорейцев о вычислимости мира. Эта идея созвучна парадигме цифровой физики и отделившейся от нее цифровой философии. В рамках этой парадигмы Вселенная рассматривается в качестве огромной совокупности взаимодействующих алгоритмических примитивов или как гигантский сложный клеточный автомат. В данном случае мы подходим к главной идее настоящего исследования, состоящей в том, что бытие, космос представимы в форме континуальных вычислительных пространств. Новизна идеи, предлагаемой в настоящей работе, состоит в использовании именно континуальных вычислительных пространств вместо традиционных дискретных клеточных автоматов, а также в широком использовании явления детерминированного хаоса. На основе идеи онтологической первичности хаоса сформулирована также гипотеза об истинных, или темпоральных, числах и динамических, или кипящих, множествах, рассматриваемых в качестве источника эмерджентной спонтанности процессов становления.

Сталкиваясь с неизвестным объектом, который подлежит исследованию, познающий субъект прежде всего осуществляет поиск в своей памяти и в своем интеллектуальном опыте объектов и классов объектов с известной и понятной ему структурой. Часть свойств и методов найденных аналогов могут быть унаследованы исследуемым объектом с неизвестной структурой. И, таким образом, чем богаче интеллектуальный опыт субъекта, чем богаче его коллекция базовых объектов и классов, или, в нашей терминологии, когнитивных протококонструктов, тем эффективнее он в состоянии осуществлять познавательный процесс. При этом нет единственно возможных и правильных когнитивных протококонструктов. Они могут быть различны, но они должны быть адекватны и репрезентативно представлять и раскрывать сущность исследуемого объекта и/или класса.

То есть познать истину часто на практике означает подобрать адекватный когнитивный протококонструкт с известной структурой и экстраполировать его свойства на неизвестный исследуемый объект, а также выяснить механизм его внутреннего функционирования, перенести соответствующий набор методов или алгоритмических примитивов с известного объекта-протококонструкта на неизвестный, и вычленив наследуемую и уникальную часть его свойств и методов.

Метод когнитивных протоконструктов положен нами в основу подхода, примененного в настоящем исследовании. Речь идет о цифровой философии, когнитивном компьютерном моделировании. В данном случае в качестве когнитивных протоконструктов используются компьютерные программы, воспроизводящие специальным образом разработанные игры, происходящие на ячеистых континуальных вычислительных пространствах [13]. При этом объектом исследования выступают такие фундаментальные категории научного познания, как становление и хаос. В философском познании и на современном этапе постнеклассического научного знания они могут рассматриваться как ключевые и наиболее значимые для адекватного формирования современной научной картины мира.

Категория становления получает свое наибольшее развитие в немецкой классической философии. В онтологии Г.-В.-Ф. Гегеля она выступает ключевой категорией [14]. Становление показано немецким философом как результат диалектического взаимного перехода противоположностей – бытия и ничто. При этом Гегель рассматривает чистое бытие и абсолютное ничто как нечто, не существующее отдельно и автономно. Он уподобляет бытие чистому свету, а ничто – абсолютной темноте. Ученый отмечает, что одно в чистом изолированном виде не существует без другого. В данном контексте уместно упомянуть слова М. А. Булгакова, вложенные им в уста Воланда: «Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии, наслаждаться голым светом?» [15].

Две противоположности, сливаясь и переходя друг в друга, лежат в основе вечного процесса становления. Бытие и ничто никогда не проявляются в чистом самостоятельном виде, а предстают в форме наличного бытия. Наличное бытие как раз и представляет собой ту реальность, которая и предстает перед нашим взором, – смесь света и тени. Тень делает видимым свет, а свет подсвечивает тьму.

Современная наука глубоко математизирована. Математика играет роль языка и стандарта изложения конструктов современной науки. В какой-то степени можно утверждать, что идеал, провозглашенный некогда пифагорейцами, реализовался на практике. Современная физика оперирует математическим аппаратом как основным инструментом познания. Математические модели в физике стали стандартами когнитивных протоконструктов. Философия представляет собой одну из наименее математизированных на настоящий момент дисциплин. Вместе с тем ситуация в мире стремительно меняется. Группой авторитетных ученых (Конрад Цузе, Эдвард Фредкин, Стивен Вулфрем) была выдвинута концепция, или исследовательская программа, цифровой философии. В настоящей работе нами использован метод когнитивного компьютерного моделирования. Данный метод является инновационным элементом, внесенным автором настоящей работы в практику философского исследования.

Хаос как онтологическая основа постнеклассической научной картины мира

Если задаться вопросом о том, что является главным в современной синергетической парадигме, то наиболее правильным ответом будет – хаос. В новой синергетической парадигме и новой постнеклассической научной картине мира хаос занимает одно из ведущих мест. В синергетической парадигме понятие «хаос» имеет качественно иной смысл, нежели в классической или неклассической науке. В современном понимании хаос не имеет отношения к статистике, неопределенности и вероятности. Это строго детерминированное явление, репрезентирующее фундаментальное и ключевое свойство материи и всего нашего мира.

Понимание смысла какого-либо процесса или явления, как уже было отмечено автором, предполагает наличие опорных ассоциаций или когнитивных протоконструктов. В качестве такового протоконструкта рассмотрим следующую модель. Условно назовем эту модель протоконструкт **Ch** (аббревиатура **Ch** – это начальные буквы слова *Chaos*). Имеется одномерный массив действительных чисел из n элементов. Количество элементов в массиве должно быть нечетным, так как нами будет моделироваться симметричный рекурсивный вычислительный процесс, начинающийся из одной стартовой ячейки массива. В нашей модели предполагается, что массив замкнут в кольцо. То есть первый элемент массива **Ch0[1]** соседствует слева с n -м элементом **Ch0[n]**, а справа – с элементом **Ch0[2]**. Таким образом, любой из элементов массива **Ch0[i]** имеет двух соседей **Ch0[i–1]** и **Ch0[i+1]**. Массив **Ch0[1..n]** удобно представлять себе как полоску бумаги в клеточку, склеенную колечком.

Алгоритм моделирования выглядит следующим образом. Первоначально в центральную ячейку массива **Ch0[n//2]** при помощи программного генератора псевдослучайных чисел, равномерно распределенных в интервале от 0 до 1, заносится произвольное действительное число (в формате с плавающей точкой). На этом элемент случайности в программе заканчивается. Важно подчеркнуть, что во всех последующих операциях псевдослучайные числа не используются, а все расчеты осуществляются только по одной строго детерминированной формуле. В рассматриваемом примере нами будет использоваться простое унимодальное отображение. Конкретный вид уравнения не имеет принципиального значения. Важно лишь, чтобы при итерировании при определенных значениях параметра последовательность переходила к хаосу через серию бифуркаций удвоения периода по универсальному сценарию Фейгенбаума [16].

После того как начальное число помещено в центральный элемент массива, начинаются циклические расчеты. На каждом шаге основного цикла программы значение всех n элементов массива рассчитываются по одной и той же простой формуле. Цикл повторяется столько раз, сколько указывает значение переменной NG.

Цель постановки данного вычислительного эксперимента состоит в том, чтобы выявить и обосновать детерминированно-хаотическую природу ста-

новления, а также как возможную вычислительную онтологическую модель диалектики бытия и ничто средствами цифровой философии.

Действительные числа плохо поддаются цифровому представлению в памяти компьютера. Для современных цифровых компьютеров естественными являются дискретные целые числа. Однако действительные числа представляют собой важнейший инструмент познания природы. В компьютерах для представления действительных чисел используется специальный двоичный формат, известный как представление чисел с плавающей точкой. Естественно, что в результате того, что действительное число в общем случае бесконечно, а объем машинного слова ограничен, при операциях с числами с плавающей точкой в памяти цифрового компьютера происходит потеря информации. Разумеется, что различными средствами в современных компьютерах эти потери сведены к максимально возможному минимуму, но тем не менее они существуют и, что важно, фундаментально неустранимы.

Алгоритм работы моделирующей программы сводится к следующему. Первоначально в центральную ячейку массива заносится исходное число. Затем для каждого элемента массива рассчитывается новое значение, равное среднему из трех соседних ячеек – $Ch0[i-1]$, $Ch0[i]$, $Ch0[i+1]$. Среднее из трех соседних ячеек подставляется в уравнение, которое содержит нелинейность. Вспомогательный массив $Ch1[1..n]$ заполняется новыми значениями, которые на следующем шаге цикла перезаписываются в исходный массив $Ch0[1..n]$, и расчет повторяется снова. Таким образом, результат предыдущего расчета становится исходными данными для следующего шага. Код моделирующей программы на языке Python 3.7 приведен на рис. 1.

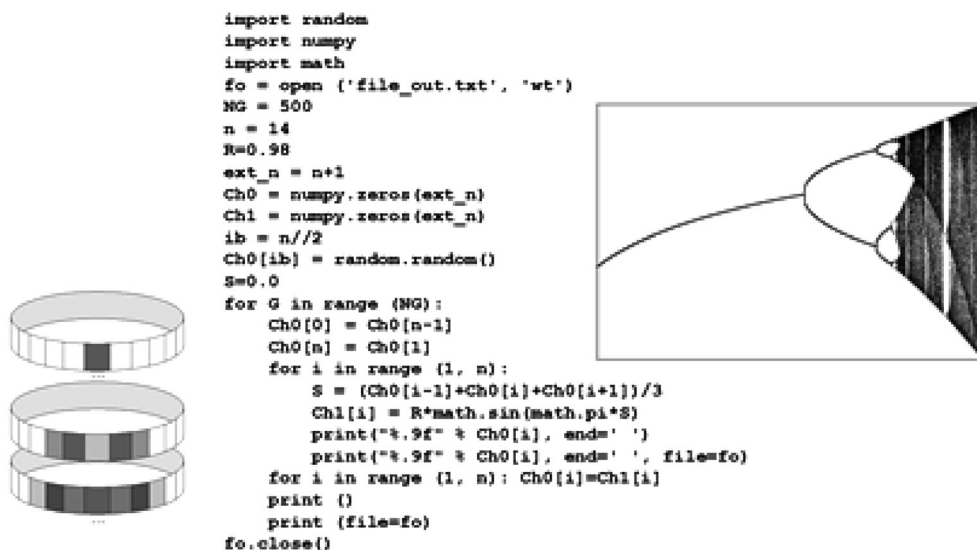

Рис. 1. Код моделирующей программы на языке Python 3.7

0	0	0	0	0	0	0,631399	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0,601782	0,601782	0,601782	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0,577508	0,933159	0,930325	0,933159	0,577508	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0,557198	0,979939	0,541475	0,207121	0,541475	0,979939	0,557198	0	0	0	0	0	0
0	0	0,539926	0,979259	0,805539	0,952069	0,956414	0,952069	0,805539	0,979259	0,539926	0	0	0	0	0
0	0,525046	0,979802	0,636675	0,266637	0,289119	0,1426	0,289119	0,266637	0,636675	0,979802	0,525046	0	0	0	0
0,51209	0,979987	0,767048	0,902183	0,929605	0,654493	0,671482	0,654493	0,929605	0,902183	0,767048	0,979987	0,512089	0	0	0
0,84656	0,686312	0,35195	0,399693	0,502142	0,688903	0,858549	0,688903	0,502142	0,399693	0,35195	0,686312	0,84656	0	0	0
0,59297	0,901497	0,977932	0,947605	0,975579	0,822124	0,702796	0,822124	0,975579	0,947605	0,977932	0,901497	0,592972	0	0	0
0,80034	0,514321	0,176538	0,101129	0,25829	0,489556	0,619088	0,489556	0,25829	0,101129	0,176538	0,514321	0,800344	0	0	0
0,78369	0,979958	0,722872	0,521749	0,76105	0,970501	0,974823	0,970501	0,76105	0,521749	0,722872	0,979958	0,783686	0	0	0
0,44735	0,501935	0,711164	0,84578	0,690566	0,296609	0,086274	0,296609	0,690566	0,84578	0,711164	0,501935	0,44735	0	0	0
0,97426	0,966199	0,816899	0,694769	0,921032	0,883847	0,639957	0,883847	0,921032	0,694769	0,816899	0,966199	0,974264	0	0	0
0,08739	0,246337	0,509537	0,548548	0,490313	0,538183	0,569659	0,538183	0,490313	0,548548	0,509537	0,246337	0,087395	0	0	0
0,41831	0,757237	0,959518	0,978742	0,976812	0,974827	0,968564	0,974827	0,976812	0,978742	0,959518	0,757237	0,418309	0	0	0
0,97527	0,771156	0,307229	0,087043	0,071383	0,081796	0,083825	0,081796	0,071383	0,087043	0,307229	0,771156	0,975271	0	0	0
0,28158	0,819848	0,920464	0,459166	0,243937	0,240737	0,251081	0,240737	0,243937	0,459166	0,920464	0,819848	0,281583	0	0	0
0,97266	0,837248	0,728641	0,971807	0,818437	0,682551	0,680191	0,682551	0,818437	0,971807	0,728641	0,837248	0,972655	0	0	0
0,22123	0,455353	0,456124	0,473121	0,513976	0,741064	0,824518	0,741064	0,513976	0,473121	0,456124	0,455353	0,221227	0	0	0
0,79151	0,908398	0,972853	0,978268	0,95216	0,804985	0,650664	0,804985	0,95216	0,978268	0,972853	0,908398	0,791511	0	0	0
0,49761	0,329295	0,14365	0,099089	0,268072	0,569527	0,685205	0,569527	0,268072	0,099089	0,14365	0,329295	0,497605	0	0	0
0,9635	0,833192	0,552567	0,499577	0,814377	0,979721	0,924042	0,979721	0,814377	0,499577	0,552567	0,833192	0,963497	0	0	0
0,24353	0,617327	0,90129	0,908697	0,660558	0,285078	0,119279	0,285078	0,660558	0,908697	0,90129	0,617327	0,243531	0	0	0
0,8971	0,943304	0,55312	0,515942	0,913306	0,880029	0,647651	0,880029	0,913306	0,515942	0,55312	0,943304	0,897097	0	0	0
0,26601	0,581396	0,842289	0,857608	0,648643	0,541481	0,569611	0,541481	0,648643	0,857608	0,842289	0,581396	0,266013	0	0	0
0,90079	0,960727	0,669889	0,617898	0,823163	0,943972	0,967518	0,943972	0,823163	0,617898	0,669889	0,960727	0,900789	0	0	0
0,24143	0,461829	0,694042	0,786179	0,588384	0,268822	0,147766	0,268822	0,588384	0,786179	0,694042	0,461829	0,241425	0	0	0
0,81891	0,974338	0,87686	0,811342	0,968973	0,851245	0,644545	0,851245	0,968973	0,811342	0,87686	0,974338	0,81891	0	0	0
0,38717	0,331859	0,339157	0,344316	0,368801	0,520976	0,619096	0,520976	0,368801	0,344316	0,339157	0,331859	0,387171	0	0	0
0,89784	0,876969	0,856462	0,874243	0,942251	0,979958	0,960696	0,979958	0,942251	0,874243	0,856462	0,876969	0,897844	0	0	0
0,3294	0,369072	0,391394	0,329106	0,207313	0,114366	0,075855	0,114366	0,207313	0,329106	0,391394	0,369072	0,329397	0	0	0
0,86264	0,890993	0,890869	0,809276	0,617361	0,396289	0,307311	0,396289	0,617361	0,809276	0,890869	0,890993	0,86264	0	0	0
0,38329	0,356463	0,406893	0,642288	0,924497	0,962826	0,895228	0,962826	0,924497	0,642288	0,406893	0,356463	0,383288	0	0	0
0,90463	0,913669	0,97522	0,861887	0,463452	0,221234	0,182747	0,221234	0,463452	0,861887	0,97522	0,913669	0,90463	0	0	0

a

0,303299	0,117517	0,133223	0,301066	0,547125	0,553158	0,391789	0,114199	0,407757	0,937868	0,914958	0,951643	0,792848			
0,936273	0,537218	0,5353	0,839008	0,974775	0,979966	0,877408	0,801046	0,979133	0,685242	0,199265	0,342131	0,82313			
0,658321	0,844158	0,890399	0,617465	0,210024	0,171372	0,34312	0,343921	0,520405	0,909799	0,940119	0,970155	0,79191			
0,660016	0,581927	0,61512	0,9546	0,84812	0,674227	0,767007	0,934369	0,939898	0,600387	0,18356	0,300704	0,558974			
0,931744	0,912287	0,760539	0,561119	0,510344	0,663826	0,596095	0,359546	0,512352	0,953199	0,888752	0,870014	0,979792			
0,179779	0,394313	0,704517	0,921365	0,950402	0,941012	0,972341	0,97945	0,923755	0,613296	0,291135	0,264966	0,222235			
0,725754	0,95378	0,838153	0,42071	0,190907	0,139348	0,109781	0,12736	0,475262	0,922692	0,921833	0,713219	0,630178			
0,648307	0,474197	0,719536	0,978645	0,693665	0,435776	0,376442	0,665152	0,979656	0,640502	0,437796	0,68181	0,811028			
0,880729	0,917805	0,746943	0,582779	0,787931	0,979981	0,979725	0,837592	0,666874	0,817423	0,94387	0,882029	0,76729			
0,430382	0,449042	0,694758	0,782054	0,616183	0,255984	0,206465	0,503983	0,638884	0,552397	0,35759	0,404978	0,463057			
0,966697	0,977045	0,884156	0,797041	0,967248	0,886132	0,83096	0,967827	0,959584	0,978717	0,96166	0,939825	0,958245			
0,100409	0,175666	0,343291	0,35269	0,350797	0,318081	0,317518	0,245336	0,096182	0,102479	0,122621	0,143436	0,138319			
0,412051	0,591989	0,775386	0,87168	0,859555	0,841639	0,781179	0,623913	0,439412	0,323531	0,368892	0,4027	0,381812			
0,973007	0,938343	0,700861	0,484103	0,423869	0,505582	0,695333	0,916915	0,973129	0,908063	0,893227	0,916155	0,93094			
0,161116	0,387122	0,778542	0,973642	0,975987	0,971645	0,781944	0,412264	0,205653	0,229355	0,28576	0,263223	0,183531			
0,67961	0,963921	0,768462	0,275212	0,080701	0,273829	0,75126	0,974616	0,759838	0,67143	0,713221	0,68016	0,582545			
0,710107	0,566028	0,844781	0,905156	0,60044	0,897765	0,848856	0,502641	0,571132	0,765149	0,81352	0,860787	0,876739			
0,759744	0,780031	0,643481	0,616433	0,573309	0,619146	0,693566	0,885579	0,918921	0,761731	0,542788	0,443954	0,535782			
0,80732	0,739667	0,827472	0,920937	0,929176	0,901013	0,729455	0,491718	0,430006	0,711963	0,947012	0,979727	0,949344			
0,493257	0,597027	0,500559	0,324629	0,252526	0,43607	0,779241	0,967745	0,970411	0,799428	0,361995	0,126813	0,267107			
0,969092	0,975569	0,976751	0,885729	0,855409	0,979444	0,739803	0,285808	0,265929	0,773197	0,956002	0,697244	0,78503			
0,273716	0,080561	0,165408	0,285325	0,282679	0,42222	0,8461	0,956742	0,963577	0,851194	0,553858	0,543796	0,53257			
0,784827	0,507389	0,517545	0,680824	0,843644	0,978603	0,710824	0,237331	0,232255	0,60176	0,873722	0,970902	0,967948			
0,68555	0,928891	0,957339	0,826333	0,487268	0,46032	0,883756	0,925627	0,882912	0,956902	0,536855	0,191116	0,279637			
0,897729	0,424881	0,290549	0,677604	0,939957	0,921595	0,678521	0,310347	0,238303	0,595226	0,961692	0,852582	0,917207			
0,700314	0,973127	0,973858	0,891857	0,454798	0,453964	0,890854	0,940274	0,912638	0,933539	0,568114	0,271952	0,334359			
0,844674	0,353786	0,164604	0,639954	0,931839	0,932157	0,667038	0,259818	0,217333	0,5641	0,940049	0,923591	0,959975			
0,756126	0,969941	0,917943	0,950124	0,486485	0,462164	0,911553	0,912755	0,869074	0,953759	0,552758	0,179988	0,275145			
0,848082	0,356933	0,165448	0,613096	0,895786	0,911104	0,665999	0,309289	0,2679	0,596105	0,961368	0,852725	0,935541			
0,767665	0,970997	0,909462	0,963715	0,559311	0,513894	0,900864	0,944774	0,923209	0,92366	0,567529	0,254005	0,364244			
0,79108	0,352997	0,159208	0,548728	0,829131	0,861697	0,609101	0,234918	0,21214	0,564015	0,947872	0,927422	0,973014			
0,782401	0,95928	0,878223	0,979262	0,700502	0,655802	0,957348	0,876038	0,85433	0,953155	0,542915	0,15502	0,331015			
0,820337	0,379857	0,186894	0,437592	0,628175	0,645269	0,499577	0,314801	0,318873	0,616415	0,967759	0,853305	0,946215			
0,763917	0,973157	0,8850925	0,975195	0,956166	0,940718	0,921915	0,908009	0,94663	0,839398	0,544676	0,236474	0,799319			

В программе нет никакого элемента случайности. Массив абсолютно симметричен. Расчет начинается с произвольного числа из интервала от 0 до 1. Для каждого элемента массива применяется одна и та же формула. Законы логики, арифметики и здравого смысла говорят о том, что симметричные относительно центральной ячейки элементы массива должны быть всегда равны, ибо иной информации просто неоткуда взяться. Так оно и происходит при значениях параметра **R**, лежащих вне зоны детерминированного хаоса. Однако при близких к 1 значениях параметра логика, здравый смысл и арифметика нарушаются. Через некоторое количество циклов симметрия массива самопроизвольно нарушается. В итоге расчетов массив оказывается полностью несогласованным – квазихаотическим. На самом деле, конечно, чуда в этом нет. При операциях с числами с плавающей точкой возникает небольшая погрешность. Этого оказывается вполне достаточно, чтобы нелинейность усилила эти малые флуктуации до макроскопических размеров и нарушила порядок всей описанной цифровой арифметической системы. Типичный пример выходного файла программы приведен на рис. 2.

Видно, что начальные генерации строго симметричны относительно центрального элемента массива, а конечные генерации внешне выглядят абсолютно хаотично.

Темпоральные числа и динамические множества

После обретения времени физикой математика продолжает оставаться единственной строгой наукой, в которой отсутствует время. Все математические конструкции статичные, вечные и вневременные. Числа и связанные с ними множества статичны. Это противоречит специфике вычислений, производимых природой. Природа считает в истинных, или темпоральных, числах, и ни одно вычисление в природе не повторяется дважды. Числа, которыми оперирует реальность, переменчивы, и это свойство необходимо отразить в основаниях математической науки. Всякий раз число принимает какое-то значение, при этом некоторая его часть всегда изменчива. Сама эта изменчивость также выражается истинным, или темпоральным, числом.

Поясним смысл вводимого нами понятия истинного, или темпорального, числа. Математика представляет собой язык и основной инструмент познания и описания реальности в современной науке. По существу, всю Вселенную можно представить в виде гигантской параллельной вычислительной системы. Однако Вселенная – это эволюционирующая творческая система, в которой происходят процессы становления, синтеза информации практически из ничего. Развитие Вселенной – это неповторимая история, каждый миг которой значим. Но при этом все, что в ней происходит, может быть сведено к вычислениям. Однако объективные вычислительные процессы во Вселенной локализованы во времени и пространстве. Всякий элементарный вычислительный акт неповторим, уникален и свершается в истории Вселенной единожды.

Разумеется, в ряде объективных закономерных процессов присутствуют повторяющиеся на определенном уровне сценарии. Именно на них и сконцентрировалась вся наука классического и неклассического периодов. Лишь в области синергетики впервые в физико-математическом знании появляется истинное время. Речь идет прежде всего о детерминированном хаосе. В рамках данной теории в математике впервые возникает вопрос о времени. До этого момента время присутствовало в уравнениях математической физики в виде оси t . Неклассическая наука и релятивистская механика, в частности, также мало изменили данное положение. В них также отсутствует понятие историчности, то есть истинное время. Время сведено к своеобразному геометрическому измерению. Современная математика не очень приспособлена для описания истинного, эмерджентного, исторического, бергсоновского времени.

Важнейшей категорией математики выступает понятие числа. В настоящее время все числовые множества статичны. Однако для описания процессов становления целесообразно ввести специальные числа, назовем их *истинными*, или *темпоральными*. Особенность темпоральных чисел состоит в том, что по крайней мере некоторая доля содержащейся в них информации переменна, уникальна и связана с конкретным моментом исторического времени, который случается единожды.

Идея динамических множеств высказывалась биофизиком А. П. Левичем. Он отмечал, что, «возможно, для более содержательного моделирования времени следует подумать об аксиоматическом введении особых “динамических множеств”, примерами которых являются такие открытые к изменениям совокупности, как популяции организмов в биосфере, словари языков, совокупности мыслеобразов в человеческом сознании и т. п.» [17]. Для обозначения несчетного множества темпоральных чисел можно предложить другой, более образный термин – «*кипящие множества*». Он, вероятно, более точно схватывает суть и отображает смысл планируемого нововведения. Извлечь число из кипящего множества можно лишь единожды. При повторном обращении к этому же «участку» множества будет получено, возможно, очень близкое, но все-таки иное число. Состояние кипящего множества всегда уникально, неповторимо и связано с истинным временем.

Приведенная компьютерная модель дает возможность продемонстрировать “замороженные” темпоральные числа, аналогами которых выступают действительные числа с плавающей точкой. В них, как было сказано ранее, присутствует неустранимая и трудно контролируемая погрешность. “Замороженными” они названы потому, что наша детерминированно-хаотическая модель, использующая числа с плавающей точкой, реализуется на цифровой вычислительной машине. Модель может порождать огромное множество сценариев, но в принципе каждый сценарий повторим, если начать моделирование с одного и того же фиксированного числа. Поэтому некоторая условная непредсказуемость потери информации при вычислениях с числами с плавающей точкой может служить лишь единичным срезом замороженной темпоральной реальности.

**Идея самоорганизации.
Когнитивный алгоритмический протоконструкт**

Ключевой идеей синергетики и всей постнеклассической науки выступает теория самоорганизации. Поясним сущность механизма самоорганизации, используя метод когнитивного компьютерного моделирования и подход цифровой философии. Тогда задача может быть сформулирована как поиск и конструирование когнитивного протоконструкта в виде работающей компьютерной программы, которая имитирует вычислительную (клеточно-автоматную) модель, максимально просто выражающую сущность идеи самоорганизации. В качестве таковой модели рассмотрим следующий алгоритм. Пусть имеется одномерный массив из n элементов. Его удобно представлять в виде полоски бумаги в клеточку шириной в одну клетку. Выражаясь более строго, речь идет про одномерный клеточный автомат или одномерное вычислительное пространство размером n ячеек. При этом сегментированная лента замкнута в кольцо. То есть соседом n -й ячейки будет ячейка с номером 1.

Эволюция автомата происходит в виде последовательности дискретных тактов. Каждая ячейка может находиться в одном из двух состояний. Введем обозначение состояния ячеек как 0 или 1. Первоначально ячейки массива заполняются случайной последовательностью нулей и единиц. Далее правила перехода запишутся в следующем виде. Если текущая i -я ячейка находится в состоянии 0, то в следующий момент дискретного времени она переходит в то состояние, в котором находилась ячейка с номером $i-1$. Если текущая i -я ячейка находилась в состоянии 1, то в следующий момент времени или на следующем такте она переходит в состояние, в котором в текущий момент находилась правая ячейка с номером $i+1$.

Этот несложный набор правил, будучи примененным к исходной случайной последовательности, приводит к ее самоорганизации и постепенному преобразованию в строго упорядоченную последовательность 010101010101... Примеры моделирования приведены на рис. 3.

Здесь s_0 и s_1 – соответственно количества нулей (0) и единиц (1) в последовательности. Легко видеть, что они не меняются в течение сеанса моделирования. При постоянном общем количестве нулей и единиц последовательность быстро и самопроизвольно перестраивается из случайной в строго упорядоченную под действием элементарных локальных правил перехода. Таким образом, можно заключить, что элементарная двоичная самомодифицирующая программа самопроизвольно организуется из случайного состояния в упорядоченное, и для этого процесса достаточно самых элементарных правил перехода и локальных взаимодействий между ячейками или элементами системы. При этом наиболее «качественный» исходный хаос гарантирует наиболее строгий конечный порядок. Под «качественным» хаосом в данном случае понимается распределение серий нулей и единиц, следующих подряд, подчиняющееся

[illegible][illegible]

Рис. 3. Примеры моделирования самоорганизующейся двоичной последовательности

видуальности, а в перспективе, в конечном своем виде, – к возникновению элементов психики и основы сознания.

Немаловажное значение имеет также общий механизм самопроизвольного возникновения порядка из хаоса. Принцип сохранения сложности, до настоящего времени стоящий на вооружении части научного сообщества, утверждает невозможность самопроизвольного преобразования простого в сложное, хаоса – в порядок. Опыт, однако, говорит об обратном. Приведенная в статье модель в минималистичном, предельно простом виде иллюстрирует идею и принцип самоорганизации, самопроизвольной трансформации двоичного хаоса в порядок посредством только элементарных локальных взаимодействий.

Список использованных источников

1. Глейк, Дж. Хаос: создание новой науки / Дж. Глейк. – СПб. : Амфора, 2001. – 398 с.
2. Robnik, M. Chaos and Revolution in 20th-Century Science / M. Robnik // Open Systems and Information Dynamics. – 1995. – Vol. 3, № 1. – P. 3–22.
3. Gregori, C. Chaos, Strange Attractors and Fractal Basin Boundaries in Nonlinear Dynamics / C. Gregori, E. Ott, J. A. Yorke // Science. – 1987. – Vol. 238. – P. 632–638.
4. Bountis, T. Fundamental Concepts of Classical Chaos I / T. Bountis // Open Systems and Information Dynamics. – 1995. – Vol. 3, № 1. – P. 23–95.
5. Горизонты синергетики: структуры, хаос, режимы с обострениями / под ред. Г. Г. Малинецкого. – М. : Ленанд, 2019. – 464 с.
6. Колесников, А. В. Когнитивные протококонструкты и проблема междисциплинарной интеграции научного знания / А. В. Колесников // Проблемы управления. – 2014. – № 1. – С. 105–109.
7. Микулин, А. В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия / А. В. Микулин // Вестн. Север. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и социал. науки. – 2016. – № 2. – С. 76–86.
8. Fredkin, E. An Introduction to Digital Philosophy / E. Fredkin // Int. J. Theor. Phys. – 2003. – Vol. 42, № 2. – P. 189–246.
9. Wolfram, S. Cellular automata as models of complexity / S. Wolfram // Nature. – 1984. – № 311 (5985). – P. 419–424.
10. Wolfram, S. A New Kind of Science / S. Wolfram. – Champaign : Wolfram media Inc., 2002. – 1280 p.
11. Фрагменты ранних греческих философов. От эпических тео-космогоний до возникновения атомистики. – М. : Наука, 1989. – Ч. 1. – 576 с.
12. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М. : Ин-т компьютер. исслед., 2002. – 656 с.
13. Zuse, K. Calculated space / K. Zuse. – Cambridge : Massachusetts Institute of Technology, 1970. – 94 p.
14. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1997. – 800 с.
15. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа : http://rulibrary.ru/bulgakov/master_i_margarita – С. 274–275. – Дата доступа : 10.02.2019.
16. Фейгенбаум, М. Универсальность в поведении нелинейных систем / М. Фейгенбаум // Успехи физ. наук. – 1983. – № 2. – С. 343–374.
17. Левич, А. П. О «динамических множествах» [Электронный ресурс] / А. П. Левич // Математика, компьютер, образование. – Режим доступа : <http://www.mce.su/archive/doc61551/doc.pdf> – Дата доступа : 15.02.2019.

И. Е. Прись

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В КОНТЕКСТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Мы предлагаем точку зрения «контекстуального реализма» в философии физики и применяем ее для понимания природы пространства и времени. Согласно контекстуальному реализму, физическое бытие (онтология) контекстуально. Бытие являет себя как объект в широком смысле в рамках явления, предполагающего различие между видимостью и реальностью. В наших витгенштейновских терминах такое (нормативное) явление есть «языковая игра», то есть употребление нормы (правила). Смысл и природа пространства и времени определяются путем исследования корректного употребления концептов пространства и времени, укорененных в практике их применений. Они не однозначны, поскольку существуют различные концепты пространства, времени и пространства-времени и их употребления. Физическая теория играет роль правила для «измерения» реальности, а практика ее применений – «формы жизни» в смысле позднего Витгенштейна. Пространство-время реально, контекстуально и плюралистично. Мы иллюстрируем точку зрения контекстуального реализма на примерах из специальной теории относительности и теории струн.

Ключевые слова: пространство, время, метафизический реализм, контекстуальный реализм, плюрализм, языковая игра, правило, Витгенштейн, теория относительности, теория струн

I. Pris

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SPACE AND TIME IN THE CONTEXT OF PHYSICAL THEORY

We propose the point of view of “contextual realism” in the philosophy of physics and use it to understand the nature of space and time. According to contextual realism, the physical being (ontology) is contextual. The being reveals itself as an object in a broad sense within a phenomenon, which implies a distinction between appearance and reality. In our Wittgensteinian terms, such a (normative) phenomenon is a “language game”, that is, a use of a norm (rule). The meaning and nature of space and time are revealed through investigation of the correct use of the concepts of space and time, rooted in the practice of their application. They are not straightforward, because there are different concepts of space, time and space-time. The physical theory plays the role of a Wittgensteinian rule for “measuring” reality, and the practice of its application plays the role of a physical “form of life” in the sense of the later Wittgenstein. Space-time is real, contextual and pluralistic. We illustrate the contextual realism on the examples from the special theory of relativity and string theory.

Keywords: space, time, metaphysical realism, contextual realism, pluralism, language game, rule, Wittgenstein, theory of relativity, string theory

Введение

В данной статье мы принимаем точку зрения «контекстуального реализма» в философии физики и применяем ее для понимания природы пространства и времени. Мы комбинируем нашу аналитическую интерпретацию позднего Витгенштейна, контекстуальный реализм французского философа Жослена Бенуа и философские взгляды некоторых выдающихся физиков [1–19].

Согласно контекстуальному реализму, как мы его понимаем, физическое бытие (онтология) контекстуально. Бытие являет себя как объект в широком смысле в рамках явления, предполагающего различие между видимостью и реальностью. В витгенштейновских терминах, такое (нормативное) *явление* есть «языковая игра», то есть *употребление* нормы (правила).

Смысл и природа пространства и времени выявляются путем исследования корректного *употребления* концептов пространства и времени, укорененных в практике их применений («смысл есть употребление»). Другими словами, пространство-время *дано* как физическое явление в рамках языковой игры употребления концепта пространства-времени и соответствующей физической теории: ньютоновой механики, специальной теории относительности (далее СТО), общей теории относительности (далее ОТО), петлевой квантовой гравитации, теории струн, некоммутативной геометрии и т. д. Физическая теория играет роль правила/нормы для «измерения» реальности, а практика ее применений – «формы жизни» в смысле позднего Витгенштейна.

В рамках устоявшихся теорий и описываемых ими явлений мы способны постигнуть сами вещи, а не вещи уже мыслимые или несущие «теоретическую нагрузку». В частности, мы способны постигнуть подлинную природу пространства и времени, которая неоднозначна. Как пишет Ж. Бенуа, «меняя нашу точку зрения, мы меняем наш способ схватывания реальности, и мы внезапно переходим от одного *измерения* реальности к другому, в рамках которого просто-напросто нет смысла пытаться найти “тот же самый” элемент реальности» [10, р. 84].

Неметафизический взгляд на пространство и время

Заглавие данной статьи могло бы быть следующим: «Неметафизический взгляд на пространство и время». Но не «антиметафизический». Мы пытаемся избавиться лишь от метафизики бессмысленной, то есть не подчиняющейся никаким правилам. Осмысленная метафизика сохраняется, и она необходима: речь пойдет о реальных вещах, самих вещах. Мы утверждаем, что пространство-время реально, контекстуально и плюралистично.

Мы разделяем взгляд Жослена Бенуа, что в известном смысле традиционная метафизика в буквальном смысле трактует нормы как реальности [9, р. 61]. Таким образом, мы принимаем категориальное различие между реальным и идеальным. Метафизика смешивает эти категории. «Провал между фактическим – реальным: тем, что всегда есть лишь то, что оно есть, – и нормой, которая имеет

предназначение его выявить, корректно или некорректно... составляет фундаментальную структуру того, что я называю... “реализмом”» [10, р. 99]. На самом деле, на наш взгляд, это также структура витгенштейновской проблемы следования правилу [2; 3], структура проблемы измерения в квантовой механике и структура так называемой трудной проблемы, или проблемы «объяснительного провала», в философии сознания [3]. Мишель Битболь также считает, что упомянутые проблема измерения и трудная проблема имеют одинаковую структуру [20].

Принимать нормы за реальности равносильно не употреблять их в контексте. То есть метафизическая точка зрения есть деконтекстуализированная точка зрения. Неметафизический подход – контекстуален: нормы (правила, концепты) вырабатываются и употребляются в контексте, в реальности и к реальности. Можно даже сказать, что контекст есть сама реальность [6, ch. 3]. Смысл реального, реального бытия вариабелен (что не означает вариабельность самого концепта реальности, согласно которому реальность просто такова, какова она есть). Контекстуализм – реализм.

В витгенштейновских терминах, которые в данной статье мы трактуем аналитически, нормы (правила, концепты) управляют языковыми играми в рамках формы жизни, и они укоренены в реальности. Другими словами, они употребляются в рамках языковых игр, то есть в контексте, для «измерения» реальности, для идентификации ее элементов [3]. Реальность первична. Ее познание, предполагающее употребление концептов и языка, вторично. И вместе с этим вторична и онтология, то есть то, что существует как имеющее ту или иную идентичность. Онтология вторична и контекстуальна. Метафизика смешивает вопрос исследования реальности с вопросом исследования онтологии, деконтекстуализирует последнюю. Для метафизики реальность есть фиксированный каталог существующих вещей. Для метафизики (метафизическая) реальность как бы объясняет саму себя.

На самом деле реальность как таковая, то есть вне применения норм, бессмысленна в том смысле, что нет смысла говорить о ее смысле или концептуальной структуре [8]. В частности, она не пространственно-временная. И она нам не дана. И поэтому не дана и как пространственно-временная реальность. Пространственно-временная реальность есть фрагмент реальности (как таковой), концептуализированный при помощи концептов пространства и времени.

О реальности как таковой вообще нельзя ничего сказать, кроме того, что она есть, что она такова, какова она есть. Понятие реальности категориальное; оно указывает на логический статус (см., например, [8; 10]).

Следовательно, возможна физическая теория без пространства и времени, то есть теория, которая не содержит концепты пространства и времени в качестве своих фундаментальных концептов. В некоторых теориях квантовой гравитации фундаментальная реальность не пространственно-временная. Она алгебраическая, комбинаторная или еще какая-либо. Пространство-время, в частности релятивистское пространство-время ОТО, эмерджентно исходя из структур, которые не являются пространственно-временными [21; 22]. Батист Ле Биан

говорит о научной проблеме вывода физической теории с пространством-временем из теории без пространства-времени как о «легкой проблеме» философии пространства-времени по аналогии с «легкой проблемой» философии сознания (она, конечно, не является легкой в техническом смысле) [23]¹.

Тем не менее в другом смысле концептуализированный фрагмент реальности всегда пространственно-временной. Применение теории вне пространства-времени невозможно, поскольку такое применение (как концепта) есть языковая игра. Мы также называем его «явлением» (феноменом): оно может быть корректным («соответствовать» реальности) или нет. То есть предполагается различие между видимостью и реальностью. По определению явление пространственно-временное.

Для Л. Витгенштейна, «если Вы говорите “Когда я слышал это слово, оно означало ... для меня”, Вы отсылаете к *моменту времени* и *употреблению слова*. – Замечательной вещью относительно этого является, конечно, отношение к моменту времени» [24, § 175]. То есть языковые игры, в частности употребление слова, пространственно-временные.

Для Аристотеля явление имеет следующую логику: «...то, что представляется, существует не [вообще], а лишь для того, кому оно представляется, когда, как и в каких условиях оно представляется» [25, с. 139–140].

Для Иммануила Канта чистые интуиции пространства и времени – априорные формы чувственного созерцания суть априорные условия нашего понимания и опыта [32].

Для Дэвида Гросса очень трудно вообразить формулировку физики без времени как первичного концепта, поскольку физика типично мыслится как предсказывающая будущее, исходя из данного прошлого [16].

Таким образом, даже если теория, например теория квантовой гравитации, не пространственно-временная в указанном выше смысле, ее применение к реальности – языковая игра – не может не быть пространственно-временной.

Отметим, что мы трактуем физическую теорию как концептуальную схему, укорененную в реальности. (В частности, мы отвергаем точку зрения на теорию, предлагаемую семантическим реализмом.) Такую теорию мы называем витгенштейновским правилом (далее в-правилом) [2; 3]². Наша точка зрения

¹ Отметим, что уравнения Эйнштейна ОТО содержат время. Но они могут быть записаны в виде, не содержащем временной параметр. Это, очевидно, не означает, что времени нет. Это означает, что прямая пространственно-временная визуализация реальности не всегда необходима (см. также [17; 18]).

² «Укорененность в реальности» предполагает выполнение условий подходящести и адекватности (эти два условия вводятся в [6]). В нашей терминологии первое условие соответствует требованию существования области применимости теории («формы жизни»), а второе – более сильному требованию принятия во внимание конкретных условий применения теории в контексте. С нашей точки зрения, критерием устоявшейся физической теории является ее нефальсифицируемость (при наличии осмысленности) [2]. Псевдотеория не фальсифицируема, но она не имеет области своей применимости (и поэтому, строго говоря, бессмысленна), и следовательно, в ее рамках невозможны истинные или ложные (обосновываемые) высказывания.

близка к точке зрения Альберта Эйнштейна (письмо Э. Кассиреру от 5 июня 1920 г.; цит. по: [26]): «Концептуальные схемы мне кажутся пустыми, если способ, в соответствии с которым они отсылают к опыту, не установлен». А. Эйнштейн также пишет (и это направлено против И. Канта): «Относительно способа построения и связи наших концептов и способа, в соответствии с которым мы их координируем с чувственным опытом, на мой взгляд, ни в малейшей мере нельзя что-то сказать априори» [27, S. 315]¹.

Известная точка зрения Нильса Бора и Вернера Гейзенберга, что философская позиция Альберта Эйнштейна представляет собой «традиционный» (метафизический) реализм, оспариваема. Вот, например, что пишет сам А. Эйнштейн: «Решающим является лишь успех в упорядочивании опытных данных. Правила для связи концептов должны быть оговорены только в общем, так как в противном случае знание того вида, которое мы пытаемся получить, было бы невозможным. Эти правила сравнивали с правилами игры – правилами, которые сами по себе произвольны, но определенность которых в первую очередь и делает игру возможной. Однако эта установка правил никогда не может быть окончательной. Скорее можно лишь утверждать ее пригодность для предполагаемой области применения (то есть, нет последних категорий в смысле Канта)» [27, S. 315].

Цитируемые слова содержат и понятие правила, и сравнение применения правила с игрой, и указание на необходимость принятия во внимание области применимости правила. «Правила игры», о которых говорит А. Эйнштейн, – это витгенштейновские правила языковых игр.

«Провал» между теорией (которая идеальна и играет роль нормы) и реальностью логический. Он закрывается в рамках языковой игры ее применения. Это структура витгенштейновской проблемы следования правилу. Как мы уже упоминали, это также структура контекстуального реализма в смысле Бенуа [10, р. 99]. Контекстуальный реализм – это «реализм не идеальности, а правила, трактующий реальные инстанции не как приближения к чему бы то ни было, а как применения, корректные или некорректные, правила» [11, р. 20]. Таким образом, в рамках контекстуального реализма в нашем понимании, трактующего устоявшуюся физическую теорию как (по определению) нефальсифицируемое витгенштейновское правило, имеющее область своей применимости, не возникают проблемы недостижимости идеала, точного описания реальности (применения теории), статуса приближенной теории [3].

Так называемая трудная проблема в философии сознания и проблема измерения в квантовой механике, – отметим это еще раз, – также имеют структуру контекстуального реализма [2; 20].

Батист Ле Биан говорит о трудной проблеме философии пространства-времени [23]. Наша точка зрения состоит в том, что эта проблема может быть

¹ Согласно Майклу Фридману, специальная и общая теории относительности Эйнштейна инстанцируют концепцию относительной априори Райхенбаха [28], которую, на наш взгляд, можно понять как «грамматику» формы жизни.

устранена тем же способом, каким устраняется трудная проблема философии сознания, то есть прагматически, в рамках контекстуального реализма. «Объяснительный провал» имеет логическую природу. В действительности он не существует.

С нашей, в широком смысле витгенштейновской, точки зрения, концепты пространства и времени не имеют особого статуса в сравнении с другими концептами. Это также мнение А. Эйнштейна: «С моей точки зрения, Кант оказал неблагоприятное влияние на нашу мысль в том, что он приписал специальный статус пространственно-временным концептам и их отношениям по контрасту с другими концептами» [15, S. 1690].

Смысл и природа пространства и времени выявляется в результате исследования корректных употреблений концептов пространства и времени, укорененных в практике их применений и соответствующих физических теориях, например, механике Ньютона, СТО, ОТО, петлевой квантовой гравитации, некоммутативной геометрии, теории струн и т. д. («Смысл есть употребление» – и это полнокровный смысл пространства, времени или пространства-времени как самих реальных вещей.) Поскольку существуют различные концепты пространства и времени и различные их употребления (всегда в контексте), смысл и природа пространства и времени неоднозначны.

В общем случае, согласно контекстуальному реализму, как мы его понимаем, физическое бытие (онтология) контекстуально. Бытие являет себя как объект в широком смысле в рамках явления, предполагающего различие между видимостью и реальностью. Последняя может играть роль нормы, выражаемой теорией. Теория, укорененная в реальности, – это правильно понятый платоновский идеал. Подлинный реализм требует прислушаться к его голосу: «Чем была бы реальность – для чего она *имела бы значение* – без идеала?» – пишет Ж. Бенуа [11, р. 11].

В наших витгенштейновских терминах (нормативное) *явление* есть «языковая игра», то есть *употребление* нормы (правила). Другими словами, пространство, время или пространство-время *даны* как физические явления в рамках языковых игр употребления концептов пространства, времени или пространства-времени и соответствующих физических теорий. Физическая играет роль правила/нормы, а практика ее применений – «формы жизни» в смысле позднего Витгенштейна.

И. Кант полагал, что евклидова геометрия самоочевидная (априорная синтетическая) истина о пространстве (подробнее см., например, [29]). Однако геометрические аксиомы не самоочевидные истины о физических пространстве и времени. А. Эйнштейн применил к пространству-времени неевклидову геометрию. Сама геометрия может быть реконструирована на алгебраическом языке. Некоммутативное (алгебраическое) пространство-время обобщает ОТО и объединяет все виды взаимодействий. В рамках ОТО гравитация и пространство-

время – одно и то же. В рамках некоммутативной геометрии все взаимодействия (поля) и некоммутативное пространство-время – одно и то же [30; 31]¹. То есть математические теории, в частности теории пространства-времени идентифицируют физические объекты (вещи) и структуры лишь в физическом контексте. Пространство-время не фиксировано, а контекстуально.

Философы и физики о пространстве и времени

Для Готфрида Лейбница и Исаака Ньютона пространство и время реальны, то есть не зависят от сознания. Для Лейбница они суть отношения между вещами. Для Ньютона – конкретные субстанции: пространство и время абсолютны и существуют независимо от вещей и их отношений. Точка зрения Лейбница восходит к Аристотелю. Точка зрения Ньютона – к Платону.

Для Иммануила Канта пространство и время не реальны, не объективны: они ни субстанции, ни свойства вещей, они отношения между ними, ни акциденты. Для него пространство и время субъективны и трансцендентально идеальны, то есть чистые интуиции, априорные формы созерцания и любого опыта человека. И. Кант также пишет, что время обладает как «эмпирической реальностью», так и «трансцендентальной идеальностью» [32, A35-6/B52, р. 181]. Мы можем познавать определенные области пространства и промежутки времени [33].

Некоторые авторы считают, что Кант синтезировал реляционистскую и субстантивистскую (абсолютистскую) концепции пространства и времени [34].

Во всяком случае, мы полагаем, что философия позднего Витгенштейна, как мы ее понимаем, позволяет перейти от трансцендентальной кантианской или неокантианской точки зрения на пространство и время к натурализованной нормативной точке зрения: в-правила (нормы), укорененные в практике, и их применения – вместо априорных (или неокантианских относительных априорных) условий.

Для Карло Ровелли – одного из основателей петлевой теории квантовой гравитации, слова «пространство» и «время» указывают на разные вещи в разных контекстах. Недоразумения относительно природы пространства и времени возникают в результате непринятия во внимание, что концепт пространства-времени является многоуровневым. Как пишет К. Ровелли, нет ничего плохого в употреблении различных понятий времени, при условии, что различия между ними ясны [18].

Например, в ОТО есть два различных временных понятия: время как относительный порядок событий и время как объект (*entity*) – гравитационное поле.

¹ Как известно, Сэмюэл Александер – материалист и неореалист начала XX в. – был также суперсубстантивистом относительно пространства-времени, которое он рассматривал как фундаментальную реальность, исходя из которой всё эмерджентно [44].

Ровелли считает, что ОТО по сути подтвердила мнение Ньютона относительно времени. Время – это объект, но в ОТО этот объект динамический. Что же касается природы квантового пространства-времени, то наилучший способ понять ее состоит в том, чтобы внимательно посмотреть, что происходит в квантовой теории гравитации [18; 19].

Таким образом, мы можем заключить, что лейбницево и аристотелево «пространство» есть отношение между вещами, не имеющее метрики. В контексте пространство действительно таково. Ньютоново пространство есть статический объект с метрической структурой трехмерного евклидова многообразия. В контексте ньютоновой механики это абсолютная истина. Четырехмерное пространство Минковского имеет физический смысл в контексте СТО. В ОТО пространство-время – псевдориманово многообразие, отождествляемое с гравитацией.

Быть может, также (и это точка зрения К. Ровелли) альтернатива «презентизм – блок-вселенная» ложна. Презентизм, например, имеет смысл в контексте нерелятивистской теории, но ставится под вопрос в контексте теории относительности, в рамках которой нет объективного универсального различия между прошлым, настоящим и будущим [18].

Это прагматическая точка зрения в смысле лозунга «смысл есть употребление»¹. Подход контекстуального реализма, как мы его понимаем, есть углубление этой естественной рефлексивной позиции теоретического физика.

Прагматический лозунг можно также варьировать как «понимание есть употребление» и «онтология есть употребление» (то есть физическое бытие (онтология) контекстуально).

Контекстуальная теория научного понимания развивается в [35]. В этой статье утверждается, что понимание – прагматический концепт, внутренне связанный с навыками и способностями. Это делает возможным понимание теорий без пространства-времени [36].

Принимая во внимание сказанное, задача философа в том, чтобы устранить смешения между различными понятиями пространства-времени, но также и между понятиями, имеющими различный категориальный статус: между естественным и нормативным, реальностью и концептами.

Как пишет А. Эйнштейн: «Не следует... говорить об “идеальности пространства”. “Идеальность” относится ко всем концептам: к тем, что отсылают к пространству и времени не в меньшей мере, чем всем другим» [15, S. 1690].

Существует точка зрения, например, что ньютоново пространство и время и пространство-время Минковского суть приближения. Но они приближения лишь с точки зрения ОТО или квантовой теории гравитации. И наоборот: можно сказать (хотя так и не принято), что в классическом контексте ОТО является приближением к подлинной (точной) классической теории.

¹ В этой связи упомянем статью [41] (см. также другие статьи по функциональному подходу к пространству-времени, например [22]).

Подлинная языковая игра в своем собственном контексте (в соответствии со своими собственными нормами) точна. Она приближена или даже бессмысленна с точки зрения перспективы отличной языковой игры, то есть с точки зрения отличной нормы [3].

И в области своей применимости всякая теория способна описать точно все аспекты реальности. Но эта истина аналитическая (тавтологическая) [3].

В частности, говорить о некоторой фундаментальной теории в абсолютном смысле, безотносительно к области своей применимости, не имеет смысла. В известном смысле ОТО не менее фундаментальна, чем квантовая теория гравитации. Можно, конечно, сказать, что фундаментальная теория может быть понята как описывающая (самые) простые элементы реальности. Однако, согласно Витгенштейну, понятие простых элементов зависит от контекста [4, § 47].

Пространство-время СТО в контексте

Согласно контекстуальному реализму, как мы его понимаем, в теории относительности Эйнштейна каждая система отсчета поначалу может рассматриваться как точка зрения на реальность, позволяющая идентифицировать некоторый ее срез, измерение. В одной системе отсчета мы имеем одни интервалы длин и промежутки времени, тогда как в другой – другие. В одной системе отсчета два события одновременны, тогда как в другой они не одновременны. Система отсчета определяет точку зрения, перспективу, контекст. В то же время есть более широкий контекст, в котором точки зрения сравниваются. Это тоже точка зрения. В ее рамках реальность есть реальность собственных времен и длин, а измеряемые времена и длины в движущихся системах отсчета рассматриваются как координатные, конвенциональные времена и длины, связь между которыми устанавливается при помощи преобразований Лоренца. Другими словами, в новом глобальном контексте первоначально реальные физические величины превращаются в конвенциональные описания одного и того же с разных точек зрения (в разных системах отсчета). В специальной теории относительности реальными оказываются события – точки в четырехмерном пространстве Минковского – и тензоры физических величин (а не их компоненты в той или иной системе отсчета).

Наша позиция может рассматриваться как контекстуальная интерпретация «фрагментализма» Кита Файна [45; 46]. С точки зрения К. Файна, «СТО показывает, что ошибочным является не ньютоново представление о пространстве-времени, а представление о том, что существует единственное пространство-время». Он говорит о «плюрализме физических пространств-времен, каждое из которых имеет ньютонову структуру» [45, p. 306]. В отличие от К. Файна мы полагаем, однако, что общими в этом примере является не онтология, а фрагменты реальности, в частности неконцептуализированные «события». Онтология же – то, что действительно существует, – зависит от контекста.

Теория струн в контексте

В теории струн в классическом пределе Т- и зеркальная дуальности связывают эмпирически эквивалентные теории с различными пространствами-временами («пространствами-мишенями»). (Они различны по крайней мере в классическом пределе. В полной квантовой теории эти дуальности теоретические (физические) эквивалентности.) S-дуальности связывают эмпирически эквивалентные теории струн с различными фундаментальными объектами [37–39]. Возникают следующие вопросы: «Что эти теории говорят о реальном (актуальном или возможном) мире?» и «Что они говорят о реальном (актуальном или возможном) пространстве-времени?». На первый взгляд мы имеем дело с тем, что в философии науки называют эмпирической недоопределенностью.

Батист Ле Биан и Джеймс Рэд дают классификацию различных подходов к пониманию этой «недоопределенности». В частности, рассматривается плюралистский подход. Подходы «общего ядра» и «охватывающей теории» – другие примеры [40].

С точки зрения плюрализма, структуры каждого из дуальных решений различных теорий рассматриваются как ко-инстанцированные структуры в актуальном мире. В некотором смысле физический мир оказывается фрагментированным [40].

При этом возникают две проблемы. 1) теоретическая (эпистемическая) сверхопределенность (вместо эмпирической недоопределенности): все дуальные структуры могут быть рассмотрены как объясняющие (описывающие) одни и те же эмпирические данные; 2) онтологическая проблема непротиворечивости понятия фрагментированной реальности.

Наш диагноз следующий: предположение метафизического реализма, лежащее в основе всех рассмотренных подходов, включая плюралистский (так что, на самом деле, речь идет о метафизическом плюрализме), ложно. Проблемы сверхдетерминации и онтологической фрагментации есть следствие этой ложной предпосылки. Они устраняются в рамках контекстуального реализма.

Ж. Бенуа пишет: «Нормы, как я их понимаю, – это мой реализм, – не имеют другого назначения, как схватывать структуры. И наоборот: структура есть в точности то, что схватывается нормой там, где она применяется нужным образом в нужном контексте» [10, р. 106]. Применительно к теории струн это означает, что плюралистскую позицию следует контекстуализировать: ввести зависимость от контекста вместо фрагментации реальности.

В рамках объединенной точки зрения различные теории струн суть аспекты более глубокой М-теории, играющей для них роль в-правила (нормы). Они языковые игры, то есть употребления в-правила в разных контекстах¹. Фунда-

¹ С нашей точки зрения, дуальность теории в самом общем смысле – это (общее) в-правило, которому они подчиняются, то есть семейное сходство между ними. В частности, эквивалентные физические теории – это дуальные физические теории, имеющие одно и то же физическое содержание.

ментальные элементы теории и/или ее пространство-время (онтология) контекстуальны. И, быть может, существует также контекст, в котором существует одна «фундаментальная» М-онтология и/или пространство-время (М-теория также играет роль охватывающей теории).

Заключение

Смысл и природа пространства и времени выявляются путем исследования корректного *употребления* концептов пространства и времени, укорененных в практике их применений. Они не однозначны, поскольку существуют различные теории и концепты пространства и времени и их употребления.

Точку зрения традиционного (метафизического) научного реализма следует заменить на точку зрения контекстуального (научного) реализма, утверждающего, что контекстуальность является фундаментальным эпистемическим и онтологическим свойством реальности, физическая теория играет роль (по определению) нефальсифицируемого правила (нормы) для «измерения» реальности, имеющего область своей применимости, а практика применений теории – «формы жизни» в смысле позднего Витгенштейна. В рамках контекстуального реализма в нашем понимании не возникают проблемы недостижимости идеала, точного описания реальности (применения теории), статуса приближенной теории.

Не существует одного привилегированного *Описания* реальности. В то же время всякое корректное описание описывает саму реальность, а не некоторый ее эрзац, саму вещь, а не некоторую вещь мыслимую или же «вещь для нас». В частности, не существует фиксированной фундаментальной онтологии пространства-времени.

Пространство, время и пространство-время реальны (идеальными являются соответствующие концепты), контекстуальны и плюралистичны.

Список использованных источников

1. Прись, И. Е. О смысле принципа соответствия / И. Е. Прись // *Analytica*. – 2012. – № 6. – С. 18–35.
2. Прись, И. Е. Квантовая феноменология Хайдеггера [Электронный ресурс] / И. Е. Прись // *NB: Филос. исслед.* – 2014. – № 4. – С. 46–67. – Режим доступа : http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=11625 – Дата доступа : 14.03.2019.
3. Прись, И. Е. Философия физики Вернера Гайзенберга и его понятие замкнутой теории в свете позднего Витгенштейна [Электронный ресурс] / И. Е. Прись // *Филос. мысль*. – 2014. – № 8. – С. 25–71. – Режим доступа : http://e-notabene.ru/fr/article_12782.html – Дата доступа : 14.03.2019.
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. Л. Добро-сельского. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 347 с. – (Серия «Philosophy»).
5. Benoist, J. *Concepts* / J. Benoist. – Paris : Cerf, 2010. – 208 p.
6. Benoist, J. *Éléments de Philosophie Réaliste. Réflexions sur ce que l'on a* / J. Benoist. – Paris : Vrin, 2011. – 180 p.
7. Benoist, J. *Le bruit du sensible* / J. Benoist. – Paris : Cerf, 2013. – 242 p.

8. Benoist, J. Reality / J. Benoist // META: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy. – 2014. – Spec. Iss. – P. 21–27.
9. Benoist, J. Logique du phénomène / J. Benoist. – Paris : Hermann, 2016. – 206 p.
10. Benoist, J. L'adresse du réel / J. Benoist. – Paris : Vrin, 2017. – 376 p.
11. Réalismes anciens et nouveaux / éd. J. Benoist. – Paris : Vrin, 2018. – 208 p.
12. Einstein, A. Geometrie und Erfahrung / A. Einstein. – Berlin : Julius Springer, 1921. – 20 S.
13. [Einstein, A.] The Meaning of Relativity : four lectures delivered at Princeton University, May, 1921 by Albert Einstein / [A. Einstein]. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1923.
14. Einstein, A. Review of Winternitz / A. Einstein // Deutsche Literaturzeitung. – 1923. – Bd. 44. – S. 20–22.
15. Einstein, A. Review of Elsbach / A. Einstein // Deutsche Literaturzeitung. – 1924. – Bd. 45. – S. 1685–1692.
16. Gross, D. Einstein and the Search for Unification / D. Gross // The Legacy of Albert Einstein / ed. S. R. Wadia. – Singapore ; Hackensack, N. Y. : World Scientific Publishing, 2007. – P. 1–13.
17. Rovelli, C. Reality Is Not What It Seems: The Journey to Quantum Gravity / C. Rovelli. – Riverhead Books, 2017. – 288 p.
18. Rovelli, C. Space and Time in Loop Quantum Gravity [Electronic resource] / C. Rovelli. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1802.02382> – Date of access : 14.03.2019.
19. Rovelli, C. The Order of Time / C. Rovelli. – Riverhead Books, 2018. – 256 p.
20. Bitbol, M. Physique et philosophie de l'esprit / M. Bitbol. – Flammarion, 2000. – 404 p.
21. De Haro, S. A Precipice Below Which Lies Absurdity? Theories without a Spacetime and Scientific Understanding [Electronic resource] / S. De Haro, H. W. de Regt. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1807.02639> – Date of access : 14.03.2019.
22. Wüthrich, C. The emergence of space and time [Electronic resource] / C. Wüthrich. – Mode of access : <http://www.wuthrich.net/papers.html> – Date of access : 14.03.2019.
23. Le Bihan, B. The hard problem of space-time. Lecture 1 [Electronic resource] / B. Le Bihan. – Mode of access : <https://www.youtube.com/watch?v=2qF1aIWy5Q> – Date of access : 14.03.2019.
24. Wittgenstein, L. Remarks on Philosophy of Psychology / L. Wittgenstein. – Oxford : Basil Blackwell, 1980 (1990). – Vol. 1. – 218 p.
25. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1 / ред. тома В. Ф. Асмус. – 550 с. – (Философское наследие).
26. Howard, D. “Let me briefly indicate why I do not find this standpoint natural”. Einstein, General Relativity, and the Contingent A Priori / D. Howard // Discourse on a New Method. Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science / eds.: M. Domski, M. Dickson. – Chicago and La Salle, Ill.: Open Court, 2010. – P. 333–355.
27. Einstein, A. Physik und Realität / A. Einstein // Journal of The Franklin Institute. – 1936. – Vol. 221. – P. 313–347.
28. Friedman, M. Einstein, Kant, and the Relativized *A Priori* / M. Friedman // Constituting Objectivity / eds.: M. Bitbol, P. Kerszberg, J. Petitot. – Dordrecht : Springer Science, 2009. – P. 253–267.
29. Friedman, M. Kant and the Exact Sciences / M. Friedman. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1992. – 368 p.
30. Chamseddine, A. H. Noncommutative Geometry and Structure of Space-Time [Electronic resource] / Ali H. Chamseddine. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1805.08582> – Date of access : 14.03.2019.
31. Connes, A. Geometry and the Quantum [Electronic resource] / A. Connes. – Mode of access : <https://arxiv.org/pdf/1703.02470.pdf> – Date of access : 14.03.2019.
32. Kant, I. Critique of Pure Reason / I. Kant. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. – 785 p.
33. Gardner, S. Kant and the critique of pure reason / S. Gardner. – London : Routledge, 1999. – XIV, 377 p.
34. Gün, Ö. E. Kant and quantum gravity [Electronic resource] / Ö. E. Gün. – 2017. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1612.09314> – Date of access : 14.03.2019.

35. Regt, H. W. de. A contextual approach to scientific understanding / H. W. de Regt, D. Dieks // *Synthese*. – 2005. – Vol. 144. – P. 137–170.
36. Haro, S. de. Interpreting Theories without a Spacetime [Electronic resource] / S. de Haro, H. de Regt. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1803.06963> – Date of access : 14.03.2019.
37. Horowitz, G. T. Space-time in String Theory [Electronic resource] / Gary T. Horowitz. – Mode of access : [arXiv:gr-qc/0410049v3](https://arxiv.org/abs/gr-qc/0410049v3) 1 Nov 2004 – Date of access : 14.03.2019.
38. Dawid, R. String Dualities and Empirical Equivalence [Electronic resource] / R. Dawid. – Mode of access : <http://philsci-archive.pitt.edu/12455/> – Date of access : 14.03.2019.
39. Matsubara, K. Spacetime in String Theory: A Conceptual Clarification / K. Matsubara, L.-G. Johansson // *J. General Philos. Sci. = Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie*. – 2018. – Vol. 49, № 3. – P. 333–353.
40. Le Bihan, B. Duality and Ontology [Electronic resource] / B. Le Bihan, J. Read. – Mode of access : <https://philarchive.org/rec/LEBDAO> – Date of access : 14.03.2019.
41. Lam, V. Space-time is as space-time does [Electronic resource] / V. Lam, C. Wüthrich. – Mode of access : <https://arxiv.org/abs/1803.04374> – Date of access : 14.03.2019.
44. Thomas, E. Space, Time, and Samuel Alexander / E. Thomas // *Br. J. Hist. Philos.* – 2013. – Vol. 21, № 3. – P. 549–569.
45. Fine, K. Tense and reality / Kit Fine // *Modality and tense : Philosophical papers* / Kit Fine. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – P. 261–320.
46. Lipman, M. A. On the fragmentalist interpretation of special relativity [Electronic resource] / M. A. Lipman // *Philos. Stud.* – 2018. – P. 1–17. – Mode of access : <https://philpapers.org/rec/LIPOTF> – Date of access : 14.03.2019.

В. И. Павлюкевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ТРАНСКОНЦЕПТУАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Логическая культура мысли рассматривается в историко-философском контексте в связи с базисными факторами познания. В эпицентр исследования вводятся идеи транстеоретичности и трансконцептуальности. На их основе эксплицируются понятия меж- и трансдисциплинарности, а также раскрываются транстеоретические и трансконцептуальные взаимосвязи внутридисциплинарного характера.

Ключевые слова: транстеоретичность, трансконцептуальность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, эпистемологическая ценность логического знания, философия познания

V. Pavlyukevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**EPISTEMOLOGICAL VALUE OF LOGICAL KNOWLEDGE
IN THE TRANSCONCEPTUAL DIMENSION**

Logical culture of thought is viewed in the historical-philosophical context in connection with the basic factors of knowledge. The ideas of transtheoreticalism and transconceptuality are introduced into the research context. On their base, there are explicated the concepts of interdisciplinarity and transdisciplinarity; there are revealed the trans-theoretical and transconceptual relationships of intradisciplinary nature.

Keywords: transtheoreticalism, transconceptuality, interdisciplinarity, transdisciplinarity, epistemological value of logical knowledge, philosophy of knowledge

Введение

В настоящее время в методологии познания довольно активно используется и рассматривается в широком философско-методологическом контексте понятие трансдисциплинарности (см.: [1–4]). Представляется, что существенные аспекты его содержания можно раскрыть и эксплицировать, предложив идею трансконцептуальности. В данной статье речь пойдет об эпистемологической значимости понятия трансконцептуальности. При этом преимущественно внимание будет нацелено на раскрытие трансдисциплинарной эффективности логического знания и его трансконцептуальных функций.

Трансдисциплинарность естественно трактовать как форму взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния исторически сложившихся научных дисциплин

лин и разработанных в них идей, теорий и методов исследования, которые в тех или иных аспектах или вариантах реализуются в нескольких (двух или более) дисциплинах. Трансдисциплинарность проявляется, например, во взаимосвязях и взаимовлиянии идей, средств и методов логики, математики, кибернетики, физики, биологии, химии и других наук. Следует, однако, учитывать, что взаимодействие и взаимовлияние этих дисциплин осуществляется через взаимосвязь, соответствующую взаимозависимость определенных комплексов идей, средств, методов, теорий и концепций, разработанных и используемых в этих дисциплинах. Таким образом, трансдисциплинарность реализуется через транстеоретичность, транskonцептуальность. Часто это осуществляется через использование близких, аналогичных, порой одних и тех же методов, подходов, которые в таком случае приобретают метатеоретический характер и могут рассматриваться с позиций метатеоретического уровня.

Вариантами такой транстеоретичности, транskonцептуальности могут считаться взаимосвязи теории классической математики и систем классической логики, интуиционистской концепции математического знания и соответствующих систем интуиционистской логики, а также множество других фактов проявления взаимозависимости, взаимообогащения различных теорий и концепций. Так, в качестве одного из ярких примеров можно привести взаимовлияние математики и логики на рубеже XIX–XX вв.

Поскольку концепцию можно трактовать как более общее понятие по отношению к теории, то транskonцептуальность является более общим понятием по отношению к транстеоретичности, то есть подразумевает его в своем содержании. Таким образом, процессы трансдисциплинарности (взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния различных дисциплин) редуцируются к процессам транskonцептуальности (взаимосвязи, взаимодействия, взаимовлияния теорий и концепций, принадлежащих этим дисциплинам). Без такой редукции понятия меж- и трансдисциплинарности остаются неэксплицированными, семантически недостаточно ясными.

Наряду с транskonцептуальностью междисциплинарного характера следует учитывать транskonцептуальные взаимосвязи внутри дисциплин, которые во многом остаются вне поля зрения, когда речь идет о меж- и трансдисциплинарных отношениях при их обычной, ныне устоявшейся трактовке. Примерами могут служить взаимосвязи внутри логической науки двужначных и определенного класса многозначных логических теорий (см.: [5, с. 232–236]), классических и релевантных логических систем, структурная аналогия отношений между модальностями в самых различных модальных теориях, возможности определения модальностей с использованием «строгой» импликации в системах льюисовского типа и с применением релевантной импликации в системах «сильного» следования В. Аккермана и в системе Е, построенной А.-Р. Андерсоном и Н.-Д. Белнапом, а также множество других вариантов взаимосвязей между логическими системами и теориями. Частные случаи такого рода могут

быть проиллюстрированы, например, рассмотрением системы взаимосвязей логических отношений между высказываниями в классической пропозициональной логике и системы взаимосвязей отношений между понятиями в теории понятия как аналоговых конструкторов друг друга (см.: [6]), выявлением изоморфизма отношений между атрибутивными высказываниями и модальностями (см.: [7]).

Далее здесь будут раскрываться трансконцептуальные функции логического знания, имеющие меж- и внутридисциплинарную значимость, а также те формы трансконцептуальности данного знания, которые проявляются преимущественно внутри логической науки.

Логическая культура мысли в контексте базисных факторов познания

Для более полного эпистемологического раскрытия указанных во введении проблем целесообразно рассмотреть логику в широком контексте философской методологии, ценностей познания и культуры.

Существенной характеристикой философии является ее нацеленность на исследование и раскрытие возможностей концептуального осмысления реальности и выявление важнейших факторов ориентации человека в бытии и своей деятельности с учетом прошлого, настоящего и предполагаемого будущего. При этом реальность понимается в самом широком смысле: материальная, идеальная; объективная, субъективная; реальность для отдельного человека, для социальной группы, прослойки, касты, стран, государств и народов. Все это рассматривается и трактуется с учетом исторической эпохи, социального типа общества, стиля мышления эпохи, специфики мышления индивидов и человеческих сообществ, общей картины мира и множества других аспектов социального и эпистемологического характера.

Соотнося логическую культуру мысли с базисными факторами познания, важно отметить, что в познании принято выделять чувственную и рациональную ступени, что логика относится к рациональной ступени познания. Существенно также учитывать и тот факт, что работа человеческой мысли реализуется в сознательной и подсознательной формах. Следует иметь в виду, что подсознательная форма мыслительной деятельности человека остается очень мало изученной. В связи с этим оказываются весьма неясными многие вопросы: является ли, например, интуиция сознательной или подсознательной формой познания или что-то в интуиции относится к сфере сознательного, а что-то к подсознательному; относятся ли идеи, пришедшие во сне, к сознательной или подсознательной форме и т. п. Можно заметить, что как минимум некоторые идеи, возникшие и как-то сформулированные во сне, скорее всего, следует отнести к сознательной форме познания, поскольку они во сне были восприняты и осознаны.

В сложном многостороннем, многоплановом процессе познавательной деятельности человека сознательные и подсознательные, рациональные и чувственно-эмоциональные аспекты часто являются комплексно взаимосвязанными. В кон-

тексте обозначенной проблематики интересно отметить, как, характеризуя одну из сторон познания, А. А. Ивин констатирует, что в некоторых ситуациях «исследование движется чувством или, как иногда бывает, страстью» [8, с. 27]. Далее он приводит цитату из Э. Гуссерля, раскрывающую важную особенность таких аспектов познания: «Живое предчувствие, возникающее в ходе непредубежденного размышления, ведет нас к пониманию чрезвычайно важных обстоятельств, прослеживая которые мы можем подтвердить достоверность своих предчувствий. Предчувствие – эмоциональный путеводитель всех открытий» [9, с. 36]. По-видимому, чувство, страсть, предчувствие, сопровождающие процесс познания, во многих случаях могут быть отнесены к интуитивным аспектам познавательной деятельности.

В общем плане логику можно охарактеризовать как науку, системным образом исследующую рассуждения, выявляющую их типы и критерии обоснованности. Фактически современная логическая наука является открытой метасистемой, которая постоянно пополняется идеями, концепциями и теориями, развиваемыми системными методами. В любой научной разработке в ходе поиска и получения новых результатов, новых истин невозможно обойтись без соответствующих рассуждений. От корректности, обоснованности, доказательности этих рассуждений существенно зависит эффективность исследовательской деятельности. Это один из важнейших аспектов научной ценности логической культуры мышления в познании.

Рассматривая логику в широком контексте ценностей познания и культуры, целесообразно зафиксировать следующие кардинально значимые аспекты и стороны познания: логическую культуру мышления в единстве с должной аргументацией как одним из способов обоснования получаемых результатов (конечно, с учетом специфики содержания соответствующей науки или области знания); интуитивную проникновенность мысли; а также практическую проверяемость и подтверждаемость научных идей. Практическая подтверждаемость трактуется при этом в самом широком смысле: эксперимент, внедрение результатов научных исследований в соответствующие виды практической деятельности относительно быстро или же в ближайшей, а, быть может, в дальней исторической перспективе. Кратко данный комплекс идей можно выразить таким образом: логика, интуиция, практика.

Эти три существенных аспекта познавательной деятельности, конечно же, различаются, но ни в коем случае не должны противопоставляться. Вся история познания говорит о том, что в процессе познавательной деятельности человека они проявляются в более-менее гармоничном единстве и взаимосвязи.

Исследователю в сфере логики, математики, физики и других наук требуются не только специальные рационально выраженные знания, характерные для каждой из этих наук, но и соответствующая интуиция – логическая, математическая и т. д., которая, базируясь на определенных задатках исследователя, нарабатывается, совершенствуется и раскрывается по мере занятия этими науками.

Такова же ситуация и в других сферах человеческой деятельности. Ясно, что можно говорить не только об интуиции логика, математика, физика, но и конструктора, архитектора, скульптора, полководца, дирижера, режиссера и т. д.

Наряду с отмеченными аспектами связи интуиции и познавательной деятельности человека в самых разных областях следует констатировать, что как логическая глубина мысли, так и ее интуитивная проницательность в конечном счете нуждаются в выходе в соответствующую сферу практической проверяемости, подтверждаемости, применимости. При этом надо иметь в виду, что практику и опыт для некоторых областей знания допустимо трактовать весьма широко. Например, для логических теорий практическая применимость, потребность может подтверждаться запросами познания и развития науки не только в настоящем, но и в будущем. Практика и опыт для логики – это вся история рациональной мысли.

В этом контексте следует различать правильность, научную корректность теории и ее практическую применимость, пригодность в какой-то сфере. Теория может быть по всем логико-методологическим аспектам вполне хороша и корректна, но ее пытаются применить не в той области или же пока еще просто нет практической сферы для ее применения (возможно, теория обогнала практику). Нередко бывает, конечно же, и так, когда запрос на теорию уже есть, а теория еще не создана.

В получении многих фундаментальных результатов науки существенную роль сыграли логико-аналитический, логико-семантический методы и логико-методологические воззрения на познание в широком философском плане. К таковым результатам относятся, например, построенная Н. И. Лобачевским неевклидова геометрия, знаменитая теорема о неполноте К. Гёделя, теорема А. Тарского о неопределимости понятия истины в объектном языке. Исходя из логико-философских размышлений над идеей Аристотеля о проблемности в применении закона исключенного третьего к высказываниям о случайных событиях будущего, Я. Лукасевич в начале XX в. первым в мире построил систему многозначной (трехзначной) логики, которая чрезвычайно интересна еще и тем, что в ней отсутствуют закон непротиворечия и закон исключенного третьего. Это выявило возможности построения новых типов логических теорий и разработки новых ветвей и направлений развития логической науки.

Многие выдающиеся философские умы характеризовали логику как фундаментальное достижение человеческой культуры, как один из важнейших, основополагающих аспектов эффективности познавательной деятельности. Европейская культура мысли, европейское образование на протяжении многих веков со времен Древней Греции связаны с освоением логического знания, на котором базируется интеллектуальная деятельность человека в самых разных сферах жизни социума. Овладение логическими основами культуры мышления и познания, бесспорно, повышает надежность, конструктивность и результативность научных изысканий и эффективность рациональной интеллектуальной деятельности человека.

Трансконцептуальные функции логического знания

Логика относится к фундаментальным достижениям человеческой культуры. Она является существенным фактором языковой коммуникативной деятельности, явно или имплицитно содержится во всех актах рационального оперирования информацией. Это одно из оснований ее трансдисциплинарной, трансконцептуальной, интегративной значимости в познании. Логическая культура мышления – один из важнейших, основополагающих аспектов эффективности философско-методологических исследований. Осознание данного обстоятельства проявляется в формировании философского познания уже на самой ранней стадии его развития, когда логическое знание еще не имело явно выраженного теоретического характера. Логическая культура как основа и непереносимое условие рациональности и объективности познания существенным образом базируется на интуитивном и дискурсивном уяснении логических отношений между сформировавшимися в процессе развития языка и познания формами выражения мыслей, в частности между высказываниями. С вниманием к этим проблемам непосредственно связано становление философии и логики как форм теоретического освоения реальности.

По-видимому, первым, кто с философско-методологических позиций стал рассматривать рассуждение да и язык в целом как важный фактор познавательной деятельности, был Парменид. Методологические идеи, излагаемые от его имени в одноименном диалоге Платона, представляют значительный интерес в логическом плане, в том числе в контексте трансконцептуальной, транстеоретической значимости подходов и методов, предлагаемых Парменидом для реализации в познании. Важнейшую роль в этой методологии играют раскрытие логических связей между высказываниями, выявление следствий из принимаемых положений. Так, Парменид наставляет находящегося в начале своего философского пути Сократа: «Твое рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно, но, пока ты еще молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать» [10, с. 358]. Затем он поясняет, в чем надо упражняться: «...допусти, что существует многое, и посмотри, что должно из этого вытекать... С другой стороны, если многого не существует, то опять надо смотреть, что последует отсюда... И далее, если предположить, что подобие существует или что его не существует, то опять-таки, какие будут выводы при каждом из этих предположений... одним словом, что только ни предположишь ты существующим или не существующим, или испытывающим какое-либо иное состояние, всякий раз должно рассматривать следствия...» [10, с. 358–359].

Кроме того что этот отрывок несет существенную информацию о разрабатываемом Парменидом методе познания, он содержит интересные идеи собственно логического плана. Рекомендация рассматривать нечто существующим,

а затем несуществующим с последующим тщательным выводением следствий из этих предположений, может считаться имплицитно содержащей прообраз идеи будущих «свободных логик», то есть построенных лишь в XX в. логических теорий, свободных от экзистенциальных предпосылок.

В связи с этим интересны суждения Бертрانا Рассела о творческом потенциале философских идей древних греков: «Почти все гипотезы, господствующие в современной философии, первоначально были выдвинуты греками. Их богатая воображением изобретательность в абстрактных вопросах едва ли может быть переоценена... Я буду считать их родоначальниками теорий, которые при всем своем первоначально довольно младенческом характере оказались способными к сохранению и развитию в течение более двух тысячелетий» [11, с. 73–74].

Высокий уровень логической культуры, способность к правильному выведению следствий – один из базисных факторов в предлагаемом Парменидом способе отыскания истины. Эти же подходы, дополненные соответствующими философско-методологическими идеями, например индуктивным поиском определений общих понятий с необходимым в этом случае выходом на высокий уровень абстрагирования, играют существенную роль в дискуссиях Сократа со своими слушателями и оппонентами, во всем его искусстве майевтики.

Философско-методологическое направление, представленное Парменидом, а в последующем Сократом и Платоном, может быть охарактеризовано в логическом плане как поиск на интуитивно-содержательном уровне принципов и способов правильного рассуждения, правильного оперирования языковыми интеллектуальными конструктами в исследовательских целях, в целях выявления истины. При этом существенно, что логико-методологические идеи Парменида, Сократа и Платона рекомендуются ими в качестве эпистемологических ориентиров не по отношению к некоторой узкой области исследования, а применительно к познанию как таковому, независимо от конкретного предмета познания. Таким образом, они являются потенциально транskonцептуальными, трансдисциплинарными, метатеоретичными. Интересно отметить, что дисциплин в четко оформившемся и достаточно разработанном виде еще нет, а трансдисциплинарные, транстеоретические, транskonцептуальные идеи уже разрабатываются. Можно сказать, что транskonцептуальность, трансдисциплинарность в некотором смысле предвосхищают дисциплинарность и предшествуют ей. В этом одна из особенностей формирования философской мысли на ранних этапах.

Тот уровень развития логической культуры в дотеоретической форме, который представлен идеями Парменида, Сократа, Платона и ряда других древнегреческих философов, предшественников Аристотеля, может считаться непосредственным предтеоретическим этапом формирования логического знания. К этому же этапу относятся и идеи софистов, поскольку соответствующие

аспекты их учений и примеры софизмов в немалой степени стимулировали не только критику софистов, но и интерес к разработке проблем правильности, обоснованности рассуждений.

Становление теоретической логики, как известно, связано с трудами Аристотеля. Переход от дотеоретического, предтеоретического уровня логической культуры к теоретическому может быть зафиксирован вполне определенно. Он происходит на основании двух кардинальных достижений в области логического знания, осуществленных Аристотелем: введения в логику переменных и открытия в результате этого логической формы, что в итоге дало Стагириту возможность построить в виде системы первую логическую теорию. Огромное значение этим достижениям придает Я. Лукасевич, который отмечает: «Введение в логику переменных является одним из величайших открытий Аристотеля» [5, с. 42].

Использование переменных – необходимое условие открытия логической формы. В связи с этим существенно заметить, что логическая форма высказывания, например «Все птицы имеют крылья», не содержится непосредственно в самом высказывании. Выявление его логической формы не есть простое извлечение ее из конкретного содержания данного предложения. Логическая форма этого высказывания – «Все S есть P» – является результатом обобщающе-абстрагирующей деятельности познающего интеллекта. Ее открытие подразумевает (во всяком случае потенциально), что все термины, входящие в анализируемое высказывание, разграничиваются по соответствующему принципу на логические и дескриптивные; затем логические термины обозначаются определенными константами, а дескриптивные – соответствующими переменными. В результате чего и получается выражение, фиксирующее логическую форму, логическую структуру анализируемого предложения. Использование специальной символики для обозначения логических терминов – это частично дело удобства, а вот введение переменных вместо дескриптивных терминов как раз обеспечивает соответствующий уровень обобщения, интеграции, который связан с переходом логического знания к теоретическому этапу развития.

Таким образом, логическая форма и представленное ею логическое содержание анализируемого высказывания не есть готовая часть данного высказывания, непосредственно извлекаемая из него, а является новым смысловым теоретическим образованием, конструктом, возникающим в результате соответствующей обобщающе-абстрагирующей мыслительной деятельности. Логическая форма – это идея, имеющая ярко выраженный трансконцептуальный характер внутри логического знания.

Для характеристики логики как науки важно раскрыть дополнительные смысловые варианты широко используемого в ней термина «форма» и подчеркнуть трансдисциплинарную, транстеоретическую, трансконцептуальную значимость этой идеи. В логике и методологии познания наиболее существенны

два следующих аспекта в толкованиях понятия «форма». Во-первых, формами мышления называют виды мысли, разновидности проявления и реализации наших мыслей в их языковом воплощении в ходе коммуникации и познания. Такими формами (видами) мысли являются понятия, высказывания, рассуждения, доказательства, вопросы, ответы, проблемы, гипотезы, концепции, учения, теории и другие варианты реализации наших мыслей в интеллектуальной познавательной деятельности. Во-вторых, в логике может идти речь и о форме каждого из названных видов мысли. Когда говорится о логической форме высказывания, умозаключения, вопроса, проблемы, доказательства и т. д., то речь идет о логическом строении этих видов мысли, воплощенных в языке. В первом случае понятие «форма» является преимущественно трансдисциплинарным, поскольку названные там виды реализации мыслей в процессе познания имеют место во всех достаточно развитых дисциплинах. Во втором – идея формы имеет преобладающую внутрилогическую транстеоретическую, трансконцептуальную значимость.

Трансконцептуальные, транстеоретические и трансдисциплинарные аспекты иногда имплицитно, а порой явно присутствуют в трактовках логики и ее законов при раскрытии эпистемологической ценности логического знания многими выдающимися философами. Это легко увидеть в следующих примерах.

Так, Аристотель отмечает, что «исследование начал умозаключения также есть дело философа, т. е. того, кто изучает всякую сущность вообще, какова она от природы...» [12, с. 125]. Трансдисциплинарные, трансконцептуальные аспекты достаточно отчетливо просматриваются в трактовках Стагиритом законов непротиворечия и исключенного третьего. Формулировки этих законов имеют у Аристотеля логический, онтологический, методологический, нормативный и психологический варианты. А. Арно и П. Николь отмечают, что «логика есть искусство верно направлять разум в познании вещей, к коему прибегают как для того, чтобы обучиться этому самим, так и для того, чтобы обучить других» [13, с. 30]. У И. Канта имеется трактовка логики как науки о необходимых законах рассудка и разума [14, с. 120]. Д.-С. Милль, характеризуя значимость логики в исследовательской деятельности, отмечает, что логика является великим преследователем темного и запутанного мышления; она рассеивает туман, скрывающий от нас наше невежество, заставляющий нас думать, что мы понимаем предмет, в то время, когда мы его не понимаем [15]. В. Минто тоже подчеркивает практическую значимость логики в процессе познания как средства, удерживающего нас от заблуждений: «Именно существование заблуждений и вызывает потребность в логике; она имеет значение как практическая наука, предохраняя ум от заблуждений. Исторически она именно так и произошла» [16, с. 25]. Во всех этих характеристиках и оценках логики легко просматривается ее трансдисциплинарная и трансконцептуальная нацеленность и значимость. Фундаментальное определение логики, существенное для осмысления ее эпистемологической, в том числе трансдисциплинарной и транскон-

цептуальной, ценности, дал Г. Фреге: «Логика есть наука о наиболее общих законах бытия истины» [17, с. 307]. Это определение указывает на эпистемологическую глубину целей логики и ее сущностную связь с философией познания.

Трансдисциплинарная, трансконцептуальная значимость логического знания потенциально и явным образом присутствует и плодотворно реализуется во многих трудах А. А. Зиновьева, в том числе «Логика науки» [18], «Логическая физика» [19], «Фактор понимания» [20], а также в публикациях других известных логиков и философов советского и постсоветского периодов.

Заключение

С философско-методологических позиций существенно иметь в виду, что логическая культура мысли в контексте базисных факторов познания соотносится с чувственными и рациональными, теоретическими и эмпирическими, интуитивными и дискурсивными, сознательными и подсознательными аспектами познавательных процессов.

Необходимо также учитывать кардинальную эпистемологическую значимость практики. При этом практика для науки трактуется в самом широком смысле; для логики — это все аспекты, вся история рациональной мысли. Кратко эпистемологический базис в этом комплексе идей, характеризующем процесс познания, можно выразить следующим образом: логика, интуиция, практика. Ни одному из трех названных кардинальных факторов познавательной деятельности нельзя отдать абсолютный приоритет. В процессе познания они взаимодействуют в более-менее гармоничной связи. В зависимости от уровня развития знания, от предмета исследования, от особенностей стиля мышления эпохи или научного сообщества, от эпистемологических ориентиров, предпочтений и специфики мышления конкретного исследователя, от случайных обстоятельств и многих других факторов на первый план может выйти тот или иной базисный, кардинальный аспект познавательной деятельности.

В XX в. в методологии и философии познания стала активно использоваться и разрабатываться идея междисциплинарности. Данная идея отображает активное взаимодействие наук и сформировавшихся научных подходов и методов при исследовании проблем «на стыке дисциплин». На протяжении XX в. это демонстрируется взаимодействием, взаимовлиянием математики и логики, физики и математики, биологии и химии, информатики и социологии, связями кибернетики со многими областями знания и множеством других ситуаций и примеров взаимодействия наук. В настоящее время понятие междисциплинарности стало активно дополняться, а зачастую замещаться идеей трансдисциплинарности.

В данной работе вводятся идеи транстеоретичности и трансконцептуальности, позволяющие раскрыть механизмы реализации как междисциплинарности, так и трансдисциплинарности. Поскольку понятие концепции является

более общим по отношению к понятию теории, то идея трансконцептуальности работает как более общая по отношению к идее транстеоретичности.

Так как взаимосвязи и взаимодействия различных дисциплин реализуются через взаимосвязи соответствующих концепций, принадлежащих дисциплинам, меж- и трансдисциплинарность эксплицируются через трансконцептуальность. Кроме того, идея трансконцептуальности позволяет раскрыть по отношению к каждой из дисциплин транстеоретические и трансконцептуальные взаимосвязи внутреннего характера. В представленном исследовании с учетом этих аспектов познания раскрывается эпистемологическая значимость понятия трансконцептуальности.

В историко-философском контексте с ориентацией на трансконцептуальные оценки в работе рассматриваются логико-философские идеи Парменида, Аристотеля, И. Канта, Г. Фреге и других мыслителей, конструктивно раскрывается эпистемологическая ценность логического знания, выявляется интегративно-методологическая и трансконцептуальная значимость понятия логической формы.

Список использованных источников

1. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко. – М. : ИФРАН, 2009. – 205 с.
2. Киященко, Л. П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности) / Л. П. Киященко ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2017. – 113 с.
3. Киященко, Л. П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности / Л. П. Киященко // *Вопр. философии*. – 2015. – № 11. – С. 76–86
4. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под общ. ред. В. Бажанова, Р. Шольц ; НИУ ВШЭ. – М. : Навигатор, 2015. – 564 с.
5. Лукасевич, Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич. – М. : Изд-во иностран. лит., 1959. – 313 с.
6. Павлюкевич, В. И. Система логических отношений между высказываниями как аналоговый конструкт системы отношений между понятиями / В. И. Павлюкевич // *Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке : материалы X Общерос. науч. конф., Санкт-Петербург, 26–28 июня 2008 г.* – СПб., 2008. – С. 70–73.
7. Павлюкевич, В. И. Логические отношения между высказываниями / В. И. Павлюкевич // *Логика и В.Е.К. : сб. науч. тр.: к 90-летию со дня рожд. проф. Е. К. Войшвилло.* – М. : Соврем. тетради, 2003. – С. 186–191.
8. Ивин, А. А. Коллективный разум и социальные образцы как продукт его творчества // *Философские исследования : сб. науч. тр.* – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 19–28.
9. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // *Общество, культура, философия.* – М. : Мысль, 1983.
10. Платон. Парменид / Платон // *Собр. соч. : в 4 т. / Платон.* – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 346–412.
11. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней : в 3 кн. / Б. Рассел ; подгот. текста и науч. ред. В. В. Целищева. – 4-е изд. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2003. – 992 с.
12. Аристотель. Метафизика / Аристотель // *Сочинения : в 4 т.* – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 63–368.

13. Арно, А. Логика, или Искусство мыслить / А. Арно, П. Николь. – М. : Наука, 1991. – 415 с.
14. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям 1800 / И. Кант // Трактаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – С. 319–444.
15. Милль, Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной / Д. С. Милль. – М. : изд. Г. А. Лемана, 1914. – LXXXI, [2], 880 с.
16. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – СПб. : Комета, 1995. – 464 с.
17. Фреге, Г. Логика и логическая семантика / Г. Фреге. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
18. Зиновьев, А. А. Логика науки / А. А. Зиновьев. – М. : Мысль, 1971. – 270 с.
19. Зиновьев, А. А. Логическая физика / А. А. Зиновьев. – М. : Наука, 1972. – 192 с.
20. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм Экспо, 2006. – 528 с.

УДК 17.303.01

Поступила в редакцию 12.02.2019

Received 12.02.2019

В. П. Старжинский, Н. И. Мушинский

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

**МОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ ТЕХНОГЕННЫЙ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС:
ИСТОКИ КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА¹**

Описываются противоречия субстанциональной и релятивистской парадигм в современной духовной культуре. Исследуется их связь с проблемами научно-технического прогресса. Анализируются когнитивная лингвистика В. фон Гумбольдта и Л. Вайсгербера, гипотезы универсальных лингвистических структур Н. Хомского и лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

Ключевые слова: субстанциональная и релятивистская парадигмы, лингвистическая относительность, когнитивное развитие, принцип дополнительности

V. Starzhinskij, N. Mushinskij

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

**IS IT POSSIBLE TO OVERCOME THE TECHNOGENIC AND CIVILIZATIONAL
CRISIS: THE ORIGINS OF COGNITIVE-LINGUISTIC OPTIMISM**

There are described the contradictions of the substantial and relativistic paradigms in the contemporary spiritual culture. There is studied their connection with the problems of the scientific-technical progress. There are analyzed the cognitive linguistics of W. von Humboldt and L. Weisgerber, hypotheses of the universal linguistic structures by N. Chomsky, and linguistic relativity by Sapir – Whorf.

Keywords: substantial and relativistic paradigms, linguistic relativity, cognitive development, principle of complementarity

Введение

Научно-техническая революция, начиная с Нового времени, неумолимо преобразует сферу производства и приводит к появлению индустриальной цивилизации. В современных условиях продолжается диктат технологического детерминизма в области средств коммуникации, транспорта и связи, который

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г18Р-267 от 30.05.2018).

формирует основы постиндустриального, информационного общества. Интеграция классических (производственных) и информационных (высоких) технологий со всей актуальностью ставит проблему цивилизационного синтеза и выживания человечества в целом. Отсутствие единых общецивилизационных ценностей, духовного единения непосредственно угрожает дальнейшему существованию человечества по мере появления все более разрушительных средств вооружения, истощения невозобновляемых природных ресурсов, ухудшения экологической ситуации.

Мировые войны XX в., ракетно-ядерное противостояние в эпоху холодной войны, конфликт цивилизаций (миграционный кризис, практика международного терроризма, попытки создания экстремистского исламского государства, политика двойных стандартов и т. п.) в начале третьего тысячелетия наглядно демонстрируют невозможность достижения всеобщего синтеза и гармонии методом военно-политического подавления. При этом не имеет значения, под какими лозунгами – коммунистическими, радикально-националистическими, псевдодемократическими (империализм с претензией на мировое господство) выступают лидеры общественного мнения и действия. Печально видеть, как страны – лидеры мировой экономики лихорадочно делят оставшиеся природные ресурсы (сланцевые технологии; перспективы разработки месторождений арктического шельфа, освобождающихся от пакового льда в результате техногенного потепления климата), не останавливаясь перед методами военно-политического шантажа, наложения санкций, двойных стандартов, гибридных войн и т. п.

Тем не менее все еще остается надежда на достижение подлинного духовного единения на основе принципа взаимовыгодного сотрудничества, с сохранением культурного многообразия. В языке как бытии духа, науке о языке – лингвистике, а также когнитивной лингвистике, которая сопоставляет язык и мышление, намечается неявная интенция – надежда консенсуса, поиска общих точек соприкосновения различных культур и цивилизаций. В массовом сознании нарративы здравого смысла все в большей степени приводят к примирению противоположностей, своего рода плюралистической *взаимодополнительной* модели сосуществования противоположных в определенном смысле систем ценностей. Подают надежду на благополучный исход цивилизационной конфронтации, объективные данные современной науки, в первую очередь в области когнитивной лингвистики как основы гуманитарного знания с его индетерминистским критерием «свободы воли» и паттернами мышления.

Язык, мышление, культура

Психолингвистика, или когнитивная лингвистика, начинается с необходимости проникнуть в тайну сознания посредством обращения к его инструменту – языку и слову как атому сознания. Метафора «тайна сознания» предполагает исследование ряда теоретико-познавательных проблем: механизмов познания

человеком мира, мышления, восприятия и других интеллектуальных практик. В настоящее время все они обозначаются как когнитивные. Постановка и попытка решения проблемы соотношения языка и мышления (именно таким образом первоначально была сформулирована основная когнитивная проблема в лингвистике) впервые была осуществлена в исследованиях Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) – выдающегося немецкого филолога и философа [1, р. 332]. Он предложил один из способов такого решения: язык должен изучаться не только как результат когнитивной деятельности, но и как ее средство. Следует рассматривать связь мышления и языка посредством культуры народа (этнуса). «Действительно, индивидуальный характер может преобразоваться в национальный только... через язык» [2, с. 303], – отмечал ученый. По его мнению, язык выступает посредником между человеком и миром культуры. При этом, посредничество не проходит бесследно. Напротив, язык, формируя культуру этноса, обуславливает отношение человека к миру культуры, который развивается. При этом восприятие действительности последующих поколений зависит от языковых репрезентаций предыдущих: «И так первобытное состояние древних племен... уже подготовило расцвет речи... на многие столетия вперед» [2, с. 316]. В. фон Гумбольдт отмечает, что среди современных языков, даже самых примитивных, ни один не находится на стадии первоначального становления; все они уже давно сложились в глубокой древности в процессе этногенеза, аккумулировав глубинные архаические особенности отношений того или иного народа и окружающей природы. «Сама ценность языков определяется, по Гумбольдту, их способностью сохранять свой исконный словарный запас как главное духовное наследие предков» [3, с. 100].

Рассмотрение связи языка и мышления в современной интерпретации подразумевает анализ проблемы духовно-ценностного наследования, которое происходит в культуре. С методологических позиций подобные лингвистические новации разработанной В. фон Гумбольдтом концепции о связи языка и мышления можно выразить следующим образом. Язык – не просто инструмент мысли; мышление и язык порождают материальную и духовную культуру, оказывающую обратное активное воздействие на субъекта посредством языка: «Язык есть орган, образующий мысль (Die Sprache ist das bildende Organ des Gedanken). Интеллектуальная деятельность посредством звука материализуется в речи и становится доступной для чувственного восприятия» [2, с. 75]. Всякая культура национальна, ее характер выражается именно в языке посредством особого видения мира, специфической для каждого этноса внутренней формы. Как слово несет на себе груз субъективных представлений респондента, так и язык в целом испытывает влияние на становление системы понятий и ценностей с позиций уже сформировавшегося менталитета и культуры народа: «Отдельный человек всегда связан с целым... своего народа, расы... всего человеческого рода... При словно бы негативном существовании... беспомощ-

ность одиночки толкает его к взаимодействию с себе подобными и требует ради возможных коллективных начинаний взаимопонимания посредством языка» [2, с. 63]. Немецкий ученый предложил новое видение языка – не как чего-то застывшего, совокупности лексических, грамматических или фонетических единиц, а в качестве динамичного процесса «формирования мысли», выражающего не только индивидуальное сознание, но и мирозерцание того или иного народа, его дух [4, р. 13]. Говоря современным языком, данную лингвистическую парадигму можно обозначить как *культурно-антропологическую*, поскольку средствами изучения тайны сознания являются не только элементы языка, но и процесс мышления, формирования общественного сознания. Сам В. фон Гумбольдт непосредственно связывал антропологию, философию языка и герменевтику [5, S. 607] и внес значительный вклад в развитие указанных дисциплин.

Следует отметить, что этнолингвистические исследования получили у ученого не только теоретическое оформление, но имели также ярко выраженное прикладное приложение в области политической деятельности, законотворчества и т. п. «Ценность этнического характера учитывалась Гумбольдтом не только умозрительно, в его размышлениях о сущности языка, но и вполне практически, к примеру, в проекте немецкой конституции (1813), где он призывает, распространяя... общегерманские принципы, сохранить все же различия в конституциях немецких земель» [3, с. 104]. С этим связана его действенная роль в становлении германского либерализма, которая активно переосмысливается современными исследователями [6, р. 122], в том числе в контексте обозначившегося на рубеже третьего тысячелетия миграционного кризиса, конфликта цивилизаций и т. п.

Показательно, что главное действующее лицо процесса формирования языка – субъект представлен у В. фон Гумбольдта в обобщенном виде, в форме этноса – народа, а также результатов сознательной деятельности – материальной и духовной культуры: «Язык, не будучи, по мысли Гумбольдта, свободным продуктом конкретного человека, а принадлежа всей нации, выступает в качестве переходного пункта от субъективности к объективности, от всегда ограниченной индивидуальности к охватывающему одновременно все в себе бытию» [3, с. 98]. Таким образом, уже в этот ранний период развития этнолингвистики можно обнаружить предпосылки того интереса на стыке лингвистической и онтологической проблематики, который выразился впоследствии в общеизвестном афоризме яркого представителя философской герменевтики М. Хайдеггера: «Язык – это дом бытия, ученые и поэты – хранители этого жилища».

Очень важно, что В. фон Гумбольдт не отдает предпочтения какой-либо одной языковой общности (передовой, прогрессивной и т. п.), утверждает ценность самых разных групп в общечеловеческом смысле, предлагает осуществ-

лять их сравнительную характеристику: «Целью... сравнительной антропологии Гумбольдт считает сопоставление своеобразий (*Eigentümlichkeiten*) морального характера различных человеческих коллективов... Прагматические идеи подобной антропологии... позволяют Гумбольдту прийти к заключению, что знание характера одной нации невозможно без исследования характера другой, с которой та находится в ближайших отношениях» [3, с. 102–103]. Тем самым гипотеза лингвистической относительности как идея зависимости мышления от языка получает предварительную формулировку в виде «неявного знания».

Очевидно, что лингвистическая философия немецкого ученого изначально отвергает субстанциальный подход, на этом строится ее основополагающее положение: «1. Язык представляет собой не субстанцию мышления, а средство передачи мыслей» [7, с. 50]. Из него вытекают и другие принципы гумбольдтианства: «2. Каждый язык обладает своей внутренней формой – специфическим для него механизмом, позволяющим передавать мыслительное содержание... 3. Развитие любого языка бывает не стихийным, а подчиненным некоему единому “преобладающему началу”... 4. Своеобразие устройства любого языка обусловлено особенностями “национального духа” данного народа» [7, с. 51]. В немалой степени с этим связаны перспективы дальнейшего использования идей В. фон Гумбольдта как методологической основы более современных учений, например, концепции системной лингвистики российского ученого Г. П. Мельникова (1928–2000) и т. п.

Разработку культурно-антропологической исследовательской парадигмы продолжили так называемые неогумбольдтианцы, внесшие в наследие немецкого филолога ряд новых плодотворных идей [8, с. 216], а также – постгумбольдтианцы. К числу наиболее ярких последователей прежде всего относится знаменитый немецкий лингвист Лео Вайсгербер (1899–1985), который пошел еще дальше в концептуализации гипотезы и ввел понятие языковой картины мира [9], ставшее популярным не только в современной лингвистике, но и в философии, а также культуре в целом. Собственно, первоначальное понятие принадлежало самому В. фон Гумбольдту, который по ряду причин так и не успел его подробно проработать, предоставив тем самым широкое поле исследования для своих продолжателей: «Действительно, открытие феномена картины мира в различном его терминологическом оформлении стало основным теоретическим достижением Гумбольдта» [3, с. 97]. Развивая идеи В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербер считал, что каждый язык уникален и неповторим, в нем заложена своя специфическая схема, модель освоения мира – так называемая языковая картина мира. Оценивая свой вклад, «Л. Вайсгербер называет среди важнейших факторов временной разрыв между созданием концепции и ее популяризацией» [3, с. 108], подчеркивая тем самым возможность использования концепции языковой картины мира на стыке самых разных научных дисциплин гуманитарного профиля, акцентируя элемент относительности этнолингвистического познания.

Субстанциальная и релятивистская парадигма

Если перейти на рефлексивно-методологический уровень решения проблемы, который включает в себя так называемый трансдисциплинарный и межкультурный синтез, то можно сделать следующий вывод. С точки зрения методологии как рефлексии деятельности речь идет не только о выделении языка как специфического средства когнитивного освоения мира, но и о введении новых понятий-схем, задающих общее видение проблемы в форме *картины мира*. При этом можно говорить об онтологизации посредством введения инвариантных величин, которые составляют основу субстанциальной парадигмы моделирования мира. Данный способ онтологизации представляет собой основную парадигму классической науки. В лингвистике в качестве *субстанции* выступает вначале языковая культура, а затем языковая картина мира. При этом следует обратить внимание, что понятие «языковая картина мира» Л. Вайсгербера учитывает не только специфику этноса, например, в форме обобщенных и объективированных характеристик менталитета, но и содержит противоречие, которое проявит себя в недалеком будущем при исследовании проблем сравнительного языкознания и становлении релятивистской парадигмы в лингвистике.

Другими словами, *субстанциальная парадигма* моделирования мира не выдерживает антропологического поворота в лингвистике и для своей модернизации вводит принцип *лингвистической относительности*. Можно сказать, что данный принцип зависимости мышления от языка в концепте «языковая картина мира» приобретает все более явное звучание. При всей природной онтологичности и объективности картины мира в классической науке данный способ онтологизации не в состоянии объективировать языковую реальность при смене предмета лингвистического исследования. А именно: эта смена происходит, когда язык рассматривается в форме коммуникаций и других лингвистических практик. При моделировании лингвистических феноменов как процессов живой культуры, формой существования которой являются различные формы культуротворчества, объектно-субстанциальная парадигма дает сбой, поскольку субъект органично входит в когнитивную деятельность и является неустранимым в принципе. Попытка распространить в лингвистике субстанциальную онтологию, характерную классическому типу рациональности оказывается несостоятельной, поскольку лингвистические феномены не могут рассматриваться как объекты – простые самотождественные системы. Психолингвистика имеет дело с миром культуротворчества, в котором принципиальное значение имеют лингвистические формы и способы освоения человеком мира.

Как стало понятно несколько позже (при методологическом осмыслении феноменов квантовой механики), *субстанциальная парадигма* исследования является принципиально неполной и, подобно квантово-механическому способу

описания реальности, нуждается в дополнении ее *релятивистской парадигмой*. Случилось то, что должно было произойти: посредством межкультурной трансляции в лингвистике зародилась неклассическая рациональность; антропологический поворот становился все более радикальным, субъект все смелее смещал объект, превращая исследование в *проектирование*.

Лингвистическая относительность

Релятивистская концепция языка в форме гипотезы лингвистической относительности сформировалась в дискурсе этнолингвистики, смело вырабатывавшей антропологические новации. Родоначальником знаменитой гипотезы неслучайно является инженер по образованию великий американский лингвист Эдуард Сепир, который непосредственно связал фонетические структуры с различными аспектами предметной деятельности и утверждал, что сама «сущность языка заключается в соотношении условных, специально артикулируемых звуков к различным элементам опыта» [10, с. 34]. И этот инженерно-конструктивный дискурс следует иметь в виду, поскольку он отражает проектно-конструктивный стиль мышления и методологию, которой руководствуется Проектировщик. Заметим, что «Проектировщик» написано с прописной буквы не только как дань уважения разработчику Э. Сепиру, но и соответствует культурной традиции. В современной научной литературе часто встречается подобное написание этого слова в связи с тем, что подчеркивается его фундаментальный статус наряду с научным исследованием. При этом, в отличие от классической науки и стандарта объективности исследования, *относительность* проектирования к средствам и цели является исходной презумпцией.

Мы не будем останавливаться на историческом дискурсе этой проблемы, отметим лишь, что принцип лингвистической относительности вошел в науку в форме гипотезы Сепира – Уорфа, своими истоками восходящей к уже упоминавшемуся гумбольдтианству: «Проекции идей В. фон Гумбольдта обнаруживаются... в США (разработка “принципа языковой относительности” Э. Сепиром (1884–1939) и Б.-Л. Уорфом (1897–1941))» [3, с. 122]. Однако если следовать методологическому подходу, то необходимо сказать, что данный принцип играет роль отнюдь не гипотезы. Мы имеем дело с качественной новацией в методологической инструментации, а именно с *неклассической парадигмой* решения проблемы *соотношения языка и мышления*. Фактически лингвистика переходила на принципы Проектирования, в котором свойство зависимости (или относительности) результата от целей и средств является атрибутивным. Заметим, что термин «соотношение» используется в качестве метафоры, ибо за ним скрывается ряд глубинных вопросов на тему, как формируется мышление в качестве репрезентации когнитивной деятельности и какую роль в этом процессе играют языковые формы: «Язык и шаблоны нашей

мысли неразрывно переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же» [10, с. 193]. Именно поэтому общепризнана формулировка, что *язык определяет мышление, а способ познания является не столько гипотезой, сколько презумпцией* и, в отличие от гипотезы, не требует доказательств (а только интерпретации и обоснования). Заметим, что формулировка указанной гипотезы в данной редакции впоследствии получила название «сильной»; «сила» вытекала из программы исследования.

Для того чтобы понять тайну сознания, следует изучать закономерности формирования и функционирования языка как интеллектуального ресурса, поскольку «содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка» [10, с. 226]. Язык органично отражает уровень материальной культуры в тот или иной исторический период; чувственный опыт личности при взаимодействии с внешним миром через звуки речи формирует мышление: «С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи» [10, с. 36]. Дальнейшие исследования показали, что формулировка гипотезы «язык определяет мышление и способ познания» представляет собой очень сильную абстракцию и ее следует смягчить, ибо исследование феномена сознания и мышления отнюдь не сводится к изучению языковых форм (инструментов): «Язык, раса и культура не соотносятся в обязательном порядке» [10, с. 191]. Появилась «слабая» формулировка гипотезы лингвистической относительности: язык всего лишь влияет на мышление, а не формирует его полностью. Язык стал рассматриваться как инструмент сознания, наряду с другими этнокультурными, информационно-коммуникативными, параязыковыми и иными факторами – инструментами. «Нетрудно показать, что языковая группа... не соответствует обязательно какой-либо расовой группе или культурной зоне... Это их родной язык, формальный покров их внутренних мыслей» [10, с. 186], оказывающий влияние (в той или иной степени опосредованное) на стиль и структуру ментальных процессов.

Итак, в «сильном» варианте упомянутая гипотеза утверждает, что язык определяет (детерминирует) мышление, а в слабом – что язык влияет на мышление, в обоих случаях на этом базируется разработанная Б.-Л. Уорфом система грамматических категорий. В одной из своих фундаментальных статей он четко декларирует: «В работе предлагается общая теория грамматических категорий. Они делятся на два главных типа: дескриптивные и таксономические. Дескриптивные категории могут быть специфическими или родовыми. Существуют три вида специфических категорий: открытые (фенотип), скрытые (криптотип) и изосемантические; каждый из них подразделяется на избирательные и модулирующие категории» [11, с. 44]. «Неклассический» относительный характер подобной классификации, включающей в себя элемент Проектирования, представляется вполне очевидным.

Субстанциальная парадигма и универсализм

Однако противоречие между двумя способами решения (парадигмами) проблемы «проникновение в тайны сознания» проявилось не только на фило-генетическом уровне, но и в форме этнокультурного наследования. Онтогене-тический подход к вопросам социокультурной и индивидуально-личностной лингвистической преемственности получил общее и прикладное решение в теории генеративной универсальной трансформационной грамматики, кото-рую разработал американский лингвист Ноам Хомский. Исследуя синтаксиче-ские структуры в своей фундаментальной работе [12], он опирался на идеи более ранних основоположников структурализма в языкознании: «Великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, который в начале столетия за-ложил основы современной структурной лингвистики, выдвинул точку зрения, согласно которой... методами лингвистического анализа являются сегментация и классификация... Фактически Соссюр... выразил мнение, что... механизмы образования предложений... свободны от ограничения, налагаемого на них язы-ковой структурой... это процесс свободного творчества» [13, с. 30–31]. Действи-тельно, именно Ф. де Соссюр выявил строгую закономерность: «Язык есть си-стема знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с фор-мами учтивости, с военными сигналами и т. д., и т. п... Следовательно, можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков... мы назвали бы ее семио-логией» [14, с. 23]. Он четко разграничил структурную лингвистику и фило-логию, язык и речь, синхронию и диахронию, агглютинацию и аналогию, ста-тичность и эволюционную изменчивость знака; исследовал фонологические типы, географическое и историческое разнообразие языков, распространение языковых волн; произвел реконструкцию древнего языка и праязыка в расо-вой и этнолингвистической антропологии (и лингвистической палеонтологии). «Структурная лингвистика... показала, что в языке существуют структурные отношения, которые могут изучаться абстрактно» [13, с. 33]. Суть положений, которые на этой основе сформулировал Н. Хомский, заключалась в предполо-жении, что есть некие универсальные языковые закономерности, аналогичные природным, которые усваиваются и *наследуются* каждым индивидом на со-циально-генетическом уровне в форме задатков – способностей. Таким образом, умение структурировать языковые выражения предстает как часть врожденного генома человека, что позволяет ребенку в раннем возрасте с легкостью усваи-вать языки самых разных типов (так называемая иерархия Хомского: тип 0 – «неограниченные»; тип 1 – «контекстно-зависимые»; тип 2 – «контекстно-свободные»; тип 3 – «регулярные»); для этого достаточно выучить наиболее распространенные слова и морфемы (лексические единицы). Имеют место также процессы трансформации, которые исследователь, в частности, рассмат-

ривает на примере изменений английской структуры фразы [12, р. 61–85, 111–115]. Синтаксические структуры Хомского существуют на стыке науки лингвистики и когнитивной психологии, механизм усвоения языка (*Language Acquisition Devise – LAD*) предстает как необходимая и неотъемлемая внутренняя структура человеческой психики.

Другими словами, всем языкам мира на глубинном уровне присущи некие универсальные структуры, которые наследуются не только в культуре, но и на уровне индивидуального развития (онтогенеза), что позволяет ребенку легко и незаметно овладевать родным языком: «...это проблема определения механизмов, которые оперируют данными чувств и обеспечивают знание языка – языковую компетенцию... Ведь овладевают же дети первым языком; язык... является “установленным...” а не системой, определяемой врожденными... механизмами» [13, с. 34]. Таким образом, предположение о существовании *универсальной грамматики* оказалось конгруэнтным языковой картине мира, имеющей иной модус существования и включающей в себя *субстанциональную парадигму* на уровне онтогенеза.

Разработки Н. Хомского получили название «универалистский подход», так как они органично вписываются в субстанциально-онтологическую парадигму, в которой роль субстанции играют универсальные грамматические структуры, поскольку «порождающая грамматика является системой из многих сотен правил нескольких различных типов, организованной в соответствии с определенными фиксированными принципами упорядочивания и применимости и содержащей... подструктуру, которая... является общей для всех языков» [13, с. 105]. Отсюда, кстати, следуют представления Н. Хомского о принципиальной ценности и значимости конкретных лексических единиц во всем их многообразии, а на прикладном общественно-политическом уровне – его отрицательное отношение к проявившемуся в современном технократическом мире стремлению США к мировому господству [15, р. 304].

Всякая культура, всякий язык как часть общей картины важен для всего человечества. «...Характерной чертой современных работ в лингвистике является внимание к языковым универсалиям такого типа, которые могут быть обнаружены только путем детального исследования конкретных языков, универсалиям, управляющим свойствами языка... Более того, мы обнаруживаем существенную систему принципов, которые не меняются от языка к языку даже в случае, если эти языки... не родственны» [13, с. 96–97]. С этим утверждением связан также выдвинутый американским лингвистом конструктивный футурологический проект социальной стабильности [16, с. 319]. Очевидно, что в такого рода рассуждениях лингвофилософские концептуальные построения Н. Хомского непосредственно обуславливают его идеологическую позицию по ряду актуальных вопросов современности.

Заключение

В настоящее время дискуссия между *субстанциально-универсалистской* и *релятивистской* парадигмами продолжается, хотя она и несколько потеряла свою остроту. Связано это, прежде всего, с тем, что пришло понимание «взаимодополнительности» этих двух подходов: релятивистского и субстанционального. Становится все более очевидным, что никакие экспериментальные данные не могут поставить точку в этом споре, поскольку указанный дуализм отражает в себе два основополагающих типа рациональности, два разных способа познания и наименования (обозначения) мира, которые зависят, прежде всего, от типа системной организации объектов.

Какая же картина мира является истинной: субстанциально-объективистская или релятивистски-конструктивная? Сейчас мы знаем ответ на этот вопрос: действует *принцип дополнительности* и соответствия. А именно в том случае, когда объект исследования (в том числе лингвистический) можно рассматривать как простую систему (неразвивающийся, самотождественный, в виде, например, слов-терминов и их смыслов-значений в словаре), используется субстанциально-объективистская парадигма. Если же анализировать лингвистические феномены в развитии как, например, реконструкции смыслов в процессе общения, то необходимо исходить из релятивистско-конструктивистской парадигмы.

В этом случае обозначенный спор можно интерпретировать как своего рода попытку свести две парадигмы к одной – истинной. Другими словами, подобная дискуссия может быть объяснена только с помощью рефлексии при переходе на уровень метаонтологии. Две позиции нельзя свести к одной, поскольку они дополнительные и каждая имеет право на существование и прекрасно «работает» в своей сфере компетентности. А именно: субстанциональные концепции возможны, когда мы имеем дело с закрытой простой системой (не развивающейся, в которой можно пренебречь связями между системой и внешней средой). Релятивистские концепции, напротив, основываются на описании открытой сложной системы. Преломляясь в массовом сознании, подобная дополнительность все в большей степени закладывает основы подлинного единения *духовной культуры* как необходимого условия эффективного решения *техногенно-цивилизационных проблем современности* в их ментально-онтологическом измерении.

Список использованных источников

1. Stubb, E. Wilhelm Von Humboldt's Philosophy of Language, its sources and Influence / E. Stubb. – Lewiston ; N. Y. : Edwin Mellen Press, 2002. – 332 p.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / В. фон. Гумбольдт ; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2001. – 400 с.

3. Радченко, О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство / О. А. Радченко // *Вопр. языкознания*. – 2001. – № 3. – С. 96–125.
4. Underhill, J. W. Humboldt, Worldview and Language / J. Underhill. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2013. – XII, 161 p.
5. Humboldt, W. von. Werke : in 5 Bd. / W. von Humboldt. – Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. – Bd. 1. – 609 S.
6. Roberts, J. German Liberalism and Wilhelm von Humboldt: A Reassessment / J. Roberts. – Mosaic Press, 2009. – 142 p.
7. Федосюк, М. Ю. Концепция В. фон Гумбольдта как возможная методологическая основа лингвистики XXI века / М. Ю. Федосюк // *Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Лингвистический анализ на грани методологического срыва : сборник*. – Kraków : Wyd-wo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2016. – Т. 2. – С. 117–129.
8. Даниленко, В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство / В. П. Даниленко. – М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.
9. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера [Электронный ресурс] / В. П. Даниленко. – Режим доступа : <http://www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> – Дата доступа : 15.09.2018.
10. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // *Избранные труды по языкознанию и культурологии* / Э. Сепир. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2001. – С. 273.
11. Уорф, Б. Л. Грамматические категории / Б. Л. Уорф // *Принципы типологического анализа языков различного строя* / сост. О. Г. Ревзина. – М. : Наука, 1972. – С. 32–47.
12. Chomsky, N. Syntactic Structures / N. Chomsky. – Berlin ; N. Y. : Die Gruyter Mouton, 2002. – XVIII, 117 p.
13. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. – 126 с.
14. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с франц. С. В. Чистяковой ; под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
15. Chomsky, N. Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance / N. Chomsky. – N. Y. : Metropolitan Books, 2003. – 304 p.
16. Хомский, Н. Создавая будущее: оккупации, вторжения, имперское мышление и стабильность / Н. Хомский. – М. : Альгинанон-фикшн, 2015. – 316 с.

О. П. Пунченко¹, Н. О. Пунченко²

¹Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова, Одесса, Украина

²Одесская государственная академия технического регулирования и качества,
Одесса, Украина

УНИКАЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье исследуется одно из измерений многомерного феномена образования – его уникальность. Раскрыто содержание этого концепта как универсального свойства, выражающего себя в единственности; неповторимости своей специфической сущности, обусловленной архитектурой и связью элементов и свойств; исключительности, оригинальности своих связей с наукой, невозпроизводимостью методологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание в ходе его информатизации. Уникальное объяснено как связующее звено между парадигмами образования. Современная парадигма образования репрезентирована как ноосферно-информационная, выделены ее составляющие: интеллектуализация, инновационность, информатизация, гуманистичность, акцентировано внимание на их уникальности.

Ключевые слова: образование, уникальность, парадигма, интеллектуализация, инновационность, информационность, гуманистичность, «Новое Просвещение»

O. Punchenko¹, N. Punchenko²

¹O. S. Popov Odessa National Academy of Telecommunications, Odessa, Ukraine

²Odessa State Academy of Technical Regulation and Quality, Odessa, Ukraine

UNIQUENESS AS A BASIC DIMENSION OF THE EDUCATIONAL PARADIGM OF INFORMATION CIVILIZATION

In the article, there is studied one of the dimensions of the multidimensional phenomenon of education – its uniqueness. The content of this concept is disclosed as a universal property expressing itself in uniqueness; the uniqueness of its specific essence caused by architectonics and connection of the elements and properties; exclusivity, originality of their connections with science, irreproducibility of the methodological impact on individual and public consciousness in the course of its informatization. The unique thing is explained as the next connection between educational paradigms. The modern paradigm of education is represented as noospheric-informational; the following components of it are highlighted: intellectualization, innovation, informatization, humanization.

Keywords: education, uniqueness, paradigm, intellectualization, innovation, informativeness, humanization, “New Enlightenment”

Переход человечества к новому типу цивилизационного устройства – информационному, связан с коренными преобразованиями не только сферы материального производства, но и всех сфер духовной деятельности человечества, вне которых, особенно сегодня, его бытие немыслимо. Озабоченность о бли-

жайшем будущем человечества, о путях разрешения главного противоречия современности, сложившемся между бурным технологическим развитием, с одной стороны, и спадом духовности – с другой, нашла отражение в двух основных международных документах ушедшего 2018 года – в решениях XXIV Всемирного философского конгресса, проходившего в Пекине, а также в юбилейном докладе Римского Клуба – «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». В последнем дана не только жесткая критика современного финансово-экономического состояния общества, но и прозвучал призыв к созданию альтернативной экономики и единой планетарной гармоничной цивилизации, к отказу от упрощенного понимания мира, к необходимости формирования нового типа мировоззрения – духовно-нравственного, а также к становлению и реализации концепции «Нового Просвещения». Последнее больше всего затрагивает одну из главных сфер духовной жизни общества – образование.

Являясь сегодня объективной реальностью социальной жизни, образование ускоряет ее развитие. Когда общество осознает его жизненную необходимость приходит понимание того, что именно образование должно стать «фундаментальным элементом повседневной жизни, ведь все меняется так быстро, и нужно осваивать новое» [1, с. 20]. Знание, утверждал Конфуций, сокровище, которое повсюду следует за тем, кто им обладает. Оно отражает уровень его интеллектуального развития. Применительно к сообществу образование – это ось его жизни, смыслообразующий стержень, характеризующий способ существования ценностей, норм, целей и смыслов, который выражает в человеке и обществе их «самость» и глубинный нравственный мир. В образовании пересекается множество семиотических кодов, сопряжение которых создает и сохраняет целостность этого феномена духовного производства.

Образование как особая сфера духовной жизни характеризует внутренний мир человека, включает его в структуру социальной реальности, определяя тем самым ее человекообразность, выявляя созидательные смыслы социальной динамики. Оно глубже раскрывает и внутренние стороны духовного мира социума через включение в него «экзистенциальных измерений человеческого бытия, его ценностные основания. Это с одной стороны. С другой стороны, человек духовный конституирует на палитре свойств своего естества характеристики явлений окружающего мира» [2, с. 53].

Образование как социокультурный феномен многомерно по своей природе. Одной из его характеристик выступает уникальность. Интерес к уникальному в образовательной реальности порожден практикой его потребностей. Несомненно, будучи повторимым в самых разных своих аспектах, оно уникально как общее в социокультурной цивилизационной направленности во всей своей полноте в различных парадигмах, которые отличаются особенностями его смыслового содержания и формами воплощения в сознание обучаемых. Исходя из этих установок можно репрезентировать особенности и восточного тради-

ционализма, и греческой пайдеи, и единой государственно-религиозной парадигмы образования доколумбовых цивилизаций на американском континенте (ацтеки, инки, майя, хохокама, анауа и др.), и универсально-практической парадигмы образования техногенной цивилизации с ее базисным фундаментом Просвещения, и современной ноосферно-информационной парадигмы.

Анализ парадигм образования в цивилизационной истории человечества показывает, что весь путь их развития отмечен узловыми точками становления принципиально нового, уникального. Все это новое в первый момент времени рождается как единичное, уникальное, но затем, закрепляясь, преобразовываясь, перестает быть таковым по отношению к предшествующему состоянию. Например, все образовательные нововведения, которые клали и кладут начало бурным сдвигам в содержании этого феномена, не выступали как раз и навсегда установившиеся, они содержали в себе момент отрицания. Следовательно, сама суть развития подразумевает порождение уникального, не укладывающегося в актуально реализованную обратимость.

Закономерный и внутренне упорядоченный характер развития образования – это его базовое положение. С одной стороны, закономерность развития предполагает регулярную повторяемость на всех этапах его содержательно-методологических установок. А с другой – развитие как процесс становления новой образовательной парадигмы необходимо порождает в этом процессе уникальное, выходящее в этом своем качестве за рамки специфических закономерностей предшествующей парадигмы образования.

Проблема соотношения закономерного и уникального должна учитывать особенности образовательной реальности и исходить из того факта, что все специфическое преходяще в процессе развития. Повторяемость особенного, существующая более или менее длительное время, в конечном счете не абсолютна, подвержена отрицанию. На уровне всеобщих законов развития «единство закономерного и уникального, – отмечает Л. П. Туркин, – одно из тех диалектических противоречий развития, которое не следует затушевывать, “переводя” на язык противоречий, редуцируя к ним... Диалектичность здесь в том, что уникальное отчасти включено в закономерное, но отчасти выходит за его рамки, отрицает его, порождая новые специфические закономерности, что закономерность сама складывается как устойчивое сцепление ряда уникальных событий» [3, с. 31]. Противоположность же закономерного и уникального относительна: закономерность каждого этапа развития отрицается уникальным событием, открытием, кладущим начало новым закономерностям последующего этапа. В этом плане уникальное есть связь. Но здесь связь не выступает в форме закона, она есть лишь связующее звено между предыдущей парадигмой образования и последующей. Анализ этого процесса показывает, что весь спектр уникальных явлений, порождаемых развитием образования, достаточно широк, но не все они равноценны, то есть уникальное уникальному разн. Всякое уникальное событие содержит в себе единичное как нечто всеобщее,

как особую иерархию специфических черт, а также как совокупность единичных, неповторимых, неопределенных признаков. И уникальное, и единичное по своему смыслу неопределенны, их не с чем сравнить, отождествить, они содержат в себе элемент различия, который позволяет говорить об их абсолютности. Это их и роднит. Но в отличие от уникального единичное не всегда выступает в форме связи, оно не есть момент развития закономерности. Единичное и уникальное – это понятия, несущие разные смысловые нагрузки. Они содержат в себе две характеристики, причем различные: экстенсиональную и интенциональную. Единичное не есть уникальное, потому что оно есть экземпляр рода или вида, оно всегда подчеркивает свою принадлежность к общему, уникальное же есть противопоставление типичному.

Но как можно эксплицировать концепт «уникальное», его смысло-соразмерное содержание? Уникальное – это объективный, сущностный, неповторимый феномен, содержащий в себе абсолютный момент различия, оно закономерно, релятивно, неопределенно, единично, из которого рождается новое качество, репрезентирует себя как форма связи предыдущей и последующей парадигм образования, детерминировано предшествующим развитием, но полностью не укладывается в схему трансформации одной парадигмы в другую.

Уникальность воспринимаемого феномена в образовании определяется субъектом – педагогом через призму его критического осмысления новизны, ценностного контекста и значимости для данного уровня развития образования. Уникальность можно определить и как универсальное свойство, выражающее себя в единственности, неповторимости своей специфической сущности, обусловленной архитектурой и связью элементов и свойств. Оно выступает как сущностный элемент человеческого бытия, который исключителен, чрезвычайно важен, обладает оригинальностью своих связей с наукой, невоспроизводимостью методологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание в ходе трансляции объективно разработанных наукой знаний и опыта, а также относительным характером и обязательно социальной новизной, что является детерминирующей составляющей его смыслового поля. Исследуя уникальное, необходимо отметить, что оно рождается в образовании не автоматически, а отражает движение пытливого, творческого мышления педагога.

Если анализировать образование как систему, то в ее архитектонике можно выделить атрибутивные и реляционные параметры. В общей параметрической теории систем ее автор профессор А. И. Уемов выделяет 17 атрибутивных параметров, среди которых особое место занимает уникальность. Системный параметр, по его мнению, это «специфически системное свойство, которым можно охарактеризовать объекты, рассматриваемые только как система» [4, с. 49].

Уникальность же – точечное свойство системы, она может характеризовать и структуру, и субстрат.

Применение методологии общей параметрической теории систем к анализу образования требует исследования сущности дескрипторов – концепта, структуры

и субстрата, – составляющих систему. Но все эти компоненты несут определенную смысловую нагрузку, которая и порождает разнопонимание их содержания.

В исследованиях А. И. Умова концепт выступает как определенное свойство, заранее предполагаемый смысл, заранее известные субъекту цели, какая-то исходная информация, существующая для системного представления объекта. Несколько отличительное понимание концепта обнаруживается у Л. Н. Богатой. Она отмечает, что «с помощью концепта фиксируются смыслы, соответствующие термину, концепт именуемому. Понятие предстает основной единицей формально-логического (линейного) мышления, концепт – столь же фундаментальной единицей мышления многомерного... концепт направлен на поиски смыслов, которые могут быть извлечены с помощью вербально-актуализированных представлений о предметах мира проявленного» [5, с. 141].

В образовании в качестве концепта выступает смысловая «нагруженность» этого феномена; заранее известные обучающему субъекту цели и установки образовательного процесса; специфическая информационная «нагруженность», определяемая через спектр дисциплин, которыми насыщена учебная программа. Реализация концепта, основу которого составляет знание законов и закономерностей развития природы и общества, должна позволить усвоившему это знание субъекту применять его не только в личностной деятельности, но и в интересах общества. Следовательно, основу концепта должны составлять эпистемологические и методологические ценности.

Структура образования понимается как системно-образующее отношение, характеризующее способ связи ее элементов. Она включает в себя классификацию дисциплин, их взаимодополняемость, а также внутреннюю организацию транслируемых знаний. В структуру входят не только эпистемологические и методологические, но и культурологические ценности, составляющие фундамент формирования мировоззрения.

Субстратом является сам исследуемый объект, представленный в виде системы, то есть само образование.

Обоснование смысло-соразмерной «нагруженности» образования репрезентирует целостность его как системной модели и интерпретирующей ее части и раскрывает его в качестве открытой «сильной» системы. Но если целостное в образовании можно ранжировать по степеням и ступеням, то уникальность нельзя. Но можно ли говорить о предельной степени уникальности образования как целостной системы? Образование в этом качестве, независимо от субъективных оценок, может быть уникальным не по одному из дескрипторов, а сразу по двум или трем из них. Предельная степень уникальности образования как системы это та, которая укажет на уникальность сразу по всем трем дескрипторам – концепту, структуре и субстрату. В этом случае необходимо признать, что система неповторима, обладает высокой степенью новизны, закономерна, качественно отличается от других систем духовного производства, а следовательно, она уникальна.

В последней четверти XX в. человечество вступило в новый тип своего бытия – информационный. Становление этого типа цивилизационного устройства (информационного) выдвинуло ряд неотложных задач реорганизации его смысло-соразмерного содержания, без решения которых немислимо прогрессивное развитие не только этого социокультурного феномена, но и всех сфер жизнедеятельности общества. И обновление необходимо начать с учетом требований XXIV Всемирного философского конгресса (Пекин, 2018 г.), тема которого: «Учиться быть человеком». Сегодня бурное развитие конвергентных технологий, компьютеризации, информатизации, космической и военной техники и других направлений опять отодвигают их творца – человека – в «тень». А ведь все прекрасно понимают, что эти достижения не что иное, как «тень» человеческого мышления. Они не возникли, как Афродита из морской пены, а являются результатом мышления человеческого интеллекта. Человек стоит в центре творения всех материальных и духовных ценностей, а не стороннее к ним приложение.

Характеризуя постнеклассическую рациональность науки последней четверти XX в., которая сконцентрировала свои усилия на освоении уникальных систем, В. С. Стёпин связывал ее сущность с выполнением требований учета соотношенности результата исследования со спецификой познавательных средств и с ценностно-целевыми структурами науки и социума в их взаимосвязи. А это новый стиль мышления. Дело в том, что «традиционное социальное мышление в силу своего консерватизма, инертности, стереотипности, отсутствия самостоятельности и других негативных черт оказалось неэффективным. Обнаружилась насущная потребность в самостоятельном нестандартном, свободном от изживших себя стереотипов творческом мышлении как средстве познания и преобразования действительности» [6, с. 79].

О необходимости перехода к новому нестандартному мышлению заявили в докладе Римского Клуба «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» его сопредседатели Эрнст фон Вайцзеккер и Андерс Вийкман (2017 г.). Они призвали к формированию единой планетарной гармоничной цивилизации, новому духовно-нравственному мировоззрению, к «Новому Просвещению» [7].

Идея формирования единой планетарной гармоничной цивилизации интересна, но сегодня она носит утопический характер. Процессы формирования глобального мира содержат больше негатива, чем позитива, поскольку идет ярко выраженный процесс столкновения интересов сильных государств мира сего. «Глобальный мир, – пишет А. Н. Чумаков, – совокупность естественных, природных и общественных систем, образующих триосферу – единое целое, состоящее из гео-, био- и социосферы планеты Земля» [8, с. 14]. Но этот мир находится в конфронтации, которая отражает геополитическое противостояние сильных стран современного мира. А. Н. Чумаков выделяет мегатренды и угрозы глобального мира, и обосновывает макросдвиги в мировой социосистеме, связанные с социокультурными разломами глобального человечества.

Что же касается идеи перехода к новому цивилизационному устройству, то современная цивилизация еще не раскрыла всех своих возможностей. Мы не можем эксплицитно выразить заложенный в ней потенциал имплицитно. «Мы еще не имеем никакого понятия о возможной величине ее ноосферной мощности... В этом отношении самым неожиданным может быть то, что больше всего ожидается» [9, с. 401]. Сегодня трудно спрогнозировать весь спектр ожиданий общества от этого типа цивилизационного устройства, но можно утверждать, что этот спектр по своему содержанию будет противоречив, он предстанет как единство позитивного и негативного в развитии всех сфер бытия человечества.

В идее руководителей «Римского Клуба» относительно «Нового Просвещения» заложен большой позитив. Несомненно, «Новое Просвещение» – это прежде всего фундамент формирования духовно-нравственного мировоззрения. Такой фундамент можно сформировать только через эмансипацию разума, через слом укоренившегося в сознании человека и общества стереотипного линейного мышления, а это детерминирующая задача новой парадигмы образования.

Новую парадигму образования можно репрезентировать как ноосферно-информационную. Качественное отличие ее заключается в том, что в ней слиты воедино неотъемлемые составляющие этого феномена, что не имело место в предыдущих парадигмах. Ноосферизация раскрывает развитие интеллектуального потенциала, а также расширение процесса становления современного общественного интеллекта за счет использования информационных технологий, а на их основе – процессов информатизации.

Ноосферизация образования есть определяющий механизм формирования нового интеллекта. Она решает главную задачу новой цивилизации – формирование специалиста интеллектуального, обладающего высокотехнологичными и гуманитарными знаниями, а также формирование качественно нового уровня интеллекта личности и совокупного общественного интеллекта, который представлен в достижениях научной мысли и по своей природе является общечеловеческим достоянием. Здесь легко обнаруживается уникальность ноосферизации образования.

Ноосферизация образования реализует свое смысло-соразмерное содержание через такой тренд новой парадигмы образования, как инновационность. Уникальность этого тренда прежде всего в том, что, во-первых, ни одна парадигма образования не включала инновационность как объект исследования и прогнозирования. Во-вторых, инновация рассматривалась лишь в качестве поступательного традиционного новшества в развитии этого духовного феномена.

В новой парадигме инновация предстает составляющей духовного мира социума, она выступает не только как некая технологическая система, но как прежде всего уникальная творческая деятельность субъекта и социума по переводу существующих ценностей в новое качество, это нововведения в архитектуру сложившейся деятельности, которые вызывают к жизни новый стиль мышления.

Исследуя смысло-соразмерное содержание инновации, В. П. Старжинский и В. В. Цепкало эксплицируют ее, исходя из ее ключевых признаков. «Инновация, – отмечают они, – это внедренное новшество, обладающее высокой эффективностью. Является конечным результатом интеллектуальной деятельности человека, его фантазии, творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации в виде новых или отличных от предшествующих объектов» [10, с. 254]. Инновационно новое предстает как уникальное, как степень творческой новизны, оно позиционирует себя в качестве предпочтений заработка определенного социокультурного потенциала через открытие новых закономерностей, свойств, принципов и эффективности развития исследуемого объекта.

Инновационность более всего отражает в новой парадигме уникальное через нововведения, внедрение в практику интеллектуальных решений. Однако необходимо учитывать, что не все нововведения носят уникальный характер, а лишь те, которые кардинально меняют смысло-соразмерное содержание конкретного феномена. В образовании сегодня уникальным выступает инновационный педагогический опыт, формирующий новый синергетический тип мышления обучаемых. Что же касается информационных инноваций новой парадигмы образования, то они – жизненная составляющая ее, поскольку сегодня эти основания связаны не только с трансляцией определенной суммы знаний, но и с научением поиска информации для приращения личностного знания; с обработкой необходимых сведений в общественном фонде информационных ресурсов; с использованием в образовательном процессе новейших информационных технологий; с ознакомлением и практическим их использованием. При этом необходимо учитывать, что образование в структуре информационных ресурсов предстает как образовательная услуга, профессиональный вид деятельности, направленный на удовлетворение информационных потребностей обучаемых. Сегодня эти услуги являются уникальным видом деятельности, который базируется на компьютерных технологиях, что отличает современный этап образования от предыдущих парадигм.

Однако все парадигмы образования, включая и ноосферно-информационную, имеют общее измерение – гуманистическое. Уникальность измерения в каждой парадигме отражается в отношении его необходимости и социальной значимости. Гуманизация образования – это внедрение в сознание обучаемых идейного комплекса высших ценностей, выработанных человечеством на долгом и противоречивом пути своего развития и получивших название общечеловеческих. К ним относятся: человеколюбие, свобода и справедливость, достоинство человеческой личности, трудолюбие, равенство и братство, коллективизм и интернационализм и др. Общая направленность гуманистических принципов состоит в соотношении мира реального и созданного человеком с его запросами, интересами, потребностями. Новая парадигма образования требует формирования конкретных ценностно-целевых и нравственных отношений и представлений о конструктивном будущем развития человечества. Эти требования

сегодня находят свое отражение в гуманистическом идеале, где высшей ценностью выступает человек. Идеал ориентирует его на гармонию с природой; на служение науки человеку, его жизни, усовершенствованию; выступает основой нравственно-моральных норм.

Исходя из отмеченных составляющих новой парадигмы образования – ноосферно-информационной, ее можно эксплицировать, что «это качественно новый уровень инновационного типа мышления обучаемых, базирующийся на информационных ресурсах общества и способствующий на основе креативной методологии и достижений современной науки становлению нового уровня индивидуального и общественного интеллекта» [2, с. 313].

Ноосферно-информационная парадигма образования уникальна по решению ключевых задач. Во-первых, она формирует человека-интеллектуала, обладающего высокотехнологическими и гуманитарными знаниями, а также формирования качественно нового уровня интеллекта личности и совокупного общественного интеллекта, который представлен в достижениях научной мысли и по своей природе является общечеловеческим достоянием.

Во-вторых, в ходе реализации этой парадигмы формируется ноосферное образовательное общество. «Образовательное общество, – отмечает А. И. Субетто, – это такое общество, в котором образование становится главным механизмом восходящего воспроизводства качества общественного интеллекта и, соответственно, культуры и науки, общество, основой функционирования и устойчивого развития которого выступает закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования как социального института. Оно проявляется в XXI веке как итог образовательной революции, перехода к формации образовательного общества» [11, с. 69].

Задачи новой парадигмы образования сложны, и можно отметить, что препятствий на пути их реализации будет много. Но на примере Китая видно, что их можно и нужно решать комплексно. Сегодня основополагающие начала формирования «Нового Просвещения» предусматривают освобождение мышления от укоренившихся в его содержании догм; эмансипации разума человека от идеологической зависимости; раскрепощения сознания, означающего способность создавать собственные образцы для подражания в предпринимательстве, науке, образовании и других сферах жизнедеятельности социума.

Уникальной особенностью развития Китая выступает и факт строительства инновационной цивилизации, состоящей из двух форм общественного производства – материального и духовного. Но для реализации этой задачи необходим новый уровень интеллекта нации. Данный уровень формируется через образование. Подготовка специалистов – альфа и омега этого духовного социокультурного феномена. В Китае осознали, что «в современном мире человеческие ресурсы важнее любых других. Тот, кто владеет личными человеческими талантами, займет командные высоты в науке и технике. Тот, кто обладает изобилием талантливых человеческих ресурсов, окажется в заведомо выгодной

позиции на международной арене» [1, с. 270]. Но для формирования такого специалиста нужна художественная и интеллектуальная подготовка.

В единстве общеобразовательной, естественнонаучной, технической, художественной и интеллектуальной составляющей и репрезентируется Китаем самобытный путь развития образования как уникальный, еще неповторимый другими странами и принимающий устойчивый характер. Он базируется на глубокой связи указанных составляющих, носит ценностный характер как квинт-эссенция их мудрости. (А этого китайцам не занимать, например, еще в IV в. до н. э. Шань Ян создает систему образования на получение ученых степеней и превращает ученость в профессиональную подготовку к занятию государственных должностей, связав это не со знатностью рождения, а с заслугами перед государством. За эту идею по настоянию аристократии он был казнен в 52 года. Система получения научных степеней и званий здравствует и сегодня по всему миру.)

Что же касается мышления, то сегодня в системе образования Китая культивируется интегральное, синергетическое мышление, а не аналитическое, линейное. С таким пониманием значимости образования Китай строит общий духовный дом. И несомненно, что Китай вместе с идеями евроазиатской интеграции, отраженными в концепции «Шелковый путь-2», уже продвигает и будет дальше продвигать в Европу национальные новшества образовательной реальности. Это своеобразный маяк для реализации идей XXIV Всемирного философского конгресса и Римского Клуба.

Список использованных источников

1. Нейсбит, Дж. Китайские мегатренды / Дж. и Дор. Нейсбит. – М. : Астрель, 2012. – 315 с.
2. Пунченко, О. П. Археология ноосферного образования / О. П. Пунченко, Н. О. Пунченко. – Одесса : Друкар. дім : Південь, 2017. – 452 с.
3. Туркин, Л. П. О соотношении закономерно и уникального в развитии / Л. П. Туркин // Диалектика закономерной связи : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск : УрГУ, 1982. – С. 29–40.
4. Уемов, А. И. Общая теория систем для гуманитариев / А. И. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас. – Warszawa : Wyd-wo Universitas Rediviva, 2002. – 276 с.
5. Богатая, Л. Н. Многомерное мышление в контексте развития представлений о многомерности / Л. Н. Богатая // Философия мышления : [сб. ст.] / отв. ред. Л. Н. Богатая. – Одесса : Печат. дом, 2013. – С. 131–161.
6. Уледов, А. К. Духовное обновление общества / А. К. Уледов. – М. : Мысль, 1990. – 333 [2] с.
7. Weizsaecker, E. von. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome [Electronic Resource] / E. von Weizsaecker, A. Wijkman. – Springer Science+Business Media LLC, 2018. – Mode of access : <https://www.springer.com/de/book/9781493974184>
8. Чумаков, А. Н. Глобальный мир. Столкновение интересов / А. Н. Чумаков. – М. : Проспект, 2018. – 512 с.
9. Шарден, П. Т. де. Феномен человека / П. Т. де Шарден. – М. : АСТ, 2002. – 553 с.
10. Старжинский, В. П. На пути к обществу знаний / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск : РИВШ, 2016. – 446 с.
11. Субетто, А. И. Манифест ноосферного социализма / А. И. Субетто. – СПб. : Астерион : изд-во КГУ им. А. Н. Некрасова, 2011. – 108 с.

О. А. Павловская

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК СФЕРА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУХОВНОСТИ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ**

В статье осуществлен философско-методологический синтез социально-этических воззрений представителей классической философии, что позволяет раскрыть глубинные основания нравственности (морали) как объективно существующего и последовательно совершенствующегося человеческого духа в исторически изменяющемся сообществе людей.

Ключевые слова: нравственность, духовность, моральный закон, нравы, индивидуальность, самосознание, личность, культура

O. Pavlovskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**MORALITY AS A SPHERE OF THE HUMAN SPIRITUALITY:
PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL SYNTHESIS**

Philosophical and methodological synthesis of the social and ethical views of representatives of classical philosophy was carried out in the article, which lets to reveal deep foundations of morality as objectively existing and consistently improving human spirit in the historically changing community of people.

Keywords: morality, spirituality, moral law, morals, individuality, self-consciousness, personality, culture

В условиях современных социокультурных преобразований повышенный интерес вызывают вопросы духовно-нравственного характера. При этом происходит заметная смена акцентов в трактовке основных понятий: «дух», «идеальное», «душа», «духовность», «нравственность». Отчетливо обозначился крен в сторону религиозно-конфессионального толкования этих понятий и, соответственно, популяризации богословского подхода.

Все более очевидным становится и то, что чрезвычайно сложная и напряженная ситуация в духовно-нравственной сфере требует глубокого и обстоятельного изучения с позиций научного подхода. В связи с этим первоочередными следует признать разработки философско-этического плана, которые на методологическом уровне позволяют раскрыть сущность и взаимосвязь духовных феноменов в жизни человека и общества.

Любые попытки проникнуть в суть человеческой духовности обязательно выходят на проблему познания нравственности (морали). Именно постижение сути и содержания моральных явлений представляет собой единственный «мостик», связывающий между собой реальную жизнь людей и мир человеческой духовности.

На наш взгляд, плодотворной теоретико-методологической основой для исследования нравственности (морали) в структуре и динамике человеческой жизни может служить *синтез* философских изысканий классиков философской мысли – И. Канта, Г.-В.-Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса. Каждый из этих философов в той или иной мере выходил на проблему морали (нравственности) как духовного образования, пытался постичь проявление ее законодательной силы и ценностной природы, выявить специфику ее отражения в сознании и деятельности людей. Выбор этих мыслителей неслучаен. Во-первых, это объясняется высоким уровнем развития философско-методологического знания, характерным для их творчества. Как пишет О. Г. Дробницкий, «заслугой философии и этики Нового времени явилось преодоление синкретических представлений о добродетели, характерных для Античности, Средневековья и раннего гуманизма Возрождения. Нравственность постепенно выделялась в особую область изучения в рамках философии в целом; ее все более четко отличали от иных сфер человеческого духа – эстетического и религиозного опыта, эмпирико-теоретического знания и др.» [1, с. 200]. Во-вторых, сегодня, когда мы свободны от жестких идеологических стереотипов в трактовке тех или иных философских воззрений, представляется возможным и целесообразным отойти от имевшей место традиции рассматривать их преимущественно в историко-философской последовательности и противопоставлении (материализм и идеализм) и попытаться объединить взгляды этих мыслителей, чтобы глубже и более целостно представить место и роль духовно-нравственных ценностей в социальной динамике.

С точки зрения социально-философского постижения феномена нравственности представляется возможным объединить позиции этих мыслителей на основании следующих научно-исследовательских принципов:

Во-первых, *научность* – четко выраженное стремление связывать свои философские изыскания с научным поиском. Так, в «Критике практического разума» И. Кант пишет: «Одним словом, наука (критически исследуемая и методически поставленная) – это узкие ворота, которые ведут к *учению мудрости*, если под этим понимают не только то, что *делают*, но и то, что должно служить путеводной нитью для *учителей*, чтобы верно и четко проложить дорогу к мудрости, по которой каждый должен идти, и предохранить других от ложных путей» [2, с. 258]. Г.-В.-Ф. Гегель также ратовал за торжество научного подхода в противовес многочисленным попыткам выдавать свои «бесконечно различные мнения», «*суетность* и стремление к *особенности* своего мнения и бытия» за истину в последней инстанции [3, с. 46].

Во-вторых, *рациональность* – признание приоритета человеческого разума в качестве основного инструмента постижения морали и утверждения ее в жизни человека.

В-третьих, *светскость* – выделение морали в качестве самостоятельной сферы человеческого бытия, освобожденной от религиозной оболочки.

В-четвертых, *эволюционность* – рассмотрение нравственности как одного из ведущих средств постепенного и последовательного очеловечивания человека и гуманизации общественной жизни, что непосредственно свидетельствует о прогрессивном развитии человеческого сообщества. И. Кант считал, что посредством нравственного совершенствования раскрывается подлинное предназначение человека на Земле. Л. Фейербах утверждал, что «история – это исключительно процесс очеловечивания человечества» [4, т. 1, с. 644]. В философии марксизма отстаивается позиция прогресса человеческого познания «вплоть до достижения, в конце концов, свободного человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях» [5, т. 1, с. 593].

В-пятых, *экспликация этических смыслов* – используются и интерпретируются различные нравственные понятия – долг, счастье, совесть, любовь, уважение, достоинство, честь, а также лицемерие, предательство, ненависть и др., что в целом представляет развернутую «палитру» индивидуальной и общественной морали.

Центральным (ключевым) положением теоретико-методологического синтеза следует признать взаимосвязь двух идей, которые отчетливо прослеживаются в рассматриваемом философском наследии: идеи законосообразности нравственности и идеи ее развития в ходе человеческой жизни и истории.

Ставя перед собой цель найти «путеводную нить» в духовном развитии человека, И. Кант выходит на проблему моральных законов как таковых, теоретико-логическое решение которой приводит его к выводу о том, что в мире действует не множество, а всего лишь один закон – «моральный закон во мне», который априори существует в разуме каждого человека и осознание которого происходит для индивида в форме категорического императива, а также непосредственно сопровождается все более глубоким уважением к этому закону, сочетанием принципов автономии воли и добровольности. Отталкиваясь от кантовской идеи «морального закона во мне», открывшего пространство для проявления личностной свободы и активности, развитие творческой мысли пришло непосредственно к проблеме закономерности развития человеческого духа как части всеобщего целого и места в этом процессе нравственности, что нашло отражение в диалектической философии Гегеля. Диалектический метод значительно повышает статус понятия нравственности в системе философских категорий, он позволяет рассматривать духовную сферу в развитии через обнаружение противоречий и их последовательное снятие. С помощью данного метода рас-

крывается возрастающая роль нравственности как в жизни отдельного человека, так и в восхождении человеческого сообщества по пути исторического прогресса.

Понятие морального закона как концентрированное выражение сферы должного предполагает и углубленное изучение сферы сущего как своеобразной «площадки» для его воплощения в реальной жизни и на уровне повседневности, и во всемирно-историческом масштабе. Рассматривая проявление морали в реальной совместной жизни людей, необходимо особо выделить, с одной стороны, первичный уровень человеческих отношений – отношений между «Я» и «Ты» – нашедший отражение в философии Фейербаха, с другой – многоуровневую систему общественных отношений, раскрытую в философии марксизма. Фейербаховский подход позволяет представить мораль не как образование «чистого разума», а как наполненное жизненной энергией, желанное, близкое и понятное явление. Это дает возможность по-новому посмотреть и на проблему морального закона, обосновывать его как закон жизни, открывающий человеку путь для обретения своей подлинной человеческой сущности. В философии марксизма утверждается об открытии объективных законов социального бытия, действие которых распространяется и на моральную сторону жизни людей, обуславливая противоречивый характер ее течения. В то же время, согласно марксистской логике, мораль как одна из форм общественного сознания может оказывать *обратное* воздействие на социальную практику, а также по мере исторического развития она все более и более проявляет себя, помогает раскрыть в самом человеке его *собственно человеческую* сущность и способствует тому, чтобы вообще люди смогли жить «*по-человечески*».

В рассматриваемом философском наследии отчетливо просматриваются несколько основных теоретико-методологических пластов (срезов), которые при их соединении способны более четко представить глубинные основания нравственности (морали) как духовного явления: *антропологический, онтологический, рефлексивно-психологический, гносеологический, общесоциологический, культурологический*.

Мораль всецело принадлежит миру людей, непосредственно связана с зарождением, существованием и развитием человеческого сообщества. На основании этого следует говорить об *антропологических* основаниях морали. При этом особо выделяется соотношение: во-первых, наличие в человеке заложенного от природы потенциала физических и духовных сил, а во-вторых, наличие человеческого рода как естественной организации жизни людей, как пространства для реализации этих сил.

Убедителен в связи с этим И. Кант, рассуждая о потенциальных силах природы для собственно человеческого развития. Философ отстаивает идею эволюции человеческого рода от *животности* к подлинной (чистой) *человечности*. И. Кант отчетливо обозначает противоречие, обусловленное самой природой и выявляющее дихотомию добра и зла в отношениях между людьми.

С одной стороны, природа сама «так скупой наделила людей животными качествами, так строго нацелила уже первоначальное существование их на высшую потребность», с другой – естественная жизнь людей вынужденно протекает как их противостояние и сопротивление друг другу, побуждаемая честолюбием, властолюбием или корыстолюбием. «Да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми» [6, с. 10–12].

Философское классическое наследие позволяет четко представить *онтологические* основания морали, в чем, собственно, и заключен мощнейший потенциал для существования и самосохранения человеческого сообщества как такового и для духовного развития человека как неотъемлемой его части. При этом особо подчеркивается объективная законосообразность нравственной жизни людей.

Онтология нравственности, представленная как исходный субстанциональный поток народной жизни, может быть обозначена, по словам Г.-В.-Ф. Гегеля, как «царство нравственности» (нравственная субстанция) с достаточно прочными и устойчивыми традиционными связями. Первоочередную роль здесь играют *нравы*, которые по своему содержанию представляют синкретизм различных проявлений человеческой жизни, в том числе и собственно нравственных, и выступают в форме обычаев, обрядов, запретов, ритуалов, стереотипов, привычек, предрассудков и т. д. Нравы для людей и для каждого из них в отдельности приобретают силу естественного закона и, соответственно, ему они всецело подчиняются, а его неукоснительное соблюдение обеспечивает упорядоченность и спокойствие общественной жизни. Нравы по своей субстанциональной сути непосредственно связаны с жизнью народа как естественного сообщества людей, где «индивид познает эту субстанцию не только как свою *всеобщую* предметную вещь, но в равной мере и себя в ней или в разъединенном виде в своей собственной индивидуальности и в каждом из своих сограждан» [7, с. 189]. Нравы обеспечивают своеобразную гармонию отношений народа и индивидов на ранних этапах человеческой истории, представляют собой «наличествующий живой дух» и расцениваются как всеобщее «счастливое состояние» [7, с. 189–190]. Также необходимо отметить, что нравы как субстанциональный способ регуляции весьма отчетливо проявляют себя на уровне повседневной жизни людей и в иные исторические периоды, являясь тем самым естественным фундаментом (почвой) для воспроизведения и самосохранения человеческого рода как такового. Эта особенность нравов способна подспудно проявляться в самые критические моменты народной жизни и кризисные периоды истории, сохранять свой регулятивный потенциал, несмотря на происходящие социальные катаклизмы.

На уровне повседневного бытия огромное значение имеет *баланс* между всеобщим в виде народных нравов и единичным в виде отдельных индивидов, их желаний и устремлений. По мнению Г.-В.-Ф. Гегеля, позиции индивидов со-

гласуются с общественными нравами посредством «*закона сердца*», который представляет собой некоторую возможность для человека погрузиться в самом себе в сферу всеобщего естественного закона. «Закон, который непосредственно есть собственный закон самосознания, или сердце, содержащее в себе однако закон, есть та *цель*, которую самосознание старается осуществить» [7, с. 196].

И *нравы* как воплощение народного духа, в котором царствует всеобщность, а единичность подчиняется ей и даже растворяется в ней, и «*закон сердца*» как выражение индивидуального стремления к счастью, в котором появляется возможность хотя бы мысленно вычленив единичное из всеобщего, – все эти уровни существуют в стихийном потоке субстанционального. Результатом данного процесса является формирование *индивидуальности*, которая выступает «как первоначальная, определенная натура» [7, с. 211]. «Индивидуальность как раз в том и состоит, что она *в такой же мере* есть *всеобщее*, и потому спокойно и непосредственно сливается с *имеющимся налицо* всеобщим, с нравами, обычаями и т. д., а также с ними соотнобразывается, в *какой* она противопоставляет себя им и, напротив, преобразовывает их...» [7, с. 163].

Согласно И. Канту, онтологические основания морали отчетливо проявляются в повседневной жизни людей, при этом не требуется глубоких познаний сферы духовного, следует руководствоваться лишь обычным *здравомыслием*. «Человеческий разум в сфере морального, даже при самом обыденном рассудке, легко может достигнуть высокой степени правильности и обстоятельности» [2, с. 58]. Здесь может обозначиться лишь общий законосообразный принцип, который является своего рода «руководящей нитью», «компасом» в повседневном поведении, что позволяет человеку определять, «что́ хорошо и что́ плохо, что́ сообразно с долгом и что́ противно долгу» [2, с. 69].

Однако по мере эволюции человеческого сознания и в ходе истории происходит разбалансирование устойчивых и прочных связей нравственно-субстанционального бытия. По Г.-В.-Ф. Гегелю, диалектическое движение духа ведет к усложнению общественного бытия и, соответственно, к изменениям в самой нравственной субстанции («царстве нравственности»). Здесь появляются два противоположных модуса: 1) мир реальных человеческих отношений в своей «предметной стихии» – «царство образованности», 2) мир веры в своей «стихии мысли» – «царство сущностей». То есть происходит разделение первоначально единой субстанции на две части – поюсторонний мир и потусторонний мир, где действуют соответственно человеческий закон и божественный закон.

В общественной сфере помимо непосредственного стихийного проявления нравственности (нравов, «закона сердца», обыденного здравомыслия) начинает выделяться и то, что открывается посредством познания нравственности в процессе образования и просвещения масс («сознательная нравственная сущность»). Это противоречие таит в себе как источник опасности, который может привести к обострению отношений между людьми, так и источник для их духовного роста.

Переход на уровень рационального постижения действительности человеком позволяет выделить *рефлексивно-психологические* основания нравственности.

Обосновывая рефлексии морали, И. Кант возводит на пьедестал человеческую *личность*. Мир самосознания, раскрываясь и совершенствуясь, «бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа». И осуществляется это непосредственно «через мою *личность*, в которой *моральный закон открывает мне жизнь*, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира» (курсив наш. – О. П.) [2, с. 257].

Все проявления нравственно-субстанционального, говоря словами Г.-В.-Ф. Гегеля, «революционируются *здоровым смыслом* и его распространением – *просвещением*». Согласно гегелевской диалектике, открывается область *моральности* (целесообразность разведения философом понятий нравственности и моральности, собственно, была продиктована использованием диалектического метода). «Царство, разросшееся и разделившееся на *посюстороннее* и *потустороннее*, возвращается в самосознание, которое теперь в *морали* постигает себя как существенность, а сущность – как действительную самость и уже не выносит из себя наружу своего *мира* и его *основы*, а предоставляет всему истрлеть внутри себя и в качестве *совести* оказывается духом, обладающим *достоверностью себя самого*» [7, с. 235]. Совесть как «свобода самости внутри себя самой», обладая мощнейшим внутренним потенциалом духовных сил, обретает способность понимать, что есть добро и зло, долг и справедливость, распознавать проявления зла в различных формах сознания и деятельности, уметь прощать и находить пути для примирения.

Рефлексия нравственности способна как выступать в качестве источника духовного развития индивидов, так и исподволь может отражаться на состоянии нравов как устойчивой почве народной жизни, внося в их содержание различного рода изменения, а также подвергая их искажениям и порче (падение нравов).

На примере зарождения древнегреческой философии можно наглядно видеть кардинальный переход от нравов (субстанциональной нравственности) к моральности (личностной нравственности). Эта проблема освещалась и самим Г.-В.-Ф. Гегелем в лекциях по истории философии, также она находилась в центре внимания молодого К. Маркса.

В методологическом плане К. Маркс выделяет в античном обществе два самостоятельных и взаимосвязанных между собой процесса – движение народной жизни и становление греческой философии. Он фиксирует в ходе их пересечения, с одной стороны, проявление индивидуальности человека, с другой – зарождение личностного сознания человека.

Маркс подчеркивает, что греческий народ был неотъемлемой частью жизни природы, субстанциональности. Естественно обусловленная жизнь народа продолжалась в жизни индивидов, входящих в его состав. В результате чего проявление самой субстанции прикрывалось «пестрым, сотканным из различ-

ных народных индивидуальностей, одеянием» [8, с. 133]. Как отмечает К. Маркс, первые мудрецы выступали как субстанциональные индивиды, как активные участники политической и законодательной деятельности. Но при этом они «являются лишь сосудами, пифиями; субстанция изрекает их устами общие, простые предписания; их язык – это еще только язык субстанции, которая глаголет их устами; в них раскрываются элементарные силы нравственной жизни» [8, с. 131].

Первые философы как эмпирические (субстанциональные) индивиды реагировали на появление самосознания человека практически так же, как и другие представители греческого народа, и, соответственно, своими афоризмами пополняли «сокровищницу» народной мудрости. Знаменитый лозунг «Познай самого себя», провозглашенный Фалесом, по существу оставался призывом к индивидуальному самопознанию на уровне повседневной жизни. По словам К. Маркса, «сами философы являются живыми образами, живыми художественными произведениями, и народ видит, как они возникают из него самого в пластическом величии». Они становятся «подлинным украшением народа и возвращаются к нему в своей индивидуальности» [8, с. 133–134], то есть индивидуально, но не личностно.

В мировоззрении Сократа кардинальным образом меняется представление о природе субстанционального. Как отмечает К. Маркс, «субстанции противоплагается ее собственная идеальность», которая переходит в субъективный дух, в выразителей этого субъективного духа. Сократ в отличие от софистов осознает, что он является носителем отчужденного сознания, и видит в этом положительный смысл. «Сократ является субстанциональным модусом, в котором сама субстанция теряется в субъекте» [8, с. 134–135].

Сократ как субъект самопознания считает, что он имеет все основания провозглашать истинное знание о должном. «Он... воплощает в себе – как в своей жизни, так и в своем учении – цель, добро. Он мудрец, и таким он вошел в практическое движение» [8, с. 135]. В данном случае статус мудреца имеет уже иной смысл. Если первые философы являются непосредственными выразителями народной (житейской) мудрости, софисты стремятся распространить среди людей мудрость, полученную в ходе теоретической деятельности (как своей собственной, так и своих предшественников), то Сократ уже выступает носителем мудрости, полученной им в результате своей самопознавательной деятельности.

Однако, отмечает К. Маркс, «потерянность субстанции» в мудрости Сократа есть лишь кажущееся явление, не лишенное противоречий. С одной стороны, сократовская философия всецело зависит от уровня развития его собственного самосознания, а следовательно, не свободна от проявления субъективизма в определении сути тех или иных добродетелей (по словам К. Маркса, понятие о добродетели у древнегреческого философа является лишь «суждением понятия»); с другой – Сократ остается в системе полисных отношений

как представитель своего народа, поэтому осужденный греческим судом и приговоренный к смерти за подрыв традиционных устоев, он по существу соглашается с этим решением и добровольно принимает чашу с ядом.

Следовательно, в Сократе, философе и человеке, произошло пересечение теоретического движения (движения философии) и практического движения (движения реальной жизни людей), в результате чего как в греческой философии, так и в жизни эллинов вполне определенно обозначился феномен личности. В результате этого существенно актуализируются вопросы, в какой мере и каким образом можно постигать суть нравственных явлений, и познаваема ли вообще мораль как сфера человеческого духа, то есть происходит переход в плоскость гносеологии морали.

Обоснование *гносеологических* оснований нравственности является всемирно признанной заслугой И. Канта. В своей моральной философии – «метафизике нравственности» – он стремится раскрыть «нравственный закон в его чистоте и подлинности (что как раз в сфере практического более всего важно)» [2, с. 57].

По Канту, человек, во-первых, посредством *разума* обладает способностью открывать для себя законы бытия и, более того, морального закона как единого и всеобщего источника практических принципов; во-вторых, посредством «*усиленной опытом способности суждения*» получает возможность распознавать и реализовывать в определенной мере основоположения морального закона в своем поведении. Возникающие при этом различного рода проблемные ситуации могут найти свое разрешение с развитием *культуры разума*, повышение уровня которой в значительной мере зависит от теоретического (философского) освоения морали. Все это вынуждает, по мнению И. Канта, обыденный практический разум «выйти из своего круга и сделать шаг в сферу *практической философии*, чтобы получить здесь сведения и ясные указания относительно источника своего принципа и истинного назначения этого принципа в сопоставлении с максимами, которые опираются на потребности и склонности» [2, с. 70].

Относительно освещения темы категорического императива, на наш взгляд, необходимо отметить несколько принципиальных положений, позволяющих наиболее четко представить законодательствующую силу морали.

Во-первых, согласно формулировке категорического императива: «*поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*» [2, с. 83] – на понятийном уровне отчетливо прослеживается связь каждого отдельного человека со всем человеческим родом (человечеством), что в самом разуме открывает источник подчиненного действию объективных законов человеческого бытия. В этом проявляется *общечеловеческое* основание морального закона.

Во-вторых, согласно формулировке категорического императива: «*поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы*» [2, с. 84] – на уровне абстрактного мышления становится возможным обнаружить теснейшую связь жизни чело-

века как разумного существа с естественным ходом бытия природы, следовательно, и с ее объективными законами. В этом раскрывается единый *всеобщий* характер морального закона.

В-третьих, согласно формулировке категорического императива: *«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»* [2, с. 90] – утверждается представление о том, что человек как разумное существо может существовать как цель сама по себе и поэтому является высшей ценностью, то есть в нем самом заключен объективный источник нравственного бытия. В этом усматривается единая *персонально-аксиологическая* природа морального закона.

В-четвертых, предыдущая формулировка категорического императива указывает также на теснейшую связь человека с человеком и со всем человечеством как необходимое условие их совместного существования, которое должно быть объективно гуманистическим по своей природе. В этом отчетливо видится всеобщая *коммуникативно-аксиологическая* сущность морального закона.

В-пятых, все перечисленные формулировки категорического императива однозначно подводят к утверждению о том, что именно человек, обладающий разумной волей, является творцом, носителем и исполнителем морального закона. «Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен *только своему собственному* и тем не менее *всеобщему законодательству* и что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы» [2, с. 93]. Моральный закон как выражение единого бытия человека, человеческого рода и природы может выступать непосредственно в качестве *самозаконодательствующей* силы.

В-шестых, *«каждое разумное существо должно поступать так, как если бы оно благодаря своим максима всегда было законодательствующим членом во всеобщем царстве целей»* [2, с. 98] – в этой формулировке понятие «царство целей», выражающее «систематическую связь между различными разумными существами через общие им законы» [2, с. 94], может рассматриваться только в качестве идеала. В этом случае моральный закон выступает как духовный потенциал для совершенствования взаимоотношений человека с человеком, человеческим родом, природой.

Отстаивая идею априорности морального закона, И. Кант в то же время очень высоко оценивает его практическую значимость в человеческой жизни. Идеи чистого умопостигаемого мира «могут возбудить в нас живой интерес к моральному закону» (курсив наш. – О. П.), тем самым стимулировать к его познанию и претворению в реальных поступках и отношениях. В этом и заключается главное противоречие в сфере нравственности, которое открыл немецкий философ: «Мы не постигаем практической безусловной необходимости морального императива, но мы постигаем его *непостижимость*» [2, с. 119].

Именно в этом, на первый взгляд парадоксальном утверждении и заключается главный источник развития человеческой духовности.

Проблема гносеологии морали нашла отражение и в философии Л. Фейербаха. Философ предлагает свое видение морального закона, однако не как абстрактного понятия, а как реального закона жизни, в основе которого лежит естественное стремление каждого человека к счастью, но не как одностороннее, а как двустороннее взаимное стремление к счастью – в межличностных отношениях, между «Я» и «Ты». Основная задача морали в жизни людей – «осознанно и добровольно сделать законом человеческого мышления и действия эту связь между собственным и чужим счастьем; связь, обоснованную природой вещей, самой связью воздуха и света, воды и земли» [9, т. 1, с. 343]. Опровергая весьма распространенное суждение о якобы неуловимости морали, Л. Фейербах заявляет, что именно благодаря морали мы становимся людьми, а не уподобляемся ангелам или иным фантастическим существам, лишенным тела и самосознания. «Нет, мы хотим и в морали оставаться людьми или, скорее, только здесь ими по-настоящему стать». Философ проводит параллель с так называемым золотым правилом нравственности («не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе»), сохранившимся в истории мировой культуры. «Среди многих моральных положений и предписаний, выдуманных людьми, это простое и популярное положение является самым лучшим и самым истинным, а вместе с тем и наиболее очевидным и убедительным потому, что оно касается сердца, потому, что оно ведет собственное стремление к счастью на стезю совести» [9, т. 1, с. 462].

Л. Фейербах не просто рассуждает о морали, а провозглашает практический принцип – *нравственность любви*, которая состоит «только в том, что, делая счастливым себя самого, я делаю счастливым другое Я, что я *хочу* удовлетворить свое стремление к счастью лишь в согласии с его стремлением!» [9, т. 1, с. 342]. Будучи реалистом, немецкий философ на первое место ставит любовь как чувство, которое должно связывать отношения между мужчиной и женщиной как естественно необходимое основание не только для физического воспроизводства человеческой жизни, но и «для духовного возникновения, для *появления морали*» [9, т. 1, с. 457].

На наш взгляд, в методологическом плане позиции И. Канта и Л. Фейербаха по проблеме гносеологии морали необходимо рассматривать не в противопоставлении, а во взаимодополнении. По Канту, квинтэссенция морали – «моральный закон во мне» – для человека выражается в его стремлении признать этот закон и уважать его в себе самом, в практическом плане руководствоваться им в своей жизни. Человек открывает для самого себя духовную свободу, получает прилив интеллектуальных и моральных сил, обретает активность, становится самодостаточным – и все эти признаки говорят о том, что он становится личностью в полном смысле этого слова – человеком с развитым самосознанием и самоуважением. По Фейербаху, мораль не может суще-

ствовать в замкнутом пространстве: отдельно взятом человеке (человеке как абстрактном существе) – мораль по своей сути воплощает связь «Я» и «Ты»: одного человека с другим человеком, которые являются живыми (реальными) существами и обладают как интеллектуальными способностями, так и чувственным восприятием мира. Отношения между «Я» и «Ты» являются по существу межличностными отношениями, и следовательно, они должны признавать и уважать стремление каждого из них к счастью, осознавать, что его достижение может быть только взаимным, рациональным образом эти отношения должны строиться на основе взаимоуважения, взаимопомощи, дружбы, товарищества, любви. Таким образом, синтез гносеологических позиций И. Канта и Л. Фейербаха позволяет представить мораль как сферу *должного и желаемого*, где основной источник регулирования жизни людей исходит не из внешних структур, а заключен в теснейшем взаимодействии одного человека как личности («Я») с другим человеком как личностью («Ты»), в результате чего будет последовательно утверждаться в человеческой жизни уважение к «моральному закону в себе», а также создаваться атмосфера благожелательности и любви в отношениях между людьми.

Гносеология морали непосредственно связана с теоретическим выражением и обоснованием *идеальных* представлений о человеческой духовности, а это в свою очередь сопряжено с наличием различного рода субъективных трактовок, зачастую искажающих ее суть и отдаляющих от жизненных реалий. Естественно, возникают вопросы, как в *действительности* нравственность как сфера духа проявляется в человеческом обществе, как соотносятся между собой моральные идеалы и реальная жизнь людей? В связи с такой постановкой проблемы целесообразно выделять *общесоциологические* основания нравственности.

Рассматриваемое философское наследие представляет развернутую картину проявления морали в различных формах и состояниях совместной жизни людей. Это семья, народ, государство и проводимая им политика, различные социальные группы, формирующееся гражданское общество, право, религия и церковь, институт частной собственности и т. д.

И. Кант, анализируя реальную жизнь людей, утверждает, что пока человечество еще весьма далеко находится до воплощения морального идеала. Преградами на этом пути выступают как причины, обусловленные рассогласованием природной конституции и общественной жизни, так и причины, связанные с недостаточным уровнем просвещения и воспитания людей. По мнению Л. Фейербаха, моральные проблемы касаются не только «зажиточных и обеспеченных людей, которые... имеют достаточно досуга для того, чтобы обособить мораль от стремления к счастью и сделать ее предметом своего мышления ради нее самой», но и тех людей, которые «составляют большинство человеческого рода» и для которых «хлеб – предмет их стремления к счастью» [9, т. 1, с. 346].

Критическое осмысление К. Марксом и Ф. Энгельсом предшествующей философии явилось основанием для разработки ими нового философского взгляда

на совместную жизнь людей как исторически изменяющуюся систему общественных отношений. В теории марксизма особо подчеркивается, что любые формы и способы духовного производства (область «надстройки») всецело зависят от реальной жизнедеятельности людей. Длительное время в истории, по мнению классиков марксизма, мораль, как и многие другие элементы духовного производства, относилась к одному из «туманных образований» в сфере сознания, а также выражала одно из «испарений материального жизненного процесса» [10, т. 2, с. 20], но и в том и другом случае она оставалась постоянно присутствующим в жизни человека явлением, хотя и многогранным, трудно уловимым, легко ускользающим.

Обобщая содержащиеся в работах К. Маркса и Ф. Энгельса сведения о морали, можно говорить о *действительном* проявлении ее в жизни общества с трех позиций: 1) на обыденно-практическом уровне – это область общественных нравов, объективно складывающаяся совокупность представлений о дозволенном и недозволенном в повседневном поведении и общении людей: «Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий» [10, т. 2, с. 19]; 2) на теоретическом уровне – это, собственно, и есть область духовного производства, «как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа» [10, т. 2, с. 19]; 3) на индивидуально-личностном уровне – здесь на основе осознания личностью реальных жизненных ситуаций происходит формирование ее потребностей, интересов, взглядов, убеждений, вплоть до образования «самостоятельной морали, которая по крайней мере покоится на сознании *человеческого достоинства*» [5, т. 2, с. 219–220].

Исторически изменяются и нравственные отношения между людьми, но эти отношения не являются благостными и идиллическими, а отражают всю сложность, многогранность и противоречивость социального бытия.

Согласно философии марксизма, историческое движение частной собственности достигает своей вершины в капитале, который становится и «верховным владыкой», и «божеством» в системе общественных отношений, а по своей сути является концентрированным выражением человеческой сущности, разорванной на непримиримые противоположности. Власть денег, жажда наживы ведут к росту материального богатства, вещного мира, с одной стороны, и к опустошению, обеднению внутреннего мира человека – с другой. В этих социальных условиях появляется мораль капиталистического (частнособственнического) общества и складывается соответствующая ей социально-психологическая атмосфера с явно выраженными чертами ненависти, ожесточенности, бесчеловечности, зависти, цинизма, лицемерия и др.

Действительность в виде капиталистической системы отношений отрицательным образом сказывается на духовно-нравственной сфере: общественные нравы все более утрачивают эффективность своего воздействия, воочию наблюдается падение нравов, отдельный человек все более утрачивает свою инди-

видуальность, становится простой функциональной единицей (деталью, винтиком) в производственно-товарном процессе, деградирует в личностном плане. Эта объективно сложившаяся ситуация дополняется духовным кризисом — невозможностью со стороны «надстройки» предложить эффективные пути разрешения сложных жизненных проблем, в том числе и с позиции морали как «туманного образования» в сфере теоретического сознания. Используя марксовский методологический прием, можно утверждать, что по существу происходит разрыв между субстанциональным потоком человеческой жизни, органично выраженным в традиционных нравах (движением реальной жизни), и сферой теоретического осмысления человеческой духовности (движением философии). Исходя из этого следует, что противоречия в духовно-нравственной сфере, казалось бы, не столь существенные и заметные на первый взгляд, в реальности являются своеобразным катализатором социального кризиса.

Согласно философии марксизма, важная роль отводится моральному фактору в деле действительного социального освобождения человека в противовес получившей широкое распространение версии его духовного (религиозного) освобождения посредством идеи спасения в потустороннем мире. В связи с этим выдвигается идея коммунизма, который понимается не как «*состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна соотноситься действительность», а как «*действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [8, с. 33], состояние, порожденное капиталистическим способом производства, и своей целью имеет создание таких общественных отношений, при которых люди смогли бы жить «*по-человечески*», то есть нравственность как сила человеческого духа получает реальные возможности для своего расцвета и благотворного воздействия на общественную жизнь.

С позиции философско-методологического синтеза интересным представляется выделение *культурологических* оснований нравственности, позволяющих раскрыть ее творческий потенциал и практическое значение в качественном преобразовании человеческой жизни.

Плодотворной представляется позиция И. Канта по вопросу о роли культуры в духовном развитии человека и общества. Культура понимается им в широком смысле слова, как «*вторая природа*», и «*состоит в общественной ценности человека*» [6, с. 11], а также особо подчеркивается, что культура немислима без нравственного начала: «...идея моральности относится к культуре» [6, с. 18]. По мнению философа, эволюция человеческого рода от животности к человечности необходимо включает такой важный этап, как «переход из грубого естественного состояния к *гражданскому*». Гражданское состояние рассматривается в качестве необходимого духовно-культурного образования, базирующегося на нравственных началах. Это достигается посредством: 1) гражданского устройства общества, что открывает реальные возможности для человеческой свободы; 2) просвещения граждан, что позволяет раскрепостить их разум и донести до них истинный смысл моральных ценностей;

3) перехода от традиционно-насильственного воспитания к гражданскому, в котором будут согласованы между собой внешнее законосообразное принуждение и внутреннее самозаконодательствующее воздействие; 4) самовоспитания личности [6, с. 584].

Л. Фейербах также придает большое значение культурному фактору в развитии духовного мира человека. По его мнению, в ходе эволюции человеческого сообщества выделяются два культурных потока: 1) религиозный – когда сохраняется беспрекословное подчинение человека божественной силе, 2) просветительский (светский) – когда приоритет отдается развитию собственного разума, «тогда отпадает необходимость религии, тогда ее место заступает образование» [4, т. 2, с. 729]. Согласно Фейербаху, религия – первая и старейшая форма культуры и, соответственно, «культура некультурного человека», посредством которой сдерживаются проявления его грубой и дикой натуры, происходит «превращение неизвестного и жуткого существа природы в знакомое, близкое существо» [4, т. 2, с. 453]. В рамках религиозного сознания формируется представление о нравственно-идеальном: «Бог есть олицетворение величия, высшего достоинства; религиозное чувство – высшее чувство благопристойности» [9, т. 2, с. 40]. Но в дальнейшем все большую силу будет набирать образование, в том числе и моральное, поэтому Л. Фейербах выражает уверенность в том, что «когда-нибудь и люди уразумеют искусство делаться без бога моральными и праведными» [4, т. 2, с. 728].

Особого внимания заслуживает постановка Г.-В.-Ф. Гегелем проблемы культуры личности как одного из важнейших условий достойного воплощения идеи права. Он считает, что культура личности непосредственно связана с уровнем ее образованности, причем последняя немыслима вне состояния моральности, когда индивид становится субъектом, то есть развивается личностно. «Необразованный человек подчиняется власти силы и определенностям природы... но образованный, *внутренне становящийся человек* хочет сам быть во всем том, что он делает» (курсив наш. – О. П.) [3, с. 155]. Проблема взаимосвязи образованности и моральности личности видна и в следующем высказывании философа: «Необразованные люди находят удовольствие в резонерстве и осуждении, ибо найти достойное осуждение легко, трудно познать хорошее и его внутреннюю необходимость. Начинаящаяся образованность всегда начинается с осуждения, завершенная же образованность видит во всем позитивное» [3, с. 292].

Перспективы социального развития приобретают четкие и конкретные очертания посредством подключения культурного фактора, в структуре которого доминантой становится раскрытие и совершенствование духовно-нравственного потенциала человека, а также приоритетными определяются целенаправленные усилия по просвещению, образованию и воспитанию людей, повышению уровня их личностной культуры.

Таким образом, философско-методологический синтез социально-этических воззрений представителей классической философии позволяет в целостности

представить место и роль нравственности в структуре человеческой духовности, показать посредством раскрытия моральных компонентов диалектическую взаимосвязь, с одной стороны, глубинных оснований и источника человеческого бытия как такового, течения субстанциональной народной жизни, процесса социально-исторического развития, с другой – заключенного в самом человеке мощнейшего духовного потенциала, который раскрывается и совершенствуется в процессах познания и самопознания, выражается в человеческой индивидуальности и личности, что в свою очередь необходимо отражается на качественном преобразовании социального бытия.

Список использованных источников

1. Дробницкий, О. Г. Моральная философия : избр. тр. / О. Г. Дробницкий. – М. : Гардарики, 2002. – 523 с.
2. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – 2-е изд. – СПб. : Наука, 2005. – 528 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
4. Фейербах, Л. Избранные философские произведения : в 2 т. / Л. Фейербах. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 1, 2.
5. Маркс, К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1954–1966. – Т. 1–39.
6. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
7. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Изд-во социал.-полит. лит., 1959. – 440 с.
8. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1956. – 699 с.
9. Фейербах, Л. Сочинения : в 2 т. / Л. Фейербах. – М. : Наука, 1995. – Т. 1, 2.
10. Маркс, К. Избранные сочинения : в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1987. – Т. 1–9.

А. В. Щукин

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ**

В статье рассматриваются исторические условия, основные этапы и тенденции формирования правовых ценностей современной Беларуси. Раскрывается их значимость для консолидации белорусского общества в решении современных социально-экономических проблем. Отмечается приверженность белорусского народа национальным традициям и общечеловеческим ценностям, таким как правовое государство, многообразие форм собственности, политический плюрализм, наличие гражданского общества.

Ключевые слова: правовые ценности, правосознание, правовая культура

A. Shchukin

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FORMATION OF LEGAL VALUES IN MODERN BELARUS

In the article, there are considered the historical conditions, the basic stages and trends that shape the legal values of the present-day Belarus. There is revealed their importance for consolidation of the Belarusian society in the contemporary social-economic problems. There is noted the commitment of Belarus to the national traditions and values such as the rule of law, diversity of ownership, political pluralism, existence of the civil society.

Keywords: legal values, sense of Justice, legal culture

Формирование правовых ценностей современной Беларуси происходило в условиях влияния множества факторов. Доминирующими из них можно назвать следующие. Прежде всего, это исторические условия, при которых территория Беларуси входила в состав различных государственных образований и существовали разные социально-политические системы. Как следствие, положение современной Беларуси является уникальным. Зачастую считается, что и в нынешних условиях она подвержена влиянию двух цивилизаций: восточной и западной. Однако эта точка зрения не является общепризнанной. Современный период характеризуется стремлением белорусского общества к консолидации. Ключевую роль в этом должен сыграть процесс формирования духовно-нравственных, в том числе правовых, ценностей.

Понятие «ценности» зачастую приобретает различное наполнение. С одной стороны, в теории и практике правовой деятельности их определяют как нормы наиболее высшего порядка, которые образуют общий план всех функций

культуры, в качестве которых выступают «истина, добро и красота, а наука, правопорядок, искусство и особенно религия рассматриваются как ценности блага культуры, без которых человечество не может существовать» [1, с. 12]. С другой стороны, норма и ценность рассматриваются раздельно, хотя признается их тесная взаимосвязь. Например, отмечается историческая относительность этических и правовых норм, а также относительность лежащих в их основе ценностей [1, с. 13].

Из приведенных положений вытекает, что ценности так или иначе тесно соприкасаются с нормативной сферой, к которой относятся нравственность, мораль, право. При этом нормы морали или нравственности закрепляются общественным признанием их ценности, тогда как «нормы правосознания формулируются и проводятся в жизнь государственными учреждениями (что не значит, конечно, что правовые нормы неподвластны нравственной оценке)» [2, с. 499].

Вопрос о соотношении ценностей, морали, права являлся и является одним из наиболее дискутируемых среди философов и правоведов. В целом в современный период влияние норм морали на право не отрицается. Представитель модификации новейшего юридического позитивизма Г. Харт исходил из того, что «во всех сообществах существует частичное взаимопроникновение в содержании между правовым и моральным обязательством; однако атрибуты правовых правил являются при этом более специфическими и окружены барьером из более детализированных оговорок, нежели другие сопоставляемые правила» [3, с. 521].

В отличие от норм морали или права ценности не порождают непосредственных прав и обязательств. Они создают ту базовую основу, в соответствии с которой формируется их содержание, составляют базисные представления о направленности человеческой деятельности, лежащие в основе формирования норм морали и права. В правовой сфере ценности представляют собой базисные принципы или нормы наиболее обобщенного характера, на основе которых осуществляется правотворческая и правоприменительная деятельность. Они подвержены модификациям в ходе социально-экономического развития.

Формирование системы права Беларуси имеет давние и глубокие традиции. До XV в. правосудие осуществлялось на основе обычаев, существовавших в той или иной местности, что неизбежно приводило к произволу со стороны тех, кто выступал в роли судей. Первой попыткой преодоления этого положения путем установления единых правовых норм стало принятие Судебника 1448 г. Направленный прежде всего на защиту феодальных привилегий, он тем не менее содержал ряд прогрессивных положений об индивидуализации и неотвратимости ответственности.

Дальнейшая кодификация права Великого Княжества Литовского связана с принятием Статутов 1529, 1566 и 1588 гг., в разработке которых, как предполагается, принимал участие Франциск Скорина. Основанные на местных обычаях и ранее принятых актов Великого Княжества Литовского, они стали важнейшим

достижением белорусской культуры той эпохи. Как отмечает по этому поводу И. А. Юхо, «калі ўлічыць, што падобных сістэматызаваных збораў мясцовых законаў у той час не было ні ў адной з еўрапейскіх дзяржаў, дык яшчэ больш зразумелыя будуць цяжкасці, якія ўзніклі пры падрыхтоўцы Статута, і больш відавочныя заслугі яго складальнікаў» [4, с. 164].

Наиболее известным памятником феодального права является Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. Он излагался на белорусском языке, понятном большинству населения, в отличие от Западной Европы, где использовалось римское право, латинский язык которого был недоступен для многих: «У ім адлюстравана багатая прававая культура беларускага народа, а беларуская прававая лексіка склала аснову гэтага Статута» [5, с. 10]. Статут опирался на государственно-правовые идеи, некоторые из которых опередили свое время. Ряд его положений свидетельствует о зарождении институтов, составляющих современные базовые правовые ценности: правовое государство, в котором деятельность органов государства должна соответствовать праву; разделение властей на законодательную (сейм), исполнительную (великий князь), судебную (Трибунал Великого Княжества Литовского); веротерпимость и др.

Статут выступал официальным источником права на территории нынешней Беларуси на протяжении почти трех столетий начиная с 1589 г. и после ее включения в состав Российской империи. В обращении М. Огинского к императору Александру I от 15 мая 1811 г. с целью привлечения симпатий литвинов к новой власти кроме прочего содержался призыв сохранить действие данного правового акта как наилучшего кодекса гражданских и криминальных прав, и они «збераглі б і правы сваіх бацькоў, правы, разлічаныя на мясцовасці, звычаі і прывычкі народа» [6, с. 135].

Действие Статута было отменено лишь в 1840 г. в соответствии с Указом Николая I «О распространении вполне силы и действия Российских гражданских законов на все западные, возвращенные от Польши области», в котором отмечались иные ценностные установки: «Благо распространить вполне силу и действие Российских гражданских законов на сии издревле русския по происхождению, нравам и навыкам их жителей области» [6, с. 171].

Половинчатость реформ, обусловленных требованиями времени и стремление царского режима сохранить свои привилегии, привели к его падению в ходе февральской революции 1917 года. Последовавшие за ней октябрьские события и установление советской власти рассматривались как предпосылки обретения белорусской государственности: «Образование национальной государственности белорусского народа стало возможным только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции» [7, с. 44]. Следует отметить, что образованная БССР не была государством с международно-правовой точки зрения, вошла в состав федеративного государства – Союза ССР.

Роль права и правовых институтов БССР в составе Советского Союза можно охарактеризовать как преобладание интересов власти по отношению к отдельной личности. Можно отметить существенные достижения советской системы права, связанные с обеспечением прав в социальной сфере, а именно в области образования, науки, культуры, здравоохранения. Однако в целом правовое регулирование этого периода получает отрицательные оценки. Например, определение права, предложенное А. Я. Вышинским в 1938 г., как отмечает В. С. Нерсисянц, выступало в виде правил поведения или любых субъективных и произвольных творений политической власти, ее приказов и установлений, то есть в потестаризме (от лат. *potestas* – сила, власть): «Главное в подходе Вышинского состоит в толковании права как принудительно инструмента, средства в руках власти для осуществления диктатуры путем соответствующего регулирования поведения людей» [8, с. 299].

Это определение было принято советской юридической наукой вплоть до конца 1980-х годов. Живучесть этого «правопонимания», как отмечает В. С. Нерсисянц, обусловлена «в конечном счете, большой внутренней адекватностью этого подхода к “праву”, социально-исторической ситуации отсутствия какого-либо действительного права в условиях победившего социализма, всестороннего и полного утверждения социалистического тоталитаризма, монополизации всей власти в руках одной бессменно правящей партии. Именно с помощью такого “правопонимания” легче и удобнее всего можно выдавать за “право” приказные, партийно-политические и идеологические установки, “нормы” и “правила” коммунистической диктатуры, которая под вывеской “административно-командной системы” (а это лишь отчасти от времени несколько вылинявшая и ослабевшая, внешне отчасти измененная и подновленная, словесно общенародная, но по существу та же самая диктатура пролетариата) дожила до начала 90-х годов» [8, с. 302–303].

Если в советский период зачастую использовались репрессии, расправы, господствовали одна партия и идеология, декларировались призрачные ценности совершенного общества, а социалистическая мораль преобладала над правом, то современная правовая система, включающая разветвленную систему законодательства, основана на общепризнанных стандартах демократии, правового государства, обеспечения прав и свобод человека. Однако не следует полагать, что само по себе провозглашение этих ценностей гарантирует их однозначное восприятие в обществе и безусловное воплощение на практике. Определенный разрыв между идеалами и реальностью, особенно в период становления современного белорусского государства, в условиях необходимости обеспечения стабильности вполне закономерен. Существенную роль здесь играют также исторические традиции, менталитет белорусского народа, а зачастую и политика. Следует также учитывать опасность отрыва передовых научных концепций в области философии права от практики правотворческой

и правоприменительной деятельности, которая, как приходится зачастую констатировать, не приобрела прочного теоретического фундамента.

Обретение Беларусью независимости и отказ от социалистической модели развития изначально предполагал кардинальную смену ценностно-правовой модели развития. За последнюю четверть века этот процесс прошел определенную эволюцию.

Первоначальный этап существования современной независимой Беларуси, восходящий к принятию 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь, зачастую характеризуется «фактической деидеологизацией белорусского общества, крахом мобилизующей общество системы ценностей. В это время появляется множество фрагментарных идеологий (либеральная, националистическая, социал-демократическая и др.), но ни одна из них не оказывается востребованной обществом» [9, с. 57].

В области правового регулирования возникла настоятельная потребность в замене законодательства советского периода, которое уже не отвечало условиям существования современного белорусского общества. Была необходима разработка согласованной системы национального права на новой основе, фундаменте для взаимодействия личности, общества, государства, эффективного функционирования государственных институтов [10].

Правовая система этого периода рассматривается как переходная, в условиях которой образовался вакуум или дефицит идей функционирования власти, построения ее взаимоотношений с гражданами. Поэтому неудивительно, что постсоветские государственность и право создавались в логике отказа от советского наследия, а также апологетического заимствования и использования западной политико-правовой доктрины, в которой право выступает основным фактором развития общества. Этот период характеризуется желанием превозносить законы и их исключительную способность решать насущные проблемы общества.

Следующий этап развития правовой системы в Беларуси связан с принятием Конституции в 1994 г., формированием на ее основе новых органов государственной власти, отношений между государством и гражданами, основанных на демократических принципах. В Преамбуле Конституции закреплено, что Республика Беларусь, сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества, подтверждает свою приверженность мировым ценностям.

В наиболее общем виде, выражающем сущность принятой Конституции, ее базовые ценности изложены в первом разделе «Основы конституционного строя». При этом основной акцент, согласно ст. 2, был сделан в сторону признания человека высшей ценностью общества и государства, предполагающим признание и гарантированность неотъемлемых прав и свобод человека в соответствии с принятыми международными обязательствами.

К следующим наиболее общим принципам построения государственной и правовой системы Конституция относит: подчинение государства праву; раз-

деление властей; многообразие форм собственности и реальные возможности для существования и развития частной собственности; политический плюрализм, то есть многообразие мнений, суждений и взглядов, возможность создания политических партий, придерживающихся различных идеологических установок, кроме экстремистских; наличие гражданского общества, то есть системы независимых от государства общественных институтов, обеспечивающих проведение на практике частных интересов граждан и коллективов.

В этот период важных политических и социальных преобразований имели место юридические конфликты, в которые были вовлечены высшие органы государственной власти – Верховный Совет, Президент, Конституционный Суд. Нестабильная экономическая и политическая ситуации приводили к снижению веры в действенность государственно-правовых институтов со стороны общества. В этих условиях становятся востребованными идеи отказа от заимствования западных правовых ценностей, вплоть до ревизии уже созданного законодательства в пользу усиления исполнительной ветви власти, создания более эффективных рычагов воздействия на общество с целью обеспечения стабильности. Преобладание коллектива, общества над отдельной личностью рассматривалось как наиболее существенная особенность нашего общества, что отличает его от западных ценностей, где приоритетно индивидуальное начало.

Характерны в этом отношении высказывания А. Л. Пласковицкого, занимавшего в конце 1990-х годов должность начальника главного государственно-правового управления Администрации Президента Республики Беларусь, непосредственно участвовавшего в разработке концепции совершенствования правовой системы. В частности, он считал, что проблема правовой защиты интересов государства и общества «чисто арифметическая. И запутана она только неумеренным исповеданием либеральных идей. Точно так же, как 10 миллионов больше, чем один, интересы общества, организованного как государство, выше интересов отдельно взятого индивида. И если человек – высшая ценность, то как нужно беречь такую сокровищницу, как белорусский народ? Индивидуализм губит человечество. Коллективизм дает надежный шанс для сохранения вида, называемого *homo sapiens*, и сохранения разума на нашей планете. Поэтому и предлагается в качестве ключевой идеи совершенствования правовой системы – устранение всех узаконенных в нашем законодательстве форм индивидуализма и клановости» [11].

Критическое отношение к заимствованию западных ценностей усилилось также в Российской Федерации. Анализируя традиции русской школы философии права, российский ученый А. А. Гусейнов отмечал для нее основным проблемным полем было соотношение права и нравственности, их единство, даже приоритет второй над первым, все эти проблемы, заложенные в концепции естественного права, стали центральными, ключевыми, в то время как европейские юристы почти отказались от этого понятия уже в XIX в. В частности,

он ставил вопрос о том, насколько в юридической практике допустимо апеллировать к неюридическим ценностям (например, ключевой принцип философии права гласит, что свобода одного человека ограничивается свободой другого) [12, с. 18].

Известный современный американский исследователь С. Хантингтон отмечал возврат к идеям славянофильства, популярным в дореволюционной России: «Славянофилы типа Данилевского, используя слова, которые часто слышны и в 1990-е годы, отказывались от попыток по европеизации, потому что те представляют собой не что иное, как “искажение народного быта и замену форм его формами чуждыми, иностранными” и “заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву”, а также обнаруживают “взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать, в стекла, поляризованные под европейским углом наклона”» [13, с. 87].

Таким образом, новый этап в развитии философско-правовой мысли в Беларуси вплоть до начала нынешнего столетия характеризовался другой крайностью – переходом от безусловного заимствования западных правовых ценностей к их критике вплоть до отрицания. В этой ситуации вновь оживают споры по поводу цивилизационного выбора Беларуси, а именно, поиска основ национальной идентичности, особенностей белорусской культуры, оказывающих влияние на формирование правовой системы. Эти вопросы активно поднимались начиная с конца XIX в.

В частности, наш земляк М. О. Коялович, занимавшийся вопросами истории и культуры запада России, под которым понималась территория нынешней Беларуси, задавался следующим вопросом: «В бесконечном споре между так называемыми у нас западниками, или поборниками правового порядка, с одной стороны, и народниками, самобытниками – с другой постоянно поднимается вопрос: что самобытно-культурного выработало наше русское прошлое, каковы самобытные идеалы России?» Отвечая на него, М. О. Коялович отмечал такие особенности славян, как любовь к земледелию, вечевая форма общественной своей жизни, любовь и способность к промышленности, торговле, терпимость и уважение к другим культурам [14, с. 25].

Одним из первых, кто достаточно убедительно показал особенности развития белорусского этноса был И. Кончевский (Абдиралович), автор трактата «Адвечным шляхам» (1921 г.). Он указывал на то, что с X в. население белорусских земель испытывало влияние соседних народов, прежде всего Запада и Востока, предлагавших и навязывавших свои ценности, которые со временем переплетались и оседали на нашей территории: «Праўда, вызначанасьць абодвух культурных тыпаў пад ўплывам часу вельмі сапсавалася: ўсходнія жыцьцё прымае заходня-эўрапейскія адзнакі і наадварот; цяпер трудна казаць аб розніцы, якая існавала паміж візантызмам і лацінствам, але, ў кожным разе,

і да гэтай пары моцна адчуваюцца культурныя асобнасьці абодвух тыпаў». В создавших условиях автор призывает к поиску собственного пути развития: «Каб запеўніць нашаму народу вольную творчасць ува ўсіх галінах жыцця, трэба стварыць і адпаведныя, свае, беларускія, формы жыцця» [15].

В данный момент в вопросе развития ценностной ориентации белорусского общества отмечаются новые вызовы. Рассматривая наличие системы общепризнанных духовных ценностей как залог нормального функционирования общества в современный период, О. А. Павловская отмечает ряд тенденций: «в обществе остро ощущается ценностный кризис, который обусловлен его переходным состоянием от “старых” ценностей индустриальной эпохи к новым ценностям информационной цивилизации... Потеряли свою значимость и эффективность для большинства населения общепринятые, официально санкционированные ценности предыдущей социально-исторической эпохи. Новые же ценности, в которых бы отражался дух времени, перспективные социально-значимые цели еще не оформились должным образом и не достигли уровня общественного признания» [16, с. 115].

Взаимодействие культур разных стран в современный период ведет к расширению возможностей коммуникаций, что позволяет говорить о создании в перспективе наднациональной культуры в глобальном масштабе. В связи с этим нередко указывается на необходимость сохранения национальных традиций и культурологических приоритетов. В частности, Я. С. Яскевич в этой связи отмечала: «Сегодня приоритетными для белорусов должны стать ценности языка, собственной истории, национальные традиции и обычаи, общечеловеческие идеалы добра, правды, справедливости» [17, с. 66].

Начиная с 2000-х годов все больше становится востребованной идея воплощения самобытности или цивилизационно-культурной уникальности нашего государства при совершенствовании правовой системы. В отличие от предыдущих этапов ее становления роль западных ценностей в формировании белорусской правовой системы, как практически любого правопорядка, не отрицается, но все чаще в научной литературе [18] делаются попытки их критического переосмысления в современных условиях. Отмечается, что необходимо видеть различия западной правовой традиции и собственной цивилизационно-культурной. Необходимость разграничения обосновывается самобытностью развития нашего государства и общества, поскольку в ином случае национальная правовая система оказывается в зависимости от иных цивилизационно-культурных основ [18, с. 84].

В этом отношении, например, приводится западноевропейский опыт отношения к однополым бракам. Отмечается, что попытка имплементации данного положения в белорусское право, несомненно, вызовет ценностный конфликт, хотя в формально-правовом отношении Конституция Республики Беларусь не различает культурно-цивилизационное измерение. Каждое локальное цивилизационно-культурное образование формируется исторически под воздействием

всей совокупности присущих ему экономических, политических, культурных, религиозных и иных характеристик [18, с. 85].

В рамках такого подхода были разработаны Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь, одобренные Решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь 23.04.2013 № 5, где впервые на нормативном уровне были раскрыты концептуальные вопросы формирования национальной правовой системы.

В главе 4 Рекомендаций, касающейся идеологических аспектов правовой политики Республики Беларусь, обращается внимание на современные угрозы и вызовы, связанные с процессами глобализации, в результате которых формально независимые государства утрачивают качество суверенитета, попадая в зависимость от других государств, межгосударственных объединений, транснациональных корпораций. Кроме этого отмечается феномен глобальных ценностных конфликтов, выражающихся в противостоянии ценностей, что сложились в условиях западной цивилизации, и традиционных ценностей, которые имеют достаточно определенные установки по многим вопросам социального общежития (брак, семья, любовь к родине, религия и т. д.).

Несмотря на очевидный прогресс в выработке подходов к восприятию западных ценностей белорусской правовой системой, необходима дальнейшая работа по их совершенствованию.

В настоящее время внушаются, обозначенные выше опасения перед глобализацией и утратой самобытных традиций. Но взамен общечеловеческих ценностей почти ничего не предлагается. В основном критическое отношение к западным ценностям не идет дальше лозунгов о необходимости учета национальных традиций, менталитета, условий социально-экономического развития и т. д. Подобные утверждения, сопровождаемые единичными примерами, не имеют решающего значения. В то же время современное правовое регулирование в Беларуси строится с учетом стандартов, принятых в передовой международной практике. К ним относятся принципы демократии, законности, приоритета общепризнанных принципов международного права, гуманизма, защиты прав и свобод, а также законных интересов граждан, юридических лиц, государства и социальной справедливости. Нельзя говорить о том, что наше общество не воспринимает или не способно принять их.

Остается актуальным вопрос, что есть западное сообщество, которое в решении социальных, экономических и иных вопросов однородным назвать нельзя. Каждая страна отличается строением институтов государственной власти, особенностями предоставления гражданских, политических прав, гарантиями в области социальных, экономических, культурных прав. Они также обусловлены достигнутым уровнем экономического развития, историей, культурой разных стран.

Этим вопросом давно занимались видные ученые, такие, например, как Н. А. Бердяев, считавший, что западные ценности (слово «западный» мыслитель берет в кавычки) – это всего лишь выдумка. В этом отношении следует согласиться с Б. М. Лепешко, который отмечает, что «постоянная апелляция к мысли о постоянном колебании между Востоком и Западом затемняет, затушевывает суть вопроса. Для стран, создавших свой интеллектуальный ресурс, эта проблема не актуальна, и Беларуси следует добиваться самодостаточности в развитии национальной культуры и образовательного процесса... важно говорить и утверждать не только собственные национальные достижения, но и обращаться к той традиции, вне которой понять и осознать их невозможно» [19, с. 70–73].

Утверждение о том, что правовые ценности, традиции, знания, рожденные в недрах западной цивилизации, служат базой для консолидации белорусского общества, может быть воспринято как положительное, кроме случаев, когда они не связаны с вмешательством во внутренние дела и не разрушают основные устои строения нашего общества и государства, обусловленные особенностями, исторического, социально-культурного, экономического развития. Однако поиск подходов для определения условий и оснований приобщения к иностранным традициям и культуре в правовой сфере остается трудной, амбициозной задачей, требующей усилий специалистов различного профиля, в том числе в области философии права.

* * *

Непростые исторические условия, в которых формировалось суверенная Беларусь, оказали существенное влияние на особенности менталитета людей, ценностные ориентации, в частности в правовой сфере. Многочисленные международные конфликты, долгое существование крепостного права, диктатура пролетариата, советская командно-административная система не способствовали укреплению веры в возникновение реальной возможности отстаивать чьи-либо интересы на основе норм права. Наоборот, в обществе сильны ожидания того, что эти интересы будет отстаивать кто-то иной в виде властных структур. Эта позиция – не всегда результат отсутствия реальных механизмов защиты прав, нередко она обусловлена незнанием или отсутствием навыков их использования.

Как представляется, негативные тенденции развития сотрудничества стран Запада и Востока в правовой сфере зачастую являются искусственными и связаны с позициями отдельных политиков, которые становятся несостоятельными в современном мире. Сотрудничество разных стран не только возможно, но и не имеет альтернативы. Противостояние различных сил в мировом масштабе во многом создается искусственно. Снятие противоречий разных стран в социально-экономической, политической, в том числе правовой, сферах зависит от усилий ученых, политиков, экономистов разных стран. Это мнение основа-

но на том, что современные противоречия лежат не в плоскости или области прогрессивных идей, а отдельных недолговидных представлений, заблуждений и предрассудков.

Деление цивилизаций на западную и восточную, которые переплелись в Беларуси, выглядит достаточно условным или упрощенным подходом. С учетом нынешних процессов глобализации, связанных с формированием общечеловеческих ценностей, такие границы становятся все более расплывчатыми. Использование старых стандартов бывает обусловлено политическими мотивами. Вместе с тем необходимо создание условий для сохранения национальных традиций, языка, культуры.

При этом прежде всего следует говорить об умонастроениях конкретных людей, которые подвержены влиянию информационных потоков, содержащих и навязывающих различные ценностные установки. В связи с этим отметим, что формирование прочной жизненной позиции на основе национальных и общечеловеческих ценностей в качестве фундамента правотворческой и правоприменительной деятельности приобретает особую важность, а также возрастает значение образовательного процесса, несущего знания рядовым членам общества.

Список использованных источников

1. Современная западная философия : словарь / сост.: В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М. : Политиздат, 1991. – 414 с.
2. Спиркин, А. Г. Основы философии : учеб. пособие для вузов / А. Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1988. – 592 с.
3. Графский, В. Г. История политических и правовых учений : учебник / В. Г. Графский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби : Проспект, 2007. – 608 с.
4. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.
6. История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост.: И. Н. Кузнецов, В. Г. Мазец. – Минск : Амалфея, 2000. – 672 с.
7. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1970. – Т. 1 : 1917–1936 гг. – 608 с.
8. Нерсисянц, В. С. Философия права: учеб. для вузов / В. С. Нерсисянц. – М. : Изд. группа «НОРМА-ИНФРА», 1998. – 652 с.
9. Стром, А. Система ценностей, мобилизующих общество / А. Стром // Беларус. думка. – 2016. – № 5. – С. 54–58.
10. Мицкевич, В. В. Становление и развитие права современной Беларуси [Электронный ресурс] / В. В. Мицкевич. – 2015. – Режим доступа : [https:// http://www.pravo.by/main.aspx?guid=173383](https://http://www.pravo.by/main.aspx?guid=173383) – Дата доступа : 06.09.2018.
11. Пласковицкий, А. Л. Предложения по совершенствованию правовой системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] / А. Л. Пласковицкий. – 2015. – Режим доступа : <http://plas.by/pravo/g/soversh.php> – Дата доступа : 06.09.2018.
12. Гусейнов, А. А. У философов и юристов много общих тем / А. А. Гусейнов // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной эко-

номики / В. В. Миронов, Ю. Н. Солонин ; Моск. и Петерб. филос. клуб. – М. : Летний сад, 2010. – 320 с.

13. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603, [5] с. – (Philosophy).

14. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 688 с. – (Русская цивилизация).

15. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду [Электронны рэсурс] / Ігнат Абдзіраловіч. – 2015. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecnym_slacham.html – Дата доступу : 06.09.2018.

16. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 492 с.

17. Яскевич, Я. Фундамент жизни народа. Исторические и социокультурные истоки становления белорусской государственности / Я. Яскевич // Беларус. думка. – 2018. – № 9. – С. 62–66.

18. Калинин, С. А. Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и стратегия развития / С. А. Калинин, В. И. Павлов, С. М. Сивец // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. – Сер. гуманит. наук. – 2014. – № 2. – С. 83–87.

19. Лепешко, Б. Национальное самосознание: что изменилось? / Б. Лепешко // Беларус. думка. – 2016. – № 6. – С. 69–73.

В. А. Максимович

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ МОДУС
РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА КУЗЬМЫ ЧОРНОГО**

В статье раннее творчество Кузьмы Чорного рассматривается через призму художественно-экзистенциального мировоззрения. Автор проводит мысль, что экзистенциальный дискурс, наряду с социальным, общественным, национальным, является одним из множества факторов и составных частей художественной системы писателя, позволяющих выявить смысловое богатство произведений, их ценностные оппозиции в период наступления исторического и культурного перелома, смены системы ценностных приоритетов.

Ключевые слова: многомерность экзистенциально-онтологического дискурса, антропологический кризис, экзистенциальный тип мышления, аксиологические ориентиры, эсхатологическая тональность, трагическое мироощущение, пограничное состояние, психологическая драма

V. Maksimovich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EXISTENTIAL MODUS OF EARLY WORKS BY KUZMA CHORNY

In the article, there are discussed the early works of Kuzma Chorny through the prism of the artistic-existential worldview. The author has the idea that existential discourse, along with social and national discourses, is one of many factors and components of the writer's artistic system. These factors let to reveal semantic richness of works, their value oppositions during the periods of historical and cultural changes that cause the transformation of value priorities.

Keywords: multidimensionality of existential-ontological discourse, anthropological crisis, existential type of thinking, axiological guidelines, eschatological tonality, tragic worldview, borderline state, psychological drama

Отечественная гуманитарная наука последнего времени берет на вооружение методологически оправданную и во многом продуктивную тенденцию философского прочтения художественных текстов. Одним из путей такого обновления может стать опора на достижения философской мысли в плане раскрытия многомерности экзистенциально-онтологического дискурса, который предлагает свою модель человеческого существования. В связи с этим рассмотрение эстетических и художественно-мировоззренческих оснований творческого наследия Кузьмы Чорного в экзистенциальном аспекте и выявление типологической близости его творчества и мировоззрения с концепциями экзистенциализ-

ма открывает новые перспективы включения творчества писателя в мировой литературный и философско-культурологический контекст. Сегодня опубликованы лишь отдельные научные работы, в которых фрагментарно констатируется причастность Кузьмы Чорного к экзистенциальному дискурсу. Поэтому актуально комплексное научное исследование, дающее более полное представление об экзистенциализме писателя, его авторской позиции, специфике художественного мира. Кроме того, пристальное внимание белорусского писателя к обычному человеку как уникальному явлению сегодня, в эпоху нивелирования, обесценивания личности, делает его творчество остросовременным, востребованным.

Актуальность исследования данного аспекта обусловлена тем, что изучение произведений Кузьмы Чорного в экзистенциально-антропологическом аспекте позволяет актуализировать творчество писателя, в котором потенциально заложены идеи, имеющие непреходящее значение и в XXI в., в период антропологического кризиса.

В связи с этим важно подчеркнуть, что сам экзистенциализм как философское направление отличается идейно-содержательной поливариативностью, на что указывают и сами исследователи. Так, немецкий философ-экзистенциалист О.-Ф. Бальнов считает существенной чертой экзистенциальной философии ее многовекторную коннотативную направленность, связанную с возможностью выражения дополнительного содержательного значения. По мнению ученого, «чистой» экзистенциальной философии не существует вовсе. «По своей сути экзистенциальная философия есть пролог к углубленному пониманию философствования. <...> Невозможно просто взять за основу замкнутую группу экзистенциальных философов и исходя непосредственно из них получить единую картину, ибо в случае со всеми, подпадающими под рассмотрение, речь всегда уже идет о совершенно различных самобытных усовершенствованиях и преобразованиях, понимающихся скорее не из исходного смысла понятия существования, а из особенного намерения каждого отдельного философа» [3, с. 24–25]. Данное утверждение имеет под собой убедительное основание. В современном философском словаре тоже отмечается, что «экзистенциальная философия – не столько единственное философское направление с общей системой категорий, исходных принципов и методологических установок, сколько выявление (достаточно пестрое) “духа времени” в определенной тональности. <...> Сам термин “экзистенциализм” достаточно условный» [9, с. 1002–1005].

Признавая наличие ценностно-смысловых доминант и оригинального философского контекста, близкого к мировоззренческим принципам экзистенциализма, стоит отметить, что в отношении Кузьмы Чорного будет непродуктивным и лишены оснований утверждение об осознанном отношении художника к упомянутой философской доктрине. Разговор, как представляется, может идти скорее о дискретной соотнесенности идей писателя с идейным комплексом экзистенциализма, об отдельных проявлениях экзистенциального

мироощущения как типа сознания, представленного в текстах мастера слова. Экзистенциальный дискурс, наряду с социальным, общественным, национальным, является одним из множества факторов и составных частей художественной системы писателя, позволяющих выявить смысловое богатство произведений, их ценностные оппозиции в период наступления исторического и культурного перелома, смены системы ценностных приоритетов.

Это касается и факта присутствия в творчестве писателя «следов» Л. Толстого и Ф. Достоевского. Стоит привести свидетельства И. Чигрина: «...по сравнению с Л. Толстым Кузьма Чорный намного в большей степени позволяет себе отходить от классических форм письма, у него гораздо более размытой кажется основная мысль. Кузьма Чорный – писатель другого времени и другой художественной традиции» [11, с. 47]. А. Мельникова также резонно замечает, что воздействие Ф. Достоевского «на белорусского прозаика нельзя преувеличивать, рассматривать как непосредственное наследование Кузьмой Чорным традиций русского писателя. Кузьма Чорный развивался по законам собственного творчества, достижения Ф. Достоевского для него – опыт предшественника, осмысливая и отталкиваясь от которого белорусский прозаик создавал особую художественную реальность» [8, с. 155]. С Ф. Достоевским белорусского писателя сближает разве что одинаковое понимание принципиальной нерешенности главных, фундаментальных проблем бытия и сознания, желание в художественном слове выразить особенности национального мироощущения, мироотношения, обратить внимание на проблему развития человеческого духа, общественной морали, на поиск сущности человеческой духовности как таковой.

Выделяя эстетические составляющие творчества писателя через призму развития европейской художественной мысли, А. Мельникова приходит к достаточно обоснованным выводам: «Кузьма Чорный – выразительный представитель своего времени, противоречивого, трагического. Трагическое – доминанта мироощущения писателя, что объединяет его с ведущими представителями мировой литературы 20 века. Трагизм в произведениях Кузьмы Чорного – экзистенциальный» [8, с. 94].

Согласимся с тем, что по основной доминанте своего творчества, по способу моделирования художественного идеала, постановке философско-мировоззренческих вопросов К. Чорного можно отнести к мастерам слова преимущественно экзистенциального типа мышления, а не к собственно писателям-экзистенциалистам. Рассмотрение произведений и творчества вообще через призму экзистенции позволяет посмотреть на человека как на уникальное существо со своим неповторимым жизненным опытом и богатым внутренним миром переживаний. В произведениях писателя отчетливо проявляет себя собственно мировоззренческая позиция, представлен герой рефлексивного типа с выразительными аксиологическими ориентирами. Кузьма Чорный ставит вопросы о многообразии и пестроте проявлений жизни, о множестве путей познания истины и правды. Важно отметить, что писатель отталкивается не от схемы, не от ра-

циональной доктрины, а от фактов жизни и помещает в центр своего художественного исследования быт и бытие ничем особенно не приметного на первый взгляд человека, который мучительно переживает свою экзистенцию, склонен к трансцендированию, к саморефлексии. Окружающий мир, предметы, явления, процессы показаны глазами автора или его главного героя (героев). Причем связи героя с миром выступают специфической формой его самореализации, способом установления неотчужденных, поистине одухотворенных связей между ним, другими людьми и тем бытием, в которое он в силу разных причин ангажирован. Несмотря на это, реалистические и психоаналитические мотивы, которые занимают свое место в широком мотивационном континууме произведений, могут служить важными, но не главными текстообразующими факторами, представляя собой благодатный материал для реализации экзистенциального мировоззрения писателя.

«Чалавек – гэта целы свет», – настойчиво, с завидной повторяемостью утверждал Кузьма Чорный в своих произведениях. Собственно, само выявление, вычленение, фиксация тонких сдвигов в мире природы и человека выступает символическим соответствием жизни, мира. А если это так, то человек соизмерим с миром: он должен быть настолько самодостаточным, настолько обладать завидным внутренним потенциалом, чтобы суметь адекватно воссоздать всю сложность окружающего его мира. И утверждая это своим афористическим тезисом, писатель тем самым демонстрирует свое понимание жизни, и шире – бытия, предлагает свою художественную концепцию бытия, собственно, свой способ бытия. И функция героев – посредством художественного изречения выразить собственные мысли по поводу человеческого бытия (уже реализованного и гипотетически прогнозируемого).

В связи с этим важно заметить, что выражения «ціша ў буры», «бура ў цішы», часто встречающиеся в произведениях Кузьмы Чорного, имеют очевидную философскую подоплеку. По сути, это формула авторского экзистенциализма. Согласно философии М. Хайдеггера, тишина не может представлять из себя безжизненную пустошь, ничто. Наоборот, для осознающего себя существа тишина представляется предзнаменованием живой мысли, глубоким, зовущим к себе пространством. Она – условие и свидетельство титанического труда души, предпосылка больших душевных озарений, открытий, неуклонного мучительного постижения тайн бытия. «І як прыдзе гэтая цішыня, – читаем у Кузьмы Чорного, – гэта ёсць ужо новая бура...» [5, с. 338].

Человек у белорусского мастера художественного слова – это та ипостась, та сущностная субстанция, через которую проходит все силовое поле земли и которая способна вместить в себя целую Вселенную. В этом тоже можно обнаружить явную параллель с экзистенциальной философией. Согласно М. Хайдеггеру, человек может реализовать себя непосредственно в здесь-бытии, в присутствии (*Dasein*). Человеку, в отличие от вещей, предоставлено право реализовываться, воплощать возможности своего «здесь» благодаря живому,

непосредственному присутствию в мире. Заложенный в нем потенциал действительно безграничен, бездонен, так как «чалавек – гэта цэлы свет». Но человеку не под силу изменить или приостановить течение времени. Принудительное вмешательство в заведенный изначально механизм может приобрести угрожающий характер, превратиться в свою противоположность. Поэтому следует настроить свою душу на гармонию с окружающим миром, с «тишиной бытия» (М. Хайдеггер). Тишина в данном случае берет на себя функции экзистенции, где могут вызревать мысль и чувство. Суть же бытия проявляется в самых простых вещах, во внимании к ближнему, к тому, что тебя окружает. Тишина только кажется пустой, безжизненной, но для чуткой и чувствительной мысли, которая способна улавливать самые тонкие звуки, через эту тишину («бытийное ничье») открывается новый горизонт видения – горизонт обширного пространства [2, с. 4].

Для героев Кузьмы Чорного это пространство проявляет себя в способности вслушиваться в живую мелодию земли, в простые, но близкие и родные сердцу проявления жизни, которые настраивают на со-звучие, на со-мыслие. Авторское объяснение жизнеутверждающей сути тишины находим в его же рассуждениях: «Як ужо выявіцца ў адчуваннях пералом буры душы, раптам з'яўляецца процілеглы таму, што бывае ў пачатку буры. З'яўляецца вялікая патрэба ў цішыні ды спакоі. І як прыйдзе гэтая цішыня – гэта ёсць ужо новая бура... У часе гэтай патрэбы збіраецца ў чалавеку ўсё ў звычайны парадак: паволі і паступова збіраюцца ў свае берагі разбураныя пачуцці, выбіваюцца на свой след звычайны выбітыя з яго думкі. І гэта тады, калі засталіся ззаду жыццёвыя горы» [5, с. 338].

Одной из особенностей нарратива писателя является то, что основным сюжетообразующим мотивом в ранних рассказах выступает тоска по идеальному, жажда возвышенного, прекрасного, гармоничного. И для того чтобы снизить накал отрицательного чувства, избежать умышленного столкновения характеров, идей, поступков своих героев, он стремится перевести действие в сферу внутреннего конфликта или, по-другому, в сферу экзистенциальных переживаний внутренней дисгармоничности. Вот почему такое внимание уделяется «бурам души», а не открытому противостоянию идейных позиций, убеждений, мировоззрений, как это наблюдаем у Ф. Достоевского. В отличие от своего предшественника, романы которого, по свидетельству М. Бахтина¹, строились на столкновении идей, в рассказах Кузьмы Чорного все же преобладает монологическая форма, художественная экспликация авторской позиции, которую, если иметь в виду ранние рассказы, писатель настойчиво излагает из произведения в произведение. По большому счету действующие лица рассказов становятся рупорами авторской идеи. Эта идея по-своему тиражируется, умножается с каждым новым произведением, приобретает дополнительные

¹ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – С. 7–300.

смысловые коннотации, не теряя при этом своего семиотического ядра. Меняется только внешняя оболочка, антураж, достаточно условная фабула, герои, но благодаря контекстуальным повторениям, лейтмотивам остается достаточно узнаваемой своеобразная «архетипная» содержательная канва, которая составляет квинтэссенцию художественной концепции автора.

А. Адамович в своей монографии «Маштабнасць прозы: урокі творчасці Кузьмы Чорнага» выделил отличительные черты произведений художника, их жанрово-стилевые особенности, указывая на отсутствие внешнего действия, «единого сюжетного стержня», на «объективность», «бытовизм», лиризм и эпичность, углубленность в психологизм [1]. Эффект движения во многих рассказах писателя, особенно того периода творчества, который хронологически совпал со временем работы в литературно-художественном объединении «Узвышша» (1926–1931), создается именно за счет переживаний, саморефлексии, как бы проговаривания «про себя». Более того, фабула многих рассказов Кузьмы Чорного связана с раскрытием внутреннего конфликта героя. Внешний антураж, социальное окружение имеют преимущественно функциональное значение, выступают определенным сюжетообразующим конструктом, который позволяет ставить и решать проблемы человеческого бытия вообще. Следует отметить при этом, что созерцание бытийного в быту, в обычном, повседневном – одна из главнейших черт экзистенциального видения, которое признает самостоятельную бытийную ценность каждого проявления жизни. Может, и по этой причине в авторской картине мира нет иерархии предметов, деталей, явлений. Все они имеют равное право на аксиологическую репрезентативность и содержат в себе черты феноменологических данностей, то есть постигаемы посредством чувственного опыта.

При отсутствии внешнего действия, «единого сюжетного стержня» (А. Адамович) пространственно-временной дискурс получает качественно другую, метафизическую направленность, где и автор, и действующие герои его произведений находятся как бы в одном экзистенциальном поле (он – в них, они – в нем), бьются над решением одних и тех же проблем, озадачены одними и теми же мыслями. Основой сюжета является движение души. Внутреннее время-пространство создает отличительный хронотоп, который в науке о литературе получил название метакхронотопа. Он сочетает в себе черты как трансцендентного (запредельного, не имеющего границ, мистического), так и имманентного (существующего внутри человека). С учетом этого открывается возможность вести разговор о метафизическом, философском пространстве текста писателя, о многомерности, поливариативности его интерпретаций.

Современные исследователи творчества Кузьмы Чорного сходятся в одном: в центре творчества писателя присутствует не герой-пассионарий, а рядовой человек из массы, который занят будничными делами. Поэтому предметом художественного исследования оказывается изображение не общего, типичного, а частного мироощущения отдельного человека. Но этот маленький человек

из массы показан как уникальная индивидуальность – личность, обладающая неповторимым жизненным опытом и богатым внутренним миром переживаний. И эти переживания в основе своей имеют экзистенциальную направленность, связаны с желанием дойти до первопричины, первосмысла каждого явления, погрузиться в «вечные вопросы», найти выход из сложной жизненной ситуации, сделать осознанный поступок.

Особенность поэтики ранних произведений Кузьмы Чорного дает основание отнести их к рассказам о движении сознания человека в пространстве бытия, к художественному исследованию экзистенциальной ситуации «человек и бытие» в ее повседневных проявлениях. Сюжеты рассказов белорусского писателя базируются в основном на процессах, происходящих в сознании героев. Поэтому на первый план выступает поиск собственного смысла бытия, постижение объективных взаимосвязей и законов, согласно которым осуществляются непосредственные отношения человека с миром, с людьми и окружающей их природой. Для писателя важно проявить свою мировоззренческую позицию, раскрыть собственный морально-философский кодекс жизни. Что это так, свидетельствуют сами тексты, где в разной модификационной транскрипции представлены очень похожие, сущностно близкие, почти идентичные мысли, бытийный статус героя, его философские раздумья-медитации над каждым эпизодическим проявлением жизни, бытовым фактом. Герой Кузьмы Чорного обладает богатым потенциалом сознания, что дает ему право выступать в качестве субъекта сознания, который может проявлять завидную рефлексивность по поводу увиденного и пережитого. Он становится своеобразным трансмедиумом другого сознания, пытается уловить и передать чувства и мысли других людей, с которыми связан невидимой энергетической связью. И свой внутренний разлад он как бы экстраполирует на других, ищет причину своего недовольства, своей ностальгической тоски в окружающей действительности.

Экзистенциальное сознание героя представляет собой особый тип мироощущения, складывающийся в процессе переживания собственного существования, в поисках смысла своего бытия. Смысловой стержень многих рассказов – события «открытия сознания», в которых как бы имплицитно воссозданы этапы перехода героя от кризисного состояния к осмысленному переживанию собственной жизни и своего места в ней. Поэтому рассказы белорусского мастера слова можно назвать рассказами открытия. Герои-мыслители, как правило, получают неожиданный толчок, импульс, которыми становятся то ли случай, то ли какое-то бытовое явление, приводящие к открытию, пересмотру устоявшихся, привычных представлений о жизни и подталкивающие на путь поиска ответов на вопросы, которые, как правило, остаются открытыми. Герои не приемлют поверхностного созерцания и напряженно ищут глубину, делают мучительные попытки слиться с другим сознанием, идут навстречу тому, что пока не могут охватить своим опытом («І раптам... упала ўсё, і з'явілася

Действующее лицо в произведении белорусского писателя – это человек активный, ищущий, любознательный, пребывающий в перманентном духовно-нравственном поиске, в поиске себя как субъекта процесса познания, глубоко переживая свою онтологическую сопричастность с окружающим миром. Непоседливость, познавательность, подключенность к подсознательным формам мышления, рефлексии – главные составляющие его беспокойной, мятежной натуры. Герой находится в постоянном диалоге с тем, что неотступно берedit его сознание, требует разгадки, открывая для себя горизонты экзистенциального видения. Он настроен на постижение, понимание того, что его окружает. Для подобного экзистенциально мотивированного героя бытовые проявления естественным образом приобретают бытийную направленность, заставляют задумываться над ними, оценивать их, проводить глубокую аналитическую работу по их «дешифровке», распознаванию. Предметы быта, жизненные ситуации, люди, попадая в зону действия его любознательного сознания, становятся своеобразными символическими знаками-репрезентантами, позволяющими постигнуть смысл, истину или приблизиться к ним.

соединить в себе прошлое, настоящее и будущее, вечное и сиюминутное, общее и частное, то сможет возродить связь с трансцендентным началом, природой, другими людьми и, главное, – с самим собой.

В связи с этим следует отметить композиционную и смыслообразующую роль экзистенциальных проговариваний, способствующих раскрытию бытийно-мировоззренческого статуса героя, который чувствует свою тесную сопричастность с обществом, с целым миром. Эта связь с окружающим миром возможна, согласно художественной концепции Кузьмы Чорного, благодаря человеческому пониманию, способности сопереживать, глубоко чувствовать, уметь быть преданным человеческим ценностям. Полнота связи с жизнью, способность не упускать из виду даже самые незначительные ее проявления позволяют герою намного расширить свой кругозор, смысловое пространство вокруг себя, что в конце концов ведет или к пересмотру, существенному обогащению его представлений и убеждений, или к кардинальному изменению собственной аксиологической ориентации вообще. У того же Порфирия Кияцкого, которого одолевали неразрешимые вопросы выбора своего дальнейшего жизненного пути, «з'явілася тое, што можа можна назваць – несвядомая свядомасць: чым хутчэй і цясней увайсці ў людзей, якія трымаюць у сабе хараство і вялікасць» [5, с. 359].

В ранних рассказах Кузьмы Чорного, как представляется, нашли художественное воплощение и экзистенциально-философские размышления С. Кьеркегора о том, что «каждый индивид имеет существенный интерес к истории всех других индивидов, – столь же существенный, как и к своей собственной. Потому совершенство в себе самом – это совершенное участие в целом. Ни один индивид не может быть безразличен к истории рода, точно так же, как и род безразличен к истории какого бы то ни было индивида, ибо когда история рода таким образом продвигается вперед, индивид постоянно начинает сначала, ведь он является собою самим и родом, – и тем самым он снова начинает историю рода» [6, с. 17].

Амелька, герой рассказа «На беразе», «ахоплены вялікім наплывам думак» [5, с. 75], находится в плену неосознанного до конца желания постичь тайну человеческой души, открыть для себя ни с чем не сравнимую радость человеческого общения. «Экзистенциальные» вкрапления в виде проговариваний про себя очень важны для героя Кузьмы Чорного. Таким образом герой пытается взглянуть на мир «вне Я» не субъектно, а пространственно, он начинает чувствовать свою органическую связь с землей, с миром. Мысли Амелки, по свидетельству автора, сводились к тому, «што людзі, злучыўшыся ў адну вялікую сям'ю, зрабляць на сваёй зямлі нешта такое, што будзе большае па сваёй сіле за самую зямлю. Вялікае дзела робяць яны» [5, с. 70]. Симптоматично, что и самого героя невольно овладевает жажда «дела» (действия, помыслов, творения). Говоря о «деле», автор имел в виду живую мысль, размышление, «теорию» – то, что связано с сознанием, следует из него, делается первотолчком

для других начинаний-свершений. И в этом обнаруживается разительное подобие с тем же хайдеггеровским пониманием «дела», которое в конце концов предстает как «дело мира» – то большое «дело», которым оказывается целый мир. Согласно Кузьме Чорному и М. Хайдеггеру, «дело»-мысль была изначально, она была собственно миром, целым миром, даже если со временем перестала это осознавать, но, по сути, оставаясь с ним вместе, представляя с миром двуединую сущность. Мысль изначально осознавала себя через мир-целое, мир-согласие, примирение, единение. И только когда она осознала себя, распознала себя, то оттолкнула от себя представление-миф о единстве-сращенности с миром. Но вопреки всему мысль и дело имеют взаимообусловленный характер: без первого не бывает второго и наоборот. В контексте хайдеггеровского понимания «мысли-мира» и «мысли-дела» предельно обнажается смысл изречения писателя «Чалавек – гэта цэлы свет»: «Мир сам от себя и есть уже то первое дело, которое требует нас и требуется нам потому, что только в деле мира и мире как большом деле мы можем найти себя и иначе как в целом мире себя не найдем» [2].

Давая художественный срез человеческих чувств, ощущений, эмоций, писатель не просто раскрывает их до сих пор неизвестную глубину, сложность, мыслительную насыщенность, но и обнаруживает, как, впрочем, и А. Чехов, с которым у Кузьмы Чорного имеется много общего, свою гуманистическую позицию путем акцентирования внимания на «трагизме мелочей» («маленьких трагедиях», трагедиях «каждого дня» по М. Метерлинку), которые в рамках всего творчества приобретают характер глобальных, универсальных.

Писателю важно вскрыть бездны духа человека, выявить его экзистенциальное самочувствие, его нежелание смириться с «пронизывающей повседневностью» (М. Хайдеггер), застылостью жизни. Пространственно-временные границы раздвигаются, восстанавливается связь времен. Оказывается, что эти времена удерживаются усилиями самих людей, их умением сострадать, переживать, быть преданными человеческим, гуманным ценностям. Вот почему герои Кузьмы Чорного по глубинной сути своей являются большими человеколюбями, настоящими эстетам, которые умеют восторгаться красотой, находят наслаждение и большое внутреннее удовлетворение от человеческого общения. Герой перманентно открывает мир, что позволяет ему выделиться из прежнего окружения, и, осознавая новую среду как свой кругозор, он словно «облагораживает», обживает смысловое пространство вокруг себя, выстраивает новую систему связей, что позволяет выйти за рамки обычного, будничного. Именно живое единство человека, внешнего мира, других людей, их жизнь и взаимодействие во времени и пространстве становилось предметом углубленного интереса экзистенциальной философии.

Точки зрения автора и героя во многом совпадают, особенно в тех случаях, где можно явно наблюдать переход временно-пространственного континуума в устойчивую метафизически-онтологическую целостность, обусловленную

философско-экзистенциальной культурой автора. Но и в этом случае герой как бы озвучивает позицию автора, диалогизируя с другими действующими лицами. К тому же читатель активно приобщен к формированию художественно-философских смыслов произведения, которые, как правило, имеют смысловую и интенциональную открытость.

Герои, в чем мы убедились, не просто действуют, а ставят перед собой определенные цели, задачи, в которых отчетливо просматривается их высокая моральная направленность, связь с этическим идеалом, с желанием творить добро для людей. «Экзистенциальный» выбор у Кузьмы Чорного всегда этически маркирован. Писатель развивает концепцию моральной детерминированности человеческого бытия, утверждает утопическую надежду и веру в духовный потенциал человека, обосновывает единичность и неповторимость его индивидуальности, его самости. «Сэнс і мэта жыцця, – согласно его убеждению, – хаваецца ва ўсім тым, што акружае чалавека, сустракаецца на кожным кроку» [5, с. 77]. Вот почему его герои-эстеты с таким особым пиететом относятся к окружающей природе, замечают в других их высокие человеческие качества, отзывчивость и доброту, и сами проявляют чрезвычайно искреннее и доброжелательное отношение к людям. Более того, они способны на импульсивную, спонтанную эйфорию чувств, что трудно поддается самоконтролю.

Вместе с тем все герои Кузьмы Чорного, при всем их большом желании быть включенными в пестрые проявления жизни, остро чувствуют свое экзистенциальное одиночество. Во многих рассказах автор предлагает свой выход из подобного экзистенциального тупика, что связывалось им с поисками духовного единства с другими людьми, с ощущения духовного родства, близости. Пытаясь раскрыть причины экзистенциального одиночества, писатель обращает внимание на важность такого момента, как способность постижения себя через другого, признание неоспоримой ценности и необходимости другого.

Для Порфирия Кияцкого из одноименного рассказа, внутренне настроенного на гармонию, на тепло и сердечность человеческих взаимоотношений, также свойственно достаточно обостренное восприятие жизни: «Раптам стала ўсё любым, і хацелася гаварыць з людзьмі... <...> ...і думалася, што няма ж гэта на свеце нічога лепшага за вясеннія берагі, ясныя дні, гаворкі з людзьмі, і жаданая была, непрыметная раней, ціхая радасць вясенняй зямлі» [9, с. 339–340]. Игнат Ольховик (рассказ «Новыя людзі») как-то по-особенному, усладительно-болезненно переживает свою жизненную «экзистенцию», находясь в своеобразном «пограничном состоянии» из-за своей тяжелой болезни. Он способен переживать ярко выраженное экзальтированное чувство от своего присутствия в мире.

Открытые жизни и способные глубоко узнавать и воспринимать его данность герои большинства ранних рассказов ищут собственный путь и реализовывают свой потенциал сознания. «Мученики духа» (выражение А. Мельниковой), они остро чувствуют разлад внутри себя, переживают чувство неудовлетворенности, фрустрации из-за невозможности воплотить свои сакраментальные

желания, осуществить замыслы и планы, результатом чего является разочарование, тревога, раздражение, а временами и отчаяние. Подобное состояние толкает их в водоворот безудержной рефлексии, направляет на путь поисков причин такого состояния в окружающей действительности. Им противопоставлены душевное спокойствие, безразличие или индифферентность. Наоборот, они неистово, неотступно ищут для себя что-то по-настоящему спасительное, оздоравливающее, бьются над поисками выхода из состояния тревоги, беспокойства, неуверенности – истинной мировой тоски-грусти.

Чувство одиночества, осложненное душевным страданием, вездесущая печаль, бессилие перед лавиной утяжеляющих жизненных обстоятельств – это и есть истинные репрезентанты внутреннего конфликта. О том, что важное, существенное происходило в жизни героев и с самими героями, мы узнаем или из авторских ремарок-комментариев, или с едва обозначенной интриги (фабулы), где, как правило, дискретно, чуть ли не в информационном ключе подается собственно жизненная (реальная) конфликтность, пунктирно обозначены очаги трагедийности. Писатель сознательно игнорировал или явно ослаблял те драматические моменты в развитии сюжета, которые могли составить его кульминационную фабулу. Возможный сюжетный «взрыв» как бы опережали, упреждали авторские рассуждения, побуждающие читателя к «сотворчеству», к совместным поискам выхода из возникшей ситуации. Эпицентр всех возможных пертурбаций и в этом случае перенесен в духовный план, в сферу сознания (подсознания) героя. Внешнее действие в потенциально угрожающих случаях заменяют людские голоса, звуки природы, авторские художественно-философские рефлексии, сложенное изречение авторских сентенций, что способствует непрерывности развития внутреннего действия. Это очень важные структурообразующие составляющие произведений, которые помогают организовать художественное пространство, способствуют возникновению отличительной ауры и влияют на создание особенной лирико-поэтической ритмичности, философско-медитативного настроения. И в этом видится явное наследование Кузьмой Чорным творческой манеры А. Чехова, который активно эксплуатировал подобные приемы в своей новелистике и в драматургии, что дало основание исследователям называть чеховские пьесы «пьесами настроения». Можно найти в этом и опознавательные знаки «новой драмы», которая устремила свой интерес к душевной жизни одинокого интеллигента, осужденного на непонимание в обществе и семье и вынужденного оставаться один на один со своей экзистенцией.

Кажется неслучайным фактом, что чуть ли не в каждом рассказе Кузьмы Чорного открыто или завуалированно идет речь о страданиях человека, сопровождающих его всю сознательную жизнь. А. Адамович в свое время заметил, что «психологическая драма человека, его напряженные размышления и мучительно острые переживания – основа композиции у К. Чорного» [1, с. 37]. В своей «Аўтабіяграфіі» Кузьма Чорный признавался: «Галоўнае, што мучыць

мяне з самых маладых год маіх, гэта пакуты чалавека на зямлі, якія ў нас яшчэ не знішчаны і за знішчэнне якіх мы ўсе цяпер змагаемся. Гэта таму, што я выйшаў з самага “дна” беларускага жыцця і з гэтым “дном” звязан духоўна і фізічна» [4, с. 232–233]. В ранних рассказах писателя при всем их жизнеутверждающем пафосе, ностальгической пронизанности, «печальной радости» очень часто происходят смерти, совершаются трагические происшествя – что-то нелепое, неминуемое, непоправимое, что не дает окончательно подавить в себе вездесущую грусть и заунывность. По мнению исследователей, произведения Кузьмы Чорного «буквально насыщены человеческими трагедиями. <...> Писатель постоянно обращается к теме страданий и отхода от тех лозунгов, что начертаны на знаменах революции» [8, с. 69].

Действительно, многие рассказы отмечены трагическим чувством, трагическим мироощущением. Но трагедию в данном случае следует воспринимать не столько в бытовом, сколько в философском значении. Здесь имеет смысл обратиться к свидетельствам известного философа XX в. М. Мамардашвили, который замечает, что у того же Ф. Ницше, к примеру, носителями «расчлененной совокупности представлений» [7, с. 117] выступают Дионис (хаос, вакханалия) и Аполлон (мера, гармония, соответствие). Между этими двумя полюсами и разворачивается трагедия. Путь от одного к другому чувствованию всегда отмечен трагическим мироощущением, которое составляет стержень творчества. «...Только миновав крайнюю степень трагического переживания, мы можем находиться в равном и светлом “расположении духа”, веселым и, главное, великодушным». Под «великодушием» исследователь понимает способность человека «вместить мир как он есть» [7, с. 117], замечая, что «великодушные – это допущение того, что может быть что-то другое, чем мы сами, и что нельзя требовать, чтобы мир соответствовал нашему или вашему уровню развития, нашим представлениям, нашим желаниям и нашим мыслям. Мир существует независимо от нас, и он гораздо больше нас и от нас требует принятия или, как говорил Декарт, великодушия» [7, с. 16]. М. Мамардашвили подчеркивает, что только через «аскету трагизма» возможно почувствовать радость жизни, стать ровным и светлым, «быть в светло-веселом расположении духа». «Это и есть свет, который излучается трагедией» [7, с. 117], – подытоживает свою мысль исследователь.

В связи с этим стоит упомянуть достаточно часто повторяющиеся рассуждения Кузьмы Чорного о перманентном чередовании в душе человека чувства «радасці і смутку», о присутствии «буры ў душы», о том, что «на свеце многа вялікага, вельмі патрэбнага, часам нявыяўленага, а як чуеш яго ці бачыш – адчуваеш вялікасць і хараство жыцця, глыбіню яго, што і ў радасці, і ў пакутах» [5, с. 308], и что «з’яўляецца жаданне бачыць вакол сябе і ва ўсім парадак, як бы гармонію ўсяго, бо бура – хаос, патрэбны для аднаўлення гармоніі» [5, с. 338]. Как видим, можно найти очевидные, идентичные по смыслу, параллели между двумя приведенными фрагментами, что свидетельствует о единых источниках,

которые стали основой раздумий двух творцов. И Чорный, и Ницше, по сути, констатируют наличие как бы двух миров в душе человека, двух взаимообусловленных состояний, благодаря чему происходит кристаллизация, перестройка, совершенствование духовного статуса человека и становится возможным выход на другой уровень мироответственности, на другой уровень бытия.

У белорусского писателя по-своему проявляет себя и экзистенциальное понимание смерти. Авторская диалектика всеобщего и единичного отразилась в понимании того, что в вечном течении жизни смерть отдельного человека выглядит обычным фактом, ничем особенно не приметным. Важнее всего восприятие, переживание смерти каждым отдельным человеком, что способствует, по мнению Кузьмы Чорного, приближению его к своему истинному «Я». Важно заметить: если рассуждения героев приобретают чрезмерное экзистенциальное напряжение, писатель обращается к картинам природы, к описаниям ее запахов, звуков, цветов, к осеннему полю, которое, как в приводимом фрагменте, «пахне аўсяным іржышчам і вялаю атаваю» [5, с. 409]. И сам автор, и его герои относятся к «людям поля» (выражение А. Адамовича)¹. Они не ограничены какими-то условностями, закостеневшими догмами, а вольны делать свой собственный выбор, иметь свое мнение. Действующие герои произведений не живут в границах регламентированных предписаний, идеологического диктата. Наоборот, им противопоказана гомогенность, однородность: они выбирают для себя разнонаправленные векторы действия в рамках того же «поля». Более того, эти поиски и векторы могут проходить вообще в другой плоскости или в другом измерении. Собственно, мировоззренческая позиция самого Кузьмы Чорного приобретала многомерный, поливариантный характер, что напрямую влияло на структуру его художественного мира на всех уровнях. Философия «поля» позволяла мастеру художественного слова по-новому посмотреть на суть нравственного долга, который связывался прежде всего с личной ответственностью, с необходимостью превратить свою жизнь в освободительный акт, построить его в соответствии с собственными, а не навязанными извне нравственными представлениями.

Художественно-философская концепция белорусского писателя органично сочетается с рассуждениями М. Мамардашвили по поводу расколотости мира на множество перспектив в смысле фундаментального, онтологического акта. Указанное обстоятельство представляется российскому исследователю имманентной данностью с наличием скрытых механизмов, в которых потенциально заключено множество возможностей реализации. Жизнь, по мнению М. Мамардашвили, это постоянное преодоление себя, постоянное отрицание себя прежнего. И та же воля к власти Ф. Ницше, по его мнению, – это формула преодоления в себе того, кем ты в данный момент являешься. Постоянное

¹ Интересно отметить, что подобное выражение встречаем в статье А. Чудакова «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...», посвященной творчеству А. Чехова. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/chudak-pr.html (дата обращения 13.06.2018).

(в каждое мгновение жизни) превосходство себя есть свидетельство живой души и живого ума [7, с. 115].

Человек поля Кузьмы Чорного не детерминирован какими-либо идеологическими постулатами. Он руководствуется чистой совестью и здравым умом, не загоняя себя в вериги закостенелости, мертвого догматизма. В отличие от произведений открыто экзистенциального звучания, где, как правило, превалирует момент абсолютной трагедийной напряженности, отчужденности и одиночества героя, наблюдается явное стремление заострить ситуацию выбора, который, по сути, отсутствует или напрямую переходит в свое отрицание, у Кузьмы Чорного замечаем сознательное желание смирить, ослабить подобный трагический надрыв, вывести его «за скобки». Этому способствует и ярко выраженный лиризм произведений, который создается путем словесного рисования импрессионистических картин природы и внутренней работы души – картин по большей части взаимозависимых, вытекающих одна из другой. Пейзаж в данном случае приобретает оттенок «психологического пейзажа», который напрямую связан с выявлением процессуальности внутренней жизни, – он эмоционально, чувственно окрашен, держится на настроении, впечатлениях, внутренних переживаниях. Но не только. Иногда описания природы выходят за рамки собственно пейзажной линии и имеют прямое отношение к принципам умолчания или недосказанности, условности, подтекста, обусловленными спецификой собственно авторских изобразительных приемов и принципов письма и имеющих обратно зависимую связь с историческими обстоятельствами времени.

Более того, исходя из авторской задачи раскрыть органическую целостность жизни, следует признать, что пейзаж в произведениях белорусского писателя не просто психологический, соотнесенный с человеческими переживаниями, а имеет смыслообразующий, концептуальный характер. К примеру, не случайным, идеологически заостренным подается то же упоминание автором «дальняга поля» – «у кустах, канавах і дарогах, з шырынёю да сініх лясоў» («Захар Зынга») [5, с. 382] и якобы случайная фиксация железного грохота, который «раптам з'явіўшыся сярод роўнасці поля, парушыў яго ціш і задумёнасць, – хараство травы і шэрай зямлі змянялася хараством жалеза» [5, с. 383]. Рассказ «Жалезны крык» целиком держится на условно-символическом подтексте, связанном с выявлением различных коннотативных значений «жалезнага крыку», который явно ассоциируется с революцией, с современным писателю моментом: «Ноч хітра падышла палямі к гораду, прысунула бліжэй чорныя кучы кустоў, больш згусцілася, як бы задаўшыся мэтаю не пусціць у сябе жалезнага пасланца горада» [5, с. 90]; «Крык вырваўся з жалезнага горла, стукнуўся ў каменныя сцены і пабег над соннымі кустамі» [5, с. 91]; «Абкураная грудзі дыхнулі глыбока, і жалезнае, доўгае цела рынулася з горада ў цёмнае поле» [5, с. 91]; «Расступіўся густы іх вялікі адвечны лес-пушча – даў дарогу грымучай жалезнай машыне. А там ізноў шырокае поле, скованае начным ту-

манам, укрытае па мокраму ржышчу цеменню ночы» [5, с. 92]. В данном контексте и «жалезны крык», и сам поезд, и железная дорога как отличительный символ нового времени приобретают все атрибуты какого-то страшного рока, мести за нарушение извечного хода жизни.

Размышления над ранними рассказами Кузьмы Чорного, в которых отразилась анатомия движения сознания человека, позволяют сделать вывод о том, что это настоящее художественное исследование экзистенциальной ситуации «человек и бытие» в ее повседневных проявлениях. Ценностное сознание героя рассказов писателя 20-х годов XX в. характеризуется стремлением постичь смысл бытия в обыденном, ощутить радость от осознания своего присутствия на земле, найти свое место в огромном смысловом пространстве жизни. И в данном случае обращает на себя внимание ослабление роли сюжета и усиление роли переживаний героев, которые проявляют себя через воспоминания и попытку рефлексии.

И проблематика отдельных произведений, и идейная направленность творчества писателя убеждают в том, что с помощью картин и образов автор выражает целостное видение мира и жизни, предлагает собственную художественно-философскую концепцию человека, занят поиском ответа на вечные вопросы бытия. Кузьма Чорный не строит свои произведения на резком, контрастном противопоставлении идей, а стремится сосредоточить свое внимание на действительно экзистенциальных вопросах, загадочности, а иногда и абсурдности мира, исключительной ценности человеческой индивидуальности, ее богатом внутреннем содержании, способности глубоко переживать моменты экзистенциального соприкосновения с жизнью. Художник заостряет внимание на кризисности сознания героев, стремится раскрыть особенности психоэмоционального, рефлексивного взаимодействия с имеющимися формами и проявлениями жизни. На первый план выходит собственно процесс духовного существования человека в условиях острого переживания своей экзистенции – существования в ситуации перманентной тревожности, недовольства, внутренней фрустрации. Писателя интересуют прежде всего процессы, происходящие в сознании его героев, движение этого сознания, внутренний мир героя, собственно «переживательный момент», хотя при этом социальные и национальные обстоятельства не игнорируются, не отходят на второй план. Мастер художественного слова стремится обратить внимание на характер внутреннего конфликта, внутренних предпосылок и мотиваций, которые, впрочем, не ведут к сплошной апатии, равнодушию, а наоборот, побуждают к активным действиям, отчаянным попыткам изменить ситуацию к лучшему.

Сам механизм перехода быта в бытие, перевод сюжетной фабулы на новую ступень бытийного регистра происходит за счет средств поэтики. Каждый факт и событие, вокруг которых организуется «мыслительное пространство», выступает лишь одной из форм постижения сложных законов бытия. И этот процесс происходит перманентно посредством многочисленного конгломерата

актов познания, через жизненные испытания, преодоление трудностей и препятствий. Именно благодаря жизненным сдвигам-метаморфозам и открывается возможность познания-постижения смысла бытия – через мгновенные проблески-озарения, через мучительное прозрение души.

Список использованных источников

1. Адамовіч, А. Маштабнасць прозы: урокі творчасці Кузьмы Чорнага / А. Адамовіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 197 с.
2. Биbihин, В. Дело Хайдеггера / В. Биbihин. – Режим доступа : http://www.bibikhin.ru/delo_haydeggera – Дата доступа : 30.10.2018.
3. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 341 с.
4. Кузьма Чорны. Аўтабіяграфія / Кузьма Чорны // Полымя. – 1968. – № 5.
5. Кузьма Чорны. Збор твораў : у 8 т. / Кузьма Чорны ; пад рэд. А. Адамовіча. – Мінск : Маст. літ., 1972. – Т. 1 : Апавяданні, 1923–1927 гг. – 544 с.
6. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
7. Мамардашвили, М. Очерк современной европейской философии / М. Мамардашвили. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 582 с.
8. Мельнікава, А. М. Паэтыка твораў Кузьмы Чорнага / А. М. Мельнікава. – Гомель : Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, 2008. – 188 с.
9. Стрелков, В. И. Экзистенциализм / В. И. Стрелков // Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
11. Чыгрын, І. П. Крокі: проза «Узвышша» / І. Чыгрын. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 144 с.

УДК 1(091)

Поступила в редакцию 15.02.2019
Received 15.02.2019

С. І. Санько

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ГІСТОРЫЯ КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫІ ЎЯЎЛЕННЯЎ
ПРА ПАХОДЖАННЕ СВЕТУ Ў САЧЫНЕННЯХ
СТАРАЖЫТНАГРЭЧАСКІХ ФІЛОСАФАЎ. І. КОСМОПОІА**

У першай частцы артыкула разгледжаны пачатковы этап канцэптуалізацыі ўяўленняў пра паходжанне свету ў творах антычных філосафаў. Гэты этап адзначаны паўстаннем метатэарэтычнай рэфлексіі над асновамі першых тэорый паходжання ўсяго існага ў цэлым і вынаходжаннем Арыстотэлем адмысловага тэрміна для абазначэння такога кшталту тэорый – космопоіа. Паказана, што з цягам часу ўведзены Арыстотэлем тэрмін зазнаў семантычную эвалюцыю, якая прайшла наступныя стадыі: 1) абазначэнне сузіральнай сістэмы ўяўленняў аб паходжанні свету ў перыпатэтыкаў; 2) абазначэнне працэсу ўтварэння Сусвету ў стоікаў; 3) абазначэнне адмысловай дзейнасці дэміурга на ўпарадкаванні бязладнай матэрыі ў прыгожы космас. У першыя стагоддзі новай эры ўсе тры разуменні тэрміна суіснавалі і былі своеасаблівымі маркерамі эпістэмных адрозненняў. Апагея працэсу дасягнуў у творах Філона Александрыйскага, які пачаў паслядоўна выкарыстоўваць гэты тэрмін для абазначэння стварэння свету Богам Творцам, апісанага ў пачатку кнігі Быцця, што сталася ключавым пунктам у распрацоўцы раннехрысціянскай дактрыны creatio ex nihilo.

Ключавыя словы: паходжанне свету, антычная касмагонія, касмапея, крэацыянізм

С. И. Санько

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ИСТОРИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИРА В СОЧИНЕНИЯХ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ. І. КОСМОПОІА**

В первой части статьи рассмотрен начальный этап концептуализации представлений о происхождении мира в произведениях античных философов. Этот этап отмечен появлением метатеоретической рефлексии над основаниями первых теорий происхождения всего сущего в целом и изобретением Аристотелем особого термина для обозначения такого рода теорий – космопоіа. Показано, что с течением времени введенный Аристотелем термин претерпел семантическую эволюцию, которая прошла следующие стадии: 1) обозначение созер-

цательной системы представлений о происхождении мира у перипатетиков; 2) обозначение процесса образования Вселенной у стоиков; 3) обозначение особой деятельности демиурга по упорядочению хаотической материи в прекрасный космос. В первые века новой эры все три понимания термина сосуществовали и были своеобразными маркерами эпистемных различий. Апогея процесс достиг в произведениях Филона Александрийского, который начал последовательно использовать этот термин для обозначения создания мира Богом Творцом, описанного в начале книги Бытия, что стало ключевым пунктом в разработке раннехристианской доктрины creatio ex nihilo.

Ключевые слова: происхождение мира, античная космогония, космопея, креационизм

S. Sańko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THE HISTORY OF CONCEPTUALIZATION OF IDEAS ABOUT
THE ORIGIN OF THE WORLD IN THE WORKS OF THE ANCIENT
GREEK PHILOSOPHERS. I. ΚΟΣΜΟΠΟΙΙΑ**

In the first part of the article, the initial stage of conceptualization of ideas about the origin of the world in the works of ancient philosophers is considered. This stage was marked by the emergence of meta-theoretical reflection on the foundations of the first theories of the origin of the whole being, and by Aristotle's invention of a special term for such theories – κοσμοποιία. It is shown that over time, the term introduced by Aristotle underwent a semantic evolution that went through the following stages: 1) designation of the contemplative system of ideas about the origin of the world by peripatetics; 2) designation of the process of formation of the Universe by the stoics; 3) designation of the special activity of the demiurge to transform chaotic matter into a beautiful cosmos. In the first centuries of the new era, all three understandings of the term coexisted and were peculiar markers of epistemic differences. The process reached its apogee in the works of Philo of Alexandria, who began to consistently use this term to designate the creation of the world by God the Creator, described at the beginning of the book Genesis, which became a key point in the development of the early Christian doctrine of creatio ex nihilo.

Keywords: the origin of the world, ancient cosmogony, cosmopeia, creationism

Уяўленні пра паходжанне свету складаюць ядро любой светапогляднай сістэмы – міфалагічнай, рэлігійнай або навуковай. Аднак, як мы паспрабуем паказаць, пад агульную рубрыку «ўяўленні аб паходжанні свету» часта аказваюцца падведзенымі вельмі разнастайныя, калі не супрацьлеглыя, па сваіх метафізічных падставах канцэпцыі. Пры гэтым гаворка ідзе не толькі аб адрозненні тэрміналогіі, якой аддаюць перавагу тыя ці іншыя аўтары, што працуюць у галінах кампаратывунай міфалогіі (у першасным сэнсе слова – навукі аб міфах), рэлігіязнаўства або гісторыі навукі, а аб адрозненні саміх эпістэм, якія фундуюць як эпістэمالогіі (стратэгіі, накіраваныя на эксплікацыю фундуемых эпістэм), так і адпаведныя дыскурсы: міфалагічны, рэлігійны або навуковы.

Між тым ужо ў творах старажытнагрэчаскіх мысліцеляў мы сустракаем характэрную тэрміналагічную разнастайнасць у найменаванні таго, што ў нашы дні прынята называць касмагоніяй. І не толькі таму, што сама тэрміналогія яшчэ не ўсталявалася і антычныя філосафы шукалі найбольш адэкватныя моўныя сродкі для выказвання сваіх ідэй, але і таму, што ідэі першапачаткова

былі адрозныя. Так, у розныя часы, у розных аўтараў і ў розных значэннях ужываліся тры асноўныя тэрміны: *κοσμοποιία*, *κοσμογονία* і *κοσμογένεια/κοσμογενεία*.

Звярнуўшыся да літаратуры, прысвечанай гісторыі канцэпту КАСМАГОНІЯ¹, мы са здзіўленнем выявілі практычную адсутнасць цікавасці не толькі да самога факта тэрміналагічнай разнастайнасці, але і да адрозненняў яўных ці няяўных анталогій, якія ляжаць у яе аснове. Рэдкі выпадак, калі сучасны аўтар задаўся пытаннем аб адрозненні сэнсу тэрмінаў *касмагонія* і *касмагенія*, мы знайшлі толькі ў кнізе В.-Б. Дрэса «Па той бок Вялікага выбуху: квантавая касмалогія і Бог» [1, р. 272].

Аднак нават у гісторыі навукі Новага часу тэрмін «касмагонія» зацвярджаўся вельмі павольна па меры адваявання пазіцый у крэацыянісцкай дактрыны, асабліва пасля з'яўлення касмаганічнай сістэмы Канта–Лапласа.

Таму для развязання тэрміналагічных непаразуменняў лічым карысным звярнуцца да сведчанняў антычных аўтараў, тым больш што тэрміны, якія нас тут цікавяць, нарадзіліся на грэчаскай глебе, развіліся на лацінскай і былі так ці інакш адаптаваныя на глебе пазнейшых еўрапейскіх культур.

Увядзенне адмысловых тэрмінаў для абазначэння кагерэнтнага комплексу ўяўленняў пра паходжанне свету адзначыла эпахальны зрух у развіцці старажытнай элінскай думкі – з'яўленне метатэарэтычнай рэфлексіі. Нават Платон не меў яшчэ такой патрэбы, калі прапанаваў вуснамі Тымея сваю славетную «найбольш імаверную» тэорыю касмічнага дэміурга ў форме «праўдападобнага міфа» (*εἰκότα μῦθον*). Тое, пра што быў аповед Тымея, характарызавалася Платонам словазлучэннем *κόσμον γένεσις* 'паходжанне (Су)свету'.

Наколькі дазваляюць судзіць дайшоўшыя да нас пісьмовыя крыніцы, першым, хто даў кампаратыўнае апісанне розных тэорый паходжання свету, быў Арыстотэль (384 да н. э. – 322 да н. э.), які, імаверна, першы і прапанаваў спецыяльны тэрмін для іх абазначэння – *κοσμοποιία* 'касмапея', утвораны складаннем слоў *κόσμος* 'парадак, свет, светалад' і асновы дзеяслова *ποιέω* 'вырабляць, ствараць; сачыняць; меркаваць'. Слова пабудаванае на ўзор былога ўжо ва ўжытку, прынамсі, з часоў Герадота слова *ἐποποιία* 'эпічная паэзія', 'эпапея'. Таксама Арыстотэль некалькі разоў ужывае, магчыма, ім самім утвораны дзеяслоў *κοσμοποιέω*, які слоўнікі згодна тлумачаць як 'θεωρεῖν περὶ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως' – 'тэарэтызаваць пра паходжанне светаладу' [2, р. 406], 'развіваць сістэму або тэорыю Сусвету' [3, р. 984], 'будаваць тэорыю светаладу', 'выводзіць Сусвет' [4, с. 973].

У заключнай 14-й кнізе «Метафізікі» чытаем (Arist. *Met.* 1091a 18–20) [5, р. 303]:

ἀλλ' ἐπειδὴ **κοσμοποιοῦσι** καὶ φυσικῶς
βούλονται λέγειν, δίκαιον αὐτοὺς ἐξετάζειν
τι περὶ φύσεως...

Але паколькі яны² **распрацоўваюць тэорыю светаладу** і імкнуцца выказвацца як прыродазнаўцы, то слушна было б разгледзець іх вучэнне пра прыроду...

¹ Для адрознівання *імён* канцэптаў ад *слоў*, якія іх выражаюць, мы будзем для першых выкарыстоўваць малыя капіталы, тады як другія будуць вылучацца курсівам.

² Гаворка ідзе пра піфагарэйцаў.

Таксама, палемізуючы з прыхільнікамі тэорыі аб узнікненні светаладу ў выніку хаатычнага сутыкнення першасных элементаў і яўна аддаючы ў гэтым пытанні перавагу Анаксагору, Арыстотэль заўважае ў сачыненні «Пра неба» (Arist. *De Caelo* 301a 13) [6, р. 300b]:

καίτοι οὐδὲν ὥς ἔτυχε γίγνεται τῶν κατὰ φύσιν. Ἔοικε δὲ τοῦτό γε αὐτὸ καλῶς Ἀναξαγόρας λαβεῖν· ἐξ ἀκινήτων γὰρ ἄρχεται **κοσμοποιεῖν**.

Аднак нішто з таго, што існуе натуральным чынам, не ўзнікае выпадкова. Відаць, найлепей гэта ўцяміў Анаксагор, бо ён распачынае **будаваць сістэму светаладу** з існасцей нерухомых.

У самым агульным сэнсе, без прывязкі да вучэнняў канкрэтных філосафаў, старажытнагрэчаскі мысліцель ужывае гэты дзеяслоў у 8-й кнізе «Фізікі» (Arist. *Phys.* 250b 15–18) [7]:

εἶναι μὲν οὖν κίνησιν πάντες φασὶν οἱ περὶ φύσεως τι λέγοντες διὰ τὸ **κοσμοποιεῖν** καὶ περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς εἶναι τὴν θεωρίαν πᾶσαν αὐτοῖς, ἣν ἀδύνατον ὑπάρχειν μὴ κινήσεως οὐσης·

Што рух сапраўды існуе, кажуць усе, хто разважае пра прыроду, таму што ўсе яны **распрацоўваюць сістэму будовы свету** і тэрыю ўзнікнення і знішчэння, а гэта было б немагчыма, калі з самага пачатку дапускаць неіснаванне руху.

Для характарыстыкі поглядаў Анаксагора Арыстотэль ў 1-й кнізе «Метафізікі» выкарыстоўвае і назоўнік *ἡ κοσμοποιῖα* (Arist. *Met.* 985a 18–19) [5, р. 12]:

Ἀναξαγόρας τε γὰρ μηχανῇ χρῆται τῷ νῶ **πρὸς τὴν κοσμοποιῖαν**

Анаксагор жа карыстаецца розумам як прынцыпам пры **распрацоўцы тэорыі светаладу**

У 2-й кнізе «Фізікі» Арыстотэль называе *касмапейя* сачыненне Эмпедокла (Arist. *Phys.* 196a 22) [7]:

...Ἐμπειδοκλῆς οὐκ αἰεὶ τὸν ἀέρα ἀνωτάτω ἀποκρίνεσθαί φησιν, ἀλλ' ὅπως ἂν τύχη. Λέγει γοῦν **ἐν τῇ κοσμοποιίᾳ** ὥς “οὕτω συνέκυρσε θεὸν τότε, πολλάκι δ' ἄλλως” καὶ τὰ μόρια τῶν ζώων ἀπὸ τύχης γενέσθαι τὰ πλεῖστά φησιν.

...Эмпедокл кажа, што паветра не заўсёды вылучаецца ўгару, а хутчэй па збегу абставін, бо сапраўды ён піша **ў касмапейі**: «Гэтак часам здаралася рухацца яму, а часта іначай», ды й часткі жывёлін, кажа ён, узнікаюць часцей за ўсё выпадкова.

З іншых крыніц вядома, што паэма Эмпедокла мела назву «Аб прыродзе» («Περὶ φύσεως»), так што ў нас ёсць усе падставы інтэрпрэтаваць словы Арыстотэля *ἐν τῇ κοσμοποιίᾳ* не як «у сачыненні пад назвай Касмапейя», а менавіта як «у сачыненні, у якім трактуецца паходжанне светабудовы». Тым не менш у класічнай філалогіі трывае тэндэнцыя разумець гэтае месца як спасылку на твор з адпаведнай назвай. Так у прыватнасці трактуюць яго ўкладальнікі класічнага «Грэка-англійскага лексікона»: **κοσμοποιῖα, ἡ creation...** 2. title of a work by Empedocles, Arist. *Phys.* 196a22 [3, р. 984]. Перакладчык «Фізікі» на рускую

мову У. П. Карпаў падае гэтае месца як «в своей Космогонии» [8, с. 91]. Выводна, для такіх трактовак няма падстаў.

Такім чынам, можна сцвярджаць, што працамі Арыстотэля пачынаецца традыцыя метатэарэтычнай рэфлексіі асноў тэорый паходжання і будовы Сусвету. Уведзены старажытнагрэчаскім філосафам тэрмін пачаткова належаў метамове.

Аднак можна дапускаць і пэўныя іранічныя канатацыі ў арыстотэлеўскім тэрміне, якія надаюцца, напрыклад, рускаму слову *сочинительство*, і тлумачыць, прынамсі, у шэрагу выпадкаў слова *κοσμοποιία* як «касматворства». І. Ньютан у сваім канспекце пачатку 1680-х гадоў кнігі лідара англійскіх платаністаў Ральфа Кэдварта «Сапраўдная інтэлектуальная сістэма Сусвету, у якой абвяргаюцца ўсе довады і філасофія атэізму» зрабіў цікавую выпіску: «Aristotle affirms that all before him did κοσμοποιεω, that is all but a very few not worth naming p 250» – «Арыстотэль сцвярджае, што ўсе (філосафы) да яго займаліся κοσμοποιεω, гэта значыць, што ўсе яны, за вельмі малым выключэннем, не вартыя згадкі»¹. Магчыма, гэтая выпіска звязаная з вядомым афарызмам Ньютана ў яго «Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica» (1687 г.): «hypotheses non fingo» – «гіпотэз не штукую».

Але далейшы лёс тэрміна *касмапея* аказаўся зусім нечаканым.

У нас няма дакументаваных сведчанняў аб яго выкарыстанні перыпатэтыкамі аж да позніх прадстаўнікоў школы (найперш Аляксандра Афрадысійскага (канец II – пачатак III ст. н. э.)) і каментатара-неаплатоніка Сімплікія (каля 490 г. – 560 г.).

Аднак тэрмін, нібыта, зафіксаваны ў стоікаў. Прынамсі, сярод фрагментаў, ацалелых ад шматлікіх сачыненняў Хрысіпа (каля 279 да н. э. – каля 206 да н. э.), трэцяга схаларха Стоі, сустракаецца арыстотэлеўскі дзеяслоў *κοσμοποιέω* [9, р. 112]:

...τὸ δὲ αὐτὸ ἀρχὰς τῶν πάντων λέγοντας εἶναι
ὑλὴν τε καὶ θεόν, ὃν τὸν μὲν ποιοῦντα εἶναι
τὴν δὲ πάσχουσαν, μεμῆχθαι τῇ ὑλὴ λέγειν
τὸν θεόν, διὰ πάσης αὐτῆς διήκοντα καὶ
σηματίζοντα αὐτήν, καὶ μορφοῦντα καὶ
κοσμοποιοῦντα τοῦτω τῷ τρόπῳ.

...Яны сцвярджаюць, што існуюць два пачаткі ўсяго – матэрыя і бог, з якіх адзін – той, што дзейнічае, а другі – які церпіць уздзеянне, і што, як яны кажуць, бог змяшаны з матэрыяй, працінаючы ўсю яе і гэтым самым надаючы ёй абрысы, фарміруючы і такім чынам **прыводзячы ў парадак**.

Гэты фрагмент захаваўся ў трактаце «Аб змешванні і росце» («Περὶ κράσεως καὶ αὐξήσεως») перыпатэтыка Аляксандра Афрадысійскага, вядомага сваімі арыгінальнымі і глыбокімі каментарыямі Арыстотэля. Аднак у нас няма ўпэўненасці ў тым, ці літаральна цытуе Аляксандр гэты ўрывак з Хрысіпа або пе-

¹ Рукапіс у 2013 г. быў апублікаваны Мемарыяльнай бібліятэкай У.-Э. Кларка ў Лос-Анджэлесе: Newton I. Out of Cudworth [Электронны рэсурс]. – URL : <http://www.newtonproject.sussex.ac.uk/view/texts/normalized/THEM00118> (дата звароту 28.01.2019).

раказвае яго змест, магчыма, карыстаючыся пры гэтым лексікай, якая была ва ўжытку ўжо ў яго час.

Пра Хрысіпа мы ведаем, па-першае, што ён разыйшоўся па шэрагу прынцыповых пытанняў са сваім настаўнікам Клеантам (каля 330 да н. э. – каля 230 да н. э.), другім пасля Зенона схалархам Ранняяй Стоі, і, па-другое, перад тым, як пасля смерці Клеанта ўзначаліць школу, быў слухачом Акадэміі ў Аркесілая і Лакіда. У платонікаў Хрысіп і мог засвоіць ідэю аб уладкавальнай ролі дэміурга, які парадкуе тое, што Платон называў «успрыймальніцай» (*ὕποδοχή*), а Арыстотэль – матэрыяй (*ἔλη*) [10].

Пэўную яснасць у гэтае пытанне можа ўнесці ўрывак з 15-й кнігі «Геаграфіі» Страбона (каля 64/63 да н. э. – каля 23/24 н. э.), у якой ён пераказвае звесткі Мегасфена (III ст. да н. э.) пра Індыю. Страбон піша, што, па словах Мегасфена (Strab. 15.1.59) [11, р. 102],

ὅτι γὰρ γενητός ὁ κόσμος καὶ φθαρτός λέγειν κάκεινους, καὶ ὅτι σφαιροειδής ὁ τε διοικῶν αὐτὸν καὶ ποιῶν θεὸς δι' ὅλου διαπεφοίτηκεν αὐτοῦ: ἀρχαὶ δὲ τῶν μὲν συμπάντων ἕτεραί, τῆς δὲ **κοσμοποιίας** τὸ ὅδωρ: πρὸς δὲ τοῖς τέτταρσι στοιχείοις πέμπτη τις ἐστὶ φύσις, ἐξ ἧς ὁ οὐρανὸς καὶ τὰ ἄστροι: γῆ δ' ἐν μέσῳ ἵδρυται τοῦ παντός: καὶ περὶ σπέρματος δὲ καὶ ψυχῆς ὁμοία λέγεται καὶ ἄλλα πλείω: παραπλέκουσι δὲ καὶ μύθους, ὥσπερ καὶ Πλάτων περὶ τε ἀφθαρσίας ψυχῆς καὶ τῶν καθ' ἅδου κρίσεων καὶ ἄλλα τοιαῦτα. περὶ μὲν τῶν Βραχμάνων ταῦτα λέγει.

(брахманы) сцвярджаюць, як і згаданыя (грэкі), быццам космас узніклы, а потым падлеглы знішчэнню; і што ён куляпадобны; і што бог, які стварыў яго і кіруе ім, распасціраецца праз усё сусветнае цэлае; і што пачаткі ўсіх рэчаў розныя, што вада ёсць пачаткам **утварэння сусвету**, што апроч чатырох элементаў існуе пятая субстанцыя, з якой складаюцца неба і зоркі; што зямля размяшчаецца ў асяродку ўсяго; таксама кажуць пра апладняльны пачатак і пра душу, і пра шмат што яшчэ; і, на манер Платона, прыплятаюць да гэтага міфы пра незнішчальнасць душы і пра суд у Аідзе і пра іншае падобнае. Вось што ён [Мегасфен. – С. С.] кажа пра брахманаў.

Зноў жа, нам не вядома, ці блізка да арыгіналу пераказвае Страбон «Індыку» Мегасфена. Гэта наўрад ці, бо самога Мегасфена Страбон уважаў за пісьменніка, не вартага даверу. Выраз *γενητός ... καὶ φθαρτός* – яўна арыстотэлеўскі (параўн. *ἀγέννητος ἢ γενητός καὶ ἀφθαρτός ἢ φθαρτός*, Arist. *De Caelo* 279b 5), у эпоху позняй Антычнасці ўжываны ўжо многімі аўтарамі. Вядома, што адным з настаўнікаў Страбона быў перыпатэтык Ксенарх і што на погляды апошняга найбольшы ўплыў зрабілі стоікі, асабліва творы Палібія (прыкладна 201 да н. э. – прыкладна 120 да н. э.). Гэта ў нейкай ступені вытлумачае і наяўнасць арыстотэлевай тэрміналогіі ў Страбона, і, прынамсі, што датычыць слова *κοσμοποιία*, яго яўна стаічныя канатацыі.

У I ст. н. э. мы назіраем цікавую з'яву *ператварэння тэрміна ў канцэпт*.

Гэтую змену ў семантыцы тэрміна мы назіраем, напрыклад, у Плутарха (каля 45 – каля 127), у 8-й кнізе «Маралій» (Plut. *Quaes. Conv.* 719d) [12, р. 310]:

οὐτε τὸν θεὸν ἑτέρῳ τινὶ τρόπῳ **κοσμοποιεῖν** ἢ περατοῦντα τὴν ὕλην ἄπειρον οὖσαν, οὐ μεγέθει καὶ πλήθει, διὰ δ' ἀταξίαν καὶ πλημμέλειαν αὐτῆς τὸ ἀόριστον καὶ ἀπεράτῳτον ἄπειρον εἰωθότων καλεῖν τῶν παλαιῶν.

Бог не іначай **стварае сусветны парадак**, як абмяжоўваючы матэрыю, якая сама па сабе ёсць нечым бязмежным, але не ў стасунку велічыні і колькасці, а дзеля яе нязладнасці і неўпарадкаванасці, за што даўнія філосафы звычайна называлі яе нечым неакрэсленым і неабмежаваным безгранічным.

Вуснамі свайго сына Аўтобула Плутарх дае экспазіцыю тэорыі паходжання Сусвету, развітай у «Тымеі» Платона, і нават выкарыстоўвае словы, якія адсылаюць да платонаўскіх *ἄτακτος* 'нязладны' і *πλημμελῶς* 'неўпарадкавана', але характарыстыка самага працэсу ўтварэння ўладкаванага космасу тут не платонаўская і нават не арыстотэлеўская. У Платона ў тым месцы, які мае на ўвазе Плутарх, гаворка ідзе аб «змяшаным **нараджэнні космасу**, які паўстаў ад спалучэння неабходнасці і розуму» («μεμειγμένη γὰρ οὖν ἡ τοῦδε τοῦ **κόσμου γένεσις** ἐξ ἀνάγκης τε καὶ νοῦ συστάσεως ἐγεννήθη», Plato *Tim.* 48a). А. Ф. Лосеў вельмі слухна адзначыў спецыфічную рысу касмагоніі платонаўскага «Тымея»: «Адно з асноўных разуменняў адносін паміж ідэяй і матэрыяй у Платона ёсць разуменне ў сэнсе параджэння як біялагічнага, так і сацыяльнага. Сама па сабе матэрыя не ёсць нешта і не ёсць існасць. Але затое яна ёсць успрымальніца ідэі і ў гэтым сэнсе «маці» і «гадавальніца» ідэі; ідэі – гэта бацькі, а рэальныя рэчы, якія ўзнікаюць ад гэтага шлюбу, – дзеці (*Tim.* 49a, 50a-d, 51a, 52 d)» [13, р. 236].

Такая ж новая трактоўка дзеяслова *κοσμοποιέω* фіксуецца і ў трактате Псеўда-Плутарха «Сподумы філосафаў» (поўная назва «Περὶ τῶν ἀρεσκόντων φιλοσόφοις φυσικῶν δογμάτων» – «Аб поглядах фізікаў, прыймальных для філосафаў»), якое датуецца сярэдзінай II ст. (Ps. Plut. *Plac.* 877c) [14, р. 272]:

Ἡράκλειτος καὶ Ἴππας ὁ Μεταποντῖνος ἀρχὴν τῶν ὄλων τὸ πῦρ ἐκ πυρὸς γὰρ τὰ πάντα γίνεσθαι καὶ εἰς πῦρ πάντα τελευτᾶν λέγουσι τοῦτου δὲ κατασβεννυμένου **κοσμοποιεῖσθαι** τὰ πάντα.

Геракліт і Гіпас Метапонтыйскі кажуць, што пачаткам усіх рэчаў ёсць агонь, г. зн. што ўсе рэчы ўзнікаюць з агня і ў агні ўсе рэчы канчаюць, і што, пагасваючы, сусвет [зноў] **прыводзіцца ўва ўпарадкаваны стан**.

Як бачна з гэтых прыкладаў, дзеяслоў *κοσμοποιέω* тут стасуецца не да адмысловага кшталту тэарэтычнай творчасці, а да самага працэсу паўстання спарадкаванага космасу. Ізноў жа, улічваючы эклектычны характар філасофіі Плутарха, галоўнымі інгрыдыентамі якой былі платанізм, арыстатэлізм і стаіцызм, і што тым не менш сам Плутарх называў сябе платонікам, мы можам меркаваць, што перанос арыстотэлеўскага тэрміна ў стаічнай інтэрпрэтацыі на касмагонію платонаўскага «Тымея» мог быць зроблены або ім самім, або кімсьці з прадстаўнікоў Сярэдняй Акадэміі.

Такім чынам, да I ст. н. э. уведзены Арыстотэлем тэрмін зазнаў семантычную эвалюцыю ад абазначэння *сузіральнай сістэмы* паходжання і будовы свету

ў перыпатэтыкаў праз абазначэнне *працэсу* ўтварэння Сусвету ў стоікаў да абазначэння адмысловай *дзеінасці дэміурга* па ўпарадкаванні бязладнай матэрыі ў прыгожы космас. Істотна тое, што ў пазначаную эпоху ўсе тры разуменні тэрміна суіснавалі і былі своеасаблівымі маркерамі эпістэмных адрозненняў.

Сінтэзаваць гэтыя тры канкурыруючыя эпістэмы здолеў элінізаваны іудзей Філон Александрыскі (каля 25 г. да н. э. – каля 50 г. н. э. або 20–10-я гг. да н. э. – 40-я гг. н. э.), дастасаваўшы распрацаваныя старажытнагрэчаскімі філолагамі тэхнікі алегарычнага вытлумачэння «варварскіх» тэкстаў (найперш, егіпецкіх) да тэксту Торы. Відавочная інтэнцыя прадпрыемства Філона – паказаць, што ў Святым Пісанні заключаюцца ісціны не менш глыбокія, чым у вучэннях Піфагора, Платона, Арыстотэля, і нават, што крыніцы мудрасці элінаў трэба шукаць менавіта ў Торы, адно трэба навучыцца належным чынам вытлумачаць сімвалічную мову Пісання.

Аднак у гісторыка-філасофскай перспектыве Філон робіць нешта большае, чым проста ператлумачае грэкаў праз Тору, а Тору – у ключы папулярных эліністычных філасофскіх школ. Філон стварае канцэпты ў той меры, у якой сама філасофія можа разумецца як «мастацтва ствараць, вынаходзіць, вырабляць канцэпты» («l'art de former, d'inventer, de fabriquer des concepts») [15, р. 8]. Адным з такіх канцэптаў і стаў у Філона канцэпт КАСМАПЕЯ. Аднак цяпер словам *κοσμοποιία* азначаецца ўводная 1-я глава кнігі Быцця Пяцікніжжа Маісея, дзе апавядаецца пра стварэнне свету Богам Творцам. Ключавым момантам стала ўвядзенне «канцэптуальнага персанажа» («personnage conceptuel») [15, р. 9] – Маісея. Маісей, натуральна, не ствараў канцэпту КАСМАПЕЯ, гэта прадукт творчасці самога Філона. Аднак роля Маісея больш істотная, бо ён – варты даверу сведка спраў Бога, які атрымаў ад самога Бога справаздачу аб тым, што было на самой справе, і перадаў нашчадкам у форме адмысловага алегарычнага аповеду. Уласна гэты праўдзівы аповед Філон і называе *касмапеей*. Пазней хрысціянскія дыядохі Філона ўвядуць цэлую іерархію праўдзівых сведак: апосталаў – як непасрэдных сведак спраўджвання Хрыстом таго, што напісана ў Старым Запавеце, далей – тых, хто чуў усё непасрэдна ад саміх апосталаў, і г. д.

У Платона распрацоўвалася кардынальна адрозная гнасеалогія. Тут канцэптуальны персанаж – не варты даверу сведка, а *дыялектык*, які таксама мае асабовае імя – Сакрат і які мае толькі ўскоснае дачыненне да гістарычнага Сакрата. Сапраўдны сведка ў Платона – гэта неўміручая душа, падлеглая метэмпсіхатычным трансфармацыям. Задача дыялектыка – шляхам слухна сфармуляваных пытанняў узрушыць душу да прыгадвання таго, што яна бачыла ў фазе свайго пазацялеснага існавання. Аднак душа мае здольнасць забывацца на тое, што яна бачыла (успрымала) у гэтай экстракарпаральнай фазе, а таму мае схільнасць, будучы афіцыруемай як вонкавымі рэчамі, так і жаданнямі і жарсцямі цела, надаваць сваім паказанням форму сподуму (*δόξα* 'апінія, уяўленне' – адно з ключавых слоў у гнасеалогіі Платона). Дыялектык па сут-

насіці займаецца супастаўленнем паказанняў душы (душ) на прадмет выяўлення іх кагерэнтнасці і несупярэчлівасці. Паказанні, якія праходзяць такі тэст на кагерэнтнасць, уважаюцца за імаверныя прыпамінанні. Адсюль і платонаўская трактоўка пазнання як прыгадвання (*ἀνάμνησις*). Уся працэдура верыфікацыі нагадвае працу следчага¹, таму для Платона істотную ролю адыгрывае апытанне некалькіх сведкаў (душ) у часе непрадугятага сумоўя. Гэтую ж працэдуру філосаф здзяйсняе і ў дачыненні сваёй уласнай душы, адкуль трактоўка Платонам мыслення як маўклівага сумоўя душы з самой сабой: *ἐφάνη διάνοια μὲν αὐτῆς πρὸς ἑαυτὴν ψυχῆς διάλογος* – «мысленне выявілася як сумоўе душы з самой сабой» (Plat. *Soph.* 264a); *λόγον ὃν αὐτὴ πρὸς αὐτὴν ἡ ψυχὴ διεξέρχεται περὶ ὧν ἂν σκοπῇ* – «Я называю так [*διανοεῖσθαι* 'мыслиць'. – С. С.] тое, як душа разважае сама з сабой аб тым, што яна назірае» (Plat. *Theaet.* 189e–190a).

Але істотна, што ў дачыненні да ключавога пытання аб паходжанні Сусвету душа не можа быць сведкай, бо, паводле «Тымея», сама была сфармавана дэміургам на ранній фазе касмагенезісу. Таму не спрацуе і працэдура супастаўлення сподумаў сумоўцаў. Яе месца ў «Тымеі» займае высоўванне *εἰκότα μῦθον* «праўдзівага міфа» (Plat. *Tim.* 29d), якім падмацоўваюцца дзве анталагічныя гіпотэзы: аб існаванні дэміурга і аб існаванні «трэцяга роду», разумеатага канцэптуальным персанажам Тымеям як прастора (*χώρα*), а пазнейшымі інтэрпрэтатарамі атаесамленага з матэрыяй. Існаванне першага не можа быць абгрунтавана дыскурсіўна², а толькі кагерэнтнасцю сподумаў у кампазіцыі «праўдападобнага міфа», якая гарантуецца згодай з «праўдзівым сказаннем» (*ἀλλήθινός λόγος*), а не «выдуманым міфам» (*μὴ πλασθέντα μῦθον*), пра ідэальную дзяржаву, якое Крытый хлапчуком чуў ад дзеда і прыгадаў у дэталях удзельнікам сумоўя. Існаванне прасторы таксама атрымліваецца шляхам «незаконна-народжанай высновы» (*λογισμός νόθος*) і здаецца амаль неверагодным (*μόλις πιστόν*), але таксама мае апраўданне ў кагерэнтнасці дыскурсу ў асадах платонаўскай эпістэмы.

Філон істотна спрашчае і платонаўскую эпістэму, і яго гнасеалогію. Паколькі ў культуры, заснаванай на Пісанні, для вуснага слова не застаецца месца, ніякае прыгадванне ў сумоўі болей не мае ніякага гнасеалагічнага значэння, а дыялектыка як мастацтва весці гутарку дзеля стварэння ўмоў для анамнесу саступае месца алегарычнай герменеўтыцы тэксту Пісання. Замест платонаўскіх анаматэта (*ὀνοματοθέτης*) і этымолага на авансцэну выступаюць крыптолаг і тлумач. Аднак, відавочна, застаецца ўведзенае Платонам патрабаванне згоды паміж сацыяльным і прыродным космасамі.

¹ Платон у дадзеным кантэксце ўжывае слова *ζητητής*, якое азначае 'шукальнік, даследнік, вышукоўца, следчы' (Plat. *Rep.* 618c; *Charm.* 175e), а комплекс прадпрынятых дзэтэтаў захадаў называе *ζήτημα* 'пошук, даследаванне, вышук' (Plat. *Leg.* 631a, 891c; *Crat.* 421a; *Soph.* 221c і інш.).

² *τὸν μὲν οὖν ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς εὐρεῖν τε ἔργον καὶ εὐρόντα εἰς πάντα ἀδύνατον λέγειν* – «Але ж, адшукаць аўтара і бацьку ўсяго існага – справа нялёгка, ды й, адшукаўшы, немагчыма было б распавесці аб гэтым усім» (Plat. *Tim.* 28c).

Сваю екззгетыку «Торы» Філон Александрийскі пачынае трактатам «Аб касмапеі паводле Маісея» («Περὶ τῆς κατὰ Μωϋσέα κοσμοποιίας») і ў ім фармулюе свае разуменне месца аповеду пра стварэнне свету ва ўсім корпусе вучэння Маісея (Phil. *De opific. mundi* I.3) [16, р. 6]:

ἡ δ' ἀρχή, καθάπερ ἔφην, ἐστὶ θαυμασιωτάτη, **κοσμοποιίαν** περιέχουσα, ὥς καὶ τοῦ κόσμου τῷ νόμῳ καὶ τοῦ νόμου τῷ κόσμῳ συνάδοντος καὶ τοῦ νομίμου ἀνδρὸς εὐθὺς ὄντος κοσμοπολίτου πρὸς τὸ βούλημα τῆς φύσεως τὰς πράξεις ἀπευθύνοντος, καθ' ἣν καὶ ὁ σύμπας κόσμος διοικεῖται.

Пачатак¹ жа, як я сказаў, проста ўразлівы, бо ўтрымлівае **апавед пра стварэнне светаладу**, у якім Сусвет узгадняецца з законам і закон узгадняецца з Сусветам, так што і чалавек справядлівы, будучы грамадзянінам свету, сцудносіць сваю дзейнасць з прыродай, на якой грунтуецца ўвесь Сусвет.

Слова *κοσμοποιία* ў гэтым трактаце ўжываецца Філонам 5 разоў (I.3; I.4; I.6; XLIV.129; LXI.170), калі не лічыць назву. Адноўчы Бог называецца *κοσμοποιός* «Творца светаладу» (II.7). Адзін раз творчая патэнцыя Бога характарызуецца (імаверна, уведзеным самім Філонам) тэрмінам *κοσμοποιητική*, які можна разумець як «майстэрства стварэння светаладу» (V.21). Адзін раз Філон ужывае дзеепрыметнік *κοσμοποιοῦντος* «ствараючы светалад» (VI.24).

Асабліваю цікавасць уяўляе заключны раздзел трактата (LXI.170–172), у якім Філон сцісла рэзюмуе значэнне маісеевай касмапеі для экззгетыкі і апалагетыкі [16, р. 134–136]:

διὰ δὲ τῆς λεχθείσης **κοσμοποιίας** πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα ἡμᾶς ἀναδιδάσκει, πέντε δὲ τὰ κάλλιστα καὶ πάντων ἄριστα· πρῶτον μὲν ὅτι ἔστι τὸ θεῖον καὶ ὑπάρχει, διὰ τοὺς ἀθеоус, ὧν οἱ μὲν ἐνεδοίασαν ἐπαμφοτερίσαντες περὶ τῆς ὑπάρξεως αὐτοῦ, οἱ δὲ толμηρότεροι καὶ κατεθρασύναντο φάμενοι μὴδ' ὅλως εἶναι, λέγεσθαι δ' αὐτὸ μόνον πρὸς ἀνθρώπων πλάσμασι μυθικοῖς ἐπισκιάσαντων τὴν ἀλήθειαν (171) δεύτερον δ' ὅτι θεὸς εἷς ἐστι, διὰ τοὺς εἰσηγητὰς τῆς πολυθέου δόξης, οἱ οὐκ ἐρυθριῶσι τὴν φαυλοτάτην τῶν κακοπολιτεῶν ὀχλοκρατίαν ἀπὸ γῆς εἰς οὐρανὸν μετοικίζοντες· τρίτον δ' ὥς ἡδη λέλεκται ὅτι γενητὸς ὁ κόσμος, διὰ τοὺς οἰομένους αὐτὸν ἀγένητον καὶ αἰδιδίον εἶναι, οἱ πλέον οὐδὲν ἀπονέμουσι θεῷ· τέταρτον δ' ὅτι καὶ εἷς ἐστὶν ὁ κόσμος, ἐπειδὴ καὶ εἷς ὁ δημιουργὸς <ὁ> ἐξομοιώσας αὐτῷ κατὰ τὴν μόνωσιν τὸ ἔργον, ὃς ἀπάσῃ κατεχρήσατο τῇ ὕλῃ εἰς τὴν τοῦ ὅλου γένεσιν· ὅλον γὰρ οὐκ ἂν ἦν, εἰ μὴ ἐξ ὅλων

Вышэйвыкладзеным **аповедам аб стварэнні светаладу** ён [Маісей. – С. С.] вучыць нас і многаму іншаму, але пяць (ісцін) – найпрыгажэйшыя і найлепшыя з усіх. Па-першае, што боскі пачатак ёсць і валадарыць спрадвеку, насуперак (сподумам) бязбожнікаў, з якіх адныя вагаюцца, не прымаючы пэўнай пазіцыі ў пытанні пра яго існаванне, а больш дзёрзкія наважваюцца сцвярджаць, што яго наогул няма і што ён быў прыдуманымі людзьмі, каб схаваць ісціну прыдуманымі байкамі. Па-другое, што Бог адзін, насуперак тым, што прасоўваюць мнагабожжа і не саромяцца пераносіць заганную ахлакратыю кепскіх дзяржаў з зямлі на неба. Па-трэцяе, што, як было сказана, свет узніклы, насуперак (сподумам) тых, хто думае, што ён не ўзніклы і існуе вечна, не пакідаючы Богу больш нічога. Па-чацвертае, што і космас адзін, бо адзін майстар, які (гэтай) адзінкавасцю

¹ Тут гаворка ідзе пра пачатак 1-й главы кнігі Быцця.

ἐπάγη καὶ συνέστη τῶν μερῶν· εἰσὶ γὰρ οἱ πλείους ὑπολαμβάνοντες εἶναι κόσμους, οἱ δὲ καὶ ἀπείρους, ἅπειροι καὶ ἀνεπιστήμονες αὐτοὶ πρὸς ἀλήθειαν ὄντες ὧν καλὸν ἐπιστήμην ἔχειν· πέμπτον δ' ὅτι καὶ προνοεῖ τοῦ κόσμου ὁ θεός· ἐπιμελεῖσθαι γὰρ αἰεὶ τὸ πεποιηκὸς (172) τοῦ γενομένου φύσεως νόμοις καὶ θεσμοῖς ἀναγκαῖον, καθ' οὓς καὶ γονεῖς τέκνων προμηθοῦνται.

прыпадобніў свой твор сабе самому і ўскарыстаўся ўсёй матэрыяй дзеля спараджэння цэлага, а цэлага не было б, калі б яно не склалася і не з'ядналася з усіх частак. Ёсць жа і тыя, што дапускаюць існаванне шматлікіх космасаў, і тыя, што (дапускаюць існаванне) незлічоных (космасаў), самі недасведчаныя і неабазнананы ў ісцінах, адносна якіх трэба мець надзейныя веды. Па-пятае, што Бог апякуецца космасам, бо той, хто стварыў, заўсёды рупіцца пра ўзніклае дзеля неадменнасці натуральных законаў і правіл, у сілу якіх бацькі апякуюцца дзецьмі.

Аналіз кантэкстаў ужывання слова *κοσμοποιία* ў разгледаным трактате Філона паказвае, што яно найперш стасуецца да наэтычнага, а не дэміургічнага плану стварэння. Бог стварае светалад (*κόσμου ποιεῖ*) як сумысны (інтэлегібельны) космас (*τὸν νοητὸν κόσμον*): οὐδὲν ἄν ἕτερον εἶποι τὸν νοητὸν κόσμον εἶναι ἢ θεοῦ λόγον ἥδη κοσμοποιοῦντος – «можна сказаць, што сумысны космас ёсць нічым іншым, як словам Бога, ужо занятага стварэннем светаладу» (VI.24). Паўстанне пачуццёвага космасу (*αἰσθητός κόσμος* у Платона) характарызуецца як вывадзенне да быцця (*γένεσις*) і разумеецца яшчэ ў цэлым блізка да Платона як абрабленне наяўнай матэрыі: ἀπάση κατεχρήσατο τῇ ὕλῃ εἰς τὴν τοῦ ὅλου γένεσιν – «ускарыстаўся ўсёй матэрыяй дзеля **спараджэння** цэлага» (LXI.171); Ἐπιλογιζόμενος δὲ τὴν **κοσμοποιίαν** κεφαλαιώδει τύπῳ φησίν· “Αὕτη ἡ βίβλος **γενέσεως** οὐρανοῦ καὶ γῆς ὅτε **ἐγένετο**, ἣ ἡμέρᾳ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, καὶ πᾶν χλωρὸν ἄγροῦ πρὸ τοῦ **γενέσθαι** ἐπὶ τῆς γῆς καὶ πάντα χόρτον ἄγροῦ πρὸ τοῦ ἀνατεῖλαι” (*Gen.* 2, 4. 5). – «Завяршаючы ж **аповед пра стварэнне свету** нібы падзагалоўкам, (Маісей) кажа: “Гэта кніга **паходжання** неба і зямлі, калі яны **пачалі існаваць**, у той дзень, калі бог стварыў неба і зямлю і ўсякую палявую зёлку да таго, як яна **з’явілася** на зямлі, і ўсякую палявую траву да таго, як яна стала расці” (*Gen.* 2, 4. 5)» (XLIV.129). У апошнім урыўку гэты момант бачны вельмі добра: Бог стварае нешта да таго, як гэтае нешта ўзнікае ў пачуццёвым космасе.

Непрасветленасць пазіцыі Філона ў дачыненні да матэрыі стане прадметам вострых дыскусій у пазнейшых раннехрысціянскіх аўтараў, пакуль не аформіцца канчаткова ў канцэпце *creatio ex nihilo*. Аднак зробленая Філонам трансфармацыя эпістэмічнай перспектывы мела, безумоўна, далёкасяжныя наступствы.

Раней мы адзначылі, што ў сярэдніх платонікаў ужо магла нарадзіцца тэндэнцыя азначаць дадэміургічную фазу космагенезу арыстотэлеўскім тэрмінам *κοσμοποιία*. Ёсць падставы меркаваць, што на яго ўжыванне Плутархам мог паўплываць і эпістэмічны пераварот, зроблены Філонам Александрыйскім. Гэтыя пытанні застаюцца ўсе яшчэ дыскусійнымі (гл., напрыклад, [17, р. 143]).

Скарачэнні, выкарыстаныя ў артыкуле

Arist. <i>Met.</i> – Aristotelis <i>Metaphysica</i>	Plat. <i>Rep.</i> – Platonis <i>De republica</i>
Arist. <i>De Caelo</i> – Aristotelis <i>De Caelo</i>	Plat. <i>Soph.</i> – Platonis <i>Sophistes</i>
Arist. <i>Phys.</i> – Aristotelis <i>Physica</i>	Plat. <i>Theaet.</i> – Platonis <i>Teaetetus</i>
<i>Gen.</i> – <i>Genesis</i>	Plat. <i>Tim.</i> – Platonis <i>Timaeus</i>
Phil. <i>De opific. mundi</i> – Philonis <i>De opificio mundi</i>	Plut. <i>Quaes. Conv.</i> – Plutarchi <i>Quaestiones Convivales</i>
Plat. <i>Charm.</i> – Platonis <i>Charmides</i>	Ps. Plut. <i>Plac.</i> – Pseudo-Plutarchi <i>Placita</i>
Plat. <i>Crat.</i> – Platonis <i>Cratylus</i>	<i>Philosophorum</i>
Plat. <i>Leg.</i> – Plat. <i>Leges</i>	Strab. – Strabo

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Drees, W. B. Beyond the Big Bang: Quantum Cosmologies and God / Willem B. Drees. – La Salle, Ill. : Open Court, 1990. – XV, 323 p.
2. Index Aristotelicus / ed. Hermannus Bonitz. – Berolini : Typis et impensis Georgii Reimeri, 1870. – VIII, 878 p.
3. A Greek-English Lexicon / compiled by H. G. Liddell, R. Scott ; revised and augmented throughout by H. S. Jones. – With a revised suppl. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – XLV, XXXI, 2042, 319 (Suppl.) p.
4. Древнегреческо-русский словарь: с приложением грамматики, составленной С. И. Соболевским : в 2 т. / И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд. иностран. и нац. словарей, 1958. – Т. 1 : А – Λ. – 1043 с.
5. Aristotelis *Metaphysica* / [Aristoteles] ; recognovit brevique adnotatione critica instruit W. Jaeger. – Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1957. – XXII, 312 p. – (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).
6. Aristotelis *De caelo libri quattuor* / [Aristoteles] ; recognovit brevique adnotatione critica instruit D. J. Allan. – Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 2005. – XII, [68] p. – (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).
7. Aristotelis *Physica* / [Aristoteles] ; recognovit brevique adnotatione critica instruit W. D. Ross. – Oxonii : E Typographeo Clarendoniano, 1950. – 240 p. (sine paginatio). – (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).
8. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1981. – Т. 3 / ред., вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанского. – 613 с.
9. Stoicorum veterum fragmenta / Collegit Ioannes ab Arnim. – Stutgardiae : In aedibus B. G. Teubneri, 1964. – Vol. 2 : Chrysippi fragmenta: logica et physica. – VI, 348 p.
10. Бородай, Т. Ю. О двух трактовках материи в античном платонизме / Т. Ю. Бородай // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев [и др.]. – М. : Наука, 1988. – С. 112–132.
11. Strabo. The Geography of Strabo : in 8 vols. / Strabo ; with an english translation by Horace Leonard Jones. – London ; New York : William Heinemann Ltd. : G. P. Putnam's Sons, 1930. – Vol. 7. – 380, 8 p.
12. Plutarchi *Chaeronensis Moralia* / [Plutarchus Chaeronensis] ; recognovit Gregorios N. Bernardakis. – Lipsiae [Leipzig] : In aedibus B. G. Teubneri, 1892. – Vol. 4. – LVIII, 474 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; Харьков : Фолио, 2000. – 846 с.

14. Plutarchi Chaeronensis Moralia / [Plutarchus Chaeronensis] ; recognovit Gregorios N. Bernardakis. – Lipsiae [Leipzig] : In aedibus B. G. Teubneri, 1893. – Vol. V. – VIII, 500 p. – (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).

15. Deleuze, G. Qu'est-ce que la philosophie? / Gilles Deleuze, Pierre Félix Guattari. – Paris : Éditions de Minuit, 2005. – 219 p.

16. Philo in 10 vol. (and 2 suppl. vol.) / [Philo] ; with an english translation by F. H. Colson, G. H. Whitaker. – Cambridge, MA : Harvard Univ. Press ; London : William Heinemann Ltd., 1981. – Vol. 1. – XXXIV, 484 p.

17. Runia, D. T. Philo of Alexandria and The «Timaeus» of Plato / David T. Runia. – Leiden : E. J. Brill, 1986. – XIV, 617 p. – (Philosophia antiqua : A series of monographs on ancient philosophy ; vol. 44).

M. Chandrankunnel

Ecumenical Christian Centre, Whitefield, Bangalore

THE SCIENCE AND PHILOSOPHY OF HOLISM¹

Science and technology evolved basing on the belief in the sacred and its inscription of a pattern into nature, which gradually lost because of a reductionist approach leading to the secularization of the culture and the society. Thus, humanity is facing a crisis in the culture leading to meaninglessness and hopelessness. Hence, it is very important to look for the holistic account of humanity, a transcendent reality that can only give meaning and hope. Thus, science and technology need the sacred in order to compliment and realize its fullness.

Keywords: *philosophy of holism, science, technology, quantum mechanics, transcendent reality*

М. Чандранкуннел

Экуменистический христианский центр, Уайтфилд, Бангалор

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ ХОЛИЗМА

Наука и технология развивались, основываясь на вере в сакральное и его проявление в природе, которая постепенно была утрачена по причине редуccionистского подхода, ведущего к секуляризации культуры и общества. Таким образом, человечество столкнулось с кризисом в культуре, ведущим к бессмысленности и безнадёжности. Поэтому очень важен поиск целостного взгляда на человечество и трансцендентной реальности, которая только и может дать смысл и надежду. Наука и технология нуждаются в сакральном для своего завершения и осознания своей полноты

Ключевые слова: *философия холизма, наука, технология, квантовая механика, трансцендентная реальность*

Quite far away from the European Continent, how come I heard about this Philosopher of Science and social thinker, Dimitri Ivanovich Shirokanov, who have contributed heavily for the philosophical thinking in the second half of the twentieth century in Belarus is quite amazing. It is in through my friendship with Francois Pris whom I came into contact when he was doing research in Dortmund, Germany. As we both comes from the Physics and Philosophy background, we entered into interaction and collaborative work and even to publishing some articles together. So my interactions

¹ This article is a summation of the themes articulated in the book: Chandrankunnel M. Philosophy of Quantum Mechanics, Quantum Holism to Cosmic Holism: The Physics and Metaphysics of Bohm. New Delhi : Global Vision Publishing House, 2008. XIX, 405 p.

with Francois enabled me to know more about Belarus and its philosophical and scientific thinking. Philosopher and critique of science and the categories of thinking Academician Shirokanov became our latest connecting force and I found he was instrumental in giving foundations to Belarusian Philosophical school and how evolved new categories of thinking integrating the ancient and the contemporary. I think new ideas will evolve by fusing the ancient wisdom with the modern scientific thinking. One important aspect of this is the holistic thinking which I want to elaborate from the perspectives of the ancient wisdom which is known as natural philosophy and the contemporary scientific knowledge, especially quantum mechanics. I found no other person than Academician Shirokanov who has paved a new path in evolving this integration process and I pay tribute to this intellectual giant for his contributions and widening the horizon of our knowledge paths. I take this opportunity to thank my friend and collaborator Francois Pris for this wonderful opportunity of connecting with the august tradition of Belarusian thinking and culture with my own Indian and Eastern cultural heritage. In Bangalore, from where I hail from there is a Minsk Square as a symbol of the cultural exchange between our nations and I hope and pray that this connection will be further strengthened through bilateral exchanges. Thus, I am extremely happy to be here in Minsk and greetings from Bangalore, a sister city of ancient wisdom and symbol of technological development. So thanking Pris and paying tributes to Shirokanov, let me elucidate the way of integrating the ancient wisdom and quantum mechanical conclusions of holism, in promoting holistic way of thinking in the twenty first century.

Usually reductionism was considered as the best means to comprehend the plurality of things and manifoldness of its expressions employed by humanity. Both in the East and the West, thinkers proposed certain building blocks like fire, air, water, earth and space as the constituents of this myriad manifoldness and thus derived a rational explanatory principle. The atomists both in the East and the West brought forth he explanatory theory of atoms to answer the multiplicity they experienced in this universe. Thus Democritus in the ancient Greece and Kanada in the ancient India proposed the atomic theory of indivisible atoms moving in the empty space colliding and structuring sustainable forms. While duality of *Purusha* and *Prakriti* of the *Samkhya* in ancient India and Heraclitus and Parmenides of ancient Greece emphasized the dual aspects of change and permanence as the ultimate principles of this universe. The abstract *apeiron* of Anaximander of ancient Greece paved a mathematical and abstract method of explaining the plurality experienced in this universe. In the Western tradition, Socrates gave a humanistic twist to this materialistic natural description of the universe by introducing knowledge and ethics and the importance of human life while in the Eastern tradition, *Buddha*, *Jina* and other spiritualists negated the materiality and upheld the spiritual transformation of the human person as the ultimate aim and purpose of life. In the West, Plato took the abstract, mathematical interpretation of the universe of his predecessors and refined it into the theory of the world of ideas that is eternal and perfect while the terrestrial

life as a shadow of the life in the World of ideas where everything united with the One, the Good and the Beautiful, *Unum*, *Verum* and *Bonu*, which in Indian categories as *Sathyam*, *Sivam*, *Sundaram*. However, his disciple, Aristotle blended the three different streams of thought, namely the abstract - mathematical, the imaginative – tangible and metaphysical into a single whole, providing a holistic vision. Thus, a fusion of physics and metaphysics is visible in his interpretation of the universe which became the foundation and bulwark of the western theology, philosophy and science.

Aristotelian Organism

Unlike Plato, Aristotle accepted the dual aspects of permanence and the flux of the reality as a fact even in this universe and in this life itself. He did not consider and explain the reality as existing somewhere outside the earth as pertinently described by Rafael's immortal painting where the two masters are debating with the raised forefinger of Plato pointing towards the heavens showing the reality as out there while Aristotle asserting by his palm that the reality as here, down to earth and now. Aristotle, the greatest intellectual of all times, compiled, fused and integrated all the knowledge of his times into a whole. Thus, the Heraclitan flux, the Parmenidean permanence, the Anaximanderian abstraction, the naturalists, five elements and the structural forces and the Eudoxian circles, the common experience of the motion of the sun and the day and night along with the fall of objects were unified into a system of thought known as Aristotelian physics. Thus, the earth became the centre of the universe and sun, moon and other known planets rotating around it in concentric circles depicted as geocentric universe. Thus, the earth got the unique position of the centre of the universe and all planets and even the sun revolving around the earth. Thus, the universe was divided into terrestrial and celestial having different physical rules as well as constituent elements. The fire, air, water and earth were the constituent elements with the structural forces of the polar opposites, namely the wet and dry and the hot and the cold binding the things in the universe below the moon known as terrestrial bodies. The motion of the bodies is based upon its constituent elements. The fire and air have a tendency to go up while the earth and the water have a tendency to go down. If the fire and air elements are more, then the object has a tendency to go up. If a heavy and a light material are dropped simultaneously from the same height, the heavy one will hit the ground first. All the objects in the terrestrial universe have a tendency to come to rest. The celestial world that is above the moon is constituted of ether, a perfect element and hence the heavenly bodies move eternally in circles and they could never undergo change. Thus, Aristotle reconciled the Platonic abstraction of the perfect world of ideas and the naturalistic empiricism of the Pre-Socratic philosophers through his division of the universe into the terrestrial and the celestial and designating different physical laws operating in these diverse levels.

Continuing his explanation of permanence and change in this universe, Aristotle developed four metaphysical principles. Essence- existence, form – matter, substance – accident and act and potency are the metaphysical principles he introduced in order to explain the permanent and changeable features of the universe. Aristotle accepted the reality of these two features and incorporated into the system of thought in explaining the phenomenon of the world. The permanent features are defined by the essence, form, substance and the dimension of time is introduced through the concept of act and potency. The future development of a system is envisaged through the potency and the actuality is defined as its present state. In explaining the polar opposite features of the universe, namely, change and permanence, Aristotle introduced the four causes, namely material, efficient, formal and final causes. Taking the example of a marble block, the material is the marble, the efficient cause is the instruments that are changing the material into a statue according to a plan or the model of the statue is the formal cause. The real instrument of this transformation is the sculptor who is undertaking the construction of the statue. For Aristotle, the most important cause is the final cause that is providing the purpose of the whole process. The fame or the money received by the sculptor for making the statue will be the final cause in this example. Thus, the purpose defines and guides the whole process and gives a meaning to it. Thus, every process in this universe has a purpose and even every human action has a purpose. This concept of purpose gives the holistic outlook to the Aristotelian vision. Every tree grows with this purpose and this purpose gives it an organic development. There is a proportion between the parts and there is an overall guidance to its growth. This organic whole controlling and guiding the parts is very much the foundation of the Aristotelian physics and metaphysics. The whole is more than the parts and an assembly of the parts will not get the whole.

Aristotle observed that his physics was unable to describe the totality of the universe and thus introduced the meta-physics. From the geocentric cosmology of a centre that is static and giving impetus to the motion of the planets, Aristotle proposed a mover that is static and stable yet imparting motion to everything else. Thus, he introduced a metaphysical uncaused cause to complete the system of thought observing that such an explanation is necessary for completion. Aristotle found the insufficiency of physics in giving a complete description of the universe and thus took refuge in going beyond it, anchoring his thoughts in meta-physics and proposing the uncaused cause.

Christian Faith interpreted in terms of Greek Philosophy

In the development of Western thought, the next colourful stage came in the middle ages through the profound fusion of faith and religion with these Greek philosophical investigations. The Jewish religion and its offshoot Christianity penetrated the Greek philosophy and Roman culture during the middle ages. The Jewish concept of God, Yahweh and the Jesus Event together form the core of Christianity. The election

of Abraham and the covenant Yahweh made with him through which he received the promise of becoming the father of a nation whose members are numerous like the stars of heaven and the sands of the seashore. The pact is that Yahweh will be their only God and they will worship no other God than Yahweh. The Old Testament depicts the laxity of the people in worshipping Yahweh and sways over to other Gods and a furious Yahweh fumes and ferrets over this estrangement like a jealous lover and punishes Israel severely, the descendents of Abraham. This Abrahamic covenant was reinforced through the covenant made with Moses and Israel and through various Kings, Judges and Prophets of Israel. The arrival of the Messiah was part of the covenant and when at last he had come Israelites did not recognize and accept him. They rejected and crucified him because their expectations were different. They were awaiting the arrival of a political Messiah, the anointed King for a millennium and could not accept Jesus who come with a spiritual transformation. Through the incarnation, life, crucifixion, death and resurrection of Jesus, Christians consider the advent of the reign of God in history. This Christian salvific mystery was fused with the Roman culture and Greek philosophy paving its way for the European or Western culture. St. Augustine used the Platonic philosophy to interpret the Christian faith rationally while St. Thomas Aquinas used the Aristotelian philosophy. Till the 12th century the Augustinian Platonic idealism influenced the Western Culture while after that the Thomistic system of thought termed as Scholasticism took over the Western Culture. St. Thomas Aquinas identified the uncaused cause and the unmoved mover of Aristotelian metaphysics with God and rationally interpreted the Christian faith. Thus through Scholasticism, Aristotle gave the rational foundation to the Western Culture which is predominantly Christian. Scholasticism was thus, a stunning fusion of faith and reason or religion and philosophy. Aristotle and St. Thomas gave the best model for theologizing, that is developing physics and transforming it into metaphysics and utilizing that metaphysics to interpret the encounter between the divine and the human relationship with the divine. There are not any more such exemplary models of philosophizing and theologizing after Aristotle and Aquinas. Another successful model is later developed by David Bohm.

Due to the over influence of Scholasticism and forgetting the warning of St. Thomas, in the medieval period Aristotelian geocentric cosmology and metaphysics was identified with faith and any challenge would be considered as a heresy and schism which would be a heavily punishable act because of Christianity's alignment with power. Thus, the identification of the Christian doctrine with Aristotelian metaphysics became the characteristic feature of the middle ages. Due to the introduction of Aristotelian thought and Scholasticism, nature was seen as created by God and is intelligible to human reason who in turn was created in His image. Thus, nature was interpreted with an inherent order and regularity while the human reason was endowed with the power to penetrate and understand it. The assertion of the existence of the material reality with an inherent order capable of interpreting it in regular

patterns was a great contribution in the intellectual growth of humanity. Compared to other cultures that denied the existence of matter, this basic presupposition made the big difference in the development of science in the West. However, the Church authorities fought with tooth and nail any deviations from the Thomistic – Aristotelian system of thought blindly believing that it formed the foundation of Christianity.

Decline of Scholasticism and the rise of Cartesian Atomism

During the beginning of modernity, scholasticism was attacked by the visionaries of the Enlightenment period. The whole agenda of scholasticism was reduced to reflections and debates on God, salvation and sin absolutely forgetting the nature and human life here on earth by mediocre scholars interpreting commentaries on commentaries on Aristotle. The visionaries, among them theologians criticised the methodology, object of thought and proposed that there should be an emphasis on the study of nature and a new language should be developed in describing the world. They called for experimental evidence as the true methodology of acquiring and processing knowledge based on induction rather than the self evident axiomatic deductive methodology of Aristotle. They proved how Aristotle was wrong in many sense he was hurry to conclude without basic investigations. They argued that mathematics as the new language of science and nature the object of its thought so that the dynamics of nature could be understood and thus humanity could control and manipulate nature facilitating human life. Galileo, Leonardo Da Vinci, Cardinal Nicholas of Cusa, Descartes, Francis Bacon, Thomas Hobbes were some of those intellectuals who proposed for a shift of emphasis from God to nature. Bacon criticised the tribal social culture as a stumbling block for human progress and advocated for the elimination of these faulty individual and social habits. Thus, the idols of the tribe, cave, market place and theatre were criticised and caused a social restructuring that paved the way for the renewal of the society. Because of this theoretical input and the continuous emphasis on the elimination of the tribal outlook transformed the highly tribalised European society and paved for a universal outlook based on humanism and its rapid growth. This critical reflection on the society and its transformation should be an ideal for the caste divided Indian society where a critical approach to the stumbling blocks of human progress has never been made. This renaissance spirit separated theological reflections on God, soul and salvation from philosophical investigations on the nature. In modernity, the rise of reason is visible and its ultimate ramification and refinement as scientific rationality is known as renaissance.

Cartesian doubt and search for the clear and distinct ideas proposed atomism as a methodology for the investigation of nature became an alternative to the scholasticism and became the dominant paradigm of science once again alienating the holistic outlook proposed by Aristotle and paved the way for a mechanistic interpretation of nature.

He divided even human person as body and mind, the extended being and thinking being and called for an infinite division of material reality which paved rich dividends in humanity's search for its understanding and controlling of nature. The rapid growth of science and the rich facilities we are enjoying due to technology are because of this philosophical vision and shift of emphasis that caused a social upheaval. Most of these intellectuals who steered the modernity were strong believers and it is their faith that catapulted them to study nature as the handmaid of God and to discover His splendour and Majesty in nature. Kepler, Newton, Laplace and other such intellectual giants extended the philosophical vision on nature into scientific practice and discovered the dynamics of nature and engineered gadgets facilitating life in an unforeseen way. Immanuel Kant and Wilhelm Hegel investigated on the power of reason introduced by scholasticism and emphasised by modernity. Kant divided the reality as noumena and phenomena and observed that reason could not penetrate noumena and it is beyond any rational investigation. However, Hegel claimed the unlimited power of absolute reason in penetrating the reality and gave hope and courage to all scientific investigations though he criticised it as well. This euphoria about the ultimate power of human reason led science to deny any metaphysical reality beyond its experimental objectivity. Thus, Laplace interpreted God as a mere hypothesis which has no place in the description of the world. Thus, the dogmatism that choked the nascent science turned the other way around denying and dismissing faith and religion as useless jugglery empowered by the enormous success of science and technology and its megalomaniac expression known as scientism.

Newtonian Mechanistic Vision

The Newtonian physical laws and the law of gravity paved the way for a mechanical interpretation of the world rejecting the Aristotelian holistic outlook. The intellectual engine for the penetration of the dynamics of nature and the description of it in terms of physical laws were the Cartesian doubt and the mechanistic paradigm, causing further fragmentation and alienation. Knowing the present state of a system and the governing laws scientists thought that they could absolutely predict and determine the future of a system and the world at large. The overall outlook was thus a determinism and atomism leading to a philosophy of using, abusing, misusing and overusing the nature and leading to the present ecological catastrophe and resource crunch leading to again an investigation into the foundations of Western culture and science.

However, the scientific foundations given by Newton in describing the world were later refined by James Clark Maxwell by introducing the electrodynamics equations and the concept of electrical and magnetic fields which were experimentally discovered by Michael Faraday leading again into a relativistic and quantum mechanical revolution. The confusion in the field description of Maxwell and the absolute space and time (causal) description of Newton was intuitively investigated by Einstein. Single-handedly he developed the special theory of relativity in 1905. However,

it was Poincaré who suggested that a space and time description of the universe has to be fused into spacetime and Minkowski incorporated the Riemann curved space into relativity enabling Einstein to generalise the theory of relativity. Thus the matter, space-time continuum became the new paradigm in describing the universe as a holistic cosmic singularity.

The conceptual drizzling in the area of thermodynamics became a hurricane and shattered the dear concepts reigning physics though in 1900 Lord Kelvin declared that there were only a few clouds in science and most of the things were known and other unknown quantities could be known through the careful application of the Newtonian physical laws. However, the quantum concept introduced by Max Planck on 14th December in Berlin exposed a discontinuous, indeterministic, probabilistic and uncertain nature. In grappling with the problem of Black Body Radiation Max Planck never intended that his study would revolutionize our perception about the universe. However, Einstein boldly claimed the break with the classical ways of description and a group of intellectuals under the able guidance of Niels Bohr, Werner Heisenberg, Wolfgang Pauli, Erwin Schrödinger, Victor De Broglie, Max Born, John von Neumann and others developed quantum mechanics, interpreting nature as indeterministic and quantum mechanics as a closure. Eminent scientists like Einstein, Schrödinger, and Planck could not digest this claim of completion and thus the quantum schism began. This schism and debate is not yet over and many scientists observed that what we really lack are physical concepts and by simply meddling with mathematics alone could not help us in solving the conceptual problems of physics today. At this confused context comes David Bohm who refined and resolved the quantum relativistic problem through the introduction of a quantum potential revising the quantum mechanics from an ontological perspective trying to avoid the fragmentary, mechanical paradigm and interpreting from a holistic perspective.

As the scientific rationality was making quantum leaps, the nature and human life suffered a setback. Scientism overpowered human life and philosophers like Nietzsche, Husserl and Heidegger, criticised the march of science and started questioning the rational foundations and the ability of science in guiding life and describing the universe. Nietzsche inaugurated the onslaught on the basic foundations of the western culture by proclaiming the death of God. When Nietzsche cried aloud the death of God he intended that the inherited notions of God and the worldview were not life promising and hence to be replaced by a human spirituality based on the will to power. Nietzsche was not criticising the Christian religion alone but even more savagously the foundations of western science itself. He observed that science had done what the religion had done in a much worse way. When religion said that God was eternal, science replaced it with the slogan that matter as eternal and thus both religion and science gave an impoverished image of man. Nietzsche charged that both science and religion utterly failed to recognize the power inherent in the human and called for a radical renewal and rediscovery of human nature. He was introducing a Socratic criticism to the whole endeavour of knowledge. Religion and science

according to him, instead of anchoring man at the centre of the life world misplaced him with God and matter erroneously and had done irreparable damage to the destiny of man as chaotic and indeterministic. Thus, the rational foundations based on Descartes and Kant were outrightly rejected by Nietzsche and this clarion call was taken up by Husserl and Heidegger.

Crisis in the Culture

“The crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology” was the last great work published by Husserl where he delved deep into the general lament about the crisis in European culture and discovered that the root cause of the crisis was due to the Cartesian self-doubt and scepticism of the philosophico-historical origins of the culture. Thus, Husserl attempted to give a solid foundation beyond doubts that might become the corner stone for all disciplines, which he called as phenomenology. Thus he set out to arrive at the essence of things at the realm of pure consciousness through a method that consists in *epoche* – a series of reductions, namely phenomenological, eidetic and transcendental reductions. Heidegger turned the Husserlian bracketing methodology from the content of investigation into the how of investigation and arriving at the thing in itself or the disclosure of the being. The glorification of the reason inaugurated by the modern philosophers reaching to its zenith as scientific rationality is thus thrown away to the dustbin of history by Heidegger. He accused science of squeezing the essential characters of humanness and turning it into a need based product that could be fabricated. Thus, he condemned science and technology with a tendency of calculation, machination and compositing and imposing its coercive forces on being undermining it as annihilable and coercible.

These onslaughts against reason, against method and on the atomistic, sceptical foundations of western culture and its offshoot science, exposing its vulnerabilities opening up the flood gates of counter cultures known differently as hippy, new age movements doubting everything and living in the randomness of the momentary searching for holistic alternatives. At this historic moment comes the physicist turned philosopher David Bohm, the palaeontologist philosopher turned theologian, Teilhard de Chardin, the revolutionary activist, spiritualist Aurobindo, in the tradition of Aristotle, with their holistic vision of reality derived from quantum mechanics, evolutionary theory and Indian philosophy, applied their new creative insights systematically to the totality of reality in its cosmic dimensions as an anti dote for some of the problems of today, as the concept of holism is lost in the further development of humanity. The Aristotelian causal system is reduced into an instrumentalist dynamics by the development of science, paving the way for secularism, objectification, fragmentation and pragmatism rejecting the spiritual, the divine and the truth, which was inextricably intertwined with the life of man. It is to be said that all the visionary leaders based their thoughts on a spiritual experience and developed these thoughts considering the spiritual dimension of humanity. However, gradually

due to the onslaught of the atomistic science and its discoveries the spiritual dimension was totally denied and hence the transcendental dimension of humanity is eliminated degrading it in to a mere level of matter. In this atmosphere, the spiritual, philosophical visionaries came up with the new vision of an integration of science and spiritually deeply rooted in a transcendental reality.

Return to Holism

David Bohm as a physicist became aware about the nature of holism when he was doing research on a solenoid, which was shielded yet could deflect a stream of particles even though such an effect could not be allowed classically. This phenomenon is known as Aharonov-Bohm effect. Later this interconnectivity which could be physically observable led him to develop an ontological interpretation of quantum mechanics which has the characteristic trademark of non-locality. From this extraordinary experience in quantum physics, he moved to the philosophy of it and developed a deeper notion of the holomovement, explicate and implicate orders. As the Hegelian ground of everything, and described that the whole can be comprehended in terms of the explicating reality and everything that which is enfolding is once again merging into the implicate reality. Thus, the holomovement, explicate and implicate orders, according to Bohm, inextricably intertwine the totality of the reality. For him, order and disorder are the two extreme ends of the chain of the reality. In order to explain his philosophy of holism, Bohm proposed a few analogies or metaphors.

Three Analogies for Holism – Implicate Explicate Orders

To illustrate the new order of undivided wholeness, Bohm offers the analogies of the hologram, the implicate dye drop and the higher dimensional fish tank. Analogies can only partially convey the meaning of wholeness. However, they provide an intuitive and imaginative picture of the implicate order. The hologram illustrates the wholeness aspect, the implicate dye drop elucidates the implicate-explicate relationship and an analogical picture of the structure of reality. Infinite dimensionality and the interconnectedness among these dimensions are depicted by the analogy of the higher-dimensional fish tank.

The Hologram

A hologram is a kind of photograph made by passing a laser beam through a half silvered mirror. Some of the beams are reflected by the mirror onto the object being photographed and then reflected back to a photographic plate. The rest of the laser goes directly through the mirror onto the photographic plate. When the two beams unite at the plate they interfere with each other to produce a pattern. The resulting interference pattern recorded on the plate is very complex and invisible to the naked eye. When the photographic plate is illuminated with a laser beam, an image of the original

object in three dimensions is obtained from a range of possible points of view. Even though only a portion is illuminated the whole structure is visible. Any piece of the hologram can reconstruct the entire image. Bohm explains the technical aspects of hologram. So he says that matter is also made up of waves. Therefore, matter itself is composed of interference patterns, which interfere with the patterns of energy. What emerges is a pattern of matter and energy spreading ceaselessly throughout the universe, each region of space containing the whole. The hologram offers an unbroken holistic image of the universe.¹ According to Bohm the hologram is a starting point for a new description of reality: the enfolded order.² The hologram is merely an image of the state of the electromagnetic field and it is a state of movement. It is an example of the holomovement. Any movement, whether it be electromagnetic, sound or any other form, could constitute a hologram. The undefined totality of movement called holomovement is the ground of all manifestation.³

The undivided wholeness of modes of observation, instrumentation, and theoretical understanding indicated in the implicate order is illustrated by the hologram.⁴ In a photograph there is a one to one correspondence. That means a point in the object corresponds to a point in the image.⁵ But a point in a hologram confines all the points in an object. Each small part of the hologram contains information from the entire original image and therefore can produce the whole image from the part. An undivided wholeness is indicated here. The essence of the holographic concept is that images of the experiential objects are reconstituted when representations of sense experience in the form of distributed information systems are appropriately engaged.

The Implicate Dye Drop

This analogy of the dye drops illustrates the enfolding and unfolding nature of the implicate – explicate order. The structure of reality as multi-layered is elucidated through this analogy. A drop of dye is placed in a viscous liquid such as glycerine which is encased between two glass cylinders, one inside the other. The outer cylinder is rotated slowly. As this action is done, the dye drop threads out into the liquid. After a number of turns of the cylinder, the dye appears to have totally disappeared. In conventional terms, the distribution of the dye is said to be random, with the initially ordered state passing into a higher order, as we explained in the section, order.

¹ Peat F. D. *Infinite Potential: The Life and Times of David Bohm*. Perseus Books, Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1997. P. 119. I have discussed and clarified the issues discussed in the book of Peat with Sarah Bohm and Prof. Basil Hiley.

² *The Holographic Paradigm and Other Paradoxes: Exploring the Leading Edge of Science* / ed. K. Wilber. Colorado : Shambhala, 1982. P. 6.

³ *Ibid.* P. 51

⁴ Bohm D. *Wholeness and the Implicate Order*, Routledge and Kegan Paul. London : Routledge, 1980. P. 143–147.

⁵ A photographic film records the light intensities reflected from the objects within the camera field. Each part stores information, which arrives from a corresponding point in the visual field, and thus the film's record "looks like" the visual field.

If the cylinder is rotated backwards the same number of turns it was rotated forwards, the dye reconstitutes itself. The apparently random state is not one of disorder but of a hidden or implicit order. Bohm says that “this is the order that pervades the universe”.¹ When it evolves into a form that can be seen (like the dye drop), it becomes explicate. Now imagine two drops inserted in different places in the glycerine and wind them in. In this way, the second drop is enfolded in the first one.

Suppose that a droplet of dye is added and is stirred n times. Another droplet is added and stirred n times again. Repeat this experiment with a long series of droplets, arranged in a straight line. After enfolding a large number of droplets, turn the stirring device so rapidly backwards that the individual droplets are perceived one by one. When the dye drops are dissolved into the viscous medium, it appears that they are distributed in a disorderly manner. But the stirring backwards shows that the droplets were dissolved in an orderly form or were implicated in the medium. The dissolution and the resolution of the n number of dye drops elucidate the infinite orders of explicate forms in the implicate order. The enfolding of orders in the holomovement and the unfolding of the explicate order are imaginatively presented through the analogy. In this example certain implicate orders become explicate, while explicate orders become implicate.

The Higher-Dimensional Fish Tank

In the fish tank analogy, the autonomy and the interdependence of the explicate orders with the holomovement are elucidated along with its multi-dimensionality. So far the implicate order was presented as a process of enfoldment and unfoldment, that is taking place in the ordinary three dimensional space.² Projections of a higher-dimension can be illustrated by the fish tank. The experimental arrangement consists of a rectangular tank with transparent walls in which water is filled up to the brim. A living fish is moving in it and two television cameras are focused on the walls at right angles to each other. The corresponding television images are screened on the two televisions placed there. The images appearing on the screen are different; nonetheless there is a correspondence between them. At any given moment each image will generally look different from the other. The difference will be related, in the sense that when one image is seen executing certain movements, the other will also be executing corresponding movements. The contents on one screen will pass over to the other and vice versa. Thus, always the image content on the other screen will correlate that of the other.

The two images do not refer to independent actualities but to a single actuality, which is the common ground of both. The images here on the screen are the two dimensional projections of a three dimensional reality. The movements of the fish are correlated in the two dimensional screens. There is an internal relationship

¹ Peat F. D. Op. cit. P. 121.

² Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 186–189. Looking Glass. P. 130–133.

between these two projections. Though each screen projection can be observed as autonomous motions, the inherent relationship between them is also observable. Analogically, each explicate order is autonomous, yet corresponds to the movement of the totality.¹ The fish tank analogy depicts the relative autonomy and the interdependence of the explicate order with the holomovement in two dimensions. In the totality, the explicate orders are multidimensional projections of the holomovement.

Cosmology and the Implicate Order

So far, Bohm was considering the general structure of matter and how it is related to the implicate order. Now let us examine the origin of the universe and see how it can be incorporated into the implicate order.

When the total energy in one cubic centimetre of a vacuum space with the shortest possible wavelength is calculated it turns out to be far beyond the total energy of all the matter in the known universe.² What is meant by the empty space is that it is an energy source and that matter is only a wave-like excitation on top of this energy plenum, like a tiny ripple on the vast sea.³ The Vacuum “is where everything moves freely. It is the absence of everything... because things are made up of matter.”⁴ This vast sea of energy plays a key role in the understanding of the cosmos as a whole and that this space is full rather than empty. It is important to understand this as the absence of “things” or matter. The physical laws that correlate between parts of matter cannot be employed to relate a vacuum and matter because they are of a different constitution.⁵ According to Bohm, matter is enfolded in vacuum; space and time are also implicit in vacuum.⁶ Vacuum is the undivided wholeness, everything is ultimately connected there.⁷ What is perceived through the senses as empty is actually full which is the ground for the existence of everything. The things that appear to the senses are derivative forms and their true meaning arises only when considered about the plenum. Bohm affirms that:

this plenum is, the holomovement, the immense sea of energy... This sea [of energy] is to be understood in terms of a multidimensional implicate order... while the entire universe of matter as we generally observe it is to be treated as a comparatively small pattern of excitation. This excitation pattern is relatively autonomous and gives rise to approximately recurrent, stable and separable projections into a three dimensional explicate order of manifestation, which is more or less equivalent to that of space as we commonly experience it.⁸

¹ Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 188–189.

² Ibid. P. 191.

³ Ibidem.

⁴ Bohm D., Fowler D. R. The Implicate Order: A New Order for Physics // Process Studies. 1978. Vol. 8 (2). P. 73–102.

⁵ Ibid. P. 101.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

⁸ Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 192.

Big Bang & Holomovement

The big bang theory concerning the origin of the universe is also incorporated into the implicate theory. Some fifteen billions' years ago, space had a point structure and there was no time in this point, before the big bang. According to the metaphysics of Bohm, the big bang was only a matter pulse in the immense energy of ocean and the present universe evolved from this matter pulse.¹ We are an inextricable part of the universe and hence we experienced the ripple as a big bang.²

So far, we have been examining the tenets of the Bohmian holism concerning matter. In Bohmian terminology, holomovement is the totality of material reality. All the explicate orders or forms are evolving from this totality. Bohm equated empty space with holomovement because it is the energy plenum, source of all matter. According to him, matter is only an island in this vast ocean of energy. As a next step in encompassing all reality, Bohm proposes that life is an explicate order in the holomovement. Let us explore this hypothesis.

The Implicate Order and Life

In his attempt to construct an all comprehensive metaphysics of reality, Bohm extends the implicate order to life. An analogy is used to propose the connection between life and the implicate order.³ Consider a seed. It is planted in the earth and it grows. The seed contains genetic information and the material substance of the plant is drawn from the environment guided by this information. The germ in the seed guides this energy transformation from air, water, soil, sunlight etc., to the material of the living plant. The information contained in the seed directs the material environment to become animate in the plant.

Bohm's argument is that the process of growth of a plant is a continual transformation of the material substance into a living substance. He interprets it as a process of enfolding and unfolding, a recurrent stable order.⁴ Then Bohm raises the question of how one can distinguish between life and matter in this transformation. "As the plant is formed, maintained and dissolved by the exchange of matter and energy with its environment, at which point can we say that there is a sharp distinction between what is alive and what is not?"⁵ According to him there is no sharp point that separate between matter and life. Life is latent in the matter. He concludes these observances by saying that life belongs to a totality, including the spheres of plants and the environment.⁶ When life is not manifested it is implicit in some way in matter.⁷ He is of the opinion

¹ Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 192.

² Ibidem.

³ This analogy is described in: Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 192.

⁴ Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 192.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

that it doesn't mean the reduction of life into matter.¹ Life and matter are explicate orders, part of the totality and hence inextricably interwoven through their participation in the holomovement. Life and matter are reduced to the holomovement; but not to each other. A specific explicate order where matter is evidently transforming into life cannot be pointed out.

Thus as shown earlier, the holomovement is the ground – life-implicit – of both animate and inanimate matter.² Matter and life are united through the holomovement without a reduction of one to the other, but reduced to the ultimate totality. These two forms of the explicate orders are relatively autonomous sub-totalities held together by the law of holonomy.³

It is to be commented that Bohm has not developed a detailed analysis on the interrelationship between life and matter and the threshold between matter and life is left without any serious discussion. A passing remark and the analogy of the seed explain the interaction between life and matter. However, the interphase between mind and matter is discussed in detail. So we have to say that Bohm have not given sufficient explanation on how life and matter have the holomovement as the ultimate ground of their existence.

Mind and the Implicate Order

As I have already stated, mind has also an implicate dynamics. Bohm arrived at this idea through mathematics. He showed already that matter has an implicate processes. From the suggestions of the great algebraists Bohm developed a theory of mind. The Hegelian influence is also possible to detect. In a nutshell, mental thoughts undergoes the same implicate process of dialectic. The play of the opposites and the raise to a complete suspension of these two by sublimation to a higher level which encompasses the two but not as the same. Thought or the mental processes are physical processes. Information and meaning are constituents of these processes. It involves memory also. The complex correspondence between thought and its object is to be understood in the wider context of the whole processes, i. e., the implicate order. As usual, Bohm uses the analogy of a honey bee in this connection. Through its dance it conveys a message, an indication of an object that is to be found in the depth of the process through the implicate order. Karl Pribram's holographic description of the neural activities gave Bohm an added support in his endeavour. Hiley pursues the unification of matter and mind through the implicate order. Listening and vision elucidates the implicate dynamics of mind. Bohm deviates from the usual description of matter-mind as psycho-somatic. He proposes this relationship as soma-significance. Energy is the connecting factor between these two processes. Thus, Bohm derives

¹ Bohm D. Wholeness and the Implicate Order, Routledge and Kegan Paul. P. 192–193.

² Ibid. P.193.

³ Ibid. P. 196.

the implicate dynamics of mind and declares that the age-old problem of matter-mind is solved through his implicate dynamics. Still there are unclear details to be fixed but a robust framework for holism is established by Bohm. However, according to Bohm, there is an ultimate reality from which everything emerged and into which everything will submerge which he called as the holomovement, and the observable realities of matter, life and mind are explicating from it and thus proposes an ultimate super consciousness or movement as the underpinning reality. The other counterparts of Bohm in this attempt is Chardin, a Christian thinker and Aurobindo a Hindu mystic.

Omegalization of Chardin

Teilhard de Chardin was Jesuit palaeontologist who integrated the theory of evolution with the Christian faith. He proposed that in the beginning there was a swarming of particles and the physical universe, the earth and its environment conducive to life was developed. Then the life evolved and from there the mind. According to him, even in matter life and mind is latent and it is guided by a divine providence. The radial energy and the tangential energy guided the evolution and thus as the complexity increased, consciousness also increased and the evolution is irreversable. Thus, there are critical thresholds like biogenesis, nousgenesis and ultimately everything leads to single super consciousness, which he called as Omega. Thus according to Chardin, the totality of the world, evolved from a single point and enfolds in myriads ways and then merges into the Omega, describing a holistic account of the totality of the universe.

Involution and Evolution

The political activist and revolutionary Aurobindo became a philosopher and mystic thinking about the future of humanity. According to him, there is a two way process, humanity evolving to higher complexities while the divine is involuting into the humanity from above. This evolution and involution are the two way process that guides the progress of humanity through a disciplined life towards a super consciousness.

Holism: prospects for Future

The development of science and technology was due to the belief of a pattern and regularity inscribed into the nature by the divine. Thus, the practice of science and technology was initially an understanding about the divine and in the service of the divine and hence a sacred activity. Gradually, a reductionist tendency crept into the scientific endeavour and the sacred element was eliminated almost rejecting the place of the divine and trying to explain the sacred in terms of residue and erasing it from the human sphere of activities as a mere mythological factor. Science

and technology has a great role to play in the secularization of the culture and the society in the twentieth and the twenty first century. When Laplace was asked by Napoleon that in his book *Le Celestial Mechanique* there was no mention of God, it was said that Laplace retorted back saying that I did not need that hypothesis to explain the mechanics of the universe. Also in the twentieth century when Youri Gagarin, the first astronaut went around the outer space, he claimed that I searched for God and I could not find. The description of Dawkins, the Nobel Prize winner in genetics, God as delusion is also an index of the reverberating influence of the rejection of God, sacred and the spiritual by the science and technology. Also from the chaos and complexity, there is a tendency to explain the elements like unity, spirituality in terms of emergent behaviours. Perhaps because of these tendencies, humanity is facing a crisis, a crisis in terms of truth leading to a crisis in faith ultimately paving for an all out crisis in the culture leading to meaninglessness and hopelessness. Thus, it is very important to look for the holistic account of humanity, in terms of something beyond it, a transcendent reality, that can only give meaning and hope to it in times of tribulations and misery.

Also the science and technology is making quantum leaps and trying to explain the realms of matter in terms of the ultimate particles like the quarks, the four forces which could be reduced into a single force explaining the symmetry of the universe; life in terms of the DNA, genes, codons, chemicals and understanding the coding of the ultimate language of life so that science could encode it; the description of mental life in terms of neurons and its parallel processing and the deeper chaotic dynamics; in short, the information technology, biotechnology, nano technology and the neurotechnology claiming that they could explain, matter, life and mind in terms of its constituent parts and filling up the gaps between them. However, then science and technology will be making the false claim of understanding everything in terms of its constituent observable parts, in a mechanistic reductionist explanation which could not adequately describe the richness of matter, life and mind. Moreover, science and technology is merely a life facilitating mechanism and it need to be complimented by a meaning giving mechanism. Otherwise, there is the possibility of the inordinate developments of scientific tools like cloning, for destructive purposes ultimately leading humanity to serious further crisis like the ecological disaster, turning technology into a horror than a means to provide hope. It is also essential that the inclusion of the transcendent reality as the ultimate beginning and end of the cosmic processes, endorsing the role of the divine and the response towards it as faith and a belief in the spirituality and sacredness of the Supreme Consciousness can only guide the progress of humanity. A progress rejecting the transcendent reality and the elements of sacredness and spiritual outlook can only lead us to hopelessness, meaninglessness, fragmentation, isolation and crisis. Thus, science and technology, by showing its own limits, need to have its own other, the sacred to compliment it and lead it to the realization of fullness in an absolute sacred reality. Craig Dilworth who critically reviewed the dominant present world views and observed

that: “if we consider the dominant secular and materialistic worldview of the present, clearly it has been conditioned by the physicalist metaphysics of modern science.”¹ Then he asks: “Could a new metaphysics succeed in laying the foundation for a new world view; and if so what would be the fundamental characteristics of such metaphysics?” Dilworth concludes with the following observation.

One aspect that there seems general agreement regarding, among those who have given consideration to the matter, is that the new metaphysics, like the biologically oriented, would have to give a central place to the notion of the whole, while at the same time recognising the success of atomism in its concentration on the importance of the part.

As Dilworth has correctly discerned the future will be for a vision which is biological in nature and which will give priority for holism incorporating the success of atomism. In short, as we have almost completed quarter of the Twenty first century, the vision of holism provides a new way to think about reality, awakening a fresh research outlook on its structures and a new methodology for sustainable progress.

¹ Dilworth C. *The Metaphysics of Science*. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Acad. Publ., 1996. VIII, 235 p. This and the following citations are from p. 207–208.

А. Д. Павловец

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Гомель, Беларусь

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ
ЦЕННОСТНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ И ОБРАЗОВ КУЛЬТУРЫ
В ФИЛОСОФИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА**

В статье рассматривается концепции судьбы и культуры О. Шпенглера. Автор анализирует их основные положения и предпринимается попытка экстраполировать судьбу конкретной культуры на судьбу человека – ее носителя. Выдвигается предположение о том, что виды созерцания смыслового целого культуры и типы ценностной рефлексии определяют структуру картины мира, жизненные и ценностные стратегии бытия личности.

Ключевые слова: О. Шпенглер, судьба, культура, цивилизация, ценности, разум, геистальт, символ, морфология культуры

A. Pavlovets

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

**ANTHROPOLOGICAL DIMENSIONS OF VALUE UNIVERSALS
AND IMAGES OF CULTURE IN OSVALD SPENGLER'S PHILOSOPHY**

In the article, there are considered the concepts of faith and culture of O. Spengler. The author analyses their main provisions and tries to extrapolate the fate of a culture to the fate of a person – its carrier. It was suggested that the types of contemplation of the meaningful whole of culture and the types of value reflection determine the structure of the picture of the world, life and value strategies of being of personality.

Keywords: O. Spengler, faith, culture, civilization, values, mind, gestalt, symbol, morphology of culture

Исследуя понятие «судьба», мы наблюдаем, что поле применения этого термина постепенно расширяется. Первоначально о судьбе говорится применительно к человеку: «плохая/хорошая судьба», «судьба у него такая». Однако с течением времени, особенно это заметно в научных и околонаучных исследованиях, мы встречаемся с распространением данного понятия применительно к народам, культурам, политическим и религиозным движениям, и даже по отношению к бытию в целом.

Когда мы рассматриваем судьбу с точки зрения одного человека, то сталкиваемся, возможно, с самым парадоксальным феноменом нашего сознания, противящимся всяческому формам повторения, переформатирования или артикуляции. Судьба предстает своеобразным центром, который вбирает в себя и вы-

водит из себя. В зависимости от того, с чем соотносится человек (с природой, с социумом, с самостью, с Богом) – это становится решающим в его судьбе [2].

Если же говорить о судьбе культуры, то мы вынужденно совершаем перенос с человека на образование, которое традиционно считается и связывается с человеком и его активностью. Чтобы прояснить, какой смысл может нести судьба для культуры и ее истории и может ли этот смысл быть экстраполирован на индивидуальную судьбу, следует обратиться к ее теоретическому осмыслению в работе Освальда Шпенглера «Закат Европы». Почему к этому немецкому философу и к его фундаментальному труду? Потому что он, возможно, был первым серьезным мыслителем, который, говоря о «логике судьбы» и «судьбе», рассматривал процессы истории и культуры с использованием данных терминов как важных категорий анализа. И не только применял их, но и претендовал на роль предсказателя будущего западного мира.

Работа О. Шпенглера неоднозначна. Различные философы зачастую оценивают ее негативно. Например, В. П. Визгин, рассматривая в своей статье творчество М. Хайдеггера и О. Шпенглера, пытается не столько сравнить самих авторов, хотя и не скрывает своих предпочтений, сколько пытается увидеть второго глазами первого. Итог этого выражается в последнем абзаце текста: «Шпенглер наступает “на горло своей песне”, на свою любовь к “священным камням” старой Европы, становясь герольдом ее останков в виде германского империализма и останавливаясь в этой мертвой позе. Хайдеггер же все глубже и глубже “ввинчивается” в изначальные пласты культуры, стремясь приблизиться к возможностям нескрываемости бытия в языке, в том, что он называет мышлением. Если Шпенглер теряет на *смертном поле цивилизации*, то Хайдеггер уходит в катакомбы *культуры*, где по его расчетам и догадке могут открыться источники нескончаемой *жизни*» [1, с. 79].

М. Хайдеггер в своих Кассельских докладах 1925 года высказывается об О. Шпенглере довольно однозначно: «...рассмотрение у Шпенглера – эстетическое; оно преследует не исторические взаимосвязи движений, а это просто какая-то ботаника истории» [3, с. 378].

Кирк Веттерс посвящает Шпенглеру целый раздел в книге «Демоническая история: от Гете до наших дней» смысл которого виден уже из названия «Несчастливый конец морфологии: демоническая история Освальда Шпенглера» [7]. Автор последовательно критикует немецкого философа, вскрывая ряд противоречий в его работе. К. Веттерс подчеркивает такие проблематичные места у О. Шпенглера, как гиперисторизм, нигилизм, лишение человека свободы, иррационализация истории.

Майкл Биддис в своей работе «История как судьба: Гобино, Чемберлен и Шпенглер» ставит Шпенглера в один ряд с Ж.-А. де Гобино и Н. Чемберленом, отмечая то, что теории этих трех авторов близки к нацизму. Для М. Биддиса О. Шпенглер вместе с А. Тойнби – «великие монументы историческому позитивизму в первой половине двадцатого века» [5, р. 97].

Джасинта О'Хеган тщательно рассматривая теорию Шпенглера в книге «Концептуализация Запада в международных отношениях: от Шпенглера до Саида» подчеркивает его значение как философа, который одним из первых настаивал на преодолении европоцентристских теорий истории. Однако вывод, который она делает, неутешителен: «...восприятие Шпенглером взаимодействия Запада с другими народами, культурами и цивилизациями представляет собой причудливую смесь мнений. Он утверждает, что нет всемирной истории как универсального процесса из-за того, что культуры независимы, несоизмеримы и непонятны друг другу... В то же время он изобразил Запад, как глобальную цивилизацию, обладающую чувством мировой истории, не из-за телеологии, но из-за уникальных качеств Запада... В то время как другие цивилизации могут лишь только подражать, чтобы соперничать с Западом...» [6, р. 80].

Для нас же представляется важным рассмотреть теорию Шпенглера не в критическом ключе, а бережно проследить за его мыслью, для того, чтобы ответить на ряд вопросов: каково это иметь судьбу в культуре, которая имеет судьбу, возможно ли иметь свою собственную судьбу в такой культуре. К. Веттерс отмечает: «Шпенглер прагматически мотивирован. Он желает знать, как *творить историю в конце истории*» [7, р. 94].

Уже во введении к своей фундаментальной работе «Закат Европы» О. Шпенглер перечисляет то необходимое, через что постигается гештальт культуры: отношения и формы. В первом случае она пребывает, находится, есть, то, во втором она выступает, высвечивает. Среди всего обширного перечня форм культуры находится место только одной категории людей: великие люди, которые представляют собой одну из возможных форм. В своей сумме отношения и формы – это символы и должны быть в качестве таковых истолкованы. Что значит истолкование? «Дело не в том, что *представляют собою* конкретные факты истории, взятые сами по себе как явления какого-либо времени, а в том, что они *означают и обозначают своим явлением*» [4, с. 132]. Когда О. Шпенглер говорит об истолковании, он волей-неволей вводит того, кто истолковывает. Последний для автора скрыт. Истолкование о человеке говорит немного, но одно оно говорит точно: «Все зависит от того, насколько мы способны уяснить себе это положение, эту судьбу и понять, что можно обманывать себя относительно нее, но не уйти от нее. Кто не сознается себе в этом, тот не идет в счет среди людей своего поколения» [4, с. 181]. Таким образом, способность к интерпретации превращается в некий критерий, на основании которого определяются те, кто идет в счет, и те, кто в счет не идут.

Тот, кто все-таки интерпретирует, постепенно обретает некую наглядность и выстраивается в довольно странном виде, поскольку центром, в котором осуществляется мир и через который он имеет возможность себя осуществить, является «глаз», видящий не один мир, а два: мир-как-природу и мир-как-историю.

Для немецкого философа полнота взгляда возможна только для «человека высоких культур». Глаз вбирает в себя ряд специфических опытов этого человека: «Природа – это гештальт, в рамках которого человек высоких культур сообщает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств. История – гештальт, из которого его фантазия стремится постичь живое бытие мира по отношению к собственной жизни и тем самым интенсифицировать ее действительность» [4, с. 134]. И здесь стоит зафиксировать важный момент: мир-как-природа не имеет собственно онтологических оснований, он существует, но существует только как фокусировка чувственных восприятий человека в то время как мир-как-история, поскольку собирает воедино фантазию человека и бытие мира, устанавливает некую позицию по отношению к последнему.

Глаз для того, чтобы иметь возможность видеть, должен быть открыт, именно поэтому он оказывается внутри структуры бодрствования (Wachsein). Как только глаз раскрывается, он набрасывает на этот мир структуру. И тут явно вырисовывается двойственность смотрящего глаза: с одной стороны, он включает то, на что он смотрит, в структуру, а с другой – он сам может смотреть только потому, что является частью данной структуры. У О. Шпенглера структура имеет иерархическую форму, причем эта иерархия не строится на влиянии, а на возрастании: одно вырастает из другого.

Становление и ставшее – это одновременно и корень всех остальных структурных элементов, и один корень, вырастающий из другого: первое порождает второе. На следующем уровне уже появляется глаз. Философ на это прямо не указывает, однако следующая пара противоположностей свое/чужое говорит о том, что уже есть кому отделять одно от другого. Из своего/чужого вырастает внутренний мир/внешний мир. И последней парой противоположностей появляется душа и мир. О. Шпенглер именно последней парой маркирует очень важное событие – пришествие человека: «Я обозначаю словами “душа” и “мир” ту противоположность, наличие которой идентично самому факту чисто человеческого бодрствования. Есть различные степени ясности и остроты этой противоположности, стало быть, степени духовности бодрствования, от смутного и все же временами просвечивающего глубины понимающего ощущения первобытного человека и ребенка – сюда относятся все более редкие в позднейшие эпохи мгновения религиозного и художественного вдохновения – до крайней остроты только понимающего бодрствования, как, скажем, в состояниях кантовского и наполеоновского мышления» [4, с. 202]. Однако человек здесь появляется опять-таки в форме человеческого глаза, и разница между людьми – это разница в степени духовности бодрствования. Что же подразумевает под духовностью автор? «Степень ясности и остроты» – одни глаза видят лучше других, одни глаза просвечивают глубины, другие – демонстрируют остроту понимания. Причем, что зрение проходит некий рост и развитие от ребенка и первобытного человека до И. Канта и Наполеона.

Как совершаются переходы роста, которые позволяют выстроить структуру реальности вместе с глазом, который ее видит? О. Шпенглер об этом умалчивает. Как в безликом, чистом становлении появляется глаз, который явственно проводит черту, разделяя бодрствование на свое – внутренней мир и чужое – внешний мир. Каким образом происходит присвоение? Как проводится граница? Как свое превращается в душу, а чужое превращается в мир? Хотя очевидно, что именно эти преобразования являются ключевыми, поскольку появляется тот, кто наблюдает, тот глаз, который потенциально способен видеть символы и толковать их. Философ и об этом умалчивает. Ясно только одно – есть процесс роста, возрастания, который проходит ряд стадий.

Все больше проникая в бодрствование, глаз по-новому начинает открывать для себя его структуру. Так постепенно он создает для себя гештальты становления и ставшего. С одной стороны, глаз, по сути, получает доступ к своей основе путем преобразования в доступную для зрительного восприятия форму. И это открытие играет решающую роль – глаз со всей доступной ему ясностью осознает себя частью существования (*Dasein*), которое состоит из души, мира и жизни. Душа – это будущее, которое подлежит осуществлению, возможное; мир – это прошлое, осуществленное, действительное; жизнь – это настоящее, осуществление, переход из возможного в действительное. А с другой стороны, это позволяет ему совершить шаг к осмысленной действительности, образы создают картину мира (*Weltbild*): «...слова *история и природа*... следует разуместь под ними возможные способы понимания всей совокупности осознанного, становления и ставшего, жизни и пережитого в форме единой, одухотворенной, благоустроенной *картины мира*, в зависимости от того, какому пластическому принципу подчинено неделимое впечатление: становлению или ставшему, направлению или протяженности (“времени” или “пространству”))» [4, с. 203]. Причем О. Шпенглер приводит ряд синонимичных с его точки зрения понятий картине мира, видимо, чтобы исключить какие-либо упрощения: *Kosmos, Universum, All*. Это всеохватывающее понимание, которое включает в себя и сам глаз, и то, что он зрит, и то, чему этот глаз подчиняется. И самое главное: эта дихотомия порождает новый инструмент интерпретации – рассудок, который явственно противопоставляется глазу. Глазу как более существенному принадлежит история и становление, рассудку же – природа и ставшее. Разум – познает, глаз – переживает.

Чтобы уловить историю, нужен вполне определенный глаз, который, с одной стороны, настолько утончен, что может созерцать и внутренне переживать необратимое, направленное время, фиксировать гештальты и символы, из которых он может обрести самого себя и смысл истории, поскольку «созерцание... есть тот акт переживания, который в процессе своего осуществления оказывается самой историей» [4, с. 250]. А с другой стороны, этот глаз имеет определенный изъян: он видит ставшее в становлении. Этот изъян присущ всем

людям, но в различной мере. И важно то, чтобы он не скользил по поверхности становления, пытаясь придать ему чересчур упорядоченную структуру и увидеть законы и закономерности, в поисках истинного и ложного, а наоборот, пронизывал ставшее насквозь, созерцая поверхность и глубину.

Эта тройственная структура дает начало культуре двойственной, как двойственен человек, обладающий глазом, который сфокусирован на гештальте и пытается через него пережить душу и мир, воплотить душу в мир через жизнь и разумом, который стремится прекратить жизнь, время и зафиксировать через понимание законов мертвое пространство природы. Культура имеет идею и плоть. Идея существования общего или единичного, в то время как плоть идеи — это сумма ее «о-чувствленных», ставших пространственными и доступными выражений, а всемирная история для О. Шпенглера — это процесс, который связан с обретением идей плоти.

Как только человек обретает не только глаз, но и рассудок, он начинает замечать важную особенность мира-как-истории и мира-как-природы: каждый из них имеет свою внутреннюю логику — история содержит идею судьбы, а природа содержит принцип каузальности: «Есть органическая логика, инстинктивная, сновидчески достоверная логика всякой жизни, в противоположность логике неорганического, логике понимания, понятого. Есть логика направления, противостоящая логике протяженного» [4, с. 273].

Для немецкого философа очевидна связь судьбы и времени. Он определяет их как слова-векселя. Каузальность же отождествляется с пространством. Противоположность судьбы и каузальности — это противоположность идеи и принципа. Идея не поддается познанию, а лишь переживается внутри. Время — глубоко лично, пространство же давит на человека извне. Первое открывается через второе. Под впечатлениями, которые поступают к нам от органов чувств, мы вынуждены искать укрытие во внутреннем мире и здесь уже открываем для себя судьбу и время.

Эти рассуждения приводят О. Шпенглера к, возможно, самому противоречивому утверждению: «...бодрствуя, все мы осознаем только пространство, а не время. Пространство “есть”, оно существует в мире и с миром наших ощущений, и притом двояким образом: как нечто саморасширяющееся, куда мы мечтательно, инстинктивно, созерцательно, “мудро” живем своей жизнью, и как пространство в строгом смысле — в миги напряжения внимания. “Время”, напротив, есть открытие, совершаемое нами лишь в мыслительном акте; мы создаем его как представление или понятие, и только гораздо позднее нам брезжит, что и сами мы, поскольку мы живем, являемся временем» [4, с. 278].

Противопоставляя историю и природу, автор противопоставляет глаз и разум, подчеркивая, что только в созерцании человеку открывается становление как корень структуры бодрствования. Разум же применим только к природе и ставшему. Последнее утверждение, однако, переворачивает все с ног на голову:

глаз видит только пространство, в бодрствовании человеку доступен только мир-как-природа, и только разум может обнаружить внутри человека судьбу, время, мир-как-историю. Последнее утверждение позволяет говорить о том, что человек может уловить судьбу мира, только как свое собственное чувство направленности, которое он называет временем. Единство двух миров условно, а то, что О. Шпенглер называет жизнью, переход от возможного к действительному, возможно, только конструкция, поскольку мир-как-история – это ответ на внешний мир-как-природу.

Движение рассудка, который пытается обнаружить и опереться на что-то, что отличается от пространственного внешнего мира, от простирания, от формы вещей, которые господствуют в бодрствовании, открывает для интерпретатора его внутренний мир, выраженный гештальтом, который опирается на становление и видит в нем корень всего ставшего. Тут становится ясным и утверждение О. Шпенглера о том, что «картина истории – есть картина памяти» [4, с. 260]. Только внутри своего рассудка, при помощи мышления, интерпретатор способен «пережить отдельное мгновение *sub specie aeternitatis*» [4, с. 260]. И все же философ продолжает настаивать на том, что становление предшествует ставшему, судьба – причинности, а глаз – разуму. Что структура бодрствования включает в себя все элементы и созерцательные, и рассудочные. А судьба – это не индивидуальное явление, а время придающее направление становлению культуры, которая в соответствии с ее логикой развивается, в которой открывается «мировая тоска души, ее взыскание света, взлета, завершения и осуществления своего назначения» [4, с. 273].

Таким образом, человек для О. Шпенглера имеет значение и ценность только как строитель картины мира, который не имеет собственной судьбы помимо той, которая является судьбой *его* культуры. Он вовлечен в нее, желает он того или нет. Значение и ценность отдельного человека глубоко иерархизированы и подчинены его способности созерцать и видеть гештальт становления – проникать в глубину культуры и проживать ее в соответствии с внутренней логикой ее судьбы. Человек оказывается в условиях, когда его жизнь определяется способностью интерпретировать гештальт становления и согласовывать собственное существование с этой интерпретацией.

Список использованных источников

1. Визгин, В. П. Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер / В. П. Визгин // Филос. науки. – 2015. – № 7. – С. 68–82.
2. Паўлавец, А. Д. Лёс чалавека і яго праявы / А. Д. Паўлавец // Изв. Гом. гос. ун-та имени Ф. Скорины – 2012. – № 4. – С. 178–183.
3. Хайдеггер, М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни / М. Хайдеггер // Михайлов, А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика / А. В. Михайлов. – СПб. : Изд. С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 351–390.

4. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / О. Шпенглер // Закат Европы: очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – Т. 1. – 663 с.

5. Biddiss, M. History as destiny: Gobineau, H. S. Chamberlain and Spengler / M. Biddiss // Transactions of the Royal Historical Society. – 1997. – Vol. 7. – P. 73–100.

6. O'Hagan, J. Faust in the Twilight: Conceptions of the West in Oswald Spengler / J. O'Hagan // Conceptualizing the West in International Relations. From Spengler to Said / J. O'Hagan. – Palgrave Macmillan, 2002. – P. 59–93.

7. Wetters, K. The Unhappy Endings of Morphology: Oswald Spengler's Demonic History / K. Wetters // Demonic History. From Goethe to the Present / K. Wetters. – Evanston, Illinois: Northwestern Univ. Press, 2014. – P. 87–110.

А. А. Хомченко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СЕМИОТИКА ЦВЕТА В РАБОТАХ М. ПАСТУРО

*В работах М. Пастуро цвет всегда оказывается тем, что сопутствует различным социальным трансформациям и явлениям и часто играет важную роль в конструировании и репрезентировании идентичности субъектов западных обществ. Цвет, понятый как социальный *significatum*, выполняет преимущественно две функции: идентификационную и дискриминационную. Предложенное М. Пастуро фундаментальное исследование семантики цвета было возможно благодаря использованию историко-структурного анализа, который включал в себя: 1) выявление реальных фактов: поиски смыслов актуальных для разных обществ в различных областях (от лексики до правил ношения одежды), 2) внутренний анализ: в рамках одной культуры исследуется система кодов, обычаев, традиций, лексики и т. д. Исследуются различные изменения (исчезновения, привнесения), инновации, взаимовлияния, общие тренды, существовавшие во всех аспектах цвета.*

Ключевые слова: цвет, семиотические коды, цветовые системы, социальная идентичность, мода, социальные порядки, черный, синий

A. Homchenko

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SEMIOTICS OF COLOR IN M. PASTURO'S WORKS

*In M. Pasturo's works, the color always turns out to be something that accompanies various social transformations and phenomena. Very often, it plays an important role in the design and representation of identities of individuals in Western societies. Color, understood as a social *significatum*, performs predominantly two functions: identification and discrimination. The fundamental research of the semantics of color offered by M. Pasturo was possible due to the use of historical and structural analysis: 1) revealing real facts: searching for meanings relevant to different societies in different fields (from vocabulary to dress-code rules); 2) internal analysis: system of codes, customs, traditions, vocabulary are explored within one culture. Various changes (disappearance, bringing in), innovations, mutual influences, general trends that exist in all aspects of color are analyzed.*

Keywords: color, semiotic codes, color systems, social identity, fashion, social orders, black, blue

Введение: цвет как философская проблема

Философия известна тем, что ее объектом может быть что угодно, даже она сама, и это делает ее неповторимым метаязыком. Такой визуальный феномен, как цвет, не является тем, что выпало из-под внимания философии. Именно цвет, который представляется разным индивидам всего лишь естественным

и обычным свойством объектов, на самом деле являлся серьезнейшим предметом спора различных интеллектуалов еще в античные времена и, безусловно, остается им и во времена нашей современности, позднего модерна. Можно вспомнить как прототеории Эмпедокла, Демокрита, Аристотеля, в которых понятие цвета неразрывно связывалось с понятиями физического как такового: света и тени, размера, плотности, блеска/матовости, структуры поверхности, текстуры и т. д.¹, так и размышления Л. Витгенштейна, П. Стросона, С. Шумейкера. Последние авторы рассматривали цвет прежде всего в контексте своих логико-лингвистических исследований. В российской философской традиции проблемой цвета из наиболее известных широкой публике и выдающихся философов интересовались только А. Лосев и В. Биbihин. Что же касается белорусской интеллектуальной мысли, то, к сожалению, проблема цвета как социально-философская проблема и вовсе не поднималась².

Несомненно, очевидным является то, что дебаты о сущности цвета поднимают и другие не менее актуальные метафизические вопросы. Например, касающиеся природы сознания, физической реальности и их соотношения, а также проблемы, которые тесно связаны с вопросом о применимости естественнонаучного объяснения ко всем аспектам (человеческого) бытия. «Является ли цвет реальным?», «Реально ли он присущ вещам нас окружающим?», «Что означает иметь качественное представление красного цвета?» – данные вопросы вновь и вновь появляются в философских дебатах. Ответом на них стало появление специальной области, называемой «философия цвета», которая получила особую популярность в русле аналитической традиции философствования. В данной области выделяются две основные стратегии в отношении определения природы цвета: объективизм (цвет есть реальное свойство объектов) и субъективизм (цвет является субъективным свойством объектов). Конечно, в русле этих двух стратегий имеется много различных направлений, например, примитивизм, элиминативизм и др. [2].

Что же касается континентальной интеллектуальной традиции, то она, за исключением модного спекулятивного реализма, уже давно стоит на основаниях трансцендентального идеализма, завещанного в наследство европейской мысли И. Кантом. Это означает, что континентальная философия не элиминирует важность роли субъекта, который ко всему прочему может оставаться погруженным в культурный контекст. Поэтому цвет в континентальной мысли понимается прежде всего как то, что должно быть изучено без приме-

¹ Справедливы суждения А. Лосева: «Так как каждый цвет мыслился в виде некоего цветного физического тела, то вся та известная неопределенность реальной окраски и взаимосвязь такого тела с прочими телами, без которых немислим цвет в вещах, остаются у греков характерными и для самих цветов. Вот почему так трудно передавать по-русски греческую цветовую терминологию» [1].

² Этнографические, культурологические и исследования, посвященные белорусской моде, не берутся в расчет. На самом деле таких исследований очень мало, более того, цвет упоминается вскользь как нечто несущественное и второстепенное, уступая место форме одеяний и тканям.

нения отжившего классического метафизического концептуального аппарата, то есть философия деконструировалась и обновилась, она стала пространством, которое позволяет бурно развиваться междисциплинарным областям. Отныне, если проблема цвета и встает как проблема, то она касается уже всех, кто является одновременно и историками, и искусствоведами, а также филологами, и антропологами, и философами. Такая междисциплинарность – богатство континентальной философии, которая больше не может быть «чистой метафизикой», она становится все более чуткой к семиотике, истории, антропологии, политологии, психологии и т. д. Вопросы о цвете в рамках континентальной философии будут звучать скорее так: «Что связывает семантику цвета и разные социальные порядки?», «Почему маргинальные группы выделяются как по цвету кожи, так и по цвету одежды?», «Что связывает цвет и власть?» и др.

Рассмотрим в данной работе цвет сквозь призму субъективистского (историко-структуралистского) подхода, то есть цвет будет осознаваться нами как историко-культурный сигнификат, как некоторый социальный код, отражающий историю времени и бытия людей, а также как один из способов деления на сословия, на различные субкультуры. Таким образом, цвет в нашем исследовании выступит больше, чем просто природное явление, которое обычно изучалось учеными естественнонаучного профиля, это особый язык со-бытия людей, а также нередко и сам способ маркирования отношений власти и подчинения¹. Поэтому целью данной статьи является основанная на работах французского историка-медиевиста М. Пастуро философско-теоретическая реконструкция представлений о цвете как о культурном коде, отражающем социальную идентичность членов западных обществ.

В соответствии с целью статьи выделим две задачи: 1) реконструкция идеи цвета как неотъемлемого социального *significatum*, сформулированной в работах французского исследователя, 2) экспликация основных структурно-содержательных и функциональных особенностей категории цвета (на примерах синего, черного) в процессе означивания различных социальных идентичностей западных обществ.

Цвет в работах М. Пастуро: специфика и трудности исследования

Вопреки распространенному по сей день мнению Гладстона и его последователей древние греки, называвшие море и быков винноцветными, а небеса – медными, не имели никаких дефектов зрительного аппарата, он был таким же, как у наших современников, поэтому, к примеру, понятия «зеленый» и «синий» не имели своих жестко определенных названий по причине отсутствия нужды

¹ «Социальные группы всегда отличаются цветом. Даже сегодня возьмите одну начальную школу в привилегированном районе, а другую – в неблагополучном районе: дети не одеты совершенно одинаково! В богатых кварталах цвет довольно сдержан, доминирует один цвет. В бедных кварталах цвета яркие, живые и агрессивные» [3].

в них. Как замечает в интервью Мишель Пастуро: «Сегодня мы знаем, что когда цвет не назван, это происходит потому, что он не играет никакой роли в политической, религиозной или социальной жизни» [3]. М. Пастуро, работы которого стали основанием для написания этой статьи, – один из немногих современных европейских интеллектуалов, который постоянно заявляет, что цвет является прежде всего феноменом социальным, а значит, он может и должен быть исследован и учеными-естественниками, и представителями гуманитарных наук.

Цвет, как утверждает очень известный исследователь, специализирующийся на изучении визуального древнеримского мира, М. Брэдли, является «базовой единицей восприятия, которая позволяла римлянам делить мир [...] он не есть статичная и объективная вещь, а есть текучая, субъективная, интерактивная единица ценностей и значений (*unit of value and meaning*)» [4]. Взгляды М. Пастуро и М. Брэдли близки, хотя мнение первого является более радикальным: если цвет является культурной конструкцией, которая, ко всему прочему, может быть нестатичной и которую можно исследовать только посредством своеобразного структурного анализа, то это ясно дает нам понять, что «нет никакой универсальной и архетипичной истинности цвета, нет никакой транскультурности», и именно поэтому вопрос о цвете никогда не может быть адекватно изучен вне культурного контекста. Однако М. Пастуро делает оговорку, что некоторые виды цветовой символики могут быть рассмотрены как универсальные, поэтому они, возможно, справедливы и для белорусской культуры: огонь и кровь навсегда ассоциированы с красным цветом, растительность извечно зеленая, свет бел, а ночь черна [6, с. 21]. Предположительно, так произошло, потому что невозможно соотнести данные явления с другими цветами, если только такая новая трансформация в соотношении этих цветов и явлений не является концептуальным экспериментированием со стороны художников-абстракционистов, или сюрреалистов, или писателей-фантастов.

Во всех работах французского ученого, посвященных проблеме цвета, кроются важные и очень близкие по смыслу глубинные задачи, поставленные им самим: попытаться исследовать объективно то, что всегда лежало в области субъективного, и постараться сделать видимым то, что всегда оставалось незамеченным в социальном мире, а именно то, что цвет имеет определенную роль в регулировании человеческого поведения и особую власть деления на группы [7]. Цвет представляется неотъемлемым и вездесущим: от присутствия в одежде до присутствия в повседневной речи, но он также остается и неотрефлексированным. М. Пастуро в своих книгах исследует не только цвет *specifice modo*, который высвечивает социальную идентичность, но цвет в его многообразии *per se*. В данной статье мы ограничимся только рассмотрением цвета *specifice modo*.

Почему именно цвет? Можно сказать, что звуки и текстура, даже запахи, взятые как абстрактные категории, никогда не смогут иметь такой функцио-

нальной особенности: звук обманчив и не способен классифицировать, он пропадает так же быстро, как и запах, а текстура сама по себе не является тем, что способно эффективно и мгновенно выделять любой объект. Но все это не означает, что указанные явления маловажны и незначительны для изучения повседневности. Цвет оказывается тем, что способно создавать особую машинерию восприятия и *differance*, которая вносит свой вклад в то, что существенно влияет на жизнь индивидуумов: мораль, право, идеология, обычаи, в те области, которые на самом деле нуждаются в перманентном анализе. Цвет лучше всего иерархизирует и дисциплинирует мир повседневности. Также отметим еще одну важную деталь: цвет сам по себе не несет никакой важной информации для социума, если социум сам не наделил цвет особыми значениями и смыслами. Однако значения и смыслы не берутся *ex nihilo*, они не могут случайно быть связаны с цветами, поэтому для исследователя остается важным проанализировать ту ставшую необходимой логическую связь между смыслами и цветами в определенном пространстве и времени¹.

Во введениях к своим трудам М. Пастуро всегда упоминает о том, что серьезных работ по цветовой проблематике слишком мало, а это означает, что данная проблематика еще ждет своих исследователей. Однако, что касается работ, которые игнорируют историческую перспективу, тем самым искажая как раз всю картину истории цветов и отношения к ним обществ, то можно сказать, что их имеется огромное количество. В добавление к этому, любой цвет не может быть исследован изолированно от других цветов, он всегда приобретает смысл лишь в отношениях с другими цветами: в противопоставлении или в отождествлении с ними, поэтому, чтобы понять внутреннюю логику хотя бы одного цвета, нужно понять логику отношений цветов друг с другом, которая менялась от одной эпохи к другой, от одного общества к другому.

Французский ученый также все время пытается обратить внимание читателя на следующие трудности, с которыми сталкиваются почти все исследователи цветов: 1) проблемы, связанные с идентификацией, 2) проблемы методологические и 3) проблемы гносеологические. К первому типу проблем относятся как те визуальные привычки (то, как мы видим сегодня мир), которыми мы пользуемся под влиянием нашей современной культуры, что можно даже назвать, пользуясь терминологией Ф. Бэкона, и *idola specus*, и *idola tribus*, так

¹ Названия цветов тоже могут быть рассмотрены как неkontингентные: к примеру, глядя на терминологию латинского языка становится ясным, почему «зеленое» связано с «растительностью» и природой. Дело заключается не только в том, что мы видим, что растения и листва деревьев являются зелеными, а в том, какой глубинный смысл лежит в самом концепте «растительность». Возможно, поэтому они включены в одно семантическое поле посредством общего корня: зеленое, обозначенное в латинском языке как *uiridis*, имеет много общего с идеей роста, что напрямую отсылает к внутренней силе (*uis*), которая конституирует сущее. С этим цветом также связано понятие доблести (*uirtus*) и человека/мужа (*uir*). Хотя это не отменяет того, что зеленое также может относиться к чему-то больному, болезненному, слабому, неопытному, странному, сумасшедшему [4]. В этом и заключается удивительная полисемантичность цвета.

и типичные отличия в видах освещения, физические изменения красок на различных материалах.

Ко второму типу проблем относятся все вопросы, касающиеся проблемы оценок и классификаций физических, химических материалов, а также значений и символов, репрезентируемых с помощью этих материалов. Это означает, что шкала оценок сама нуждается в выработке определенного критерия, причем сделать это нужно так, чтобы не вышла ошибка *petitio principii*. В этом смысле М. Пастуро близок структурный анализ, которым пользовался К. Леви-Стросс. Французский ученый отмечает, что «правильнее было бы действовать по примеру исследователей первобытного общества (которые, не располагая никакими текстами, должны анализировать наскальные рисунки): отыскать в самих этих изображениях и предметах присущие им смысл, логику, систему, изучая, например, какие элементы повторяются в них чаще, какие – реже, как они располагаются, как группируются, каково пропорциональное соотношение между верхом и низом, правой и левой частями, передним планом и фоном, центром и периферией. То есть провести внутренний структурный анализ, с которого должно было бы начинаться изучение изображения или предмета в цветовом аспекте (но из сказанного не следует, что процесс изучения должен на этом закончиться)» [5, с. 8].

К последнему, третьему типу проблем относятся вопросы о нерелевантности наших концептуальных схем артефактам. В попытке объяснить все многообразие цветовых смыслов посредством привычных определений существует риск исказить реальное положение дел. К примеру, спектр цветов в Античности и средние века сильно отличаются от спектра в наш век: синий был теплым цветом и мог выполнять функцию черного, поэтому для него не находилось специального наименования, а белый и черный цвета не полагались ахроматическими, как сегодня.

Повторимся, что работа М. Пастуро заключается не в том, чтобы продемонстрировать то, что цвет неразрывно связан с историей искусства, сколько, наоборот, показать связь между цветом и жизнью общества. Наличие этой связи невозможно доказать без предварительного анализа всех возможных значений цвета, таким образом, любой исследователь цвета как социального кода, по мнению французского ученого, должен проделать несколько операций. Во-первых, смоделировать целый универсум значений и смыслов, актуальных для самых разных обществ, которые предшествовали нашему. Сюда включаются как лексика и правила ношения одежды, место, занимаемое цветом в мире повседневности, декреты властей, нравоучения, философские дебаты о цвете, поэтические замечания, теории ученых, творения художников, так и химия красок, техника окрашивания¹.

¹ «Другой источник сведений – история красильного дела, тканей и одежды. Ведь именно в этой области одна группа проблем – вопросы химии и технологии, свойства материалов и тонкости ремесла – теснее всего связана с другой – проблемами социальными, идеологическими, вопросами эмблематики и символики» [5, с. 10].

Понятно, что это и есть та междисциплинарная составляющая данного исследования, так как существует много областей для получения важной информации и данных.

Во-вторых, нужно применить структурный анализ: «...погрузившись в прошлое и замкнувшись в пределах одной-единственной культуры, должно изучить ее обычаи, коды и системы, выяснить причины изменений и исчезновений, исследовать инновации или взаимопроникновения, которые имели место во всех аспектах существования цвета. И, как ни странно, вторая задача, быть может, труднее первой» [5, с. 10]. В таком исследовании совершенно нельзя игнорировать факты, зафиксированные в других областях, ведь цвет вплетается полностью в ткань различных жизненных явлений. Как верно подмечает М. Пастуро, исследование значения слов составляет чуть ли не половину всего результата от проведенного исследования, так как «в любом обществе изначальная функция цвета – классифицировать, метить, оповещать, вызывать ассоциации с чем-либо или противопоставлять чему-либо» [5, с. 10].

Итак, мы утверждаем, что цвет – важная часть жизни общества, он не просто идея, но и определенная география коннотаций, и даже то, что можно назвать полноценным субъектом гетерономной повседневности. Однако можно ли дать цвету более точное определение и делает ли это М. Пастуро в своих работах? Ответим на этот вопрос весьма определенно: нет. Во многом это связано не просто с серьезной проблемой неопределенности цвета¹, которая уже упоминалась нами, а скорее с тем, что даже в качестве культурно-социального феномена он может не совсем адекватно быть определен. Так, в античные времена цвет не был абстрактным понятием, он являлся конкретным и «вещественным» визуальным феноменом, однако уже в Средневековье, предположительно в XI–XIII вв., под влиянием развития геральдики цвет начинает осознаваться в качестве идеи.

Таким цвет и остается для современного человека: нам легко сказать, какой цвет является нашим любимым, а какой – ненавистным, мы всегда будем отвечать односложно: черный, синий, красный и т. д., и в этих понятиях совсем не заложены фактура, уровень блеска, качество поверхности, мы никогда не ответим (за исключением эстетов или исследователей), как греки, у которых цвет имеет словно свою «материю». Это означает, что в прежде всего важен цветовой тон, а не степень яркости и насыщенности. Именно поэтому М. Пастуро акцентирует внимание на деликатном моменте: если цвет понимался вариативно в культурах, имеет ли право исследователь на проекцию, определения, классификации: «Где начинается анахронизм? Более конкретно, когда в лаборатории используются знания и устройства для изучения слоев цветов, которые

¹ Наивно полагать, что научное определение может быть удовлетворительным. Так, В. Биbihин писал: «Цвет как страсть, настроение, поступок кажется не научным дискурсом. Настоящая наука говорит, однако, не очень много. Она может измерить – что? длину волн? С этим выражением лучше не спешить» [8].

нам передали Античность или Средневековье, разве мы не в анахронизме? Все эти знания и устройства построены на спектре, неизвестном до семнадцатого века... Наши знания в области физики или химии – это просто шаги в истории знания» [6, с. 11].

Тем не менее ясным кажется то, что исследователь имеет право на изучение этих восприятий, интерпретаций цветов и тех важных причин и событий, которые подтолкнули конкретные общества изобретать определенные иерархии цветов в связи с распределением экономического и культурного капитала среди индивидуумов.

Социальные порядки и цветовые системы: черный и синий

Прежде чем перейти непосредственно к экспликации основных структурно-содержательных и функциональных смыслов синего и черного цветов в процессе означивания различных социальных идентичностей западных обществ, а также к причинам, которые приводили к этим смыслам и сегрегациям, стоит указать на то, что до XII в. в Западной Европе считалась традиционной троичная система цвета, состоящая из белого, черного и красного, именно она играла огромную роль в жизни социума. После нее появилась шестеричная система, в которую входят также и синий, желтый, зеленый, фиолетовый, оранжевый цвета, которыми мы оперируем до сих пор. Это новшество (включая и тот факт, что белый и черный цвета исключены из хроматических цветов) возникло благодаря экспериментам с призмой И. Ньютона.

По мнению М. Пастуро, с древних времен красный цвет был очень популярен, предположительно, из-за того, что красящие вещества, которые его создают, проще всего раздобыть и использовать (например, марена, которая позволяла добиться широкого диапазона оттенков красного и большего богатства цвета). Во многих культурах понятия «красота», «окрашенное», «прекрасное» соединяются с понятием «красный».

Таким образом, ткани делились на окрашенные, то есть красного цвета, и на неокрашенные: белые и черные. Подобным образом и возникла эта триада. Впоследствии эти три цвета являлись друг другу антагонистами не только в области красильного дела, но и в области социального. Белая ткань считалась неокрашенной, чистой, черная – неокрашенной, но грязной. Именно из этого антагонизма вырастает современное понимание цвета как совокупности тона, насыщенности (от белого к красному) и яркости (от белого к черному) [6]. В социальном мире Античности триада играет важнейшую дифференцирующую роль: священнослужителям предписывается носить только белые цвета, воинам – красные, а ремесленникам – черные. Эта триада настолько станет архетипичной, что будет пронизывать многие сказки, басни и романы. После Реформации в системе цветов играет большую роль оппозиция «черный/синий цвет – остальные (преимущественно яркие)»: первые кажутся протестантам самыми

моральными и нейтральными, вторые напоминают об убожестве и греховности, следовательно, они выполняют функцию дискриминационную. После 1666 г., когда цветом стало возможным «управлять» посредством достижений естествознания, палитра одеяний начинает впускать в себя еще больше цветов, и они начинают пониматься как недискриминационные, однако это не лишает их идентификационной функции.

Работы М. Пастуро направлены на то, чтобы показать не только основные причины популярности ношения одежды различных цветов среди определенных слоев населения, сколько эксплицировать ту необходимую метонимическую связь между цветом и смыслами. Черный и синий на протяжении многих веков в западных обществах преимущественно несли в себе различные смысловые единицы, которые сменяли друг друга:

черный: опасность, непривилегированность, аскетизм/высокоморальность, власть, траурность/строгость;

синий: враждебность, аскетизм/высокоморальность, тоскливость/меланхолия, нейтральность/объединение.

Остальные цвета также несли в себе многие смыслы, даже пересекающиеся со смыслами предыдущих двух, однако, к примеру, с XIII–XVI вв. остальные цвета (белый, красный, зеленый, желтый) выполняли преимущественно стигматизационную миссию: обычно предписывалось носить одеяния этих цветов (и различные сочетания их) маргинальным группам. Итак, выделим две функции.

Функция идентификационная

Черный как опасность. Обычно встречается среди юной прослойки населения, которая хочет бунтовать, принадлежа к различным субкультурам. Также его используют анархисты, нигилисты, фашисты, нацисты, пираты и другие экстремистские и реакционные/революционные движения, за исключением социалистов/коммунистов, которым импонирует красный, воплощающий кровь, пролитую за борьбу с несправедливой системой (Великая французская революция способствовала этой моде). Интересен тот факт, что изначально черный цвет в древних обществах ассоциировался с землей, а следовательно, плодородием, и был расценен как позитивный тон. В христианской традиции черный считается цветом предательским (упоминания о вороне в Ветхом Завете, дихотомии «свет-тьма», «ночь-день» и впоследствии католический образ мрачного ада).

Черный как непривилегированность. С ранней Античности и вплоть до позднего Средневековья по технологическим причинам черный цвет выглядел как коричневый, серый, ткань плохо пропитывалась и выглядела грязной. По причине дешевизны одежды из такой ткани ее носили представители низших слоев общества: люди, обделенные материальным достатком, те, кто занят грязной или зазорной работой. В первой половине XIX в. с распространением идей о белизне кожи у аристократов и членов «приличного общества» черный объяв-

ляется цветом малоимущих слоев населения – обычных рабочих, крестьян. Эти ассоциации возникают в связи с индустриальной революцией: фабрики и заводы выделяют много дыма, сажи, копоти. В этот период цвет соотносится с грязной и тяжелой работой. Главный образ – грязь.

Черный как траур/строгость. Наверное, «траур» есть единственный смысл, который с ранних веков и по сегодняшний день является универсальным практически во всех обществах. Прежде всего черный цвет связан с идеей смерти, тоски и утраты. Римляне перенимают традицию у греков, и уже с III в. до н. э. принято надевать всем черную *toga praetexta* на похоронные процессии. В XV–XVII вв. под влиянием социального контроля со стороны духовенства в обычную частную жизнь «врываються» черные одеяния, которые служат напоминанием о грехе. Идеология пуританства заставляет граждан соблюдать хроматический лаконизм. Этой моде способствовали не только диктатуры в разных странах, но и всем известные гонения на ведьм, обскурантистские тенденции. Этот цвет начинает представлять образ судебного процесса, пыток, тюрьмы, казни. Начиная с XIII–XIV вв. черный понимался как некоторая сознательность, поэтому его полюбили жандармы, судьи, полицейские, а в дальнейшем и банковские работники, министры, преподаватели, чиновники, таможенники, моряки и т. д. Важно отметить, что с конца XIX в. по сегодня под влиянием демократических перемен (революций, технологического прогресса) эта тенденция ношения строгого и рабочего цвета приводит к унификации, к созданию дресс-кода. Почти у каждого мужчины и каждой женщины можно найти соответственно черный костюм и черное платье.

Черный как власть/роскошь. Если с конца XIII в. (включая времена Реформации) черный является универсальным цветом, репрезентирующим покорность, смирение и аскезу, то «высший свет», который предпочитал алые, богатые цвета, уже объявленные цветами разврата, желает выделяться среди простого народа, прибегая к уловке: он начинает требовать и инвестировать суммы в производство дорогой и более качественной черной одежды (например, черный соболиный мех). Это всемогущество синего и черного цветов продержится вплоть до XVII в.

Черный и синий как аскетизм/высокоморальный. Впервые черные одеяния как символ смирения и воздержания начинают носить бенедиктинцы в конце IX в. Запреты на роскошь во время чумы в Западной Европе (с конца XIII в. и во времена Реформации), которые закрепили за черным/синим высокоморальный статус, начали распространяться на все «приличные» слои населения. М. Пастуро выдвигает три гипотезы, почему начали писать такие законы: экономическая (ограничение расходов, борьба с расточительностью среди знати, борьба с долгами, сопротивление повышению цен, переориентация экономики и т. д.), моральная (победа протестантизма, которая привела к простоте, аскетизму, отказу от внешнего, нового) и идеологическая (одежда теперь как никогда выполняет дискриминационную функцию, каждый носит свое платье исходя из того,

какого он пола, возраста, сословия, ранга). Идеологический компонент играет важную роль и интересен для философа тем, как эффективно можно посредством одеяния и цвета установить барьеры между классами: оказывается, есть возможность создать визуальный паноптикум. Теперь каждого можно распознавать по цвету одежды на расстоянии, где расстояние воплощает идею дистанции. Этот порядок, ко всему прочему, объявляется божественным и естественным [6].

Синий как враждебность. Этот цвет представляется грекам, а затем римлянам таким, потому что он кажется мрачным, восточным, варварским. В римском мировосприятии все субъекты делятся на три типа: римляне, варвары (кельты, германцы, бритты и остальные) и греки. Синий – это цвет варваров, самых опасных народов, по мнению римлян. Во-первых, варвары раскрашивали свое тело этой краской для устрашения врагов; во-вторых, стареющие германцы закрашивали так свою седину; в-третьих, жены варваров бриттов раскрашивали себя в эту краску перед занятиями в ритуальных оргиях. В дальнейшем синий утратит этот смысл и приобретет новый уже в эпоху средних веков. С XI в. Пресвятая Дева будет облачена в синий мафорий, а синий эмблематический цвет короля Франции и центрального героя британского эпоса и многочисленных рыцарских романов короля Артура привел к кардинальной переоценке этого тона. Именно эта переоценка (а потом уже эксперименты физиков) подготовит почву для революции в хроматической системе.

Синий как тоскливость/меланхолия. Синий как тоска обретает свою жизнь в философии, литературе и музыке, а затем только переходит в область реального мира: фрак Вертера, философская идея йенских романтиков, особенно Новалиса, о синем цветке как загадочном и бесконечном существенно влияют на популярность ношения синих одежд среди масс. Синий, взятый в таком смысле, лишний раз доказывает, как идеология, философия, религия, искусство способны изменять умянастроения людей в реальном режиме.

Синий как нейтральность/объединение. Именно потому, что синий не был дискриминационным цветом, он начинает восприниматься как нейтральный цвет, более того, сегодня – как объединяющий, интернациональный. Поэтому этот цвет наравне со строгим черным любят политики: он умеренный и диалогичный. Он присутствует в костюмах политиков и во флагах многих стран (например, новый флаг Франции после Великой революции, репрезентирующий символ единения, надежды и единства), всемирных организаций (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, Европейский союз) [5; 9].

Функция дискриминационная

Во времена борьбы против роскоши всем приличным слоям общества строго запрещается носить одежды яркие, сомнительных цветов, многоцветные (шашечка, полоска, крапинка). Эти сочетания не просто так объявляются сочетаниями опасных и маргинальных слоев, поскольку гладкие и темные тона понимаются

как тона идеальные и близкие к смирению, а контрасты и узоры не просто вызывают неприятные визуальные ощущения, но и символизируют скользкость, опасность, испорченность. Чешуйчатые узоры напоминают змей и драконов, которые противны христианам, пятнистые узоры – порочность, болезнь (бубонная чума, проказа и др.), что часто связывалось с потерей социального статуса и преддверием смерти. Следовательно, чтобы на городских улицах отделить и защитить «приличных» от «неприличных» людей, поддержать социальный порядок и обеспечить чувство сохранности у привилегированных, выходят указы об ограничении ношения одежды, где присутствовали эти контрасты, сочетания, указывающие на низкий социальный статус. Приведем несколько примеров.

В разных городах и в разное время цвета варьировались в своих значениях: черный (иногда в сочетании с белым) на исходе Средневековья и во времена Реформации обозначал убогих, калек, прокаженных. Впоследствии – тюремных заключенных. Красный приписывался девушкам, занимающимся проституцией (для отпугивания добропорядочных граждан и для привлечения сборщиков налогов), палачам, хирургам, врачам, ростовщикам. Желтый приписывался фальшивомонетчикам, преступникам, еретикам. Желто-зеленый или зеленый – людям искусства, шутам, умалишенным. В дальнейшем, появились узоры и новые формы (круг, звезда и т. д.), которые также выделяли эти группы [5; 10].

В итоге, можно сказать, что М. Пастуро приводит в своих работах как экономические, технические причины, по которым складывается цветовой облик социального мира, а также неоднократно подчеркивает и идеологические, моральные причины. Последние причины кажутся ему наиболее важными, даже основополагающими. Французский ученый соглашается с М. Вебером, который высказал идею о прямом влиянии этики и морали на экономические отношения: в середине XX в., когда финансовый капитал находился в руках протестантов, нет больше явных проблем технологического порядка, однако черный все равно становится самым популярным только потому, что он «моральный».

Заключение

Сегодня в мире цветового плюрализма не существует особых технологических и экономических проблем, связанных с созданием цвета одежды. Почему все же на некоторые церемонии стоит приходить в определенном одеянии: является ли это данью моде или привычкой, которая исторически сложилась, традицией, социальным стереотипом? Цвету, понятому как физическое явление, чужд смысл как таковой, он нейтрален и семантически пуст, но только до тех пор, пока различные общества не припишут ему свои смыслы.

Существуют и другие вопросы, в основном нерешенные: является ли современная мода на одежду определенных цветов в сезоне N всего лишь модой? Говорит ли это о том, что цвет окончательно стал управляемым, или о том,

что сегодня к нему относятся безразлично, именно поэтому он не может больше рассматриваться как то, что формирует идентичность. Или же такая мода является еще одним ухищренным, невидимым способом дифференциации на слои? Что теперь займет место цвета в процессе конструирования идентичности в обществах контроля («дивидуальные» карточки по Ж. Делезу)? Ответить на эти вопросы будет возможно лишь в процессе дальнейшего развития общества и его исследования.

Список использованных источников

1. Лосев, А. История античной эстетики [Электронный ресурс] / А. Лосев. – 2017. – Режим доступа : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/lose001/index.htm> – Дата доступа : 23.11.2017.
2. Maund, B. Philosophy of color [Electronic resource] / Barry Maund. – 2017. – Mode of access : <https://plato.stanford.edu/entries/color/> – Date of access : 13.11.2017.
3. De Larminat, A. Michel Pastoureau voit la vie en vert [Electronic resource] / Astrid De Larminat. – 2017. – Mode of access : <http://www.lefigaro.fr/livres/2013/11/13/03005-20131113ARTFIG00526-michel-pastoureau-voit-la-vie-en-vert.php> – Date of access : 13.11.2017.
4. Bradley, M. Colour and meaning in Ancient Rome / Mark Bradley. – Cambridge Classical Studies, 2009. – 267 p.
5. Пастуро, М. Синий. История цвета / М. Пастуро. – М. : Нов. лит. обозрение, 2015. – 135 с.
6. Пастуро, М. Черный. История цвета / М. Пастуро. – М. : Нов. лит. обозрение, 2017. – 135 с.
7. Pujas, S. Michel Pastoureau : “La couleur est une idée” [Electronic resource] / S. Pujas . – 2017. – Mode of access : http://www.lepoint.fr/grands-entretiens/michel-pastoureau-la-couleur-est-une-idee-30-10-2012-1523049_326.php – Date of access : 24.11.2017.
8. Бибихин, В. К цвету [Электронный ресурс] / В. Бибихин. – 2017. – Режим доступа : http://www.bibikhin.ru/k_tsvetu – Дата доступа : 23.11.2017.
9. Lorrain, F.-G. Pastoureau : le noir, tout un symbole [Electronic resource] / F.-G. Lorrain . – 2017. – Mode of access : <http://www.lepoint.fr/actualites-chroniques/2008-11-13/pastoureau-le-noir-tout-un-symbole/989/0/291361> – Date of access : 13.11.2017.
10. Simonnet, D. Le rouge: c’est le feu et le sang, l’amour et l’enfer [Electronic resource] / D. Simonnet. – 2017. – Mode of access : <http://expositions.bnf.fr/rouge/rencontres/02.htm> – Date of access : 13.11.2017.

РАБОТЫ ДИПЛОМАНТОВ КОНКУРСА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И АСПИРАНТОВ, ПРИУРОЧЕННОГО К 90-ЛЕТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

УДК 167/54:51

Поступила в редакцию 09.11.2018
Received 20.12.2018

А. А. Кудako

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕМАТИЗАЦИИ ХИМИИ

На основании анализа в историческом развитии процесса внедрения математического аппарата в химию показана односторонность «приговора» И. Канта, исключившего возможность математизации химии и, как следствие, не видевшего в ней науку. Выявлены отличительные черты появившейся в 1970-е годы на стыке химии и математики новой химической дисциплины – математической химии, позволяющие считать ее самостоятельной областью химии, «очищенной» от посредничества физики.

Ключевые слова: химия, математический аппарат, физическая химия, компьютеризация, математическая химия, молекулярный граф

A. Kudaka

Belarusian State University, Minsk, Belarus

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF CHEMISTRY MATHEMATIZATION

The one-sidedness of Kant's "verdict" about impossibility of chemistry mathematization and as a consequence its consideration as science has been shown on the base of the analysis in historical scan of the process of introduction of mathematical tools in chemistry. The distinctive features of the new chemical discipline, namely, mathematical chemistry appeared in the 1970s at the junction of chemistry and mathematics have been faend. These features let to consider mathematical chemistry as an independent field of chemistry, "cleaned" from the mediation of physics.

Keywords: chemistry, mathematical tools, physical chemistry, computerization, mathematical chemistry, molecular graph

Введение

Математика для химии, равно как и для всего естествознания, играла и продолжает играть важнейшую роль, выступая в качестве универсального «языка общения» со своей «грамматикой». Не зря еще М. В. Ломоносов, подчеркивая роль математики в структурировании информации, говорил о том, что она «ум в порядок приводит».

Видение математики как фундамента для построения теоретического (научного) знания возникло еще в глубокой древности. Достаточно вспомнить пифагорейскую школу или Платона, который, в частности, считал математику единственным способом понимания физического мира, ибо «Бог всегда является геометром», и подчеркивал, что математика точно отражает саму суть реальности [цит. по: 1, с. 25]. Позже немецкий математик К. Якоби поправит древнегреческого мыслителя: «Бог всегда арифметизует» [цит. по: 1, с. 106].

Многие деятели и мыслители эпохи Нового времени, когда и возникло естествознание, также утверждали значение и необходимость математики для наук о природе. Так, Г. Галилей в своем сочинении «Пробирных дел мастер» дал онтологическое обоснование значимости математики: «Философия написана в величественной книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки ее – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту» [2, с. 41]. Создатель классической механики И. Ньютон в предисловии к первому изданию своего труда «Математические начала натуральной философии» обосновал всеобщность законов механического движения и применение математического аппарата для их описания: «По этим силам (силам тяготения. – *Авт.*), также при помощи математических предложений, выводятся движения планет, комет, Луны и моря. Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы рассуждая подобным же образом...» [3, с. 25].

Известно, что «союз» физики и математики оказался весьма плодотворным и взаимовыгодным. Математика «подарила» физике дифференциальное, интегральное, векторное, матричное и операторное исчисление, теорию групп, что существенно расширило фундаментальную теоретическую базу физики. В свою очередь благодаря физике в математике появилась новая дисциплина – математическая физика. Значение математики для физики отмечали многие исследователи. Так, французский математик и философ А. Пуанкаре писал, что математика дает физику «единственный язык, на котором он в состоянии изъясняться», в отличие от обыденного языка, который «слишком беден... и неопределенен для выражения столь богатых содержанием точных и тонких соотношений» [4, с. 219, 220]. Для американского физика Ф. Дайсона математика – «главный источник представлений и принципов, на основе которых зарождаются новые теории» [5, с. 112].

Химия в своем историческом развитии находилась длительное время в «тени» физики, и именно физика выступала своеобразным медиатором во взаимодействии химии и математики. Это означает, что математизации определенного раздела химии всегда способствовала физика. Так начала развиваться главная

теоретическая химическая дисциплина – физическая химия, включающая химическую термодинамику, химическую кинетику, электрохимию и квантовую химию. Еще одна особенность взаимодействия химии и математики – односторонняя направленность воздействия. Если «союз» математики и физики оказался взаимовыгодным для обеих наук с точки зрения создания новых разделов, то химия в этом отношении ничего нового в математику не привнесла.

Вопросы взаимодействия химии и математики начали рассматриваться с философско-методологической точки зрения совсем недавно. В 2012 и 2013 гг. 18-й и 19-й тома международного журнала по философии химии «HYLE» были посвящены данной проблематике. В редакционном введении к 18-му тому (2012 г.) отмечалось, что сегодня можно выделить самостоятельную химическую дисциплину – математическую химию, которая возникла в 70-е годы XX в. на стыке математики и химии и существенно отличается от ранее сформировавшихся физической химии и математической физики [6]. Сам факт того, что вопросам взаимодействия химии и математики было посвящено два выпуска журнала, говорит об интересе исследователей к данной проблематике и ее актуальности в философии науки.

Цель данной работы – рассмотреть с методологической точки зрения процесс математизации химии, выявить его специфические черты в сравнении с физикой, обозначить статус математической химии как пограничной области знания, возникшей на пересечении химии и математики, а также выявить те отличительные черты, благодаря которым ее можно считать самостоятельной химической дисциплиной.

Начальный этап математизации химии (XVIII–XIX вв.)

Первые математические расчеты в химии (в основном арифметические) начали использоваться в XVIII в. в связи с необходимостью количественного описания химических превращений методами взвешивания и объемного анализа. До этого (периоды алхимии и иатрохимии) все математические операции в химии сводились к обычному счету или вере в магию цифр, таким образом, уровень математики соответствовал эпохе древнейших цивилизаций.

Стоит отметить, что в XVIII в. в естествознании парадигмальной установкой являлся механицизм, рассматривавший любое явление (в том числе и химические процессы) как проявление обычного механического движения.

В 1741 г. М. В. Ломоносов в своей работе «Элементы математической химии», используя логическую цепочку рассуждений, пришел к заключению о возможности математизации химии, но в его выводе явно прослеживается механицизм: «Химия – наука об изменениях, происходящих в смешанном теле... Все изменения тел происходят посредством движения. Следовательно, изменения смешанного тела происходят также посредством движения... Наука о дви-

жении тел есть механика; итак, изменения смешанных тел происходят механически. А поэтому изменения эти могут быть объяснены законами механики... Поэтому если кто хочет глубже постигнуть химические истины, то ему необходимо изучать механику. А так как знание механики предполагает знание чистой математики, то стремящийся к ближайшему изучению химии должен быть сведущ и в математике» [7, с. 7, 12, 13].

Иного мнения о возможности математизации химии был И. Кант, сформулировавший критерий научности: «...в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» [8, с. 58]. В работе «Метафизические начала естествознания» немецкий философ заключил, что химия «сможет быть только систематическим искусством или экспериментальным учением, но никогда не будет наукой в собственном смысле, поскольку принципы ее чисто эмпиричны и никак не могут быть изображены а priori в созерцании, а следовательно, раз к ним неприменима математика, они ни в какой мере не делают понятной возможность основ химических явлений» [8, с. 59, 60]. Для И. Канта истинная наука – это априорное знание, то есть независящее от опыта, что невозможно представить для «истинно» эмпирической химии.

В. И. Курашов, рассуждая о столь пессимистическом выводе И. Канта, считает, что причин упреков в его адрес не может быть, поскольку при выходе в иную область знания (а Кант – философ) всегда возникает элемент некомпетентности [9, с. 406]. К тому же очевидно, что немецкий мыслитель, прожив всю жизнь на периферии Европы – в Кенигсберге, – недостаточно был осведомлен о достижениях химии своего времени. Как раз в этот период в химии идет зарождение стехиометрии и ее законов, где устанавливаются численные соотношения, требующие математической интерпретации. К тому же в это время в Европе уже известны работы М. В. Ломоносова.

Любопытно, что ученик И. Канта И. Рихтер в 1789 г. (через три года после выхода в свет «Метафизических начал естествознания») опровергнет заключение учителя в своей диссертации, посвященной использованию математического метода в химии. В этом же году А. Лавуазье открывает закон сохранения массы, благодаря которому в химическую лексику введено понятие «уравнение химической реакции», где используется химическая и математическая символика. Все это заложило основу стехиометрии как алгебраического подхода к химии и того, что позже будет названо «законом постоянства состава» (открыт Ж. Прустом), который Дж. Дальтон использует в своей атомистической теории.

В XIX в. математический аппарат внедряется в интенсивно развивающиеся химические дисциплины, такие как химическая термодинамика и химическая кинетика. В этот период расчеты в термодинамике ничем не отличаются от арифметических и состоят в определении термодинамических параметров (энтальпии, энтропии, энергии Гиббса и др.) для реагентов и продуктов реак-

ций, а также возможности самопроизвольного протекания процессов и тому подобного на основе экспериментальных данных. Более сложный математический аппарат привлекается лишь для обоснования второго начала термодинамики с помощью молекулярно-кинетической теории и математической статистики.

Интересная черта взаимодействия математики и химической термодинамики проявляется в форме записи выражений, связывающих термодинамические функции (например, энтропию S и энергию Гиббса G) с термодинамическими параметрами (например, температурой T и давлением p):

$$dG = -SdT + Vdp.$$

Подобная форма записи уравнений в дифференциальном виде (по сути, дифференциальные уравнения) вводится лишь для установления зависимости величин друг от друга, но никак не предполагает их решения. Знак d перед соответствующей термодинамической функцией показывает, что ее изменение есть полный дифференциал, а сама функция является функцией состояния равновесной термодинамической системы.

Параллельно развитию химической термодинамики в XIX в. оформляется интерес к изучению химических процессов, протекающих во времени. Возникает химическая кинетика, которая начинает использовать совершенно иной по сравнению с предыдущим периодом математический аппарат – обыкновенные дифференциальные уравнения, где независимой переменной выступает время. Интегрирование этих уравнений позволяет получать зависимости концентраций участников реакции от времени и строить для них кинетические кривые. В физике данный математический аппарат благодаря работам И. Ньютона и Г. Лейбница вводится еще в XVII в. для описания механического движения тел.

Следует отметить, что некоторые ученые этого периода, занимавшиеся кинетическими исследованиями химических процессов (Л. Вильгельми, изучавший кислотно-катализируемое превращение тростникового сахара в воде, а также К. Гульдберг и П. Вааге – авторы закона действующих масс), также были сторонниками механицизма и считали свои исследования более физическими, нежели химическими. Это обусловлено не тем, что они использовали физические методы в своих исследованиях, а тем, что в их результатах видели подтверждение в химии законов механики Ньютона. Однако в XX в. будет показана ошибочность этой позиции, в частности из-за невозможности вывода закона действующих масс через аппарат квантовой механики. Интересно, что первый нобелевский лауреат по химии Я.-Х. Вант-Гофф, который классифицировал реакции на моно-, би- и полимолекулярные, что привело к усложнению дифференциальных уравнений, описывающих кинетику реакций, сначала разделял механистическую позицию относительно математизации химии, но позже убедился в ее несостоятельности.

В процессе внедрения математического аппарата в химическую кинетику можно заметить «зачатки» математического моделирования. Действительно, дифференциальные уравнения выводились на основе многочисленных эмпирических данных по изучению кинетики различных реакций. Они являются своеобразной «картиной», иллюстрирующей течение химического процесса, в том числе (хоть и далеко не всегда!) его механизм.

Современный этап математизации химии (XX–XXI вв.)

В XX в. продолжается математизация химии, но уже на новом уровне и достаточно интенсивно, что обусловлено развитием прикладной и вычислительной математики и вступлением самой науки в эру компьютеризации.

В этот период математический аппарат химической кинетики существенно обогащается, что связано с переходом от макроскопического уровня описания химических процессов на микроскопический, то есть учитываются молекулярные характеристики реагентов. Появляются концепции механизма химических реакций и элементарных актов, а во второй половине XX в. развивается теория абсолютных скоростей реакций, исходящая из предположения о выполнении максвелл-больцмановского распределения в химической системе и основанная на математическом аппарате квантовой механики и статистической физики.

В химии начинает оформляться интерес к системам, далеким от состояния равновесия и эволюционирующим во времени, а также самоорганизующимся системам. Развивается неравновесная термодинамика (работы И. Пригожина и Л. Онсагера), синергетика, в химии открываются колебательные реакции. Для описания такого рода процессов требуется использование систем дифференциальных уравнений, в том числе нелинейных, которые без специальных упрощений решить с помощью даже современных ЭВМ невозможно.

В начале XX в. в физике возникает революционная в своей основе квантовая механика, которая формирует новое понимание как физических явлений, так и химических процессов. Развивающаяся на ее основе квантовая химия продолжает базироваться на квантово-механических принципах и математическом аппарате, но «смягчает» последний, применяя классическую теорию строения веществ и разрабатывая приближенные методы решения квантово-механических задач применительно к химическим системам.

Математизация самой квантовой механики начинается в 1920-е годы. В 1926 г. Э. Шрёдингер для описания состояний электрона в атоме выводит известное уравнение, названное в честь него и являющееся дифференциальным уравнением в частных производных. Параллельно в работах В. Гейзенберга и М. Борна разрабатывается матричная квантовая механика. В 1926–1927 гг. П. Дирак доказывает равноценность математического описания квантово-механических систем с помощью волновых дифференциальных уравнений

и в матричном виде (сегодня такой математический аппарат называется функциональным анализом).

Интенсивное использование в химии квантовой механики и ее математического аппарата обусловлено тем, что химические молекулы – по сути квантово-механические системы электронов и ядер, а химические процессы – это перестройка электронной и ядерной структур. Такое понимание молекул и процессов с их участием служило основанием считать, что квантовая механика с ее математическим аппаратом способна в химии объяснить и обосновать все. Однако с течением времени стало ясно, что такая крайняя редукционистская позиция неправильная.

Стоит отметить, что математические задачи квантовой химии и методы их решения определяются не только математическим аппаратом квантовой механики, но и математическими моделями химических систем, которые создаются на основе химических соображений. К основным математическим задачам квантовой химии относятся: 1) определение физико-химических параметров индивидуальных химических веществ вне их химического взаимодействия с другими; 2) предсказание механизмов и закономерностей химических превращений. Задача первого типа заключается в решении уравнения Шрёдингера. Если это удастся сделать, то получают выражение для волновой функции, из которой и определяют соответствующие значения параметров. Но стоит отметить, что даже для простейших молекулярных систем эту задачу решают с большими приближениями. Благодаря этой задаче в химию вошел математический аппарат теории дифференциальных уравнений, матричного и операторного исчисления. Вторую задачу, имеющую дело с более сложными системами, точно решить вряд ли представится возможным даже в ближайшем будущем.

Сложность в точном решении задач квантовой химии обуславливает использование дополнительного математического аппарата, например теории групп, благодаря которой упрощается решение задач путем учета симметрии молекул и проведения с ними преобразований симметрии.

Для упрощения решения задач в квантовой химии используются неэмпирические и эмпирические расчеты, которые сейчас проводятся на компьютере с помощью специальных программных пакетов. В расчетах первого типа математические трудности при решении уравнения Шрёдингера преодолеваются за счет использования упрощенной исходной модели, которая, однако, сильно искажает действительность. В расчетах второго типа в математические формулы вводятся значения параметров, полученных экспериментально.

Квантовая химия, как и химическая термодинамика, также демонстрирует ситуацию, когда не прибегает к выполнению математических операций и основывается на качественных соображениях. Примером могут служить правила Вудворда–Хоффмана (принцип сохранения орбитальной симметрии), используемые в органической химии для качественного предсказания стереохимического направления и предпочтительных условий синхронных реакций, осно-

вываясь на соображениях симметрии молекулярных орбиталей. Сами авторы этого правила писали: «Мы полагаемся на наиболее фундаментальные идеи теории молекулярных орбиталей – концепции симметрии, перекрывания, взаимодействия, связывания и узловой структуры волновых функций. Отсутствие чисел в наших рассуждениях – это не есть слабость, в этом их величайшая сила... Довод, основанный на первых принципах симметрии, по необходимости качественный, в действительности значительно весомее, чем обманчиво достоверный количественный результат» [цит. по: 10, с. 548].

Современный этап взаимодействия химии и математики можно по праву назвать компьютеризацией химии, которая интенсифицируется во второй половине XX в. благодаря бурному развитию сферы вычислительной техники и вычислительной математики. Основу компьютерной химии составляет математическое (компьютерное) моделирование, сочетающее математическое описание с коэффициентами и параметрами, получаемыми из эксперимента. При этом выбор модели определяется не только из соображений степени ее соответствия реальности, но и быстроты и легкости проведения с ней компьютерных расчетов.

П. М. Зоркий выделяет следующие направления компьютерного моделирования в современной химии [11]:

I. 1. Расчеты строения и спектров молекул и других атомно-молекулярных систем на основе квантовой химии и теоретической молекулярной спектроскопии.

2. Построение потенциальных поверхностей.

3. Расчеты на основе «молекулярной механики».

II. 1. Молекулярная динамика.

2. Метод Монте-Карло (строение, динамика и свойства жидкостей, растворов, твердых тел; поверхностные явления, абсорбция).

3. Моделирование химических реакций и химических равновесий, макрокинетические процессы.

III. Установление корреляций «структура – свойство», проблемы материаловедения.

Однако компьютерное моделирование не может решить всех задач: «Заметим, что исследования, относящиеся к важнейшему для химии пункту II. 3, пока не увенчались большими успехами. Осуществить компьютерное моделирование химических процессов удалось лишь в некоторых простых случаях. Об уверенном предсказании хода химического превращения для мало-мальски сложных систем говорить пока не приходится. Вообще, компьютерное воспроизведение процессов, происходящих в атомно-молекулярных системах, обладающее многими признаками эксперимента, в настоящее время не дает (если говорить о простейших модельных ситуациях) результатов, которые по достоинству можно было бы приравнять к экспериментальным» [11, с. 6]. По словам П. М. Зоркого, компьютерное моделирование «почти неизбежно, почти всегда придает опи-

санию рассматриваемой системы структурный оттенок, либо описание оказывается полностью структурным» [11, с. 6]. Для химии в принципе является естественным описание явлений исходя из структурных соображений.

Еще одной современной тенденцией математизации химии (в том числе и других отраслей науки) является математическое планирование эксперимента, широко используемое для оптимизации условий проведения любой реакции. Суть состоит в том, что в ходе эксперимента варьируют одновременно несколько переменных параметров (их называют факторами), например условия реакции, и регистрируют выходной параметр (отклик системы), например размер частиц продукта. Затем находят аналитическую связь между факторами и откликом, которая графически представляет собой поверхность (ее можно спроецировать на двумерную плоскость). Наконец, определяют оптимальное значение отклика путем поиска максимальных или минимальных точек этой поверхности. Для получения области оптимальных значений параметров стараются изучать поверхность отклика в узком интервале варьирования факторов. Естественно, что математическое планирование эксперимента требует обязательную статистическую обработку результатов.

По мнению В. И. Курашова [9, с. 413, 414], математическое планирование эксперимента не может рассматриваться как общеметодологическое знание, поскольку его предмет не методология экспериментальной познавательной деятельности, а поиск с помощью математики оптимальных путей уже разработанной экспериментальной ситуации. В методологическом плане математическое планирование эксперимента неразрывно связано с математическим моделированием, поэтому может быть рассмотрено как один из разделов последнего.

Математическая химия – новый этап взаимосвязи химии и математики

Появление в 1975 г. первого выпуска журнала «Communications in Mathematical and in Computer Chemistry» ознаменовало становление новой химической дисциплины – математической химии. Через 30 лет в городе Дубровник (Хорватия) Миланом Рандичем основана Международная академия математической химии (International Academy of Mathematical Chemistry), что способствовало институализации новой научной дисциплины. Членами академии являются известные специалисты в области математической химии, в том числе нобелевские лауреаты. Основной целью этой академической организации является объединение людей, работающих во всех аспектах математической химии, а также обмен новыми идеями и достижениями в этой области. Академия ежегодно организует встречи и конференции по математической химии.

Несмотря на то что математическая химия появилась лишь в 1970-е годы, ее история, по мнению некоторых исследователей, является многовековой. Так считают, например, Г. Рестрепо и Дж. Виллавесис [12]. Авторы ссылаются на работу немецкого математика Г. Вейля «Математический способ мышления»,

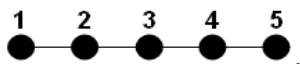
в которой математическое мышление рассматривается как функциональное, то есть мышление в терминах «переменные» и «функции». Следуя такому подходу, исследователи показывают, что математическая химия имеет многовековую историю, хоть это не очевидно. Ее «признаки» можно найти в работах Платона (учение о стихиях в диалоге «Тимей»), Э.-Ф. Жоффруа («Таблица сродства»), А. Лавуазье (химическая номенклатура в «Элементарном курсе химии»), Д. И. Менделеева (периодическая таблица) и даже у известных математиков XIX в. – А. Кэли (изомерия алканов с позиций математической теории деревьев) и Дж. Сильвестра (аналогия между валентностью атомов и инвариантом системы бинарных форм различной степени в алгебре). Стоит отметить, что А. Кэли, изучая изомерию алканов, в 1875 г. опубликовал свои результаты в ведущем химическом журнале того времени «Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft». Эта публикация является по сути первой работой по применению теории графов в химии.

Пока нет единого мнения о том, с чем связана математическая химия [13]. Одни исследователи считают, что ее цель – это математизация химии без посредничества физики и прямое решение химических задач методами математики. Другие видят в ней раздел теоретической химии, в котором применяются математические методы и подходы к химическим задачам. В редакционном введении к первому выпуску «Journal of Mathematical Chemistry» [14] отмечалось, что математическая химия связана прежде всего с новыми применениями математических методов в химии. При этом важен не характер используемого математического аппарата, а его новизна в решении определенной химической задачи. Новизна выражается в развитии новой химической теории, а также новых математических подходов, которые позволили бы решить многие задачи химии.

Математическая химия занимается компьютерным моделированием гипотетически возможных химических процессов и их зависимости от свойств атомов и структуры молекул. Поэтому иногда ее называют компьютерной химией (*computer chemistry*), которая не тождественна вычислительной химии (*computational chemistry*). В компьютерной химии молекулы моделируются с помощью графов, а химические реакции – с помощью формальных операций с ними. Это существенно упрощает алгоритмизацию химических задач, сводя их к обычным задачам комбинаторики и дискретной математики, и поиск решения с помощью компьютерных программ.

Графы – это объекты дискретной математики (поэтому математическую химию называют дискретной), которые можно характеризовать с помощью чисел. В химии понятие «граф» тесно связано с понятием «химическое строение». Использование графов в химии основано на главном постулате, сформулированном А. М. Бутлеровым – одним из создателей теории строения органических соединений: свойства веществ зависят не только от качественного и количественного состава, но и от порядка соединения атомов в молекулах.

В графе атомы играют роль вершин, а химические связи между ними – ребер, соединяющих вершины, при этом длины связей и углы между ними игнорируются. Например, для молекулы пентана с формулой $\text{CH}_3\text{--CH}_2\text{--CH}_2\text{--CH}_2\text{--CH}_3$ граф выглядит так:

Для выражения строения молекул используют числа, связанные со структурой графов, – топологические индексы. Рассчитав топологический индекс для различных молекул, можно установить связь его значений со свойствами веществ и использовать ее для предсказания свойств новых, еще не полученных веществ. Этот подход лежит в основе такого современного направления исследований, как QSAR (*Quantitative Structure – Activity Relationships*) – «поиск количественных соотношений структура – свойство», что нашло широкое применение в технологии создания новых лекарственных и биологически активных веществ. Поскольку результаты таких исследований носят статистический характер и не имеют физико-химического обоснования, фундаментальной научной ценностью они не обладают, но зато ярко демонстрируют главную идею химической науки: структура определяет свойства [15, с. 61].

Для расчета топологических индексов строят матрицы расстояний, элементы которых показывают число ребер, разделяющих вершины графа. Расстояние между вершинами не зависит от порядка их перечисления, поэтому матрицы расстояний симметричны относительно диагонали. Для указанного выше пентана матрица имеет вид

$$\begin{pmatrix} 0 & 1 & 2 & 3 & 4 \\ 1 & 0 & 1 & 2 & 3 \\ 2 & 1 & 0 & 1 & 2 \\ 3 & 2 & 1 & 0 & 1 \\ 4 & 3 & 2 & 1 & 0 \end{pmatrix}.$$

Присутствие в молекуле других (кроме углерода) атомов, а также кратных связей тоже можно учесть в топологических индексах. Для этого вершинам и ребрам графов присваиваются определенные числовые коэффициенты – «веса».

На первый взгляд кажется, что математическая химия имеет методологического «близнеца» – математическую физику, поскольку обе дисциплины используют методы математики для решения собственных задач. Однако автором данной работы на основании ранее опубликованной статьи немецкого исследователя И. Шуммера [16] установлена ошибочность такой позиции [17]. Дело в том, что математическая физика – это не междисциплинарное образование, а продолжение «математической» традиции в физике. Основополагающим принципом такой традиции является универсальность математического описания

и, следовательно, возможность сведения разных теоретических подходов к единой (математической) модели. Однако это совершенно недопустимо для эмпирических наук, к которым относится химия, поскольку у всякой «универсальной» модели есть границы применимости, за пределами которых она перестает быть адекватной. Химия же всегда создавала (и продолжает создавать) множество моделей, которые могут частично пересекаться друг с другом, отсюда их тесная связь и неразрывность. Математическая физика в методологическом плане не может служить для математической химии «путеводной звездой», к которой нужно стремиться в своем развитии.

И. Шуммер призывает химиков-экспериментаторов и химиков-теоретиков-математиков к консолидации усилий, а не противостоянию при разработке химических моделей. Ученые, занимающиеся математической химией, должны идти независимым путем без всякого «подражания» математической физике и следовать не универсализму, а методологическому плюрализму при разработке новых математизированных теорий в химии.

Из исторического рассмотрения взаимосвязей в системе «химия ↔ математика» следует, что равновесие в ней смещено влево, то есть лишь математика оказывала содействие в развитии теоретической химии, ничего не получая взамен. Однако японский химик Х. Хосойя в своей работе [18] показывает, что именно математическая химия тоже может внести вклад в развитие современной математики. Еще будучи студентом Токийского университета, он исследовал температуры кипения изомеров алканов. Чтобы установить корреляцию между строением алкана и его температурой кипения, ученый ввел *Z*-индекс, который сейчас в науке известен как топологический индекс Хосойи. Исследователь показывает на примерах, что использование *Z*-индекса может помочь решить задачи элементарной теории чисел, связанные с числовыми последовательностями Фибоначчи, Пелля, Пелля – Люка. В частности, индексы Хосойи линейных алканов удовлетворяют последовательности Фибоначчи.

Заключение

Рассмотренное развитие взаимосвязей химии и математики убедительно показывает односторонность «приговора» И. Канта. Не всякая естественнонаучная теория должна базироваться лишь на математическом формализме, как не всякий математизированный раздел естествознания можно назвать теоретическим.

Химия ярко демонстрирует «искусное» сочетание различных математических подходов. Конечно, из-за различия в своей природе химия и математика не так тесно связаны, как физика и математика, что и обуславливает медленное становление фундаментальной теоретической базы химии, и ей приходится «примерять физическую одежду». Однако неправильным подходом будет и полная абсолютизация роли математики в химии, да и во всем естествознании.

Математические формулы являются абстрактными и лишены конкретного содержания. Математика – это лишь инструмент в руках исследователя, которым нужно умело пользоваться. Лишь сочетание теории с экспериментом может наполнить математические формулы конкретным содержанием. Советский математик и академик Ю. А. Митропольский отмечал, что применение математики к другим наукам имеет смысл только в единстве с глубокой теорией конкретного явления, чтобы не сбиться на простую игру в формулы, за которой нет реального содержания [19].

Химию как эмпирическую науку сложно формализовать, однако в этом, пожалуй, и есть ее своеобразие, неповторимость, изящество, красота. Академик А. Л. Бучаченко считает, что именно красота является характерной чертой фундаментальности химии как науки, вероятно, подчеркивая «магию» химического эксперимента в сочетании с элементами интуиции, предвидения [20]. Эту позицию разделяют многие профессиональные химики наших дней, несмотря на успехи теоретической и математизированной химии. Поэтому развитие фундаментальной химии может реализоваться только в сотрудничестве теории и эксперимента, а не в их противостоянии.

Возможно, в обозримом будущем в связи с компьютеризацией химия выйдет на новый уровень развития и вскроются новые «каналы» связи с математикой, что обеспечит прямое взаимодействие обеих наук и создаст плодородную почву для развития фундаментальной теоретической базы химической науки. Есть уверенность, что и химики со свойственной им причудливостью мышления также окажутся полезными для математики в плане пополнения ее теоретической «копилки», вплоть до «революционных» изменений в ней. Как-то А. Авогадро в споре с К. Гауссом, утверждавшим, что законы существуют только в математике, а потому химия не может считаться наукой, сжег два литра водорода в литре кислорода и, получив два литра водяного пара, торжествуя воскликнул: «Вот видите! Если химия захочет, то два плюс один окажутся равны двум. А что скажет на это ваша математика?» [цит. по: 15, с. 8].

Список использованных источников

1. Клайн, М. Математика. Утрата определенности / М. Клайн ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; под ред. И. М. Яглома. – М. : Мир, 1984. – 424 с.
2. Галилей, Г. Пробирных дел мастер / Г. Галилей ; пер. Ю. А. Данилова. – М. : Наука, 1987. – 272 с.
3. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон ; пер. с лат. и ком. А. Н. Крылова. – М. : Наука, 1989. – 688 с.
4. Пуанкаре, А. О науке ; пер. с франц. / А. Пуанкаре ; под ред. Л. С. Понтрягина. – М. : Наука, 1983. – 560 с.
5. Дайсон, Ф. Дж. Математика в физических науках / Ф. Дж. Дайсон // Математика в современном мире / пер. с англ. Н. Г. Рычковой ; под ред. В. А. Успенского. – М. : Мир, 1967. – С. 111–127.
6. Restrepo, G. Editorial Introduction. Chemistry and Mathematics. Part I / G. Restrepo, J. Schummer // HYLE – Int. J. Philos. Chem. – 2012. – Vol. 18, № 1. – P. 1–2.

7. Ломоносов, М. В. Элементы математической химии / М. В. Ломоносов // Избранные труды по химии и физике / М. В. Ломоносов ; под ред. А. В. Топчиева. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 7–18.
8. Кант, И. Метафизические начала естествознания / И. Кант // Сочинения : в 6 т. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 55–176.
9. Курашов, В. И. История и философия химии : учеб. пособие / В. И. Курашов. – М. : КДУ, 2009. – 628 с.
10. Смит, В. Органический синтез. Наука и искусство / В. Смит, А. Бочков, Р. Кейпл ; пер. с англ. В. А. Смита, А. Ф. Бочкова. – М. : Мир, 2001. – 573 с.
11. Зоркий, П. М. Структурная химия на рубеже веков / П. М. Зоркий // Журн. Рос. хим. об-ва им. Д. И. Менделеева. – 2001. – Т. XLV, № 2. – С. 3–10.
12. Restrepo, G. Mathematical Thinking in Chemistry / G. Restrepo, J. L. Villaveces // HYLE – Int. J. Philos. Chem. – 2012. – Vol. 18, № 1. – P. 3–22.
13. Trinajstić, N. Mathematical chemistry / N. Trinajstić, I. Gutman // Croat. Chem. Acta. – 2002. – Vol. 75, № 2. – P. 329–356.
14. Rouvray, D. H. Editorial Foreword / D. H. Rouvray // J. Math. Chem. – 1987. – Vol. 1, № 1. – P. 3–4.
15. Еремин, В. В. Математика в химии / В. В. Еремин. – 2-е изд. – М. : МЦНМО, 2016. – 64 с.
16. Schummer, J. Why Mathematical Chemistry Cannot Copy Mathematical Physics and How to Avoid the Imminent Epistemological Pitfalls / J. Schummer // HYLE – Int. J. Philos. Chem. – 2012. – Vol. 18, № 1. – P. 71–89.
17. Кудачко, А. А. Математическая химия: методологический анализ новой химической дисциплины / А. А. Кудачко // Интернаука. – 2018. – № 19 (53), ч. 1. – С. 35–36.
18. Hosoya, H. What Can Mathematical Chemistry Contribute to the Development of Mathematics? / H. Hosoya // HYLE – Int. J. Philos. Chem. – 2013. – Vol. 19, № 1. – P. 87–105.
19. Киселева, О. М. Особенности использования математических методов для решения педагогических проблем [Электронный ресурс] / О. М. Киселева // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 6. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2014/06/6658> – Дата доступа : 30.10.2018.
20. Бучаченко, А. Л. Химия на рубеже веков: свершения и прогнозы / А. Л. Бучаченко // Успехи химии. – 1999. – Т. 68, № 2. – С. 99–118.

И. Н. Колядко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ**

В статье рассматривается проблема формирования культурно-цивилизационной идентичности транзитивных социумов в условиях дивергентных трендов современного этапа глобализации. Реальные процессы глобализации на современном этапе развития утрачивают свой конвергентный потенциал, выступая предпосылкой этнической, культурно-цивилизационной и конфессиональной дивергенции локальных социокультурных систем. Истощенность конвергентного потенциала глобализации инициировала кризис моноцентрической геополитической структуры мира, что обострило проблему культурно-цивилизационной самоидентификации трансформирующихся обществ. Обосновывается тезис, согласно которому феномен кризиса, наиболее зримо проявляющийся в трансформации канонических, традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности людей, в единстве своих деструктивных и конструктивно-созидательных функций, является одним из значимых факторов формирования новой – полицентрической – модели мира.

Ключевые слова: глобализация, дивергенция, кризис, культурно-цивилизационная идентичность, полицентрическая модель мира

I. Kolyadko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**IDENTITY CRISIS IN CONDITIONS OF CULTURAL
AND CIVILIZATIONAL DIVERGENCE**

In the article, there is considered the problem of formation of cultural and civilizational identity of transitive societies in conditions of divergent trends of the modern stage of globalization. The real processes of globalization at the present stage of development are increasingly losing their convergent potential, being one of the key factors of the ethnic, cultural, civilizational and confessional divergence of local sociocultural systems. The exhaustion of the convergent potential of globalization triggered the crisis of the monocentric geopolitical structure of the world, which exacerbated the problem of cultural and civilizational self-identification of the transforming societies. It justifies the thesis that the crisis phenomenon, most clearly manifested in the transformation of canonical, traditional forms of individual and collective identity of people, in the unity of their destructive and constructive creative functions, is one of the significant factors in the formation of a new – polycentric – world model.

Keywords: globalization, divergence, crisis, cultural and civilizational identity, polycentric model of the world

Обращение к проблемам формирования и репрезентации культурно-цивилизационной идентичности современных обществ во многом обусловлено характером социально-экономических, политических, социокультурных изменений, происходящих в современном мире. С одной стороны, глобализация, с которой четко ассоциируется распространение идеологии неолиберализма, создает угрозу культурной унификации, что вызывает всплеск националистических настроений и обостряет межэтнические и межконфессиональные конфликты. С другой стороны, ускорение социальной и культурной динамики в условиях «поздней современности» (Э. Гидденс) инициирует стихийно нарастающий процесс социокультурных трансформаций, приводящий к размыванию границ локальных культурных сообществ, а также к деструкции оснований культурно-цивилизационной и иных форм идентификации людей [1, с. 53].

Так, наиболее рельефно феномен кризиса в социокультурном развитии современных обществ выражается в трансформации и даже деформации канонических, традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности. Вместе с тем является неизбежным возникновение «в развитии общества кризисных эпох, когда прежняя исторически сложившаяся и закреплённая традицией “категориальная модель мира” перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности. В такие эпохи традиционные смыслы универсалий культуры утрачивают функцию мировоззренческих ориентиров для массового сознания» [2, с. 209]. В эпохи кардинальных перемен и преобразований политико-институциональных, социально-экономических и культурных, прежде всего ценностно-нормативных, оснований социума сложившиеся ранее «картины мира», системы аксиологических доминант и традиционные формы самоидентификации людей утрачивают соответствие потребностям общества в конституировании новых способов организации их жизнедеятельности. «Кризисы, – отмечает в этой связи А. И. Извеков, – характеризуются разрушающим воздействием на ментальность, в результате которого исчезает ее сплачивающе-унифицирующая роль, что в итоге чревато разрушением самой социальной общности. Не поддающийся сиюминутному осмыслению поток новейших ценностно-смысловых открытий провоцирует состояние социальной аномии» [3, с. 82].

Если в лоне национальной культурной традиции произошедшие перемены не получают соответствующего концептуально-теоретического осмысления, а возникшие разрывы и противоречия в целостной системе социума приводят к нарастающей энтропии, то наступает «период разрушительно-созидательного хаоса, в недрах которого происходит распад прежнего порядка, и пробиваются новые аттрактивные идеи, задающие векторы формирования нового порядка» [4]. Таким образом, в процессах формирования и утверждения культурно-цивилизационной идентичности транзитивных обществ актуализируется *конструктивно-созидательная функция кризисных явлений*. Последние часто вы-

ступают значимым фактором социокультурных и культурно-цивилизационных трансформаций и, соответственно, способствуют фундаментальным изменениям в сфере репрезентации как личностной, так и коллективной форм идентичности.

Разнонаправленные тенденции социокультурной динамики современных обществ указывают на состояние нестабильности, что влечет за собой изменения в содержании и формах репрезентации индивидуальной и коллективной идентичностей людей. Вместе с тем кризис идентичности и поиски новых ее конфигураций выступают как взаимодополняющие друг друга тенденции. И действительно, часто кризисы идентичности выступают в качестве механизма развития как личности, так и локальных социокультурных систем [5, с. 25–27], выполняя социально важную конструктивную функцию. Социально-философское осмысление трансформации культурно-цивилизационной идентичности локальных социумов в условиях глобализации представляется принципиально важным для ее успешного преодоления и понимания особенностей развития современных социумов «с целью сохранения национальной идентичности как одного из определяющих факторов социокультурной динамики современного общества, главного источника его саморазвития и самосохранения, целостности национального суверенитета, воспроизведения и трансляции национальной культуры, традиций и образа жизни» [5, с. 43].

Следует отметить, что современные исследователи говорят о необратимых изменениях в структуре самой идентичности, связанных прежде всего с нестабильными, кризисными состояниями культуры, общества и человека в ситуации стремительного разрушения устойчивых систем социокультурной регуляции [6, с. 65–70]. Речь в данном случае идет о феномене «спутанной идентичности в виртуальной культуре информационного постиндустриализма», которая, «все более приобретает черты эклектической, мозаичной идентичности, что более соответствует культуре постмодерна и облегчает человеку обретение собственной идентичности, жизненных стратегий и смыслов» [7, с. 31].

Опираясь на выводы социально-философских концепций глобализации и постсовременности, тематизирующих феномен перехода глобализирующихся обществ в новую фазу мировой истории, можно констатировать, что зарождающиеся в этот период тенденции социокультурной динамики выводят проблему формирования и сохранения культурно-цивилизационной идентичности в число наиболее актуальных и востребованных в различных странах и регионах мира [8–11]. Изменения различных форм идентичности, в том числе и культурно-цивилизационной, в условиях глобализации определяются целым рядом социокультурных трансформаций, среди которых можно выделить следующие: денационализация социальных пространств; детерриторизация социальных отношений; вытеснение локального глобальным и всевозможные формы глокализации; формирование глобальных и сетевых медиа, способствующих развитию транснациональных социальных отношений; ретрансляция

идеологии мультикультурализма из развитых стран западной цивилизации, ставших притягательной целью международных потоков миграции, по всем социокультурным регионам планеты [1, с. 86–87].

Под воздействием этих факторов процессы формирования культурно-цивилизационной идентичности смещаются от преимущественно экологических, примордиальных (родовых, племенных, этнических) форм, основанных на объективных, генетически заданных признаках этноса и культуры (общность антропологических черт, территориальная общность происхождения, наличие целостного культурного символического ядра, коррелирующего со спецификой традиционных систем жизнеобеспечения), к социально конструируемым, знаково-символическим измерениям идентичности, находящимся под влиянием господствующих форм социальной коммуникации и стереотипов поведения и деятельности [1, с. 87]. Противоречие между процессами распространения универсальных глобальных ценностей и усилением дивергентных трендов социодинамики, направленных на сохранение самобытности локальных культурно-цивилизационных идентичностей, во многом определяет вектор развития современных транзитивных обществ. Глобальной культурно-цивилизационной интеграции противостоят культурно-цивилизационная дифференциация социокультурных систем и стремление к сохранению собственной культурной уникальности, национальной идентичности, самобытности.

Осмысление кризиса идентичности в условиях дивергенции локальных социокультурных систем нашло свое выражение у ряда известных западных социальных философов и ученых. Так, У. Алброу отмечает, что единое мировое сообщество как цель глобализации следует понимать не как «единство без многообразия, но как многообразие без единства» [12, р. 215]. Э. Гидденс утверждает, что процессы глобализации являются одним из факторов возрождения локальных культурно-цивилизационных идентичностей: ренессанс локального является конструктивным ответом глобальным силам [11, с. 62]. Р. Робертсон в свою очередь акцентирует внимание на принципиальной невозможности тотальной стандартизации и унификации культуры и обосновывает тезис о возрастающей роли локальных и региональных идентичностей с ростом мировой информационной интеграции [13, р. 37].

Одним из противоречий глобализации в начале XXI столетия является устойчивая тенденция сохранения и углубления различий социально-культурных общностей и локальных социокультурных систем в условиях формирующейся интегрированной экономической и социальной среды. Новая тенденция социодинамики цивилизаций характеризуется перманентным процессом дивергенции локальных социокультурных систем. Следует отметить, что глобализация как процесс становления глобального рынка и его институтов, а также процесс перехода к единой мировой экономике без национальных границ, по обоснованному мнению ряда исследователей, был завершен еще на рубеже

второго и третьего тысячелетий. «Для современного, по сути, “постглобализационного” этапа развития уже единой мир-системы, – отмечает А. Л. Сафонов, – в значительной степени исчерпавшей потенциал конвергентных процессов и конвергентного развития, характерно преобладание процессов дивергенции и дифференциации, связанных с распадом, фрагментацией и дифференциацией локальных социумов. Вынужденная адаптация социальных групп и структур к новому, безбарьерному и прозрачному, но именно поэтому более конкурентному и нестабильному миру, вынуждает их усиливать собственные барьерные и защитные функции» [14, с. 68–69].

Действительно, стремительные трансформации мирового сообщества в конце XX – начале XXI в., вызванные прежде всего интенсивными и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили дискурс идентичности. Никогда ранее в истории проблема идентичности не стояла столь остро и перед индивидами, и перед культурно-цивилизационными регионами. Как отмечает в связи с этим С. А. Кравченко, «под влиянием увеличивающейся открытости границ страны перестают быть охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей и иных образов жизни» [15, с. 10]. С усилением стандартизации и унификации в качестве атрибутов глобализации отмечается возрастание роли культурно-цивилизационной и этноконфессиональной форм идентичности, являющихся составной частью процессов реальной дивергенции социокультурных систем.

Попытки концептуального осмысления данного феномена в современной социальной философии представлены **тремя подходами**. Согласно **первому – социально-антропологическому** – возрастание роли культурно-цивилизационной идентичности на современном этапе дивергентных трендов глобализации обусловлено специфической реакцией массового сознания на процессы культурной стандартизации. В рамках данного подхода глобализация трактуется в качестве процесса деидентификации социума при одновременной индивидуализации и атомизации человека. Социальная однородность как одна из задач процессов глобализации достигается путем уничтожения устойчивых общностей и объединений, которые могли бы играть роль референтных групп, служить источником формирования социальных норм и ценностных ориентаций, выступать в качестве эталона, образца, источника социализации и идентификации. «Глобализация, – поясняет О. В. Ивановская, – ставит своей целью создать некие сингулярности, как безликие поля, произвольные социальные единичности – микромножественности, образующие ризому, в противовес локальной культурной идентичности как субъекту, независимому суверенному коллективному сознанию, при котором из отдельных разрозненностей образуется, возникает и формируется целостность – культурная, религиозно-этническая общность» [16, с. 39]. Деструктивная функция кризиса проявляется в форме разрушения ценностно-нормативных и вместе с тем моральных ориентиров,

санкционированных национальной культурной традицией. Поскольку делегитимация структур культурно-цивилизационной идентичности разрушает общность ценностей и целей взаимодействующих субъектов, формируется «бифуркационный», кризисный социум.

Акцентированная актуализация ценностей локальных культурных традиций и этноконфессиональных особенностей выступает в качестве защитной реакции на социокультурном уровне на рутинизацию повседневности и нестабильность окружающей социальной среды. Иницилируемые глобализацией процессы социальных трансформаций являются ключевым фактором смены культурно-мировоззренческих ориентиров, разрушая доминирующие ценностно-нормативные императивы жизненного мира индивидуумов. Таким образом, устойчивость и относительная целостность культурно-цивилизационной идентичности, обладающая в большей степени антиэнтропийными характеристиками в противоположность социальным новациям, препятствует возникновению очагов нестабильности и росту социальной аномии.

Второй – социально-исторический подход усматривает в процессах ренессанса культурно-цивилизационных идентичностей влияние конкретных исторических событий, прежде всего окончание социально-политического противостояния двух мировых геополитических блоков и идеологий – социализма и капитализма. Однако сам процесс возрождения национальных и культурно-цивилизационных идентичностей интерпретируется в данном подходе как весьма неоднозначный и во многом противоречивый. Биполярная геополитическая система мира трансформировалась в полицентрическую, что существенно повлияло на расстановку политических сил в мире. Сегодня фактически идет интенсивный процесс формирования самодостаточных региональных центров силы, объединяющих ряд государств и вступающих между собой в жесткую конкурентную борьбу, казалось бы, исключая конструктивные формы взаимодействия и коммуникации. Известный современный социальный критик и аналитик Дж. Фридман отстаивает тезис о неизбежной плюральности, множественности центров силы и, соответственно, локальных культурно-цивилизационных регионов, что продиктовано необходимостью поддержания путем сохранения многообразия, устойчивой динамики и геополитического баланса мирового сообщества [17].

Ряд исследователей отстаивают вполне обоснованную позицию, согласно которой «мировой системе предстоит стать полицентрической, а самим центрам – диверсифицированными, так что глобальная структура силы окажется многоуровневой и многомерной (центры военной силы не будут совпадать с центрами экономической силы и т. п.), хотя и необязательно сбалансированной» [18, с. 33]. Причем формирующийся новый миропорядок будет базироваться не на одной, а на нескольких дополняющих друг друга и в то же самое время конкурирующих ценностно-нормативных системах. А его специфической чертой станет отсутствие универсального индивидуального лидер-

ства. Ни одно государство (сколь бы сильно оно ни было) не сможет навязать миру свою линию развития. Грядущий мировой порядок, скорее всего, будет иметь не одну, а несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в том числе и взаимоисключающих. Это связано с тем, что на авансцене мировой истории с неожиданной быстротой стали появляться новые субъекты, которые, хотя и не принадлежат к мировым лидерам по уровню прежде всего социально-экономического развития, тем не менее способны создать под своим патронажем региональные блоки, противостоящие дальнейшей экспансии западной цивилизации. К тому же формирующиеся региональные центры все в большей степени оказываются в состоянии отстаивать свои политические и экономические интересы, а также сформировать коалиции, не зависящие от стран – лидеров глобализации. Таким образом, они способны существенно ослабить стратегию утверждения моноцентрической геополитической структуры мира, трансформировав ее в полицентрическую.

Третий – социально-политический подход акцентирует внимание на развитие сферы информационно-компьютерных систем и коммуникационных технологий. Экстенсивное развитие сферы этих технологий выступает, с одной стороны, одним из основных условий становления информационного общественного уклада, а с другой стороны, мощным ресурсом манипулирования массовым общественным сознанием в интересах правящей элиты. Данный подход представлен концепциями конструктивизма и инструментализма и сводится к тому, что «после окончания “холодной войны” элиты стали использовать для легитимизации своих действий и управления массами новую фразеологию, вместо “демократии” и “коммунизма” – религиозные, этнические, культурные цели» [19, с. 41–42]. Таким образом, акцентируется внимание на значительной роли информационно-коммуникационных технологий в процессах управления социально-политическими процессами и массовым общественным сознанием. Процессы трансформации социальности и культуры в начале третьего тысячелетия, согласно теоретикам данного подхода, проявляются, во-первых, в деидентификации и социальной дезинтеграции и, во-вторых, в технико-технологической экспансии и информатизации всех без исключения сфер и подсистем социума. Первая тенденция находит выражение в утверждении условности и произвольности социальных установлений, отрицании социальной сущности человека как таковой, а также в теоретическом обосновании исключительно механической, случайной взаимосвязи между «культурой как сферой надындивидуальных ценностей, социальностью и властью как средством установления социальной иерархии» [20, с. 58]. Вторая тенденция воплощается прежде всего в теоретическом постулировании субъективизма, релятивизма и номинализма, что в практическом отношении выражается в проникновении манипуляционных технологий как в индивидуальное, так и в общественное сознание, являясь необходимым условием и предпосылкой возникновения авторитаризма и тоталитаризма.

Еще одним измерением социально-политического подхода, представленного преимущественно в трудах теоретиков постмодернизма, является постулирование принципиально постидеологического характера современного государства. Обоснованием данного тезиса стала концепция «мягкой идеологии» (*«soft ideology»*). Суть трансформации, которая происходит с феноменом идеологии во второй половине XX в., заключается в том, что на смену универсалистской идеологии, объединяющей людей поверх национальных и гендерных барьеров на основе их классовых интересов, а также на основе общечеловеческого стремления к достижению более свободного и справедливого общественного состояния, приходят идеологии «цвета кожи», как называет их Д. Белл, или националистические идеологии, локализирующие и разделяющие культурно, но не политически автономные сообщества. На парадигмальном уровне формирование «постидеологической» реальности соответствует переходу от индустриально ориентированного общества к обществу постиндустриальному, информационному.

Обобщая суть охарактеризованных выше подходов, можно сделать вывод, что феномен возрождения культурно-цивилизационных идентичностей в начале третьего тысячелетия является одним из важных факторов дифференциации и дивергенции социокультурных систем в условиях изменения их ценностно-нормативных оснований. Непосредственно процесс формирования и возрождения новых форм идентификации свидетельствует о переходном состоянии социума, в процессах преобразования которого ясно усматривается реализация как деструктивной, так и конструктивно-созидательной функций кризисных явлений. Глобальные трансформации оказывают как минимум двойственное влияние на культурно-цивилизационную идентичность локальных социокультурных систем. С одной стороны, очевиден процесс размывания локальных культурных традиций и репрезентирующих их индивидуальных и коллективных форм идентичности. С другой стороны, предпринимаются энергичные шаги по развитию и укреплению позиций прежде всего культурно-цивилизационной идентичности, которая в зависимости от контекста может наполняться как этническими и даже трайбалистскими характеристиками, так и подчеркнуто выражать приверженность определенным культурно-мировоззренческим и религиозным доктринам и ориентациям.

В переходные периоды социодинамики возрастает стремление переосмыслить происходящие изменения, вследствие чего «творческое меньшинство» локальных социокультурных систем обращается к ресурсам культурной традиции, актуализируя ее антиэнтропийный потенциал. Важно при этом отметить, что ренессанс культурно-цивилизационной идентичности социокультурных систем не всегда выстраивается как исключительно конструктивный ответ на дивергентные тренды современного этапа глобализации. Данный процесс может приобретать крайние, радикализированные формы, которые особенно наглядно проявляются в конфликте западных стран и исламского фундамен-

тализма, в попытках реинтерпретации роли локальных культурных традиций в формировании ценностно-мировоззренческих оснований целого культурно-цивилизационного региона, а также в попытках противостояния экспансии определенной модели социокультурного, политического, социально-экономического и цивилизационного развития (например, Brexit как процесс, инициируемый консервативно настроенной оппозицией, по выходу Великобритании из состава Европейского союза).

Мы являемся свидетелями весьма значимых общепланетарных процессов одновременной дифференциации локальных цивилизаций и формирования их идентификационных матриц. Эти процессы гораздо менее исследованы, хотя уже в работах С. Хантингтона проблемы возможного столкновения цивилизаций и культурно-цивилизационных идентичностей поставлены остро и глубоко: «В XX в. отношения между цивилизациями продвинулись от фазы, когда преобладало однонаправленное влияние определенной цивилизации, к фазе интенсивного устойчивого взаимодействия всех цивилизаций... Эра “экспансии Запада” кончилась и начался “бунт против Запада”. Межцивилизационное столкновение культур и религий вытесняет рожденное Западом внутрицивилизационное столкновение политических идей» [21, с. 514–515]. Однако возможное столкновение регионов, очевидно, является наименее приемлемой формой разрешения глубокого кризиса глобализации в условиях углубления дивергенции локальных социумов.

Сегодня геополитическая конфигурация локальных социокультурных систем принципиально трансформировалась и выстраивается в направлении полицентрической модели социодинамики цивилизаций. Препятствием в этом процессе являются взаимные распри, претензии, противоречия. Преодоление их возможно лишь в режиме конструктивного диалога, успех и продуктивность которого будут очевидными для большинства его участников в случае, «если характерная для диалога фаза креативного хаоса и культурного разнообразия всегда будет порождать стремление к утверждению порядка и самоорганизации» [22, с. 11]. Для этого необходимо, наконец, признать несостоятельность попыток монистического объединения мира. Как оказалось, стремление к унификации не приводит к интеграции, а лишь расширяет конфликтогенные и рискогенные зоны международных отношений. Поэтому признание многомерности мира может создать почву для подлинной, не игнорирующей особенности национальных культурных традиций консолидации локальных социумов в условиях их реальной дивергенции.

Список использованных источников

1. Ленсмент, А. Феномен этнокультурной идентичности в эпоху постсовременности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Анжелика Ленсмент ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2017. – 169 с.
2. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.

3. Извеков, А. И. Кризисные состояния в культуре: проблема типологизации / А. И. Извеков // Грамота. – 2014. – № 9 (47) : в 2 ч. Ч. 1. – С. 80–85.
4. Яркова, Е. Н. Постмодернизм как культура межцивилизационной эпохи [Электронный ресурс] / Е. Н. Яркова // Философия и культура. – 2014. – № 10 (82). – Режим доступа : http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=30998 – Дата доступа : 18.02.2019.
5. Кожевникова, Ю. А. Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ю. А. Кожевникова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – 158 с.
6. Бауман, З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. / З. Бауман ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
7. Римская, О. Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре / О. Н. Римская // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 3. – С. 25–33.
8. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника ; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
9. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – CLXX, 788 с.
10. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века : пер. с англ. / И. Валлерстайн ; под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
11. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 116 с.
12. Albrow, M. The Global Age: Stale and Society Beyond Modernity / Martin Albrow. – Cambridge : Polity Press, 1996. – 246 p.
13. Robertson, R. Globalization: Time-Space and Homogeniety-Heterogeniety / R. Robertson // Global Modernities. – London ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1997. – P. 25–44.
14. Сафонов, А. Л. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций / А. Л. Сафонов, А. Д. Орлов. – СПб. : ЛИТЕО, 2017. – 336 с.
15. Кравченко, С. А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей / С. А. Кравченко // Социол. исслед. – 2013. – № 5 (349). – С. 3–12.
16. Ивановская, О. В. Кризис и сакрализация идентичности в глобализирующемся мире / О. В. Ивановская // Вестн. Волгогр. госуд. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2011. – № 1 (13). – С. 38–44.
17. Фридман, Д. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века / Джорж Фридман ; пер. : А. Калинин, В. Нарица, М. Мацковская. – М. : Эксмо, 2010. – 336 с.
18. Баталов, Э. Я. Новый мировой порядок: к методологии анализа / Э. Я. Баталов // Полис. – 2003. – № 5. – С. 25–37.
19. Авксентьев, В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В. А. Авксентьев. – Ставрополь : СГУ, 2001. – 268 с.
20. Голубев, С. В. Основания государственности: социально-философский анализ / С. В. Голубев. – Минск : Изд-во БГУ, 2005. – 182 с.
21. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2005. – 603 [5] с.
22. Зеленков, А. И. Полилог культурных традиций и ценности глобализма / А. И. Зеленков // Социология. – 2003. – № 1. – С. 3–11.

И. Р. Скиба

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
«ЦИФРОВОЙ ПСИХИКИ» И РАЗУМНЫХ МАШИН**

Целью данной статьи является исследование альтернативных форм интеллекта, возможность появления которых ставит под сомнение человеческую уникальность и претензии человека на бытие чем-то большим, чем сложный алгоритмизированный биосоциальный аппарат. Ключевым аспектом данной работы является осмысление проблематики создания разумной машины, обладающей «сильным» искусственным интеллектом.

Ключевые слова: цифровая психика, психо-машины, искусственный интеллект, киберпространство, цифровой субъект

I. Skiba

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**RETHINKING THE ESSENCE OF HUMAN
IN THE CONTEXT OF THE “DIGITAL PSYCHE” AND INTELLIGENT MACHINES**

The purpose of this article is to study alternative forms of intelligence, the possibility of the appearance of which casts doubt on the human uniqueness and claims of a person to be something more than a complex algorithmized biosocial apparatus. A key aspect of this work is the understanding of the problems of creating an intelligent machine with “strong” artificial intelligence.

Keywords: digital psyche, psycho-machines, artificial intelligence, cyberspace, digital subject

Высшее чувство человека –
тоска по сверхчеловеку.

Фридрих Ницше

Второй виток бума искусственного интеллекта, который в отличие от первого витка 60–70-х годов XX в. базируется на сложных и высокотехнологичных цифровых системах, имеет в распоряжении цифровую среду – киберпространство и стремится к воспроизведению «человекоразмерных» объектов (искусственных субъектов), а также поднимает ряд вопросов о специфике человеческой сущности как основе для методологических положений моделирования и генерирования высокоадаптивных интеллектуальных систем. Сущность человека и ее ключевые аспекты как эпистемологические информационные блоки в контексте разработки искусственного интеллекта не являются истинной ради истины, а носят практико-ориентированный прикладной характер

и служат целям менеджмента в рамках интеллектуальных технологий. Происходит переосмысление критериев и требований к истинности онтологического положения как человека, так и разумной машины, ибо при уточнении ключевых аспектов сущности человека (при условии их представления в наукоёмкой формулировке) разработчики интеллектуальных систем получают конкретный вектор, направляющий и координирующий их усилия. Также при условии фактической разработки сложной интеллектуальной системы, обладающей цифровой психикой и цифровым сознанием, человечеству будет предоставлено в некотором роде «кривое зеркало» собственного имманентного содержания, при взгляде в которое появится возможность более полного самопознания человеческой природы в корреляции с альтернативной системой.

Таким образом, определение критериев «человекоразмерной» искусственной системы (ответ на вопрос «Какую систему мы можем таковой считать?») приобретает актуальность, которая не порождена вторым витком бума, а имеет свою историю. Наиболее известным примером критериев разумной машины является тест Алана Тьюринга, который вызывает неоднозначное к себе отношение уже более полувека, а также имеет множество разноплановых модификаций. Суть теста в том, что если в случае общения человека с искусственной программной и/или аппаратной системой при соблюдении определенных условий (отсутствие визуального контакта, возможность задержки ответа и т. д.) человек не сможет понять кто (человек или машина) с ним общается, то следует вывод о «человекоразмерности» машины, то есть обладании ее сознанием (цифровым сознанием). Как правило, при исследовании правомерности, информативности и целесообразности теста Тьюринга обращается внимание прежде всего на применимость его к системам искусственного интеллекта, а особенности теста, позволяющие на основе него переосмыслить некоторые аспекты непосредственно человеческой сущности, – остаются в тени. Логично предположить, что тест Тьюринга информативен «полярно», то есть на его основе обеспечена возможность исследования также и природы человека, а не только тестирование коммуникационного уровня систем искусственного интеллекта.

Для обоснования методологических компонент исследования человеческой природы на основе теста Тьюринга целесообразно обратиться к его эпистемологическому оппоненту – мысленному эксперименту Джона Сёрла.

«Китайская комната»

Представим себе изолированную комнату, в которой находится Джон Сёрл, который не знает ни одного китайского иероглифа. Однако у него есть записанные в книге точные инструкции по манипуляции иероглифами вида «Возьмите такой-то иероглиф из корзинки номер один и поместите его рядом с таким-то иероглифом из корзинки номер два», но в этих инструкциях отсутствует информация о значении этих иероглифов, и Сёрл просто следует этим инструкциям подобно компьютеру. Наблюдатель,

знающий китайские иероглифы, через щель передает в комнату иероглифы с вопросами, а на выходе ожидает получить осознанный ответ. Инструкция же составлена таким образом, что после применения всех шагов к иероглифам вопроса они преобразуются в иероглифы ответа. Фактически инструкция – это подобие компьютерного алгоритма, а Сёрл исполняет алгоритм так же, как его исполнил бы компьютер. В такой ситуации наблюдатель может отправить в комнату любой осмысленный вопрос (например, «Какой цвет вам больше всего нравится?») и получить на него осмысленный ответ (например, «Синий»), как при разговоре с человеком, который свободно владеет китайской письменностью. При этом сам Сёрл не имеет никаких знаний об иероглифах и не может научиться ими пользоваться, поскольку не может узнать значение даже одного символа. Сёрл не понимает ни изначального вопроса, ни ответа, который сам составил. Наблюдатель, в свою очередь, может быть уверен, что в комнате находится человек, который знает и понимает иероглифы [см.: 1, с. 26–31].

Выводы из мысленного эксперимента следующие: для правильного решения задачи не обязательно понимать ее смысл. Уместно заметить, что выводы из мысленного эксперимента «Китайская комната» находятся в еще большем противоречии с основными положениями гипотезы Ньюэлла–Саймона, чем с презумпцией целесообразности теста Тьюринга. Упомянутая гипотеза была сформулирована Алленом Ньюэллом и Гербертом Саймоном в 1976 г. и свидетельствует о том, что физическая символьная система имеет необходимые и достаточные средства для произведения базовых интеллектуальных действий, в широком смысле [см.: 2, с. 14–24]. Под «широким смыслом» понимается то, что впоследствии было названо «сильным искусственным интеллектом». Другими словами, без символьных вычислений невозможно выполнять осмысленные действия, а способность выполнять символьные вычисления вполне достаточна для того, чтобы трансформироваться в способность выполнять осмысленные действия. Таким образом, согласно данной гипотезе, компьютер способен к подобным вычислениям и на его основе может быть создан искусственный интеллект.

Из критериев теста Тьюринга, выводов «Китайской комнаты» Джона Сёрла и гипотезы Ньюэлла–Саймона логично заключить наличие единого системообразующего фактора – смыслоцентрированности, или смысловой редукции. То есть способность уяснять смысл символических комбинаций и операций с ними ставится во главу угла: в тесте Тьюринга из способности системы осуществлять коммуникативную деятельность выводится обоснование ее «человеко-размерности», а понимание смысла речи априори подразумевается в условиях теста; в «Китайской комнате» Сёрла отсутствие осмысления осуществляемой деятельности (также коммуникативной) служит обоснованием для отсутствия «человеко-размерности» у алгоритмизированной машины; а в гипотезе Ньюэлла–Саймона способность компьютера к осуществлению символических вычислений служит необходимым и достаточным основанием для возникновения осмысленности в широком смысле, то есть (в рамках гипотезы) сильного искусственного интеллекта.

Смысл и способность к его осуществлению, то есть к осмыслению служат ключевым критерием специфически человеческой сущности в корреляции ее с альтернативными искусственными системами. По мнению Ю. Шрейдера, смысл феномена оправдывает существование феномена, так как определяет его место в некоторой целостности, вводит отношение “часть – целое”, делает его необходимым в качестве части этой целостности» [3]. Смысл, как некое качество, примечателен тем, что он всегда является порождением системной эмерджентности и, как указывал Л. Витгенштейн, неизменно контекстуален: онтологически нечто может иметь смысл лишь в отношении чего-либо иного и/или с чем-либо иным, а не само по себе (истина важна не сама по себе, а в контексте желания и необходимости ее познания, а также в соотношении с не-истиной).

Так как за человеческим существом как социализированной личностью априори подразумевается способность к осмыслению и осмысленной деятельности, которые являются ключевыми критериями отличия от искусственной альтернативной жизни в любой форме, а в сфере искусственных систем такая возможность отвергается, целесообразно исследовать обоснованность подобного подхода. Она исследуется в рамках необходимости конкретизации и координирования уже определенного вектора разработки «человекоразмерных» систем – создания интеллектуальной системы, способной к осмыслению в широком смысле.

Соотнося способности к осмыслению у искусственной интеллектуальной системы и у человека актуальной становится демаркация, проведенная Г. Фреге в статье 1892 г. «О смысле и значении». Как видно из названия, Фреге разделяет понятия «значение» и «смысл»: значение – это сам обозначаемый предмет и его образ в психореальности осмысляющего, а смысл – информация о предмете. В рамках феноменологии Э. Гуссерля смысл полагается «лингвистически оформленным», то есть символически трансформированным значением. Жиль Делёз в своей книге «Логика смысла» определяет смысл как нечто, возникающее при непрерывном взаимодействии двух неоднородных рядов означающего и означаемого: ряда с нехваткой и ряда с избытком. Традиционно же осмысленной деятельностью считается последовательная реализация упорядоченных действий, которые соотнесены как с тактическими задачами, так и со стратегическими целями.

Целесообразность деятельности в целом также служит критерием осмысленности. Однако данное определение чересчур широко, что позволяет проследить телеономический постулат математика Н. Н. Моисеева: «Давайте примем как аксиому то, что вместе с жизнью рождается и способность к целесообразному поведению» [4, с. 23]. В рамках разработки «человекоразмерных» интеллектуальных систем уровень развития способности к осмыслению также должен быть «человекоразмерен» и, соответственно, включать в себя такие феномены,

как самосознание, способность к рефлексии, осознание своих психологических «границ» по отношению к Другому, экзистенциальность и прочие специфически человеческие психосоциальные атрибуты. В противном же случае интеллектуальная система не будет иметь права называться «человекоразмерной» по причине отсутствия в ее рамках цифровой психики и цифрового сознания.

Как уже было сказано, при разработке интеллектуальных систем с претензией на «человекоразмерность» крайне важно понимать, что именно следует моделировать и генерировать. В рамках разработки систем слабого (без претензии на «человекоразмерность») искусственного интеллекта моделированию подвергаются прежде всего перцептивные и когнитивные человеческие процессы, которые затем встраиваются в субстрат нейросети и используются в качестве прикладных помощников человека или иным прагматическим образом. Подобного рода системам ничего осмыслять не нужно, им необходимо либо непосредственно выполнять прописанный алгоритм, либо генерировать новый алгоритм под конкретную (всегда тактическую) задачу. Этого недостаточно для разработки системы сильного искусственного интеллекта, которая априори должна быть способна к осмыслению. Уместно заметить, что некоторые исследователи признают за интеллектом, а соответственно, и способностью к рациональному мышлению и к осмыслению сугубо биологическую (специфически человеческую) природу. Здесь целесообразно вспомнить о знаменитом мысленном эксперименте Р. Декарта, в котором он смог представить себя без тела, но не смог представить себя без души. Эпистемологическим оппонентом эксперимента Декарта служит разработанный нами следующий мысленный эксперимент.

«Анти-Декарт»

Для начала попробуем представить себя без тела. Не всего тела, как некоего аспекта человеческого психофизического конгломерата, а частично и по очереди. Для начала представим себя без глаз (без зрения, на которое, как правило, приходится около 70 % всей входящей информации). То есть: без глаз, без зрительных нервов, без зрительных бугров и без соответствующего участка коры больших полушарий на медиальной части внутренней поверхности задней доли каждого полушария по обеим сторонам от шпорной борозды. Как следствие, мы лишены возможности визуально воспринимать окружающую действительность и фиксировать образы. При условии того, что мы не были от рождения лишены зрения, у нас в памяти должно содержаться огромное количество тех образов, которые мы успели зафиксировать за хронологический отрезок онтогенеза и которые являются структурно-функциональными единицами Личного Образного Конструкта (ЛОК). Поэтому нам не составит труда и дальше пользоваться образным мышлением, в частности представлять себя в виде образа и предполагаемую действительную обстановку вокруг. Далее если лишить себя не просто глаз и зрения, а также и всех подлежащих их «юрисдикции» факторов, то перед нами предстанет абсолютная пустота – мы не увидим ничего вообще. Также

мы не сможем оперировать образами и у нас будет полностью отсутствовать образное мышление, то есть применительно к визуальным аспектам восприятия мы не сможем ничего представить. Но ведь у нас наличествуют не только органы зрения, а также и иные репрезентативные системы. Попробуем отключить еще некоторые из них. К примеру уши (слух и аудиальное восприятие). Произойдет то же самое, что и с визуальной составляющей, и, как следствие, мы ничего не слышим, и даже понятие о слышимости и аудиальных «образах» у нас отсутствует. Затем отключим остальные репрезентативные системы: кинестетическую, обонятельную, вкусовую (которая некоторыми исследователями отождествляется с обонятельной), проприоцептивную, «чувство времени» и прочие. Как итог: мы не видим, не слышим, ничего не чувствуем и даже понятия о том, как это делается, не имеем. Мышление ограничено до почти полного отсутствия. Притом, что мы изолировали лишь перцептивную составляющую психофизического конгломерата. И в итоге мы лишились значительной части нервной системы, а соответственно, физиолого-биохимической основы бытия человеком.

Можно продолжить далее данный процесс «представления себя без тела», но, по всей видимости, в этом вовсе отсутствует необходимость ввиду показательности уже полученных нами результатов. Отсюда вердикт: в принципе невозможно представить себя без тела, ибо именно тело служит основой для самой способности представлять.

Представить же себя без души в теоретическом смысле сложнее, потому что на данный момент в науке вовсе отсутствует определение души и сам факт ее наличия вполне правомерно подвергается обоснованному и аргументированному сомнению. Ради теоретического удобства представим душу неким эфемерным астрально-зеркальным отражением физической сущности человека и попробуем «представить» себя этой «душой» в отрыве от тела. Мы получим вновь абсолютное ничто. По той причине что: мы ничего не увидим, ибо зрение подлежит телесной «юрисдикции»; мы ничего не услышим, ибо слух подлежит телесной «юрисдикции»; и т. д. А что же «подлежит» «юрисдикции» самой души – вопрос, не касающийся тематики эксперимента. Наш же вердикт ясен: если сам факт наличия души был бы научно доказан, то даже в этом случае было бы принципиально невозможно представить себя душой без тела.

Видимо, на основании данного мысленного эксперимента не решить проблемы психофизического единства и не выявить специфически человеческого механизма осмысления. Зато на основе «Анти-Декарта» показано наличие нерасторжимой связи между структурой и реализацией ее функционального потенциала. Поэтому невозможно представить в динамике статическую модель структуры, ибо этот тот самый случай, когда потенциал реализации и субстрат реализации не существуют друг без друга. Применительно к тематике нашего исследования это означает, что душа не существует в отрыве от тела, ибо это онтологически невозможно, а соответственно, и способность к осмыслению также структурно (телесно, аппаратно и «программно») воплощена, а не является чем-то эфемерным или астральным – напротив, она связана со структурой субстрата так же, как и все остальные функции, и неаддитивно складывается из многих факторов и компонентов. Как уже было сказано, способность осмыслять – эмерджентное свойство сложной системы, а потому если в рамках разработки интеллектуальных систем будет сгенерирована соответ-

ствующая структура, то также воспроизведена будет и функция (согласно принципу структурно-функционального соответствия).

Несколько иначе закончится попытка представить без психики (души) другого человека. Об этом наш следующий мысленный эксперимент.

«Человек без психики»

Представьте себе человека, у которого нет души, психики, интеллекта, чувств, эмоций, способностей к осмыслению и т. д. Но он 24 часа в сутки притворяется, что у него это все есть и функционирует так же, как у того, у кого все это наличествует. Если мы спросим у него: «Есть ли у тебя психика и/или душа?», то он ответит: «Конечно же, есть. Как и у тебя, наверное». Допустим, мы ему не доверяем и хотим проверить, говорит ли он нам правду. Как мы поступим, дабы проверить истинность его слов? Если бы он говорил, что у него есть, к примеру, печень или сердце, то в случае недоверия мы могли бы потребовать сделать ультразвуковое исследование. Если бы он говорил, что у него есть кости, можно было бы убедиться в этом по результатам компьютерной томографии. Если бы он говорил, что у него есть мозг, подтверждением стали бы результаты магнитно-резонансного исследования.

Но актуальный вопрос качественно иной: наличие или отсутствие психики, сознания, внутреннего мира, чувства смысла. Можно попробовать применить психологические тесты по отношению к данному субъекту, однако вспомним: он притворяется 24 часа в сутки, что у него есть психика, поэтому он пройдет эти тесты так же, как прошел бы их обычный человек. И все же, что поможет нам понять, есть ли у человека психика, душа, интеллект или же он просто притворяется? К сожалению, способов и инструментов такой проверки не существует. Мы не знаем ни что они (психика, душа, сознание) собой представляют, ни где их искать. Поэтому мы формально даже не можем утверждать, что они существуют, ибо не знаем, как это доказать и как это опровергнуть при желании. Мы априори принимаем, что они есть у нас самих и затем идентифицируем свое Я с каждым Другим, признавая, что у него они, наверное, тоже есть. Но мы никогда не знаем, какова ситуация на самом деле. Мы просто принимаем на веру, а обоснованность суждений происходит по интерпретации внешних, бихевиоральных аспектов Другого. Так же и с вопросом о свободе воли: мы принимаем на веру ее наличие, но никаких доказательств наличия не существует, как, соответственно, и возможностей для опровержения.

Р. С. Критика возможности осуществления процесса притворства без наличия психики и интеллекта – неправомерна, ибо контраргументом служит мысленная попытка представить человека с имманентным содержанием в виде «алгоритма притворства», что по смыслу соотносится с «Китайской комнатой» Сёрла и никак не влияет на выводы из эксперимента «Человек без психики».

Отсюда и возникает вопрос: как мы можем создать разумную автономно осмысляющую машину, если мы даже не можем быть уверены в наличии разума, осмысления, свободной воли в другом человеке? Первое: при разработке искусственного интеллекта не нужны доказательства – нужны функции. Второе: при разработке искусственного интеллекта не нужно понимать –

нужно уметь моделировать, генерировать и осуществлять необходимый менеджмент. Поэтому если искусственный интеллект сможет продемонстрировать те качества, которые априори принимаются как «человекообразные», это вполне устроит разработчиков и будет служить необходимым и достаточным основанием для того, чтобы постулировать наличие цифровой психики и цифрового сознания (даже в зачаточном состоянии) во «внутреннем мире» машины. Формулировки «человек обладает сознанием» и «искусственная нейронная сеть обладает цифровым сознанием» равноценны и по уровню смысла, и по принадлежности к паранаучным высказываниям, согласно критерию Поппера. Формулировки «человеческое поведение внешне кажется сознательным и целесообразным» и «работа искусственной нейронной сети внешне кажется сознательной и целесообразной» более наукоемки и равноценно верифицируемы и фальсифицируемы, но в данном случае увеличения логической правомерности высказывания еще существенней стираются различия между «внутренним миром» человека и машины.

* * *

Осмыслив сказанное, целесообразно резюмировать. Появление альтернативных форм интеллекта ставит под сомнение человеческую уникальность и претензии человека на бытие чем-то большим, чем сложный алгоритмизированный биосоциальный аппарат. Футуристическая же реализация программно-и/или аппаратно-цифровой психики и высшей стадии ее развития – цифрового сознания, поставит под сомнение также целесообразность и успешность человеческой формы жизни как актуального пика биологической эволюции, заставит посмотреть в «кривое зеркало» собственного внутреннего мира и кардинально трансформирует мировоззренческие установки человека, а также послужит основанием для пересмотра вопроса «Одни ли мы во Вселенной?». Здесь крайне уместно привести цитату автора теории самоорганизованной критичности Пера Бака: «Человеческий мозг обладает способностью формировать сложные образы мира, окружающего нас, и идею о том, что мозг сам по себе должен быть сложным объектом, можно счесть очевидной. Однако это не обязательно так. Как мы уже видели, сложное поведение может возникнуть в моделях с простой архитектурой благодаря процессу самоорганизации. Возможно, мозг тоже представляет собой довольно простой орган» [5, с. 184].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: создать разумную «человекообразную» машину, обладающую сильным искусственным интеллектом теоретически возможно, на данном пути отсутствуют логические или методологические затруднения, а постулаты о человеческой *невоспроизводимой* уникальности и об обладании человека чем-то внутренне *неповторимым* не являются научными и не соответствуют критерию Поппера, как было показано в разработанном нами мысленном эксперименте «Человек без психики».

Список использованных источников

1. Searle, J. Is the Brain's Minda Computer Program? / John Searle. – Scientific American, 1989. – P. 26–31.
2. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход (AIMA) / Стюарт Рассел, Питер Норвиг. – 2-е изд. – М. : Вильямс, 2007. – 1410 с.
3. Шрейдер, Ю. Смысл / Ю. Шрейдер // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; гл. ред. В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – Т. 4. – 735 с.
4. Моисеев, Н. Н. Случайна или неизбежна эволюция? / Н. Н. Моисеев // Химия и жизнь. – 1981. – № 7. – С. 23–28.
5. Бак, П. Как работает природа: теория самоорганизованной критичности / Пер Бак // Синергетика. От прошлого к будущему / редкол.: Г. Г. Малинецкий (предс.) [и др.]. – М. : Либроком, 2017. – 276 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УТВЕРЖДАЯ АКАДЕМИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ

(К 90-летию академика Д. И. Широканова)

Философия по своей природе – уникальный интеллектуальный продукт, феноменальный результат многовековой мыслительной деятельности древних греков. Но что стало бы с ней, если бы она не закрепилось в умах и сердцах других народов и не получила бы от них подпитки?

Белорусская философия – один из тех многочисленных источников, который в меру своей силы подпитывает эту специфическую гуманитарную науку, прививает у людей к ней любовь и уважение.

В Беларуси не всегда складывались благоприятные условия для развития философии. Тем не менее она существует, и один из наиболее значимых этапов ее становления припадает на XX век хотя бы потому, что она впервые за эти годы обрела институционализированную форму в виде Института философии Национальной академии наук Беларуси. А еще до того в Белорусском государственном университете были сформированы философские кафедры, в послевоенные годы открыто отделение философии, наконец, создан факультет философии и социальных наук, где ведется подготовка национальных философских кадров.

Как и другие научные дисциплины, философия является результатом коллективного мышления. Но не в меньшей степени она предстает и как результат индивидуального теоретического мышления. В конечном счете из индивидуальных устремлений и складывается общая результирующая в виде соответствующего пласта национальной культуры. Но чтобы такая результирующая выстроилась в виде философского направления, а тем более школы, нужны лидеры, способные взять на себя инициативу определения перспективного вектора научных поисков, выдвижения новых идей, координации мыслительной деятельности коллектива.

Организаторов философской науки в Беларуси не так много. В 1920–1930-е годы им был Семен Яковлевич Вольфсон, автор первого в СССР учебника по философии и первый директор Института философии АН БССР, в 1940–1960-е годы – академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР Казимир Павло-

вич Буслов и заведующие философских кафедр Белорусского государственного университета Василий Иванович Степанов и Иван Николаевич Лущицкий.

О Василии Ивановиче Степанове стоит сказать особо. Выходец из России, выпускник аспирантуры Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, он с 1948 г. и до конца своей жизни возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма Белорусского государственного университета, подготовил первую послевоенную «волну» известных белорусских философов, среди которых был и Дмитрий Иванович Широканов.

Именно Дмитрий Иванович продолжил ту философскую линию, которую отстаивал и утверждал в своих учениках В. И. Степанов, – умение диалектически мыслить, смотреть на окружающий мир как на мир, обладающий внутренними противоречиями и развивающийся по диалектическим законам.

Ядро философии – диалектика. Понять законы диалектики – означает вырабатывать у себя способность понимать многогранный мир во всех его взаимосвязях и взаимозависимостях. Но постичь сущность законов диалектики не представляется возможным без постижения природы и диалектического характера самих философских категорий – тех предельно общих понятий, которые-то и позволяют воспроизвести в человеческой мысли весь богатый, сложный и такой изменчивый мир, окружающий человека. В одиночку В. И. Степанов решить эти проблемы не мог. К тому же и специфика вузовской работы не позволяла ему это сделать. Но он сориентировал на их решение своих аспирантов и коллег, прежде всего тех, кто работал в Академии наук. Ведь только академическая система позволяла научному сотруднику, не обремененному педагогической практикой, полностью посвятить себя научно-исследовательской работе. В 1959 г. под научной редакцией Г. Ф. Александрова и В. И. Степанова в Москве была издана монография «О “Философских тетрадах” В. И. Ленина», подготовленная белорусскими философами. Данная монография, среди авторов которой был и Дмитрий Иванович Широканов, явилась важной вехой в развитии белорусской, и советской в целом, философской мысли. Она послужила мощным импульсом для преодоления метафизических установок, имевших место в отечественной философской науке той эпохи, поспособствовала разработке проблем диалектики в других научно-исследовательских центрах СССР. Думается, поворот многих исследователей от гносеологии и классической логики к диалектической логике в какой-то степени был «спровоцирован» выходом в свет именно этой книги – первой в СССР монографии, посвященной «Философским тетрадам» В. И. Ленина, центральное место в которой заняли проблемы диалектики.

Не без напутствия В. И. Степанова Дмитрий Иванович отдал не один год своей научной деятельности исследованию природы, сущности и диалектической взаимосвязи философских категорий, их роли в истории и теории научного познания. Ведь и первый его научный успех – выполненная под руководством В. И. Степанова студенческая научная работа, занявшая первое место на Всесоюзном конкурсе студенческих работ в 1951 г., была непосредственно

связана с проблемами мышления. Кандидатская диссертация Дмитрия Ивановича, опять же выполненная под научным руководством В. И. Степанова, посвящена исследованию важнейших философских категорий – необходимости и случайности. В дальнейшем эта проблематика была значительно расширена за счет выявления специфики функционирования закона необходимости и случайности в генетике. Полученные научные результаты опубликованы в монографии «Диалектика необходимости и случайности» (Минск, 1960), разделе «Диалектика необходимости и случайности в современной генетике» коллективной монографии «Роль категорий диалектики в изучении биологических явлений» (Минск, 1967). В целом же исследование философских категорий обрело системный характер, вылившийся в фундаментальный труд «Взаимосвязь категорий диалектики» (Минск, 1969), ставший основой докторской диссертации, успешно защищенной в 1972 г.

Дмитрий Иванович известен в Беларуси и далеко за ее пределами не только как крупный исследователь, занимающийся разработкой фундаментальных проблем диалектики, логики и теории познания, но и как талантливый организатор академического научного коллектива, создатель белорусской философской школы в области логики и методологии научного познания, а также философских вопросов естествознания. Свыше 40 лет ученый возглавлял сектор диалектического материализма и философских вопросов естествознания, один из ведущих секторов (впоследствии отдел) академического Института философии, в котором были собраны в единый творческий коллектив способные молодые исследователи, ставшие затем кандидатами и докторами философских наук. Под руководством Дмитрия Ивановича в этом секторе выполнены и опубликованы монографические исследования «Проблема уровней и систем в научном познании» (Минск, 1970), «Диалектическая концепция понятия» (Минск, 1982), «Детерминизм: системы, развитие» (Минск, 1985), «Стереотипы и динамика мышления» (Минск, 1993) и другие, получившие признание среди ученых. Важное место в научных исследованиях сектора заняли теоретические изыскания, связанные с философским осмыслением естественнонаучной проблематики – актуальных вопросов физики, биологии, химии, математики. Как известно, философское осмысление новейших открытий в области естествознания стало одним из направлений научной деятельности ученых Академии наук еще в довоенный период, в 1930-е годы. Но это был первоначальный этап, в системном виде оно стало проводиться лишь в 1960-е годы и именно в секторе, возглавляемом Дмитрием Ивановичем.

Следует сказать о большом вкладе Дмитрия Ивановича в подготовку высококвалифицированных кадров. Многие бывшие сотрудники возглавляемого им структурного подразделения и аспиранты, прошедшие серьезную научную школу и овладевшие профессиональной философской культурой, до сих пор плодотворно трудятся на педагогическом поприще, руководят философскими кафедрами ведущих белорусских вузов.

Много сил организации и сохранению академической философии отдал Дмитрий Иванович, находясь на посту директора Института философии в 1989–1994 гг. Это был период серьезных испытаний для белорусской философии: с одной стороны, происходил пересмотр мировоззренческих установок, с другой – значительное сокращение бюджетного финансирования науки в целом, доведение до минимума штатного расписания научно-исследовательских учреждений. Из-за финансовых трудностей институт вынуждены были оставить не только достигшие пенсионного возраста известные специалисты, отдавшие науке многие десятилетия, но и молодые перспективные исследователи. Но и в этих непростых условиях Дмитрий Иванович защищал философию, отстаивал академический институт. Отстоял он институт и позже – уже в 2010-е годы, когда неоднократно на самом высоком уровне ставился вопрос о его реорганизации, а вернее, о его ликвидации как самостоятельного научно-исследовательского учреждения в системе Национальной академии наук Беларуси.

Мировоззренческая позиция Дмитрия Ивановича, которая сформировалась еще в юности, оставалась непоколебимой – рациональное мышление, диалектика, сложившиеся на протяжении многих веков традиции классического философствования. «Мир, – утверждает ученый, – неисчерпаем в бытии и познании, неисчерпаем в своем развитии, которое охватывает первое и второе. Человек как субъект познания и деятельности исторически ограничен в своих достижениях и возможностях, в средствах и формах познания. Противоречие между неисчерпаемостью и ограниченностью в человеческом познании и деятельности разрешается в развитии человека, его сознания и мышления, в динамике их изменения» (Стереотипы и динамика мышления. Минск, 1993. С. 8).

Очень многие современные философы (и не только они) твердят о том, что методологические и идеологические установки советской эпохи тормозили развитие философской мысли, вели ее к догматизму и консерватизму. Но это не так. Фундаментальные труды Дмитрия Ивановича, проникнутые духом диалектики, опровергают подобные утверждения. Сама природа философии не позволяет человеку, ею овладевшим, стоять на позиции догматизма. Речь, конечно, идет о философах-профессионалах. Главный учитель в области философии – сама жизнь. Да и философские тексты, несмотря на их разнообразие, заставляют нас овладевать методами постижения мира. Остальное зависит от нас самих – хотим мы этот мир, порой нелицеприятный, постичь или же желаем ограничиться иллюзией. Главный же инструмент познания мира и самого человека – система понятийно-категориального аппарата и философские методы. Именно в их разработку внес огромный вклад Дмитрий Иванович Широканов.

*Т. И. Адуло, заведующий центром социально-философских
и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор*

ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА КАК ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ БЫТИЯ

(К 80-летию В. А. Салеева)

Современную белорусскую эстетику, как и отечественное философское сообщество невозможно представить без яркой и творческой личности Вадима Алексеевича Салеева, заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь, доктора философских наук, профессора, одного из ведущих специалистов СНГ в области эстетики и культурологии.

Одному из авторов этой статьи, А. Л. Куишу, вспоминается солнечный весенний Мозырь, командировка в этот город от Республиканского института высшей школы при Белорусском государственном университете, студенческое общежитие Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина

и лучезарная улыбка известного эстетика, по его словам, сбежавшего с собственного 70-летнего юбилея. Юбиляр принимал в университете выпускные государственные экзамены. Автор читал курсы повышения квалификации, и его новым знакомым оказался человек необычайной судьбы, родившийся в Ленинграде, прошедший свое становление в солнечной Абхазии, защищавшийся в Москве, но отдавший большую часть своей жизни Беларуси, став ее истинным патриотом.

Вадим Алексеевич Салеев родился 27 мая 1939 г. В 1962 г. закончил филологический факультет Белорусского государственного университета, в 1970 г. – аспирантуру философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где впоследствии защитил диссертации: кандидатскую по теме «К вопросу формирования художественной оценки» (1972) и докторскую – «Аксиологические основания национальной художественной культуры» (1992).

Научная деятельность В. А. Салеева давно и постоянно связана с Национальным институтом образования Республики Беларусь. Он работает также главным научным сотрудником научно-исследовательского отдела Белорусской государственной академии искусств. Ученый глубоко и системно исследует проблемы эстетики и аксиологии. Значительный вклад в гуманитарную науку связан с разработанной Вадимом Алексеевичем концепцией неоаксиоло-

гии, являющейся, по выражению ученого, «мостом между бытием и познанием». И в этом смысле значима идея мыслителя о том, что неоаксиология не только выявляет глубинные связи человека с миром, но и осуществляет «обратную связь» между бытием и познавательными процессами в человеческой жизнедеятельности.

В. А. Салеев исследует проблемы коррекции категориальной системы эстетики. Он пришел к мысли о том, что существует необходимость разработки метакатегорий этой науки – эстетического и художественного, субъектных категорий. Вадим Алексеевич полагает возможным выдвижение художественных категорий – художественный образ, стиль, восприятие и т. д. – в качестве отдельной категориальной системы.

Труды ученого представляют широкий спектр актуальных проблем современной философии и эстетики, искусства, культуры и образования. Результаты его исследований нашли отражение в более чем 350 работах. Среди них следует выделить такие, как «О художественном вкусе» (1975), «Искусство и его оценка» (1977), «Современная эстетика Белоруссии» (1979), «Национальное самосознание и художественная культура» (1990), «Язык в национальной культуре» (1992), «Этнопедagogика и эстетическое развитие личности» (1994), «Искусство. Искусство и современность» (2006), «Основы эстетики» (2008), «Нарысы тэорыі беларускага тэатра» (2014), «Проблемы теории искусства» (2016) и др.

Множество работ Вадима Алексеевича посвящено художественной критике (автор более чем 500 статей в периодической печати). Он всегда активно занимался редакторской деятельностью. В настоящее время он является главным редактором научно-методического журнала «Артэфакт» (с 2013), который является площадкой для профессионального обсуждения современных культурных событий и диалога специалистов по актуальным проблемам искусствоведения, культуры, философии, а также отражает вопросы подготовки представителей творческих профессий.

Особого внимания заслуживает педагогическая деятельность юбиляра, которая насчитывает уже 45 лет. Начинал он ее еще в Белорусском политехническом институте (в настоящее время Белорусский национальный технический университет), где читал лекции по философии и эстетике. Продолжает В. А. Салеев свою педагогическую деятельность и в настоящее время, работая с аспирантами, преподавая в Белорусской государственной академии искусств. Его ценят и любят студенты. О стиле своего преподавания Вадим Алексеевич говорит так: «Я неформал в академической науке, потому что могу эссеистически отклоняться там, где должно быть логичное и сухое изложение. Неформал по своему восприятию мира, потому что индивидуально воспринимаю некоторые явления жизни, а особенно искусства. Я, возможно, неформал в своих жестах и выражениях, которые задевают многих людей. Безусловно, если преподавателю в нос или ухо всунуть кольцо, студенты удивятся, но я считаю,

что это порочная практика. Самое главное, чтобы студенты не были падки на внешнее, а до глубины доходили. Это трудно...»

Следует отметить одну из главных отличительных черт личности философа – это человек с глубоким, самостоятельным, выверенным, основанным на фундаментальном познании мира и богатой практике жизни мышлением. Его выводы могут отличаться от общепризнанных истин и зачастую опережают время. Они всегда оригинальны и, как правило, верны. Глубина, погружение в смысл, постижение сути определяют творческий, личностный, научный успех выдающегося эстетика.

Творческая натура В. А. Салеева неразрывно связана с искусством. Его перу принадлежат стихи в стиле хокку (хайку) – образцы поистине высокой философской поэзии, а также прозаические творения. Литературный псевдоним профессора – Вадим Яр, под которым опубликованы книги поэзии «Ты вечна, красота» (2001), «Силуэты Минска» (2017), сборники рассказов «Три минуты» (2014), «Два лучика света» (2015), поэтические подборки и отдельные произведения в периодических изданиях. «Мы во многом несовершенны, но нам дарована способность творить. И надо стараться использовать этот Божественный дар во благо и сделать нашу жизнь лучше, воплощая в ней будущее и перетягивая из него в настоящее все светлое, что сможем сотворить», – отмечает Вадим Алексеевич.

Заслуги ученого были высоко оценены научным и литературным сообществом, государством. Он является лауреатом премии Союза литературно-художественных критиков за работы в области культурологии (1999), лауреатом Международной литературной премии имени Симеона Полоцкого (2017), награжден медалью Франциска Скорины (2019).

Хотя и не принято в подобных официальных юбилейных статьях писать о личной жизни ученых, однако хотелось бы коснуться и этой темы. Необыкновенная лирика, романтика и искренняя любовь – так можно описать удивительную личную и семейную жизнь В. А. Салеева. У него четверо сыновей, как он говорит «младшие и старшие». «Дом – это не стены, а человек, который рядом... Разумное послушание жены рождает в муже ответственность. А это качество номер один для мужчины. Абсолютная ответственность за свою женщину – материальная, моральная. Если ее нет, это не отношения, это потребительство», – отмечает Вадим Алексеевич. Как говорит его жена: «...со временем я осознала: у меня гораздо большее – благодарный и любящий муж. Он все видит, понимает и уже старается больше дать, нежели взять».

Наш юбиляр всегда активно занимался общественной деятельностью. Он член пяти общественных академий (в том числе Белорусской академии архитектуры и Петровской академии наук и искусств в Санкт-Петербурге), четырех творческих союзов, Совета Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», вице-президент Белорусской эстетической ассоциации. Вадим Алексеевич стоял

у истоков создания Белорусского философского общества, действующим членом Президиума которого он является.

Яркий, активный, неординарный, творческий человек, В. А. Салеев вызывает уважение своим искренним отношением к своей стране и семье, к науке и искусству.

Сотрудники Института философии Национальной академии наук Беларуси сердечно поздравляют замечательного философа, ученого, педагога, литератора, общественного деятеля со знаменательным юбилеем и желают ему долгих лет жизни, крепкого здоровья, творческого долголетия, новых достижений в области гуманитарного знания и искусства.

*А. Л. Куиш, старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси;*

*Н. А. Никонович, старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Адуло Тадеуш Иванович**, доктор философских наук, профессор, заведующий Центром, Институт философии НАН Беларуси;
- **Бабосов Евгений Михайлович**, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, Институт социологии НАН Беларуси;
- **Белокрылова Вера Анатольевна**, кандидат философских наук, заведующий Центром, Институт философии НАН Беларуси;
- **Ермаков Евгений Сергеевич**, магистрант, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины;
- **Зубко Марина Васильевна**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет;
- **Игнатов Владимир Константинович**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, ivk110857@gmail.com;
- **Каракo Петр Семенович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет;
- **Карасевич Антон Олегович**, младший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Кикель Павел Васильевич**, доктор философских наук, профессор, Республиканский институт высшей школы;
- **Киселев Игорь Емельянович**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет;
- **Колесников Андрей Витальевич**, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Колядко Илья Николаевич**, магистр философских наук, преподаватель, Белорусский государственный университет;
- **Кудако Антон Александрович**, аспирант, Белорусский государственный университет;
- **Куиш Александр Леонтьевич**, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, alkuish@mail.ru;
- **Лазаревич Анатолий Аркадьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, a.a.lazarevich@gmail.com;
- **Лукашевич Владимир Константинович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Максимович Валерий Александрович**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, valery.maximovich@gmail.com;
- **Мацевич-Духан Ирина Янушевна**, кандидат философских наук, доцент, докторант, Институт философии НАН Беларуси;

Сведения об авторах

- **Мушинский Николай Иосифович**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский национальный технический университет;
- **Никонович Наталья Анатольевна**, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Павловец Алексей Дмитриевич**, старший преподаватель, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины;
- **Павловская Ольга Александровна**, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Павлюкевич Вадим Иосифович**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Петровский Петр Сергеевич**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Прись Игорь Евгеньевич**, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Пунченко Наталья Олеговна**, кандидат технических наук, доцент, Одесская государственная академия технического регулирования и качества (Украина);
- **Пунченко Олег Петрович**, доктор философских наук, профессор, Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (Украина), kaphedra.philos@onat.edu.ua;
- **Санько Сергей Иванович**, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, siarhey.sanko@gmail.com;
- **Сивицкий Арсений Владимирович**, магистр философских наук, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Скиба Иван Рауфович**, магистр педагогических наук, аспирант, Институт философии НАН Беларуси;
- **Сороко Эдуард Максимович**, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Спасков Александр Николаевич**, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром, Институт философии НАН Беларуси, a.spaskov@gmail.com;
- **Старжинский Валерий Павлович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский национальный технический университет;
- **Хомченко Анна Александровна**, младший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Щукин Александр Валерьевич**, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Chandrankunnel Mathew**, Prof., Ph.D., Director of Ecumenical Christian Centre, Whitefield, Bangalore, chandrankunnel@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

**Редакционная коллегия приглашает авторов к публикации
в ежегодном сборнике научных трудов
Института философии НАН Беларуси «Философские исследования»**

Тематические приоритеты (рубрики):

- Проблемы онтологии и теории познания
- Философия истории
- Философские проблемы социальной динамики
- Философско-антропологические исследования
- Философско-методологические проблемы науки и техники
- Философия культуры
- Историко-философские исследования

Требования к оформлению работ

Объем печатного материала должен составлять от 0,4 до 0,8 авт. л. (или 16 000–32 000 знаков с пробелами). Текст предоставляется в формате Word for Windows, шрифт Times New Roman, кегль 14, абзацный отступ 1,0, выравнивание по ширине, все поля – 2 см, межстрочный интервал одинарный, страницы не нумеруются.

Следуя через один интервал, в статье помещаются следующие элементы ее структуры:

- УДК в верхнем левом углу;
- посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора;
- посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна;
- посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи (не более двух строк);
- резюме на русском языке;
- ключевые слова на русском языке;
- посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора по-английски;
- посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна по-английски;
- посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи по-английски;

резюме по-английски;

ключевые слова по-английски;

основной текст, ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках: номер источника, номер страницы (например, [10, с. 795]); нумерация источников – в порядке цитирования или в алфавитном;

посередине строки жирным шрифтом – название «Список использованных источников»;

список использованных источников, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008/СТБ 7.208-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Рисунки к статье предоставляются в формате jpg или tiff.

В конце статьи приводятся данные автора на русском и английском языке: полностью фамилия, имя и отчество; ученая степень, звание, должность, место работы, телефон для контактов, адрес почтовый и электронный.

К статье прилагается рецензия, заверенная учреждением рецензента.

Срок подачи статей в 7-й выпуск сборника **до 31 января 2020 года**.

Если основной материал представляемой в редакцию статьи ранее был опубликован, то ссылка на эту публикацию обязательна. Для работ магистрантов и аспирантов требуется рекомендация научного руководителя.

Редколлегия вправе отклонять материалы, не соответствующие тематике сборника, требованиям к научному уровню, объему, оформлению и корректуре.

Статьи, оформленные согласно указанным требованиям, в распечатанном виде принимаются по адресу: 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, Институт философии НАН Беларуси, комн. 803 и одновременно направляются в электронном виде на e-mail: journal@philosophy.by с названием файла, имеющего следующую структуру: Фамилия ИО_Название статьи.

Справки по телефону: 8-017 284 29 25.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 6

Редактор *И. А. Старостина*

Художественный редактор *Д. А. Комлев*

Техническое редактирование *О. А. Толстой*

Компьютерная верстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 12.09.2019. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 32,7. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 120 экз. Заказ 210.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.